

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

■ Главный редактор

Комлева Евгения Владиславовна
доктор исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

■ Заместитель главного редактора

Туманик Екатерина Николаевна
кандидат исторических наук
Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН, Новосибирск, Россия

■ Ответственный секретарь

Введенский Владимир Викторович
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

■ Редакторы и ответственные секретари выпусков

Аблажей Наталья Николаевна
доктор исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
выпускающий редактор

Ананьев Денис Анатольевич
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
выпускающий редактор

Дашинамжилов Одон Борисович
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

Журавлёв Вадим Викторович
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
выпускающий редактор

Кириллов Алексей Константинович
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

Лапердин Вячеслав Борисович
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

Петров Станислав Геннадьевич
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
выпускающий редактор

Потапова Наталья Анатольевна
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

Резникова Мария Александровна
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

Романов Роман Евгеньевич
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

Савин Андрей Иванович
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
выпускающий редактор

Семёнов Михаил Александрович
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

Чернова Ирина Сергеевна
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

■ Члены редакционной коллегии

Блаховска Катажина
профессор
Институт истории Варшавского университета,
Варшава, Польша

Гагкуев Руслан Григорьевич
доктор исторических наук
Институт истории РАН, Москва, Россия

Дай Цзяньбин
доктор исторических наук, профессор
Хэбэйский педагогический университет,
Шицзячжуан, Китай

Данилович Вячеслав Викторович
кандидат исторических наук
Институт истории НАН Беларуси,
Минск, Беларусь

Дацьшен Владимир Григорьевич
доктор исторических наук, профессор
Сибирский Федеральный университет,
Красноярск, Россия

Ильинных Владимир Андреевич
доктор исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

Исупов Владимир Анатольевич
доктор исторических наук
Ленинградский государственный университет
им. А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия

Кабульдинов Зиябек Ернуханович
доктор исторических наук, профессор
Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова,
Алматы, Казахстан

■ Члены редакционной
коллегии

Катионов Олег Николаевич
доктор исторических наук, профессор
Институт истории, гуманитарного и социального
образования, Новосибирский педагогический
университет, Новосибирск, Россия

Коцонис Янни
профессор
Нью-Йоркский университет, Нью-Йорк, США

Куперштох Наталья Александровна
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

Манчестер Лори
профессор
Университет штата Аризона, США

Плеханова Анна Максимовна
доктор исторических наук
Институт монголоведения, буддологии
и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия

Побережников Игорь Васильевич
доктор исторических наук
Институт истории и археологии УрО РАН,
Екатеринбург, Россия

Разгон Виктор Николаевич
доктор исторических наук, профессор
Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия

Рольф Мальте
доктор исторических наук, профессор
Ольденбургский университет
имени Карла фон Осецко, Германия

Сабурова Татьяна Анатольевна
доктор исторических наук
Омский государственный педагогический
университет, Омск, Россия

Урбански Сёрен
кандидат исторических наук
Германский исторический институт,
Вашингтон, США

Шелегина Ольга Николаевна
доктор исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

Шиловский Михаил Викторович
доктор исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

Щеглова Татьяна Кирилловна
доктор исторических наук, профессор
Алтайский государственный педагогический
университет, Барнаул, Россия

Выпускающие редакторы доктор исторических наук С.А. Красильников
доктор исторических наук Н.Н. Аблажей
доктор исторических наук Д.Н. Гергилёв
Ответственный секретарь кандидат исторических наук Н.А. Потапова
Корректор Т.В. Соболева
Верстальщик В.В. Введенский
Интернет-верстальщик К.А. Васильев

СОДЕРЖАНИЕ

От редакторов	7–8
From the Editors	9–10

■ **Исследования отечественных научно-образовательных институтов**

<i>И.А. Дунбинский.</i> Разработка Устава Императорского Томского университета: генезис особенностей первого в азиатской части России высшего учебного заведения	11–24
<i>В.Н. Казарин.</i> Роль культуры в послереволюционной Сибири: основные проблемы в журнальной периодике первой половины 1920-х годов	25–34
<i>А.И. Савин.</i> Общеобразовательная школа в РСФСР в 1930-е годы: от эксперимента «политехнизации» к традиционным формам обучения	35–48
<i>Я.В. Анохина.</i> Становление и развитие первого новосибирского технического института в контексте вузовских реформ 1930-х годов	49–60
<i>В.П. Корзун.</i> Вглядываясь в витрину: 220-летний юбилей АН СССР глазами иностранных ученых	61–71
<i>Л.В. Белгородская, А.В. Леона.</i> Советское историческое сообщество в контексте образования и политических реалий позднесталинской эпохи: потенциал эго-документов и визуальных источников	72–84
<i>А.С. Кузьменко.</i> Создание Института леса и древесины СО АН СССР в Красноярске и становление сибирского лесоведения в 1958–1970-е годы	85–95
<i>Н.С. Филиппов.</i> Третья сессия объединенного советско-китайского ученого совета по проблеме бассейна реки Амур и формирование концепции единой транспортной сети Юга Дальнего Востока	96–105
<i>М.С. Саламатова.</i> Трансформация научных подходов в новейшей отечественной историографии к изучению становления советской избирательной системы	106–135
<i>Е.Г. Водичев.</i> Национальные исследовательские университеты в Сибири: глобальные матрицы, историческое наследие и современные практики	136–153
<i>В.А. Выборнова.</i> «Система Физтеха»: стратегии реализации в Московском физико-техническом институте и Новосибирском государственном университете	154–163
<i>И.С. Кузнецов.</i> Значение преемственности в преподавании и исследовании отечественной истории в Новосибирском государственном университете (1960-е – первая четверть XXI века)	164–186

■ **Историки об ученых**

- Г.П. Аксенов.* «Братство» В.И. Вернадского в земском движении 187–199
- А.Л. Посадсков.* Историк-сибиревед Н.Н. Козьмин (1872–1938): эпоха и судьба (дореволюционный период творчества) 200–219
- А.И. Свирипов.* Роль Н.Я. Новомбергского в организации учета и планирования научно-исследовательской деятельности в Сибирском крае в 1926–1928 годах 220–232
- И.А. Крайнева.* Академик Андрей Ершов: «От компьютерной грамотности учащихся к информационной культуре общества» 233–249

■ **Открытые архивы**

- Н.Н. Аблажей, А.М. Аблажей.* «Органы пролетарской власти должны иметь полный и безусловный контроль над всем, что делается в стенах высшей школы»: борьба за автономию вузов в 1921–1922 годах 250–267
- А.Н. Конин.* «...Эти господа, действуя в контрреволюционных целях, использовали свое высокое положение советских ученых деятелей»: из выступления А.Я. Вышинского 7 декабря 1930 г. в Наркомпросе об итогах судебного процесса «Промпартии» 268–290

■ **Мир книги**

- Е.В. Семенов.* Успешный опыт интеграции науки и образования. Рецензия на монографию: Выборнова В.А., Федорук М.П. Новосибирский государственный университет. Первое десятилетие (1959–1968) 291–301

■ **Ad Memoriam. Варлен Львович Соскин (1925–2021)**

- С.А. Красильников.* От общей истории культуры к социальной истории науки: В.Л. Соскин – исследователь, организатор, наставник 302–323
- Н.А. Куперштох.* Изучение проблем истории науки и образования в научной школе профессора В.Л. Соскина 324–340
- В.Г. Рыженко, О.В. Петренко.* В.Л. Соскин и омские историки: к проблеме расширения влияния новосибирской научной школы социальных культурологов в интеллектуальном пространстве региона 341–355
- А.С. Метельков, И.В. Лизунова.* Александр Леонидович Посадсков и сибирская школа книговедения 356–364
- Варлен Львович Соскин: документы и материалы 365–425

СОДЕРЖАНИЕ

От редакторов	7–8
From the Editors	9–10

■ **Исследования отечественных научно-образовательных институтов**

<i>И.А. Дунбинский.</i> Разработка Устава Императорского Томского университета: генезис особенностей первого в азиатской части России высшего учебного заведения	11–24
<i>В.Н. Казарин.</i> Роль культуры в послереволюционной Сибири: основные проблемы в журнальной периодике первой половины 1920-х годов	25–34
<i>А.И. Савин.</i> Общеобразовательная школа в РСФСР в 1930-е годы: от эксперимента «политехнизации» к традиционным формам обучения	35–48
<i>Я.В. Анохина.</i> Становление и развитие первого новосибирского технического института в контексте вузовских реформ 1930-х годов	49–60
<i>В.П. Корзун.</i> Вглядываясь в витрину: 220-летний юбилей АН СССР глазами иностранных ученых	61–71
<i>Л.В. Белгородская, А.В. Леона.</i> Советское историческое сообщество в контексте образования и политических реалий позднесталинской эпохи: потенциал эго-документов и визуальных источников	72–84
<i>А.С. Кузьменко.</i> Создание Института леса и древесины СО АН СССР в Красноярске и становление сибирского лесоведения в 1958–1970-е годы	85–95
<i>Н.С. Филиппов.</i> Третья сессия объединенного советско-китайского ученого совета по проблеме бассейна реки Амур и формирование концепции единой транспортной сети Юга Дальнего Востока	96–105
<i>М.С. Саламатова.</i> Трансформация научных подходов в новейшей отечественной историографии к изучению становления советской избирательной системы	106–135
<i>Е.Г. Водичев.</i> Национальные исследовательские университеты в Сибири: глобальные матрицы, историческое наследие и современные практики	136–153
<i>В.А. Выборнова.</i> «Система Физтеха»: стратегии реализации в Московском физико-техническом институте и Новосибирском государственном университете	154–163
<i>И.С. Кузнецов.</i> Значение преемственности в преподавании и исследовании отечественной истории в Новосибирском государственном университете (1960-е – первая четверть XXI века)	164–186

■ **Историки об ученых**

- Г.П. Аксенов.* «Братство» В.И. Вернадского в земском движении 187–199
- А.Л. Посадсков.* Историк-сибиревед Н.Н. Козьмин (1872–1938): эпоха и судьба (дореволюционный период творчества) 200–219
- А.И. Свирипов.* Роль Н.Я. Новомбергского в организации учета и планирования научно-исследовательской деятельности в Сибирском крае в 1926–1928 годах 220–232
- И.А. Крайнева.* Академик Андрей Ершов: «От компьютерной грамотности учащихся к информационной культуре общества» 233–249

■ **Открытые архивы**

- Н.Н. Аблажей, А.М. Аблажей.* «Органы пролетарской власти должны иметь полный и безусловный контроль над всем, что делается в стенах высшей школы»: борьба за автономию вузов в 1921–1922 годах 250–267
- А.Н. Конин.* «...Эти господа, действуя в контрреволюционных целях, использовали свое высокое положение советских ученых деятелей»: из выступления А.Я. Вышинского 7 декабря 1930 г. в Наркомпросе об итогах судебного процесса «Промпартии» 268–290

■ **Мир книги**

- Е.В. Семенов.* Успешный опыт интеграции науки и образования. Рецензия на монографию: Выборнова В.А., Федорук М.П. Новосибирский государственный университет. Первое десятилетие (1959–1968) 291–301

■ **Ad Memoriam. Варлен Львович Соскин (1925–2021)**

- С.А. Красильников.* От общей истории культуры к социальной истории науки: В.Л. Соскин – исследователь, организатор, наставник 302–323
- Н.А. Куперштох.* Изучение проблем истории науки и образования в научной школе профессора В.Л. Соскина 324–340
- В.Г. Рыженко, О.В. Петренко.* В.Л. Соскин и омские историки: к проблеме расширения влияния новосибирской научной школы социальных культурологов в интеллектуальном пространстве региона 341–355
- А.С. Метельков, И.В. Лизунова.* Александр Леонидович Посадсков и сибирская школа книговедения 356–364
- Варлен Львович Соскин: документы и материалы 365–425

2025 · № 1 (39)

Тема номера:

ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ В XX – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XXI ВЕКА: ОПЫТ ТРАНСФОРМАЦИИ

ОТ РЕДАКТОРОВ

Обращение в данном номере журнала к проблематике исторического опыта трансформаций отечественного научно-образовательного потенциала в XX в. вызвано высокой ее востребованностью как самим научным сообществом, нуждающимся в постоянной рефлексии и обновлении ретроспективных экспертных оценок пройденного пути, так и пониманием обществом и институтами власти значимости и важности данной предметной области, фактически базовой в структуре факторов, определяющих реальный экономический, культурный, оборонный потенциал страны с позиций потребностей ее существования и обеспечения устойчивого развития. Именно наука в ее неразрывности с образовательными институтами выступала и выступает фундаментом формирования, накопления и воспроизводства людей и их идей, являющихся качественной составляющей человеческого капитала страны.

В XX век страна вступила с перспективами поступательного наращивания своего научно-технического и образовательного потенциала, прерываемого затем на следующие полвека экстремальными периодами мировых войн и революционных потрясений, в ходе которых происходило не только накопление и применение интеллектуального труда, но в определенные моменты и его растрата и частичное уничтожение его носителей. Далеко не все государственные проекты реформирования сфер науки и образования советского времени оказывались успешными, однако объективные потребности и собственные позитивные тенденции в развитии данных сфер приводили в итоге к отказу власти от тех или иных деструктивных решений. Смена состояний выживания, восстановления и последующего развития социальных институтов науки и образования в XX в. свидетельствует об их ценности и непреходящем значении для нашей страны.

Предлагаемые вниманию читателя статьи объединены в данном номере журнала в следующие тематические разделы: «Исследования отечественных научно-образовательных институтов», «Историки об ученых», «Открытые архивы», «Мир книги», «Ad Memoriam. Варлен Львович Соскин (1925–2021)».

Первый из названных разделов открывает статья, посвященная Императорскому Томскому университету. На основании архивной документации автор реконструирует процесс создания университетского устава, а также исследуются причины его уникальности, из-за чего первоначально университет имел особый статус в системе высшего образования Российской империи. Предметом анализа других статей раздела являются различные аспекты изучения научно-образовательных институтов, в том числе роль культуры в 1920-х гг., общеобразовательная школа в РСФСР в 1930-е гг., становление и развитие первого технического института в Новосибирске, 220-летний юбилей АН СССР, советское историческое сообщество, создание Института леса СО АН СССР в Красноярске и становление сибирского лесоведения 1958–1970-е гг., третья сессия советско-китайского ученого совета по проблеме бассейна р. Амур, историографический обзор новейшей отечественной литературы о становлении раннесоветской избирательной системы, сравнительные характеристики сибирских (Новосибирского и Томского) национальных исследовательских университетов, границы трансфера модели Московского физико-технического института Новосибирским государственным университетом в первый период его становления

В последней статье раздела «Значение преемственности в преподавании и исследовании отечественной истории в Новосибирском государственном университете (1960-е – первая четверть XXI в.)» рассматриваются источники складывания и дальнейшего пополнения научно-педагогических кадров, обеспечивших непрерывность преподавательской исследовательской деятельности в области отечественной истории на соответствующем отделении

Гуманитарного факультета (ныне – Гуманитарного института) в составе Новосибирского государственного университета за более чем шестидесятилетний период его существования.

В раздел «Историки об ученых» помещены статьи о выдающемся ученом и в то же время активном в позднеимперский период политическом и государственном деятеле академике В.И. Вернадском, о дореволюционном этапе становления известного историка-сибироведа и активного участника областнического движения Н.Н. Козьмина, погибшего в годы Большого террора, о профессоре Н.Я. Новомбергском – одного из идеологов разработки принципов регионального планирования Сибири в 1920-е гг., впоследствии подвергнутого репрессиям, а также академике А.П. Ершове, который активно разрабатывал и осуществлял национальную программу информатизации образования.

В разделе «Открытые архивы» вводятся в научный оборот новые материалы о проведении реформы 1921–1922 гг. в сфере высшего образования, одним из итогов которой стал отказ большевиков от принципа университетской автономии в Советской России. Другое документальное исследование посвящено выступлению А.Я. Вышинского 27 декабря 1930 г. на открытии сессии Государственного ученого совета Наркомпроса об итогах судебного процесса «Промпартии», где обвинению в мифическом «вредительстве» подверглась когорта видных представителей научно-технической интеллигенции страны.

В разделе «Мир книги» представлена рецензия «Успешный опыт интеграции науки и образования» на монографию «Новосибирский государственный университет. Первое десятилетие (1959–1968)», вышедшую в свет в 2024 г. под авторством В.А. Выборновой и М.П. Федорука. В рецензии отмечается, что издание подобного исследования является заметным событием в изучении исторического опыта научно-образовательных трансформаций в советскую эпоху, отразив весьма яркий феномен рождения и становления интеграции науки и образования на востоке страны в новосибирском Академгородке.

Памятный раздел «Ad Memoriam. Варлен Львович Соскин (1925–2021)» посвящен жизни и деятельности видного ученого, исследователя истории отечественной культуры и интеллигенции советской эпохи Варлена Львовича Соскина, 100-летие со дня его рождения отмечается в этом году. Три тематические публикации новосибирских и омских историков раскрывают динамику его творческих поисков, в том числе связанных с поворотным моментом в профессиональной работе ученого, результатом которого стал его переход от изучения общих вопросов истории советской культуры и интеллигенции к разработке проблем социальной истории отечественной науки; в других статьях анализируется деятельность профессора В.Л. Соскина по формированию им с начала 1970-х гг. научной школы с результатами изучения влияния новосибирской научной школы социальных культурологов на региональные исследования истории культуры и интеллигенции Сибири, показана специфика содержания научных контактов В.Л. Соскина с омскими историками. Наряду с исследовательскими статьями в раздел включены документы о его научной деятельности, фотографии, воспоминания о нем.

*Выпускающие редакторы:
доктор исторических наук
Сергей Александрович Красильников
доктор исторических наук
Наталья Николаевна Аблажей,
доктор исторических наук
Денис Николаевич Гергилёв*

2025 · No. 1 (39)

The Theme of the Issue:

SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL POTENTIAL OF THE USSR AND RUSSIA
IN THE TWENTIETH – FIRST QUARTER OF THE XXI CENTURY:
EXPERIENCE OF TRANSFORMATI

FROM THE EDITORS

The focus in this issue of the journal on the historical experience of the transformations of the domestic scientific and educational potential in the 20th century is prompted by its high demand from both the scientific community, which requires constant reflection and updating of retrospective expert assessments of the path traveled, and the understanding by society and state institutions of the significance and importance of this subject area. This area is fundamentally crucial in the structure of factors that determine the actual economic, cultural, and defense potential of the country concerning the needs of its existence and ensuring sustainable development. Science, in its inseparable connection with educational institutions, has been and continues to be the foundation for the formation, accumulation, and reproduction of people and their ideas, which are a qualitative component of the country's human capital.

The country entered the 20th century with prospects for gradual enhancement of its scientific, technological, and educational potential, which was then interrupted for the next fifty years by extreme periods of world wars and revolutionary upheavals. During these times, there was not only the accumulation and application of intellectual labor but also, at certain moments, its waste and partial destruction of its bearers. Not all state projects aimed at reforming the fields of science and education during the Soviet era turned out to be successful. However, the objective needs and positive trends in the development of these spheres ultimately led the authorities to abandon various destructive decisions. The transitions between states of survival, recovery, and subsequent development of social institutions of science and education in the 20th century testify to their value and enduring significance for our country.

The articles presented for the reader's attention in this issue of the journal are divided into the following thematic sections: "Research on Domestic Scientific and Educational Institutions", "Historians on Scientists", "Open Archives", "World of Books", "In Memoriam: Varlen Lvovich Soskin (1925–2021)".

The first of the mentioned sections opens with an article dedicated to the Imperial Tomsk University. Based on archival documentation, the author reconstructs the process of creating the university charter and explores the reasons for its uniqueness, which initially granted the university a special status within the higher education system of the Russian Empire. The subject of analysis in other articles in the section includes various aspects of studying scientific and educational institutions, including the role of culture in the 1920s, the general education school in the RSFSR in the 1930s, the establishment and development of the first technical institute in Novosibirsk, the 220th anniversary of the USSR Academy of Sciences, the Soviet historical community, the creation of the Forest Institute of the Siberian Branch of the Academy of Sciences in Krasnoyarsk and the emergence of Siberian forestry in the 1958–1970s, the third session of the Soviet-Chinese Scientific Council on the Amur River basin issue, a historiographical overview of recent domestic literature on the formation of the early Soviet electoral system, comparative characteristics of Siberian (Novosibirsk and Tomsk) national research universities, and the boundaries of transferring the model of the Moscow Institute of Physics and Technology to Novosibirsk State University during its initial establishment period.

The last article in the section “The Importance of Continuity in Teaching and Researching Domestic History at Novosibirsk State University (1960s – Early 21st Century)” examines the sources of forming and further replenishing the scientific and pedagogical staff that ensured the continuity of teaching and research in the field of domestic history within the relevant department of the Humanities Faculty (now the Humanities Institute) of Novosibirsk State University over more than sixty years of its existence.

The section “Historians on Scientists” includes articles about the outstanding scientist and simultaneously active political and state figure in the late imperial period, Academician V.I. Vernadsky; about the pre-revolutionary stage in the formation of the well-known historian and Siberian researcher N.N. Kozmin, an active participant in the regional movement, who perished during the Great Terror; about Professor N.Ya. Novombergsky, one of the ideologists of developing the principles of regional planning in Siberia in the 1920s, who was later subjected to repressions; and about Academician A.P. Ershov, who actively developed and implemented the national program for the informatization of education.

In the section “Open Archives” new materials concerning the reform of higher education in 1921–1922 are introduced into scientific circulation one of the outcomes of which was the Bolsheviks’ rejection of the principle of university autonomy in Soviet Russia. Another documentary study is dedicated to A.Ya. Vyshinsky’s speech on December 27, 1930, at the opening session of the State Scientific Council of the People’s Commissariat of Education, discussing the outcomes of the trial of the “Prompartiya” during which a group of prominent representatives of the country’s scientific and technical intelligentsia faced accusations of mythical “sabotage”.

The last section provides a review titled “Successful Experience of Integrating Science and Education” which discusses the monograph “Novosibirsk State University: The First Decade (1959–1968)”, authored by V.A. Vybornova and M.P. Fedoruk, set to be published in 2024. The review notes that the publication of such a study marks a significant event in the exploration of the historical experience of scientific and educational transformations during the Soviet era, reflecting the vivid phenomenon of the birth and development of the integration of science and education in the eastern part of the country in the Novosibirsk Academic Town.

The memorial section “Ad Memoriam: Varlen Lvovich Soskin (1925–2021)” is dedicated to the life and work of the prominent scholar and researcher of the history of domestic culture and the intelligentsia during the Soviet era, Varlen Lvovich Soskin, whose centenary is celebrated this year. Three thematic publications by historians from Novosibirsk and Omsk unveil the dynamics of his creative pursuits, including those related to a turning point in the scholar’s professional work, which led to his transition from studying general issues of the history of Soviet culture and the intelligentsia to the development of problems in the social history of domestic science. Other articles analyze Professor V.L. Soskin’s role in establishing a scientific school since the early 1970s, highlighting the influence of the Novosibirsk scientific school of social cultural studies on regional research in the history of culture and the intelligentsia of Siberia. The specifics of V.L. Soskin’s academic interactions with Omsk historians are also illustrated. Alongside research articles, the section includes documents about his scientific activities, photographs, and memories of him.

Executive editors:
Doctor of Historical Sciences
Sergey Alexandrovich Krasilnikov
Doctor of Historical Sciences
Natalia Nikolaevna Ablazhey
Doctor of Historical Sciences
Denis Nikolaevich Gergilev

И.А. Дунбинский*

РАЗРАБОТКА УСТАВА
ИМПЕРАТОРСКОГО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА:
ГЕНЕЗИС ОСОБЕННОСТЕЙ ПЕРВОГО
В АЗИАТСКОЙ ЧАСТИ РОССИИ
ВЫСШЕГО УЧЕБНОГО ЗАВЕДЕНИЯ

doi:10.31518/2618-9100-2025-1-1
УДК 94:727:378.4(571.16)

Выходные данные для цитирования:
Дунбинский И.А. Разработка Устава Императорского Томского университета: генезис особенностей первого в азиатской части России высшего учебного заведения // Исторический курьер. 2025. № 1 (39). С. 11–24.
URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-1-01.pdf>

I.A. Dunbinskiy*

DEVELOPMENT OF THE CHARTER
OF THE IMPERIAL TOMSK UNIVERSITY:
THE GENESIS OF THE FEATURES
OF THE FIRST HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTION
IN THE ASIAN PART OF RUSSIA

doi:10.31518/2618-9100-2025-1-1

How to cite:
Dunbinskiy I.A. Development of the Charter of the Imperial Tomsk University: The Genesis of the Features of the First Higher Educational Institution in the Asian Part of Russia // Historical Courier, 2025, No. 1 (39), pp. 11–24.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-1-01.pdf>]

Abstract. The purpose of this work is to reconstruct the process of creating the university charter of the Imperial Tomsk University on the basis of unique, previously unpublished sources of personal origin, as well as to investigate the reasons for its originality, due to which the Imperial Tomsk University initially had a special status in the higher education system of the Russian Empire. A number of special historical methods were used as the methodological basis of the research, such as comparative historical, historical-systemic, problem-chronological and ideographic methods of cognition. The unique personal archive of V.M. Florinsky, which is currently located in the National Museum of the Republic of Tatarstan, was used as a source base for the study. At the moment, this archive contains, firstly, the annual reports of V.M. Florinsky, I.D. Delyanov on the progress of the construction of the Imperial Tomsk University, in which he not only reported on the construction process of buildings for the future university, but also expressed his proposals on its formation as a full-fledged educational institution. Secondly, these are diary entries, as well as personal correspondence between V.M. Florinsky and high-ranking officials of the Ministry of Public Education, which allow us to reconstruct a personal attitude to ideas about the future originality of the Siberian University. In the course of the research, the author of the article came to the conclusion that, V.M. Florinsky, throughout almost the entire period of construction of the university, was engaged not only in organizing construction works and forming educational and support institutions, but also in developing the Charter of the Siberian University, which was supposed to lay the foundations for future scientific and educational activities of the university. Most of the proposals put forward by V.M. Florinsky were due to the circumstances in which the young Siberian University was built and subsequently had to exist. In this regard, it can be argued that the hypothesis put forward by a number of V.M. Florinsky's researchers that the fundamental task for the Charter of the Siberian University was the search for some kind of spiritual principle is incorrect. The charter of the Siberian University was created in extremely difficult conditions, when even the very opening of the university was in doubt, and its organizer was ready to sacrifice one or more faculties in order to achieve the opening of an

* **Илья Александрович Дунбинский**, кандидат исторических наук, Томский государственный университет, Томск, Россия, e-mail: dunbinskiy@mail.ru

Ilya Alexandrovich Dunbinskiy, Candidate of Historical Sciences, Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, e-mail: dunbinskiy@mail.ru

already built educational complex. Florinsky drafted the Charter of the Siberian University based on the existing conditions and taking into account possible difficulties caused by the geographical location of the university and the low level of development of the region.

Keywords: university charter, university construction, V.M. Florinsky, Siberian University, Imperial Tomsk University.

The article has been received by the editor on 15.08.2024. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Цель данной работы – на основе уникальных ранее не опубликованных источников личного происхождения реконструировать процесс создания университетского устава Императорского Томского университета, а также исследовать причины его своеобразия, благодаря чему изначально Императорский Томский университет имел особый статус в системе высшего образования Российской империи. В качестве методологической базы исследования был использован ряд специальных исторических методов, таких как сравнительно-исторический, историко-системный, проблемно-хронологический и идеографический методы познания. В качестве источниковой базы исследования использован уникальный личный архив В.М. Флоринского, который в настоящее время находится в Национальном музее Республики Татарстан. На данный момент в этом архиве хранятся, во-первых, ежегодные отчеты В.М. Флоринского И.Д. Делянову о ходе строительства Императорского Томского университета, в которых он не только отчитывался о процессе строительства зданий для будущего университета, но и высказывал свои предложения о его формировании как полноценного учебного заведения. Во-вторых, это дневниковые записи, а также личная переписка В.М. Флоринского с высокопоставленными чиновниками Министерства народного просвещения, которые позволяют реконструировать личное отношение к идеям о будущем своеобразии Сибирского университета. В ходе проведенного исследования автор статьи пришел к выводу, что В.М. Флоринский на протяжении практически всего периода строительства университета занимался не только организацией строительных работ и формированием учебно-вспомогательных учреждений, но и разработкой Устава Сибирского университета, который должен был заложить основы будущей научно-образовательной деятельности университета. Большинство выдвинутых предложений В.М. Флоринского были обусловлены обстоятельствами, в которых строился и был вынужден впоследствии существовать молодой Сибирский университет. В связи с этим можно утверждать, что выдвигаемая рядом исследователей В.М. Флоринского гипотеза о том, что фундаментальной задачей для Устава Сибирского университета был поиск некоего духовного начала, является неверной. Устав Сибирского университета создавался в крайне тяжелых условиях, когда даже само открытие университета стояло под сомнением, а его устроитель был готов пожертвовать одним или несколькими факультетами, чтобы добиться открытия уже построенного учебного комплекса. В.М. Флоринский составлял проект Устава Сибирского университета исходя из имеющихся условий и учитывая возможные трудности, обусловленные географическим положением университета и низким уровнем развития региона.

Ключевые слова: университетский устав, строительство университета, В.М. Флоринский, Сибирский университет, Императорский Томский университет.

Статья поступила в редакцию 15.08.2024 г.

Актуальность. В настоящее время существует значительное количество научно-исследовательских работ, посвященных истории создания и учреждения университетских уставов Российской империи (Е.Д. Карманова, А.Н. Артемкин)¹, сравнению между уставами (А.В. Рассохин, Т.В. Ивкина, И.А. Подольская)², выявлению своеобразия их реализации в отдельных университетах (Е.Ю. Жарова)³, а также изучению их влияния на работу отдельных высших учебных заведений (И.С. Караченцев, Л.М. Искра)⁴. С другой стороны, практически не существует статей, посвященных истории разработки устава конкретного университета в силу того, что в большинстве случаев не сохранились документы, раскрывающие этот процесс. В этой связи история создания Императорского Томского университета представляет собой уникальное явление, поскольку имеющиеся документы личного происхождения позволяют не только изучить процесс написания Университетского устава, а также выявить, как принимаемые положения Университетского устава адаптировалась к особенностям создания первого в азиатской части России университета.

Таким образом, цель данной работы – на основе уникальных ранее не опубликованных источников личного происхождения реконструировать процесс создания университетского устава Императорского Томского университета, а также исследовать причины его своеобразия, благодаря чему изначально Императорский Томский университет имел особый статус в системе высшего образования Российской империи.

Методология и источники исследования. В качестве методологической базы исследования был использован ряд специальных исторических методов, которые позволили не только преодолеть локальный замкнутый характер источников, но и разместить изучаемые процессы в рамках проблематики исследования системы высшего образования Российской империи. Так, на основании сравнительно-исторического метода было проведено сравнение истории создания Императорского Томского университета с организацией аналогичных университетов в Российской империи, а также анализ многочисленных отчетов, которые писал В.М. Флоринский (устроитель Императорского Томского университета) для И.Д. Делянова (министр народного просвещения) с дневниковыми записями вышеупомянутого В.М. Флоринского, чтобы выявить процесс зарождения и принятия положений, отличающих Сибирский университет от всех остальных высших учебных заведений.

Историко-системный метод позволил рассмотреть открытие университета в Сибири как целостную систему развития не только высшего образования в Российской империи, но Сибирского региона в частности. Проблемно-хронологический метод позволил расчленивать широкую тему на ряд узких проблем, каждая из которых была рассмотрена в хронологической последовательности. Историко-генетический метод познания позволил рассмотреть процесс принятия Университетского устава как единое взаимосвязанное явление, проследив не только внутренние причинно-следственные связи, но и влияние общегосударственных процессов на него.

В качестве базы источников для исследования был использован уникальный личный архив В.М. Флоринского, который в настоящее время находится в Национальном музее

¹ Карманова Е.Д. Университетский устав 1884 г. как исторический источник // Молодой ученый. 2017. № 16 (150). С. 375–377; Артемкин А.Н. Дискуссия о новом Университетском уставе в начале XX века в России: актуальные идеи и проекты // Философия политики и права. 2018. № 9. С. 41–60.

² Рассохин А.В. О системе юридического образования в России (на основе анализа университетских уставов 1835, 1863 и 1884 гг.) // Право и образование. 2004. № 4. С. 111–120; Ивкина Т.В., Подольская И.А. Система подготовки научно-педагогических кадров в России по университетским уставам 1863 и 1884 годов // Научный вестник Уральской академии государственной службы: политология, экономика, социология, право. 2009. № 2 (7). С. 108–111.

³ Жарова Е.Ю. Устав Дерптского университета 1820 года в контексте университетской политики второй половины царствования Александра I // Alma mater (Вестник высшей школы). 2012. № 9. С. 95–99.

⁴ Караченцев И.С. Университетские уставы как законодательная основа музейного дела в Российских университетах (XIX – начало XX в.) // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2021. № 41. С. 234–239; Искра Л.М. Московский университет и университетские уставы 1863 и 1884 гг. // 250 лет Московскому государственному университету им. М.В. Ломоносова: мат-лы науч.-методол. конф. Воронеж, 2004. С. 12–14.

Республики Татарстан. На данный момент в этом архиве хранятся, во-первых, ежегодные отчеты В.М. Флоринского И.Д. Делянову о ходе строительства Императорского Томского университета, в которых он не только отчитывался о процессе строительства зданий для будущего университета, но и высказывал свои предложения о создании Университетского устава. Во-вторых, это дневниковые записи, а также личная переписка В.М. Флоринского с высокопоставленными чиновниками Министерства народного просвещения, которые позволяют реконструировать личное отношение к проектам Университетского устава Сибирского университета.

Особенности Университетского устава 1863 г. В ходе проводившихся в России в 1860-е гг. преобразований проблемы развития университетов занимали не последнее место. Реформы Александра II нуждались в резком увеличении числа образованных людей, в серьезных переменах в сфере народного просвещения. Неслучайно поэтому актуализировался вопрос о существенных изменениях в университетах, требовавших разработки нового университетского устава. И в официальных документах правительства, и в выступлениях профессоров в печати отмечались основные проблемы, требовавшие решения. Они сводились к расширению университетской автономии, свободе преподавания, увеличению прав профессорской коллегии, улучшению материальной базы, повышению заработной платы преподавателей и т.д.⁵

Устав 1863 г. состоял из 12 глав, в которых подробно перечислялись права университетов в целом, факультетов, преподавательской и студенческих корпораций. Регламентировался также и состав факультетов, которые должны входить в университет. Так, в составе университета желательно было иметь историко-филологический, физико-математический, юридический и медицинский факультеты. Тем не менее в зависимости от обстоятельств количество факультетов могло быть меньше⁶.

Кроме того, университеты получили достаточно широкую автономию, права попечителей были урезаны, они не должны были вмешиваться в повседневную жизнь университетов. Кроме того, были расширены права Совета университета, ректора, избираемого Советом на 4 года из университетских профессоров и утверждаемого императором, факультетских собраний, восстановлен университетский суд, который избирался Советом из трех профессоров и трех кандидатов, причем один профессор и один кандидат обязательно должны были быть с юридического факультета. Университеты получили очень важное право утверждать в ученых степенях. Кроме того, в университетах была кафедра богословия и по четыре лектора для преподавания итальянского, французского, немецкого и английского языков⁷.

Для наблюдения за студентами Совет избирал из своей среды проректора или инспектора из чиновников, в помощь им назначались субинспектора и секретарь по студенческим делам. Принимали в университет с 17 лет, без вступительных экзаменов для окончивших успешно гимназию. Студент подписывал обязательство о соблюдении университетских правил, отменялось ношение формы, вне стен университета студент становился подвластен полиции. Не допускалось создание студенческих организаций. Переход студента с курса на курс был возможен только через испытания, окончившие университет с хорошими оценками и представившие диссертации получали степень кандидата, а окончившие удовлетворительно и не представившие диссертации удостоивались звания действительного студента. Была ликвидирована категория казеннокоштных студентов и вводились стипендии для нуждавшихся, за лекции взималась плата, устанавливавшаяся университетами (в среднем 40–50 руб. в год)⁸.

⁵ Голованова В.Ф. Правовые аспекты Университетского устава 1863 года // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2016. № 1. С. 126.

⁶ Общий устав и временный штат императорских российских университетов, а также расписание должностей и окладов содержания по инспекции в университетах. СПб., 1884.

⁷ Там же.

⁸ Голованова В.Ф. Правовые аспекты Университетского устава 1863 года... С. 127.

В 1875 г. был поднят вопрос о пересмотре Университетского устава 1863 г. В связи с этим была создана Особая комиссия для ознакомления с учебным процессом во всех университетах Российской империи. В состав этой комиссии вошел и В.М. Флоринский, который, являясь неперменным членом Ученого комитета при Министерстве народного просвещения, должен был курировать вопросы, связанные с медицинским образованием во всех университетах России⁹. В дальнейшем именно работа в этой комиссии стала своеобразным фундаментом для В.М. Флоринского, благодаря которому он начал работать над предложениями об уставе Императорского Томского университета.

Первый проект Университетского устава Сибирского университета (1882).

Как известно, Томский университет был учрежден указом императора Александра II 16 (28) мая 1878 г.¹⁰ Около двух лет потребовалось на разработку проекта постройки первого университета в Азиатской части России. 14 (26) марта 1880 г. был учрежден Строительный комитет по возведению зданий Сибирского университета, который возглавил томский губернатор В.И. Мерцалов. От Министерства народного просвещения в его состав был делегирован В.М. Флоринский¹¹.

Сохранившиеся документы свидетельствуют не только об огромном вкладе В.М. Флоринского в организацию строительства первого за Уралом высшего учебного заведения, но и о том, что он одновременно с этой работой неоднократно поднимал перед министром народного просвещения И.Д. Деляновым вопрос о формировании профессорско-преподавательского состава университета.

Уже в феврале 1882 г., во время строительства Сибирского университета, В.М. Флоринский в письме к министру народного просвещения И.Д. Делянову поднял вопрос о необходимости подготовки университетского устава. Поскольку зимой 1881–1882 гг. решался вопрос о пересмотре сметы на строительство университетского комплекса¹², В.М. Флоринский, опасаясь, что по причине финансовых затруднений государство может отказаться от строительства Сибирского университета, с целью экономии средств предложил открыть университет в составе лишь трех факультетов вместо четырех, как планировалось изначально.

«Если бы ассигнование всей суммы оказалось невозможным, – писал В.М. Флоринский И.Д. Делянову, – то не признаете ли Вы удобным остановиться на мысли об открытии университета только с тремя факультетами без медицинского <...> Это временное лишение для Сибири собственного центра медицинского образования, по моему мнению, не только не причинило бы существенных неудобств, а даже было бы выгодно для юного университета в том отношении, что он легче бы устроил и обеспечил научными и учебными принадлежностями три факультета и потом уже, исподволь, организовал бы медицинский факультет, более трудный и дорогой для осуществления. В этом было бы и другое удобство»¹³.

Медицинский факультет отвлекает большое число студентов, поэтому при его существовании остальные факультеты могли бы на первое время подвергаться опасности слишком малого числа слушателей, если не будет принято особых мер для их привлечения (дозволение поступать из реальных училищ и духовных семинарий)¹⁴.

Таким образом, В.М. Флоринский уже в 1882 г., понимая, что университет в Сибири может столкнуться с недостатком в абитуриентах, высказывал идею о том, чтобы в качестве исключения Сибирскому университету было разрешено принимать в число студентов лиц, окончивших семинарии и реальные училища.

⁹ Ястребов Е.В. Василий Маркович Флоринский. Томск, 1994. С. 37–42.

¹⁰ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Отд. 1. 1878. СПб., 1880. Т. 53. Ст. 58527.

¹¹ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 103. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

¹² Дунбинский И.А. Возведение зданий Сибирского (Томского) университета как общероссийский проект // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 84. С. 18–26.

¹³ Письмо В.М. Флоринского П.А. Маркову. 1882 г. // Национальный музей Республики Татарстан (НМРТ). Отдел хранения изобразительных и документальных источников. Ед. хр. КППи-117959/891.

¹⁴ Там же.

В том же письме В.М. Флоринский предлагал осуществить открытие университета «не позже 1884 г.», но без полной отделки университетского комплекса, которую он предлагал довести до конца уже под руководством попечителя учебного округа: «Окончательная отделка остальных помещений могла бы быть продолжена после открытия курсов при наблюдении не местной томской администрации, мало нам помогающей, а попечителя будущего Сибирского учебного округа и университетского начальства»¹⁵.

Кроме того, В.М. Флоринский указывал министру народного просвещения на то, что для успешного открытия Сибирского университета к 1884 г. необходимо уже в текущем году (1882 г. – *И. Д.*) начать подготовку проекта университетского устава штатов, так как «подготовление и проведение этих вопросов в законодательном порядке потребует времени не меньше полутора лет»¹⁶.

На следующий год В.М. Флоринский вновь поднял вопрос об университетском уставе и штате Сибирского университета, предлагая его открыть уже в 1885 г. в составе историко-филологического, физико-математического и юридического факультетов, исключая медицинский.

Аргументируя свою позицию, В.М. Флоринский указывал, что открытие университета в составе лишь трех факультетов «гораздо менее обременительно для казны, так как постройка и устройство медицинских зданий и содержание медицинского факультета требуют весьма значительных денежных затрат». Кроме того, он обращал внимание, что министерство имело бы время убедиться, какое число учащихся будет поступать в Сибирский университет и насколько медицинский факультет в Сибири действительно необходим. «Судя по университету Казанскому, – писал В.М. Флоринский И.Д. Делянову, – число оканчивающих курс медиков в последние годы было так значительно, что больше половины их остаются без применения своей профессии не только к государственной и земской службе, но даже к частному труду практиканта»¹⁷.

Немаловажным, по мнению В.М. Флоринского, было и то, что быстрое пополнение личного состава и устройство учебных пособий для четырех факультетов было бы значительно труднее, чем постепенная организация учебного строя сначала на трех факультетах, а потом уже на медицинском.

При этом открытие Сибирского университета напрямую связано и с вопросом о квартирах для профессоров. «На четырех факультетах, – писал В.М. Флоринский И.Д. Делянову, – число преподавателей и их помощников может быть не менее 100 человек. Отыскать такое число свободных квартир в Томске в настоящее время невозможно, и я очень опасаясь, что квартирный вопрос может поставить вновь приехавших в значительной части служащих в университете в безвыходное положение. Поэтому и с этой стороны было бы осторожнее и удобнее пополнять университет учащими и учащимися постепенно с тем расчетом, что с каждым годом усиливающийся спрос на квартиры вызовет в городе постройку новых домов»¹⁸.

Последним своим аргументом В.М. Флоринский указывал на то, что «при открытии трех факультетов постройка медицинских зданий, если бы они потребовались, могла бы быть произведена с большой экономией в том отношении, что администрация постройки не потребовала бы особых расходов, связанных со штатными университетскими должностями, как ныне, за исключением разве вознаграждения десятника и чертежника»¹⁹.

Кроме того, В.М. Флоринский ходатайствовал перед министром, что в случае если открыть университет к 1885 г. не получится, произвести назначение некоторых штатных

¹⁵ Письмо В.М. Флоринского П.А. Маркову. 1882 г. // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. Ед. хр. КППи-117959/891.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Флоринский В.М. Отчет за лето 1880 г. по Сибирскому университету, управляющему Министерством народного просвещения // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. Ед. хр. КППи-117959/216. Л. 89.

¹⁸ Там же

¹⁹ Там же.

должностей с целью поручения им подготовки к открытию университета. «В числе таких, – писал В.М. Флоринский И.Д. Делянову, – полезно было бы иметь за год до открытия: 1) ректора университета; 2) советника правления как лицо заменяющее существующего ныне делопроизводителя Белявского; 3) библиотекаря и его помощника; 4) бухгалтера; 5) экзекутора, заменяющего смотрителя университетских зданий; 6) садовника для устройства оранжереи и ботанического сада; 7) механика для наблюдения за паровой машиной при водоснабжении; 8) служителей и посыльных 8–10 человек при известной сумме на их содержание и отопление зданий». Отметим, что последним обращением к министру народного просвещения В.М. Флоринский хотел «защитить» Сибирский университет от возможного отказа правительства в его открытии.

Однако, несмотря на то, что предложения В.М. Флоринского относительно будущего Сибирского университета были достаточно аргументированы, 15 августа 1884 г. был принят новый Университетский устав, который вносил существенные коррективы в складывающуюся ситуацию.

Второй Проект Университетского Устава Сибирского университета (1884). 15 (27) августа 1884 г. был принят новый Университетский устав. В связи с этим кратко рассмотрим основные его нововведения. Так, на новой законодательной основе была предпринята попытка улучшить уровень материальной обеспеченности ординарных и экстраординарных профессоров за счет введения гонорарной системы оплаты студентами их труда. Кардинально изменялась материальная обеспеченность преподавателей, достигших пенсионного возраста: расчет их пенсий стал производиться с полного оклада содержания, что привело к увеличению сразу в два раза пенсионных выплат по сравнению с предшествовавшим временем²⁰.

За руководством университетов было сохранено не только право отправлять в заграничные командировки магистрантов и профессоров, но и дана возможность беспошлинного ввоза научной литературы и других «учебных пособий» для «усовершенствования» лекционных и практических занятий. Научные публикации профессоров – как обширные монографии, так и статьи в университетских периодических журналах – по-прежнему не подлежали цензуре²¹.

Общее количество научно-педагогических кадров возросло за счет привлечения к чтению лекций приват-доцентов, а также санкционированной уставом возможности возведения сразу в докторскую степень магистрантов и лиц, получивших «почетную известность» своими учеными заслугами. Так, если в 1881 г. в восьми университетах работало 635 преподавателей, то к 1894 г. их число увеличилось до 1 036 (включая 29 штатных и сверхштатных лиц «ученого сословия», обеспечивавших академическую деятельность Императорского Томского университета)²².

Кроме того, профессора освобождались от необходимости представлять на рассмотрение декана факультета программы своих «чтений» – отныне им вменялось в обязанность предлагать на каждое учебное полугодие перечень лекций и семинаров, составлявших полный законченный цикл наук университетского курса²³.

Устав не вводил ограничений в численность и сословный состав учащихся. Пытаясь реализовать немецкую модель «свободного обучения и преподавания», составители устава позволили студентам осуществлять выбор учебных планов, преподавателей, посещать интересовавшие их занятия на других факультетах, однако гарантий реализации этих прав не было²⁴.

²⁰ Устав Императорских российских университетов. 23 августа 1884 года // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 9: Царствование императора Александра III. 1884 год. СПб., 1893. Ст. 135.

²¹ Новиков М.В., Перфилова Т.Б. Университетский устав 1884 г.: иллюзия академической свободы (часть II) // Ярославский педагогический вестник. 2015. Т. 1: Культурология. № 1. С. 90.

²² Щетинина Г.И. Университеты России и устав 1884 г. М., 1976. С. 168.

²³ Новиков М.В., Перфилова Т.Б. Университетский устав 1884 г. ... С. 90.

²⁴ Там же. С. 93.

Для своевременной оценки полноты, последовательности и качества образовательной деятельности на факультетах были предусмотрены государственные экзамены, принимавшиеся в соответствии с едиными требованиями для студентов всех университетов. Председатель и члены «итоговых испытательных комиссий» ежегодно назначались министром просвещения с целью аттестовать и приобретенный профессиональный минимум знаний студентов, и «направление» обучения преподавателей²⁵.

В этих условиях к концу 1884 г. В.М. Флоринский дополнительно к ежегодному отчету о ходе строительных работ, который он ежегодно отправлял в Министерство народного просвещения, приложил составленный им проект Устава Сибирского университета, основываясь на новом Университетском уставе.

Отметим, что В.М. Флоринский, предоставляя министру народного просвещения И.Д. Делянову проект Устава Сибирского университета, свою инициативу обосновывал следующим образом: «Цель моя состоит единственно в достижении того естественного желания, чтобы Сибирский университет, обставленный соответствующими учебными силами и средствами, мог с честью оправдать возлагаемые на него надежды, чтобы он действительно сделался могучим орудием для просвещения и благоустройства замечательной русской окраины. Центром для изучения его научных и естественных богатств с первых же шагов своей жизни мог бы занять не последнее место в ряду управляемых Вашим Превосходительством русских высших учебных заведений»²⁶.

Представленный В.М. Флоринским проект Устава Сибирского университета состоял из 7 глав и насчитывал 172 положения. В приведенном проекте В.М. Флоринский намеренно опустил часть положений, так как они дублировали аналогичные позиции в общеуниверситетском уставе.

В связи с этим составленный проект Устава Сибирского университета содержал лишь ключевые, по мнению В.М. Флоринского, положения, регламентирующие жизнь университета в целом, а также дающие ему особые права в рамках системы высшего образования Российской империи.

Так, согласно проекту Устава Сибирского университета, целью его учреждения было, во-первых, «удовлетворение потребности в высшем образовании жителей Восточной и Западной Сибири», во-вторых, «приготовление образованных деятелей по всем родам государственной гражданской службы, преимущественно в Сибирском крае», и, в-третьих, «научное изучение всей Сибирской страны»²⁷.

Кроме того, в проекте Устава Сибирского университета В.М. Флоринский наметил состав университета, который был определен следующими четырьмя факультетами: среди них историко-филологический, физико-математический, юридический и медицинский факультеты.

Отметим, что по проекту В.М. Флоринского Сибирский университет должен был находиться «под главным влиянием министра народного просвещения», в то время как в регионе контроль над ним должен осуществлять «попечитель Сибирского учебного округа». Внутреннее управление университета должен был осуществлять ректор, деканы факультетов, университетский совет, правление университета, а также инспектор студентов вместе с помощниками²⁸.

В свою очередь, обязанности ректора В.М. Флоринский определял следующим образом: «ректор должен наблюдать, <...> чтобы университетское преподавание шло правильно и в надлежащей полноте, сообразно программам, ежегодно составлявшимся факультетами и утверждаемым попечителем. В случае замеченных погрешностей в преподавании или расходовании учебных средств ректор сообщает о таком попечителе»²⁹.

²⁵ Новиков М.В., Перфилова Т.Б. Университетский устав 1884 г. ... С. 91.

²⁶ Флоринский В.М. Отчет за лето 1880 г. по Сибирскому университету... Л. 104 об.

²⁷ Там же. Л. 125.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. Л. 125–126 об.

Деканы факультетов, в свою очередь, должны были наблюдать за «своевременным составлением программ и правильным строем преподавания» на своем факультете. При этом подчеркивалось, что в случае обнаружения «каких-либо упущений они заявляют об этом факультетскому собранию, а в более важных случаях ректору». Кроме того, на декана медицинского факультета возлагалась обязанность контроля «за правильным ведением хозяйства в клиниках и аптеке [университета]», а также он обязан был докладывать «о клинических нуждах или беспорядках правлению [университета]»³⁰.

Таким образом, В.М. Флоринский четко прописывал вертикаль власти в университете, в которой в целях предотвращения возможных революционных движений внутри высшего учебного заведения большую часть власти над университетом имел попечитель учебного округа, а не сам ректор.

Кроме того, в предоставляемом В.М. Флоринским проекте Устава Сибирского университета был также намечен профессорско-преподавательский состав будущего университета. Так, в состав историко-филологического факультета должны были войти девять кафедр. Среди них планировалось открыть кафедры: философии (1 профессор), классической филологии, которая должна была быть разделена на римскую словесность (1 профессор) и греческую словесность (1 профессор), сравнительного языкознания и санскритского языка (1 профессор), русского языка и русской литературы (2 профессора), всеобщей истории (1 профессор), азиатской истории (1 профессор), русской истории (1 профессор), археологии и антропологии (1 профессор), истории западноевропейской литературы (1 профессор)³¹.

В составе физико-математического факультета В.М. Флоринский предлагал открыть уже 12 кафедр: чистой математики (2 профессора), механики теоретической и практической (2 профессора), астрономии (1 профессор), физики (1 профессор), химии (2 профессора), минералогии (1 профессор), геологии и палеонтологии (1 профессор), ботаники (1 профессор), зоологии, (1 профессор), сравнительной анатомии и эмбриологии (1 профессор), технологии и технической химии (1 профессор), географии³².

Самым небольшим по количеству кафедр должен был стать юридический факультет, на базе которого планировалось открыть лишь девять кафедр: римского права (1 профессор), гражданского права и гражданского судопроизводства (1 профессор), уголовного права и уголовного судопроизводства (1 профессор), истории русского права (1 профессор), полицейского права (1 профессор), финансового права (1 профессор), политической экономии и статистики (1 профессор), а также церковного права³³.

На медицинском же факультете полагалось организовать 17 самостоятельных кафедр, которые охватывали подавляющее большинство отраслей медицинского образования того времени. Так, предлагалось открыть кафедру анатомии (1 профессор), физиологии (1 профессор), гистологии и эмбриологии (1 профессор), медицинской химии (1 профессор), фармакологии с рецептурой и токсикологией (1 профессор), общей патологии (1 профессор), патологической анатомии (1 профессор), частной патологии и терапии с клиникой (1 профессор), терапевтической госпитальной клиники и врачебной диагностики, оперативной хирургии и хирургической анатомии (1 профессор), хирургической патологии, десмургии вывиха и перелома с госпитальной клиникой, хирургической факультетской клиники, акушерства и женских болезней с клиниками, кожных и сифилитических болезней, судебной медицины, а также кафедру гигиены, эпидемиологии и медицинской полиции³⁴.

Отметим, что при составлении проекта штатов Сибирского университета В.М. Флоринский учитывал также количество прозекторов при кафедрах, а также необходимый уровень образования для осуществления того или иного вида работ. Так, на кафедрах анатомии, патологической анатомии, оперативной хирургии и судебной медицины он предлагал трудоустраивать по одному прозектору, в то время как на кафедре фармакогнозии и фармации

³⁰ Флоринский В.М. Отчет за лето 1880 г. по Сибирскому университету... Л. 126 об.

³¹ Там же. Л. 127.

³² Там же. Л. 127 об.

³³ Там же.

³⁴ Там же. Л. 128.

В.М. Флоринский допускал, что может преподавать магистр фармации на правах штатного приват-доцента³⁵.

Таким образом, исследуя подготовленный В.М. Флоринским проект Устава Сибирского университета, можно утверждать, что при его составлении он проявил выдающиеся способности администратора, спланировав не только количество кафедр при каждом открываемом факультете, но и обратив внимание на необходимое количество членов профессорско-преподавательского состава, а также уровень их образования для осуществления стабильной работы университета на каждом факультете.

Тем не менее В.М. Флоринский прекрасно понимал, что Сибирский университет, расположенный на окраине империи, с первых дней работы столкнется с рядом трудностей, в частности с привлечением профессорско-преподавательского состава университета и набором абитуриентов. В этой связи в разработанном В.М. Флоринским проекте предлагалось сделать ряд исключений для Сибирского университета. Так, он предлагал «на первое время» сделать исключение для Сибирского университета по статье 99 Университетского устава 1884 г., согласно которой «никто не может быть профессором, не имея степени доктора по разряду наук, соответствующих его кафедре»³⁶.

«При существующем в России весьма ограниченном числе лиц, имеющих ученую степень доктора (кроме медиков), – отмечал В.М. Флоринский, – поставить Сибирский университет, особенно вследствие отдаленности его, в немалое затруднение при замещении профессорских кафедр. Это затруднение нельзя не предвидеть именно в настоящее время, по введении в действие нового университетского устава, когда личный состав профессоров всех университетов должен подлежать значительному обновлению и пополнению, которые естественно отвлекут большую часть наличных ученых сил в университеты Европейской России, в ущерб Сибирскому»³⁷.

В целях поддержки Сибирского университета в формировании профессорско-преподавательского состава предлагалось предоставить министру народного просвещения право назначать на правах исправляющих должность ординарного и экстраординарного профессора Сибирского университета лиц, занимающих должности «доцентов и приват-доцентов других университетов и высших учебных заведений Российской империи, известных своими учеными трудами и преподавательскими способностями, хотя и не имеющих ученой степени доктора»³⁸.

Отметим, что при разработке проекта устава В.М. Флоринский обратил внимание и на количество будущих абитуриентов университета. Так, по его расчету «самое большое число слушателей, какое могут дать местные (сибирские. – И. Д.) гимназии, не превысит 35–40 чел. в год». В этой связи он предложил принимать в число студентов университетов воспитанников духовных семинарий, «обставив только поступление их в университет точными и возможно строгими условиями». При этом право поступать в университет предполагалось предоставить лишь тем семинаристам, которые окончили полный курс по первому разряду, по особой рекомендации семинарского начальства³⁹.

Кроме того, он обращал внимание на то, что содержание учебно-вспомогательных учреждений в Томске должно обходиться значительно дороже, чем в университетах Европейской России, поскольку «все предметы, приобретаемые для этих потребностей (инструменты, приборы, стеклянная посуда для лабораторий и кабинетов, материалы и проч.), выписываются частью из-за границы, частью из столиц». В этой связи он предложил увеличить сумму, выделяемую на содержание университета, до 32,5 тыс. руб., в то время как, например, Императорскому Новороссийскому университету выделялся кредит лишь в 28 тыс. руб.⁴⁰ В.М. Флоринский также предложил перевести 20 сибирских стипендий, которые получали

³⁵ Флоринский В.М. Отчет за лето 1880 г. по Сибирскому университету... Л. 128.

³⁶ Там же. Л. 168.

³⁷ Там же. Л. 98 об.

³⁸ Там же. Л. 59 об.

³⁹ Там же. Л. 163 об.

⁴⁰ Там же. Л. 103 об.

студенты Императорского Казанского университета, в Томск по мере выбытия самих стипендиатов.

Принятие Университетского устава (1888). Несмотря на то, что строительство университетских зданий было завершено к 1885 г., его открытие продолжало откладываться, поскольку многие чиновники того времени опасались, что Томский университет после своего открытия станет новым очагом революционного студенчества. «В Департаменте (народного просвещения. – *И. Д.*), – писал в своем дневнике В.М. Флоринский, – я узнал от Н.М. Аничкова (заместителя министра народного просвещения. – *И. Д.*) следующее: идея о Сибирском университете не нравится большинству лиц власть имущих; на это смотрят как на либеральную затею прошлого царствования, – затею не только ненужную, но даже опасную в политическом смысле. По тону этого разговора мне показалось, что и в нашем Министерстве смотрят на Сибирский университет весьма недоверчиво, и лишь потому формально не отступают от этого дела, что мысль об нем была возбуждена именно в нашем министерстве»⁴¹.

В связи с этим для решения вопроса о судьбе Сибирского университета было создано «Особое совещание по делу об открытии Сибирского университета». В его работе приняли участие шеф жандармов граф Д.А. Толстой, министр народного просвещения граф И.Д. Делянов, обер-прокурор К.П. Победоносцев, министр государственных имуществ М.Н. Островский, сенатор А.А. Половцев, министр финансов России И.А. Вышнеградский, попечитель Западно-Сибирского учебного округа В.М. Флоринский и товарищ (заместитель. – *И. Д.*) министра народного просвещения Н.М. Аничков⁴².

В ходе работы этого совещания большинство членов пришли к заключению, что Императорский Томский университет необходимо открыть, но «на первое время» в составе одного медицинского факультета, а не четырех, как планировалось изначально⁴³.

Подробнее участие В.М. Флоринского в работе данного совещания рассмотрено в монографии С.А. Некрылова «Томский университет – первый научный центр в азиатской части России (середина 1870-х гг. – 1919 г.)» (Томск, 2010)⁴⁴.

Тем не менее, несмотря на сокращение количества открываемых в университете факультетов, предложения В.М. Флоринского были частично реализованы в рамках положения от 25 мая 1888 г. «Об открытии медицинского факультета Томского университета», а также во «Временном положении об Императорском Томском университете»⁴⁵.

Так, согласно временному положению, министру народного просвещения было разрешено повышать экстраординарного профессора до ординарного профессора, а также «в уважительных случаях» переводить приват-доцента в экстраординарного профессора до истечения трехлетнего испытательного срока, но только по представлению попечителя учебного округа и только на открывшиеся вакансии в университете⁴⁶.

В целях привлечения научных сил в отдаленный от остальных культурных центров империи Томский университет для профессоров был установлен полуторный оклад содержания. Так, ординарные профессора должны были получать 4 500 руб., а экстраординарные – 3 000 руб. в год⁴⁷.

Кроме того, к основному содержанию по истечении 5 и 10 лет были положены прибавки в размере 20 и 40 % жалования на основании общего положения о гражданской

⁴¹ Флоринский В.М. Дневниковые записи. 1887 г. // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. Ед. хр. КППи-117959/107. Л. 11–12.

⁴² Там же. Л. 154–156.

⁴³ Там же. Л. 164–165.

⁴⁴ Некрылов С.А. Томский университет – первый научный центр в азиатской части России (середина 1870-х гг. – 1919 г.). Томск, 2010. Т. 1. С. 106–120.

⁴⁵ Об открытии медицинского факультета Томского университета // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. 1864–1904. Т. 10: Царствование императора Александра III, 1885–1888 гг. СПб., 1894. Стб. 1134–1212.

⁴⁶ Там же. Стб. 1202.

⁴⁷ Там же. Стб. 1141–1242.

службе в Сибири. Сокращался также и срок службы до выхода на пенсию⁴⁸. Отметим, что параллельно борьбе за открытие Императорского Томского университета В.М. Флоринский занимался подбором его профессорско-преподавательского состава, что более подробно рассмотрено в статье И.А. Дунбинского «Первые профессора Императорского Томского университета: проект штатов физико-математического и историко-филологического факультетов (1883–1887)» (Томск, 2023)⁴⁹.

Кроме того, согласно тому же временному положению об Императорском Томском университете, министру народного просвещения была предоставлена возможность зачислять в число студентов Томского университета воспитанников православных духовных семинарий, окончивших курс по первому разряду и удовлетворяющих тем правилам, кои будут установлены самим министром народного просвещения⁵⁰. Более того, открывающемуся Томскому университету также были переданы 20 сибирских стипендий, о которых В.М. Флоринский упоминал в своих письмах министру народного просвещения⁵¹.

Тем не менее ряд предложений В.М. Флоринского так и не был реализован в Уставе Императорского Томского университета в связи с тем, что университет был открыт в составе лишь одного факультета. Так, должность декана была упразднена, а его обязанности возложены на секретаря факультета, которого избирал ректор «из числа штатных профессоров», а после этого утверждаемого в должности министром народного просвещения на четыре года⁵². Количество же кафедр на медицинском факультете с 17 увеличилось до 25, включив в себя ряд кафедр по естественно-научному, физико-математическому и юридическому профилю⁵³.

Заключение. Таким образом, В.М. Флоринский на протяжении практически всего периода строительства университета занимался не только организацией строительных работ и формированием учебно-вспомогательных учреждений, но и разработкой Устава Сибирского университета, который должен был заложить основы будущей научно-образовательной деятельности университета.

Отметим, что большинство выдвинутых предложений В.М. Флоринского обусловлены обстоятельствами, в которых строился и был вынужден впоследствии существовать молодой Сибирский университет. Так, идея о том, что министр народного просвещения мог бы повышать в занимаемой должности кандидатов на вакантные места в Томском университете, была необходима для того, чтобы привлечь молодых и талантливых ученых и преподавателей в Томск. Подобным образом объясняется и предложение В.М. Флоринского о приеме в состав Императорского Томского университета гимназистов – оно продиктовано практической необходимостью привлекать достаточное количество абитуриентов для нормального функционирования университета, так как сибирские гимназии на тот момент времени не могли дать достаточное количество выпускников.

Этот факт подтверждается и тем, что в ходе работы «Особого совещания по делу об открытии Сибирского университета» бывший министр народного просвещения Д.А. Толстой, объясняя свои слова на совещании, сказал, что он «умышленно преувеличивал значение сибирских гимназий, иначе нельзя было доказать необходимость университета. Если бы сознаться, что в университете некому учиться, то не для чего его было бы открывать»⁵⁴.

⁴⁸ Некрылов С.А. Томский университет – первый научный центр в азиатской части России... С. 131.

⁴⁹ Дунбинский И.А. Первые профессора Императорского Томского университета: проект штатов физико-математического и историко-филологического факультетов (1883–1887) // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 491. С. 109–114.

⁵⁰ Об открытии медицинского факультета Томского университета... Стб. 1202–1203.

⁵¹ Там же. Стб. 1136.

⁵² Там же. Стб. 1135.

⁵³ Там же. Стб. 1155–1156.

⁵⁴ Флоринский В.М. Сибирь накануне университета. Дневниковые записки. 1880 г. // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. Ед. хр. КППи-117959/102. Л. 67.

В связи с этим можно утверждать, что выдвигаемая рядом исследователей В.М. Флоринского гипотеза о том, что фундаментальной задачей для Устава Сибирского университета был поиск некоего духовного начала, является неверной. Устав Сибирского университета был создан в крайне тяжелых условиях, когда даже само открытие университета стояло под сомнением, а его устроитель был готов пожертвовать одним или несколькими факультетами, чтобы добиться открытия уже построенного учебного комплекса. В.М. Флоринский составлял проект Устава Сибирского университета исходя из имеющихся условий и учитывая возможные трудности, обусловленные географическим положением университета и низким уровнем развития региона.

Литература

Артемкин А.Н. Дискуссия о новом Университетском уставе в начале XX века в России: актуальные идеи и проекты // *Философия политики и права*. 2018. № 9. С. 41–60.

Голованова В.Ф. Правовые аспекты Университетского устава 1863 года // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. 2016. № 1. С. 126–128.

Дунбинский И.А. Возведение зданий Сибирского (Томского) университета как общероссийский проект // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2023. № 84. С. 18–26.

Дунбинский И.А. Первые профессора Императорского Томского университета: проект штатов физико-математического и историко-филологического факультетов (1883–1887) // *Вестник Томского государственного университета*. 2023. № 491. С. 109–114.

Жарова Е.Ю. Устав Дерптского университета 1820 года в контексте университетской политики второй половины царствования Александра I // *Alma mater (Вестник высшей школы)*. 2012. № 9. С. 95–99.

Ивкина Т.В., Подольская И.А. Система подготовки научно-педагогических кадров в России по университетским уставам 1863 и 1884 годов // *Научный вестник Уральской академии государственной службы: политология, экономика, социология, право*. 2009. № 2 (7). С. 108–111.

Искара Л.М. Московский университет и университетские уставы 1863 и 1884 гг. // 250 лет Московскому государственному университету им. М. В. Ломоносова: материалы науч.-метод. конф. Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета, 2004. С. 12–14.

Караченцев И.С. Университетские уставы как законодательная основа музейного дела в Российских университетах (XIX – начало XX в.) // *Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение*. 2021. № 41. С. 234–239.

Карманова Е.Д. Университетский устав 1884 г. как исторический источник // *Молодой ученый*. 2017. № 16 (150). С. 375–377.

Некрылов С.А. Томский университет – первый научный центр в азиатской части России (середина 1870-х гг. – 1919 г.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. Т. 1. 514 с.

Новиков М.В., Перфилова Т.Б. Университетский устав 1884 г.: иллюзия академической свободы (часть II) // *Ярославский педагогический вестник*. 2015. Т. 1: Культурология. № 1. С. 89–101.

Рассохин А.В. О системе юридического образования в России (на основе анализа университетских уставов 1835, 1863 и 1884 гг.) // *Право и образование*. 2004. № 4. С. 111–120.

Щетинина Г.И. Университеты России и устав 1884 г. М.: Наука, 1976. 232 с.

Ястребов Е.В. Василий Маркович Флоринский. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. 170 с.

Reference

Artemkin, A.N. (2018). Diskussiya o novom Universitetskom ustave v nachale XX veka v Rossii: aktual'nye idei i proekty [Discussion about the New University Charter in the Early 20th Century in Russia: Current Ideas and Projects]. In *Filosofiya politiki i prava*. No. 9, pp. 41–60.

Dunbinsky, I.A. (2023). Pervye professora Imperatorskogo Tomskogo universiteta: proekt shtatov fiziko-matematicheskogo i istoriko-filologicheskogo fakul'tetov (1883–1887) [The First Professors of the Imperial Tomsk University: The Project of the Staffs of the Physics and Mathematics and History and Philology Faculties (1883–1887)]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 491, pp. 109–114.

Dunbinsky, I.A. (2023). Vozvedenie zdaniy Sibirskogo (Tomskogo) universiteta kak obshche-rossiyskiy proekt [Construction of Buildings of the Siberian (Tomsk) University as an All-Russian Project]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 84, pp. 18–26.

Golovanova, V.F. (2016). Pravovye aspekty Universitetskogo ustava 1863 goda [Legal Aspects of the University Charter of 1863]. In *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N.I. Lobachevskogo*. No. 1, pp. 126–128.

Iskara, L.M. (2004). Moskovskiy universitet i universitetskie ustavy 1863 i 1884 gg. [Moscow University and University Statutes of 1863 and 1884]. In *250 let Moskovskomu gosudarstvennomu universitetu imeni M.V. Lomonosova. Materialy nauchno-metodicheskoy konferentsii*. Voronezh, Izdatel'stvo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 12–14.

Ivkina, T.V., Podolskaya, I.A. (2009). Sistema podgotovki nauchno-pedagogicheskikh kadrov v Rossii po universitetskim ustavam 1863 i 1884 godov [The System of Training Scientific and Pedagogical Personnel in Russia According to the University Charters of 1863 and 1884]. In *Nauchnyy vestnik Ural'skoy akademii gosudarstvennoy sluzhby: politologiya, ekonomika, sotsiologiya, pravo*. No. 2 (7), pp. 108–111.

Karachentsev, I.S. (2021). Universitetskie ustavy kak zakonodatel'naya osnova muzeynogo dela v Rossiyskikh universitetah (XIX – nachalo XX v.) [University Statutes as a Legislative Basis for Museum Affairs in Russian Universities (19th – Early 20th Century)]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie*. No. 41, pp. 234–239.

Karmanova, E.D. (2017). Universitetskiy ustav 1884 g. kak istoricheskiy istochnik [University Statute of 1884 as a Historical Source]. In *Molodoy uchenyy*. No. 16 (150), pp. 375–377.

Nekrylov, S.A. (2010). *Tomskiy universitet – pervyy nauchnyy tsentr v aziatskoy chasti Rossii (seredina 1870-kh gg. – 1919 g.)* [Tomsk University – The First Scientific Center in the Asian Part of Russia (Mid-1870s – 1919)]. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Vol. 1. 514 p.

Novikov, M.V., Perfilova, T.B. (2015). Universitetskiy ustav 1884 g.: illyuziya akademicheskoy svobody (chast' II) [University Charter of 1884: The Illusion of Academic Freedom (Part II)]. In *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik*. Vol. 1: Kul'torologiya, No. 1, pp. 89–101.

Rassokhin, A.V. (2004). O sisteme yuridicheskogo obrazovaniya v Rossii (na osnove analiza universitetskiy ustavov 1835, 1863 i 1884 gg.) [On the System of Legal Education in Russia (Based on the Analysis of the University Charters of 1835, 1863 and 1884)]. In *Pravo i obrazovanie*. No. 4, pp. 111–120.

Shchetinina, G.I. (1976). *Universitety Rossii i ustav 1884 g.* [Universities of Russia and the Charter of 1884]. Moscow, Nauka. 232 p.

Yastrebov, E.V. (1994). *Vasiliy Markovich Florinskiy* [Vasily Markovich Florinsky]. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 170 p.

Zharova, E.Yu. (2012). Ustav Derpt'skogo universiteta 1820 goda v kontekste universitetskoj politiki vtoroy poloviny tsarstvovaniya Aleksandra I [The Charter of the University of Dorpat of 1820 in the Context of the University Policy of the Second Half of the Reign of Alexander I]. In *Alma mater (Vestnik vysshey shkoly)*. No. 9, pp. 95–99.

В.Н. Казарин*

**РОЛЬ КУЛЬТУРЫ В ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННОЙ СИБИРИ:
ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ЖУРНАЛЬНОЙ ПЕРИОДИКЕ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1920-Х ГОДОВ**doi:10.31518/2618-9100-2025-1-2
УДК 94(571.1/.5)

Выходные данные для цитирования:
Казарин В.Н. Роль культуры в послереволюционной Сибири: основные проблемы в журнальной периодике первой половины 1920-х годов // Исторический курьер. 2025. № 1 (39). С. 25–24. URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-1-02.pdf>

V.N. Kazarin*

**CULTURE ROLE IN POSTREVOLUTIONARY SIBERIA:
THE MAIN PROBLEMS IN THE JOURNAL PERIODICAL
PRESS OF THE FIRST HALF OF THE 1920TH**

doi:10.31518/2618-9100-2025-1-2

How to cite:
Kazarin V.N. Culture Role in Postrevolutionary Siberia: The Main Problems in the Journal Periodical Press of the First half of the 1920th // Historical Courier, 2025, No. 1 (39), pp. 25–34. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-1-02.pdf>]

Abstract. Culture role in postrevolutionary Siberia on pages of the journal periodical press of the first half of the 1920th is investigated. Degree of study of a subject in a modern historiography is revealed. The research definite purpose consisting in studying influence of culture on the socio-political processes in the region reflected in the magazines “Sibirskiye Ogni”, “Zhizn Sibiri”, “Sibirsky pedagogical magazin”. The main attention was paid to rise in culture of the small people and problems of education. It is noted that authors of journal articles closely connected the solution of these questions with the accelerated solution of tasks in education and health. At the same time issues of cultural development had to receive the fast decision within creation of national territorial autonomies. The provision that these offers appeared before radical transformations is proved, and during the Soviet period became the direction of public policy with assistance of the national intellectuals and journalistic community. It is shown that the solution of new tasks in Siberia was impossible without elimination of illiteracy and also development of the general and higher education. The position of magazines was that a factor of sociocultural development of Siberia have to become overcoming crisis state of school and high school institutions, strengthenings of their material resources, strengthening of interaction with public authorities. It is proved that the course towards nationalization of higher education institutions was not only the direction of public policy “from above”, but also enjoyed support “from below”. The conclusion is drawn that the journal periodical press formed information picture of sociocultural development of the region, defining value priorities in new historical conditions.

Keywords: Siberia, culture, elimination of illiteracy, education, national construction, the first half of the 1920th, journal periodical press.

The article has been received by the editor on 08.11.2024. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Виктор Николаевич Казарин**, доктор исторических наук, профессор, Байкальский государственный университет, Иркутск, Россия, e-mail: kazarinvik@yandex.ru
Victor Nikolaevich Kazarin, Doctor of Sciences History, Professor, Baikal State University, Irkutsk, Russia, e-mail: kazarinvik@yandex.ru

Аннотация. Исследована роль культуры в послереволюционной Сибири на страницах журнальной периодики первой половины 1920-х гг. Выявлена степень изученности темы в современной историографии. Определена цель исследования, состоящая в изучении влияния культуры на социально-политические процессы в регионе, отраженные в журналах «Сибирские огни», «Жизнь Сибири», «Сибирский педагогический журнал». Основное внимание уделялось подъему культуры малочисленных народов и проблемам образования. Отмечено, что авторы журнальных статей тесно связывали решение этих вопросов с ускоренным решением задач в сфере образования и здравоохранения. При этом вопросы культурного развития должны были получить быстрое решение в рамках создания национальных территориальных автономий. Обосновано положение о том, что эти предложения появились до радикальных преобразований, а в советский период стали направлением государственной политики при поддержке национальной интеллигенции и журналистского сообщества. Показано, что решение новых задач в Сибири было невозможно без ликвидации неграмотности, а также развития общего и высшего образования. Позиция журналов заключалась в том, что фактором социокультурного развития Сибири должно стать преодоление кризисного состояния школьных и вузовских учреждений, укрепление их материальной базы, усиление взаимодействия с государственными органами. Доказано, что курс на огосударствление вузов был не только направлением государственной политики «сверху», но и пользовался поддержкой «снизу». Сделан вывод, что журнальная периодика формировала информационную картину социокультурного развития региона, определяя ценностные приоритеты в новых исторических условиях.

Ключевые слова: Сибирь, культура, ликвидация неграмотности, образование, национальное строительство, первая половина 1920-х гг., журнальная периодика.

Статья поступила в редакцию 08.11.2024 г.

Введение. Исследование социокультурного развития послереволюционной Сибири имеет давнюю традицию. В новейшей отечественной историографии базовое значение в изучении проблемы принадлежит трудам известных ученых В.Л. Соскина¹ и С.А. Красильникова². Существенным историографическим событием, отмеченным профессиональным сообществом, стала коллективная монография, посвященная малоисследованным вопросам в изучении сибирской интеллигенции первой трети XX в.³ Вместе с тем такой аспект проблемы, как отражение роли культуры в развитии Сибири в журнальной периодике первой половины 1920-х гг., не являлся предметом специального изучения. Историография проблемы формирования образа Сибири в целом⁴ или влияния журналистского сообщества на формирование круга чтения и ценностных ориентиров посредством коммуникаций

¹ Соскин В.Л. Очерки истории культуры Сибири в годы революции и гражданской войны (конец 1917 – начало 1921 гг.). Новосибирск, 1965; Соскин В.Л. Высшее образование и наука в советской России: первое десятилетие (1917–1927 гг.). Новосибирск, 2000; Соскин В.Л. Современная историография советской интеллигенции России: метод. рекомендации к курсам «История отечественной интеллигенции» и «Отечественная история». Новосибирск, 1996.

² Красильников С.А., Соскин В.Л. Интеллигенция Сибири в период борьбы за победу и утверждение Советской власти, 1917 – лето 1918. Новосибирск, 1985; Красильников С.А. Сибирская провинция и центр: культурная грань взаимодействия в послереволюционные годы // Гуманитарные науки в Сибири. 1998. № 2. С. 24–30; Красильников С.А. Власть и интеллигенция в динамике постреволюционных отношений // Советская региональная культурная политика: проблемы изучения: сб. науч. тр. Новосибирск, 2004. С. 86–98; Красильников С.А. Время, культура, личность: к 90-летию В.Л. Соскина // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История. Филология. 2015. Т. 14, № 8. С. 209–214.

³ Интеллигенция Сибири в первой трети XX века: статус и корпоративные ценности. Новосибирск, 2007.

⁴ Легостаева И.В. Образ Сибири в периодических изданиях второй половины XIX – начала XX вв. // Вопросы истории. 2020. № 10 (3). С. 205–210.

на читательскую аудиторию⁵ получила некоторое освещение, но применительно к предшествующему периоду. Данная публикация имеет целью в определенной степени восполнить этот пробел, осветив влияние культуры на социально-политические процессы в Сибири первой половины 1920-х гг. на страницах журналов, выполнявших важнейшую коммуникативную функцию в условиях формирования новых идеологических и культурных приоритетов в рамках государственной политики и в то же время определенной автономии творческого сообщества исследователей, публицистов и журналистов, среди которых были как представители «старой» дореволюционной интеллигенции, так и «новые» работники «культурного фронта», прошедшие испытания революцией и Гражданской войной.

Для соотношения прежнего понятийного аппарата и современного содержания очевидно следует сделать некоторые пояснения. Понятие «культура» имеет множество определений и элементов. В современном научном знании под термином «культура» чаще понимают «специфический способ организации и развития человеческой жизнедеятельности, представленный в продуктах материального и духовного труда, в системе социальных норм и учреждений, в духовных ценностях, в совокупности отношений людей к природе, между собой и к самим себе». Выделяют в основном четыре элемента культуры: понятия (концепты), отношения, ценности, правила⁶.

Переломные события в политической, социально-экономической действительности, вызванные Великой российской революцией, неизбежно повлекли новые подходы в духовной, идеологической сфере. Поскольку ниже речь пойдет об особенностях культурного фактора в период послереволюционных трансформаций (1920-е гг.), то, на наш взгляд, более применимо к той эпохе следующее определение культуры: «Совокупность достижений общества в области просвещения, искусства, науки и в других областях духовной жизни. Культура по своему содержанию меняется с каждым новым периодом развития общества»⁷. Журнальная периодика 1920-х гг. играла громадную роль в социальном коммуникативном взаимодействии авторов и читательской аудитории.

Источниковой основой статьи послужили материалы журнальной периодики 1920-х гг., издаваемые в Сибири. Среди них следует выделить журналы «Сибирские огни», «Жизнь Сибири», «Сибирский педагогический журнал». Журнал «Сибирские огни» начал выходить с марта 1922 г. в Новониколаевске (с 1925 г. – Новосибирске) и стал центром притяжения писателей, публицистов, профессиональных историков и экономистов. В условиях становления исторической науки в Советской России и ее обширном регионе в новых социальных реалиях журнал сыграл громадную неопределимую роль⁸.

Сибирский Революционный Комитет издавал журнал по вопросам экономической, правовой и административно-политической жизни региона под названием «Жизнь Сибири». Впоследствии он именовался как «Журнал политики, экономики и краеведения» и издавался Сибирским краевым исполнительным комитетом Советов. В 1920 г. в Иркутске вышло всего два номера журнала «Пролетарская культура»⁹. Специализированным журналом информационного и методического характера стал «Сибирский педагогический журнал», издававшийся в Новониколаевске с 1923 г.

Какова же была читательская аудитория сибирских журналов? Основными читателями была интеллигенция, прежде всего городская (преподаватели высшей и общеобразовательной школы разных ступеней, работники учреждений культуры, здравоохранения, профессиональные работники советско-партийного аппарата, учащиеся). Если обратиться к анализу миграционных потоков в Сибирь в конце XIX – начале XX в., то, основываясь на новейших данных, можно говорить об устойчивой тенденции к росту населения, прежде всего городского. Расширение транспортных коммуникаций, переселенческая политика,

⁵ Чернова (Козлова) И.С. Становление профессионального сообщества сибирских журналистов во второй половине XIX – начале XX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2020. Т. 27, № 1. С. 58.

⁶ Большая энциклопедия: в 62 т. М., 2006. Т. 24. С. 468–469.

⁷ Энциклопедический словарь. М., 1954. Т. 2. С. 202.

⁸ Шелестов Д.К. У истоков советской историографии Сибири // Вопросы истории. 1972. № 6. С. 126–132.

⁹ История Иркутской губернии: в 4 т. Иркутск, 2024. С. 346.

развитие золотодобычи, меры, направленные на укрепление обороноспособности страны, – все привело к тому, что численность населения таких городов, как Томск, Иркутск, Владивосток, стала превышать отметку в 100 тыс. чел. Быстро росла численность населения в Барнауле, Благовещенске, Красноярске и Новониколаевске. Кратно увеличивалось население в Чите, Верхнеудинске, Кургане, Хабаровске, Бийске¹⁰. Даже с учетом демографических изменений, вызванных социально-политическими трансформациями периода революции и Гражданской войны, население послереволюционной Сибири продолжало возрастать. Соответственно, возрастали и тиражи журналов, лидером среди которых были «Сибирские огни».

Отражение в журнальной периодике культурного аспекта национальных отношений. Обращение авторов статей в периодических изданиях к различным вопросам истории, хозяйства, быта, культуры автохтонных народов Сибири имело давнюю традицию, глубоко укоренившуюся еще с дореволюционных времен¹¹. На страницах сибирских газет и журналов появлялось огромное количество публикаций в форме статей, обзоров, небольших заметок, в которых высказывалась озабоченность вымиранием (действительным или надуманным) малочисленных народов, «инородцев». В значительной степени эта тенденция была продолжена и в 1920-е гг. с существенной разницей, что авторы публикаций, как правило, предлагали свои варианты решения национального вопроса с упором на создание национальной автономии (области или республики).

Своеобразным продолжением отмеченных выше журнальных традиций явилась статья И. Евсенина, опубликованная в «Сибирских огнях». В первых же строках автор обращается к наследию Н.М. Ядринцева, страстно выступавшего за «сохранение инородческих племен», призывавшего «прийти на помощь погибающим племенам». И. Евсенин обратился к положению малочисленной народности карагасов: кочевников, охотников и оленеводов, проживавших в южной части Нижнеудинского уезда Иркутской губернии и юго-восточной части Канского уезда Енисейской губернии. Подчеркивая высокую детскую смертность, большой процент заболеваемости населения оспой, кожными и венерическими заболеваниями, автор справедливо связывает эти массовые явления с низкой культурой быта, несоблюдением санитарно-гигиенических норм. Отсюда и предлагаемые им меры по улучшению культуры быта карагасов. Однако И. Евсенин, в отличие от других авторов журнальных статей и официальной политики того периода, связывавших улучшение положения малочисленных народов с установлением советской власти и ее способами решения национального вопроса, полагал, что «организация самого примитивного советского самоуправления среди карагасов совершенно немыслима»¹².

Также пессимистична статья К. Рычкова. Автор и ранее публиковал статьи по положению инородцев в «Сибирских вопросах» до революции. В новой статье он повторяет много раз высказанный в литературе тезис о вымирании инородцев. По его мнению, это объяснялось следующими причинами: лень, беспечность, дикость и невежество (признаки культуры или, точнее, ее отсутствия), лживость, склонность к воровству и/или обману. Во многом это результат спаивания спиртными напитками инородцев в царское время. К этому он добавляет экономическое и социальное положение, образ жизни, плохие гигиенические условия, однообразную пищу. Вместе с тем К. Рычков обращает внимание на анатомические особенности различных групп тунгусов Туруханского края (рост, различное телосложение, развитие мускулатуры, наличие/отсутствие анатомических аномалий). И это он связывает с культурой регулирования половых отношений (наличие или отсутствие инцеста). Он делает вывод: единственный путь спасения тунгусов – их слияние с якутами. Экономическое и социальное положение также важно учитывать, но этот вопрос, по мнению К. Рычкова,

¹⁰ Брюханова Е.А., Рыгалова М.В. Динамика численности городского населения в контексте урбанизационных процессов в Сибири в 1897–1917 гг. // Вопросы истории. 2023. № 10 (1). С. 38.

¹¹ Леогаева И.В. Образ Сибири в периодических изданиях... С. 205–210.

¹² Евсенин И. К вопросу о сохранении сибирских туземцев. Очередные задачи национальной политики в отношении карагасов // Сибирские огни. 1922. № 4. С. 94–95.

еще не изучен¹³. Обращает внимание, что автор отнюдь не связывал решение национального вопроса с созданием самостоятельных национально-территориальных образований.

Проблеме положения туземцев севера Сибири посвятил большую статью П. Устюгов. Автор дал этнографо-экономический очерк дореволюционного и современного ему состояния остяков Нарымского края, туземцев Заполярного круга Туруханского края, тунгусов и карагасов Иркутской губернии. Их прошлое состояние, по описанию автора, – темнота и нищета, являвшиеся следствием «царского произвола и капиталистической политики угнетения слабых малочисленных народностей». К признакам культуры этих народностей он относит гостеприимство, добросердечность и услужливость. А к отрицательным качествам – склонность к пьянству, карточным играм, а также суеверия и предрассудки. Отношение их к советской власти автор расценивает от безразличного до сочувственного. Но ко всем антиправительственным выступлениям они относились отрицательно. Видимо, сказывалась их вера в справедливость власти: родовой, волостной (инородные управы) и наступившей советской. Отсюда и предложения автора – выделить «Затундру» (его обобщенный термин) в отдельную административную единицу в форме съезда Советов. На основе родовых принципов формировать аппарат власти (советский), поэтому можно переименовать глав родов в председателей сельских советов. А первоочередными мероприятиями советской власти должно стать улучшение здравоохранения и образования¹⁴.

В одной из первых статей в журнале «Сибирские огни» за 1922 г. автор Сары-Сэг Козынчаков доказывал необходимость выделения самостоятельной автономной области Ойрат. В обоснование этого решения он приводил обширные сведения о существовании Джунгарии, государства кочевых инородцев Алтая, потомков калмыков, уничтоженного в середине XVIII в. в ходе войны между Китайской империей и Джунгарией. Часть калмыков, бежавшая на север, попала в русское подданство. С того времени калмыки Горного Алтая считали себя единым народом, который распался на несколько племенных групп. Описывая систему родового управления, складывающуюся иерархию родоплеменной власти как фактор государствообразования, автор отмечал при этом культурный аспект, а именно отстаивание собственных верований против попыток обращения в православие. Таким образом, С.-С. Козынчаков увязывал культурно-религиозный фактор как государствообразующий и несущий основу для формирования советской государственности в виде создания автономной области Ойрат. К тому же автор крайне негативно оценивал «бесцеремонное стремление русских до революции к наживе», что, по его мнению, вызывало «ненависть» туземцев к пришлым русским. А отсюда вытекала необходимость создания самостоятельной Ойратской автономной области не только потому, что автохтонное население преобладало над русским (более 90 тыс. чел. против более 64 тыс.)¹⁵, но и в силу сохранения культурно-национальных и религиозных особенностей, имевших глубокие исторические корни.

Эта позиция была поддержана П. Устюговым в журнале «Жизнь Сибири». Он также дал развернутый обзор существования кочевого государства Джунгария до второй половины XVIII в. Но сохранение общности происхождения, языка, территориальной близости, хозяйственных форм и культурного развития привело к тому, что после Октябрьской революции 1917 г. различные племена Минусинского уезда объединились под именем хакасов. Объединительные процессы затронули и народности Алтая, русского и монгольского Урянхя. Исходя из этих факторов, автор поддержал на страницах журнала образование автономной Ойратской области и стремление шорцев к ней присоединиться¹⁶. В отличие от С.-С. Козынчакова, П. Устюгов вообще не упоминал о плохом отношении русских к туземцам. Одобряя создание автономной национальной области, он обращался к историческому прошлому

¹³ Рычков К. К вопросу о вымирании северных народностей Сибири // Сибирские огни. 1923. № 1–2. С. 185, 187, 191.

¹⁴ Устюгов П. Туземцы севера Сибири // Жизнь Сибири. 1923. № 6–7. С. 157, 158, 170.

¹⁵ Козынчаков С.-С. Культурно-исторический очерк об алтайцах (К вопросу о выделении автономной области «Ойрат») // Сибирские огни. 1922. № 1. С. 109, 111, 115.

¹⁶ Устюгов П. О туземцах юга Сибири // Жизнь Сибири. 1922. № 4. С. 83–84.

разрозненных народностей Южной Сибири, учитывая, в том числе, и фактор культурной общности.

Об историческом прошлом шорцев, которые когда-то входили в «федерацию Ойрат», писал в своей статье Леонид Сары Сэп. Он, так же как и С.-С. Козынчаков, обвинял царское правительство в том, что в конце XIX в. оно стало отбирать земли у шорцев и оттеснять их в тайгу и горы, обрекая на вымирание. Но этот процесс, по его мнению, продолжался и в современное ему время. Очень плохо обстояло дело с грамотностью: автор оперировал данными о том, что грамотных шорцев было всего 4,5 %. При этом люди, которых готовили для миссионерской деятельности из местного населения, разбежались. Все это требовало, по заключению автора, «экстренной помощи»¹⁷.

Проблемы общего образования некоторыми авторами тесно увязывались с развитием школ для национальных меньшинств. Например, М. Шамматов к меньшинствам относил коренные группы народов (татар, якутов, бурят, шорцев и др.), и «колонистов» (немцев, украинцев, латышей, поляков и др.). Интерес представляют статистические данные по национальным школам Сибири, приведенные автором на 1920/21 учебный год. В условиях нэпа характерными стали случаи снятия учреждений с государственного снабжения и перевод на содержание самого населения. И в этой ситуации М. Шамматов справедливо привлек внимание к возникшей проблеме: на смену органам народного образования у национальных меньшинств пришли представители духовенства. В образовательной среде национальных меньшинств Сибири стало развиваться «клерикально-националистическое движение» (в разной степени). В качестве решения проблемы автор предложил создание специального педагогического учебного заведения для представителей национальных меньшинств¹⁸.

Таким образом, в известной мере продолжая дореволюционную традицию постоянного обсуждения «иностранного вопроса» с обличением царского правительства к невниманию к проблемам и их «вымиранием», журнальная периодика начала 1920-х гг. активно обсуждала эти проблемы. Однако акцент существенно изменился: отстаивая тезис о своеобразии культурно-религиозных особенностей малочисленных народов Сибири, явно указывая на исторические корни их государственности (протогосударственности), обосновывался тезис резкого поднятия их культурного уровня, видя в этом необходимость создания собственных территориальных автономий. Этот вопрос был тесно увязан с привлечением внимания к созданию и развитию школ для малочисленных народов Сибири, приданию им особого статуса.

«...Надо строить новую жизнь»: ликвидация неграмотности, образование и наука на страницах журналов. В мае 1923 г. в Новониколаевске перед работниками советско-партийного аппарата и учреждений образования выступил народный комиссар просвещения А.В. Луначарский. Дав общую картину положения с образованием в стране («все мы много вынесли»), он поставил задачу: «...надо строить новую жизнь»¹⁹. Сибирские журналы много внимания уделяли вопросам ликвидации неграмотности, развития образования (общего, среднего специального и высшего) для огромного региона за Уралом.

Борьба за грамотность была объявлена борьбой за культуру. Уделялось внимание и ликвидации неграмотности народов Сибири, которые относились к национальным меньшинствам (по терминологии тех лет – «нацменам»). Решить эту проблему было чрезвычайно сложно. Малочисленные народы территориально были разбросаны и распылены; крайне редкими были учителя и методисты из их среды, которые имели, как правило, низкую квалификацию. В июне 1925 г. на Сибирском совещании по народному образованию обсуждался и этот вопрос. Было высказано, в частности, пожелание специально освещать вопросы культурного строительства среди отдельных национальностей на страницах «Сибирского педагогического журнала»²⁰. А годом ранее, в 1924 г., в Томском педагогическом техникуме

¹⁷ Сары Сэп Л. Шорцы // Жизнь Сибири. 1923. № 6–7. С. 172, 175.

¹⁸ Шамматов М. Просвещение национальных меньшинств // Жизнь Сибири. 1923. № 6–7. С. 177–178.

¹⁹ Луначарский А. Основы просветительской политики Советской власти (Речь Наркомпроса А. Луначарского в гор. Новониколаевске 19 мая 1923 г.) // Сибирский педагогический журнал. 1923. № 2. С. 15.

²⁰ Гайсин. По Сибсовнацмену // Сибирский педагогический журнал. 1925. № 6. С. 78.

был открыт киргизско-татарский техникум (отделение) с первым набором 60 татарских мальчиков²¹.

Достаточно полное представление о состоянии неграмотности в Сибири, проблемах и мерах по их решению содержалось в статье, опубликованной за подписью В. Пушьева (псевдоним В. Пупышева). Автор отмечал, что после резкого подъема кампании по ликвидации неграмотности (1921 г.) она стремительно пошла вниз по причине снятия политико-просветительных учреждений с государственного снабжения и перехода на местный, «далеко не окрепший» бюджет. На какие еще причины указывал автор? Недостаток учителей-ликвидаторов и их неподготовленность к решению стоящих задач, недостаток букварей и пособий, отсутствие помещений. К тому же погоня за количеством в ущерб качеству. Поэтому, ликвидируя неграмотность, необходимо готовить «политически грамотных граждан»²². Ленинский лозунг «Неграмотный человек стоит вне политики» стал основополагающим для решения не только задачи ликвидации неграмотности, но и культурного подъема населения в целом.

«Сибирский педагогический журнал» постоянно обращался к проблемам ликвидации неграмотности, не избегая анализа негативных явлений. В. Пупышев, постоянно освещавший этот вопрос, отмечал, что, несмотря на значительное количество открытых ликвидационных пунктов (в 1921 г. их было уже 8 тыс.), многие из них пустовали; обучение больше напоминало начетничество, а такие меры, как штрафы за непосещение, лишение пайков и даже задержание зарплаты, не давали необходимого результата. С 1923 г. начался новый этап борьбы с неграмотностью, изменилась методика обучения, появились новые учебные издания, что несколько улучшило работу²³. Обобщая этот опыт, редколлегия журнала активно публиковала статьи, заметки, зарисовки с различных губерний Сибири.

В 1923 г. в Москве было создано общество «Долой неграмотность» (ОДН). В Новониколаевске такое общество стало действовать с 1924 г. На страницах «Сибирского педагогического журнала» публиковались не только директивные статьи и материалы, но и осуществлялась обратная связь: информация с мест о том, как проходила ликвидация неграмотности. Говоря о роли учителя и избача в работе сельских ячеек ОДН в Сибирском крае, автор одной из заметок писал, что первой их задачей является ликвидировать неграмотность членов сельсовета, членов РКП(б) и комсомола, профсоюзов, женотделов и допризывников. Для этого использовалось групповое или одиночное обучение, проводились лекции и доклады, агитационные пьесы, торжественные выпуски окончивших школы²⁴. Работники учреждений образования были не только в курсе того, что происходило в огромном крае, но по-своему применяли различные методы по ликвидации неграмотности в своей работе.

Сибирские журналы уделяли постоянное внимание вопросам общего образования. Задачи государственной политики в этом вопросе достаточно хорошо изучены в литературе. Но какова была реакция с мест? Интересна заметка Б. Нелидова из Алтайской губернии (1925 г.). Говоря об образовании, он отмечал положительные тенденции: общее улучшение положения в стране привело к улучшению положения учительства; возросло доверие крестьян к советской власти, что увеличило доверие и к школе; улучшился школьный бюджет; партийные организации оказывали школе реальную помощь. Но возросла и нагрузка на учителей: они активно участвовали в работе по ликвидации неграмотности, фактически без выходных (в эти дни принимали участие в различных общественных мероприятиях)²⁵.

В 1922 г., по данным журнала «Жизнь Сибири», в регионе осуществлялась подготовка специалистов по следующим направлениям: педагогическое, техно-промышленное,

²¹ Иванов П.П. Первый сибирский татарско-киргизский педтехникум в Томске (К истории татарской школы в Сибири) // Сибирский педагогический журнал. 1924. Кн. третья (восьмая). С. 81.

²² Пушев В. Перспективы ликвидации неграмотности в Сибири // Сибирский педагогический журнал. 1923. № 2. С. 120–121.

²³ Пупышев В. Пять лет борьбы // Сибирский педагогический журнал. 1925. № 1 (11). С. 4–5.

²⁴ Веллер Л. Учитель и избач в работе ОДН // Сибирский педагогический журнал. 1925. № 7–9. С. 70–71.

²⁵ Нелидов Б. Школа и учитель в Алтайской губернии // Сибирский педагогический журнал. 1925. № 2. С. 90–91.

сельскохозяйственное, медицинское, горное, художественно-музыкальное, общественных наук. При этом из указанных три первых были в явных лидерах. Переход к новой экономической политике (нэп) выявил острые проблемы, стоящие перед образованием, на которые обращал внимание журнал. Период «вузомании», как характеризовал автор статьи Г. Черемных предшествующее время, когда «чуть ли не каждый уездный город стремился открыть у себя высшее учебное заведение», оставался позади. Процесс «широкого потока в открытии вузов» был преодолен. Более того, набирала скорость другая тенденция – закрытие отдельных учебных заведений либо объединение нескольких заведений в одно. Ряд учебных заведений были переведены из высшего разряда в низший, требующий меньших затрат. Некоторые профессионально-технические заведения передали соответствующим ведомствам и хозяйствующим субъектам, которые в целях экономии и самокупаемости (требование нэпа) стали эти заведения сокращать или вообще прикрывать. Например, был закрыт факультет общественных наук (ФОН) Томского университета, Омский земельный институт был объединен с Омской сельскохозяйственной академией, Красноярский практический политехнический институт и Омский художественно-промышленный институт были понижены до уровня техникумов нормального типа.

Какова была позиция журнала в связи со сложившимся положением в сфере образования? Это акцентирование внимания на принятии мер по сдерживанию оттока преподавателей из Сибири в образовательные центры Европейской России. Этот процесс принимал угрожающие размеры и грозил торможением социокультурного развития Сибирского края. Широко распространившееся в связи с этим совместительство проблемы не решало. Курс Народного комиссариата просвещения РСФСР (Наркомпрос) на приоритетное развитие среднего политехнического образования, осуществлявшийся «экстраординарными мерами», во многом зависел от «дальновидности хозяйствующих сил Сибири». И именно от этого, по мнению журнала, будет зависеть дальнейший ход всего народного просвещения в Сибири²⁶.

Особое внимание уделялось проблемам развития высшего образования в Сибири. Так, в 1922 г. при Главпрофобре прошло два совещания ректоров вузов. Но на первом (май 1922 г.) были представлены в основном московские и петроградские вузы, а на втором, прошедшем в декабре в Новониколаевске, приняли участие ректоры шести сибирских вузов и двух практических институтов. Обзорная статья, посвященная итогам этого совещания, была опубликована в журнале «Жизнь Сибири». Автор И. Самодаров дал развернутый обзор состояния высшего образования в Сибири и в то же время высказал некоторые соображения. Ректорское совещание определило состояние высшей школы как кризисное, отмечая его проявления: слабая материальная база, «глубокая связанность университетского знания со старой, буржуазной культурой», «борьба пролетарской и буржуазной культур» и «приспособление старой культуры к новым социальным формам». Кроме того, причинами «упадочного состояния» вузов являлись кризис среднего образования в стране в целом, недостаточность развитой сети рабочих факультетов, отсутствие точно установленных учебных планов в вузах. Кризисы и нестыковки новой экономической политики усугубляли проблемы. Освещая вопрос, автор солидаризовался с выводами совещания, заключавшимися в усилении государственной политики в сфере высшего образования. В частности, в контроле преподавания в вузах органами государственной власти и тесном сотрудничестве вузов с ними, назначении всех вузовских органов управления (а не избрании), предоставлении права революционному студенчеству участвовать в управлении вузами. Выходом из ситуации, по мнению ректоров вузов, было бы создание Сибирского Ученого Совета, который бы разрабатывал учебные планы для сибирских вузов, определял продолжительность обучения по специальностям для каждого вуза, назначал и увольнял вузовских преподавателей²⁷.

²⁶ Черемных Г. Народное просвещение в Сибири // Жизнь Сибири. 1922. № 3. С. 69, 71, 81.

²⁷ Самодаров И. Высшее образование в Сибири (Очерк по материалам 1-го Сибирского ректорского совещания) // Жизнь Сибири. 1923. № 1. С. 56–57.

Таким образом, вопросам как общего, так и высшего образования в послереволюционный период в Сибири уделялось постоянное внимание. Читательская аудитория, а это прежде всего работники образовательных учреждений, была информирована о насущных проблемах и методах их решения в своей области. Это формировало информационную картину, определяло приоритеты в профессиональной деятельности.

Выводы. Журнальная периодика первой половины 1920-х гг. успешно выполняла одну из важнейших функций социокультурной коммуникации, а именно – воспроизводство конкретного типа общества и присущего ему типа культуры. На страницах журналов значительное место уделялось вопросам культуры в различных аспектах: в решении национального вопроса, ликвидации неграмотности, проблем общего и высшего образования. При этом существующие проблемы не замалчивались, авторы высказывали свои мнения, формируя общую информационную картину читающей аудитории, а также ценностные ориентиры исходя из новых задач послереволюционного периода в регионе.

Литература

- Большая энциклопедия: в 62 т. / гл. ред. С.А. Кондратов. М.: ТЕРРА, 2006. Т. 24. 592 с.
- Брюханова Е.А., Рыгалова М.В. Динамика численности городского населения в контексте урбанизационных процессов в Сибири в 1897–1917 гг. // Вопросы истории. 2023. № 10 (1). С. 32–39.
- Интеллигенция Сибири в первой трети XX века: статус и корпоративные ценности / С.А. Красильников, Л.И. Пыстина, С.Н. Ушакова, Л.Б. Ус. Новосибирск: Сова, 2007. 310 с.
- История Иркутской губернии: в 4 т. / ред. Л.М. Дамешек. Иркутск: Изд. дом БГУ, 2024. 616 с.
- Красильников С.А. Сибирская провинция и центр: культурная грань взаимодействия в послереволюционные годы // Гуманитарные науки в Сибири. 1998. № 2. С. 24–30.
- Красильников С.А. Власть и интеллигенция в динамике постреволюционных отношений // Советская региональная культурная политика: проблемы изучения: сб. науч. тр. Новосибирск, 2004. С. 86–98.
- Красильников С.А. Время, культура, личность: к 90-летию В. Л. Соскина // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История. Филология. 2015. Т. 14, № 8. С. 209–214.
- Красильников С.А., Соскин В.Л. Интеллигенция Сибири в период борьбы за победу и утверждение Советской власти, 1917 – лето 1918. Новосибирск: Наука, 1985. 255 с.
- Легостаева И.В. Образ Сибири в периодических изданиях второй половины XIX – начала XX вв. // Вопросы истории. 2020. № 10 (3). С. 205–210.
- Соскин В.Л. Очерки истории культуры Сибири в годы революции и гражданской войны (конец 1917 – начало 1921 гг.). Новосибирск: Наука, 1965. 281 с.
- Соскин В.Л. Современная историография советской интеллигенции России: метод. рекомендации к курсам «История отечественной интеллигенции» и «Отечественная история». Новосибирск: Изд-во НГУ, 1996. 83 с.
- Соскин В.Л. Высшее образование и наука в советской России: первое десятилетие (1917–1927 гг.). Новосибирск: Изд-во НГУ, 2000. 119 с.
- Чернова (Козлова) И.С. Становление профессионального сообщества сибирских журналистов во второй половине XIX – начале XX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2020. Т. 27, № 1. С. 57–63.
- Шелестов Д.К. У истоков советской историографии Сибири // Вопросы истории. 1972. № 6. С. 126–132.
- Энциклопедический словарь / гл. ред. Б.А. Введенский. М.: Изд-во БСЭ, 1954. Т. 2. 719 с.

References

Bryuhanova, E.A., Rygalova, M.V. (2023). Dinamika chislennosti gorodskogo naseleniya v kontekste urabanizatsionnykh protsessov v Sibiri v 1897–1917 gg. [Dynamics of Number of Urban Populations in the Context of Urbanizations Processes in Siberia in 1897–1917]. In *Voprosy istorii*. No. 10 (1), pp. 32–39.

Chernova (Kozlova), I.S. (2020). Stanovlenie professional'nogo soobshchestva sibirskikh zhurnalistov vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. [The Formation of a Professional Community of Siberian Journalists in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. Vol. 27, No. 1, pp. 57–63.

Dameshek, L.M. (Ed.). (2024). Istoriya Irkutskoy gubernii: v 4 tomakh [History of the Irkutsk Province]. Vol. 4. Irkutsk, Izdatel'skiy dom BGU. 616 p.

Kondratov, S.A. (Ed.). (2006). Bol'shaya entsiklopediya: v 62 tomakh [Great Encyclopedia: In 62 vol]. Vol. 24. Moscow, TERRA. 592 p.

Krasil'nikov, S.A. (1998). Sibirskaya provintsiya i tsentr: kul'turnaya gran' vzaimodeystviya v poslerevolutsionnye gody [Siberian Province and Center: A Cultural Side of Interaction in Postrevolutionary Years]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. No. 2, pp. 24–30.

Krasil'nikov, S.A. (2004). Vlast' i intelligentsiya v dinamike postrevolyutsionnykh otnosheniy [The Power and the Intellectuals in Dynamics of the Post-Revolutionary Relations]. In *Sovetskaya regional'naya kul'turnaya politika: problemy izucheniya*. Novosibirsk, pp. 86–98.

Krasil'nikov, S.A. (2015). Vremya, kul'tura, lichnost': k 90-letiyu V.L. Soskina [Time, Culture, Personality: To V.L. Soskin's 90 Anniversary]. In *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya. Filologiya*. Vol. 14, No. 8, pp. 209–214.

Krasil'nikov, S.A., Pystina, L.I., Ushakova, S.N., Us, L.B. (2007). *Intelligentsiya Sibiri v pervoy treti XX veka: status i korporativnye tsennosti* [Intelligence Siberia in the First Third of the 20th Century: Status and Corporate Values]. Novosibirsk, Sova. 310 p.

Krasil'nikov, S.A., Soskin, V.L. (1985). *Intelligentsiya Sibiri v period bor'by za pobedu i utverzhdenie Sovetskoy vlasti, 1917 – leto 1918* [Intelligence Siberia during Fight for a Victory and the Statement of the Soviet Power, 1917 – Summer of 1918]. Novosibirsk, Nauka. 255 p.

Legostaeva, I.V. (2020). Obraz Sibiri v periodicheskikh izdaniyakh vtoroy poloviny XIX – nachala XX vv. [An Image of Siberia in Periodicals of the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. In *Voprosy istorii*. No. 10 (3), pp. 205–210.

Shelestov, D.K. (1972). U istokov sovetskoy istoriografii Sibiri [At Sources of the Soviet Historiography of Siberia]. In *Voprosy istorii*. No. 6, pp. 126–132.

Soskin, V.L. (2000). *Vysshee obrazovanie i nauka v sovetskoy Rossii: pervoe desyatiletie (1917–1927 gg.)* [The Higher Education and Science in the Soviet Russia: The First Decade (1917–1927)]. Novosibirsk, Izdatel'stvo NGU. 119 p.

Soskin, V.L. (1965). Ocherki istorii kul'tury Sibiri v gody revolyutsii i grazhdanskoy voyny (konets 1917– nachalo 1921 gg.) [Essays of Cultural History of Siberia in Days of Revolution and Civil War (The End 1917 – Early 1921)]. Novosibirsk, Nauka. 281 p.

Soskin, V.L. (1996). *Sovremennaya istoriografiya sovetskoy intelligentsii Rossii: metod. rekomendatsii k kursam “Istoriya otechestvennoy intelligentsii” i “Otechestvennaya istoriya”* [Modern Historiography of the Soviet Intellectuals of Russia: Guidelines to the Courses “History of the Domestic Intellectuals” and “National History”]. Novosibirsk, Izdatel'stvo NGU. 83 p.

Vvedenskiy, B.A. (Ed.). (1954). *Entsiklopedicheskiy slovar'* [Encyclopedic Dictionary]. Moscow, BSE. Vol. 2. 719 p.

А.И. Савин*

**ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ШКОЛА В РСФСР
В 1930-Е ГОДЫ: ОТ ЭКСПЕРИМЕНТА
«ПОЛИТЕХНИЗАЦИИ» К ТРАДИЦИОННЫМ
ФОРМАМ ОБУЧЕНИЯ****doi:10.31518/2618-9100-2025-1-3
УДК 94(47+57)+373"193"

Выходные данные для цитирования:
Савин А.И. *Общеобразовательная школа в РСФСР в 1930-е годы: от эксперимента «политехнизации» к традиционным формам обучения // Исторический курьер. 2025. № 1 (39). С. 35–48.*
URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-1-03.pdf>

A.I. Savin*

**GENERAL EDUCATION SCHOOL IN THE RSFSR
IN THE 1930S: FROM THE EXPERIMENT
OF “POLYTECHNIZATION” TO TRADITIONAL TRAINING****

doi:10.31518/2618-9100-2025-1-3

How to cite:
Savin A.I. *General Education School in the RSFSR in the 1930s: From the Experiment of “Polytechnization” to Traditional Training // Historical Courier, 2025, No. 1 (39), pp. 35–48. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-1-03.pdf>]*

Abstract. The article analyzes the system of school education in Soviet Russia in the 1930s as the main source of student recruitment. Based on a wide range of sources, the author analyzed the radical transformations of school education during the “cultural revolution” of the early 1930s. First of all, it provoked the liquidation of schools of the 2nd level, as well as the so-called “polytechnization” of the educational process. These transformations were caused by the leftist ideas of leading figures of the People’s Commissariat of Education, headed by N. Krupskaya and A. Bubnov. They stated the need to make the secondary school “proletarian”, transform it into an element of industrial production and the collective farm system, as well as the need to replace the “semi-bourgeois” school of the 2nd level with working faculties, technical colleges and schools of factory apprenticeship. Revolutionary transformations in the school education system were designed to complement the radical transformation of higher education aimed at the maximum simplification and acceleration of the process of training specialists. The article concludes that these innovations literally called into question the very existence of the school as an effective educational institution capable of directly providing trained personnel for vocational and higher education and indirectly - for the national economy and management. This is clearly proved by the actions of the top Party-Soviet leadership, which quickly realized the need to choose between the “pluses” of polytechnization of school education in the form of making schoolchildren “labor force” and the “minuses” of the failure of general education theoretical training, and, as a consequence, the failure of the entire system of vocational and higher education. As a result, in 1932 the classical classroom-lesson system of education was restored, the last vestige of polytechnic school – labor education – was cancelled as an independent subject in March 1937. The main task of general education school was declared to be the quality of training, in parallel to the normalization and unification of the educational process.

Keywords: RSFSR, general education school, 2nd level school, People’s Commissariat of Education, “cultural revolution”, polytechnization, students.

* **Андрей Иванович Савин**, кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: a_savin_2004@mail.ru

Andrey Ivanovich Savin, Candidate of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: a_savin_2004@mail.ru

** Статья выполнена в рамках темы государственного задания Минобрнауки Российской Федерации «Социум и власть в России в XX – начале XXI вв.: политическое участие, коммуникация, идентичность акторов» (FWZM-2024-0008).

The article was completed within the framework of the topic of the state assignment of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation "Society and Power in Russia in the 20th – Early 21st Centuries: Political Participation, Communication, Identity of Actors" (FWZM-2024-0008).

The article has been received by the editor on 01.02.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье анализируется система школьного образования в Советской России в 1930-е гг. в качестве главного источника рекрутирования студенчества. На основании широкого круга источников автор подверг радикальные преобразования школьного образования в ходе «культурной революции» начала 1930-х гг. Речь идет прежде всего о фактической ликвидации школ 2-й ступени, а также о так называемой «политехнизации» образовательного процесса. Эти преобразования были обусловлены левыми представлениями ряда руководящих деятелей Наркомпроса РСФСР во главе с Н.К. Крупской и А.С. Бубновым о «пролетаризации» общеобразовательной школы, ее превращении в элемент промышленного производства и колхозной системы, а также необходимости заменить «полубуржуазную» школу 2-й ступени рабочими факультетами, техникумами и школами фабрично-заводского ученичества. Революционные преобразования в системе школьного образования были призваны органично дополнять радикальную трансформацию высшей школы, нацеленную на максимальное упрощение и ускорение процесса подготовки специалистов. Сделан вывод о том, что эти новации в буквальном смысле поставили под вопрос само существование школы как действенного образовательного института, способного обеспечить подготовленными кадрами непосредственно профессионально-техническое и высшее образование и опосредованно – экономику и управление. Это наглядно доказывают действия высшего партийно-советского руководства, которое достаточно быстро осознало необходимость выбирать между «плюсами» политехнизации школьного образования в виде «орабочения» школьников и «минусами» провала общеобразовательной теоретической подготовки и, как следствие, провала всей системы профессионально-технической и высшей школы. В результате уже в 1932 г. классическая классно-урочная система обучения была восстановлена в своих правах, последний рудимент политехнической школы – трудовое обучение – был ликвидирован в качестве самостоятельного предмета в марте 1937 г. Главной задачей общеобразовательной школы было объявлено качество подготовки, параллельно осуществлялась нормализация и унификация учебного процесса.

Ключевые слова: РСФСР, общеобразовательная школа, школа 2-й ступени, Наркомпрос, «культурная революция», политехнизация, студенчество.

Статья поступила в редакцию 01.02.2025 г.

Система советского школьного образования к концу нэпа находилась в процессе становления и развития, причем в этом процессе преобладали положительные тенденции: увеличивалась общая численность школ и учащихся, улучшалась материально-техническая база, росло число педагогов, постепенно сокращалась резкая диспропорция между начальной и средней школой, усиливалась преемственность между средней и высшей школой. При условии дальнейшего устранения институциональных препятствий и поступательного развития советская школа обещала превратиться в действенный образовательный институт, способный обеспечить подготовленными кадрами непосредственно профессионально-техническое и высшее образование и опосредованно – экономику и управление.

Однако в годы сталинской «революции сверху» на сферу школьного образования в буквальном смысле обрушились радикальные преобразования, поставившие под вопрос само существование школы в качестве традиционного института народного образования и главного источника рекрутирования студенчества.

Количественную составляющую революционных преобразований было призвано обеспечить введение всеобщего обязательного начального обучения, а также обязательного обучения в объеме фабрично-заводской школы-семилетки (ФЗС) в промышленных городах, фабрично-заводских районах и рабочих поселках, о чем было объявлено с трибуны XVI съезда ВКП(б). Кроме того, предусматривался «охват школами колхозной молодежи основной массы колхозной молодежи»¹.

План введения всеобщего начального образования был практически реализован в РСФСР к середине 1931 г. В 1929/1930 уч. г. в республике насчитывалось около 84,2 тыс. школ 1-й ступени с количеством учащихся около 6 707 тыс.², в 1930/1931 уч. г. численность начальных школ выросла до 94 тыс., учащихся – до 8 969 тыс. чел.³ По данным, приведенным наркомом просвещения РСФСР А.С. Бубновым в августе 1931 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП(б), общее число учащихся четырехлетних школ 1-й ступени достигло в РСФСР 10 млн чел. (в СССР – 15 млн), охват детей начальной школой увеличился до 92,5 %. Кроме того, в СССР на ускоренных курсах училось еще около 3 млн детей в возрасте 11–15 лет, так называемых «переростков», не прошедших курса начальной школы⁴.

Темпы роста «повышенной» школы были еще более впечатляющими: по сравнению с 1929/1930 уч. г. (3 446 школ и 929 607 учащихся) численность школ-семилеток, ФЗС и ШКМ увеличилась в 1930/1931 уч. г. в 1,6 раза (5 637 школ), численность учащихся – примерно в 2 раза (1 865 969 чел.)⁵. По данным наркома просвещения РСФСР А.С. Бубнова, число фабрично-заводских семилеток по сравнению с 1929/1930 уч. г. выросло в РСФСР (без учета автономных республик и областей) в 1930/1931 уч. г. с 277 до 1 707, а число обучавшихся в них – со 132 тыс. до 1 042 тыс. чел. Прирост школ колхозной молодежи выглядел на этом фоне скромнее – с 2 253 до 2 812, численность их учащихся увеличилась со 144 тыс. до 447 тыс. чел.⁶ Впечатляющий количественный рост школ и учащихся обеспечивался увеличением государственных расходов на образование. В 1929/1930 уч. г. ассигнования на школу выросли в 10 раз по сравнению с 1925/1926 уч. г. и продолжали расти⁷.

На этом общем фоне диссонансом выглядело резкое сокращение в 1930/1931 уч. г. численности средних школ (школы 2-й ступени, школы-девятилетки и десятилетки). Уже самые первые характеристики этих школ деятелями Наркомпроса РСФСР были крайне нелицеприятными. Как писал в 1920 г. А.В. Луначарский, «школы 2-й ступени – бывшие гимназии и институты, эти рассадники чиновников-бюрократов и мягкотелых интеллигентов – для бодрой творческой жизни совершенно не годились». Не менее ругательной была также характеристика учителей школ 2-й ступени: «исключительно или ученые сухари, или чиновники, люди в фулярах, совершенно неприспособленные даже к самому поверхностному проведению в жизнь идей новой школы»⁸. Поскольку выпускники этих школ должны были по логике вещей являться основным источником рекрутирования советского студенчества, их явно непролетарский социальный состав чрезвычайно беспокоил власть.

¹ 5 февраля 1930 г. было принято постановление Наркомпроса РСФСР о перестройке школ крестьянской молодежи в связи с задачами коллективизации, в соответствии с которым эти школы были преобразованы в школы колхозной молодежи, призванные обеспечить «соединение всех учебных дисциплин с производственным обучением».

² Культурное строительство в СССР. Статистический сборник. М.; Л., 1940. С. 40. По другим данным Наркомпроса, в 1929/1930 учебном году в РСФСР имелось 89,6 тыс. школ 1-й ступени с количеством учащихся около 7 млн чел. См.: Культурное строительство в РСФСР. Документы и материалы (1917–1977). Т. 2: 1928–1941. Ч. 1. М., 1985. С. 195.

³ Там же.

⁴ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 3. Оп. 33. Д. 38. Л. 48–49.

⁵ Культурное строительство в СССР... С. 40.

⁶ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 38. Л. 48–49.

⁷ Балашов Е.М. Политика в области школьного, профессионально-технического и среднего специального образования, 1917–1941 годы // Расписание перемен. Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930-е годы). М., 2012. С. 473.

⁸ Народный комиссариат по просвещению. 1917 – октябрь – 1920 (краткий отчет). ГИЗ: 1920. С. 35.

Так, по данным на 1 января 1925 г., в школах 2-й ступени и школах-девятилетках в РСФСР доля детей крестьян составляла 32,3 %, рабочих – 21,55 %, остальных категорий населения – 46,15 %. В городских школах 2-й ступени картина выглядела еще более «неблагоприятно» – доля детей «прочих» достигала 60 %⁹. Как отмечала коллегия Наркомпроса РСФСР в июле 1928 г., «пролетарское ядро» в составе учащихся средней школы было «совершенно незначительно», а дети рабочих, батраков и беднейших крестьян «доходили до старших групп одиночками»¹⁰.

Эту ситуацию, по признанию Наркомпроса, невозможно было исправить быстро, «влив сразу в эти школы в значительном количестве, особенно в старшие группы, детей рабочих и крестьян, <...> так как не было в достаточной степени подготовленных кадров детей»¹¹. Чтобы хоть как-то «улучшить» социальный состав учащихся, в 1925/1926 уч. г. были введены стипендии для обеспечения учеников школ 2-й ступени – детей из числа «беднейшего пролетариата»¹². Однако выделяемых средств было явно недостаточно, чтобы, как заявил в декабре 1928 г. А.В. Луначарский, выступая с докладом на заседании СНК РСФСР, «обеднaczyć и опролетаризировать» среднюю школу¹³. Это выступление Луначарского дает четкое представление о двух путях решения проблемы, предлагавшихся в конце 1920-х гг. конкурировавшими между собой группами в руководстве Наркомпроса.

Радикальный вариант представляла Н.К. Крупская, которую активно поддерживало руководство ВЛКСМ. Ссылаясь на украинский опыт, где образовательный сегмент двух последних классов школ-девятилеток был преобразован в техникумы, Крупская требовала «профессионализировать» среднюю школу. Как заметил Луначарский, «комсомол думает, что если мы эти школы назовем техникумами, то в таком случае пролетариат сюда скорее пойдет, ибо он будет по окончании этой профессионализированной девятилетки иметь определенный кусок хлеба». В качестве еще одного аргумента в пользу своей позиции Крупская указывала, что по своей численности школы 2-й ступени – это лишь «волосок» в масштабе всей системы образования, и их ликвидация пройдет безболезненно.

Оппонентом Крупской выступал Луначарский, настаивавший на сохранении школы 2-й ступени. В частности, он ссылаясь на неудачу «украинского» опыта, который показал, что техникумы не могут быть источником подготовки качественного пополнения для вузов. В то же время в РСФСР выпускники школ 2-й ступени составляли, несмотря на все классовые фильтры, около 30,0 % поступавших в вузы¹⁴, а в республике в целом «этот волосок» насчитывал «полмиллиона людей». Повысить уровень «пролетаризации» средней школы Луначарский предлагал за счет серьезного увеличения стипендий «для бедноты»¹⁵.

Не имея возможности кардинально изменить социальный состав учащихся средней школы, власть поставила барьер не на входе, а на выходе из этого лифта социальной мобильности. Этот барьер в виде системы привилегий для детей рабочих и беднейших крестьян был призван минимизировать долю выпускников школ 2-й ступени среди лиц, поступивших в вузы. По данным Наркомпроса, в 1927/1928 уч. г. попасть в вузы могли рассчитывать лишь 15–16 % выпускников школ 2-й ступени и школ-девятилеток, которым удавалось не только успешно сдать экзамены, но и документально доказать свою принадлежность к «трудя-

⁹ Народное просвещение в РСФСР к 1927–28 учебному году. Отчет Наркомпроса РСФСР за 1926/27 учебный год. М.; Л., 1928. С. 52. Подсчет наш на основании приведенных табличных данных.

¹⁰ Культурное строительство в РСФСР... С. 150.

¹¹ Там же. С. 48, 52.

¹² Народное просвещение в РСФСР к 1926–27 учебному году. Отчет Наркомпроса РСФСР за 1925/26 учебный год. М.; Л. 1927. С. 35.

¹³ Культурное строительство в РСФСР... С. 158.

¹⁴ По данным на 1926/1927 уч. г., больше половины всех абитуриентов, поступивших в РСФСР в вузы, окончили школы 2-й ступени (54,4 %). Еще 6 % абитуриентов поступили в этом году в вузы, не окончив школы 2-й ступени. Однако необходимо учесть, что такой высокий процент выпускников школ 2-й ступени среди поступивших в вузы в этом году объяснялся тем, что в 1926 г. впервые в советской истории большая часть абитуриентов поступала в вузы на основе свободной конкуренции. См.: Народное просвещение в РСФСР к 1927–28 учебному году... С. 108.

¹⁵ Культурное строительство в РСФСР... С. 159–161.

ществу населения». В результате большинство выпускников школ 2-й ступени, главным образом дети интеллигентов, были лишены возможности продолжить свою учебу¹⁶.

Тем не менее государство, ограничивая для выпускников средней школы возможность учиться в вузах, прагматически стремилось использовать их образовательный потенциал. Для этого в конце 1920-х гг. была осуществлена профессионализация второго центра школ 2-й ступени (8–9-е классы): школы получили право готовить в своих стенах специалистов народного хозяйства определенного профиля. Наиболее распространенным «уклоном» был педагогический, в его рамках средние школы занимались подготовкой учителей начальной школы. Кроме того, имелись кооперативный, промышленно-экономический, административно-советский и тому подобные «уклоны»¹⁷.

Противники школ 2-й ступени, выступавшие за их ликвидацию, рассчитывали, что рабочие факультеты как «своеобразное среднее учебное заведение для рабоче-крестьянской молодежи», а также «повышенная» политехническая школа (ФЗС), где подавляющее число учащихся также составляли выходцы из рабочих, смогут заменить эти «полубуржуазные» школы в качестве главного источника рекрутирования студенчества¹⁸. Судьба средней школы к концу нэпа все еще оставалась предметом спора между различными группами руководства Наркомпроса, однако вырисовывалась четкая тенденция, направленная на инспирирование социальной мобильности выходцев из рабочих за счет превращения среднего профессионального образования в главный источник рекрутирования студенчества.

Не сумев в годы нэпа добиться «пролетаризации» средней школы, которая продолжала оставаться преимущественно уделом выходцев из интеллигенции, «революционеры от образования» использовали представившийся шанс, чтобы разрушить «школу схоластики, словесности и оторванности от производства»¹⁹. По сравнению с 1929/1930 уч. г. количество школ 2-й ступени и соответственно их учеников уменьшилось примерно в 3 раза – до 580 школ и 344,8 тыс. чел.²⁰ Около 46 % школ 2-й ступени были реорганизованы в течение 1930/1931 уч. г. в техникумы, эту реорганизацию планировалось полностью закончить в 1932 г., еще до завершения первой пятилетки. Соответствующее постановление было принято Наркомпросом РСФСР 19 апреля 1930 г. по итогам Второго Всесоюзного партийного совещания по народному образованию.

Первые количественные результаты «большого скачка» в сфере школьного образования отличались с точки зрения функционирования школы как лифта социальной мобильности крайней противоречивостью. Казалось бы, впечатляющие приросты объемов лифта неоспоримо свидетельствовали в свою пользу. Однако давать объективную оценку состояния лифта только с опорой на общие недифференцированные статистические данные было бы неверно. Прирост численности неполных средних школ явно не успевал за резким ростом количества начальных школ, что отнюдь не способствовало устранению диспропорции и улучшению преемственности между начальной и неполной средней школой. Так, в 1930/1931 уч. г. доля учащихся «повышенной школы» составляла всего 16,5 % от общей численности школьников в РСФСР. Еще хуже обстояло дело со средним образованием: доля учеников средней школы равнялась в 1930/1931 уч. г. 2,95 % от общей численности школьников и 17,8 % – от численности учащихся «повышенной» школы²¹. Что же касается только старших классов средней школы, то в 1931 г. в СССР в них училось лишь около 3 % лиц, окончивших семилетнюю школу²².

¹⁶ Балашов Е.М. Политика в области школьного, профессионально-технического и среднего специального образования... С. 448.

¹⁷ Народное просвещение в РСФСР к 1927–28 учебному году... С. 49.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Культурное строительство в РСФСР... С. 179–185.

²⁰ Народное просвещение в РСФСР в основных показателях. Статистический сборник (1927/28 – 1930/31 гг. со включением некоторых данных за 1931/32 г.). М.; Л., 1932. С. 16. В литературе приводятся разные цифры численности средних школ и учащихся в эти годы.

²¹ Культурное строительство в СССР... 1940. С. 40.

²² Народное образование в СССР, 1917–1937 гг. М., 1967. С. 64.

В итоге начальная школа, являвшаяся основным сегментом института школьного образования, могла обеспечить подавляющему большинству учащихся лишь преимущественно «короткие» лифты социальной мобильности. В условиях, когда в СССР по-прежнему насчитывались десятки миллионов неграмотных и даже представители партийно-государственной элиты редко могли похвастать образованием в объеме дореволюционной гимназии, не говоря уже о высшем образовании, знания в объеме начальной школы действительно могли способствовать успешным социальным перемещениям. Однако в таком случае образование было только одним и далеко не самым важным фактором мобильности.

Серьезные последствия для образовательной, а в конечном итоге и для социальной мобильности скрывала в себе попытка устранить из состава общеобразовательной школы сегмент средней школы в качестве основного источника рекрутирования студенчества. После кампании по ликвидации средних школ и преобразования их в техникумы в РСФСР в 1931/1932 уч. г. осталось всего четыре средние школы, в которых обучались 4,2 тыс. учеников²³. Планировалось, что с задачей подготовки абитуриентов теперь успешно справятся профессионально-технические учебные заведения, основной контингент которых составляла рабочая молодежь, что закономерно должно было существенно ускорить групповую социальную мобильность выходцев из рабочих. Роль главной «кузницы» студенческих кадров отводилась школам фабрично-заводского ученичества (ФЗУ), построенным на базе школы-семилетки, которые были призваны «обеспечить усвоение учащимися общего и политехнического образования, позволяющих продолжать образование в высшем учебном заведении»²⁴.

Однако ФЗУ, прямым предназначением которых являлась подготовка квалифицированных рабочих, плохо справлялись с задачей подготовки абитуриентов. ФЗУ в основном комплектовались учащимися пятых и шестых групп школ ФЗС, в результате, как признавал в августе 1931 г. А.С. Бубнов, происходило «понижение образовательного уровня учащихся в школах фабрично-заводского ученичества». По данным весеннего приема 1930 г., число учащихся ФЗУ с образованием в объеме начальной школы составляло около 59 %, с семилетним – 23,5 %. Рост численности ФЗУ и общего числа учащихся (в 1931 г. общее число учащихся ФЗУ составляло 453,7 тыс. чел., в 1932 г. планировалось набрать 662,1 тыс.) привел к тому, что доля выпускников семилеток среди принятых в ФЗУ продолжала сокращаться, при этом среди учащихся ФЗУ росло число лиц, не окончивших даже начальную школу²⁵.

Качественная «революционная» трансформация общеобразовательной школы, помимо устранения школ 2-й ступени, заключалась в так называемой политехнизации процесса обучения: начальная и «повышенная» школа прикреплялась к промышленным предприятиям, совхозам, колхозам и МТС. Основу учебного процесса, непосредственно увязанного с производственным процессом, теперь должно было составлять «трудовое обучение» в форме так называемого «метода проектов», горячим сторонником которого являлась Н.К. Крупская. «Метод проектов» предполагал выполнение школьниками производственных заданий с использованием полученных в школе знаний в рамках договоров, которые заключались между школами и производственными организациями. Например, школы колхозной молодежи производили для колхозов подсчеты трудодней, занимались обмером сельскохозяйственных площадей и т.д.

25 июля 1930 г. было принято постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «Об очередных задачах культурного строительства в связи с итогами II Всесоюзного партсовещания

²³ Культурное строительство в СССР... С. 40.

²⁴ Проект постановления Политбюро ЦК ВКП(б) «К докладу о состоянии и задачах начальной и средней школы» от 4 августа 1931 г. См.: РГАНИ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 38. Л. 92.

²⁵ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 38. Л. 92–93; *Веселов А.Н.* Низшее профессионально-техническое образование в РСФСР: Очерки по истории профтехобразования. М., 1955. С. 183. По данным А.С. Бубнова (1931 г.), численность учащихся ФЗУ и школ ученичества массовых профессий составляла в СССР в 1929 г. 163 тыс., в 1930 г. – 589 тыс. и в 1931 г. – свыше миллиона человек. См.: *Бубнов А.С.* Основные вопросы перестройки высшего образования // Коммунистическое просвещение. 1931. № 9. С. 23.

по народному образованию»²⁶. Основной посыл постановления сводился к тому, что «старая» предметная «схоластическая» школа уделяет слишком много внимания общеобразовательным задачам в ущерб интересам пролетариата, в то время как советская школа не должна стоять в стороне от «бурной жизни». В первую очередь школа обязана выполнять ленинский завет: «каждый шаг учебы соединить с трудом рабочих и крестьян»²⁷. В «политехнической» школе учитель в первую очередь должен был «идеологически воспитывать» детей, а уж только потом учить их. Во главе процесса «перевода школы на рельсы политехнизма» оказались наиболее левые деятели Наркомпроса, которые требовали «освободить» школу от «традиционных излишеств» и пересмотреть все учебные программы «с точки зрения ускорения темпа»²⁸.

1930 год был объявлен в РСФСР годом «массового движения за политехническую школу», в августе 1930 г. состоялся Первый съезд по политехническому образованию, сыгравший «крупнейшую роль в деле мобилизации масс для борьбы за действительно политехническую школу». Первые итоги введения всеобщего начального обучения и политехнизации «массовой школы» были подведены в марте 1931 г. на XV Всероссийском съезде Советов. Прикрепление школ к производственным предприятиям, колхозам и совхозам осуществлялось в течение года в рамках массовой кампании под руководством партийных организаций, органов РКИ, профсоюзов и комсомола. По состоянию на 15 апреля 1931 г., по РСФСР (без учета автономий) были прикреплены к производству 65,5 % школ 1-й ступени, 97,5 % школ ФЗС и 93,6 % ШКМ²⁹.

Переход от «словесной», «предметной» школы к «развернутой политехнической школе» и организация производственного труда учащихся путем непосредственного обучения на предприятиях привели к коллапсу учебы. Левые деятели Наркомпроса превозносили как крупное достижение «включение школы» в производственный процесс, но даже ярые сторонники политехнизации школы были вынуждены признать, что на практике все сводилось преимущественно к эксплуатации детей, причем главным образом на «черновой» подсобной работе. Руководство предприятий не было заинтересовано в том, чтобы допускать школьников к станкам или сложным сельскохозяйственным машинам, что было чревато поломками, производственным браком, травмами и нарушением производственного процесса в целом. В результате, по свидетельству А.С. Бубнова, имели место «случаи недопустимой нагрузки на ребят и даже изматывание их на совершенно непосильной для детей и подростков работе», вплоть до работы во вредных цехах. Труд учащихся никак не регламентировался, особенно в деревне, дети вместо учебы зачастую работали по 10–12 часов. Руководство колхозов и совхозов рассматривало их как источник дармовой рабочей силы. В итоге «совершенно игнорировались цели обучения и воспитания, связанные с производственным трудом школьников»³⁰. В самом лучшем случае политехнизм подменялся «узким ремесленничеством» или «многоремесленничеством».

В своем докладе на Политбюро в начале августа 1931 г. А.С. Бубнов сетовал также на то, что политехнизацию школы стали осуществлять без наличия разработанных программ и методик «применительно к условиям различных производств». На деле положение обстояло гораздо хуже, потому что в угаре революционных преобразований было принято решение фактически отказаться от типовых учебников по предметам, заменив их некими политехническими учебниками-журналами, которые должны были оперативно реагировать на революционные изменения в жизни Страны Советов³¹. Как заявлял А.С. Бубнов,

²⁶ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 38. Л. 37.

²⁷ Там же. Л. 73.

²⁸ Цит. по: *Смирнова Т.М.* «В происхождении своем никто не повинен...»? Проблемы интеграции детей «социально чуждых элементов» в послереволюционное российское общество (1917–1936 гг.) // Отечественная история. 2003. № 4. С. 37.

²⁹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 38. Л. 45.

³⁰ Там же. Л. 48–49.

³¹ См. подробнее: *Сенькина А.А.* Последний авангардный проект советской школы: журналы-учебники 1930–1932 гг. // Отечественная и зарубежная педагогика. 2012. № 4 (7). С. 60–91.

«по содержанию журнал-учебник в настоящее время в большей мере удовлетворяет требованиям школы, чем постоянный учебник, так как вопросы современности находят в нем более широкое и своевременное освещение»³².

Еще одним ударом по «старой» школе стала кампания по увольнению «консервативного и классово-чуждого пролетариату» учительства, развязанная в 1930–1931 гг. Чистка была вызвана обеспокоенностью властей неблагоприятным социальным составом учительства. По данным выборочной переписи «просвещенцев» (январь 1931 г.), в школах 1-й степени и школах-семилетках (без ФЗС и ШКМ) доля выходцев из рабочих составляла лишь 16,0 %, из крестьян – 26,1 %, из служащих – 44,1 %, из кустарей и лиц свободных профессий – 5,15 %, из прочих – 8,65 %. При этом доля членов и кандидатов в члены ВКП(б) составляла соответственно 7,0 %, ВЛКСМ – 7,6 %. По ФЗС и ШКМ доля «партийных» учителей была лишь незначительно выше³³. Для «исправления» ситуации в 1931 г. была проведена кампания по мобилизации на учительские должности около 30 тыс. комсомольцев.

При этом чистка педагогического состава проводилась, невзирая на резкую нехватку учителей. Потребность в педагогах только начальной школы оценивалась на 1931/1932 уч. г. в размере 75 тыс. чел., еще около 39 тыс. требовалось для ФЗС, ШКМ и ФЗУ, в то время как выпуск из педвузов составил в 1931 г. лишь 3 200 чел. при общей численности студентов около 27 тыс. чел. В определенной мере ситуацию спасали выпускники педтехникумов, общая численность их курсантов составляла в 1931/1932 уч. г. около 102 тыс. чел.³⁴ Следствием политехнизации школы также стала попытка перестроить всю систему подготовки педагогических кадров под лозунгом отказа от подготовки педагога-предметника. Теперь планировалось ограничиться только массовой «политехнической» подготовкой учителей отдельно для индустриально-технических, отдельно – для «агропедагогических» школ.

Фактически политехнизация школы в условиях «революции сверху» означала крах советской школы как образовательного института и ее превращение в дополнительный элемент промышленного производства и колхозной системы. Речь здесь шла не о неких педагогических экспериментах, а о судьбе массовой общеобразовательной школы, ее фактическом нивелировании в качестве традиционного эффективного образовательного института. Если предположить, что политехническая школа образца 1930–1931 гг. надолго стала бы основой советской школьной системы, то можно с уверенностью утверждать, что это первоначально не отразилось бы на объемах образовательной и социальной мобильности. Более того, учитывая радикальную трансформацию средней профессиональной и особенно высшей школы, происходившую параллельно и нацеленную на максимальное упрощение и ускорение процесса подготовки кадров³⁵, эти объемы имели все шансы увеличиться, а дистанции социальной мобильности удлиниться, что фактически и произошло в последние годы первой пятилетки. Однако такая организованная мобильность в долгосрочной перспективе грозила вылиться в серьезные проблемы для экономики и бюрократии, поскольку высокие места на социальной лестнице в массовом порядке заняли бы специалисты и управленцы, низкий уровень квалификации которых не отвечал бы даже минимальным стандартам.

Партийно-советское руководство СССР достаточно быстро стало осознавать необходимость выбирать между «плюсами» политехнизации школьного образования в виде «обращения» школьников, в том числе выходцев из интеллигенции и «прочих» групп населения, а также их усиленной идеологической обработки, и «минусами» провала общеобразовательной теоретической подготовки и, как следствие, провала всей системы профессионально-технической и высшей школы. То, что такое понимание присутствовало, проде-

³² РГАНИ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 38. Л. 81.

³³ Народное просвещение в РСФСР в основных показателях... С. 80. Подсчет наш.

³⁴ Там же. С. 86.

³⁵ См., например: Дэвид-Фокс М. Наступление на университеты и динамика сталинского Великого перелома (1928–1932 годы) // Расписание перемен. Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930-е годы). М., 2012. С. 523–563; Савин А.И. Высшее образование в РСФСР как лифт социальной мобильности (1918–1936 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. № 4. С. 43–49.

монстрировало постановление ЦК ВКП(б) от 5 сентября 1931 г. «О начальной и средней школе». Отдав дань «успехам» политехнизации школы, в постановлении констатировалось, что «*коренной недостаток* школы в данный момент заключается в том, что обучение в школе не дает достаточного объема общеобразовательных знаний и неудовлетворительно разрешает задачу подготовки для техникумов и высшей школы вполне грамотных людей, хорошо владеющих основами наук»³⁶. Постановление предписывало начать учебу по новым программам уже с 1 января 1932 г. Хотя речь все еще шла о необходимости политехнизации школы, было ясно, что теперь вся политехнизация будет сведена в лучшем случае к школьным мастерским и рабочим комнатам. Таким образом, уже осенью 1931 г. начался возврат к традиционным формам обучения и нормализации учебного процесса, стала шириться критика теории «отмирания школы» и «метода проектов» как универсальной замены учебных программ, систематических занятий и школьной организации в целом.

Спустя год, 25 августа 1932 г., было принято постановление ЦК ВКП(б) «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе», подтверждавшее курс на «действительное, прочное и систематическое усвоение детьми основ наук, знание фактов и навыки правильной речи, письма, математических упражнений и пр.». В своих правах была восстановлена классно-урочная система обучения с учебниками по предметам, индивидуальными оценками успеваемости и экзаменами. Таким образом, прагматические интересы государства вынудили партийное руководство признать неудачной и предать анафеме идею «политехнической» школы. Последний рудимент политехнической школы – трудовое обучение – был ликвидирован в качестве самостоятельного предмета в марте 1937 г.

Кратковременность «политехнического» эксперимента позволила относительно быстро справиться с его негативными последствиями. Тем более политехнизация практически не отразилась на «внешней», количественной стороне состояния системы школьного образования. Численность учащихся начальной школы составила в 1931/1932 уч. г. 9 348 тыс. (около 227 тыс. школ), в 1932/1933 уч. г. – 8 581 тыс. чел. (около 226 тыс. школ). Показатели по неполной средней школе равнялись 3 652 тыс. (около 12 тыс. школ) и 3 811 тыс. чел. (около 14,4 тыс. школ)³⁷.

Достаточно оперативно была исправлена катастрофическая ситуация в области среднего образования. Уже в 1932/1933 уч. г. численность средних школ выросла до 791, учащихся – до 878,5 тыс. и продолжала неуклонно расти³⁸. Восстановление в правах средней школы как главного источника рекрутирования студенчества привело к резкой переоценке роли школ ФЗУ как связующего звена между общеобразовательной и высшей школой. Согласно постановлению ЦИК СССР от 15 сентября 1933 г. «О школах фабрично-заводского ученичества», было предпринято радикальное сокращение сроков обучения в ФЗУ (с двух лет до шести месяцев), школьная программа максимально упрощалась и, что самое важное, была предпринята попытка фактически прикрепить выпускников ФЗУ к производству, запретив им поступать в техникумы, втузы и вузы³⁹.

Партийно-государственная политика и реальные процессы школьного строительства в последующие годы, особенно в 1933–1936 гг., убедительно продемонстрировали, что с революционными экспериментами в сфере общеобразовательной школы было покончено. Негативный опыт политехнизации привел к тому, что руководство СССР стало уделять основное внимание не политическим, а материально-техническим вопросам школьного строительства, формированию «классической» структуры средней школы и возвращению к традиционным формам учебы.

Одним из главных направлений деятельности стало расширение сети школ, что было призвано оказать самое непосредственное воздействие на увеличение объемов социальной

³⁶ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1970). Т. 4: (1927–1931). М., 1970. С. 570.

³⁷ Культурное строительство в СССР... С. 40.

³⁸ Там же.

³⁹ Балашов Е.М. Политика в области школьного, профессионально-технического и среднего специального образования... С. 483–484.

мобильности населения. Начиная с апреля 1932 г. и вплоть до октября 1940 г. был принят ряд постановлений партии и правительства, требовавших вернуть в ведение союзных Наркомпросов школьные здания, занятые посторонними учреждениями. Например, в 1935 г. в СССР было освобождено и передано отделам народного образования 941 бывшее школьное здание на примерно 225 тыс. ученических мест⁴⁰.

Однако только один возврат бывших зданий школ не мог решить задачу нормализации работы системы школьного образования и обеспечить местами постоянно растущий контингент детей школьного возраста. Прямым следствием дефицита школ стала так называемая «многосменность», когда школьники учились в две, а зачастую и в три смены. «Многосменность» рассматривалась партийно-советским руководством СССР в качестве серьезного институционального препятствия на пути качественного улучшения учебного процесса. 22 февраля 1935 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О строительстве школ в городах», нацеленное на решение проблемы «многосменности» в школах за счет массового школьного строительства⁴¹. В результате только в 1935 г. в городах и рабочих поселках в СССР было введено в эксплуатацию 533 школы (в том числе 350 средних) на 286 тыс. мест и 2 829 школ в сельской местности на 513 тыс. мест. Кроме того, в уже существующих школах было дополнительно создано 250 тыс. мест⁴².

Однако даже такое массовое строительство не поспевало за растущей численностью учащихся. В 1933/1934 уч. г. общая численность учеников всех типов школ равнялась в РСФСР 14 140 тыс. чел., в 1934/1935 уч. г. – около 14 998 тыс., в 1935/1936 уч. г. – около 16 324 тыс. чел. При этом наиболее стремительно росла численность учащихся средних школ: в 1933/1934 уч. г. – около 1 345 тыс. чел., в 1934/1935 уч. г. – около 1 937 тыс. чел., в 1935/1936 уч. г. – около 2 674 тыс. чел.⁴³ В результате школы продолжали работать в две-три смены «с огромной перегрузкой», значительное число школ размещалось в каркасно-засыпных бараках, стремительно приходявших в негодность⁴⁴.

В последующие годы в школьное строительство продолжались вкладываться крупные суммы. В соответствии с постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 7 марта 1936 г., на сооружение городских школ в 1936 г. было выделено 844 435 тыс. руб., из них 79 963 тыс. руб. – за счет хозяйственных наркоматов. На эти средства планировалось построить 1 507 школ на 890 530 мест, из них в РСФСР – 1 054 школы на 635 370 мест⁴⁵. План школьного строительства на 1937 г. – предусматривать «развертывание не менее 500 тыс. ученических мест» в городах и рабочих поселках, что должно было обеспечить прирост учащихся и способствовать уменьшению «многосменности»⁴⁶.

Количественный рост школ и укрепление материально-технической базы сопровождалась перестройкой организации и содержания учебного процесса. Главной задачей общеобразовательной школы теперь было объявлено качество подготовки. Даже школьные ученические организации в первую очередь были ориентированы на повышение успеваемости учащихся и лишь во вторую – на общественную деятельность, воспитание школьников в духе пролетарского интернационализма и коллективизма. Высшее руководство страны в свою очередь уделяло пристальное внимание вопросам организационного характера, призванным стабилизировать и гармонизировать развитие школы. 15 мая 1934 г. было принято постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О структуре начальной и средней школы», в соответствии с которым вводилась четкая организационная структура в виде четырехклассной начальной школы, семиклассной неполной средней и десятиклассной средней школы. По сути, создавался единый цельный организм средней школы с четкой преемственностью между типами школ. Лица, окончившие неполную среднюю школу, имели право

⁴⁰ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 61. Л. 16.

⁴¹ Там же. Л. 77–78.

⁴² Там же. Л. 106.

⁴³ Культурное строительство в СССР... С. 40.

⁴⁴ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 61. Л. 94.

⁴⁵ Там же. Л. 158.

⁴⁶ Там же. Л. 178.

преимущественного поступления в техникумы, среднюю школу – в высшие учебные заведения. Постановлением также определялся порядок назначения заведующих начальными и директорами неполных средних и средних школ, запрещалось использовать лиц, имевших специальное педагогическое образование, на работах не по специальности⁴⁷.

Параллельно осуществлялась нормализация и унификация учебного процесса⁴⁸. Постановлением СНК и ЦК ВКП(б) от 3 сентября 1935 г. «Об организации учебной работы и внутреннего распорядка в начальной, неполной средней и средней школе» вводилась единая пятибалльная системы оценки знаний, единый ученический билет и школьная форма одежды (с 1936 г. в столичных школах и школах в ряде крупных городов). Отличники по основным предметам получали право поступления в вузы без экзаменов.

Конец 1935 г. знаменовался изменением политики в отношении специфической «школьной резервации», возникшей в начале 1930-х гг. в местах поселения высланных «кулаков». На 1935/1936 уч. г. в составе системы трудпоселений на территории спецкомендатур в СССР функционировало 1 268 начальных школ со 152 129 учащимися, 268 неполных средних школ – 49 002 учащихся, еще 9 325 чел. учились в школах ФЗУ и «на разных курсах». Школы, как правило, размещались в непригодных помещениях, испытывали огромный недокомплект учителей, значительную часть которых вербовалась из числа самих трудпоселенцев, а также острейший дефицит учебников и тетрадей, в качестве которых использовались газеты⁴⁹. 15 декабря 1935 г. было принято постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О школах в трудпоселках», которое было нацелено на существенное улучшение положения этих школ, а также отменяло наиболее жесткие дискриминационные ограничения на получение детьми спецпереселенцев среднего, специального и высшего образования⁵⁰. В развитие этого постановления 23 декабря 1935 г. Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК СССР одобрили циркуляр о приеме в учебные заведения детей лиц, высланных и сосланных в административном порядке⁵¹. В июне 1936 г. Политбюро ЦК ВКП(б) разрешило выезд во все города СССР для поступления в вузы отличникам учебы из детей спецпереселенцев Енисейского Заполярья. Эти изменения означали резкое расширение возможностей и объемов социальной мобильности для молодежи из числа маргинальных групп советского общества.

Во второй половине 1930-х гг. система школьного образования набрала, несмотря на все недостатки и дефициты, «крейсерскую» скорость, и речь теперь шла преимущественно о поддержании темпов роста. Всего, по данным СНК СССР, за 1936–1939 гг. в СССР было построено 13 727 новых школьных зданий на 3 714 220 ученических мест. В 1936/1937 уч. г. общая численность учеников всех типов школ равнялась в РСФСР 17 658 тыс. чел. (около 108,4 тыс. школ), в 1937/1938 уч. г. – около 19 038 тыс. (около 110 тыс. школ), в 1938/1939 уч. г. – около 20 409 тыс. чел. (около 112,4 тыс. школ)⁵².

Однако рост числа школьных мест по-прежнему не успевал за увеличением численности учащихся, занятия в значительной части школ по-прежнему проходили в две-три смены. В 1940 г. прирост учащихся в РСФСР составил 1,5 млн чел., тогда как минимальная программа строительства предусматривала ввод в эксплуатацию 1 099 школ на 332 тыс. ученических мест⁵³. Всего в 1940/1941 уч. г. в СССР насчитывалось 199 тыс. школ всех типов, в которых 1 237 тыс. учителей обучали 35 528 тыс. школьников, в том числе 2 558 тыс. составляли ученики 8–10-х классов. Важным для характеристики состояния института школьного образования в целом следует признать тот факт, что численность учеников средних школ (12,2 млн чел.) превзошла численность учеников начальной школы (9,8 млн чел.) и примерно равнялась численности учащихся семилетней школы (12,5 млн чел.)⁵⁴.

⁴⁷ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 39. Л. 46.

⁴⁸ Там же. Л. 71–75.

⁴⁹ Там же. Л. 174.

⁵⁰ Там же. Л. 172–173.

⁵¹ Хлевнюк О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы. М., 1996. С. 152–153.

⁵² Культурное строительство в СССР... С. 40.

⁵³ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 62. Л. 34 // Записка В.П. Потемкина И.В. Сталину от 22 июня 1940 г.

⁵⁴ Народное хозяйство в СССР в 1956 году: статистический ежегодник. М., 1957. С. 222–223.

К началу 1940-х гг. объемы образовательной мобильности в сфере школьного образования увеличились в РСФСР по сравнению с началом 1930-х годов в 2 раза. При этом, в отличие от периода «революции сверху», государству удалось добиться устранения серьезных диспропорций и усиления преемственности между начальной, неполной средней и средней школой. Фактически сформировалась гомогенная система школьного образования, успешно решавшая задачу подготовки кадров, способных продолжить обучение в системе профессионально-технического и высшего образования. В качестве положительного момента следует также отметить превращение средней школы в практически единственный источник рекрутирования студенчества. В результате советская школа стала одним из самых доступных и быстрых лифтов вертикальной социальной циркуляции, который обеспечивал многомиллионные объемы социальной мобильности, при этом преимущественно пользовались наиболее одаренные и подготовленные ученики.

Важным рубежом в развитии советской школы стало постановление СНК СССР от 2 октября 1940 г., введившее платное обучение в старших классах средних школ и в высших учебных заведениях СССР и изменявшее порядок назначения стипендий. Согласно постановлению, плата вводилась, «учитывая возросший уровень материального благосостояния трудящихся и значительные расходы Советского государства на строительство, оборудование и содержание непрерывно возрастающей сети средних и высших учебных заведений» с 1 сентября 1940 г. в 8–10-х классах средних школ, а также в техникумах, педагогических училищах, сельскохозяйственных и других специальных средних заведениях в размере 150–200 руб. в год, в вузах – в размере 300–400 руб. в год.

Решение о введении платности образования следует рассматривать с учетом указа Президиума Верховного Совета СССР «О государственных трудовых резервах», который был также обнародован 2 октября 1940 г. Указ предусматривал ежегодно выпускать из стен ремесленных и железнодорожных училищ с двухгодичным сроком обучения, а также школ фабрично-заводского обучения (ФЗО) с шестимесячным сроком обучения без отрыва от производства 800 тыс. – 1 млн рабочих⁵⁵. Если первые два вида учебных заведений готовили квалифицированных рабочих, то ФЗО были призваны выпускать главным образом рабочих массовых профессий для угольной, горнорудной, металлургической, нефтяной промышленности и строительства.

Значительную часть «контингентов» курсантов училищ и учащихся ФЗО должны были составить выпускники неполной средней школы, для которых введение платы за обучение в старших классах делало проблематичным получение среднего образования. Набор молодежи в возрасте 14–15 лет в училища и в возрасте 16–17 лет в школы ФЗО проводился путем принудительной мобилизации по разнарядкам горсоветов и колхозов. Три четверти учебного времени в ФЗО и училищах отводилось на производственное обучение⁵⁶. После окончания училищ и ФЗО выпускники были обязаны четыре года отработать на государственных предприятиях. Введение принудительной мобилизации подростков безусловно следует рассматривать как составную часть общей милитаризации системы промышленного производства, ужесточения уголовной и административной ответственности рабочих за нарушения трудовой дисциплины и их прикрепления к предприятиям в предвоенные годы⁵⁷.

Руководство системой подготовки трудовых резервов возлагалось на Главное управление трудовых резервов при СНК СССР (ГУТР). К ноябрю 1940 г. преимущественно на базе ФЗО было создано 1 549 школ ФЗО и училищ с 602 тыс. учащихся. К маю 1941 г. функционировало 1306 школ ФЗО (364 тыс. учащихся) и 744 училища (345 тыс. учащихся). В 1940/1941 уч. г. в системе ГУТР насчитывалось уже около 4 тыс. учебных заведений и около 1 млн учащихся⁵⁸.

⁵⁵ О государственных трудовых резервах СССР (Указ от 2 октября 1940 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1940. № 37.

⁵⁶ Балашов Е.М. Политика в области школьного, профессионально-технического и среднего специального образования... С. 488.

⁵⁷ Папков С.А. Карательное правосудие на трудовом фронте в СССР в 1941–1945 гг. // Вопросы истории. 2011. № 12. С. 71–80.

⁵⁸ Коржихина Т.П. Советское государство и его учреждения: ноябрь 1917 – декабрь 1991 г. М., 1994. С. 295.

С точки зрения социальных перемещений введение платности среднего образования и принудительные мобилизации были призваны стать барьером, лимитировавшим объемы мобильности молодежи и канализовавшим ее в сферу профессионального образования и, в конечном итоге, промышленного производства. Введение такого барьера было также признаком того, что руководство СССР посчитало, что институт средней школы достиг на тот момент своего оптимального уровня развития и дальнейшее наращивание численности выпускников со средним образованием не отвечает интересам народного хозяйства, перестраивавшегося на военный лад.

Литература

Балашов Е.М. Политика в области школьного, профессионально-технического и среднего специального образования, 1917–1941 годы // Расписание перемен. Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930-е годы). М., 2012. С. 435–493.

Бубнов А.С. Основные вопросы перестройки высшего образования // Коммунистическое просвещение. 1931. № 9. С. 16–23.

Веселов А.Н. Низшее профессионально-техническое образование в РСФСР: Очерки по истории профтехобразования. М., 1955. 327 с.

Дэвид-Фокс М. Наступление на университеты и динамика сталинского Великого перелома (1928–1932 годы) // Расписание перемен. Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930-е годы). М., 2012. С. 523–563.

Коржихина Т.П. Советское государство и его учреждения: ноябрь 1917 – декабрь 1991 г. М., 1994. 418 с.

Народное образование в СССР, 1917–1937 гг. / под ред. М.Н. Прокофьева. М., 1967. 544 с.

Папков С.А. Карательное правосудие на трудовом фронте в СССР в 1941–1945 гг. // Вопросы истории. 2011. № 12. С. 71–80.

Савин А.И. Высшее образование в РСФСР как лифт социальной мобильности (1918–1936 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. № 4. С. 43–49.

Сенькина А.А. Последний авангардный проект советской школы: журналы-учебники 1930–1932 гг. // Отечественная и зарубежная педагогика. 2012. № 4 (7). С. 60–91.

Смирнова Т.М. «В происхождении своем никто не повинен...»? Проблемы интеграции детей «социально чуждых элементов» в послереволюционное российское общество (1917–1936 гг.) // Отечественная история. 2003. № 4. С. 28–42.

Хлевнюк О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы. М., 1996. 295 с.

References

Balashov, E.M. (2012). Politika v oblasti shkol'nogo, professional'no-tekhnicheskogo i srednego spetsial'nogo obrazovaniya, 1917–1941 gody [The Policy in the Area of School, Vocational and Specialised Secondary Education, 1917–1941]. In *Raspisanie peremen. Ocherki istorii obrazovatel'noy i nauchnoy politiki v Rossiyskoy imperii – SSSR (konets 1880-kh – 1930-e gody)*. Moscow, pp. 435–493.

Bubnov, A.S. (1931). Osnovnye voprosy perestroyky vysshego obrazovaniya [Main Questions of Restructuring Higher Education]. In *Kommunisticheskoe prosveshchenie*. No. 9, pp. 16–23.

Devid-Foks, M. (2012). Nastuplenie na universitety i dinamika stalinskogo Velikogo pereloma (1928–1932 gody) [The Attack on the Universities and the Dynamics of the Stalinist Great Break (1928–1932)]. In *Raspisanie peremen. Ocherki istorii obrazovatel'noy i nauchnoy politiki v Rossiyskoy imperii – SSSR (konets 1880-kh – 1930-e gody)*. Moscow, pp. 523–563.

Khlevnyuk, O.V. (1996). *Politbyuro. Mekhanizmy politicheskoy vlasti v 1930-e gody* [Political Bureau. The Mechanisms of Political Power during 1930s]. Moscow. 295 p.

Korzhihina, T.P. (1994). *Sovetskoe gosudarstvo i ego uchrezhdeniya: noyabr' 1917 – dekabr' 1991 g.* [The Soviet State and its Institutions: November 1917 – December 1991]. Moscow. 418 p.

Papkov, S.A. (2011). Karatel'noe pravosudie na trudovom fronte v SSSR v 1941–1945 gg. [The Punitive Justice on the Labour Front in the USSR in 1941–1945]. In *Voprosy istorii*. No. 12, pp. 71–80.

Prokof'ev, M.N. (Ed.). (1967). *Narodnoe obrazovanie v SSSR, 1917–1937 gg.* [People's Education in USSR by 1917–1937]. Moscow. 544 p.

Savin, A.I. (2016). Vysshee obrazovanie v RSFSR kak lift sotsial'noy mobil'nosti (1918–1936 gg.) [Higher Education in the RSFSR as an Elevator of Social Mobility (1918–1936)]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. No. 4, pp. 43–49.

Sen'kina, A.A. (2012). Posledniy avangardnyy proekt sovetskoy shkoly: zhurnaly-uchebniki 1930–1932 gg. [Last Vanguard Project of the Soviet School: Journals-Textbooks of 1930–1932]. In *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika*. No. 4 (7), pp. 60–91.

Smirnova, T.M. (2003). “V proiskhozhdenii svoem nikto ne povinen...”? Problemy integratsii detey “sotsial'no chuzhdykh elementov” v poslerevolyutsionnoe rossiyskoe obshchestvo (1917–1936 gg.) [“No One is Guilty of His Own Origin...”? Problems of Integration of Children of “Socially Alien Elements” in the Postrevolutionary Russian Society]. In *Otechestvennaya istoriya*. No. 4, pp. 28–42.

Veselov, A.N. (1955). *Nizshee professional'no-tehnicheskoe obrazovanie v RSFSR: Ocherki po istorii proftekhobrazovaniya* [The Low Professional and Technical Education in the RSFSR: Essays on the History of Professional and Technical Education]. Moscow. 327 p.

Я.В. Анохина*

**СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПЕРВОГО
НОВОСИБИРСКОГО ТЕХНИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА
В КОНТЕКСТЕ ВУЗОВСКИХ РЕФОРМ 1930-Х ГОДОВ**doi:10.31518/2618-9100-2025-1-4
УДК 091:378(571.14)"193"

Выходные данные для цитирования:
Анохина Я.В. Становление и развитие первого новосибирского технического института в контексте вузовских реформ 1930-х годов // Исторический курьер. 2025. № 1 (39). С. 49–60. URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-1-04.pdf>

I.V. Anokhina*

**FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE FIRST
NOVOSIBIRSK TECHNICAL INSTITUTE IN THE CONTEXT
OF THE UNIVERSITY REFORMS OF THE 1930S**

doi:10.31518/2618-9100-2025-1-4

How to cite:
Anokhina I.V. Formation and Development of the First Novosibirsk Technical Institute in the Context of the University Reforms of the 1930s // Historical Courier, 2025, No. 1 (39), pp. 49–60. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-1-04.pdf>]

Abstract. The article discusses the forming and development of the Institute of Military Engineers of Railway Transport (NIMET), which became the first technical institute in 1932 in Novosibirsk. The new political regime set the task of accelerated training of qualified soviet specialists for the needs of industrialization. Therefore, in the early 1930s, the network of institutes in the region expanded. The regional center (Novonikolaevsk-Novosibirsk) did not have institutes until the end of the 1920s. The first institute in the city was the Institute of National Economy, established in 1929, which trained specialists in economics. However, the initial plan for the formation of Novosibirsk higher school as a socio-economic one, in connection with the tasks of the first five-year plans, changed, therefore, technical education became a priority until the 1950s. The growth of the university network occurred due to the unbundling of universities and institutes, from which separate faculties were separated and transported to other cities, forming highly specialized training centers. New universities were often poorly provided financially and could not function normally, as a result of which the reverse process of merging institutions began in the second half of the 1930s. NIMET stood out from the Siberian Institute of Transport Engineers in Tomsk and became an example of successful institute construction in Novosibirsk, although he faced the typical problems of personnel and material shortages for the period. The need to carry out training and mass graduation of specialists in a short time with a shortage and dispersion of scientific and pedagogical personnel, the lack of material and methodological bases, poor training of students recruited primarily on the principle of “peasant-proletarian” origin, their distraction to economic and industrial work, reduced the quality of graduates. The problems of material support were solved during the first years of work, but the teaching personnel of the NIMET, formed in the early 1930s, although professionally and ideologically normatively appropriate to the regime and sufficiently staffed to conduct the educational process, however, by the end of the 1930s had a low qualification level, since it consisted mostly of specialists-practitioners who were just starting their teaching careers.

Keywords: higher school, university reform, scientific and pedagogical staff, NoRIET-NIMET, Novosibirsk, Siberia.

* Яна Владимировна Анохина, Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия, e-mail: y.anokhina@gsu.nsu.ru

Iana Vladimirovna Anokhina, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia, e-mail: y.anokhina@gsu.nsu.ru

The article has been received by the editor on 20.10.2024. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье рассматривается становление и развитие в Новосибирске Института военных инженеров железнодорожного транспорта (НоПИИТ–НИВИТ), ставшего в 1932 г. первым техническим вузом в городе. Новый политический режим ставил задачи форсированной подготовки квалифицированных советских специалистов для нужд индустриализации. В связи с этим в начале 1930-х гг. произошло резкое расширение сети вузов региона. Краевой центр Новониколаевск-Новосибирск до конца 1920-х гг. не имел институтов. Первым из возникших в городе вузов стал созданный в 1929 г. Институт народного хозяйства, готовивший специалистов экономического профиля. Однако первоначальный план становления новосибирской высшей школы как социально-экономической в связи с задачами первых пятилеток изменился: приоритетом вплоть до 1950-х гг. стало техническое образование. Расширение вузовской сети происходило за счет разукрупнения университетов и институтов, из которых выделялись и перевозились в другие города отдельные факультеты, образуя узкоспециализированные центры подготовки. Новые вузы зачастую слабо обеспечивались материально и не могли функционировать удовлетворительно, вследствие чего во второй половине 1930-х начался обратный процесс – слияния и укрупнения институтов. НоПИИТ–НИВИТ, выделившись из Сибирского института инженеров транспорта в Томске, стал примером успешного вузовского строительства в Новосибирске, хотя и столкнулся с типичными для периода проблемами кадрового и материального дефицита. Необходимость в короткий срок осуществить подготовку и массовый выпуск специалистов при нехватке и распылении научно-педагогических кадров, отсутствии материальной и методической баз, а также при слабой подготовке самих студентов, набираемых прежде всего по «крестьянско-пролетарскому» происхождению, их отвлечению на хозяйственные и производственные работы, снижали качество выпускаемых «красных» кадров. Если проблемы материального обеспечения были решены в течение первых лет работы, то преподавательский коллектив образованного в начале 1930-х гг. НИВИТа хоть и был профессионально и идеологически нормативно соответствующим режиму и достаточно укомплектованным для проведения учебного процесса, однако к концу 1930-х гг. имел невысокий квалификационный уровень, поскольку состоял по большей части из специалистов-практиков, только начинающих свою педагогическую деятельность.

Ключевые слова: комбатанты, высшая школа, реформа вузов, научно-педагогические кадры, НоПИИТ–НИВИТ, Новосибирск, Сибирь.

Статья поступила в редакцию 20.10.2024 г.

Советский политический режим ставил задачи по коренному переустройству всех сфер общества, и высшая школа стала не только объектом реформ как институт, но и субъектом социально-политических преобразований, так как была призвана готовить не только специалистов различного профиля, но и специалистов, соответствующих идеологическим требованиям. Немногочисленные вузы в Сибири в связи с событиями Гражданской войны на ее территории начали советизироваться позднее, чем в центральных районах страны, и данные процессы имели свою специфику. Вузовская сеть, располагаясь лишь в трех городах (Томск, Омск, Иркутск), не могла обеспечить потребности в подготовке специалистов для громадного региона, и задача ее расширения объективно назрела в качестве общегосударственной. Особенно остро она обозначилась применительно к Новониколаевску-Новосибирску, став-

шему с 1921 г. политико-административным центром Сибири и требовавшему соответствующего форсированного наращивания в нем интеллектуального потенциала, каналом формирования которого и должны были стать новые вузы. Цель данной публикации – реконструкция процессов становления в Новосибирске первого технического института, рассмотренного в контексте динамики регионального развития вузовской сети в период первых пятилеток.

В исследовательской литературе считается аксиомой наличие неразрывной взаимосвязи процессов развития науки и высшего образования. Для отечественной истории было характерно, что вплоть до начала советской эпохи научный потенциал формировался прежде всего в стенах вузовской образовательной сети, и только с первой четверти XX в. академическая и отраслевая наука получила в стране ресурсы для своего форсированного развития. Практически одновременно в качестве государственной ставилась задача подготовки специалистов для ускорения темпов индустриального развития. С этим и связывалось реформирование высшей школы, протекавшее особенно бурно в годы первой пятилетки (1928–1932 гг.) и давшее импульс резкому росту вузовской сети в Сибири, затронувшей и Новосибирск¹.

Июльский пленум ЦК ВКП(б) 1928 г. принял постановление «Об улучшении подготовки новых специалистов», согласно которому предполагалось к концу первой пятилетки увеличить вдвое количество инженерных специалистов для нужд промышленности. Началась форсированная профессионализация образования в сторону создания технических вузов. Одновременно с созданием узкопрофильных учебных заведений шел процесс перевода отраслевых институтов в ведение соответствующих ведомств и наркоматов². В ведении наркомпросов оставались педагогические и художественные учебные заведения и нереорганизованные факультеты в университетах³. В годы первой пятилетки, таким образом, сложилось три основных типа учебных заведений высшего образования: университеты, политехнические институты и отраслевые вузы, ставшие продуктом этого периода, выпускавшие специалистов по транспорту, промышленности, здравоохранению, сельскому хозяйству⁴.

В Сибири до начала Первой мировой войны только в Томске находилось три вуза (Университет, Технологический институт, Высшие женские курсы). В 1914/1915 уч. г. удельный вес Сибири в численности вузов составлял 2,8 %, а в численности студентов – 1,8 %⁵. Возникшие в годы Гражданской войны университет в Иркутске и сельскохозяйственный институт в Омске лишь незначительно расширили географию вузовской сети в регионе, которая практически «застыла» к 1928 г.

В 1928–1929 гг. необходимость форсированной подготовки «красных» специалистов, прежде всего для нужд индустриализации, стала актуальной проблемой для большого Сибирского региона, который в 1920-е гг. представлял собой преимущественно аграрную территорию с преобладанием крестьянского населения. Подготовкой технических специалистов занимались только в Томске и Иркутске, что не могло покрыть все кадровые потребности. Одновременно край остро нуждался в специалистах и управленцах для сфер народного хозяйства (экономистах, статистиках, плановиках и др.).

В связи с этим в начале 1930-х гг. произошло резкое расширение сети вузов региона. Открылись новые вузы в Томске и в Омске, появились первые вузы в Новосибирске, Барнауле, Тюмени и других крупных городах Сибири. Согласно справке инструктору ЦК ВКП(б) о вузах и втузах, в 1929 г. на всей территории региона действовало всего 6 вузов в Томске, Омске и Иркутске с контингентом студентов 5 680 чел., однако уже в 1931 г. здесь насчитывалось 25 вузов с общим контингентом студентов в 11 900 чел.⁶ На 1 сентября 1932 г.

¹ Государственный архив Новосибирской области (ГАОНО). Ф. П-3. Оп. 2. Д. 384. Л. 44.

² Демидова Е.И. Становление и развитие советской высшей школы в 1920–1930 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2007. С. 34.

³ СЗ СССР. 1930. № 38. Ст. 411.

⁴ Чуткерашвили Е.В. Кадры для науки (специалисты высшей квалификации в СССР и в капиталистических странах). М., 1968. С. 78.

⁵ Очерки истории высшего и среднего специального образования в Сибири (1917–1980). Новосибирск, 1986. С. 14.

⁶ ГАОНО. Ф. П-3. Оп. 6. Д. 459. Л. 155–159.

в Западносибирском крае имелось 22 вуза, 13 из которых находилось в Томске, 5 – в Новосибирске, 3 – в Омске и 1 – в Сталинске⁷. Столь «взрывной» рост вузовской сети носил в тех условиях фактически нездоровый характер, поскольку основывался на распылении кадрового потенциала крупных вузов региона и возникновении узкопрофильных институтов, не имевших необходимой ресурсной основы.

Именно поэтому на первый план в вузовской реформе к концу первой пятилетки вышли вопросы обеспечения функционирования вновь создаваемой сети вузов необходимыми материальными, финансовыми и кадровыми ресурсами. Постановление ЦИК СССР от 19 сентября 1932 г. об учебных программах и режиме в высшей школе и техникумах наряду с «исключительно большим ростом и серьезными достижениями» в подготовке технических кадров отмечало и крупные недостатки, связанные с недостаточной квалификацией, низким теоретическим уровнем советских специалистов. Причину этого руководство видело в недостаточном внимании народных комиссариатов и хозяйственных организаций к проблеме⁸. В декабре 1932 г. в порядке проверки хода реализации указанного постановления проведенное комиссией Крайкома ВКП(б) обследование вузов и втузов Омска и Новосибирска подтвердило наличие в них «крупных недостатков»⁹.

Приоритетное внимание комиссии оказалось уделено проблемам материального обеспечения вузов, находившихся в плачевном состоянии. Учебные корпуса и общежития могли не иметь отопления и канализации, не были остеклены¹⁰. Под учебные цели выделялись здания, изначально к этому не приспособленные, а новые строения нуждались в крупных денежных вложениях, в то время крайне дефицитных. Краевой центр Новосибирск, имея большой рост новых вузов и техникумов, не мог обеспечить учебной и жилой площадью резкое увеличение количества учащихся в связи с открытием здесь Транспортного (Путейско-строительного) института¹¹. Занятия часто проводились параллельно с ремонтными работами в учебных корпусах. Но проблема расселения студентов, посылаемых наркоматами на учебу без учета обеспеченности общежитиями вновь создаваемых институтов, решалась сложнее, из-за чего вузы теряли студентов¹².

Охваченные проверкой вузы Западной Сибири также не удовлетворяли и другим требованиям Постановления ЦИК СССР. Сеть вузов в крае не была упорядочена, характеризовалась наличием параллелизма и раздробленностью профилей специализации. Учебный процесс осуществлялся на низком научном уровне, отсутствовали четкие учебные планы и номенклатуры специальностей¹³. Выводы комиссии сводились, как и в Постановлении законодательного органа, к тому, что решение всех негативных проблем в ходе реформирования вузов возлагалось на профильные народные комиссариаты¹⁴.

Общей и острейшей проблемой для новообразованных вузов стал кадровый дефицит. На заседании комиссии Крайкома ВКП(б) 16 декабря 1932 г. говорилось об исключительно тяжелом положении ряда вузов с обеспечением квалифицированными преподавателями. Так, Горный институт с контингентом студентов в 1 000 чел. не имел в штате ни одного профессора, а Путейско-строительный институт не располагал руководителем по основной строительной кафедре. Новые институты (Коммунальный, Водный, Связи) вынуждены были открываться без необходимого укомплектования наркоматами руководящего и преподавательского составов, а социально-экономические дисциплины в ряде случаев преподавали студенты¹⁵.

⁷ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 6. Д. 459. Л. 135.

⁸ СЗ СССР. 1932. № 68. Ст. 409.

⁹ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 6. Д. 459. Л. 14.

¹⁰ Там же. Л. 7–9.

¹¹ Там же. Л. 28.

¹² Там же. Л. 16.

¹³ Там же. Л. 15–16.

¹⁴ СЗ СССР. 1932. № 68. Ст. 409.

¹⁵ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 6. Д. 459. Л. 14.

Следует иметь в виду, что имевшийся в стране дефицит преподавательских кадров с неизбежностью повлек за собой расширение действовавшего с конца 1920-х гг. мобилизационного механизма переброски и распределения профессорско-преподавательского состава и научных работников, дополненного практиками командирования в учебные заведения от партийных, государственных и общественных организаций¹⁶. Был создан жесткий директивный механизм, позволявший контролировать и регулировать состав и формирование научно-образовательных учреждений, конструировать личные составы преподавателей и студенчества, однако те же меры одновременно ограничивали доступ к должностям и учебным местам представителям других, непролетарских слоев, что сдерживало возможности решения кадровых проблем в вузах. Не обладая внутри региона кадровыми ресурсами, Крайком просил ЦК ВКП(б) усилить переброску преподавательских кадров из-за Урала¹⁷.

Реализация вузовской реформы дала противоречивые результаты. С одной стороны, план по расширению вузовской сети был выполнен. Если в 1928/1929 уч. г. в стране действовало 152 вуза, то к концу пятилетки было создано еще 549 учебных заведений, причем 49 – в Сибири, наибольшая часть которых оказалась открыта в 1930 г.¹⁸ Но, с другой, необходимость в короткий срок осуществить подготовку и массовый выпуск специалистов при нехватке и распылении научно-педагогических кадров, часто не обладающих необходимой степенью квалификации для преподавания в вузе, отсутствии материальной и методической баз, а также при слабой подготовке самих студентов, набираемых прежде всего по «крестьянско-пролетарскому» происхождению, их отвлечению на хозяйственные и производственные работы, снижали качество выпускаемых «красных» кадров. Значительную роль в повседневности сотрудников и студентов вуза играли идеологизированные социалистические соревнования и политические процессы 1930-х гг., когда контроль за высшей школой особенно усилился¹⁹. Такое давление на молодую советскую высшую школу в регионах, еще не окрепшую, но уже подвергавшуюся постоянным реорганизациям и «чисткам», усугубляло проблемы дефицита и обуславливало недостаточную профессиональную дееспособность части вузов. Только к концу 1930-х гг. трансформированная вузовская система страны перешла в стадию «нормализации», доказав свою функциональную готовность в выполнении тех задач, которые перед ней ставились.

Примером достаточно успешного, хотя и перенесшего отмеченные выше «болезни роста» советского вузовского строительства 1930-х гг. в Сибири стал новосибирский вузовский центр. Краевой центр (Новониколаевск-Новосибирск) до конца 1920-х гг. не имел институтов. С переездом в 1921 г. из Омска в Новониколаевск административных органов региона начинается стремительное развитие города, в том числе как и интеллектуального центра, за счет привлечения специалистов из крупных сибирских городов (Томска, Омска, Иркутска). Организация сети научно-исследовательских институтов и вузов в краевом центре определялась не только государственной задачей ускоренного индустриального освоения восточных регионов России, но и внутренними потребностями в обеспечении Новосибирском административно-политических функций кадрами специалистов различного профиля, готовить и пополнять ряды которых призваны были учреждения высшего образования.

Первым из возникших в городе вузов стал созданный в 1929 г. Институт народного хозяйства, целью которого выступала подготовка специалистов широкого экономического профиля. Однако первоначальный план становления новосибирской высшей школы как социально-экономической в связи с задачами первых пятилеток изменился: приоритетом вплоть до 1950-х гг. стало в городе техническое образование. Для форсированного решения данной проблемы здесь также применялся апробированный механизм мобилизационной

¹⁶ Красильников С.А. Интеллектуальный труд: проблемы организации в послереволюционной России // Вестник РГНФ. 1996. № 4. С. 51.

¹⁷ ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 6. Д. 459. Л. 28.

¹⁸ Чуткерашвили Е.В. Кадры для науки... С. 77.

¹⁹ Татарникова О.Л. Сибирский институт народного хозяйства // Очерки истории высшей школы Новосибирска. Новосибирск, 1994. С. 7.

переброски части коллективов преподавателей и студентов из действовавших институтов в других городах.

В конце 1920-х гг. подготовкой специалистов инженерного профиля в стране занимались четыре центральных вуза – в Москве, Ленинграде, Киеве и Тифлисе. В Сибири центрами подготовки были Томск и Иркутск, которые, однако, не удовлетворяли возросшую потребность в кадрах индустриализации. Многие инженерно-технические работники не имели специального образования, а задачи строительства, в частности транспортного, ставились огромные: за первую пятилетку в регионе планировалось построить 5 тыс. км железных дорог, за вторую – 8 тыс. км²⁰. Организационный опыт первых технических вузов в Новосибирске оказался не во всем удачным. Институт сельскохозяйственного машиностроения и учебный комбинат при строившемся «Сибкомбайне» создавались без учета возможности ресурсного их обеспечения и оказались свернутыми. Позднее, с учетом первой неудачи, властями была предпринята новая попытка образования в городе вуза технического профиля. Базой для его создания стал Сибирский технологический институт (СТИ) в Томске. В 1930 г. он подвергся реорганизации, на базе его факультетов создавались новые технические вузы, среди них – Сибирский институт инженеров транспорта (СИИТ), из которого в свою очередь в 1932 г. выделился путейско-строительный институт, перевезенный в Новосибирск (НоПИИТ–НИВИТ)²¹.

Таким образом, для решения задач индустриализации к 1933 г. в Западной Сибири складывается специализированная сеть технических учебных заведений. Однако острая потребность железных дорог в инженерах и техниках оставалась. Вакансии частично заполнялись практиками-выдвиженцами, для которых главными условиями были социальное происхождение и партийность. Специально для подготовки выдвиженцев создавались курсы при вузах и техникумах, однако уровень таких специалистов оставался невысоким²². Изучение процесса комплектования научно-педагогическими кадрами (НПК) первого в Новосибирске отраслевого технического вуза в условиях дефицита преподавательских и профессиональных кадровых ресурсов позволяет рассмотреть реализацию строительства советской высшей школы в Запсибкрае и определить качественные характеристики создаваемых преподавательских коллективов.

2 октября 1932 г. в Новосибирском транспортном институте начались первые занятия для 250 студентов бывшего СИИТа (Сибирский институт инженеров транспорта), которые проводили 25 преподавателей²³. НПК НоПИИТа составили профессора томского СИИТа, переехавшие в Новосибирск, создавшие и возглавившие первые кафедры института: В.М. Завадский (кафедра «Строительное производство»), С.А. Введенский (кафедра «Железные дороги»), В.Е. Еврейсков (кафедра «Проектирование и постройка железных дорог»), А.И. Прибытков (кафедра «Геодезия»), ассистенты Г.А. Коновалов, Н.Ф. Козулин, В.Н. Желязовский, А.А. Савелов. Потом вернулись из отпусков (и переехали в Новосибирск) еще несколько преподавателей²⁴. В течение первого года работы был сформирован педагогический коллектив из 7 профессоров, 16 доцентов, 39 ассистентов и преподавателей.

В ноябре 1932 г. в институт приехали еще 155 студентов из Томска. С приемом на первый курс 195 чел. институт охватывал в 1932/1933 уч. г. 600 студентов. Осенью 1933 г. в институт поступило еще 206 чел., и во втором учебном году в НоПИИТе насчитывалось уже 712 студентов. Позднее в институт были переведены две учебные группы из ликвидированных Томского водного и Омского транспортного институтов²⁵.

²⁰ Ананенко А.А., Комаров К.Л., Татарникова О.Л. Сибирская государственная академия путей сообщения // Очерки истории высшей школы Новосибирска. Новосибирск, 1994. С. 11.

²¹ Там же.

²² Хроменкова Т.Н. Формирование железнодорожной интеллигенции и ее влияние на социокультурное пространство Западной Сибири (1920-е – 1930-е гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2006.

²³ Добровольский А.В., Манаков А.Л. Первые годы НИВИТа. Новосибирск, 2022. С. 6–7.

²⁴ Там же. С. 6.

²⁵ Там же. С. 8–9.

В 1933 г. с новым положением Наркомата путей сообщения (НКПС) о внутреннем распорядке транспортных вузов НоПИИТ военизировался²⁶. Весной 1934 г. был закрыт Восточно-Сибирский институт инженеров транспорта в Иркутске, и факультет «Движение и грузовая работа» с полным контингентом студентов и несколькими преподавателями переведился в НоПИИТ. Таким образом, на конец 1933/1934 уч. г. в институте работали 18 кафедр, общий контингент обучающихся (вместе с рабфаком) составил 1 500 студентов, преподавательский штат насчитывал 68 чел., среди которых было 6 профессоров (без ученых степеней) и 14 доцентов (без ученых степеней). В 1934 г. институт, принявший за прошедшие два года значительное число студентов и преподавателей, реорганизовывался в Новосибирский институт военных инженеров железнодорожного транспорта (НИВИТ)²⁷.

Создание в 1930-х гг. множества новых вузов одного профиля привело к снижению квалификационного уровня и острому дефициту научно-педагогических кадров, в особенности профессоров и доцентов. Для того чтобы повысить качественный уровень педагогического коллектива, в НИВИТе использовались различные источники пополнения состава преподавателей. При наличии в Новосибирске в середине 1930-х гг. уже нескольких вузов применялся принцип совместительства. Как правило, профессора и доценты работали в ряде институтов одновременно: так, в 1936/1937 уч. г. в НИВИТе числилось девять профессоров и только пять кафедр из 15 возглавляли профессора, из девяти человек четверо работали по совместительству. К работе в НИВИТе привлекались преимущественно профессора Новосибирского инженерно-строительного института (Сибстрин) Н.И. Молотилов, Н.С. Макеров, А.Д. Крячков, доценты Н.Э. Стребейко, А.И. Сирс и др.²⁸

Проблема кадрового дефицита решалась также за счет направления Главным управлением учебных заведений НКПС квалифицированных преподавателей из Московского (МИИТ) и Ленинградского (ЛИИЖТ) институтов инженеров транспорта. В 1937 г. Центральное управление учебных заведений направило из МИИТа двух преподавателей на должности заведующих кафедрами и четырех доцентов. В такой же мере участвовал в пополнении педагогических кадров НИВИТа и ЛИИЖТ²⁹. Так, в течение полутора лет в НИВИТе работали доценты МИИТа И.С. Моргунов (кафедра «Электрические железные дороги»), В.Л. Кисленков (кафедра «Проектирование и постройка железных дорог»), М.М. Орябинский из ЛИИЖТа (начальник факультета «Постройка железных дорог и путевое хозяйство» и доцент кафедры «Проектирование и постройка железных дорог»). Руководство НИВИТа поощряло работу сотрудников института над повышением научной и педагогической квалификации. В приказах по институту регулярно отмечается командирование ассистентов и преподавателей в Москву, Ленинград, Томск и другие города для выполнения диссертационных работ и обучения в аспирантуре³⁰. Со второй половины 1930-х гг. преподавательский состав НИВИТа стал пополняться собственными выпускниками. Первым принятым на работу по этому каналу в институт в 1936 г. стал В.М. Мисюрев. Однако указанный канал пополнения НПКи начал активно функционировать только с 1938 г.

Период формирования НПКи НоПИИТа (НИВИТа) с 1932 по 1936 г. сочетал в себе две противоречивые по своему характеру тенденции: с одной стороны, на фоне кадрового дефицита происходило привлечение преподавателей нередко низкой квалификации (канал включения), с другой – происходили «чистки» и репрессии в отношении квалифицированной части профессорско-преподавательского состава (канал исключения). Отсюда состояние формировавшегося коллектива НПКи оказывалось очень подвижным из-за разнонаправленных кадровых потоков включения и исключения. Первая комиссия по партийной «чистке» НПКи проходила в институте с конца октября и до 10 декабря 1934 г. По ее резуль-

²⁶ Добровольский А.В., Манаков А.Л. Первые годы НИВИТа... С. 9.

²⁷ Там же. С. 10.

²⁸ Матвиенко В.С. Профессора Сибирского государственного университета путей сообщения: биограф. справ.: в 3 т. Новосибирск, 2017. Т. 1: НИВИТ (1932–1953 гг.). С. 9.

²⁹ Матвиенко В.М. Участие МИИТа в формировании педагогического коллектива НИВИТа // Транспортные системы: тенденции развития. М., 2016. С. 497.

³⁰ Матвиенко В.С. Профессора Сибирского государственного университета путей сообщения... С. 10.

татам из партии исключили 14 преподавателей. В конце 1935 г. в результате начавшейся весной кампании по проверке партийных документов в НИВИТе подверглись исключению и последующему увольнению 25 чел.³¹ В 1937–1938 гг. НПК НИВИТа подверглись масштабным репрессиям: шло «Дело параллельного троцкистского центра», «Дело военных», продолжалась начавшаяся в 1936 г. борьба с «предельщиками», когда противников превышения технических пределов транспортных средств обвиняли в саботаже стахановского движения и срыве социалистического строительства и судили как «врагов народа». Участились увольнения и исключения задним числом в списочном порядке, когда НКВД арестовывал преподавателей и студентов, иногда забирая их прямо из квартир и общежитий. К концу 1937/1938 уч. г. в институте было репрессировано 14 из 86 преподавателей³².

В отчете НИВИТа по учебно-методической работе за 1937/1938 уч. г. особый акцент делался на нехватку преподавателей. По утвержденному штатному расписанию институту выделялась 121 штатная единица, в том числе профессоров – 22, доцентов – 32, старших преподавателей – 9, ассистентов – 42, преподавателей – 16³³. В списке профессорско-преподавательского состава НИВИТа по состоянию на 1 марта 1938 г.³⁴ указана 71 вакансия, 61 преподавательская должность была укомплектована. В конце учебного года коллектив состоял уже из 82 преподавателей, а в списке профессорско-преподавательского состава, отправленного ЦУУЗу 1 августа 1938 г., насчитывается 108 чел., включая 31 преподавателя-совместителя³⁵. Таким образом, к началу 1938/1939 уч. г. коллектив первого технического вуза в Новосибирске был почти полностью укомплектован НПК. На качество преподавательского состава повлияли мобилизационные механизмы распределения кадровых ресурсов, а также поток выдвиженчества в сферу преподавания непрофессионалов-практиков, долженствовавших сгладить кадровый дефицит, усугубленный репрессиями в отношении опытных, но признанных идеологически неблагонадежными специалистов.

Если выше обозначались прежде всего количественные данные динамики НПК рассматриваемого института, то далее для анализа качественных характеристик научно-преподавательского состава НИВИТа, как примера сформировавшегося в довоенное время высшего учебного заведения, нами использованы характеристики 108 преподавателей, включенных отделом кадров НИВИТа в кадровый список от 1 августа 1938 г., направленный в ЦУУЗ³⁶. В списочном формуляре отмечались прежде всего персональные данные, такие как дата и место рождения, национальность, социальное происхождение, партийность; среди профессиональных данных отмечены год, место получения высшего образования, ученые звания и степени, воинские звания (так как вуз был военизированный), производственный и научно-преподавательский стаж, занимаемая должность в институте. Особым блоком выделялась информация о наличии у преподавателей судимости, службе в белых и царских армиях, о поездках за границу. В графе «Примечание» могла содержаться информация о владении иностранными языками, наличии неблагонадежных родственников или фактах «непартийного» поведения самого преподавателя.

Из 108 преподавателей НИВИТа на 1 августа 1938 г. 75 занимались преподаванием специальных технических специальностей, 12 – военных дисциплин. Социально-экономические и гуманитарные дисциплины, иностранные языки, входившие в учебные планы, преподавались 14 специалистами, кафедра физической культуры насчитывала 7 преподавателей. Общий кадровый состав отвечал установленным для того времени нормативным требованиям «пролетаризации» и «советизации». Подавляющее большинство кадров в анкете указывали рабочее или крестьянское, иногда мещанское происхождение, лишь двое

³¹ Добровольский А.В. О характере политических репрессий в Новосибирском институте военных инженеров железнодорожного транспорта (НИВИТе) в предвоенные годы // Гуманитарные проблемы военного дела. 2019. № 3. С. 66.

³² ГАНО. Ф. П-498. Оп. 1. Д. 35а. Л. 29.

³³ Добровольский А.В., Манаков А.Л. Первые годы НИВИТа... С. 49–50.

³⁴ Сибирский государственный университет путей сообщения (СГУПС). Оп. 2. Д. 55. Л. 60–63.

³⁵ СГУПС. Оп. 2. Д. 53. Л. 153–165.

³⁶ Там же.

преподавателей, принятых на работу в НИВИТ в 1933 и 1936 гг., происходили из духовного звания. Однако в ряды ВЛКСМ и ВКП(б) входило чуть более трети кадрового состава (72 чел. отмечены как беспартийные). Сведения о судимости присутствуют в характеристиках восьми человек, четверо из которых привлекались к ответственности за антиправительственные действия государственными органами до революции или «белыми» во время Гражданской войны, и в таком случае судимость не считалась компрометирующим преподавателя фактором. Двое имели судимости по таким проступкам, как квартирная ссора и утеря партбилета, один привлекался к суду ошибочно, и еще один преподаватель, выходец из духовного звания и имевший родственников в Харбине, дважды арестовывался в 1934 и 1935 гг. Репрессированных ранее по политическим мотивам естественно в списке быть не могло. Национальный состав НПК был практически однородный: 95 преподавателей являлись русскими, наличие украинцев (6 чел.) связывалось с тем, что в УССР существовали центры подготовки технических специалистов.

НИВИТ представляет собой пример классического отраслевого вуза НКПС 1930-х гг., успешно основанного и впоследствии укрупненного кадрами преподавателей и студентов других институтов транспортного профиля. Поэтому наибольшее внимание представляют кадры преподавателей технических специальностей, формировавших облик НПК института. Из 75 чел. в этой группе 21 являлись совместителями, поступившими на работу в 1937–1938 гг. Большинство (18 из 21) были действующими инженерами, обладавшими опытом работы на Томской железной дороге, в Сибстройпути, Запсибзолоте, Сибтранспроекте, но не имеющими педагогического стажа. Они назначались на должности консультантов, ассистентов и могли руководить дипломным проектированием. Остальные трое, имевшие педагогический опыт, совмещали преподавание в НИВИТе с работой в Сибстрине и Сельскохозяйственном институте.

С момента образования вуза состав НПК значительно изменился. Наиболее заметны изменения, произошедшие после 1936 г., когда преподавательский состав подвергся «чисткам» и репрессиям. Из 75 профильных НПК, принятых в период 1932–1936 гг., в 1938 г. продолжали работать только 26 чел. Для решения проблем кадрового дефицита в 1937 г. в институт был принят 21 чел., а в 1938 г. еще 28 чел. Таким образом, действовавший на начало нового учебного года в 1938 г. коллектив характеризовался наличием в нем значительного количества неопытных в педагогическом отношении кадров: 32 преподавателя не имели стажа вообще, это были специалисты-практики и молодые выпускники профильных вузов (3 чел.), 18 чел. имели стаж преподавания до 5 лет, и только 19 чел. – до 10 лет. Хотя в НИВИТе работали и очень опытные преподаватели со стажем более 20 лет: П.К. Ваганов (20 лет), С.Ф. Мацкевич (21 год), А.И. Икингрин (22 года), Н.М. Абрамов (26 лет), В.А. Важеевский (29 лет), Б.С. Абольник (30 лет), М.Е. Карасикова (31 год), но таковых были единицы.

В штате профильных НПК (не считая совместителей) состояло 54 чел. В основном должности здесь занимали также молодые преподаватели с небольшим стажем преподавательской работы. В 1938 г. в штате преподавателей технических специальностей работали 12 чел. моложе 30 лет, самыми молодыми были выпускники НИВИТа Б.В. Иванов и Н.П. Прокопович, оба 1914 г.р. Основную группу составляли работники в возрасте от 30 до 40 лет (24 чел.) и от 40 до 50 лет (12 чел.). Самыми старшими из них были Н.М. Абрамов и В.А. Важеевский 1876 г.р. В основном штате концентрировались сравнительно более опытные преподаватели: 28 человек имели стаж преподавания до 5 лет, 17 – до 10 лет, 9 – более 20 лет.

Все штатные работники имели высшее профильное образование. При рассмотрении образовательной траектории этой группы выделяются основные центры подготовки технических специалистов, которые впоследствии могли занимать преподавательские должности в основном штате сотрудников вуза. Более трети (19 чел.) составили выпускники томских вузов (Томский государственный университет, педагогический институт, технический институт). Почти столько же приехало специалистов, закончивших центральные вузы.

Из Москвы (МГУ, МИИТ) приехали 7 чел., из Ленинграда (ЛГУ, ЛИИЖТ) – 10. Несколько преподавателей также получали образование в вузах европейской части РСФСР (Краснодар, Воронеж, Уфа, Киров, Новочеркасск). Собственные новосибирские кадры из НИВИТа и Сибстрина только начинают становиться источником пополнения штата, 4 и 1 чел. соответственно. Из других городов Запсибкрая отмечается Иркутск (Иркутский педагогический институт) – 3 чел., из выпускников омской высшей школы только 1 чел. Украинские технические вузы Киева, Одессы, Харькова стали еще одним кадровым источником – 3 чел. Кроме высшего образования, полученного в вузах и втузах СССР, очень немногие имели опыт научной деятельности, большинство начинали работать по специальности. Из 54 штатных НПК лишь 9 человек закончили аспирантуру в ЛИИЖТе или ТТИ/ТИИ, кроме них четверо имели должности профессоров, из которых реально имел научную степень кандидата технических наук только Н.М. Абрамов.

Таким образом, преподавательский коллектив новообразованного в начале 1930-х гг. узкоспециализированного втуза хоть и был профессионально и идеологически нормативно соответствующим режиму и достаточно укомплектованным для проведения учебного процесса, однако к концу 1930-х гг. имел невысокий квалификационный уровень, поскольку состоял по большей части из специалистов-практиков, только начинающих свою педагогическую деятельность, что не могло не влиять на качество выпускников НИВИТа.

Формирование вузовской сети в Новосибирске началось в 1929 г. и пришлось на тот этап реформирования, когда руководство страны признало высшую школу «достаточно советизированной и пролетаризированной», но требовавшей ускоренной и массовой подготовки новых кадров, прежде всего инженерно-технического профиля. Специфика создания высших учебных заведений в Новосибирске мало отличалась от ситуации в других новых региональных центрах. Вузы создавались в районах промышленного освоения и должны были готовить кадров для промышленности, транспорта, сельского хозяйства. Для форсирования этого процесса распространилась модель создания отраслевых технических вузов, которые создавались путем выделения факультетов в самостоятельные учреждения и их перевозов в другие города (например из Томска в Новосибирск). Новые вузы слабо обеспечивались материально и не могли функционировать удовлетворительно, вследствие чего во второй половине 1930-х гг. начался обратный процесс – слияния и укрупнения институтов.

На начальном этапе создания новосибирской сети вузов институты столкнулись с острой нехваткой научно-педагогических кадров, так как не имели никаких источников в городе и зависели от распределения Главного управления учебных заведений. Из-за нехватки квалифицированных кадров для преподавания распространилось явление совместительства работы в нескольких вузах и/или занятия нескольких должностей в одном. Кадровые потребности НИВИТа полностью удалось закрыть только к 1940/1941 уч. г. Накануне Великой Отечественной войны в штате НИВИТа было 120 штатных преподавателей и 11 совместителей, функционировали 30 кафедр, 11 лабораторий, 20 кабинетов, техническая библиотека³⁷.

В НоПИИТе (НИВИТе) за период 1930-х гг. имело место разнообразие источников формирования НПК. Первоосновой для развития в Сибири путейско-строительного направления стал томский СИИТ, чем обусловлена большая доля среди преподавателей изучаемого вуза именно томских специалистов. Кроме того, на протяжении первых лет своего становления институт пополнился кадрами из Омского электромеханического института и иркутскими из ВСИИТа (ВСИИТ, выделенный из СИИТа, стал также источником томских кадров), еще одна группа преподавателей приехала из ликвидированного в Томске водного института. Новосибирский институт также активно сотрудничал с втузами европейской части РСФСР и УССР, привлекая московские и ленинградские кадры. Со второй половины 1930-х гг. появляется и затем растет доля собственных выпускников в составе преподавателей, продолжают привлекаться совместителями кадры Томской железной дороги, с которой у НИВИТа сложились тесные учебно-производственные связи. Наиболее активное развитие высшее техническое образование в Новосибирске получит в годы Великой Отечест-

³⁷ Добровольский А.В., Манаков А.Л. Первые годы НИВИТа... С. 62.

венной войны, когда город станет главным за Уралом центром эвакуации оборонных производств, а также научных и образовательных учреждений, и значительно пополнится научно-образовательными кадрами, часть из которых останется работать в Новосибирске после эвакуации.

Литература

Ананенко А.А., Комаров К.Л., Татарникова О.Л. Сибирская государственная академия путей сообщения // Очерки истории высшей школы Новосибирска. Новосибирск, 1994. С. 11–18.

Демидова Е.И. Становление и развитие советской высшей школы в 1920–1930 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2007. 44 с.

Добровольский А.В. О характере политических репрессий в Новосибирском институте военных инженеров железнодорожного транспорта (НИВИТе) в предвоенные годы // Гуманитарные проблемы военного дела. 2019. № 3. С. 66–76.

Добровольский А.В., Манаков А.Л. Первые годы НИВИТа. Новосибирск: Изд-во СГУПС, 2022. 299 с.

Красильников С.А. Интеллектуальный труд: проблемы организации в послереволюционной России // Вестник РГНФ. 1996. № 4. С. 50–54.

Матвиенко В.М. Участие МИИТа в формировании педагогического коллектива НИВИТа // Транспортные системы: тенденции развития: сб. тр. Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 26–27 сентября 2016 г.). М.: МИИТ, 2016. С. 497–499.

Матвиенко В.С. Профессора Сибирского государственного университета путей сообщения: биограф. справ.: в 3 т. Новосибирск: Изд-во СГУПС, 2017. Т. 1: НИВИТ (1932–1953 гг.). 141 с.

Очерки истории высшего и среднего специального образования в Сибири (1917–1980): сб. ст. / ред. П.П. Костенкова и др. Новосибирск: НГПУ, 1986. 236 с.

Татарникова О.Л. Сибирский институт народного хозяйства // Очерки истории высшей школы Новосибирска. Новосибирск, 1994. С. 4–8.

Хроменкова Т.Н. Формирование железнодорожной интеллигенции и ее влияние на социокультурное пространство Западной Сибири (1920-е – 1930-е гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2006. 24 с.

Чуткерашвили Е.В. Кадры для науки (специалисты высшей квалификации в СССР и в капиталистических странах). М.: Высшая школа, 1968. 360 с.

References

Ananenko, A.A., Komarov, K.L., Tatarnikova, O.L. (1994). Sibirskaya gosudarstvennaya akademiya putey soobshcheniya [Siberian State Academy of Railways]. In *Ocherki istorii vysshey shkoly Novosibirsk*. Novosibirsk, pp. 11–18.

Chutkerashvili, E.V. (1968). *Kadry dlya nauki (spetsialisty vysshey kvalifikatsii v SSSR i v kapitalisticheskikh stranakh)* [Personnel for Science (Highly Qualified Specialists in the USSR and in Capitalist Countries)]. Moscow, Vysshaya shkola. 360 p.

Demidova, E.I. (2007). Stanovlenie i razvitie sovetskoy vysshey shkoly v 1920–1930 gg. [Formation and Development of the Soviet Higher School in 1920–1930], Dr. hist. sci. diss. abstract. Saratov. 44 p.

Dobvol'skiy, A.V. (2019). O kharaktere politicheskikh repressiy v Novosibirskom institute voennykh inzhenerov zheleznodorozhnogo transporta (NIVITe) v predvoennye gody [The Nature of Political Repression at the Novosibirsk Institute of Military Engineers of Railway Transport (NIMET) in the Pre-War Years]. In *Gumanitarnye problemy voennogo dela*. No. 3, pp. 66–76.

Dobvol'skiy, A.V., Manakov, A.L. (2022). *Pervye gody NIVITa* [The First Years of NIMET]. Novosibirsk, Izdatel'stvo SGUPS. 299 p.

Khromenkova, T.N. (2006). *Formirovanie zheleznodorozhnoy intelligentsii i ee vliyanie na sotsiokul'turnoe prostranstvo Zapadnoy Sibiri (1920-e – 1930-e gg.)* [The Formation of the

Railway Intelligentsia and Its Influence on the Socio-Cultural Space of Western Siberia (1920s–1930s)], Cand. hist. sci. diss. abstract. Omsk. 24 p.

Kostenkov, P.P. (Ed.). (1986). *Ocherki istorii vysshego i srednego spetsial'nogo obrazovaniya v Sibiri (1917–1980)* [Essays on the History of Higher and Secondary Special Education in Siberia (1917–1980)]. Novosibirsk, NGPU. 236 p.

Krasil'nikov, S.A. (1996). *Intellektual'nyy trud: problemy organizatsii v poslerevolyu-tsionnoy Rossii* [Intellectual Work: Problems of Organization in Post-Revolutionary Russia]. In *Vestnik RGNF*. No. 4, pp. 50–54.

Matvienko, V.M. (2016). *Uchastie MIITa v formirovanii pedagogicheskogo kolektiva NIVITa* [MIIT's Participation in the Formation of the NIMET Teaching Staff]. In *Transportnye sistemy: tendentsii razvitiya: sbornik trudov mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 26–27 sentyabrya 2016 g.* Moscow, MIIT, pp. 497–499.

Matvienko, V.S. (2017). *Professora Sibirskogo gosudarstvennogo universiteta putey soobshcheniya: biograficheskaya spravka. V 3 tomakh* [Professors of the Siberian State University of Railway Engineering] Vol. 1. NIVIT (1932–1953 gg.). Novosibirsk. Izdatel'stvo SGUPS. 141 p.

Tatarnikova, O.L. (1994). *Sibirskiy institut narodnogo khozyaystva* [Siberian Institute of National Economy]. In *Ocherki istorii vysshey shkoly Novosibirska*. Novosibirsk, pp. 4–8.

В.П. Корзун*

**ВГЛЯДЫВАЯСЬ В ВИТРИНУ:
220-ЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ АН СССР
ГЛАЗАМИ ИНОСТРАННЫХ УЧЕНЫХ****doi:10.31518/2618-9100-2025-1-5
УДК 94+061.12:001

Выходные данные для цитирования:
Корзун В.П. Вглядываясь в витрину: 220-летний юбилей АН СССР глазами иностранных ученых // Исторический курьер. 2025. № 1 (39). С. 61–71.
URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-1-05.pdf>

V.P. Korzun*

**LOOKING INTO THE SHOW STINDOW:
THE 220-YEAR ANNIVERSARY OF THE USSR
ACADEMY OF SCIENCES THROUGH THE EYES
OF FOREIGN SCIENTISTS****

doi:10.31518/2618-9100-2025-1-5

How to cite:
Korzun V.P. Looking into the Show Stindow: The 220-Year Anniversary of the USSR Academy of Sciences through the Eyes of Foreign Scientists // Historical Courier, 2025, No. 1 (39), pp. 61–71. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-1-05.pdf>]

Abstract. The author of this article focuses on the reflection of foreign participants in the anniversary celebrations on the occasion of the 220th anniversary of the USSR Academy of Sciences, reflected in their diary entries and memories. We are talking about the Russian Diary of the Canadian economist and one of the founders of the Toronto School of Communications, Harold Innis draft diary entries of the world famous Anglo-German physicist Max Born, as well as a monographic study by Australian botanist Eric Ashby, written hot on the heels of the anniversary, including direct impressions of the anniversary. It is concluded that the showcase image of Soviet science, which is natural for a historical anniversary event, was adjusted in the perception of foreign scientists under the influence of individual ideological guidelines, disciplinary affiliation, communication practices in various scientific communities, and direct inclusion in Soviet everyday life. The image of the science, captured by the mentioned scientists, was characterized by the following features: 1) close dependence on the state both in institutional terms and in terms of social order, which affected the hierarchy of disciplines and scientific directions and the material status of scientists; 2) focus on the single methodology (“philosophical faith”) and strict ideological control; 3) the huge role of popularization practices in terms of memorization of science and its figures. At the same time the features that were not intended for the showcase were fixed: the repressive component of scientific policy, the social hierarchy in the scientific community and the classicalization of scientists regardless of scientific achievements. In general, the anniversary was highly appreciated, the holiday was considered to be an effective way to consolidate the world community and a significant platform for the popularization of science.

Keywords: anniversary of the USSR Academy of Sciences, Soviet science, Max Born, Harold Innis, Eric Ashby, field of communications, foreign scientists.

* **Валентина Павловна Корзун**, доктор исторических наук, Омский государственный педагогический университет, Омск, Россия, e-mail: korzunv@mail.ru

Valentina Pavlovna Korzun, Doctor of Historical Sciences, Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russia, e-mail: korzunv@mail.ru

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ в рамках научного проекта № 23-28-007-58. The study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation within the framework of scientific project No. 23-28-007-58.

The article has been received by the editor on 06.11.2024. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В фокусе внимания автора статьи рефлексия иностранных участников юбилейных торжеств по случаю 220-летия Академии наук СССР, отраженная в их дневниковых записях и воспоминаниях. Речь идет о «Русском дневнике» канадского экономиста и одного из основателей Торонтской школы коммуникалистики Гарольда Инниса, черновых дневниковых записях всемирно известного англо-немецкого физика Макса Борна, а также монографическом исследовании австралийского ботаника Эрика Эшби с включением непосредственных впечатлений о юбилее. Сделан вывод о том, что витринный образ советской науки, что естественно для историко-юбилейного действия, корректировался в восприятии иностранных ученых под воздействием индивидуальных мировоззренческих ориентиров, дисциплинарной принадлежности, практик коммуникаций в различных научных сообществах, степени включения в советскую повседневность. Образ науки, запечатленный указанными авторами, характеризовался следующими чертами: 1) тесной зависимостью от государства как в институциональном плане, так и в плане социального заказа, что сказывалось на выстраивании иерархичности дисциплин и научных направлений и на материальном статусе ученых; 2) ориентацией на единую методологию марксизма («философская вера») и жестким идеологическим контролем; 3) огромной ролью популяризаторских практик в плане меморизации науки и ее деятелей. Но в то же время фиксировались черты, не предназначенные для витрины: репрессивная составляющая научной политики, социальная иерархия в научном сообществе и классикализация ученых вне зависимости от научных достижений. Общим была высокая оценка юбилея, праздник рассматривался как действенный способ консолидировать мировое сообщество, как значимая площадка популяризации науки.

Ключевые слова: юбилей АН СССР, советская наука, Макс Борн, Гарольд Иннис, Эрик Эшби, поле коммуникаций, иностранные ученые.

Статья поступила в редакцию 06.11.2024 г.

В июне 1945 г., спустя чуть больше месяца после окончания войны, страна праздновала 220-летний юбилей Академии наук СССР. Как известно, торжества проходили с 15 по 30 июня в Москве и Ленинграде. На юбилейных мероприятиях, пронизанных эйфорией Победы в Великой Отечественной войне, присутствовали 124 делегата из 17 стран и около 1 000 советских ученых. Безусловно, это был праздник государственного масштаба, отразивший к тому же академические ритуалы дореволюционной науки и новые советские практики, проявившиеся уже в 1925 г., когда отмечалось 200-летие АН СССР.

В последнее время на фоне мемориального бума, возросшего интереса к интеллектуальной истории и отмечаемого трехсотлетия Российской академии наук это событие стало интенсивно изучаться в отечественной историографии, обнаруживая новые ракурсы в проблемном поле юбилейных коммемораций¹.

¹ Груздинская В.С. Юбилей Академии наук СССР в 1945 г. в зеркале иностранных приветственных адресов // Россия XXI. 2020. № 2. С. 26–39; Соболев В.С. Празднование 220-летия Российской академии наук // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90, № 8. С. 794–798; Шерстенникова Е.С. Выставка к 220-летию Академии наук в МАЭ в 1945 году: организация, коллекции, посетители // Кунсткамера. 2021. № 3. С. 89–103; Куперштох Н.А. Образ науки в послевоенном мире: юбилейное заседание Президиума Академии наук СССР в июне 1945 г. // Всеобщая история. 2020. № 2. С. 3–11; Корзун В.П., Груздинская В.С. 220-й юбилей АН СССР в 1945-м: сценарий празднования в социокультурном контексте эпохи // Вестник РУДН. Сер.: История России. 2020. № 2. С. 374–392; Корзун В.П., Ковалев М.В., Груздинская В.С. Юбилей АН СССР в победном 1945 году:

В силу специфики сохранившихся источников нам более известна официальная сторона юбилея и официально презентуемый образ советской/русской науки, ее вклад в Победу, приватная же сторона юбилейного события долгое время оставалась в тени. Приоткрыть кулисы официоза, выйти за рамки «сталинского монументализма» в освещении академического юбилея позволяет обращение как к неизвестным документам, так и к ранее опубликованным, но по разным причинам обойденным исследовательским вниманием.

Почти все иностранные гости после возвращения из Советского Союза в самых различных форматах (интервью, отчеты, статьи в специальных журналах, выступления на радио) делились впечатлениями об СССР и советской науке. Но интервью и отчеты – это все же либо публичная история, либо сугубо административно-официальная, другое дело эго-источники – дневники, личная переписка с кругом духовно или родственно близких персон. В данной статье я обращаюсь к дневниковым записям двух известных ученых – канадского экономиста, одного из основателей Торонтской школы коммуникалистики Гарольда Инниса (1894–1952), и всемирно известного англо-немецкого физика Макса Борна (1882–1970), а также к монографическому исследованию австралийского ботаника Эрика Эшби (1904–1992), написанному по горячим следам с включением непосредственных впечатлений о юбилее². Исследование Э. Эшби осталось незамеченным в нашей историографии. «Русский дневник» Г. Инниса появился в печати в Торонто лишь в 1981 г., спустя почти 30 лет после смерти автора³, и совсем недавно стал объектом изучения в западной и отечественной науке. Черновые дневниковые записи М. Борна о визите в Москву были обнаружены историком М.В. Ковалевым среди коллекции отдельных документов в Отделе рукописей Библиотеки Нильса Бора при Американском институте физики в городе Колледж-Парк, штат Мэриленд. Этот источник переведен им и опубликован на страницах «Исторического архива» в 2021 г.⁴ Первый опыт сравнения дневников Г. Инниса и М. Борна был предпринят в совместном докладе М.В. Ковалёва и В.П. Корзун в 2022 г.⁵ Сравнение текстов дневниковых записей и воспоминаний, включенных в исследовательское полотно в случае Э. Эшби, интересно также в том смысле, что, судя по всему, герои данной статьи оказались в одно и то же время по одному поводу в одном месте, но не вместе. Если Г. Иннис и Э. Эшби познакомились на юбилее и следы их неплотного общения прочитываются в текстах, то с М. Борном они, скорее всего, приватно не встречались и остались незнакомцами. И потому эти «независимые тексты» дают возможность проявить различные грани запечатленного торжества, собрать из мозаики коротких записей сложную картину восприятия уровня развития науки в СССР и в мире, включая размышления о взаимоотношении ученых и власти в различных национальных культурах. Мы имеем дело не просто с путевыми заметками, в которых отражается физико-географический и культурный портрет страны, но с горизонтами постижения «социально-отличного» авторами-

замысел и сценарий праздника, международный резонанс // Вестник Российского Фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2021. № 2 (104). С. 22–36; *Ковалев Д.М., Корзун В.П.* «Русские поклоняются знаниям» (220-летний юбилей АН СССР в восприятии канадского ученого) // Ученые записки Казанского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2020. Т. 162, № 3. С. 207–219; *Ковалёв М.В., Груздинская В.С.* «Все были очень впечатлены дружелюбием, гостеприимством и энтузиазмом советских ученых»: британская делегация на 220-летнем юбилее Академии наук. 1945 г. // Исторический архив. 2020. № 4. С. 87–107; *Груздинская В.С., Корзун В.П.* «Наука не имеет отечества: этот лозунг и верен и нет» (отклики иностранных ученых на 220-летний юбилей Академии наук СССР) // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 472. С. 85–94; *Лиманова С.А.* «Великое празднество советской науки, которое стало праздником мировой науки». Отклики ученых из Болгарии, Польши, Швеции на празднование 220-летия АН СССР. 1945 г. // Исторический архив. 2023. № 4. С. 16–38.

² *Ashby E.* Scientist in Russia. New York, 1947.

³ *Innis H.A.* Innis on Russia. The Russian Diary and Other Writings. Toronto, 1981. P. 15–50.

⁴ *Ковалев М.В.* Дневник лауреата Нобелевской премии физика Макса Борна «Путешествие в Россию» о поездке в Москву и Ленинград на 220-летний юбилей // Исторический архив. 2021. № 5. С. 53–81.

⁵ *Ковалев М.В., Корзун В.П.* Дневниковые записи М. Борна и Г. Инниса о поездке в СССР на 220-летний юбилей АН СССР // Материалы международной конференции Российского национального комитета по истории и философии науки и техники РАН, посвященной 90-летию Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. М., 2022. С. 72–75.

интеллектуалами. И в этом смысле анализируемые источники можно рассматривать как способ/форму цивилизационного взаимодействия.

Прежде обозначу три ремарки, определяющие суть моего подхода к теме. Первая – оправдание «витринного» характера любого юбилея. Эпитет «витринный» в исторических исследованиях несет, как правило, отрицательную коннотацию. В нашем случае юбилей итожит определенный этап развития науки. Репрезентация достигнутых итогов предполагает их демонстрацию, формы этой репрезентации многообразны – как традиционно научные, так и скорректированные новой социальной реальностью и нормами «советской науки». Но «наука напоказ» естественно подлежит корректировке в процессе ее рефлексии, тем более стоит учитывать и подсветку витрины – банкетно-балетную часть юбилея, что безусловно придавало особые эмоции участникам торжеств и сказывалось на оценке события. Вторая ремарка касается учета различий в целеполагании акторов этого процесса, которыми были как отечественные ученые, так и власть, да, собственно, и приглашенные иностранные гости. Важно иметь в виду сознательный, строго контролируемый властью отбор приглашенных. Списки предполагаемых участников юбилейных мероприятий утверждались посредством тройного фильтра: обсуждение и утверждение их на заседании Президиума Юбилейного комитета по празднованию 220-летия АН СССР, согласование и утверждение в правительстве, окончательное утверждение в Политбюро ЦК ВКП(б).

Непосредственно В.М. Молотову были представлены списки: список № 1 – иностранных научных учреждений, список № 2 – почетных членов и членов-корреспондентов Академии наук СССР, список № 3 – отдельных иностранных ученых, список № 4 – отдельных иностранных ученых и иностранных научных учреждений⁶. На последнем этапе организации приезда ученых подключалось Министерство иностранных дел. Проходя через указанные фильтры, списки приглашенных сокращались, в некоторых случаях дополнялись.

При составлении списка иностранных представителей Академия наук учитывала прежде всего следующие три главных момента: «1) Авторитет в научном мире того или иного зарубежного ученого или научного учреждения. 2) Их отношение к Советскому Союзу. 3) Поведение во время <...> войны и отношение к фашистскому режиму»⁷. Это обстоятельство во многом объясняет схожесть, при имеющихся различиях, оценок юбилея и советской науки в целом, что характерно и для моих героев.

Третья ремарка – необходимость учета уникальности переживаемой миром ситуации, связанной с окончанием Великой Отечественной войны, надеждами на справедливое переустройство мира, что лаконично выразил американский эксперт в области иранского искусства, антрополог, историк и философ, вице-президент Национального совета американо-советской дружбы Артур Поуп, мечтающий о «лучшем мире, которого мы еще не видели, но на который мы надеемся»⁸.

С учетом этих обстоятельств в рамках интеллектуальной истории и научной дипломатии попытаемся представить картину восприятия советской науки и отечественного научного сообщества названными мной учеными, картину, в которой очевидны и ее штрихи/образы, не предназначенные для витрины. К последним отнесем: 1) презентизм/утилитаризм советской науки; 2) репрессии ученых и их трагические следствия в науке; 3) социальную дифференциацию общества в целом и дифференциацию внутри научного сообщества; 4) зависимость от государства, хотя последнее оценивается ими по-разному и совсем не однозначно; 5) властный патронаж, отражающий культ вождей и закрепляющий транслируемую классикализацию ученых в пантеоне культурной памяти.

Зададимся вопросом: какие же обстоятельства способствовали видению советского научного закулисья и его различной оценке? Они были связаны с различными политическими и мировоззренческими ориентациями ученых (хотя, как было отмечено выше,

⁶ Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 519. Оп. 1. Д. 13. Л. 1–18.

⁷ Там же. Л. 3.

⁸ АРАН. Ф. 515. Оп. 1. Д. 584. Л. 39.

их отличали симпатии к левым движениям, доброжелательность по отношению к СССР), с их дисциплинарной специализацией, с индивидуальными мотивациями оказаться в Москве на международном научном форуме, различными прежними практиками коммуникаций между советскими и зарубежными учеными, да и друг с другом, наконец, с любопытством – своего рода геном любого ученого.

Так, у Макса Борна были давние связи с российскими физиками (С.А. Богуславским, Ю.Б. Румером, В.А. Фоком, П.Л. Капицей и многими другими). Борн посещал СССР в 1928 г., выступал с программным докладом в Саратове, который произвел большой фурор. Он хранил теплые воспоминания о той поездке⁹. Ко всему прочему, с 1934 г. он иностранный член Академии наук СССР. «Борн едет в Советский Союз и в знак уважения к Академии, и чтобы повидать своих старых друзей»¹⁰. Во время поездки он пользовался рядом привилегий (ему выделен специальный автомобиль) и особым вниманием со стороны П.Л. Капицы, посещал его квартиру и общался с его семьей, приватно контактировал с другими физиками, интересовался судьбами «отсутствующих» ученых, т.е. имел возможность общаться с коллегами с глазу на глаз. «Доверительные диалоги без чужих глаз и ушей происходили и во время дружеских пирушек»¹¹. В то же время он имел возможность сравнить уровень жизни советского ученого и простого обывателя, с которым сталкивался в магазине, на улицах и площадях обеих столиц, во время остановки поезда по пути следования из Москвы в Ленинград.

Гарольд Иннис не имел таких личных связей, хотя для него характерен давний интерес к истории России, к ее литературе, но путешествие для ученого скорее поле для научного анализа, чем нечто личное. В мае 1945 г. он получил приглашение на 220-летний юбилей АН от временного поверенного в делах СССР в Оттаве Николая Дмитриевича Белохвостикова. Скромно связывал свое приглашение с деятельностью возглавляемой им кафедры и известностью своего предшественника профессора Джеймса Мэйвора, имевшего «глубокий интерес к России»¹². Как полагает канадский исследователь У. Бакстон, «по негласному соглашению Иннис мог использовать эту поездку в качестве миссии по установлению фактов для предоставления канадским официальным лицам информации о Советском Союзе, в частности о том, что Россия делает в своих арктических регионах»¹³. Особый интерес к Русской Арктике был связан с освоением Канадой северных территорий. А учитывая, что Арктический институт Северной Америки (АЙСА) был основан в сентябре 1944 г. по образцу Арктического института СССР, то вполне возможно предположить, что визит Г. Инниса, связанного с этим проектом, имел целью собрать информацию для АЙСА [AINA]. По окончании путешествия он предоставит дневник в Департамент иностранных дел Канады.

Во время пребывания в СССР ученый тесно контактирует с канадским дипломатом Арнольдом Смитом (будущим идеологом «холодной войны»), с сотрудниками английского посольства, с американскими журналистами. В данном окружении обсуждаются проблемы тоталитаризма и свободы. Очевидно, эти встречи были источником его информирования о репрессиях среди советских ученых, что нашло отражение в дневниковой записи при посещении Арктического института в Ленинграде. К теме репрессий он возвращается и на обратном пути, приводя свои мысли в порядок, подводя итог своим впечатлениям. В телеграфный поток записей о географическом ландшафте и занятости населения врывается фраза

⁹ Ковалев М.В. Дневник лауреата Нобелевской премии физика Макса Борна... С. 54.

¹⁰ Ковалев М.В., Корзун В.П. Дневниковые записи М. Борна и Г. Инниса... С. 72.

¹¹ Там же. С. 73.

¹² Джеймс Мейвор (8 декабря 1854 – 31 октября 1925 г.) – шотландский канадский экономист. Профессор политической экономии в Университете Торонто с 1892 по 1923 г. С его именем связывают традицию изучения истории России в Торонто. Автор «Экономической истории России» (Лондон, 1914; в 2 т.), «Russell & Russell», 1914, переиздана в 1925, 1965. Сыграл ключевую роль в переселении религиозных диссидентов духобор из Российской империи в Канаду. Состоял в переписке с П.А. Кропоткиным.

¹³ Buxton W. Northern Enlightenment: Innis's 1945 Trip to Russia and Its Aftermath // Harold Innis and the North Appraisals and Contestations. London, 2013. P. 341.

о чистках ученых в 1937–1938 гг., в частности о погибших астрономах, о том, что стремление и энтузиазм новых кадров «не возмещают образования», не смогут компенсировать потери¹⁴. Важно учесть и следующее. В результате весьма протяженного пути из Эдмонта (Канада) в Фэрбенкс (Аляска), затем через Берингов пролив в Марково с последующими посадками в Якутске, Киренске, Омске, Свердловске, Казани и, наконец, в Москве, у него сложился визуальный образ страны. Обратный путь пролегал по тому же маршруту с дополнительной посадкой в Новосибирске. Как видим, значительную часть своего пути Иннис летел по знаменитой авиатрассе АлСИБ (Аляска – Сибирь), открытой в 1942 г. для перегонки военных самолетов из США в СССР, с многочисленными посадками на сибирских аэродромах, и имел возможность воспринимать не только советскую повседневность, но и сравнивать освоение Арктики со стороны СССР и Канады, фиксировать развитие науки на периферии и в столицах. Последнее входило в программу празднования 220-летнего юбилея. Единственная запись о науке за пределами обеих столиц посвящена Омску. Ученый посещает омский сельхозинститут, отмечает успехи в селекции пшеницы и морозоустойчивых плодовых деревьев – стелющихся яблонь. Речь идет о знаменитом саде профессора А.Д. Кизюрина¹⁵. И далее следует вполне лояльная прагматика: «Канаде, вероятно, есть чему научиться у Сибири; в этом обширном регионе, имеющем примерно те же природные условия, выводятся особые сорта растений, и эти эксперименты могут принести Канаде большую пользу»¹⁶. В результате своих наблюдений в виде коротких записей Г. Иннис конструирует собственный взгляд на развитие науки в СССР и рефлексировать о роли науки в понимании ценностей различных цивилизаций. Наука, с его точки зрения, – это общепри-миряющее¹⁷.

В силу научных интересов Г. Инниса и особенностей характера (о его замкнутости и сдержанности упоминает сдружившийся с ним во время путешествия канадский коллега Г. Селье) круг его общения с советскими участниками торжеств, в отличие от М. Борна, сведен до минимума. Г. Иннис, являя собой фигуру «включенного наблюдателя», а не активного игрока, он присутствует, но не выступает с докладами и не участвует в прениях на специальном заседании Отделения истории философии АН СССР, посвященном проблемам Английской революции, хотя оставляет в дневнике обширную запись об этом заседании¹⁸. А вот М. Борн – равноправный действенный участник как юбилейного торжества, так и текущего научного действия, в значительной степени дирижер этого процесса в своей отрасли знания. Наконец, очевидно и другое – в отличие от М. Борна, у Г. Инниса не было здесь своего оппонентского круга – философия, представленная акад. В.П. Волгиным в докладе «Значение метода диалектического материализма для анализа исторической действительности советскими учеными», была ему чужда, а занимавшие его проблемы коммуникаций в цивилизационном срезе не представляли интереса для советских обществоведов, да и в его родной Канаде они получают признание много позже. В этом смысле Г. Иннис одинок, у него по определению не могло быть резонанса слушателей, и как результат – «своя игра», он наблюдатель чужого пира и его фотограф.

И совсем иным было поле коммуникаций, да и целеполагание, у австралийского ботаника Эрика Эшби, который с 1944 по конец 1945 г. жил в Москве и являлся советником по науке при австралийском посольстве. По роду службы, как он сам пишет, ему удалось посетить более пятидесяти лабораторий и познакомиться со многими учеными, с некоторыми у него сложились неформальные отношения. С теплотой он вспоминает биолога академика

¹⁴ Innis H.A. Innis on Russia... P. 44.

¹⁵ Кизюрин Александр Дмитриевич (1879–1971) – садовод, доктор сельскохозяйственных наук, профессор Омского сельхозинститута, председатель Омского отдела Географического общества СССР. Основные направления исследований – создание стелющихся форм плодовых деревьев. В 1931–1934 гг. А.Д. Кизюрин в Омске закладывает сад по выращиванию плодовых деревьев в стелющейся форме на площади 10 га. Позже сад получил наименование Кизюринский.

¹⁶ Innis H.A. Innis on Russia... P. 21.

¹⁷ Подробнее об этом см.: *Колеватов Д.М., Корзун В.П.* «Русские поклоняются знаниям» ... С. 207–219.

¹⁸ Innis H.A. Innis on Russia... P. 33.

Б.А. Келлера, бывал у него дома и, так уж случилось, присутствовал на его похоронах почти сразу после академических торжеств¹⁹.

О его харизме, умении налаживать и поддерживать контакты в различных сферах – науке, политике, образовании – упоминают многие авторы, и даже Г. Иннис отмечает в дневнике его способность «достучаться до русских, опираясь на их интерес к науке»²⁰. Эшби в своей работе «Scientist in Russia» многие черты советской науки объясняет не только особой ролью власти в ее институциональной организации и финансировании, но определенной культурной традицией, «русским менталитетом». По Эшби, то, что верно для русского народа с его ментальностью, верно и для науки: «Русский менталитет влияет на советскую науку точно так же, как на советскую поэзию и политику»²¹. Поэтому для понимания тенденций развития науки и восприятия образа ученого важно быть знакомым с русским романом, читать И.С. Тургенева, А.П. Чехова, Ф.М. Достоевского, Н.В. Гоголя. Эта культурная предопределенность задает как слабости, так и сильные стороны советской науки. В праздновании 220-летнего юбилея указанная связь с особой силой выразилась в популяризации успехов советской науки, помпезности ее презентации на юбилейных сессиях, что диссонировало с послевоенной повседневностью, акцентировании решающей роли государства.

Закулисье торжеств лишь подчеркивало сложность и противоречивость процесса развития науки в советском государстве, но, особо отмечу, авторами не отрицался сам факт вклада российских ученых в мировую науку, подчеркивалась их героическая роль в Великой Отечественной войне. Выделялись как точки соприкосновения и возможное сотрудничество, так и точки неприятия, отчуждения в строе советской науки. Причем эта ситуация по-разному представлялась в различных дисциплинарных срезах, да и различно оценивалась учеными. Так, М. Борн и Э. Эшби рассматривают развитие науки в СССР в тесной связи с системой образования. Борн был «впечатлен <...> колоссальными исследованиями и преподаванием»²². По Э. Эшби, «наука в Советском Союзе амбициозно спланирована, обеспечена энергичной и здоровой поддержкой», и даже если достижения СССР «за последние двадцать пять лет не вызывают удивления, его перспективы на будущее вряд ли можно переоценить»²³. Он пишет об успехах в области геологоразведки, изучения растительности, почв и минералов, картографирования и т.д.²⁴ Г. Иннис гораздо более скептичен в оценке уровня развития советской науки: в «трех четвертях всех наук русские отстают от американцев: возможно, они наравне с последними в математике, но хуже в физике, химии и медицине. Хороши в ботанике»²⁵. Чуть позже в реестр «успешных наук» им будет внесено почвоведение и прикладная экономика. В то же время автор «Русского дневника» подчеркивает значимость базового фактора для сотрудничества с советскими учеными – «Русские поклоняются знаниям»²⁶.

Г. Иннис и Э. Эшби характерными чертами советской науки называли ориентацию на единую методологию марксизма («философская вера») и жесткий идеологический контроль, интерес к прикладному знанию и недооценку теории, огромную роль популяризаторских практик и меморизацию науки и ее деятелей, что связывалось авторами с утилитарной концепцией прикладного знания, тотальную зависимость от государства как в институциональном плане, так и в плане социального заказа и, соответственно, в выстраивании иерархичности дисциплин и направлений, а также в плане регулирования материального статуса ученых. Последнее (зависимость от государства) признавалось и М. Борном, но им отрицалось какое-либо значительное влияние марксизма на достижения в области физики, отме-

¹⁹ Ashby E. Scientist in Russia... P. 173–175.

²⁰ Innis H.A. Innis on Russia... P. 22.

²¹ Ashby E. Scientist in Russia... P. 146.

²² Ковалев М.В. Дневник лауреата Нобелевской премии физика Макса Борна... С. 69.

²³ Ashby E. Scientist in Russia... P. 206.

²⁴ Там же. P. 205.

²⁵ Innis H.A. Innis on Russia... P. 44.

²⁶ Там же. P. 30.

чался высокий уровень теоретических разработок советскими учеными И.Е. Таммом, Л.Д. Ландау, В.А. Фоком, И.М. Лифшицем, П.Л. Капицей и др. Э. Эшби, в отличие от Г. Инниса и М. Борна, большое внимание уделил русскому феномену популяризации науки, обозначил не только ее значимость в формировании ценностного отношения в обществе к науке и ученому, но и обратную сторону – классикализацию ученых не по научным заслугам, а по общественной известности. Таким образом, «тотальная популяризация» может рассматриваться и как удобный механизм манипуляции научным сообществом, поощрения «недобросовестных, амбициозных ученых» (в качестве примера Эшби ссылается на феномен Т.Д. Лысенко)²⁷. Эти наблюдения шли в параллель со становлением социологии науки с возрастающим вниманием в ее проблемном поле к нормам и антинормам в научных сообществах.

Имелись отличия и в оценке роли государства в строительстве новой науки. Вскоре после своего возвращения из России Г. Иннис отметит в интервью, проведенном совместно с Г. Селье, что «развитие науки в рамках социальной структуры страны идет в России гораздо дальше, чем в остальном мире, а положение ученых в СССР выше, чем где бы то ни было»²⁸. В отличие от некоторых стран, в которых члены Королевской Академии наук «рассматривались как мусорщики», академики в России имеют «высокий <...> социальный статус. Они получают отличную зарплату, бесплатный проезд повсюду и другие особые привилегии с теми же рейтингами, что и комиссары или министры канадского кабинета»²⁹.

М. Борн же удручен увиденной им картиной социального неравенства. По замечанию М.В. Ковалева, «советскую академическую элиту он посчитал оторванной от народа и его повседневных проблем и забот»³⁰. И добавляет, ссылаясь на письмо физика к сыну: «Картины достатка советских физиков с их казавшимися почти безграничными материальными возможностями не обольстили сознания М. Борна, а социальные контрасты глубоко разочаровали его»³¹.

Общим в позиции авторов анализируемых текстов была высокая оценка юбилея – он рассматривался как действенный способ консолидировать мировое сообщество, выделяя науку «как точку, по которой может быть достигнуто общее согласие». Подобное настроение характерно для многих участников юбилейных торжеств, считавших, что «Великое празднество советской науки... стало праздником мировой науки»³². И М. Борн, и Г. Иннис, и Э. Эшби верят в прогресс науки и международное сотрудничество. Но, всматриваясь в праздничное полотно репрезентации советской науки, они видели на этом экране отражение общих проблем организации мировой науки и трансформации ее этоса. В диалоге цивилизаций учеными исключительная роль отводится науке и особой миссии ученых в поиске объективной научной истины, преодолению заблуждений относительно друг друга, умению уважать национальные традиции, мнения других («согласились не соглашаться»).

Более отчетливо подобный взгляд отразил Г. Иннис. Празднование юбилея Академии наук СССР оценивается им как реальное доказательство возможности объединения сил ученых при широкой государственной поддержке для решения социальных и научных проблем. Но как ученый, осмысливающий специфику коммуникаций в цивилизационном срезе, он обращает внимание на возможные угрозы на этом пути для науки, которые могут воспрепятствовать осуществлению ее миссии. В качестве таковых называется догматизм, национализм, зависимость от конъюнктуры рынка, «когда ученые становятся журналистами и рекламодателями», «корыстные интересы кафедр и университетов», стремление военных использовать науку в своих интересах³³. Автором провидчески угадывается смена образа

²⁷ Ashby E. Scientist in Russia... P. 187.

²⁸ Buxton W. Northern Enlightenment... P. 253.

²⁹ Цит по: Buxton W. Northern Enlightenment... P. 253.

³⁰ Ковалев М.В. Дневник лауреата Нобелевской премии физика Макса Борна... С. 56.

³¹ Там же.

³² Лиманова С.А. «Великое празднество советской науки, которое стало праздником мировой науки»... С. 27.

³³ Innis H.A. Innis on Russia... P. 41–42.

науки как такового, его фрагментация – упадок философии науки и квантификация исследовательских практик.

Как видим, и витрина (сцена), и закулисы юбилейного празднования советской науки в единстве транслировали ее сложный противоречивый образ. Но при всей специфике восприятия этого образа авторами анализируемых дневниковых, путевых зарисовок, в силу конвергентности научного знания, его коммуникативности, наука рассматривалась как самостоятельный актер, несущий некий компромисс, веру в преодоление дисгармонии мира, только что пережившего разрушительную войну.

Литература

Груздинская В.С. Юбилей Академии наук СССР в 1945 г. в зеркале иностранных приветственных адресов // Россия XXI. 2020. № 2. С. 26–39.

Груздинская В.С., Корзун В.П. «Наука не имеет отечества: этот лозунг и верен и нет» (отклики иностранных ученых на 220-летний юбилей Академии наук СССР) // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 472. С. 85–94.

Ковалев М.В. Дневник лауреата Нобелевской премии физика Макса Борна «Путешествие в Россию» о поездке в Москву и Ленинград на 220-летний юбилей // Исторический архив. 2021. № 5. С. 53–81.

Ковалёв М.В., Груздинская В.С. «Все были очень впечатлены дружелюбием, гостеприимством и энтузиазмом советских ученых»: британская делегация на 220-летнем юбилее Академии наук. 1945 г. // Исторический архив. 2020. № 4. С. 87–107.

Ковалёв М.В., Корзун В.П. Дневниковые записи М. Борна и Г. Инниса о поездке в СССР на 220-летний юбилей АН СССР // Материалы международной конференции Российского национального комитета по истории и философии науки и техники РАН, посвященной 90-летию Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. М., 2022. С. 72–75.

Колеватов Д.М., Корзун В.П. «Русские поклоняются знаниям» (220-летний юбилей АН СССР в восприятии канадского ученого) // Ученые записки Казанского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2020. Т. 162, № 3. С. 207–219.

Корзун В.П., Груздинская В.С. 220-й юбилей АН СССР в 1945-м: сценарий празднования в социокультурном контексте эпохи // Вестник РУДН. Сер.: История России. 2020. № 2. С. 374–392.

Корзун В.П., Ковалев М.В., Груздинская В.С. Юбилей АН СССР в победном 1945 году: замысел и сценарий праздника, международный резонанс // Вестник Российского Фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. № 2 (104), 2021. С. 22–36.

Куперштох Н.А. Образ науки в послевоенном мире: юбилейное заседание Президиума Академии наук СССР в июне 1945 г. // Всеобщая история. 2020. № 2. С. 3–11.

Лиманова С.А. «Великое празднество советской науки, которое стало праздником мировой науки». Отклики ученых из Болгарии, Польши, Швеции на празднование 220-летия АН СССР. 1945 г. // Исторический архив. 2023. № 4. С. 16–38.

Соболев В.С. Празднование 220-летия Российской академии наук // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90, № 8. С. 794–798.

Шерстенникова Е.С. Выставка к 220-летию Академии наук в МАЭ в 1945 году: организация, коллекции, посетители // Кунсткамера. 2021. № 3. С. 89–103.

Ashby E. Scientist in Russia. New York: Midd'x, Penguin books, 1947. 252 p.

Buxton W. Northern Enlightenment: Innis's 1945 Trip to Russia and Its Aftermath // Harold Innis and the North Appraisals and Contestations. London, 2013. P. 246–272.

Innis H.A. Innis on Russia. The Russian Diary and Other Writings. Toronto: University of Toronto, 1981. 90 p.

References

- Ashby, E. (1947). *Scientist in Russia*. New York, Midd'x, Penguin books. 252 p.
- Buxton, W. (2013). *Northern Enlightenment: Innis's 1945 Trip to Russia and Its Aftermath*. In *Harold Innis and the North Appraisals and Contestations*. London, McGill-Queen's University Press Montreal, pp. 246–272.
- Gruzdinskaya, V.S. (2020). Yubiley Akademii nauk SSSR v 1945 g. v zerkale inostrannykh privetstvennykh adresov [The Anniversary of the USSR Academy of Sciences in 1945 in the Mirror of Foreign Welcome Addresses]. In *Rossiia XXI*. No. 2, pp. 26–39.
- Gruzdinskaya, V.S., Korzun, V.P. (2021). “Nauka ne imeet otechestva: etot lozung i veren i net” (otkliki inostrannykh uchenykh na 220-letniy yubiley Akademii nauk SSSR) [“Science has No Fatherland: This Slogan is Both True and Not” (Responses of Foreign Scientists to the 220th Anniversary of the USSR Academy of Sciences)]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 472, pp. 85–94.
- Innis, H.A. (1981). *Innis on Russia. The Russian Diary and Other Writings*. Toronto, University of Toronto, pp. 15–50.
- Kolevatov, D.M., Korzun, V.P. (2020). “Russkie poklonyayutsya znaniyam” (220-letniy yubiley AN SSSR v vospriyatii kanadskogo uchenogo) [“Russians Worship Knowledge” (220th Anniversary of the USSR Academy of Sciences as Perceived by a Canadian Scientist)]. In *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. Vol. 162, No. 3. pp. 207–219.
- Korzun, V.P., Gruzdinskaya, V.S. (2020). 220-y yubiley AN SSSR v 1945-m: stsenariy prazdnovaniya v sotsiokul'turnom kontekste epokhi [The 220th Anniversary of the USSR Academy of Sciences in 1945: The Scenario of Celebration in the Socio-Cultural Context of the Epoch]. In *Vestnik RUDN. Seriya: Istoriiya Rossii*. No. 2, pp. 374–392.
- Korzun, V.P., Kovalev, M.V., Gruzdinskaya, V.S. (2021). Yubiley AN SSSR v pobedom 1945 godu: zamysel i stsenariy prazdnika, mezhdunarodnyy rezonans [Jubilee of the USSR Academy of Sciences in the Victorious Year of 1945: Plan and Scenario of the Celebration, International Resonance]. In *Vestnik Rossiyskogo Fonda fundamental'nykh issledovaniy. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*. No. 2 (104), pp. 22–36.
- Kovalev, M.V. (2021). Dnevnik laureata Nobelevskoy premii fizika Maksa Borna “Puteshestvie v Rossiyu” o poezdke v Moskvu i Leningrad na 220-letniy yubiley [Diary of Nobel Prize-Winning Physicist Max Born “Journey to Russia” about a Trip to Moscow and Leningrad for His 220th Anniversary]. In *Istoricheskiy arkhiv*. No. 5, pp. 53–81.
- Kovalev, M.V., Gruzdinskaya, V.S. (2020). “Vse byli ochen' vpechatleny druzhelyubiem, gostepriimstvom i entuziazmom sovetskikh uchenykh”: britanskaya delegatsiya na 220-letnem yubilee Akademii nauk. 1945 god [“Everyone Was Very Impressed by the Friendliness, Hospitality and Enthusiasm of the Soviet Scientists”: British Delegation at the 220th Anniversary of the Academy of Sciences. 1945]. In *Istoricheskiy arkhiv*. No. 4, pp. 87–107.
- Kovalev, M.V., Korzun, V.P. (2022). Dnevnikovye zapisi M. Borna i G. Innisa o poezdke v SSSR na 220-letniy yubiley AN SSSR [Diary Entries of M. Born and G. Innis on Their Trip to the USSR for the 220th Anniversary of the USSR Academy of Sciences]. In *Materialy mezhdunarodnoy konferentsii Rossiyskogo natsional'nogo komiteta po istorii i filosofii nauki i tekhniki RAN, posvyashchennoy 90-letiyu Instituta istorii estestvoznaniya i tekhniki imeni S.I. Vavilova*. Moscow, pp. 72–75.
- Kupershtoh, N.A. (2020). Obraz nauki v poslevoennom mire: yubileynoe zasedanie Prezidiuma Akademii nauk SSSR v iyune 1945 g. [The Image of Science in the Postwar World: Jubilee Meeting of the Presidium of the USSR Academy of Sciences in June 1945]. In *Vseobshchaya istoriya*. No. 2, pp. 3–11.
- Limanova, S.A. (2023). “Velikoe prazdnestvo sovetskoy nauki, kotoroe stalo prazdnikom mirovoy nauki”. Otkliki uchenykh iz Bolgarii, Pol'shi, Shvetsii na prazdnovanie 220-letiya AN SSSR. 1945 g. [“A Great Celebration of Soviet Science, Which Became a Celebration of World Science”. Responses of Scientists from Bulgaria, Poland, Sweden to the Celebration of the

220th Anniversary of the USSR Academy of Sciences. 1945]. In *Istoricheskiy arkhiv*. No. 4, pp. 16–38.

Sherstennikova, E.S. (2021). Vystavka k 220-letiyu Akademii nauk v MAE v 1945 godu: organizatsiya, kolleksii, posetiteli [Exhibition for the 220th Anniversary of the Academy of Sciences at the MAE in 1945: Organization, Collections, Visitors]. In *Kunstkamera*. No. 3, pp. 89–103.

Sobolev, V.S. (2020). Prazdnovanie 220-letiya Rossiyskoy akademii nauk [Celebration of the 220th Anniversary of the Russian Academy of Sciences]. In *Vestnik Rossiyskoy Akademii nauk*. Vol. 90, No. 8, pp. 794–798.

Л.В. Белгородская
А.В. Леопа*

СОВЕТСКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ СООБЩЕСТВО
В КОНТЕКСТЕ ОБРАЗОВАНИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ
ПОЗДНЕСТАЛИНСКОЙ ЭПОХИ: ПОТЕНЦИАЛ
ЭГО-ДОКУМЕНТОВ И ВИЗУАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ

doi:10.31518/2618-9100-2025-1-6
УДК 94:75.01(47+57) "19"

Выходные данные для цитирования:

Белгородская Л.В., Леопа А.В. Советское историческое сообщество в контексте образования и политических реалий позднесталинской эпохи: потенциал эго-документов и визуальных источников // Исторический курьер. 2025. № 1 (39). С. 72–84. URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-1-06.pdf>

L.V. Belgorodskaya
A.V. Leopa*

THE SOVIET HISTORICAL COMMUNITY
IN THE CONTEXT OF EDUCATION AND POLITICAL
REALITIES OF THE LATE STALIN ERA: THE POTENTIAL
OF EGO DOCUMENTS AND VISUAL SOURCES

doi:10.31518/2618-9100-2025-1-6

How to cite:

Belgorodskaya L.V., Leopa A.V. The Soviet Historical Community in the Context of Education and Political Realities of the Late Stalin Era: the Potential of Ego Documents and Visual Sources // Historical Courier, 2025, No. 1 (39), pp. 72–84. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-1-06.pdf>]

Abstract. The article is devoted to identifying the features of historical education and the existence of a corporation of historians in late Stalinist Russia (1946–1953). The corpus of ego documents (memoirs, diaries, oral stories) and visual sources of the electronic resource “History of Russia in Photographs”, artistic and journalistic works were studied. Psychological features and accepted behavior patterns of teachers and students are considered. It is noted that isotests make it possible to assess behavioral and emotional behavior patterns: restraint, seriousness, modesty. Common features and specific features of the historical education of Moscow, Leningrad and peripheral students have been established. The article provides examples related to the large role of socio-political disciplines, betting on verbatim memorization of texts of classics and textbooks, taking notes on texts, following the behavioral model of the “double standard”. It was established that the metropolitan students and teachers were widely involved in the ideological campaigns of 1946–1953, and not only as a “victim”, but as active participants in the reprisals with colleagues. The features of historical education of the country’s population as a whole are highlighted.

Keywords: visual turn, 1946–1953, 1949 as a “place of memory”, teachers and students, memoirs of Soviet historians, images of Soviet students in photography.

The article has been received by the editor on 06.11.2024. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* Людмила Вениаминовна Белгородская, доктор исторических наук, Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия, e-mail: blv.kr@yandex.ru

Lyudmila Veniaminovna Belgorodskaya, Doctor of Historical Sciences, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia, e-mail: blv.kr@yandex.ru

Александр Владимирович Леопа, доктор философских наук, Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия, e-mail: Alleopa@mail.ru

Alexander Vladimirovich Leopa, Doctor of Philosophy, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia, e-mail: Alleopa@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена выявлению особенностей исторического образования и бытования корпорации историков в позднесталинской России (1946–1953 гг.). Изучен корпус эго-документов (воспоминаний, дневников, устных рассказов) и визуальные источники электронного ресурса «История России в фотографиях», художественные и публицистические произведения. Рассмотрены психологические особенности и принятые модели поведения преподавателей и студентов. Отмечается, что изотексты позволяют оценить поведенческие и эмоциональные модели поведения: сдержанность, серьезность, скромность. Установлены общие черты и специфические особенности бытования и обучения московского, ленинградского и периферийного студенчества. В статье приводятся примеры, связанные с большой ролью общественно-политических дисциплин, ставкой на дословное заучивание текстов классиков и учебников, конспектирование текстов, следование поведенческой модели «двойного стандарта». Установлено, что столичное студенчество и преподаватели оказались широко вовлечены в идеологические кампании 1946–1953 гг., и не только в качестве «жертвы», но и как активные участники расправ с коллегами. Выделены черты исторического просвещения населения страны в целом, формы участия студентов и аспирантов в нем.

Ключевые слова: визуальный поворот, 1946–1953 гг., 1949 г. как «место памяти», преподаватели и студенты, воспоминания советских историков, образы советских студентов в фотографии.

Статья поступила в редакцию 06.11.2024 г.

В современной научной литературе представлены работы по истории проведения послевоенных идеологических кампаний, исследованы механизмы организации репрессивных действий в научных и учебных заведениях, изучена динамика движения маховика идеологических репрессий на местах и в Центре. В ряде публикаций рассмотрены этапы и особенности развития исторического образования в позднесталинском СССР¹.

Цель настоящей статьи состоит в изучении морально-психологического состояния корпорации историков в первые послевоенные годы. Задача заключается в оценке отношений и настроений «снизу»: через восприятие студентами и преподавателями процесса образования, истории как науки, выяснение отношения к политическим акциям. Авторы также выясняют, какая роль отводилась историческому знанию в послевоенной стране, каким образом шла трансляция информации по истории, как преподаватели и студенты участвовали в идеологических кампаниях, в какой степени они были одновременно объектами и субъектами политических акций. В статье рассмотрен эмоциональный мир и визуализированные модели поведения студентов и преподавателей, которые считались в это время допустимыми и общественно одобряемыми. Рассмотрена специфика не только подготовки будущих историков, но и особенности исторического образования студентов других специальностей и населения в целом.

Для реализации задач привлечены две группы исторических источников – визуальные и письменные: эго-документы, художественные и публицистические произведения. Визуальными источниками при изучении темы стали фотографии студентов и преподавателей, размещенные в уникальной интернет-коллекции «История России в фотографиях»². В конце

¹ Урмаева К.А. Основные этапы и особенности развития исторического образования в вузах России 20–90-е гг. XX века: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Пенза, 2011; Виноградов Д.Е. Кампания по борьбе с космополитизмом в исторической науке (по воспоминаниям историков) // Рязановские чтения (Восьмые): мат-лы науч. конф. М., 2023. С. 225–236; Тихонов В.В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (сер. 1940-х – 1953). М., 2016.

² История России в фотографиях [Электронный ресурс]. URL: <https://russiainphoto.ru> (дата обращения: 15.07.2024).

XX в. в гуманитарных науках произошел так называемый «визуальный поворот» (visual turn). Исследователи осознали, что изображения подобно текстам и устным свидетельствам являются важным историческим источником.

Российские историки постепенно осознают, что для современной науки визуальное не менее информативно, чем нарративные материалы, начинают постигать визуальные тексты. Однако до сих пор мало кто из авторов пользуется возможностью изучать изобразительные источники, чаще их используют лишь для иллюстрации выводов, к которым исследователь пришел другим путем³.

Известный архивист С.О. Шмидт предложил оригинальную типологию визуальных источников, разделив их по типу и способу передачи информации. Им выделены следующие подвиды: а) художественно-изобразительные; б) изобразительно-графические; в) изобразительно-натуральные (фотографии и документальные кинокадры)⁴. Значимость последней группы источников для историков особенно велика, в данной публикации рассматривается исключительно этот вид визуальных источников.

Мы полагаем, что художественные смыслы и скрытые политические подтексты визуальных текстов открываются современному историку богаче и даже иначе, чем это замыслил современник. Как неоднократно писал и говорил Ю.М. Лотман, при восприятии письменных текстов и визуальных изображений постоянно происходит самовозрастание смыслов источников.

Термин «эго-документы» был введен в конце XX в. Так принято называть группу источников, исходящих от конкретного человека и, как правило, написанных от первого лица. Самые распространенные виды эго-документов, изучаемые специалистами, – это дневники и письма. Кроме того, к числу таких источников относят записные книжки, мемуары и автобиографии.

Для понимания исторического контекста и психологии людей послевоенного времени изучены письменные и устные воспоминания отечественных ученых-историков, которые были преподавателями или студентами/аспирантами исторических факультетов. Привлечены воспоминания Д.С. Лихачёва, В.П. Смирнова, Р.Ш. Ганелина, А.М. Некрича, С.О. Шмидта. В 2023 г. в свет вышли двухтомные «Дневники историка С.С. Дмитриева за 1941–1991», еще не ставшие предметом исследования. Рассмотрены опубликованные записи студента-архивиста В.В. Цаплина. Основная ценность доступных дневников кроется в том, что долгие годы они были эмоциональным и политическим убежищем для историков.

Послевоенные годы – важный этап внутреннего развития страны. Первые послевоенные годы были исключительно сложными для внутреннего развития страны. Продолжались политические репрессии, в чем-то их масштаб превосходил размах репрессий в годы Большого террора. 1949 год был особенно важным годом в позднесталинской истории СССР. Это год похолодания международной обстановки, год оформления НАТО, создания ядерного оружия в СССР. Рассматривая общественно-политические настроения в университетах и институтах, нельзя не сказать об идеологических кампаниях послевоенных лет: борьбе с аполитичностью, формализмом, низкопоклонством перед Западом, космополитизмом. Трудное положение сложилось для исторической науки и системы профессионального и базового исторического образования в целом.

В августе 1949 г. были арестованы бывшие руководители Ленинградского обкома и горкома партии, позднее арестован бывший председатель Госплана Н.А. Вознесенский. По «Ленинградскому делу» было осуждено 214 человек. Оно имело тяжелые последствия для развития Ленинградского университета, ректором которого был его старший брат А.А. Вознесенский. Ударом по историческому факультету стало исключение из партии, отстранение от руководства любимого студентами и уважаемого коллегами декана В.В. Мавродина.

³ Бёрк П. Взгляд историка: как фотографии и изображения создают историю. М., 2023. С. 8–9.

⁴ Шмидт С.О. Путь историка: Избранные труды по источниковедению. М., 1997. С. 21.

Будущий академик Д.С. Лихачёв работал в эти годы на историческом факультете Ленинградского университета. Ученый вспоминал, что популярными в это время были постоянные «проработки» преподавателей. На показательных собраниях жертв доводили до такого состояния, что они готовы были признать любые мнимые провинности. Делалось все, чтобы на процессах выступали близкие люди: коллеги, студенты, аспиранты, что было больнее всего для прорабатываемого. Если жертва не признавала себя космополитом (формалистом и т.д.), его характеризовали противником линии партии. Выступив в защиту жертв проработок, Дмитрий Сергеевич почувствовал изменение отношения к себе. На каждом заседании кафедры истории СССР его критиковали. Администрация университета быстро перевела члена-корреспондента АН СССР на ставку ассистента, а потом и вовсе вынудила уволиться⁵.

Член-корреспондент РАН Р.Ш. Ганелин учился на историческом факультете Ленинградского университета с 1945 по 1949 г. Подчеркнем, что пятилетнее обучение на истфаках восстановлено решением СМ СССР в послевоенном 1946 г. В опубликованных воспоминаниях, устных выступлениях перед коллегами в начале двухтысячных, в личных разговорах с одним из авторов этих строк (он был научным консультантом Л.В. Белгородской при подготовке докторской диссертации в 2005–2009 гг.) историк рассказывал о сложной политической и нравственной атмосфере в университете для студентов и преподавателей. Весной 1949 г. была проведена антикосмополитическая конференция на историческом факультете ЛГУ, незабываемая для всех, кто на ней присутствовал. «Почти каждый из наших учителей должен был выступить с признанием собственных антипатриотических или иных методологических ошибок или с обличением в таковых коллег...»⁶. Вспоминать об этом, говорил ученый в личном разговоре, было всегда больно и неприятно.

В ЛГУ чудом состоялась защита кандидатской диссертации Л.Н. Гумилёва. Р.Ш. Ганелин, присутствовавший на защите Льва Николаевича, по памяти привел характеристику диссертанта, в то время работавшего библиотекарем больницы для душевнобольных на Васильевском острове: «Дана Гумилёву Льву Николаевичу в том, что он работает в психиатрической больнице им. Белинского. К книжному фонду относится бережно. Пользуется заслуженным авторитетом среди персонала и больных». Вскоре после защиты кандидата наук вновь отправили в лагерь.

Студенты должны были вести себя крайне осторожно, поскольку любая вольность могла иметь серьезные последствия. Во время выступления декана истфака ЛГУ Н.А. Корнатовского перед студентами в президиум была отправлена неподписанная записка, иронически оценивающая идеологические опасности момента словом «чепуха». Дадим слово историку: «Трудно передать, что тут произошло. Н.Я. Иванов кричал из президиума, что автор записки будет установлен с помощью органов МГБ. Началась самодеятельная графологическая экспертиза... всем было предложено предъявить для сопоставления конспекты и прочие рукописи». Доморощенная экспертиза не дала результата. «Тогда решено было под контролем тут же созданной комиссии проследить весь путь записки в обратном направлении». Студент М. Чигринский, отводя угрозу от коллег, признался в авторстве. К счастью, наказание было не слишком серьезным⁷. Преподаватель Н.Я. Иванов был известен студентам и преподавателям своим умением советовать идеологически правильные темы исследований и «точностью» марксистско-ленинской методологии периодизации исторических курсов. Например, ему принадлежит следующая идейно выдержанная тема исследования – «Физкультура и спорт в период столыпинской реакции и нового революционного подъема»⁸.

⁵ Лихачёв Д.С. Мысли о жизни. Письма о добром. Статьи и заметки. СПб., 2023. С. 378–388.

⁶ Ганелин Р.Ш. Советские историки: о чем они говорили между собой. Страницы воспоминаний о 1940-х – 1970-х годах. СПб., 2004. С. 68–69.

⁷ Там же. С. 67.

⁸ Там же. С. 75.

В Ленинграде оперативно открыли институт подготовки преподавателей для быстрого обновления преподавательского состава историков. В тот же год создан Институт повышения квалификации преподавателей марксизма-ленинизма при МГУ (ИПК МГУ)⁹.

В Московском университете ситуация была не менее накаленной, чем в Ленинградском. Еще в 1947 г. Совет МГУ принял решение «О патриотическом долге ученых», в котором отмечено, что «в трудах отдельных ученых МГУ проявлялись элементы низкопоклонства перед буржуазной наукой и культурой, недооценка достижений науки и культуры народов Советского Союза, игнорирование роли отечественных ученых в развитии мировой науки»¹⁰.

В течение трех дней (25, 26 и 28 марта 1949 г.) проходило заседание ученого совета исторического факультета, посвященное вопросу о борьбе с буржуазным космополитизмом в советской исторической науке. С докладом на эту тему выступил декан исторического факультета проф. Г.А. Новицкий. В дискуссии приняли участие 25 человек. В отчете о заседании ученого совета МГУ сообщалось, что «в прениях были подвергнуты суровой критике ошибки космополитического характера группы историков кафедры истории СССР (проф. Разгон и др.) во главе с акад. И.И. Минцем, а также вскрыты космополитические ошибки профессоров Зубока и Звавича на кафедре новой истории Запада». Ряд из них был освобожден от работы. Аспирантка академика А.Л. Нарочницкого обвинила американиста Л.И. Зубока в том, что он «агент американского империализма». В президиум заседания массово поступали многочисленные записки от студентов с выражением горячей поддержки критиков преподавателя¹¹. В итоге от работы на кафедре освобождены академик И.И. Минц и четыре профессора.

Особую остроту ситуации придавало то обстоятельство, что дочь Сталина – Светлана Аллилуева – была студенткой исторического факультета, специализировалась по США у Зубока. Присутствовавшие на защите ее дипломной работы отмечали уверенность студентки, маленький объем сочинения и широкое использование студенткой материалов справки «Фальсификаторы истории», подготовленных по рекомендации И.В. Сталина¹². Преподаватели МГУ передавали из поколения в поколение фразу Светланы, адресованную некоему испуганному преподавателю истории в университете: «А папа думает иначе». Эта информация может быть и плодом студенческого фольклора, но ясно, что жесткий внутренний цензор всегда контролировал поведение преподавателей.

В изученной коллекции фотографий хранятся коллективные снимки студентов истфака Пензенского педагогического института 1947–1948 гг. и истфака Иркутского пединститута 1949–1950 гг. На пензенском снимке девушек в два раза больше, чем юношей (20 против 11), на другом снимке девушек больше уже в три раза (29 против 10). Все выглядят взрослыми, выражение лиц строгое, серьезное. На одном из снимков все сидящие в первом ряду находятся в напряженных позах, сжав ладони рук на коленях, одна девушка обхватила себя руками, как бы закрываясь от угроз внешнего мира. Все одеты скромно, один из студентов Пензы – в военной форме с медалью и орденом на груди. Иркутский снимок историков 1949 г. сделан на фоне огромного портрета И.В. Сталина в полный рост (рис. 1). Примечательно, что снимок следующего года той же группы студентов в том же месте сделан так, что портрет вождя практически не вошел в кадр. Сложно предположить, что это сделано умышленно, но это примечательный факт, учитывая дальнейшее развитие политической ситуации в стране. Фотограф невольно, а может и умышленно уменьшил значимость визуальной фигуры лидера страны. Личная фотография студента Л. Гохмана 1948 г. (в будущем он стал преподавателем ЛГУ) представляет визуальный образ молодого человека, не связанного жесткими рамками позирования для коллективных снимков (рис. 2).

⁹ Высшая школа. Сборник основных постановлений, приказов и инструкций. М., 1965. Ч. 1. С. 345.

¹⁰ Московский университет. 1947. 29 сент.

¹¹ Некрич А.М. Отрекшись от страха. Воспоминания историка. London, 1979. С. 53, 55.

¹² Смирнов В.П. От Сталина до Ельцина: автопортрет на фоне эпохи. М., 2011. С. 136.

Рис. 1. Первый курс Исторического факультета Иркутского пединститута, 1948 г.

Рис. 2. Студент истфака Ленинградского университета И. Гохман, 1948 г.

В вузах тех лет большая роль отводилась стенной печати: только в МГУ постоянно выпускалось 90 стенгазет. Некоторые выходили под лозунгом «До конца искореним формализм». Корреспондентов стенгазет, как вспоминали выпускники университетов, обязательно отправляли на все преподавательские проработки. В МГУ газета «Историк-марксист» висела рядом с актовым залом, большинство публикаций носило политизированный характер. Например, один доцент прославился тем, что писал в стенгазету о личных впечатлениях после прочтения каждого из томов 4-го издания сочинений В.И. Ленина. В 1949 г. первое место в МГУ заняла стенгазета философского факультета с говорящим названием «За ленинский стиль»¹³.

С.О. Шмидт, окончивший исторический факультет МГУ в 1944 г., сразу же поступивший в аспирантуру и успешно защитивший диссертацию в 1949 г., вспоминал, что аспиранты старались свои истинные мысли о задачах истории и историческом знании открыто

¹³ Лихачёв Д.С. Мысли о жизни... С. 379–380; Дмитриев С.С. Дневники: в 4 т. СПб., 2023. Т. 1: 1941–1960. С. 174; Московский университет. 1948. 8 мая.

не высказывать. «Публично об этом тогда не принято было говорить и обязаны были придерживаться “единственно верных” формулировок четырех классиков марксизма-ленинизма, особенно здравствующего четвертого классика»¹⁴. Оценим нелогичность официального призыва к историкам: «...Рассуждать “по-партийному, субъективно, но будучи в то же время глубоко объективными, поскольку наше субъективное отвечает научному существу дела”»¹⁵.

Студент Историко-архивного института В.В. Цаплин не поступил в аспирантуру, поскольку пересдавал на отличную оценку экзамен по основам марксизма-ленинизма. Фронтовику, обучающемуся в вузе под контролем НКВД, постоянно чистившему свой личный архив, хватило мужества сохранить записи, сделанные в 1949 г.: «Я на все хочу иметь собственное мнение и мыслить своими мозгами...», «Интересно, когда прекратится поток излияний верноподданнических чувств “дорогому и любимому И.В.С.” <...>. Читать противно»¹⁶.

На рубеже 1940–1950-х гг. прием в аспирантуру производился по анкетным данным, так как преподаватели общественных наук должны были утверждаться партийными органами. С.С. Дмитриев вспоминал, что его ученику, блестящему выпускнику истфака МГУ, не светило место в аспирантуре, поскольку его отец был репрессирован¹⁷.

Аспирантов Ленинградского университета постоянно привлекали к чисткам факультетской библиотеки. На книгах стоял старый штамп «Библиотека ЛГУ им. А.С. Бубнова», бывший министр просвещения был расстрелян еще в годы Большого террора, его фамилию надо было «погасить» специальной печатью. Некоторые книги и вовсе изымались из фондов библиотеки. Для чтения библиотечной литературы специального хранения требовался допуск к секретной работе. Процедура несколько упростилась только в 1952 г.¹⁸

Один из авторов данной статьи в бытность аспиранткой ЛГУ работала в позднесоветские 1980-е гг. в спецхране Публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Записи тщательно проверялись сотрудницей зала спецхранения, многое использовать в будущих публикациях не разрешалось. Отдельные издания в этом отделе были испещрены читательскими пометами красным или синим карандашом «Чушь!», «Фальсификация», «Бред».

Директор Института российской истории в 1993–2010 гг., в прошлом студент МГУ, А.Н. Сахаров вспоминал: «Сегодня почему-то считается, что ответственность за все... несли лишь руководящие партийные и государственные структуры. Однако это не совсем так. С восторгом в этих кампаниях, в нагнетании этой атмосферы участвовали миллионы людей, а у нас на истфаке – десятки студентов, аспирантов, преподавателей, которые делали борьбу за идеологическую чистоту своим призванием, морально уничтожали всех, кто попадался на крючок подозрения. Заодно в этом мутном потоке многие комсомольские и партийные вожаки, весьма посредственные в науке и на экзаменах, ловили рыбку – ковали карьеру, добивались положительных характеристик, рекомендаций в аспирантуру, благоприятных распределений на работу, оттесняли своих конкурентов по учебе, по жизни»¹⁹.

Сложная ситуация с кадровыми чистками сложилась в конце 1940-х гг. в сибирских вузах. Исторический факультет открылся в Красноярском пединституте только в 1942 г. Среди его первых выпускников был в будущем известный историк Д. Волкогонов. Остро не хватало квалифицированных специалистов, но в 1950 г. Красноярский крайком партии по собственной инициативе направил в ЦК ВКП(б) служебную записку «О крупных недо-

¹⁴ Музеемания [Электронный ресурс] // Сигурд Оттович Шмидт. Автобиография. URL: <https://muzeemania.ru/2021/04/16/sigurd-shmidt/?ysclid=m66d2ata3l592870659> (дата обращения: 25.12.2023).

¹⁵ Шарова Л.В. Историк Средневековой Англии в Советской России: Компромиссы академика Е.А. Косминского // Одиссей. 2003. С. 284–285.

¹⁶ Черешня А.Г. «...Сознательно определил свою профессию...». Дневник архивиста В.В. Цаплина // Отечественные архивы. 2019. № 6. С. 87.

¹⁷ Дмитриев С.С. Дневники... С. 184.

¹⁸ Ганелин Р.Ш. Советские историки... С. 81.

¹⁹ Сахаров А.Н. Россия: Народ. Правители. Цивилизация. М., 2004. С. 910.

статках в работе Красноярского государственного педагогического института». Политические ошибки в преподавании и «засорение» преподавательского состава лицами, не внушающими доверия, стоили ректору вуза потери должности. Новый ректор В.Ф. Голосов и руководитель учебной части – будущий академик Л.В. Киренский – подверглись жесткой критике за защиту опальных преподавателей и студентов²⁰.

С.С. Дмитриев передал сложное душевное состояние современников страхом перед новой войной и волной послевоенных репрессий. Историк писал в дневнике: «Людьми все больше овладевает чувство неуверенности во всем; имею в виду людей интеллигентных занятий. Все ценности продолжают переоцениваться, все смещается и сдвигается, грозя оставить пустое место в итоге такого хаотического мыслетрясения и людетрясения»²¹.

На фотографиях этого времени один из самых популярных сюжетов – образы студентов, тщательно конспектирующих книги (рис. 3). В воспоминаниях заслуженного профессора МГУ В.П. Смирнова подчеркивается, что преподаватели истории, марксизма-ленинизма и социально-экономических дисциплин более всего ценили подробные конспекты и знание работ классиков марксизма-ленинизма и решений партии. Особенно важным считалось знание цитат и умение воспроизводить их близко к тексту. Автор пишет, что перед экзаменом студенты задавали друг другу проверочные вопросы, на которые надо было ответить точно словами из «Краткого курса», «Основ ленинизма». «Куда ушел Плеханов? Ушел в кусты, отписавшись парой незначительных статей фельетонно-критического характера»²². В студенческих работах больше всего ценили удачные цитаты. Оценки по политическим и социально-экономическим дисциплинам считались самыми важными. На снимке, сделанном в кабинете марксизма-ленинизма Всесоюзного института кинематографии, за столами нет свободных мест, все студенты тщательно оформляют конспекты. Девушка на первом плане фото внимательно читает советский политический журнал «Новое время», вышедший с 1943 г. И хотя фотография откровенно постановочная (сделана целая серия снимков в кабинете), письменные источники подтверждают, что практика подготовки к занятиям через постоянное конспектирование рекомендованных работ отражала реалии образования послевоенных лет.

Рис. 3. Всесоюзный государственный институт кинематографии. Кабинет марксизма-ленинизма

Знаменитый в будущем писатель Юрий Трифонов написал в 1949 г. в качестве дипломного сочинения повесть «Студенты», получив за нее Сталинскую премию. В изученном корпусе фотографий находятся снимки, сделанные во время представления пьесы по назван-

²⁰ Генина Е.С. Наступление на научно-педагогическую интеллигенцию Сибири в период борьбы с космополитизмом (1949–1953 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4–5 (60). С. 40.

²¹ Дмитриев С.С. Дневники... С. 169.

²² Смирнов В.П. От Сталина до Ельцина...

ному произведению в театре им. Ермоловой (1952 г.) (рис. 4). Актеры, играющие студентов, на фото вышколены, носят ученические портфели, горячо осуждают ошибки преподавателей. Например, профессор Козельский (фамилии у юного писателя говорящие, положительного героя автор назвал Беловым) «спрашивал придирчиво». Сцену украшают репродукции «правильных» картин И.Е. Репина (например, работа «Не ждали»), фотографии М. Горького, В.И. Ленина. Кабинеты ученых заполнены полками книг, большинство из которых – многотомные собрания сочинений классиков. Главная форма учебной подготовки студентов по тексту пьесы – конспектирование работ классиков и написание рефератов. Герой пьесы Вадим планирует на вечер конспектирование «одной-двух глав Маркса», «занятия в читальне»²³. Многие герои романа А.И. Солженицына «В круге первом» тоже постоянно конспектируют классиков. Лейтенант Тюкин, например, точно знал, что на политзанятии «главное было не ответить, а представить конспект»²⁴.

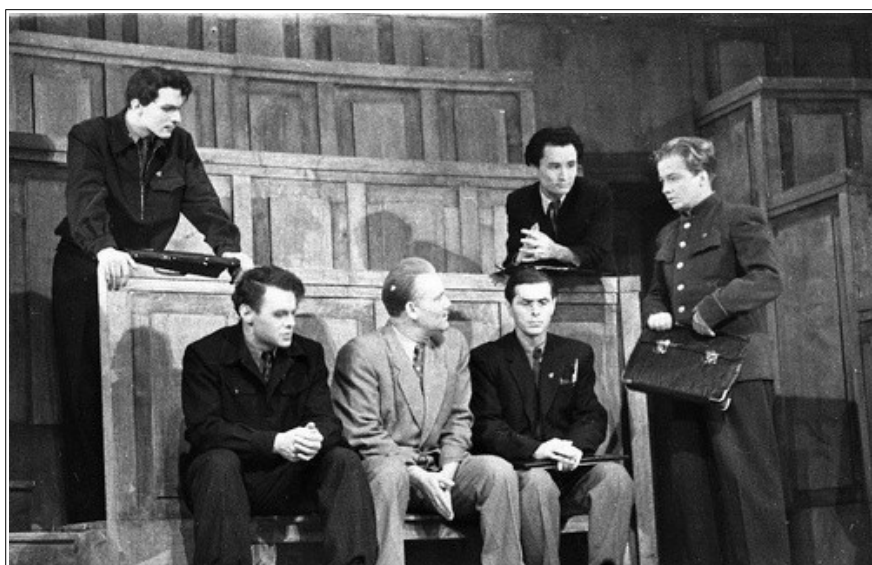

Рис. 4. Спектакль по повести Ю. Трифонова «Студенты», 1952 г.

В послевоенные годы во всех вузах СССР обязательно изучался курс «Основы марксизма-ленинизма», который только в 1956 г. сменился дисциплиной «История партии». В воспоминаниях выпускника МГУ В.В. Познера есть строки о критическом отношении студентов-биологов к историкам, преподававшим основы марксизма-ленинизма. Человеку, прошедшему «западную» школу обучения и жизни, представлялись особенно омерзительными такие черты преподавателей, как «тупость, догматизм, агрессивная безграмотность, ограниченность мышления, а также страх, если не сказать ужас перед независимыми суждениями». «Сомневаться в чем-либо, что было сказано в учебнике “Краткий курс истории ВКП(б)”, – ересь, не соглашаться – смертный грех»²⁵.

Но, откровенно говоря, студенты, прошедшие советскую школу, чаще всего политически прозревали только после 1956 г. Литературный герой романа выпускника МГУ А. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени» студент главного университета страны Толя Филин близко к тексту знал «Краткий курс». В его экземпляре чернилами была подчеркнута почти каждая строка. Автор иронично замечает, что проще было подчеркивать неважное – меньше работы. После чтения доклада Н.С. Хрущева на XX съезде Филин «долго мрачно курил у окна, потом лег и закрылся одеялом с головой»²⁶.

Система исторического и политического просвещения в СССР включала в себя все группы населения независимо от возраста и уровня образования. Понедельник был по всему Советскому Союзу днем политучебы. В этот день школьники старших классов, домохозяйки,

²³ Трифонов Ю.В. Студенты. М., 1951.

²⁴ Солженицын А.И. В круге первом. М., 1990. С. 12.

²⁵ Познер В.В. Прощание с иллюзиями. М., 2020. С. 152–153.

²⁶ Чудаков А.П. Ложится мгла на старые ступени. М., 2022. С. 386.

пенсионеры с шести до восьми часов садились за парты и разворачивали конспекты, написанные в воскресенье. Прочитаем строки романа А.И. Солженицына «В круге первом», действие которого происходит в печально знаменитом 1949 г. «Историю партии Нового Типа прорабатывали очень углубленно. Каждый год, начиная с 1 октября, изучали ошибки народных, ошибки Плеханова и борьбу Ленина-Сталина с экономизмом, легальным марксизмом, оппортунизмом, хвостизмом, ревизионизмом, анархизмом, отзовизмом, ликвидаторством, богоискательством и интеллигентской бесхребетностью... Так шло повсюду каждый год и за годом год». «...На политучебе спрашивали “почему на втором съезде надо было размежеваться, и это правильно, на пятом объединиться, и это снова правильно, а с шестого съезда опять всяк себе, и это опять-таки правильно”»²⁷. Так что читающие и конспектирующие студенты на фотографиях могли готовиться не только к учебным, а и к так называемым политзанятиям или к выступлениям «перед трудящимися».

Рис. 5. Первый курс исторического отделения Учительского института. Пенза, 1947–1948 гг.

Главной формой общественной работы аспирантов, как писал в автобиографии историк С.О. Шмидт, были устные лекции и беседы на исторические темы. «Это были встречи с аудиторией разного возраста, разной степени образованности – в вузах, художественных училищах, научных институтах, на заводах, на профсобраниях работников сферы бытового обслуживания»²⁸. Авторская ремарка об устном характере выступлений ценна для нас, поскольку, опасаясь ошибок и оговорок, внимания контролирующих органов, ряд лекторов механически читал заранее подготовленный письменный текст. Преподаватели внушали с первого курса, что студенты-историки – это прежде всего бойцы идеологического фронта.

Отец доктора филологических наук А. Чудакова, выпускник истфака МГУ, преподавал в школе и техникуме города Щучинска. Обязательной общественной нагрузкой было чтение публичных лекций. Чаще они не оплачивались, но бывало, что гонорар выдавали «мукой, горохом, наволочками, гвоздями, повидлом», посудой. Узкой специализации не было, вспоминал сын, читал отец о баснописце И. Крылове, Олимпийских играх 1952 г., А.В. Суворове, Ф.Ф. Ушакове. Прочитав лекцию по работе И. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», от старшины-казаха историк услышал хвалебный отзыв: «Атдельные слова понимаем»²⁹.

1949 год принес историкам и невольную защиту. С одной стороны, это год 70-летия И.В. Сталина, когда вся страна готовилась к важному событию и все было пронизано жела-

²⁷ Солженицын А.И. В круге первом... С. 12, 509.

²⁸ Музеумания [Электронный ресурс] // Сигурд Оттович Шмидт. Автобиография. URL: <https://muzeumania.ru/2021/04/16/sigurd-shmidt/?ysclid=m66d2ata31592870659> (дата обращения: 25.12.2023).

²⁹ Чудаков А. Ложится мгла на старые ступени... С. 482–483.

нием показать успехи в социалистическом строительстве под руководством лидера партии. Событие требовало участия историков в прославлении вождя.

К тому же в стране широко праздновалось 225-летие учреждения Академии наук. Академик С.И. Вавилов в Ленинграде на юбилейной сессии Общего собрания и отделения наук СССР призвал «восстановить историческую правду, показать историческое высокое место отечественной науки в мировой культуре»³⁰. Историки понадобились для прославления достижений отечественной науки. А.И. Солженицын хорошо описал в романе страдания аспиранток главного университета страны, убиравших из рукописей ссылки на иностранцев. В дневниках историка Дмитриева есть записи о неприятностях у коллег – сотрудников Исторического музея. Им ставили в вину присутствие в экспозиции экспонатов, связанных с непрогрессивными деятелями. В экспозиции главного музея могут быть только портреты прогрессивных деятелей, о прочих же пусть историки пишут в книгах для специалистов. «Общий грех, приписываемый руководству Музея: буржуазный объективизм в музейной экспозиции... Музейцы начали перестраиваться, срочно убирают портреты (между прочим из темы “Северная война” сняли портрет Карла XII)». Примечательно, что и пятнадцатилетие восстановления исторических факультетов в 1934 г., которое отмечалось корпорацией историков, было омрачено политической ситуацией. Даже банкетирование преподавателей МГУ по этому поводу в знаменитом ресторане «Москва» прошло, по словам С.С. Дмитриева, «шумно и невесело»³¹.

Таким образом, рассмотренные источники личного происхождения и фотографии дают материал для понимания нравственно-психологического состояния преподавательского корпуса и студенчества в послевоенные годы. Острое желание учиться, быть успешным в профессии соединялось с необходимостью изучать идеологизированные материалы, ссылаться на оценки классиков марксизма-ленинизма; учебная деятельность была больше направлена на запоминание, а не на размышление. Мастерство студентов часто сводилось к конспектированию текстов, а не к оценке убедительности и аргументированности тезисов авторов.

Эмоциональный мир и модели поведения студентов и преподавателей, которые считались допустимыми и общественно одобряемыми в рассмотренной группе источников, – скромность, сдержанность, послушание, единомыслие, серьезность. Публичные поведенческие модели состояли в следовании предписанным правилам и стандартам поведения будущих идеологических работников.

Московское и ленинградское студенчество оказалось массово вовлеченным в послевоенные идеологические кампании, и не только в качестве «жертвы», но и как активный участник идеологических расправ.

Корпус визуальных источников ресурса «История России в фотографиях» по теме «Историки России» сейчас не слишком богат, он может быть существенно пополнен за счет фотографий из личных коллекций историков, университетских и региональных архивов страны.

Литература

Бёрк П. Взгляд историка: как фотографии и изображения создают историю. М.: Эксмо, 2023. 368 с.

Виноградов Д.Е. Кампания по борьбе с космополитизмом в исторической науке (по воспоминаниям историков) // Рязановские чтения (Восьмые): мат-лы науч. конф. М., 2023. С. 225–236.

Ганелин Р.Ш. Советские историки: о чем они говорили между собой. Страницы воспоминаний о 1940-х – 1970-х годах. СПб.: Нестор-История, 2004. 216 с.

Генина Е.С. Наступление на научно-педагогическую интеллигенцию Сибири в период борьбы с космополитизмом (1949–1953 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4–5 (60). С. 38–45.

Дмитриев С.С. Дневники: в 4 т. СПб.: Алетейя, 2023. Т. 1. 1941–1960. 1378 с.

³⁰ Некрич А.М. Отрекшись от страха... С. 48.

³¹ Дмитриев С.С. Дневники... С. 193.

Лихачёв Д.С. Мысли о жизни. Письма о добром. Статьи и заметки. СПб.: Азбука; Азбука-Аттиус, 2023. 704 с.

Некрич А.М. Отрекшись от страха. Воспоминания историка. London: Overseas publications Interchange Ltd., 1979. 417 с.

Познер В.В. Прощание с иллюзиями. М.: АСТ, 2020. 480 с.

Сахаров А.Н. Россия: Народ. Правители. Цивилизация. М.: РАН, 2004. 956 с.

Смирнов В.П. От Сталина до Ельцина: автопортрет на фоне эпохи. М.: Новый хронограф, 2011. 504 с.

Солженицын А.И. В круге первом: роман. М.: Кн. палата, 1990. 592 с.

Тихонов В.В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (сер. 1940-х – 1953). М.; СПб., 2016. 424 с.

Трифонов Ю.В. Студенты. М., 1951. 431 с.

Ушмаева К.А. Основные этапы и особенности развития исторического образования в вузах России 20-90-е гг. XX века: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Пятигорск, 2011. 51 с.

Черешня А.Г. «...Сознательно определил свою профессию...». Дневник архивиста В.В. Цаплина // Отечественные архивы. 2019. № 6. С. 83–112.

Чудаков А.П. Ложится мгла на старые ступени. М.: Эксмо, 2022. 640 с.

Шарова Л.В. Историк Средневековой Англии в Советской России: Компромиссы академика Е.А. Косминского // Одиссей. Человек в истории. 2003. С. 256–296.

Шмидт С.О. Путь историка. Избранные труды по источниковедению и историографии. М.: РГГУ, 1997. 612 с.

References

Byork, P. (2023). *Vzglyad istorika: kak fotografii i izobrazheniya sozdayut istoriyu* [The Historian's View: How Photographs and Images Make History]. Moscow, Eksmo. 368 p.

Chereshnya, A.G. (2019). "Ya na vse hochu imet' sobstvennoe mnenie...". *Dnevnik arkhivista V.V. Tsaplina* ["I Want to Have My Own Opinion on Everything...". Diary of Archivist V.V. Tsaplin]. In *Otechestvennye arkhivy*. No. 6, pp. 83–112.

Chudakov, A.P. (2022). *Lozhitsya mгла na starye stupeni* [The Fog Falls on the Old Steps]. Moscow. 640 p.

Dmitriev, S.S. (2023). *Dnevniki: v 4 t. T. 1: 1941–1960* [Diaries: in 4 vol.]. Vol. 1: 1941–1960. 1378 p.

Ganelin, R.Sh. (2004). *Sovetskie istoriki: o chem oni govorili mezhdub soboy. Stranitsy vospominaniy o 1940-x – 1970-x godakh* [Soviet Historians: What they Talked about Among Themselves. Pages of Memoirs about the 1940s–1970s]. St. Petersburg. 216 p.

Genina, E.S. (2008). *Nastuplenie na nauchno-pedagogicheskuyu intelligentsiyu Sibiri v period bor'by s kosmopolitizmom (1949–1953 gg.)* [The Attack on the Scientific and Pedagogical Intelligentsia of Siberia during the Fight against Cosmopolitanism (1949–1953)]. In *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 4–5 (60), pp. 38–45.

Likhachev, D.S. (2023). *Mysli o zhizni. Pis'ma o dobrom. Stat'i i zametki* [Thoughts about Life. Letters about the Good. Articles and Notes]. St. Petersburg. 704 p.

Nekrich, A. (1979). *Otrekshis' ot strakha. Vospominaniya istorika* [Renounced Fear. Memories of a Historian]. London. 417 p.

Pozner, V.V. (2020). *Proshchanie s illyuziyami* [Farewell to Illusions]. Moscow. 480 p.

Sacharov, A.N. (2004). *Rossiya: Narod. Praviteli. Tsivilizatsiya* [Russia: People. Rulers. Civilization]. Moscow. 956 p.

Sharova L.V. (2003). *Istoriik Srednevekovoy Anglii v Sovetskoy Rossii: Kompromissy akademika E.A. Kosminskogo* [Historian of Medieval England in Soviet Russia: Compromises of Academician E.A. Kosminsky]. In *Odyssey. Chelovek v istorii*, pp. 256–296.

Shmidt, S.O. (1997). *Put' istorika: Izbrannye trudy po istochnikovedeniyu* [The Historian's Path: Selected Works on Source Studies]. Moscow. 612 p.

Smirnov, V.P. (2011). *Ot Stalina do El'tsina: avtoportret na fone epokhi* [From Stalin to Yeltsin: A Self-Portrait against the Backdrop of the Era]. Moscow. 504 p.

Solzhenitsyn, A.I. (1990). *V krughe pervom* [In the First Circle]. Moscow. 592 p.

Tihonov, V.V. (2016). *Ideologicheskie kampanii "pozdnego stalinizma" i sovetskaya istoricheskaya nauka (ser. 1940-kh – 1953)* [Ideological Campaigns of "Late Stalinism" and Soviet Historical Science (1940s–1953)]. Moscow, St. Petersburg. 424 p.

Trifonov, Yu.V. (1951). *Studenty* [Students]. Moscow. 431 p.

Ushmaeva, K.A. (2011). *Osnovnye etapy i osobennosti razvitiya istoricheskogo obrazovaniya v vuzakh Rossii 20–90-e gg. XX veka* [The Main Stages and Features of the Development of Historical Education in Universities of Russia in the 1920s–1990s], Cand. hist. sci. diss. abstract. Pyatigorsk. 51 p.

Vinogradov, D.E. (2023). Kampaniya po bor'be s kosmopolitizmom v istoricheskoy nauke (po vospominaniyam istorikov) [The Campaign to Combat Cosmopolitanism in Historical Science (Based on the Memories of Historians)]. In *Ryazanovskie chteniya (Vos'mye). Materialy nauchnoy konferentsii*. Moscow, pp. 225–236.

А.С. Кузьменко*

**СОЗДАНИЕ ИНСТИТУТА ЛЕСА И ДРЕВЕСИНЫ
СО АН СССР В КРАСНОЯРСКЕ И СТАНОВЛЕНИЕ
СИБИРСКОГО ЛЕСОВЕДЕНИЯ В 1958–1970-Е ГОДЫ**doi:10.31518/2618-9100-2025-1-7
УДК 061.62:630*2(571.51)"1958/1979"*Выходные данные для цитирования:**Кузьменко А.С. Создание Института леса и древесины СО АН СССР в Красноярске и становление сибирского лесоведения в 1958–1970-е годы // Исторический курьер. 2025. № 1 (39). С. 85–95.
URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-1-07.pdf>*

A.S. Kuzmenko*

**CREATION OF THE INSTITUTE OF FOREST AND WOOD
OF THE SIBERIAN BRANCH OF THE ACADEMY
OF SCIENCES OF THE USSR IN KRASNOYARSK AND THE
FORMATION OF SIBERIAN FOREST SCIENCE 1958–1970S**

doi:10.31518/2618-9100-2025-1-7

*How to cite:**Kuzmenko A.S. Creation of the Institute of Forest and Wood of the Siberian Branch of the Academy of Sciences of the USSR in Krasnoyarsk and the Formation of Siberian Forest Science 1958–1970s // Historical Courier, 2025, No. 1 (39), pp. 85–95.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-1-07.pdf>]*

Abstract. The article examines the history of the formation of the V.N. Sukachev Institute, part of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, in Krasnoyarsk in the late 1950s – 1970s. The author has identified the reasons for the transfer of the Institute to Krasnoyarsk and the role in this activity of A.B. Zhukov, the first director of the Institute. The author identified the reasons for the transfer of the scientific institution to Krasnoyarsk and the role in this activity of A.B. Zhukov, the first director of the Institute. The article examines the peculiarities of the interaction of the Institute with both authorities and individual scientific institutions, shows the role of the state actor in the history of the formation and development of the institution. In addition, the work reveals some specifics of internal processes (staff, material support and administrative) in this academic organization during its formation in the Siberian region. Attention is also paid to the scientific areas of the institute related to the study of forest ecosystems in Siberia and laying the foundation for its fame and status not only in the scientific community, but also in the implementation of state policy in the field of regional forestry. The source base of the article, in addition to regulatory legal acts and clerical documentation of the USSR Academy of Sciences, stored in the current archive of the Federal Research Center “Krasnoyarsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences”, was the materials of an interview conducted by the author with Dina Ivanovna Nazimova, Doctor of Biological Sciences, Professor, Leading Researcher of the Forest Institute named after V.N. Sukachev SB RAS. Taking into account the source base and purpose of the work, the main methods on which the work is based have become systemic and structural.

Keywords: USSR Academy of Sciences/RAS, Siberian Branch, Forest Institute, V.N. Sukachev, A.B. Zhukov, forest science, “cedar problem”.

* **Александра Сергеевна Кузьменко**, кандидат исторических наук, доцент, Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия; Федеральный исследовательский центр «Красноярский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук», Красноярск, Россия, e-mail: kuzyah85@yandex.ru
Alexandra Sergeevna Kuzmenko, Candidate of Historical Sciences, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia; Federal Research Center “Krasnoyarsk Science Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences”, Krasnoyarsk, Russia, e-mail: kuzyah85@yandex.ru

The article has been received by the editor on 06.11.2024. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье рассматривается история становления Института леса имени В.Н. Сукачева Сибирского отделения Российской академии наук в Красноярске в конце 1950-х – 1970-х гг. Автором выявлены причины переноса научного учреждения в г. Красноярск и роль в этой деятельности А.Б. Жукова, первого директора Института. В статье исследуются особенности взаимодействия Института как с органами власти, так и с отдельными научными учреждениями, показана роль государственного актора в истории формирования и развития учреждения. Кроме того, работа раскрывает некоторую специфику внутренних процессов (кадровых, материально-технических и административных) в этой академической организации при его становлении в Сибирском регионе. Также уделяется внимание научным направлениям Института, связанным с изучением лесных экосистем Сибири и заложившим основу его известности и статуса не только в научных кругах, но и в осуществлении государственной политики в сфере лесного хозяйства региона. Источниковой базой статьи, кроме нормативно-правовых актов и делопроизводственной документации Академии наук СССР, хранящейся в текущем архиве Федерального исследовательского центра «Красноярский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук», стали материалы проведенного автором интервью с Диной Ивановной Назимовой, доктором биологических наук, профессором, ведущим научным сотрудником Института леса им. В.Н. Сукачева СО РАН. Учитывая источниковую базу и цель работы, основными методами, на которых базируется работа, стали системный и структурный.

Ключевые слова: Академия наук СССР/РАН, Сибирское отделение, Институт леса, В.Н. Сукачев, А.Б. Жуков, лесоведение, «кедровая проблема».

Статья поступила в редакцию 06.11.2024 г.

Развитие науки, достижения ученых и научно-технологические прорывы на их основе являются залогом и имманентной составляющей любого современного общества и государства. От присутствия научных учреждений напрямую зависит уровень развития территории. Одним из таких значимых учреждений для Красноярского края, чья экономика базировалась во многом на деревообрабатывающей промышленности, стал Институт леса им. В.Н. Сукачева Сибирского отделения Российской академии наук (далее – Институт).

Историография становления Института довольно ограничена. Красноярские исследователи совсем недавно обратились к теме развития науки и научных учреждений в регионе. Их работы рассматривают особенности влияния различных политических субъектов на становление сети научных организаций края, а также кадровое обеспечение таких учреждений, уделяя особое внимание организации арктических исследований¹.

Коллизии в истории Института леса АН СССР московского периода и причины, по которым этот институт оказался в Красноярске, рассмотрены в статье новосибирской

¹ Кузьменко А.С., Гергилев Д.Н. Роль центральных и региональных органов власти в развитии системы научных организаций в Красноярском крае в 1950–1970-е гг. // Общество: философия, история, культура. 2024. № 4 (120). С. 122–129; Гергилев Д.Н., Павлюкевич Р.А., Кузьменко А.С. Динамика подготовки научных кадров в системе аспирантуры Красноярского края в 1949–1988 гг. // СИБСКРИПТ. 2024. Т. 26, № 3 (103). С. 415–428; Гергилев Д.Н., Пантелеева И.А., Бывшев В.И. Опыт Красноярского края по развитию научного потенциала в области арктических исследований // Актуальные проблемы экономики и менеджмента. 2020. № 4 (28). С. 19–25.

исследовательницы Н.А. Куперштох². Показаны история академического учреждения с первых лет его деятельности и острое противостояние академика В.Н. Сукачева с лысенковцами в конце 1940-х – 1950-е гг. К юбилейным датам Института леса им. В.Н. Сукачева СО РАН опубликованы сообщения и статьи научно-популярной направленности, кратко затрагивавшие проблемы адаптации коллектива Института после перевода в Красноярск, его результаты через призму деятельности отдельных ученых³.

Цель данной статьи – исследовать причины перемещения Института леса АН СССР в г. Красноярск и раскрыть особенности становления Института леса и древесины СО АН СССР в конце 1950-х – 1970-е гг.

Основными источниками стали как опубликованные, так и неопубликованные нормативно-правовые акты и делопроизводственная документация Академии наук СССР, хранящаяся в текущем архиве Федерального исследовательского центра «Красноярский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук». Также источниковую базу исследования составил устный источник, а именно проведенное автором статьи интервью с Диной Ивановной Назимовой, доктором биологических наук, профессором, ведущим научным сотрудником Института леса им. В.Н. Сукачева СО РАН.

Работа базируется на системном и структурном методах, позволивших изучить взаимодействие Института как с органами власти, так и с отдельными научными учреждениями, а также выявить специфику внутренних процессов в этой академической организации при его становлении в Сибирском регионе.

История Института леса начиналась задолго до его появления в Красноярске. Леса в течение многих столетий являлись одним из основных и ценнейших экономических ресурсов российского государства. В Российской империи в начале XX в. они делились на несколько групп по форме собственности – казенные и удельного ведомства, частновладельческие (располагались в основном в европейской части России), крестьянские частные и леса крестьянских обществ⁴.

Стратегическую значимость лесов понимали представители различных политических сил. Так, в октябре 1917 г. Временное правительство ввело «Временные правила об охране лесов и их рубке»⁵, согласно которым частные и общественные леса (не говоря о принадлежащих государству) переходили под контроль волостных, уездных и губернских комитетов, образованных еще ранее, в апреле, т.е. под контроль государственных структур. Молодое большевистское правительство пошло еще дальше и приняло декрет «О лесах» в мае 1918 г., национализировавший леса⁶. В дальнейшем законотворческая деятельность в сфере охраны и использования лесных массивов лишь усиливалась. При этом в государственных структурах прекрасно понимали важность научных изысканий в сфере лесоведения для повышения эффективности использования данного ресурса. Так, сообщение народного комиссара земледелия РСФСР А. Колегаева гласило: «...лесное хозяйство требует специальных технических знаний»⁷.

² Куперштох Н.А. Страницы истории Института леса им. В.Н. Сукачева // Социологический журнал. 2005. № 3. С. 135–152.

³ Неведьев В.В., Горнов А.В. Академик РАН Исаев Александр Сергеевич – 90 лет со дня рождения // Вопросы лесной науки, 2021. Т. 4, № 3. Статья № 91. URL: https://jfsi.ru/4-3-2021-nefediev_gornov/?ysclid=m2x67fylio349268939 (дата обращения: 28.10.2024); Петренко Е. Первый академический Институт леса: Институту леса имени В.Н. Сукачева СО РАН – 50 лет // Наука в Сибири. 1994. № 36. С. 4–5; Памяти Евгения Семеновича Петренко // Сибирский лесной журнал. 2015. № 1. С. 118–119; Уверенно идущие лесной дорогой: беседа академика Е. Ваганова с ветераном института Е. Петренко // Наука в Сибири. 2004. № 31–32. С. 2–3; и др.

⁴ Рункова Е.К. История возникновения и история становления правоотношений в сфере лесопользования // Молодой ученый. 2020. № 21 (311). С. 369–372. URL: <https://moluch.ru/archive/311/70612/> (дата обращения: 27.07.2024).

⁵ Манько Ю.И., Гладкова Г.А. Лесничества Приморской области в досоветский период // Бюллетень Ботанического сада-института ДВО РАН, 2020. Вып. 24. С. 31.

⁶ Деятельность государства по охране лесов в 1917–1929 гг.: сб. док-тов. Барнаул, 2017. С. 75.

⁷ Там же. С. 50.

В досоветский период развитие лесной науки шло благодаря усилиям двух существовавших лесных высших учебных заведений, а также небольшого числа опытных лесничеств. Новое правительство, заинтересованное в деревообрабатывающей промышленности, увеличило число профильных университетов и впервые создало специальные отраслевые лесные научно-исследовательские институты и научно-исследовательские сектора.

3 августа 1932 г. постановление Совета труда и обороны СССР учредило постоянную междуведомственную комиссию по борьбе с вредителями, болезнями лесов и лесопroduкции, а также по лесосеменному делу при Народном комиссариате лесной промышленности⁸. В ее состав входили представители четырех народных комиссариатов – земледелия, лесной и тяжелой промышленности, а также путей сообщения. Эта комиссия занималась, кроме всего прочего, и научно-исследовательской деятельностью в области охраны лесов и лесопroduкции, а также планированием древесно-семенного дела.

После упразднения комиссии и передачи ее функций Народному комиссариату лесной промышленности и Главному управлению лесоохраны и лесонасаждений при СНК СССР в целях повышения эффективности их реализации в апреле 1938 г. была создана специализированная лесопатологическая экспедиция при Всесоюзной лесоустроительной конторе «Леспроект».

Одновременно с развитием законотворческой практики стали разворачиваться и научные исследования в сфере лесоведения, сопровождавшиеся созданием специализированных академических подразделений. В конце 1930-х гг. инициативная группа профессоров Ленинградской лесотехнической академии им. С.М. Кирова Наркомата лесной промышленности СССР во главе с заведующим кафедрой систематики растений и дендрологии, деканом лесохозяйственного факультета В.Н. Сукачевым подняла вопрос об организации в Академии наук СССР крупного научно-исследовательского института леса. Длительные дебаты по поводу его организации завершились в феврале 1944 г., когда АН СССР утвердила решение о создании Института леса при Отделении биологических наук.

На должность директора была выдвинута кандидатура Владимира Николаевича Сукачева (1880–1967), которую поддержали партийно-государственные структуры. В.Н. Сукачев утвержден в качестве директора нового института Общим собранием АН СССР 16 октября 1944 г. Специальным распоряжением Совнаркома были утверждены научные направления деятельности Института леса, а для комплексного изучения проблемы ему передавались леса Серебряноборского лесничества Москворецкого лесхоза Московской области и леса Теллермановской лесной дачи Теллермановского лесхоза Воронежской области (распоряжение № 19229-р от 29 сентября 1944 г.).

С середины 1950-х гг. одной из задач, поставленной перед Институтом леса АН СССР, была подготовка предложений по развитию научно-исследовательских учреждений в области лесоведения на периферии. Обосновывалась она активными темпами индустриализации и освоения экономических ресурсов Сибири⁹. В постановлении Секретариата ЦК КПСС 1958 г. было подробно разъяснено, что «В Сибири и на Дальнем Востоке находится более 80 % лесных богатств страны. Там создается мощная лесозаготовительная промышленность, имеющая крупное общесоюзное значение. Все большее развитие будут иметь обработка и переработка древесины. Огромный ущерб наносят лесным ресурсам лесные пожары, а также массовое повреждение леса насекомыми. Лесные богатства используются в основном без мероприятий, обеспечивающих естественное возобновление леса на вырубках, и без серьезных лесокультурных работ. Между тем состояние лесов в восточных районах страны и перспективы их интенсивной эксплуатации требуют широкого осуществления мероприятий по охране, защите и воспроизводству лесного фонда. Имеющиеся

⁸ Постановление Совета труда и обороны. Об образовании при Наркомлесе постоянной междуведомственной комиссии по борьбе с вредителями, болезнями лесов и лесопroduкции, а также по лесосеменному делу. 3 августа 1932 г. // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1932 г. № 50-84. Отдел первый. М., 1932. С. 658.

⁹ *Куперштох Н.А.* Страницы истории Института леса им. В.Н. Сукачева... С. 146.

в Сибири и на Дальнем Востоке научные силы и сеть научных лесных учреждений явно недостаточны для своевременного и успешного выполнения этих задач»¹⁰.

Давление партийных инстанций вынудило Институт леса АН СССР взять на себя обязательства по созданию нового учреждения в данном регионе. Несмотря на то, что урбанизация сибирских пространств оставляла желать лучшего, здесь все же существовало несколько потенциальных территорий, которые могли претендовать на место будущего базирования института лесного профиля. Более того, активно шло развитие уникального государственного проекта в сфере управления и развития научного потенциала после принятия на государственном уровне в 1957 г. решения о создании Сибирского отделения АН СССР – строительства Новосибирского научного центра, известного новосибирского Академгородка.

Так почему же вместо Новосибирска был выбран иной сибирский город, а именно Красноярск? Согласно исследованиям Н.А. Куперштох, ранее от руководства Сибирского отделения АН СССР не поступало просьб о создании института лесного профиля¹¹. При этом еще в июне 1957 г. в ЦК обратился Красноярский крайком КПСС. Суть обращения заключалась в просьбе об организации в Красноярске трех академических институтов: ядерной физики, цветных металлов и природных соединений. Однако председатель СО АН СССР академик М.А. Лаврентьев, к которому ЦК обратился за экспертным мнением, указал на отсутствие возможностей и серьезные затруднения в удовлетворении такого предложения. В это время полным ходом шло создание новых академических институтов в Новосибирске и на открытие учреждений в Красноярске просто не хватало финансовых и кадровых ресурсов.

В то же самое время администрация Красноярского края оказалась заинтересованной в развитии сети научных учреждений на своей территории. Поддержка краевой власти была заметна с самого начала. Так, Отдел науки, школ и культуры ЦК КПСС по РСФСР в июле 1958 г. докладывал, что «Институту леса будет передано здание лесотехнического техникума, который перебазируется в г. Канск. В плане развития Сибирского отделения АН СССР предусмотрено в 1960 г. начать строительство в г. Красноярске нового корпуса для Института леса. Красноярский крайком КПСС сообщил, что здания лесотехнического техникума передаются сейчас в распоряжение Сибирского отделения АН СССР»¹².

В январе 1958 г. Сибирским отделением АН СССР в Красноярск была направлена группа ученых для ознакомления на месте со всеми вопросами организации Института леса в этом городе. Инициативную группу возглавил энергичный профессор, доктор сельскохозяйственных наук Анатолий Борисович Жуков. Также в состав этой делегации, посетившей и Новосибирск, и Красноярск, входили известный советский геоботаник, болотовед и почвовед, доктор биологических наук Николай Иванович Пьявченко и кандидат экономических наук Николай Васильевич Невзоров.

8 февраля 1958 г. в Красноярске состоялось совместное совещание представителей Академии наук СССР с участием представителей Красноярского крайкома КПСС, Красноярского совнархоза, Управления лесного хозяйства, Сибирского лесотехнического института, Сибирского научно-исследовательского института лесного хозяйства, Института физики СО АН СССР, треста «Красхимлес». Совещание дало положительное заключение по вопросу организации Института леса в Красноярске. После чего согласно решению Президиума Сибирского отделения АН СССР (№ 11 от 14 марта 1958 г.) В.Н. Сукачеву было поручено подготовить проект решения Президиума АН СССР об организации Института леса в г. Красноярске¹³. В начале сентября 1958 г. на заседании дирекции Института леса В.Н. Сукачев пред-

¹⁰ Постановление Секретариата ЦК КПСС «О переводе Института леса Академии наук СССР из г. Москвы в г. Красноярск». 28 октября 1958 г. // Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б)-КПСС. 1922–1991. 1952–1958. М., 2010. С. 1094.

¹¹ Куперштох Н.А. Страницы истории Института леса им. В.Н. Сукачева... С. 135–152.

¹² Записка Отдела науки, школ и культуры ЦК КПСС по РСФСР о перебазировании Института леса АН СССР в г. Красноярск. 7 июля 1958 г. // Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б)-КПСС. 1922–1991. 1952–1958. М., 2010. С. 1098.

ставил предложения по этому вопросу. Он полагал, что речь идет именно о создании нового института лесного профиля в Сибири.

А в это время в центральных органах вопрос об академическом лесном институте в Красноярске вызвал длительное противоборство двух основных позиций. Бюрократические круги, находившиеся на стороне Т.Д. Лысенко (Отдел науки, вузов и школ ЦК КПСС и Отдел науки, школ и культуры ЦК КПСС по РСФСР), считали наиболее целесообразным перевести Институт леса Академии наук СССР из Москвы в Красноярск. В самой же Москве организовать Центральную лабораторию леса АН СССР с оставлением за ней всех научно-исследовательских баз, станций и стационаров, принадлежащих на тот момент Институту леса АН СССР. Это бы трагически ударило по положению самого Института в области исследований и значительно подорвало вес его директора в научных кругах.

Противоположное мнение активно защищалось другой стороной. Сам академик В.Н. Сукачев и президент Академии наук СССР Александр Николаевич Несмеянов настаивали на невозможности данного перевода, «так как из-за преклонного возраста сотрудников института лишь небольшая группа ученых может согласиться на переезд в г. Красноярск»¹⁴.

Несмотря на активно отстаиваемую В.Н. Сукачевым точку зрения, победу одержали представители официальных структур¹⁵. В результате 12 декабря 1958 г. вышло постановление Президиума АН СССР № 754 «О переводе Института леса АН СССР в г. Красноярск», одновременно переименовавшее его в Институт леса и древесины.

В целях продолжения комплексных научно-исследовательских работ по лесоведению, начатых в Институте леса в опытных лесничествах в европейской части страны, Президиум Академии наук СССР принял решение о создании отдельной Лаборатории лесоведения в системе Отделения биологических наук АН СССР. В ее ведение был передан ряд стационаров, опытных станций и лесничеств, ранее принадлежавших Институту леса. Директором Лаборатории лесоведения был назначен В.Н. Сукачев¹⁶.

Основные задачи Института леса и древесины СО АН СССР по развитию исследований были обусловлены запросами лесного хозяйства Сибири и Дальнего Востока. «Перед нами очень крупные задачи сразу поставили, – вспоминает Д.И. Назимова. – Надо было сразу провести лесорастительное районирование всей Сибири и дать типологию, классификацию лесов всей Сибири. Это была очень крупная задача. Академик Жуков на нас надеялся. Он начал выпускать многотомник “Леса СССР” уже с 1963 года, по-моему. И мы там должны были отвечать за изучение лесов Красноярского края. Кроме нас там участвовали и другие специалисты – лесоводы, почвоведы, но нашей базовой задачей являлась разработка проблем районирования и классификации лесов»¹⁷.

Таким образом, Институт сосредоточился на выработке научных методов организации лесного хозяйства и эксплуатации леса, особенно в части комплексного использования древесин. Не менее значимой была задача по подготовке методик охраны леса от пожаров и вредителей. В ведение Института были переданы Среднеказахстанский стационар по защитному лесоразведению и Якутский стационар по изучению лиственных лесов Института леса АН СССР¹⁸. Также на него было возложено методическое руководство

¹³ Записка члена Президиума Сибирского отделения АН СССР С.Л. Соболева о мерах по организации Института леса в г. Красноярске. 28 июня 1958 г. // Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б)-КПСС. 1922–1991. 1952–1958. М., 2010. С. 1099.

¹⁴ Записка Отдела науки, вузов и школ ЦК КПСС, Отдела науки, школ и культуры ЦК КПСС по РСФСР о переводе Института леса АН СССР в г. Красноярск. 16 октября 1958 г. // Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б)-КПСС. 1922–1991. 1952–1958. М., 2010. С. 1095.

¹⁵ *Куперштох Н.А.* Страницы истории Института леса им. В.Н. Сукачева... С. 135–152.

¹⁶ Записка Президиума АН СССР о переводе Института леса АН СССР в г. Красноярск. 23 декабря 1958 г. // Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б)-КПСС. 1922–1991. 1952–1958. М., 2010. С. 1103.

¹⁷ Интервью с Д.И. Назимовой, 26.05.2024, г. Красноярск.

¹⁸ Постановление Президиума АН СССР «О переводе Института леса АН СССР в г. Красноярск». 12 декабря 1958 г. // Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б)-КПСС. 1922–1991. 1952–1958. М., 2010. С. 1104.

работой лесных отделений и групп, работавших в Новосибирске, Иркутске и на Дальнем Востоке.

Д.И. Назимова отмечала, что одновременно с фундаментальными развернулись стационарные исследования Института: «они проходили на нескольких точках, в стационарах. Ермаковский горный стационар с 1960 года был главным, на котором решалась кедровая проблема. Правительство [СССР] так и обозначило нам, что мы должны были, наш институт целиком, дать природные особенности, типы кедровников, как вести в них хозяйство, как их можно восстанавливать, что очень важно, после рубки. В те годы... [на кедровые леса] навалилась лесная промышленность»¹⁹.

Директором Института леса и древесины СО АН СССР был назначен А.Б. Жуков. Анатолий Борисович Жуков (1901–1979) являлся специалистом в области лесоведения и лесоводства. Особенно ценными являлись его труды в области защиты лесных массивов, в частности изучение последствий лесных пожаров и эффективности разных способов лесовосстановления и ухода за лесом. Именно А.Б. Жуков разработал метод специализации лесного хозяйства и определения систем лесохозяйственных мероприятий в целях возобновления дубовых лесов, создания государственных лесных полос и дубрав промышленного значения. Эти научные достижения высоко оценило государство – ученый отмечен орденом Октябрьской Революции, двумя орденами Ленина, а также орденом Трудового Красного Знамени.

По воспоминаниям Д.И. Назимовой, «это был крупный лесовод. Знал хорошо европейские леса. Когда встал вопрос о том, что он должен ехать в Сибирь, совершенно новую для него область, он не отказался, а возглавил тех ученых, которые поехали с ним вместе создавать новый Институт... Жуков сказал, если мы туда [в Новосибирск] поедem, то нас не заметят. Мы будем здесь, в Красноярске»²⁰.

В марте 1959 г. директор Института леса и древесины А.Б. Жуков выступил с сообщением о ходе перебазирования в Красноярск перед бюро Президиума Сибирского отделения АН СССР. Он не мог не сказать о тревожной тенденции: значительная часть квалифицированных специалистов Института леса АН СССР, относящихся к старшему поколению, отказалась от перевода в сибирский город, и в Красноярск переехали 70 ученых из первоначального научного коллектива. В их числе оказались такие значимые фигуры, как В.А. Баженов, Г.П. Мотовилов, В.В. Попов, Л.Ф. Правдин, Н.И. Пьявченко, Е.Я. Судачков²¹.

Кроме того, коллектив пополнялся молодыми кадрами – в Красноярск прибывали выпускники вузов Москвы и Ленинграда. По воспоминаниям Д.И. Назимовой, группа молодых специалистов сразу после выпуска из Московского государственного университета с энтузиазмом включилась в формирование нового красноярского коллектива Института. «Это были все очень активные молодые ребята... Эта группа начала сразу с больших задач»²².

Решение таких задач сотрудниками Института было возможно только при условии создания необходимого производственного и социально-бытового потенциала. В план проектных организаций на 1959 г. по Сибирскому отделению АН СССР было включено строительство главного лабораторного здания Института леса и древесины в г. Красноярске и зданий для полужаводских установок. СО АН СССР также выделило в 1959 г. на жилищное строительство для Института леса и древесины в г. Красноярске 2,5 млн руб. за счет тех капиталовложений, которые получило от государства²³. Местная красноярская администрация выделила сотрудникам института 25 квартир²⁴.

¹⁹ Интервью с Д.И. Назимовой, 26.05.2024, г. Красноярск.

²⁰ Интервью с Д.И. Назимовой, 02.06.2024, г. Красноярск.

²¹ Куперштох Н.А. Страницы истории Института леса им. В.Н. Сукачева... С. 135–152.

²² Интервью с Д.И. Назимовой, 26.05.2024, г. Красноярск.

²³ Постановление Президиума АН СССР «О переводе Института леса АН СССР в г. Красноярск». 12 декабря 1958 г. // Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б)-КПСС. 1922–1991. 1952–1958. М., 2010. С. 1104.

Необходимо отметить, что в 1960-е – первой половине 1970-х гг., несмотря на активные запросы академика Л.В. Киренского, директора первого академического Института физики и выразителя интересов всей научной общественности г. Красноярска, поддержанные региональной администрацией, в городе не создавались новые академические учреждения. Поэтому все усилия по интенсивному количественному и качественному развитию научного потенциала сосредоточивались на Институте физики и Институте леса и древесины. Это развитие шло по линии формирования научных направлений, подготовки кадров, создания материальной базы.

Естественно, что деятельность Института леса и древесины протекала в сложных условиях. Строительство затягивалось, и новые производственные корпуса для Института появились лишь в конце 1960-х гг. вместе с корпусами, построенными для отдела биофизики и технологического корпуса Института физики. В середине 1970-х гг. были построены экспериментальные мастерские и гараж для техники²⁵. Дело сдвинулось, потому что благодаря активной позиции руководства Красноярского филиала СО АН СССР здесь возникло несколько новых актуальных подразделений (Вычислительный центр, Отдел химии платиновых металлов и др.), которым требовались помещения. В первую очередь они были размещены на площадях именно Института леса и древесины, располагавшихся в центре Красноярска²⁶. Появление новых академических подразделений способствовало проведению масштабного капитального ремонта площадей Института в 1976–1978 гг.

Также в Институте леса и древесины имелось небольшое конструкторское бюро, разрабатывавшее нестандартную аппаратуру для выполнения исследований по тематике подразделений. И в этом случае наблюдались затруднения с некоторыми типами необходимых помещений. Так, в течение нескольких лет не начиналось строительство общего склада хозяйственного инвентаря и химических реактивов, проектная документация на который была разработана и представлена в необходимые инстанции задолго до того²⁷.

В этот период центральные задачи научного поиска Института леса и древесины были определены в соответствии с требованиями научного обеспечения развития производственных сил региона. Заметный импульс эта работа получила после выхода постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 1 февраля 1971 г. № 65 «О мерах по комплексному развитию в 1970–1980 гг. производительных сил Красноярского края»²⁸. Основные направления были сформулированы следующим образом: повышение продуктивности лесов СССР и рационального использования лесных ресурсов; разработка экономических и организационных основ ведения лесного хозяйства, принципов и методов комплексного использования древесины.

В рамках этих направлений выполнялись комплексные исследования процессов возобновления леса, географии и генезиса лесных почв, водоохранной и защитной роли лесов; разрабатывались методы освоения осушенных земель; изучалась природа лесных пожаров и изыскивались возможности их локализации; выявлялись закономерности динамики численности лесных насекомых и предлагались меры борьбы с ними; изучалось формовое разнообразие древесных пород, вопросы элитного семеноводства; исследовалась проблема эрозии почв и создания полезащитных насаждений²⁹. Большое внимание уделялось также способам получения новых материалов из отходов и комплексному использованию древесины.

Реализация исследований по этим масштабным направлениям была невозможна без соответствующей материально-технической базы. Поэтому уже к середине 1970-х гг. в Институте леса и древесины функционировала целая сеть стационаров не только в Красно-

²⁴ Записка Президиума АН СССР о переводе Института леса АН СССР в г. Красноярск. 23 декабря 1958 г. // Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б)-КПСС. 1922–1991. 1952–1958. М., 2010. С. 1103.

²⁵ Архив Федерального исследовательского центра «Красноярский научный центр СО РАН (Архив ФИЦ КНЦ СО РАН). Ф. 1. Оп. 1. Д. 4. Л. 10.

²⁶ Там же. Д. 2. Л. 29.

²⁷ Там же. Д. 4. Л. 26.

²⁸ Там же. Д. 1. Л. 6.

²⁹ Там же. Д. 2. Л. 6.

ярском крае, но и Казахской ССР, Бурятской АССР, Якутской АССР, Тувинской АССР и Томской области. Так, в 1959 г. был создан Хакасский стационар. Его направления исследований: вопросы агролесомелиорации, защитного лесоразведения, степного лесоведения; биоэкологические основы формирования адаптированных лесных сообществ и экотипов древесных растений в степных, предгорных и горных условиях Южной Сибири; изменчивость продукционного потенциала коренных и производных экосистем. Основным центром научных изысканий упоминавшегося ранее Ермаковского стационара сфокусировался на популяционных исследованиях эндемичных и реликтовых видов, эколого-географических исследованиях горных лесных экосистем и закономерностей их формирования в разных лесорастительных поясах, а также разработке мер по восстановлению кедровых лесов и рациональному природопользованию.

В результате по основным вопросам лесоведения Институт стал ведущим научным центром страны. На его базе был создан Совет по проблемам леса при АН СССР, координировавший лесную тематику, выполняемую в СССР. «Надо сказать, что очень быстро наши специалисты – лесоводы, почвоведы, географы – разработали практические рекомендации... Там, где мы начинали, было очень мало публикаций, поэтому наши работы стали очень значимыми, перевернули представление о наших лесах»³⁰.

Следующим мощным толчком развития для Института леса и древесины стало принятие комплексной программы «Сибирь» на рубеже 1970–1980-х гг. Инициатором разработки программы выступил Президиум СО АН СССР во главе с академиками Г.И. Марчуком как председателем Сибирского отделения, А.А. Трофимуком (отвечавшим за сырьевой раздел), Д.К. Беляевым (биологический раздел) и А.Г. Аганбегином (экономический раздел).

В рамках этой программы Институт леса и древесины вел исследования по двум подпрограммам – «Лес Сибири и его рациональное использование» и «Аэрокосмические методы исследования лесных ресурсов». Среди фундаментальных исследований, развернувшихся в этом направлении, стоит назвать изучение продуктивности лесов, оценку средообразующих функций леса, особенно в крупных производственно-территориальных комплексах, эколого-экономические и социальные аспекты использования лесов Сибири. К примеру, в зоне КАТЭК планировалось изучение особенностей формирования водного и теплового балансов, твердого стока, качества речных вод и воздуха, а также уточнение прогноза гидроклиматических параметров до 2000 г. в связи с изменением лесистых территорий и усилением антропогенного воздействия на лесные экосистемы³¹. Особое внимание уделялось изучению лесов Ангаро-Канского района.

Реализация всех этих научных исследований требовала постоянного притока высококвалифицированных специалистов. Несмотря на упомянутую выше инициативность и самоотверженность, проявленную сотрудниками Института леса и древесины в момент его переезда/создания в конце 1950-х гг. в Красноярск, темпы роста его кадрового состава были явно недостаточными. Дело в том, что перевод Института в отдаленный сибирский регион и новые масштабные задачи оказались довольно большим стрессом для сотрудников, они были восприняты болезненнее, нежели это представлялось из Москвы. Значительная часть московских ученых просто не смогла прижиться в Сибири, столь непривычной по климату и отличающейся от центра страны. Это привело к тому, что в 1960-е гг. Институт занимал первые строчки в негласном рейтинге Сибирского отделения АН СССР по оттоку кадров. В результате к середине этого десятилетия менее половины первоначального состава научных сотрудников осталось на красноярской земле. Решение данной проблемы на первых этапах нашлось в активном приглашении специалистов из других городов и регионов. Но оно носило временный характер, поэтому в Красноярском филиале СО АН СССР была развернута работа по формированию комплексной системы подготовки кадров.

В результате организованных усилий эта система была создана. Кроме традиционных путей подготовки аспирантов и соискателей в Институте леса (как, впрочем, и во всех

³⁰ Интервью с Д.И. Назимовой, 26.05.2024, г. Красноярск.

³¹ Архив ФИЦ КНЦ СО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 44. Л. 11.

подразделениях Красноярского филиала СО АН СССР), был организован комплекс мероприятий по работе с научной молодежью. Успешно функционировала система стажировок и тематических школ. Проводились конкурсы на лучшие научные молодежные работы, активно велась работа со школьниками (олимпиады, «малые академии», специализированные научные клубы).

Все преобразования, как в научном, так и научно-организационном плане, напрямую зависели от руководителей Института леса и древесины, ныне Института леса им. В.Н. Сукачева СО РАН. Первый директор Института А.Б. Жуков проработал на этой должности почти два десятилетия, практически до окончания своего жизненного пути – с 1959 по 1977 г. Под его руководством Институт превратился в базу отечественного лесоведения и, в частности, изучения «кедровой проблемы», занял уникальную нишу в научно-образовательном комплексе всего Красноярского края.

В конце 1970-х гг. на посту директора Анатолия Борисовича сменил его ученик – Александр Сергеевич Исаев, талантливый ученый в сфере лесной биогеоценологии, продолживший труды А.Б. Жукова в области защиты леса, а именно развивавший идеи лесной экологии и рационального лесопользования.

Литература

Гергилев Д.Н., Павлюкевич Р.А., Кузьменко А.С. Динамика подготовки научных кадров в системе аспирантуры Красноярского края в 1949–1988 гг. // СИБСКРИПТ. 2024. Т. 26, № 3 (103). С. 415–428.

Гергилев Д.Н., Пантелеева И.А., Бывшев В.И. Опыт Красноярского края по развитию научного потенциала в области арктических исследований // Актуальные проблемы экономики и менеджмента. 2020. № 4 (28). С. 19–25.

Деятельность государства по охране лесов в 1917–1929 гг.: сб. док-тов / ред. М.О. Тяпкин. Барнаул: Барнаульский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2017. 316 с.

Кузьменко А.С., Гергилев Д.Н. Роль центральных и региональных органов власти в развитии системы научных организаций в Красноярском крае в 1950–1970-е гг. // Общество: философия, история, культура. 2024. № 4 (120). С. 122–129.

Куперштох Н.А. Страницы истории Института леса им. В.Н. Сукачева // Социологический журнал. 2005. № 3. С. 135–152.

Манько Ю.И., Гладкова Г.А. Лесничества Приморской области в досоветский период // Бюллетень Ботанического сада-института ДВО РАН. 2020. Вып. 24. С. 19–38.

Нефедьев В.В., Горнов А.В. Академик РАН Исаев Александр Сергеевич – 90 лет со дня рождения // Вопросы лесной науки. 2021. Т. 4, № 3. URL: https://jfsi.ru/4-3-2021-nefediev_gornov/?ysclid=m2x67fylio349268939 (дата обращения: 28.10.2024).

Памяти Евгения Семеновича Петренко // Сибирский лесной журнал. 2015. № 1. С. 118–119.

Рункова Е.К. История возникновения и история становления правоотношений в сфере лесопользования // Молодой ученый. 2020. № 21 (311). С. 369–372. URL: <https://moluch.ru/archive/311/70612/> (дата обращения: 27.07.2024).

References

Gergilev, D.N., Panteleeva, I.A., Byvshev, V.I. (2020). Opyt Krasnoyarskogo kraya po razvitiyu nauchnogo potentsiala v oblasti arkticheskikh issledovaniy [Experience of the Krasnoyarsk Territory on the Development of Scientific Potential in the Field of Arctic Research]. In *Aktualnye problemy ekonomiki i menedzhmenta*. No. 4 (28), pp. 19–25.

Gergilev, D.N., Pavlyukevich, R.A., Kuzmenko, A.S. (2024). Dinamika podgotovki nauchnykh kadrov v sisteme aspirantury Krasnoyarskogo kraya v 1949–1988 gg. [The Dynamics of the Training of Scientific Personnel in the Postgraduate System of the Krasnoyarsk Territory in 1949–1988]. In *SIBSKRIPT*. Vol. 26, No. 3 (103), pp. 415–428.

Тяпкин, М.О. (Ed.). (2017). *Deyatel'nost gosudarstva po ohrane lesov v 1917–1929 gg.* [State Forest Protection Activities in 1917–1929]. Barnaul, Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 316 p.

Kuzmenko, A.S., Gergilev, D.N. (2024). Rol tsentralnyh i regionalnyh organov vlasti v razvitii sistemy nauchnyh organizatsiy v Krasnoyarskom krave v 1950–1970-e gg. [The Role of Central and Regional Authorities in the Development of a System of Scientific Organizations in the Krasnoyarsk Territory in the 1950–1970s]. In *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kultura*. No. 4 (120), pp. 122–129.

Kupershtoh, N.A. (2005). Stranitsy istorii Instituta lesa im. V.N. Sukacheva [History Pages of the V.N. Sukachev Forest Institute]. In *Sotsiologicheskiy zhurnal*. No. 3, pp. 135–152.

Man'ko, Yu.I., Gladkova, G.A. (2020). Lesnichestva Primorskoy oblasti v dosovetskiy period [Lesnichestvo of the Primorsky Region in the Pre-Soviet Period]. In *Byulleten' Botanicheskogo sada-instituta DVO RAN*. Vol. 24, pp. 19–38.

Nefedev, V.V., Gornov, A.V. (2021). Akademik RAN Isaev Aleksandr Sergeevich – 90 let so dnya rozhdeniya [Academician of the Russian Academy of Sciences Isaev Alexander Sergeevich – 90th Birthday]. In *Voprosy lesnoy nauki*. Vol. 4, No. 3. Available at: URL: https://jfsi.ru/4-3-2021-nefediev_gornov/?ysclid=m2x67fylio349268939 (date of access 28.10.2024).

(2025). Pamyati Evgeniya Semenovicha Petrenko [In memory of Evgeny Semenovich Petrenko]. In *Sibirskiy lesnoy zhurnal*. No. 1, pp. 118–119.

Runkova, E.K. (2020). Istoriya vzniknoveniya i istoriya stanovleniya pravootnosheniy v sfere lesopol'zovaniya [History of the Emergence and Formation of Legal Relations in the Field of Forest Management]. In *Molodoy uchenyy*. No. 21 (311), pp. 369–372. Available at: URL: <https://moluch.ru/archive/311/70612/> (date of access 27.07.2024).

Н.С. Филиппов*

**ТРЕТЬЯ СЕССИЯ ОБЪЕДИНЕННОГО
СОВЕТСКО-КИТАЙСКОГО УЧЕНОГО СОВЕТА
ПО ПРОБЛЕМЕ БАССЕЙНА РЕКИ АМУР
И ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПЦИИ ЕДИНОЙ
ТРАНСПОРТНОЙ СЕТИ ЮГА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА**doi:10.31518/2618-9100-2025-1-8
УДК 94:621

Выходные данные для цитирования:
Филиппов Н.С. Третья сессия объединенного советско-китайского ученого совета по проблеме бассейна реки Амур и формирование концепции единой транспортной сети Юга Дальнего Востока // Исторический курьер. 2025. № 1 (39). С. 96–105. URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-1-08.pdf>

N.S. Filippov

**ADAPTATION OF COMBATANTS
OF THE FIRST WORLD WAR TO THE REAR LIFE
IN THE OMSK MILITARY DISTRICT IN 1915–1922****

doi:10.31518/2618-9100-2025-1-8

How to cite:
Filippov N.S. The Third Session of the Joint Sino-Soviet Scientific Council on the Problem of the Amur River Basin and the Formation of the Concept of a Unified Transport Network in the South of the Far East // Historical Courier, 2025, No. 1 (39), pp. 96–105. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-1-08.pdf>]

Abstract. The article examines the ideas of scientists on the development of the transportation system of the South of the Far East on the example of the Third Session of the Joint Soviet-Chinese Scientific Council on the problems of the Amur River basin (1959). Objectives of this paper – In the article we set the following tasks: to analyze the ideas of scientists on the development of the transport network of the South of the Far East, which emerged as a result of joint expeditions of the Amur River basin; to determine the presence of ideas about a unified transport system in the reports of scientists. Under scientists the authors understand Soviet and Chinese scientists from various institutes of the USSR, who offered their ideas on the development of logistics. The South of the Far East is understood as Priamurye, Primorye Territories, which include the left-bank basin of the middle and lower reaches of the Amur River, with all its tributaries, Lake Kizi, as well as adjacent to the Soviet South of the Far East, Chinese border territories. The authors emphasize the conditions that influenced the creation of ideas, such as cooperation with China due to the proximity of ideological platforms, which allowed the development of border territories, as well as the goals set by the Party leadership of the Seven-Year Plan of 1959–1965 (called in the literature “Seven-Year Plan”). In conclusion, the authors come to the conclusion that the session voiced proposals for the creation and further development of the transportation system, which included such branches of logistics as: water transport system, railway and road transport, as well as pipeline transport. From the authors’ point of view, the development of the transportation system was dictated by the need to develop and develop the natural resources of the Far East. The main source for the preparation of this article was the material of the Scientific Archive of the Far East Branch of the Russian Academy of Sciences.

Keywords: South of the Far East, transportation system, productive forces, territorial production complex, logistics, hydroelectric facilities.

* **Никита Сергеевич Филиппов**, аспирант, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук, Владивосток, Россия, e-mail: ns.filippov@yandex.ru
Nikita Sergeevich Filippov, Postgraduate Student, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, e-mail: ns.filippov@yandex.ru

The article has been received by the editor on 06.11.2024. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье на примере Третьей сессии объединенного советско-китайского ученого совета по проблемам бассейна реки Амур (1959 г.) рассматриваются идеи ученых по развитию транспортной системы Юга Дальнего Востока. В статье поставлена следующая задача: проанализировать идеи ученых по развитию транспортной сети Юга Дальнего Востока, которые возникли по итогу совместных экспедиций бассейна р. Амур; определить наличие представлений о единой транспортной системе в докладах ученых. Под учеными автор понимает советских и китайских ученых различных институтов СССР, которые предлагали свои идеи по развитию логистики. Под Югом Дальнего Востока понимается Приамурье, Приморье, территории, которые включают в себя левобережный бассейн среднего и нижнего течения реки Амур со всеми ее притоками, оз. Кизи, а также сопредельные к советскому Югу Дальнего Востока китайские приграничные территории. Автор выделяет условия, влиявшие на создание идей, таких как сотрудничество с Китаем ввиду близости идеологических платформ, что позволяло развивать приграничные территории, а также поставленные партийным руководством цели Семилетнего плана 1959–1965 гг. (названного в литературе «Семилеткой»). В заключение автор приходит к выводу, что на сессии были озвучены предложения по созданию и дальнейшему развитию транспортной системы, которые включали в себя такие отрасли логистики, как водно-транспортная система, железнодорожный и автодорожный транспорт, а также трубопроводный транспорт. С точки зрения автора, развитие транспортной системы диктовалось необходимостью развивать и осваивать природные богатства Дальнего Востока. Главным источником для подготовки данной статьи стал материал Научного архива ДВО РАН.

Ключевые слова: Юг Дальнего Востока, транспортная система, производительные силы, территориальный производственный комплекс, логистика, гидроузлы.

Статья поступила в редакцию 06.11.2024 г.

Введение. Необходимость изучения опыта экономического развития и хозяйственного освоения Дальнего Востока является одной из важных тем региональных исторических исследований. Отмечаемый исследователями ресурсный потенциал Дальнего Востока создавал условия для эффективного использования ресурсной базы, которую предполагалось развивать во благо народно-хозяйственного комплекса региона. По мере того как Советский Союз укреплялся на востоке и активно взаимодействовал с Китаем, возрастала роль в создании эффективных программ по развитию трансграничных территорий с участием ученых. В развитии народно-хозяйственного комплекса СССР и в частности Дальнего Востока имели значение исследования ученых, направленные на изучение ресурсного потенциала региона. Актуальность также объясняется тем, что в рассматриваемый период закладывались фундаментальные представления о направлениях развития восточных районов страны, которые оказали влияние на планирование и реализацию государственных инвестиционных программ в сфере социально-экономического развития Сибири и Дальнего Востока. 1950–1960-е гг. были временем активного развития экономической науки в СССР. Наличие значительных водных, горнорудных, лесных и минеральных ресурсов Дальнего Востока требовало освоения. Рост промышленной базы, такой как черная и цветная металлургия, машиностроение, рыбное и лесное хозяйства, требовал наличия инфраструктуры и единой транспортной системы, так как развитие производительных сил неразрывно связано с логистикой¹.

¹ Семенов А.И., Сергеев В.И. Логистика: основы теории: учебник для вузов. СПб., 2003. С. 411.

В данном случае рассматриваются идеи ученых, озвученные на Третьей сессии объединенного советско-китайского ученого совета по проблеме бассейна р. Амур в 1959 г., которая проходила в Москве. Контекст советско-китайских отношений 1950-х гг. позволяет с иного ракурса посмотреть на отдельные предложения по развитию Дальнего Востока.

Историография изучения ресурсов бассейна р. Амур в контексте советско-китайских взаимоотношений, а также участия в этом процессе ученого экспертного сообщества не является обширной, так как экспедиционные исследования бассейна р. Амур стали предметом специальных исследований относительно недавно; можно сказать, что исследования данного вопроса находятся на «фронтире» региональных исторических исследований. Анализу подверглись отдельные отрасли народно-хозяйственного комплекса. А.В. Маклюковым были изучены предложения по развитию энергетики и энергетических ресурсов бассейна р. Амур в 1930–1950-е гг. С опорой на значимую источниковую базу региональных и центральных архивов автор проанализировал комплексные экспедиции бассейна р. Амур и весьма убедительно показал всю научную и практическую значимость комплексных экспедиций². Развитие Дальнего Востока через призму социально-политической безопасности и в контексте китайско-советских отношений рассматривалось в коллективной монографии отдела социально-политической исследований ИИАЭ ДВО РАН³. Отдельно научно-техническое сотрудничество СССР и КНР рассматривалось в третьем томе «Истории Северо-Восточного Китая». Г.Н. Романовой в соответствующем разделе коллективной монографии были изучены совместные советско-китайские экспедиции в бассейне р. Амур. Исследовательница подчеркивала значимость комплексных экспедиций для территорий Северо-Восточного Китая и Дальнего Востока СССР⁴. В своей монографии «Советские специалисты в Китае (1948–1960)» Шэнь Чжихуа показывает все нюансы сотрудничества и обмена специалистами между двумя странами⁵. Также совместные комплексные экспедиции в бассейне р. Амур и их влияние на трансграничное взаимодействие рассматривались в исследовании С. Урбански⁶.

В статье поставлена следующая цель: проанализировать научные взгляды ученых Амурской комплексной экспедиции 1955–1960 гг. на проблемы транспортного освоения Юга Дальнего Востока и создание проекта единой транспортной системы Приамурья.

Исследование опирается на документы Научного архива ДВО РАН (далее – АРХ ДВО РАН), сохранившие материалы Третьей сессии объединенного советско-китайского ученого совета по проблеме бассейна р. Амур (Москва, 7–12 мая 1959 г.), которые стали объектом анализа.

Принятие Семилетнего плана. Научно-техническое взаимодействие СССР и КНР.

Принятие Семилетнего плана развития народного хозяйства 1959–1965 гг. (названного в литературе «Семилеткой») предусматривало коренное и резкое преобразование советской экономики. Этот период рассматривался советскими экономистами и партийными органами как важнейший этап в достижении превосходства советской экономики над американской по производству на душу населения в начале 1970-х гг. С этой целью плановые органы желали сохранить высокие темпы экономического развития предыдущего периода. Огромные капитальные вложения должны были обеспечить техническое перевооружение значительной части экономики и вырасти по сравнению с предыдущим периодом на 80 %, в том числе по промышленности⁷. Поставленные задачи требовали повышения производительных сил в промышленности.

² Маклюков А.В. Экспедиционные исследования энергетических ресурсов бассейна р. Амур 1930–1950-х гг. // Россия и АТР. 2019. № 2. С. 104–117.

³ Исторические проблемы социально-политической безопасности российского Дальнего Востока (вторая половина XX – начало XXI в.). Кн. 1. Дальневосточная политика: стратегии социально-политической безопасности и механизмы реализации. Владивосток, 2014.

⁴ История Северо-Восточного Китая XVII–XX вв. Кн. 3. Северо-Восточный Китай в 1945–1978 гг. Владивосток, 2004.

⁵ Шэнь Чжихуа. Советские специалисты в Китае (1948–1960). М., 2015.

⁶ Урбански С. За степным фронтиром: история российско-китайской границы. М., 2023.

⁷ Ханин Г.И. Экономическая история России в новейшее время. Новосибирск, 2008. Т. 1: Экономика СССР в конце 30-х годов – 1987 год. С. 163.

В литературе отмечается, что Семилетний план предусматривал капитальные вложения, которые были направлены на две отрасли народно-хозяйственного комплекса: цветную металлургию и машиностроение. Развитие производственной базы данных сфер являлось приоритетным направлением.

Период хрущевских реформ, кроме реорганизации системы управления отраслевых министерств на местах, введения совнархозов и развития определенных отраслей народно-хозяйственного комплекса, предусматривал научное обоснование долгосрочного планирования экономики регионов и систем управления региональным развитием⁸. Региональные ученые и исследователи из центральных институтов постепенно включались в процесс формирования идей и предложений по развитию народно-хозяйственного комплекса Дальнего Востока⁹.

Кроме того, во второй половине 1950-х гг. советские экономисты вновь поднимали вопросы, связанные с трансформацией экономики Дальнего Востока, которая должна быть преобразована в территориальный производственный комплекс (далее – ТПК¹⁰), обладающий ярко выраженной экспортной специализацией¹¹. Н.Н. Колосовский в 1920-х гг. обращал внимание, что экономика Дальнего Востока в полной мере связана с ростом производительных сил и экономикой стран АТР¹². Взаимосвязь развития экономики Дальнего Востока и экономики сопредельных ему стран во второй половине 1950-х гг. открывает более широкий контекст взаимодействия с КНР.

Научно-техническое взаимодействие, начавшееся после подписания «Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи» 14 февраля 1950 г. между Китаем и СССР, позволило отправить существенные материальные ресурсы, необходимое оборудование и технику в КНР¹³. СССР командировал советников и специалистов, организовывал подготовку технических и управленческих кадров, оказывал помощь в разработке пятилетнего плана в Китае¹⁴. Шэнь Чжихуа в своей работе отмечает, что в течение 1950-х гг. сотрудничество носило скачкообразный характер и меняло интенсивность вплоть до разрыва отношений¹⁵. Научно-технический обмен специалистами позволил оформить условия для программ по комплексному изучению Дальнего Востока. Результатом одной из таких программ стала Сессия объединенного советско-китайского ученого совета по проблемам бассейна р. Амур, которая проходила 7–12 мая 1959 г. в Москве. В работе сессии принимали участие ученые из центральных институтов Академии наук СССР, а также китайские коллеги. На сессии главной являлась проблема развития ресурсного потенциала и эффективное использование бассейна р. Амур. Данное мероприятие стало важной вехой в истории научно-технического сотрудничества, так как ввиду смежности территорий позволяла развивать Северо-Восточный Китай и Советский Дальний Восток.

Важнейшим моментом является то, что сессия по проблемам бассейна р. Амур проходила именно под началом «Семилетки» и была нацелена на вовлечение в хозяйственный оборот наиболее богатых по содержанию и выгодных по эксплуатации природных ресурсов¹⁶. Дальневосточный экономический район (далее – ДВЭР) и его обширная территория располагали и до сих пор располагают огромными природными ресурсами, обеспе-

⁸ Антология экономической мысли на Дальнем Востоке. Вып. 5. Региональные экономические исследования в 50-е – 60-е годы XX века. Хабаровск, 2012. С. 19.

⁹ Там же. С. 14.

¹⁰ Следует отметить, что понятие ТПК возникло позже, однако его сущностное содержание было отражено в 1920-х гг.

¹¹ Антология экономической мысли на Дальнем Востоке... С. 18.

¹² Колосовский Н.Н. Перспективы хозяйства Дальнего Востока // Пространственная экономика. 2008. № 4. С. 122.

¹³ Белов А.М., Булюкин Д.А., Ли Тун. Экономическая помощь Советского Союза Китаю в 1950-е годы // Вестник Костромского государственного университета. 2019. Т. 25, № 3. С. 52.

¹⁴ Передача технологий из Советского Союза в Китай. 1949–1966. СПб., 2010. С. 23.

¹⁵ Шэнь Чжихуа. Советские специалисты в Китае... С. 177.

¹⁶ АРХ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 7. Д. 1. Л. 12.

чивающими широкое развитие производительных сил, которые сильно зависят от научно обоснованной программы развития.

Экономист, д-р экон. наук, профессор, академик АН СССР Н.Н. Некрасов отмечал, что программа научных исследований Амурской и Хэйлуцзянской комплексных экспедиций предусматривала создание и разработку научной гипотезы производительных сил бассейна р. Амур. По советской части бассейна были проведены технико-экономические исследования по проблемам развития черной металлургии, экономической оценке энергетических ресурсов, лесных и сельскохозяйственных ресурсов и экономической оценке ущерба от наводнений¹⁷. В гипотезу развития производительных сил входил важнейший пункт – необходимость связать между собой планируемые ТПК (например, Верхне-Амурский промышленный комплекс, Зейско-Свободненский промышленный комплекс, Благовещенско-Райчихинский промышленный комплекс и т.д.)¹⁸. Для решения этой проблемы необходимо было изучить пути формирования новых крупных производственных баз и производственных связей между ними¹⁹.

Формирование транспортной системы как фактор развития производительных сил. Развитие промышленности и создание ТПК в регионе требовали наличия соответствующей инфраструктуры, которая будет служить делу повышения производительных сил в регионе.

Следует отметить важное обстоятельство, что развитию транспортной инфраструктуры мешали перманентные паводки и наводнения в бассейне р. Амур. А.Б. Марголин в своем докладе выделял отдельные зоны на Дальнем Востоке, которые сильнее всего страдали от наводнений. Так, например, выделялись участки, которые расположены на низких отметках. Убытки от затопления сельскохозяйственных угодий, дорог, жилых и производственных строений. Из крупных городов в зону входят Чита, Благовещенск, Свободный, Хабаровск и Комсомольск²⁰. Этот фактор существенным образом мешал модернизации железных дорог, водного, автомобильного транспорта и т.д.

Так, начальник Хэйлуцзянской комплексной экспедиции АН КНР Фэн Чжунь-Юнь предлагал комплекс мер по расширению советско-китайских транспортных связей. В своем докладе по итогам экспедиции исследователь выделил отдельный блок, связанный с логистикой.

Ученый предлагал в районах Среднего и Верхнего Амура и р. Аргунь через предполагаемые плотины соединить советские и китайские железнодорожные пути и шоссе, т.е. усилить транспортные связи СССР и КНР²¹. В этом докладе можно встретить упоминание так и не возведенного Сухотинского гидроэнергетического узла. По Сухотинскому створу должны были проходить суда через высокую плотину Сухотинской ГЭС. Для этого были сравнены варианты створов, подъемников, шлюзов и т.д.²²

Здесь же следует отметить, что Сухотинский гидроузел входил в состав так называемой Единой энергосистемы бассейна р. Амура (далее – ЕЭС Амура). Развитие гидроэнергетики в данном случае находилось в тесной взаимосвязи с развитием транспорта²³.

Несмотря на все это, отмечалось, что на 1959 г. удельный вес грузоперевозок по р. Амур крайне низок. Для повышения нагрузки на транспортную сеть и увеличения потока автор предлагал учитывать комплексное использование транспортных средств, произвести техническую реконструкцию других видов транспорта и в особенности железнодорожного²⁴.

Можно предположить, что подобная ситуация с речной логистикой вполне объяснима тем, что обе стороны в полной мере желали контролировать речное приграничье.

¹⁷ АРХ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 7. Д. 1. Л. 12.

¹⁸ Там же. Л. 23–25.

¹⁹ Там же. Л. 27.

²⁰ Там же. Л. 196–197.

²¹ Там же. Л. 47.

²² Там же.

²³ Маклюков А.В. Экспедиционные исследования энергетических ресурсов бассейна р. Амур... С. 113.

²⁴ АРХ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 7. Д. 1. Л. 47.

С. Урбански считает, что, несмотря на риторику обоих государств относительно прозрачности границы, взаимодействие на китайско-советском приграничье намеренно сокращалось ввиду постепенного остывания отношений между двумя странами²⁵.

Транспортная группа под руководством Фэн Чжунь-Юня изучила вопрос о советско-китайских перевозках. Исследователем был изложен весьма конкретный результат работы группы: после строительства канала Сунляо и создания единой водно-транспортной сети Амур-Ляохэ водный транспорт СССР и КНР должен был получить дальнейшее развитие, так как станет возможным связать системы железнодорожных дорог Китая и Советского Союза через проектируемые плотины и усилить уже существующие советско-китайские контактные узлы (Отпор, Суйфэньхэ)²⁶.

Китайскому коллеге вторил советский исследователь из Совета производительных сил АН СССР (далее – СОПС АН СССР) С.Р. Клопов. Он полагал, что развитие гидроэнергетики в Верхнем Амуре, Зее и Бурее неразрывно связано с водным транспортом. Регулирование стоков и русел рек, а также возведение плотин должно было оказать существенное влияние на условия развития водного транспорта и логистику в целом, так как с помощью этого должны были усилиться сухопутные транспортные связи между китайским и советским берегами р. Амур. Вновь упоминается проект Сухотинской плотины, которая должна была создать железнодорожное и автодорожное соединение²⁷.

Мы считаем, что проект Сухотинского гидроузла имел особую важность для китайской и советской стороны. Китайская сторона отмечала его важность для Северо-Восточного Китая (с помощью него можно было бы связать магистрали обеих стран), а советская сторона полагала, что он поможет в развитии логистики на советской стороне р. Амур. К сожалению, из-за ухудшения и последующего разрыва отношений между КНР и СССР в начале 1960-х гг. и отзыва всех советских специалистов из Китая проект не удалось реализовать.

По данным транспортной группы Амурской экспедиции, отмечает С.Р. Клопов, грузооборот внутренних перевозок по р. Амур должен был возрасти в 1,5 раза в сравнении с 1958 г. и достигнуть значения в 3,4 млн т в год. Такие значения могли быть осуществлены за счет улучшения судоходства, которое должно было включать в себя пропуск из водохранилищ в периоды малых глубин и уменьшения скоростей в многоводные сезоны путем задержания паводков при помощи гидроэнергетического каскада ГЭС²⁸.

Также Клоповым был озвучен относительно крупный проект, разработанный Гидропроектом СССР, который на сессии упоминался не единожды. Подразумевалось создание и устройство водных соединений Амура с Татарским проливом через оз. Кизи²⁹. Это соединение позволило бы существенным образом сократить расстояние из р. Амур в южные порты на 500 км и увеличило сроки навигации на 1 месяц. Также путь должен был облегчить экспорт советского леса и ввоз на материк сахалинского угля. Приблизненные расчеты Института комплексных транспортных проблем и Гидропроекта установили выгодность и полную окупаемость капиталовложений по проекту³⁰.

Сотрудник Института комплексных транспортных проблем АН СССР Е.В. Болдаков представил на сессии возможно самую крупную транспортную схему. Начиная свой доклад, он отметил, что решение транспортной проблемы бассейна р. Амур находится в тесной взаимосвязи с целями, поставленными на XXI съезде КПСС, где указывалось, что огромное значение для народно-хозяйственного комплекса СССР имеет развитие восточных регионов³¹. Автор абсолютно убежден, что регион (Приамурье) можно считать наиболее развитой

²⁵ Урбански С. За степным фронтиром... С. 342.

²⁶ АРХ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 7. Д. 1. Л. 49.

²⁷ Там же. Л. 72.

²⁸ Там же.

²⁹ Большое Кизи – крупное пресноводное озеро в Ульчском районе Хабаровского края России. Располагается на высоте 6 м над уровнем моря, в правобережье нижнего течения реки Амур; с севера и юга обрамлено невысокими горами.

³⁰ АРХ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 7. Д. 1. Л. 73.

³¹ Там же. Л. 91.

и освоенной частью Дальнего Востока, в которой наличествовал комплекс производственных баз различных отраслей народно-хозяйственного комплекса: заготовка древесины в большом объеме, добыча каменного угля, наличие цветной и черной металлургии, судостроение и развитая рыбная промышленность. Наличие такой объемной производственной базы предусматривало создание эффективной транспортной системы, что позволило бы связать Приамурье с другими регионами СССР³².

В Приамурье на 1959 г. были представлены все виды транспортных связей (железнодорожный транспорт, воздушный, автотранспорт, водный транспорт). Основным автор считал железнодорожный транспорт, который полностью осуществлял транзитные и большую часть межрайонных и внутрирайонных перевозок. Исследователь связывает развитие транспортной системы исключительно с развитием промышленности в регионе. С его точки зрения, строительство *новых железных дорог*, в частности создание железнодорожной линии Бам – Тында – Чульман (длина – 700 км), связано с освоением Чульманского месторождения угля и Алданского месторождения железной руды³³.

Водно-транспортную систему Е.В. Болдаков предлагал развивать по нескольким направлениям: строительство искусственных водных соединений, опять-таки через упомянутый выше водный канал через оз. Кизи – бухту Табо, строительство каскада ГЭС и создание достаточных глубин для транзитного плавания судов основных типов, транспортное освоение малых рек с использованием малотоннажного флота типа суда-контейнеры³⁴.

Докладчик предлагал подготовить рекомендации по совместному (с КНР) использованию речных путей и главным образом р. Амур. Основная задача состояла в выработке общей технической политики в части развития судоходства по пограничным рекам. Необходимо было совместно согласовать размещение пристаней, что позволило бы избежать дублирования в развитии речного хозяйства в приграничье³⁵.

Автотранспорт, с точки зрения автора, должен развиваться за счет реконструкции старых и строительства новых дорожных сетей протяженностью свыше 10 тыс. км. Отмечалась важность постройки дорог протяженностью 4–5 тыс. км, в том числе дорог Улан-Удэ – Чита – Благовещенск (2190 км.) и Благовещенск – Хабаровск (445 км). Предлагалось усилить дорожно-эксплуатационную службу, а также создать крупную территориальную дорожно-строительную организацию в Хабаровске. Е.В. Болдаков считал, что необходимо укрупнять автохозяйства и произвести централизацию их руководства, усилить материально-техническую базу автопарков, а также увеличить количество до 30–40 % от общей численности грузового автопарка³⁶.

Трубопроводный транспорт ввиду своей специфики был особенно связан с развитием промышленности. Предлагалось проложить трубопровод от Иркутска на Дальний Восток с одновременным строительством нефтеперегонного завода в районе Благовещенска. На уровне внешних транспортных связей, до полного решения транспортных проблем между КНР и СССР, предлагалось рассмотреть целесообразность устройства мостового перехода р. Амур в районе Сухотино – Благовещенск. Предлагалось два варианта: с использованием гребней плотин намечаемых гидростанций на Амуре; с пересечением Амура мостом.

Доклад Е.В. Болдакова хорошо иллюстрирует попытки советской власти создать единую транспортную систему на Юге Дальнего Востока для развития промышленности. Взаимосвязь между логистикой и промышленностью здесь наблюдается совершенно наглядно. Исследователь выдвигал ряд предложений по развитию отдельных направлений транспортной системы, которая находится в связке с развитием ТПК в регионе.

В докладе китайского ученого из Института транспорта АН КНР Хуана Цзя-Иня отмечалось развитие речного транспорта провинции Хэйлунцзян во время Большого скачка

³² АРХ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 7. Д. 1. Л. 91.

³³ Там же. Л. 100.

³⁴ Там же. Л. 101.

³⁵ Там же. Л. 98.

³⁶ Там же. Л. 101.

1958 г.³⁷ Исследователь делал акцент на том, что благодаря заключенному между правительствами КНР и СССР соглашению о режиме торгового судоходства и с соблюдением правильности взаимности, равенства, рационального распределения грузопотоков и с учетом интересов судоходных предприятий обеих стран, чтобы обоюдно обеспечить удовлетворительное участие в участие в перевозках, в 1958 г. открылось совместное судоходство по пограничным и смежным с ними рекам. Активная торговля могла вызвать рост экономики обоих государств, а порты, что открылись для импортных грузов, могли снизить нагрузку на грузопоток с советской стороны³⁸.

Доклад сотрудника Гидпроекта СССР Г.Г. Гангардта строился вокруг соединения Татарского пролива с течением Нижнего Амура. Исследователь предлагал создание глубоководного выхода в море, удлинение навигации и сокращение на 400–500 км водного пути до портов Южного Сахалина, Южного Приморья и Японского моря. Особенно эффективным данный проект должен был быть для перевозки леса на Сахалин, основные массивы которого находились в районе Нижнего Амура и оз. Кизи³⁹.

Предполагалось, что создание водного соединения в условиях Семилетнего плана повысит общий грузооборот к 1965 г. по сравнению с 1958 г. в 2,5 раза⁴⁰.

С точки зрения Г.Г. Гангардта, строительство водного соединения потребовало бы для своего возведения финансирование в размере 537 млн руб. и капитальных вложений в размере 452 млн руб.

Оформление единой транспортной системы Юга Дальнего Востока. Исходя из докладов, на уровне гипотезы можно предположить, что в трудах ученых наличествовало представление о единой транспортной системе. Несмотря на то, что доклады отражают разные аспекты логистической сети, они имеют единую линию и взаимосвязаны друг с другом. Об этом свидетельствует наличие перекрестных ссылок на предложения коллег.

Для развития логистики на Юге Дальнего Востока предлагалось создание крупных проектов – Сухотинского гидроузла и водного соединения Нижнего Амура с Татарским проливом (оз. Кизи – б. Табо).

Сухотинский гидроузел, кроме обеспечения советской и китайской сторон р. Амур относительно дешевой энергетикой, за счет постройки каскада ГЭС мог разгрузить автодорожные шоссе и железнодорожные линии. Данный гидроузел в рамках работы «Семилетки» мог увеличить количество грузооборота в 2,5 раза. Тесное взаимодействие на трансграничном пространстве могло дать «политические очки» правительствам обеих стран, а совместное возведение данного проекта могло обогатить специалистов обеих стран опытом.

Создание данного гидроузла могло развить совершенно разные промышленные предприятия народного хозяйства, а также связать их друг с другом. Что, несомненно, впоследствии привело бы к развитию системы железнодорожного и автомобильного транспорта, за развитие которых выступал Е.В. Болдаков.

Предполагалось, что создание водного соединения Нижнего Амура с Татарским проливом сможет быстро окупиться и принесет неоценимую пользу народно-хозяйственному комплексу СССР. Этот проект позволил бы увеличить навигацию, сократить расстояние между портами, а также повысил бы эффективность грузового транзита между портами Дальнего Востока. Транзит, в свою очередь, был бы полезен для развития и роста системы водного транспорта.

В определенном смысле данные проекты можно отнести к так называемым «Стройкам коммунизма» в послевоенное время, хотя следует обратить внимание, что данные «стройки» остались гипотетическими.

О наличии единой транспортной системы в докладах ученых говорят также комплексные предложения по отраслям транспорта. Предлагалось активно развивать суще-

³⁷ «Большой скачок» – экономическая и политическая кампания в Китае с 1958 по 1960 г., нацеленная на укрепление индустриальной базы и резкий подъем экономики страны.

³⁸ АРХ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 7. Д. 1. Л. 309.

³⁹ Там же. Л. 314.

⁴⁰ Там же. Л. 317.

ствующие отрасли: водно-транспортную систему, железнодорожный и автодорожный транспорт, а также трубопроводный транспорт. Развитие этих отраслей транспортной системы позволило бы развивать огромные природные богатства региона, а также привело бы к активному росту ТПК, которые были необходимы для выполнения Семилетнего плана.

Отмечалась важность открытия портов обеих стран вдоль р. Амур для увеличения грузопотока и получения экономической выгоды для народно-хозяйственных комплексов двух стран.

Все эти взаимосвязанные предложения говорят о формировании некоего представления о единой транспортной системе, которая смогла бы объединить уже существующие в регионе ТПК, а также позволила бы возвести новые предприятия для развития народно-хозяйственного комплекса. К сожалению, из-за дальнейшего ухудшения отношений между СССР и КНР большая часть из озвученных на сессии предложений была отложена. Хотя следует обратить внимание, что, например, постройка Зейской ГЭС, которая предлагалась на сессии, была осуществлена.

Заключение. Подводя итог исследованию, можно сделать вывод, что по результатам Амурской комплексной экспедиции учеными на сессии были озвучены научные предложения по созданию транспортной системы Юга Дальнего Востока. Принятый в 1959 г. Семилетний план, который ставил задачу быстрого и комплексного освоения ресурсного потенциала Дальнего Востока, влиял на характер предложений. Транспортная система учеными виделась как комплекс автодорожного, железнодорожного и речного транспорта, который связывает между собой ТПК Приамурья, южные порты материка с Сахалином, а также советскую часть р. Амур с китайской стороной. Предполагалось создание каскада ГЭС на р. Амур не только для развития энергетической инфраструктуры, но и для развития логистики. Значимость Сухотинского гидроузла, кроме усиления внутренней коммуникации на советском Дальнем Востоке, заключалась в соединении советских и китайских железнодорожных путей и шоссе, что значительным образом усилило бы транспортные связи СССР и КНР. Принятый Гидропроектом СССР план по соединению Амура с Татарским проливом мог бы существенным образом снизить расстояние между портами Юга Дальнего Востока и повысить грузооборот между материком и Сахалином. Предложения ученых прямо не артикулировали задачу сформировать единую транспортную систему на Юге Дальнего Востока. Однако имплицитное представление о подобном, безусловно, находилось на сессии. Об этом говорит наличие перекрестных ссылок в докладах ученых, повторы и обсуждение по сути своей одних и тех же проектов и развития одной комплексной системы.

Литература

Антология экономической мысли на Дальнем Востоке. Вып. 5. Региональные экономические исследования в 50-е – 60-е годы XX века / отв. ред. П.А. Минакир. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2012. 224 с.

Белов А.М., Булюкин Д.А., Ли Тун. Экономическая помощь Советского Союза Китаю в 1950-е годы // Вестник Костромского государственного университета. 2019. Т. 25, № 3. С. 52–56.

Исторические проблемы социально-политической безопасности российского Дальнего Востока (вторая половина XX – начало XXI в.). Кн. 1. Дальневосточная политика: стратегии социально-политической безопасности и механизмы реализации / отв. ред. А.С. Ващук. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2014. 360 с.

История Северо-Восточного Китая XVII–XX вв. Кн. 3. Северо-Восточный Китай в 1945–1978 гг. / отв. ред. В.Л. Ларин, Г.П. Белоглазов. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2004. 344 с.

Колосовский Н.Н. Перспективы хозяйства Дальнего Востока // Пространственная экономика. 2008. № 4. С. 120–130.

Маклюков А.В. Экспедиционные исследования энергетических ресурсов бассейна р. Амур 1930–1950-х гг. // Россия и АТР. 2019. № 2. С. 104–117.

Передача технологий из Советского Союза в Китай. 1949–1966. / отв. ред. Бао Оу. СПб.: Нестор-История, 2010. 232 с.

Семенов А.И., Сергеев В.И. Логистика: основы теории: учебник для вузов. СПб.: Союз, 2003. 544 с.

Урбански С. За степным фронтиром: история российско-китайской границы. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 480 с.

Ханин Г.И. Экономическая история России в новейшее время. Новосибирск: НГТУ, 2008. Т. 1: Экономика СССР в конце 30-х годов – 1987 год. 516 с.

Шень Чжухуа. Советские специалисты в Китае (1948–1960). М.: Восточная литература, 2015. 423 с.

References

Bao, Ou (Eds.). (2010). *Peredacha tekhnologiy iz Sovetskogo Soyuzu v Kitay. 1949–1966* [Technology Transfer from the Soviet Union to China. 1949–1966]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya. 232 p.

Belov, A.M., Bulyukin, D.A., Li Tun. (2019). *Ekonomicheskaya pomoshch Sovetskogo Soyuzu Kitayu v 1950-e gody* [The Soviet Union's Economic Assistance to China in the 1950s]. In *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*. Vol. 25, No. 3, pp. 52–56.

Khanin, G.I. (2008). *Ekonomicheskaya istoriya Rossii v noveyshee vremya. Tom 1. Ekonomika SSSR v kontse 30-kh godov – 1987 god* [The Economic History of Russia in Modern Times. Vol. 1. The Economy of the USSR in the Late 30s – 1987]. Novosibirsk, NGTU. 516 p.

Kolosovskiy, N.N. (2008). *Perspektivy khozyaystva Dal'nego Vostoka* [Prospects of the Economy of the Far East]. In *Prostranstvennaya ekonomika*. No. 4, pp. 120–130.

Larin, V.L., Beloglazov, G.P. (Eds.). (2004). *Istoriya Severo-Vostochnogo Kitaya XVII–XX vv. Kniga 3. Severo-Vostochnyy Kitay v 1945–1978 gg.* [The History of Northeast China of the 17th–20th Centuries. Book 3. Northeast China in 1945–1978]. Vladivostok, IIAE DVO RAN. 344 p.

Maklyukov, A.V. (2019). *Ekspeditsionnye issledovaniya energeticheskikh resursov basseyna reki Amur 1930–1950-kh gg.* [Expeditionary Studies of Energy Resources of the Amur River Basin in the 1930s–1950s]. In *Rossiya i ATR*. No. 2, pp. 104–117.

Minakir, P.A. (Ed.). (2012). *Antologiya ekonomicheskoy mysli na Dal'nem Vostoke. Vypusk 5. Regional'nye ekonomicheskie issledovaniya v 50-e – 60-e gody XX veka* [Anthology of Economic Thought in the Far East. Iss. 5. Regional Economic Studies in the 50s – 60s of the 20th Century]. Khabarovsk, IIAE DVO RAN. 224 p.

Semenenko, A.I., Sergeev, V.I. (2003). *Logistika: osnovy teorii: uchebnyk dlya vuzov* [Logistics: Fundamentals of Theory: Textbook for Universities]. St. Petersburg, Soyuz. 544 p.

Shen, Chzhikhua. (2015). *Sovetskie spetsialisty v Kitae (1948–1960)* [Soviet Specialists in China (1948–1960)]. Moscow, Vostochnaya literatura. 423 p.

Urbanski, S. (2023). *Za stepnym frontirom: istoriya rossiysko-kitayskoy granitsy* [Beyond the Steppe Frontier: The History of the Russian-Chinese Border]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 480 p.

Vashchuk, A.S. (Ed.). (2014). *Istoricheskie problemy sotsial'no-politicheskoy bezopasnosti rossiyskogo Dal'nego Vostoka (vtoraya polovina XX – nachalo XXI v.). Kniga 1. Dal'nevostochnaya politika: strategii sotsial'no-politicheskoy bezopasnosti i mekhanizmy realizatsii* [Historical Problems of Socio-Political Security of the Russian Far East (The Second Half of the 20th – Beginning of the 21st Century). Book 1. Far Eastern Policy: Strategies of Socio-Political Security and Mechanisms of Implementation]. Vladivostok, IIAE DVO RAN. 360 p.

М.С. Саламатова*

**ТРАНСФОРМАЦИЯ НАУЧНЫХ ПОДХОДОВ
В НОВЕЙШЕЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
К ИЗУЧЕНИЮ СТАНОВЛЕНИЯ
СОВЕТСКОЙ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ**doi:10.31518/2618-9100-2025-1-9
УДК 94(47).084.5

Выходные данные для цитирования:
Саламатова М.С. Трансформация научных подходов в новейшей отечественной историографии к изучению становления советской избирательной системы // Исторический курьер. 2025. № 1 (39). С. 106–135.
URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-1-09.pdf>

M.S. Salamatova*

**TRANSFORMATION OF SCIENTIFIC APPROACHES
IN THE LATEST DOMESTIC HISTORIOGRAPHY
TO THE STUDY OF THE FORMATION
OF THE SOVIET ELECTORAL SYSTEM**

doi:10.31518/2618-9100-2025-1-9

How to cite:
Salamatova M.S. Transformation of Scientific Approaches in the Latest Domestic Historiography to the Study of the Formation of the Soviet Electoral System // Historical Courier, 2025, No. 1 (39), pp. 106–135.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-1-09.pdf>]

Abstract. A systematic analysis of scientific approaches to the study of the Soviet electoral system has shown that its understanding was carried out within the framework of two distinct periods: the Soviet period, covering the period from the 1920s to the 1980s, and the modern period, represented by studies of the last three decades. Research of the Soviet period was characterized by methodological limitations and a schematic analysis of the problems of Soviet construction, which did not allow going beyond the stereotypical approaches and assessments of the Soviet electoral system and elections that had developed in Soviet social science. Modern scientific research is characterized by a variety of methodological approaches and a significant expansion of the problems studied. The most significant results were achieved in the study of electoral practices that developed in the 1920s; a large-scale reconstruction of the institution of disenfranchisement was carried out. The political moods of the population and the features of the formation of the political culture of Soviet citizens are studied at a new methodological level. Along with the achievements, noticeable gaps remain in the study of electoral practices of the 1930s, understanding of political contexts and their influence on electoral processes, research into the role of institutions and electoral practices in the process of legitimization of the Soviet political regime. The essential features of the Soviet electoral system, the formation and development of its institutions, the mechanism for organizing Soviet election campaigns, the activities of electoral bodies at all levels, the institutions of cassation of elections, norms of representation, holding election meetings and congresses are studied in fragments. The models of behavior of Soviet voters, the reasons for the prevalence of conformist and absentee forms, the ways of their manifestation, and the features of interaction between government representatives and voters require further study.

Keywords: Soviet electoral system, Soviet elections, social scientists, methodological approaches, Soviet historiography, modern historiography.

The article has been received by the editor on 10.11.2024. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Марина Сергеевна Саламатова**, кандидат исторических наук, доцент, Новосибирский государственный университет экономики и управления, Новосибирск, Россия, e-mail: salamatova.m@mail.ru
Marina Sergeevna Salamatova, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia, e-mail: salamatova.m@mail.ru

Аннотация. Системный анализ научных подходов к исследованию советской избирательной системы показал, что ее осмысление проводилось в рамках двух выраженных периодов: советского, охватывавшего период с 1920-х по 1980-е гг., и современного, представленного исследованиями последних трех десятилетий. Для исследований советского периода была характерна методологическая ограниченность и схематический анализ проблем советского строительства, которые не позволили выйти за пределы сложившихся в советском общественном сознании стереотипных подходов и оценок советской избирательной системы и выборов. Для современных научных исследований характерно разнообразие методологических подходов и существенное расширение изучаемой проблематики. Наиболее значимые результаты достигнуты в исследовании электоральных практик, сложившихся в 1920-е гг., проведена масштабная реконструкция института лишения избирательных прав. На новом методологическом уровне изучаются политические настроения населения, особенности формирования политической культуры советских граждан. Наряду с достижениями заметные пробелы остаются в изучении электоральных практик 1930-х гг., осмыслении политических контекстов и их влияния на избирательные процессы, исследовании роли институтов и электоральных практик в процессе легитимации советского политического режима. Фрагментарно изучены сущностные особенности советской избирательной системы, формирование и развитие ее институтов, механизм организации советских избирательных кампаний, деятельность избирательных органов всех уровней, институты кассации выборов, норм представительства, проведения избирательных собраний и съездов. В дальнейшем исследовании нуждаются модели поведения советских избирателей, причины преобладания конформистских и абсентеистских форм, способы их проявления, особенности взаимодействия представителей власти с избирателями.

Ключевые слова: советская избирательная система, советские выборы, обществоведы, методологические подходы, советская историография, новейшая историография.

Статья поступила в редакцию 10.11.2024 г.

Изучение избирательной системы и в более широком смысле электоральной проблематики 1920–1930-х гг. имеет значительную традицию как в советской, так и в современной отечественной историографии. Междисциплинарность и многоаспектность темы позволили обществоведам из различных сфер внести значимый научный вклад в ее исследование. Несмотря на значительный объем работ, в последние десятилетия не проводился сколь-нибудь полный историографический анализ советской электоральной проблематики. В настоящей публикации представлена попытка систематического комплексного обзора современного научного осмысления раннесоветской избирательной системы. Как и при изучении других тем советской истории, исследование советской избирательной системы проводилось в рамках двух выраженных периодов: советского, охватывавшего период с 1920-х по 1980-е гг., и современного, представленного исследованиями последних трех десятилетий.

Объединяющей особенностью советской историографии стало изучение избирательной системы на основе марксистско-ленинской концепции, «классового» подхода интерпретации событий и соответствующей терминологии. Типичным для советской историографии был схематический анализ проблем советского строительства, уклонение от рассмотрения системных проблем функционирования советской избирательной системы, ее роли в политической системе, реально формировавшихся электоральных практик, нарастании имитационных форм при проведении избирательных кампаний и деятельности Советов. Проблемы, если и выявлялись, то объяснялись объективными и труднопреодолимыми факторами становления советской власти и сопротивления «эксплуататорских классов». Для советской

историографии было свойственно гипертрофированное внимание к сюжетам, связанным с классовой борьбой на выборах, и заметное преувеличение ее масштабов, равно как и переоценка активности участия в массовых формах пролетарских слоев города и бедняцких деревни. Одновременно с этим многие институты советской избирательной системы и аспекты избирательных кампаний изучались фрагментарно, через призму руководства коммунистической партии Советами, соотношения социальных групп, классов, классовой борьбы в городе и деревне, к их числу относились институты лишения избирательных прав, неравного, непрямого представительства, институт избирательных органов и собраний, кассации выборов. Поведенческие аспекты населения на избирательных собраниях если и рассматривались, то крайне тенденциозно и в ракурсе классового противостояния¹.

В период перестройки (с конца 1980-х гг.) у общества сформировался острый запрос на переосмысление политической истории страны, роли партийных и советских органов, причин формирования однопартийной модели, альтернатив развития страны после революции и в 1920-е гг. Электоральные сюжеты как часть политической истории также активно переосмысливались профессиональными историками и публицистами². Отличительной особенностью этого периода стал отказ от жестких догматических оценок в рамках «марксистско-ленинской» концепции Советов и выборов, появление плюралистических мнений и оценок. Большое количество защищенных диссертаций и вышедших публикаций свидетельствовали о высоком интересе к переосмыслению политической истории³. Для работ был характерен значительный разброс мнений – от «классовой» апологетики до радикальных разоблачений «административно-командной системы». Многие наблюдения исследователей о формировании механизма власти большевиков, взаимоотношениях партийных и советских органов на выборах, особенностях функционирования различных институтов стали важным шагом для более глубокого концептуального переосмысления советской политической системы в последующий период.

Современный этап историографии охватывает исследования последних трех десятилетий. На этом этапе в научных работах, посвященных выборам, произошла смена методологических подходов, значительно расширилась проблематика. Учитывая междисциплинарную направленность и многоаспектность темы, выделим основные направления, сложившиеся в современной научной литературе: 1) электоральные практики 1920–1930-х гг., включая исследование региональных избирательных кампаний, выборов как части деятельности городских и сельских Советов; 2) применение избирательных цензов, в том числе

¹ Андреев В.П. Руководство Коммунистической партией городскими советами РСФСР (1926–1937). Томск, 1990; Кукушкин Ю.С. Сельские Советы и классовая борьба в деревне (1921–1936 гг.). М., 1968; Куперт Ю.В. Руководство Коммунистической партии общественно-политической жизнью Западно-сибирской деревни в условиях социалистической реконструкции (1926–1937 гг.). Томск, 1982; Лепешкин А.И. Советы – власть трудящихся (1917–1936 гг.). М., 1966; Трифионов И.Я. Классы и классовая борьба в начале нэпа (1921–1925 гг.). Л., 1969.

² Рязанцев Н.П. Перевыборы Советов в общественно-политической жизни советской деревни в середине 20-х годов. Ярославль, 1992; Елисеев В.В. Демократическая и авторитарная тенденция в политической жизни России (1921–1923 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992; Гимпельсон Е.Г. Политическая система и нэп: неадекватность реформ // Отечественная история. 1993. № 2. С. 29–43; Кушнир А.Г. Демократическая альтернатива середины 20-х годов. М., 1989; Леонов С.В. Советская государственность: замыслы и действительность (1917–1920) // Вопросы истории. 1990. № 12. С. 22–38.

³ Бакшеев АН. Опыт и проблемы взаимоотношений Советов и партийных организаций Восточной Сибири. 1921–1925: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1992; Агапцов С.А. Становление партийно-государственной системы власти: историко-политический анализ (Октябрь 1917–1924 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992; Данилов А.А. Партийные организации и сельские Советы Ивановской промышленной области: отношения, проблемы, уроки 1920–1936 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 1990; Грехова Н.Н. Хозяйственно-организаторская деятельность Советов в деревне Вятской и Нижегородской губерний. 1921–1925: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1990; Маннанов М.А. Коммунистическая партия и сельские советы в первой половине 20-х годов: на материалах Башкирии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1990; Панов П.В. Партия большевиков и Советы Урала в годы нэпа (эволюция механизма местной власти): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 1992; Рязанцев Н.П. Перевыборы Советов в общественно-политической жизни советской деревни в середине 20-х годов. Ярославль, 1992; Рудик П.Л. История советского избирательного права (1917–1936): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1991.

практики и последствия лишения избирательных прав как части дискриминационной политики советского государства; 3) формирование однопартийной политической модели и вытеснение большевиками оппозиционных левых партий в ходе послереволюционных избирательных кампаний, роль выборов в контексте советской системы управления и эволюции политической системы; 4) особенности проявления политического и электорального поведения, общественно-политические настроения различных социальных групп в послереволюционный период; 5) становление раннесоветской избирательной системы и ее отдельных институтов.

Одним из первых сюжетов в рамках электоральной проблематики, который исследователи начали переосмысливать в 1990-е гг., стал институт лишения избирательных прав, переживший настоящий «исследовательский бум». Лишение избирательных прав в Советской России в последние два десятилетия многократно становилось предметом диссертационных и монографических исследований Д.В. Валуева, Е.В. Карпычевой, Д.Н. Москаленской, Н.М. Морозовой, М.С. Саламатовой, Т.М. Смирновой, Л.А. Серокуровой, В.И. Тихонова, В.С. Тяжельниковой, И.Ф. Юшина⁴. О популярности тематики свидетельствует общее количество работ: по подсчетам Д.Н. Москаленской, за последние три десятилетия о лишении избирательных прав была издана 281 научная работа⁵.

В процессе изучения проблемы произошло постепенное расширение сюжетов: от общей характеристики лишения избирательных прав как части дискриминационной политики советского государства, состава и численности «лишенцев» к изучению социально-демографических характеристик как «лишенцев» в целом, так и их отдельных групп, процессов адаптации и самоидентификации в советском обществе, отработки механизмов государством инструментов «социальной инженерии».

В работах А.И. Добкина, С.А. Красильникова, Т.И. Славко, В.М. Кириллова в 1990-е гг. дана общая оценка лишения избирательных прав как ограничительно-репрессивной меры советского режима, направленной на дискриминацию широких слоев непролетарского населения города и деревни, меры, ставшей прологом к прямым массовым репрессиям в отношении крестьянства и различных категорий «бывших»⁶.

Значительный вклад в изучение практик лишения прав, формирования и реализации законодательства в отношении лиц, лишенных избирательных прав, внесли работы Д.В. Валуева, П.А. Дуксина, А.П. Килина, Н.М. Морозовой, М.С. Саламатовой, Л.А. Серокуровой. В исследованиях определены этапы формирования и эволюции законодательства об ограничении прав, а также общероссийские и региональные особенности его реализации. Исследователями установлено, что лишение избирательных прав из меры отстранения

⁴ Валуев Д.В. Лишенцы в системе социальных отношений (1918–1936 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2003; Морозова Н.М. Лишение избирательных прав на территории Мордовии 1918–1936 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2005; Тихонов В.И., Тяжельникова В.С., Юшин И.Ф. Лишение избирательных прав в Москве в 1920–1930-е годы. Новые архивные материалы и методы обработки. М., 1999; Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920-е – 1930-е годы). Новосибирск, 2004; Саламатова М.С. Лишение избирательных прав как форма социально-политической дискриминации в середине 1920-х–1936 гг. (на материалах Западной Сибири): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2002; Серокурова Л.А. «Лишенцы» Крымской АССР в контексте социально-экономических и политических процессов (1921–1936 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2010; Смирнова Т.М. «Бывшие люди» Советской России: стратегии выживания и пути интеграции. 1917–1936 годы. М., 2003; Карпычева Е.В. Лишение избирательных прав за занятие частной торговлей по Тверскому региону: 1918–1936 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009; Москаленская Д.Н. Православные священно и церковнослужители-«лишенцы» Западной Сибири в середине 1920-х – середине 1930-х гг.: статус, облик, поведение: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2017.

⁵ Москаленская Д.Н. «Лишенцы» в постсоветской отечественной историографии [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2024. № 1 (33). С. 139–154. URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-1-09.pdf> (дата обращения: 30.11.2024).

⁶ Добкин А.И. Лишенцы 1918–1936 гг. // Звенья. Исторический альманах. М.; СПб., 1992. Вып. 2. С. 600–628; Красильников С.А. На изломах социальной структуры. Маргиналы в послереволюционном российском обществе, 1917 – конец 1930-х годов. Новосибирск, 1998; Славко Т.И. Кулацкая ссылка на Урале 1930–1936 гг. М., 1995; Кириллов В.М. История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала. 1920-е – начало 50-х гг. Нижний Тагил, 1996. Ч. 1: Репрессии 1920–1930-х гг.

от выборов большевиками потенциальных противников в середине 1920-х гг. стало мерой социально-экономического давления на хозяйственно наиболее активные слои непролетарского населения города и деревни методом «социального конструирования»⁷. При этом процедуры лишения прав сопровождались массовыми нарушениями избирательного законодательства, применение дополнительных мер, существенно осложнявших социальную и бытовую жизнь «лишенцев», носило хаотичный характер⁸. Исследователи установили региональные особенности реализации политики в отношении лиц, лишенных прав, наиболее выраженные особенности сложились в национальных районах и на окраинах страны⁹.

Большое внимание в исследованиях о «лишенцах» в последние два десятилетия уделялось реконструкции социально-демографических, экономических характеристик, созданию социального «портрета» на основе массовых источников – личных дел лиц, лишенных избирательных прав¹⁰. В развитие темы изучаются отдельные категории «лишенцев» – «раскулаченные» крестьяне, духовенство, лишенные прав за торговлю и «нетрудовые доходы», различные группы «бывших»¹¹. Выводы исследователей о городских и сельских «лишенцах» существенно расширили представления о непролетарских слоях города и деревни 1920-х гг., их судьбах и жизненных траекториях. Исследователи приходят к выводу, что лишение избирательных прав имело крайне негативные последствия для общества и стало одним из основных способов разрушения традиционных и буржуазных слоев города и деревни, при этом наиболее драматичные последствия лишения гражданских прав были для крестьян, что

⁷ *Килин А.П.* Лишение избирательных прав граждан в 1920–1930-е гг. как инструмент негативной социальной селекции // Книга памяти: Екатеринбург репрессированный 1917 – сер. 1980-х гг. Екатеринбург, 2022. Ч. I. Научные исследования; Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920-е – 1930-е годы). Новосибирск, 2007; *Дуксин П.А.* Лишение избирательных прав граждан по советскому законодательству 20–30-х гг. XX века // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 5. С. 20–23.

⁸ *Валуев Д.В.* Лишенцы в системе социальных отношений (1918–1936 гг.) (на материалах Смоленской губернии и Западной области). Смоленск, 2012; Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920-е – 1930-е годы). Новосибирск, 2004; *Панкратова О.Б., Писанов С.С.* Политика лишения крестьянства избирательных прав в 20-е – 30-е годы XX века и ее последствия // Вестник Костромского государственного университета. 2018. Т. 24, № 3. С. 52–55; *Петрищева Н.С.* «Кулаков разрядов много, а взаправду, кто кулак?»: к вопросу о формировании избирательного законодательства в период «оживления Советов» (на материалах Курской губернии) // Известия Юго-Западного государственного университета. 2012. № 4-1 (43). С. 59–65; *Рупасов А.И.* Лишенные избирательных прав в Ленинграде в 1920-е гг. // Петербургский исторический журнал. 2019. № 2 (22). С. 282–295.

⁹ *Морозова Н.М.* Лишение избирательных прав на территории Мордовии в 1918–1936 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2005; *Саламатова М.С.* «Лишенцы» // Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920–1930-е годы). Новосибирск, 2007. С. 19–99; *Серокурова Л.А.* «Лишенцы» Крымской АССР в контексте социально-экономических и политических процессов: 1921–1936 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2010; *Бердиев З.П.* Репрессивная политика партийно-государственной власти СССР в Карачае и Черкесии. Конец 20-х – 30-е годы XX в. Черкесск, 2023.

¹⁰ *Тихонов В.И., Тяжельникова В.С., Юшин И.Ф.* Лишение избирательных прав в Москве в 1920–1930-е годы. М., 1998; *Красильников С.А., Саламатова М.С., Ушакова С.Н.* Корни или щепки. Крестьянская семья на спецпоселении в Западной Сибири (1930-е – начало 1950-х гг.). Новосибирск, 2008; Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920-е–1930-е годы). Новосибирск, 2007; *Рупасов А.И.* Лишенные избирательных прав в Ленинграде в 1920-е гг. // Петербургский исторический журнал. 2019. № 2 (22). С. 282–295; *Смирнова Т.М.* Лишенцы г. Сергиева: 1920-е годы // Труды ГИМ: Забелинские научные чтения. Вып. 143. М., 2004. С. 205–209.

¹¹ *Байда Е.В.* Социальный портрет лишенного избирательных прав за занятие торговлей // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917–1980-е гг.). Нижний Тагил, 1997. С. 86–95; *Карпычева Е.В.* Лишение избирательных прав за занятие частной торговлей по Тверскому региону: источниковедческое исследование (1918–1936 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009; *Мавлютова З.Ш.* Лишение избирательных прав православного духовенства (на материалах Тюменского и Тобольского округов Уральской области 1920-х годов) // Вестник Челябинского государственного университета. Сер.: История. Вып. 33. 2009. № 23 (161). С. 52–57; *Мазур Л.Н.* Лишение избирательных прав крестьян в 20-е – первой половине 30-х годов (по материалам личных дел) // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917–1980-е гг.). Нижний Тагил, 1997. С. 105–119; *Морозова Н.М.* О лицах, лишенных избирательных прав по религиозным мотивам на территории Мордовии: материалы личных дел 1918–1936 гг. // Ежегодник финноугорских исследований. 2009. № 1. С. 199–205. *Москаленская Д.Н.* Лишение и восстановление в избирательных правах православных церковнослужителей Западной Сибири в середине 1920-х – середине 1930-х гг. // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 403. С. 82–86.

влекло за собой такие репрессивные меры, как конфискация имущества, высылка на спецпоселение, отбывание наказания в тюрьмах и т.д.¹² Новым направлением в исследованиях о лишении избирательных прав стало изучение психологии поведения, стратегий и тактик выживания «лишенцев», способов их адаптации в советском обществе, самоидентификации дискриминированных групп с советским социумом¹³.

В целом в последние три десятилетия изучение лишения избирательных прав вышло за пределы ограничительной меры советской избирательной системы, став совершенно самостоятельной темой, изучаемой в рамках дискриминационной политики большевиков. Несмотря на внушительное число работ о региональных практиках лишения прав, реконструкции «портрета лишенца», изучения их различных категорий, механизмов адаптации в советском социуме, систематического анализа формирования и эволюции института, причин его трансформации, его роли в политической системе советского государства до сих пор ни в исторических, ни в историко-правовых работах не рассмотрено.

В 2000-е гг. предметом самостоятельных исследований становятся региональные избирательные кампании 1920-х гг. В диссертациях Д.М. Корчагина (на материалах Кубано-Причерноморья), А.А. Дмитриевцевой (на материалах Тамбовской губернии), Н.С. Петрищевой (на материалах Курского края) изучены основные региональные особенности избирательных кампаний, механизм взаимодействия власти с населением в ходе выборов в городские и сельские Советы в регионах¹⁴. Д.М. Корчагин, анализируя методы проведения избирательных кампаний, приходит к аргументированному выводу об «административном нажиме на избирателей как главном инструменте конструирования Советов», при этом исследователь считает, что к 1924 г. «формализация и бюрократизация при проведении выборов достигли своего апогея и превратились в упражнение в политической статистике»¹⁵. Отмена выборов 1925 г. привела к паническим настроениям местных советских и партийных работников и «продемонстрировала полную неготовность к участию в выборах с кандидатами от населения на альтернативной основе» и возврату к жестким административным практикам на избирательных собраниях к концу 1920-х гг.¹⁶ При вполне аргументированной позиции автора об этапах и особенностях формирования электоральных практик 1920-х гг. вывод о «прямой фальсификации результатов перевыборов 1928/29 гг., превращении

¹² *Ергина Н.М.* Трагедия Мордовской деревни в отражении судеб крестьян, раскулаченных и лишенных избирательных прав в период ликвидации кулачества как класса // *Экономическая история*. 2016. № 2 (33). С. 56–64; *Панкратова О.Б., Писанов С.С.* Политика лишения крестьянства избирательных прав в 20-е – 30-е годы XX века и ее последствия // *Вестник Костромского государственного университета*. 2018. Т. 24, № 3. С. 52–55; *Куренкова Ю.О.* Лишение избирательных прав как метод давления на крестьян // *Вестник Оренбургского государственного педагогического университета*. 2004. № 4. С. 88–95; *Климук Я.А.* Лишение крестьян избирательных прав как метод политики «раскулачивания» (на материалах ЦХАФ АК) // *Известия Алтайского государственного университета*. 2007. № 4-1. С. 131–135; *Красильников С.А., Саламатова М.С., Ушакова С.Н.* Корни или щепки. Крестьянская семья на спецпоселении в Западной Сибири (1930-е – начало 1950-х гг.). Новосибирск, 2008.

¹³ *Савин А.И.* Письма во власть как специфическая форма политической адаптации советских граждан в 1930-е годы // *Вестник Новосибирского государственного университета*. Сер.: История, филология. 2016. Т. 15, № 8. С. 133–145; *Кожяева А.А.* Речевые практики подражания официальному советскому дискурсу в письмах «лишенцев» во власть (1918–1936 годы) (на материалах Западной Сибири) [Электронный ресурс] // *Исторический курьер*. 2022. № 6 (26). С. 29–38. URL: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-6-02.pdf> (дата обращения: 30.11.2024); *Юнина Е.А.* Лишение избирательных прав как элемент маргинализационных процессов в обществе 1920–1930-х гг. в отражении судеб жителей города Тобольска и Тобольского округа Уральской области (историко-антропологический аспект) // *Манускрипт*. 2020. Т. 13, № 8. С. 64–75.

¹⁴ *Корчагин Д.М.* Советские избирательные кампании 1920-х гг. (на материалах Кубано-Черноморья): дис. ... канд. ист. наук. М., 2003; *Дмитриевцева А.А.* Выборы в Советы в Тамбовской губернии в первое десятилетие советской власти (1917–1928 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2012; *Петрищева Н.С.* Исторические основы и практика реализации избирательных кампаний в органы советской власти в 1920-е гг. (на материалах Курского края): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Белгород, 2013. 21 с.

¹⁵ *Корчагин Д.М.* Советские избирательные кампании 1920-х гг. (на материалах Кубано-Черноморья): дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. С.75.

¹⁶ *Корчагин Д.М.* Советские избирательные кампании 1920-х гг. (на материалах Кубано-Черноморья): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. С. 15.

их в бюрократический ритуал»¹⁷ представляется необоснованным и не соответствовавшим историческим реалиям конца 1920-х гг.

В диссертационных исследованиях А.А. Дмитриевцевой и Н.С. Петрицевой последовательно реконструируются ход и результаты избирательных кампаний на примере черноземных губерний РСФСР: авторы приходят во многом к схожим выводам об основных этапах становления избирательного механизма – формализации избирательного процесса в первой половине 1920-х гг., «взрыву избирательной активности» в ходе повторных выборов и реализации модели «управляемой активности» на выборах второй половины 1920-х гг., основывающейся на компромиссах власти с населением¹⁸.

В.А. Ильных предпринимает исследование избирательных кампаний в годы нэпа на общероссийском уровне, определяя основные тенденции и анализируя их результаты. Обобщение результатов, этапов и форм проведения избирательных кампаний в 1920-е гг. на общероссийском уровне позволяет определить этапы трансформации. В.А. Ильных фиксирует сдвиги от выборов с минимальной поддержкой населения в начале 1920-х гг. к «демократизации функционирования избирательной системы» в 1925 г. и увеличившимся давлением к концу 1920-х гг. Исследователь отмечает, что результаты выборов 1929 г. свидетельствовали о «разбалансировке социально-политической системы нэповской России», избранные сельские органы «превратились в надежных проводников аграрной политики большевистской партии, активно включившись в форсированную коллективизацию и раскулачивание»¹⁹.

В 2000-е гг. появились попытки научного осмысления процесса становления советского избирательного процесса. Так, М.В. Тютюник в диссертационном исследовании анализирует избирательный процесс первой половины 1920-х гг., приходя к выводам «о невозможности восстановления конституционного строя ввиду оформления большевистской монополии на власть» и об «ограничении регионального избирательного процесса горизонтами военно-коммунистической практики»²⁰. Советский избирательный процесс исследователю видится «специфическим феноменом регулируемой советской демократии, в рамках которого подавлялась инициатива массового избирателя, а выборные органы стали конструироваться по заранее заданным параметрам»²¹. Несмотря на ряд интересных наблюдений, многие обобщения и выводы автора о советском избирательном процессе представляются излишне широкими в масштабах РСФСР на основе изучения одного регионального архива.

Изучение региональных практик проведения выборов в Советы в работах О.Н. Леконцева, О.А. Кужбы, В.В. Красникова, С.А. Есикова, В.Б. Безгина, А.А. Сухарева, А.П. Угроватова, А.Н. Юдина, В.В. Иванова существенно расширяет представление о формах и методах взаимоотношений власти с населением в ходе избирательных кампаний, региональных особенностях избирательного процесса и этапах становления электоральных практик²².

¹⁷ Корчагин Д.М. Советские избирательные кампании 1920-х гг. ... С. 17.

¹⁸ Дмитриевцева А.А. Выборы в Советы в Тамбовской губернии в первое десятилетие советской власти (1917–1928 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2012; Петрицева Н.С. Исторические основы и практика реализации избирательных кампаний в органы советской власти в 1920-е гг. ...

¹⁹ Ильных В.А. Выборы в советы в РСФСР в условиях нэпа: особенности и итоги проведения избирательных кампаний в 1922–1929 годах [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2024. № 1 (33). С. 36–48. URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-1-03.pdf> (дата обращения: 30.10.2024).

²⁰ Тютюник М.В. Региональный избирательный процесс и формирование системы местных Советов РСФСР в 1920–1924 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Славянск-на-Кубани, 2009. С. 21.

²¹ Тютюник М.В. Региональный избирательный процесс и формирование системы местных Советов РСФСР в 1920–1924 гг. ...

²² Красников В.В. Выборы местных органов власти в Тамбовской губернии в 1921–1925 гг. // Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII–XX вв.: мат-лы междунар. конф. (май 2002 г.). Тамбов, 2002. С. 483–487; Безгин В.Б. Выборы в Советы первой половины 1920-х годов и абсентеизм сельских обывателей // Избирательное право и избирательный процесс в России: прошлое и настоящее (региональный аспект): мат-лы науч.-практ. конф. . Тамбов, 2000. С. 59–62; Есиков С.А. Выборы в Тамбовской деревне в 1920-е годы // Избирательное право и избирательный процесс в России: прошлое и настоящее (региональный аспект): мат-лы науч.-практ. конф. Тамбов, 2000. С. 57–59; Кужба О.А. Избирательные кампании 1921–1925 гг. // Тверская земля в прошлом и настоящем. Тверь, 1994; Леконцев О.Н.

Значительный вклад в осмысление избирательных кампаний 1920-х гг. внесли исследователи, занимавшиеся изучением деятельности сельских Советов, традиций крестьянского самоуправления. Исследователи рассматривают выборы через призму жизни крестьянской общины, динамику избирательной активности деревни в 1920-е гг. в различных регионах и констатируют сходные электоральные практики, сложившиеся в начале 1920-х гг. Так, О.А. Кужба, исследуя выборы первой половины 1920-х гг. на материалах Тверской и Ярославской губерний, приходит к выводу, что «они проходили в условиях жесткого партийного диктата, под давлением исполнительных органов и низкой активности крестьян». Автор также отмечает отсутствие интереса местных партийных работников в привлечении широкого круга избирателей на выборы из-за недовольства крестьян и высокого уровня протестных настроений²³. В.Б. Безгин, рассматривая выборы в губерниях Центрального Черноземья, показывает сходные с другими регионами тенденции: слабость сельских органов власти, административный нажим и партийный диктат приводили к недоверию к власти, игнорированию участия в выборах в первой половине 1920-х гг. Курс «оживление Советов», по мнению автора, способствовал росту доверия крестьян, расширению социального представительства за счет середняцкой части деревни, сокращению доли коммунистов с 1927 г. Автор отмечает рост напряженности между «коммунистической партией» и сельской общиной, логическим завершением этого противостояния стало уничтожение общины в ходе коллективизации²⁴.

Исследователи сельских органов власти отмечают преемственность дореволюционных органов крестьянского самоуправления и сельских советов и роль избирательных механизмов в формировании сельских советов. А.Н. Юдин рассматривает сельские советы на стыке традиционного общинного самоуправления и государственных институтов, полагая, что избирательный механизм сложился к 1922 г., высказывая дискуссионный тезис о несущественности кризиса 1924 г. для большевиков, поскольку действовала формула «коллективного мандата» и при сильных традициях сельских сходок на выборы являлись только главы хозяйств²⁵. Эта позиция не представляется обоснованной, учитывая острую реакцию руководства страны на рост абсентеизма и последующее повышение активности и интереса крестьян на выборах.

В исследованиях о деятельности городских советов, взаимоотношениях горожан и власти также значительное внимание уделяется особенностям проведения избирательных кампаний в городах 1920-х гг.²⁶ В работах А.В. Гусева, С.А. Папкова, А.А. Сухарева на примере Москвы, Новониколаевска (Новосибирска), Тюмени реконструируется эволюция сложившихся электоральных практик, факторов, оказывавших влияние на их трансформацию, определяются отдельные особенности поведения «организованных» и «неорганизованных» избирателей на избирательных собраниях и взаимоотношений с представителями

Реформы Советов в 1921–1927 годах (На материалах Вотской автономной области и Вятской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук, М., 1995; *Иванов В.В.* Избирательная активность крестьян Приангарья в 1920-е годы // *Климат. Экология. Сельское хозяйство Евразии*. Иркутск, 2020. С. 301–307.

²³ *Кужба О.А.* Деятельность крестьянских Советов Верхневолжья в 1921–1925 гг. (на материалах Тверской и Ярославской губерний): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тверь, 1997. С. 16.

²⁴ *Безгин В.Б.* Традиции и перемены в жизни российской деревни 1921–1928 гг. (по материалам губерний Центрального Черноземья): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 1998. С. 11–12.

²⁵ *Юдин А.Н.* Сельские Советы Тамбовской губернии 1921–1924 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2005. С. 175–176.

²⁶ *Андреев В.П.* Горсоветы в условиях нэпа: пределы и возможности аппаратного реформирования // *Общественно-политическая жизнь Сибири. XX век*. Вып. 8. Новосибирск, 2007. С. 182–194; *Шаяхметова И.З.* Городские советы Башкирской АССР в 1919–1991 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2007; *Красников В.В.* Формирование системы местной власти в 1921–1925 гг. (на материалах Тамбовской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2003; *Тимофеева Л.С., Федорова Н.А.* Казанский городской совет в 1920-е гг. XX в. // *Казанский посад в прошлом и настоящем*. Казань, 2002; *Ткачев В.И.* Формирование советской политической системы, октябрь 1917–1930-е годы (на материалах Поволжья). Саратов, 2005; *Сухарев А.А.* Власть и общество зауральского города в условиях нэпа: 1921–1929 гг. (на материалах Тюмени): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2015; *Ульянова С.Б.* Депутаты городских Советов и их избиратели (исторический опыт Ленсовета 1920-х гг.) // *Вестник ЯрГУ. Сер.: Гуманитарные науки*. 2014. № 1. С. 21.

власти²⁷. А.А. Сухарев приходит к выводу, что в первой половине 1920-х гг. сложились практики жесткого административного давления на горожан, вытеснения любого политического плюрализма, стремление ограничить контингент избирателей лояльными слоями горожан, что «окончательно дискредитировало идею выборов и привело к снижению явки на собрания»²⁸. В качестве фактора, послужившего к пересмотру методов проведения выборов, исследователи называют кризис 1924 г., опасения большевиков утраты власти, приведший к некоторой демократизации электоральных практик, ослаблению давления на горожан, привлечению более широких слоев непролетарского населения на выборы, возможностям избирателей самостоятельно выдвигать кандидатов от собрания, озвучивать критические замечания и требования к власти, не затрагивавших системных основ избирательной системы²⁹. Одновременно исследователи отмечают весьма ограниченные возможности влияния на непролетарское население на выборах, что не позволило преодолеть высокий уровень абсентеизма и протестных настроений «неорганизованных избирателей» к началу 1930-х гг. А.В. Гусев констатирует усиление партийно-государственного контроля над обществом в 1930-е гг. и «формализацию избирательной процедуры, превратившейся в своего рода ритуал периодического выражения лояльности населения действующей власти и ее вождям»³⁰.

Новым направлением в отечественной исторической науке в 1990-е и 2000-е гг. стала политическая психология – ретроспективное изучение массового сознания, политических реакций и настроений, образа власти в представлениях населения. В рамках этого направления исследовались общественно-политические взгляды, настроения различных социальных групп, формирование нового политического языка, особенности политического поведения в послереволюционный период. Для понимания моделей электорального поведения, настроений крестьян и горожан, формировавшихся электоральных практик чрезвычайно ценными являются наблюдения в исследованиях С.В. Ярова, А.Я. Лившина, И.С. Кузнецова, В.П. Булдакова, О.С. Поршневой, В.А. Надеждиной, П.М. Кайбушевой, В.В. Кулачкова³¹. Наиболее масштабное исследование политических настроений рабочих Петрограда и крестьян северо-западных губерний предпринял С.В. Яров, последовательно воссоздав политические настроения, оценки рабочими и крестьянами государственных институтов и партийных структур, оппозиционных партий, этапы становления общественного конформизма в послереволюционные годы. Исследователь приходит к выводу об отсутствии устойчивых политических предпочтений у большинства рабочих Петрограда, сложном переплетении экономических и политических требований, менявшихся ситуативно, при этом симпатии к оппозиционным социалистическим партиям на выборах у рабочих проявлялись чаще всего как неприятие большевистского курса: по мнению исследователя, эти особенности политической

²⁷ Сухарев А.А. Власть и общество зауральского города в условиях нэпа: 1921–1929 годы (на материалах Тюмени): дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2015; Папков С.А. Городское самоуправление Новониколаевска (Новосибирска) в 1920-е годы // Власть и общество в Сибири в XX веке: сб. науч. ст. Новосибирск, 2015. Вып. 6. С. 133–153; Гусев А.В. Выборы в Московский Совет в 1918–1939 // От Московской городской Думы к Моссовету. 1917–1993 гг.: мат-лы науч.-практ. конф. М., 2019. С. 143–152.

²⁸ Сухарев А.А. Состав Тюменского городского Совета в годы нэпа // Казанская наука. 2014. № 9. С. 45.

²⁹ Сухарев А.А. Участие населения в выборах депутатов Тюменского городского совета в годы НЭПа // Вестник РУДН. Сер.: История России. 2015. № 3. С. 21; Гусев А.В. Выборы в Московский Совет в 1918–1939 // От Московской городской Думы к Моссовету. 1917–1993 гг.: мат-лы науч.-практ. конф. М., 2019. С. 143–152.

³⁰ Гусев А.В. Выборы в Московский Совет в 1918–1939 // От Московской городской Думы к Моссовету. 1917–1993 гг.: мат-лы науч.-практ. конф. М., 2019. С. 151.

³¹ Булдаков В.П. Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920–1930 гг. М., 2012; Лившин А.Я. Настроения и политические эмоции в Советской России: 1917–1932 гг. М., 2010; Лившин А.Я., Орлов И.Б. Власть и общество: диалог в письмах. М., 2002; Чураков Д.О. Бунтующие пролетарии: Рабочий протест в Советской России (1917–1930-е гг.). М., 2007; Яров С.В. Пролетарий как политик. Политическая психология рабочих Петрограда в 1917–1923 гг. СПб., 1999. Яров С.В. Человек перед лицом власти. 1917–1920-е гг. М., 2014; Надеждина В.А., Кайбушева П.М. Эволюция общественно-политических настроений рабочих и крестьянства Оренбургской губернии в годы НЭПа (1921–1929 гг.). Уфа, 2010; Кулачков В.В. Крестьянство Западного региона России в 1920-е гг. (социокультурные изменения). Брянск, 2014.

психологии обусловили становление однопартийной политической системы и ликвидацию оппозиционных партий³².

А.Я. Лившин также приходит к выводу о «противоречивости, фрагментации общественных настроений, их усложнении и мозаичности, обусловленных противоречивостью политики большевистского режима» – по мнению исследователя, для послереволюционного массового сознания было характерно «два сходных по интенсивности, но разнонаправленных процесса: подъем утопичности и мифологизации картины мира, а с другой стороны – усиление прагматических и рациональных элементов сознания как реакции на насилие против личности и нарушение прав собственности»³³.

И.С. Кузнецов исследовал взгляды крестьян на социально-имущественные различия, в значительной степени определявших отношения общественных групп в деревне, сделав вывод о противоречивом отношении крестьян к определению социальных групп крестьянства, критериям определения «кулака», негативному отношению крестьян по превращению бедняцко-батрацких слоев в политический авангард, выдвиганию их в советские органы власти³⁴.

В развитие работ о ретроспективной социально-политической психологии в 2000-е гг. появились исследования об электоральном поведении различных социальных групп. Так, в работах Н.В. Офицеровой изучаются основные поведенческие политические стратегии горожан в 1920-е гг.: автор приходит к выводу о «расширении проявлений политической апатии во второй половине 1920-х гг.», обусловленном «формированием однопартийной системы и ужесточением политического контроля», сложности проявления открытых протестных форм и постоянном нарушении избирательных норм организаторами выборов³⁵. В исследованиях А.В. Баранова, В.В. Кулачкова и Т.В. Ченской реконструируются политические настроения крестьян, их требования, причины и особенности абсентеизма сельских избирателей³⁶. В.В. Кулачков, проанализировав тематику и наказания избирательных собраний, приходит к выводу, что крестьяне «оживлялись и проявляли активность лишь в тех случаях, когда происходящие процессы или события затрагивали их личные интересы, вопросы о международном положении, смене политического курса интересовали крестьян постольку, поскольку это связывается с вопросом об их собственном хозяйстве»³⁷. Истоки крестьянского абсентеизма исследователь усматривает в особенностях сельского образа жизни и в сфере социальной психологии – «патриархальных представлениях большинства крестьян и неготовности к осознанному участию в политической жизни»³⁸.

Т.В. Ченская, выявляя тенденции изменения настроений крестьянства Орловской губернии на избирательных собраниях, отмечает «смену позитивного настроения в 1926 г. на негативное отношение к советской политике в деревне, рост оппозиционных настроений, недоверия к власти в кампанию 1929 г.», предполагая, что изменения в настроениях были спровоцированы действиями власти, направленными на создание социального напряжения

³² Яров С.В. Человек перед лицом власти... С. 370–371.

³³ Лившин А.Я. Настроения и политические эмоции в Советской России... С. 179.

³⁴ Кузнецов И.С. Богатые и бедные: взгляды сибирского крестьянства 1920-х гг. на социальные различия // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2002. Т. 1. Вып. 3. С. 55–62; Кузнецов И.С. На пути к «великому перелому». Люди и нравы сибирской деревни 1920-х гг. (психоисторические очерки). Новосибирск, 2001.

³⁵ Офицорова Н.В. Апатия как жизненная стратегия городского населения на выборах второй половины 1920-х гг. // Власть. 2014. № 5. С. 145–148.

³⁶ Ченская Т.В. Крестьянские настроения в период перевыборов в Советы 1926, 1929 гг. (на примере Орловской губернии/области) // XX век и Россия: общество, реформы, революции. Вып. 4. Самара, 2016. С. 44–55; Кулачков В.В. Абсентеизм в настроениях крестьянства Западного региона России 1920-х гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 1 (39). С. 107–109; Баранов А.В. Политические настроения земледельцев казачьего Юга России в условиях «расширения» НЭПа 1924–1926 гг. (по материалам информационных сводок ОГПУ) // Новейшая история России. 2013. № 3. С. 112–125.

³⁷ Кулачков В.В. Крестьянство Западного региона России в 1920-е гг. (социокультурные изменения). Брянск, 2014. С. 142.

³⁸ Кулачков В.В. Крестьянство Западного региона России в 1920-е гг. ... С. 141.

в деревне³⁹. А.В. Баранов, В.В. Касьянов и Ю.А. Яхутль фиксируют поляризацию политических настроений крестьянства и казачества, обострение социального напряжения на выборах на Дону и Кубани, вызванного массовой отменой выборов⁴⁰. Последняя, по мнению А.В. Баранова, привела к «самоорганизации оппозиции на местном уровне», при этом, по мнению исследователя, «политические настроения земледельцев Юга России 1920-х годов формировались вследствие трех взаимосвязанных конфликтов: между сельским населением в целом и партийно-государственной властью, между этнословными группами, между социально-имущественными слоями хлеборобов»⁴¹.

Отдельные сюжеты, затрагивающие выборы в Советы и избирательную систему, исследовались в контексте советской системы управления и эволюции политической системы. В диссертационных исследованиях В.В. Красникова, В.Г. Бициохи, Е.В. Булюлиной, Л.А. Зверевой, И.А. Перфильевой, Е.В. Туфанова, В.Н. Письменова, И.М. Федоровой анализируется становление государственной и партийной системы в различных регионах: авторы приходят во многом к сходным выводам о процессе сращивания партийного и государственного аппарата и формирования «единого партийно-советского аппарата»⁴². Процесс «перетекания власти от Советов к партии» начался в 1918 г. и в разных регионах имел свои особенности, но распределение власти было одинаковым: «за партийными органами закрепились функции общего руководства, контроля, инспектирования, назначения и перемещения руководящих кадров Советов. Советы всех уровней объединяли деятельность всех государственных учреждений в пределах своей территории»⁴³. Большинство исследователей оценивают роль выборов в формировании Советов как несамодостаточную, считая доминирующим партийно-административный способ замещения должностей.

Оценивая влияние колебаний партийного курса на советскую систему управления, В.В. Красников и В.Г. Бициоха рассматривают «оживление» Советов и массовую отмену выборов как попытку «предотвратить сращивание советского и партийного аппарата» и расширить поддержку власти населением, которая в итоге не увенчалась успехом, привела к существенному ослаблению позиций коммунистов на местах и массовому недовольству местных советских и партийных работников и «предопределила сворачивание курса на демократизацию системы управления»⁴⁴. Л.А. Зверева отмечает слабое участие населения в выборах и деятельности Советов, причины которого видит в «отсутствии демократических традиций в дореволюционной России» и «системе административного и партийного давления на населения»: относительно попыток демократизации избирательной системы на Ставрополье автор констатирует обострение социальных конфликтов, «резкое сокращение в селах влияния коммунистов», что, как и в других регионах, вызвало недовольство местных партийных работников, вследствие чего «на Ставрополье акцент был смещен на бедняцко-батрацкие кадры села»⁴⁵. В.Н. Письменов опровергает мнение о «формальном характере избирательных кампаний» в Курской губернии, отмечая высокую степень вовлеченности

³⁹ Ченская Т.В. Крестьянские настроения в период перевыборов в Советы... С. 54.

⁴⁰ Яхутль Ю.А., Касьянов В.В. Курс «лицом к деревне» как проявление противоречий НЭПа в 1924–1926 гг. (по материалам Дона и Кубани) // Вестник РУДН. Сер.: История России. 2020. № 19. С. 413.

⁴¹ Баранов А.В. Политические настроения земледельцев казачьего Юга России... С. 121.

⁴² Красников В.В. Формирование системы местной власти... С. 20; Туфанов Е.В. Формирование советской политической системы в 1917–1920 гг.: на примере Рязанской губернии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2010; Бициоха В.Г. Формирование советской политической системы: региональный аспект Октябрь 1917 – середина 20-х гг. (на материалах Саратовской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2010; Федорова И.М. Местный партийно-советский аппарат в первой половине 20-х годов: формирование, социальный облик. По материалам Калужской, Тульской, Смоленской губерний: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2001; Письменов В.Н. Органы управления Курской губернии: Механизм формирования и подбор кадров, 1920–1928 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2001. Булюлина Е.В. Формирование и деятельность местных органов государственной власти и управления в Нижнем Поволжье. 1917–1928 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Волгоград, 2012; Перфильева И.А. Становление и эволюция государственного аппарата власти и управления Забайкалья в 1922–1936 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2007; и др.

⁴³ Булюлина Е.В. Формирование и деятельность местных органов государственной власти и управления... С. 25.

⁴⁴ Красников В.В. Формирование системы местной власти... С. 20; Бициоха В.Г. Формирование советской политической системы... С.16.

в них партийных и советских органов, анализируя составы Советов различных уровней, приходит к выводу о наибольшей «прогнозируемости и управляемости» уездных и губернских съездов, в то же время «наиболее напряженная и непредсказуемая ситуация складывалась на выборах в сельские Советы и на волостных съездах Советов»⁴⁶.

В исследованиях Е.Г. Гимпельсона, В.А. Шишкина, С.А. Павлюченкова, Г.Л. Олеха и других историков о становлении советской политической системы, сущности политического режима, хотя специально не изучаются электоральные сюжеты, обсуждаются важные аспекты, связанные с влиянием экономических мер на советскую политическую систему, механизмы принятия общеполитических решений, влияния внутрипартийной борьбы на внутривластный курс, способствующие более глубокому пониманию контекстов становления и развития советской избирательной системы⁴⁷.

В развитие темы становления советской политической системы, причин колебания политического курса и его влияния на избирательные процессы проводились исследования Т.И. Морозовой, Ю.А. Яхутлем, В.В. Касьяновым, А.В. Барановым⁴⁸. Современные исследователи переосмысливают причины принятия руководством страны решения о массовой кассации выборов в 1924 г., влиянии внутрипартийной борьбы на отмену выборов, реакции населения и советских управленцев на принятые решения. В отличие от позиции специалистов-крестьяноведов, считающих недовольство крестьян и низкую явку на выборы первопричиной политических изменений, Т.И. Морозова видит основную причину массовой отмены выборов «в состоянии “верхов” правившей РКП(б)», реализации «политического эксперимента» членами Политбюро ЦК ВКП(б), составлявших второй эшелон элиты и получивших шанс на реализацию своих идей в ходе внутрипартийной борьбы⁴⁹. А.В. Баранов, Ю.А. Яхутль, В.В. Касьянов также придерживаются позиции о значимом влиянии внутрипартийной борьбы на принятие решения о массовой отмене выборов. Исследуя процесс отмены выборов на Дону и Кубани, Ю.А. Яхутль и В.В. Касьянов отмечают, что «отмена выборов в южно-российской деревне спровоцировала обострение социальных противоречий»⁵⁰. По мнению авторов, острые конфликты и антибольшевистские настроения казаков и крестьян «угрожали разрушить монополию большевистской партии на власть», привели к огромному недовольству местных управленцев, что впоследствии привело к ужесточению экономического и политического курса страны⁵¹.

Аспекты, связанные с устойчивостью советского политического режима и выражением доверия населения на выборах, обсуждаются в дискуссионной статье Б.Н. Миронова⁵². По мнению исследователя, данные электоральной статистики хотя и имеют недостатки,

⁴⁵ Зверева Л.А. Становление и развитие органов государственной власти на Ставрополье (декабрь 1917–1929 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ставрополье, 2002.

⁴⁶ Письменов В.Н. Органы управления Курской губернии... С. 18.

⁴⁷ Гимпельсон Е.Г. НЭП и советская политическая система. М., 2000; Гимпельсон Е.Г. Становление и эволюция советского государственного аппарата управления, 1917–1930. М., 2003; Леонов С.В. Рождение советской империи: государство и идеология, 1917–1922 гг. М., 1997; Павлюченков С.А. Экономический либерализм в пределах политического плюрализма // Россия нэповская. М., 2002; Павлюченков С.А. Орден меча: партия и власть после революции, 1917–1929 гг. М., 2008; Шишкин В.А. Власть. Политика. Экономика. После-революционная Россия (1917–1928 гг.). СПб., 1997; Кружников В.М. Политические конфликты в первое десятилетие советской власти (на материалах Урала). Тюмень, 2000; Олех Г.Л. Партийная машина РКП(б) в начале 20-х гг.: Устройство и функционирование. Новосибирск, 1992.

⁴⁸ Морозова Т.И. «Предоставление... прав широкой демократии» или «определенный маневр коммунистов»? Перевыборы сельских советов в Сибири (октябрь 1924–март 1925 года) [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2024. № 1 (33). С. 49–63. URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-1-04.pdf> (дата обращения: 30.11.2024); Яхутль Ю.А., Касьянов В.В. Курс «лицом к деревне»... С. 403–417; Баранов А.В. Политические настроения земледельцев казачьего Юга России... С. 112–125; Баранов А.В. Социальное и политическое развитие Северного Кавказа в условиях новой экономической политики. СПб., 1996; Баранов А.В. Тенденции гражданского примирения в политических реформах «расширения» 1924–1926 гг. на Юге России // Научная мысль Кавказа. 2013. № 3. С. 55–62.

⁴⁹ Морозова Т.И. «Предоставление... прав широкой демократии»... С. 61.

⁵⁰ Яхутль Ю.А., Касьянов В.В. Курс «лицом к деревне»... С. 413.

⁵¹ Баранов А.В. Политические настроения земледельцев казачьего Юга России... С. 413.

⁵² Миронов Б.Н. О нелегитимности советской власти // Новейшая история России. 2022. Т. 12, № 1. С. 8–38.

но «официальные сведения о явке и голосовании заслуживают доверия», и на основании этих данных делается вывод, что «в 1918–1929 гг. большинство избирателей (а в 1931–1989 гг. не менее 83 %) были лояльны советской власти, доверяли коммунистам, общему курсу и текущей политике» и в целом «советская власть отвечала главным критериям легитимности»⁵³. Как представляется, при интересной постановке проблемы о «легитимности» советской власти и необходимости его дальнейшего исследования сам подход Б.Н. Миронова к легитимности как к обсуждению явки на выборах является очевидно упрощенным. Даже в устойчивых демократических режимах с развитой многопартийной системой исследователи не сводят легитимность политического режима исключительно к явке на выборах, которая является скорее одним из маркеров легитимности⁵⁴. Открытым остается в исследовании вопрос о тождественности легитимности и высокой явке на безальтернативных выборах, хотя автор признает, что в 1920-е гг. (при наличии альтернативы с кандидатами от населения) уровень поддержки коммунистов был существенно ниже, чем в последующие периоды⁵⁵.

Отдельные сюжеты, связанные с участием партий в первых советских избирательных кампаниях, методами борьбы большевиков с оппозицией, использовавшимися в ходе первых советских избирательных кампаний, исследовались в рамках работ об истории левых оппозиционных партий в послереволюционные годы, противостоянии оппозиции большевикам. Наиболее масштабные исследования проведены об уходе с политической арены двух крупнейших социалистических партий – эсеров и меньшевиков⁵⁶. В исследованиях К.Н. Морозова, С.А. Сулова, Л.М. Овруцкого, Н.Д. Ерофеева изучалась не только история оппозиционных партий в послеоктябрьский период, но и особенности личностных взаимоотношений представителей правящей и оппозиционных партий, политической психологии населения, выбора партий в революционную эпоху⁵⁷. Очевидно, что сюжеты, связанные с противостоянием большевиков и оппозиционных партий, существенно шире их участия в избирательных кампаниях, но они значимы для понимания формирования однопартийной политической системы, становления советских электоральных практик, механизма советской избирательной системы.

В современных историко-правовых исследованиях в значительной степени утрачен интерес к советской избирательной системе, ее изучение проводится в рамках общих обзорных работ, посвященных развитию избирательной системы и права (или их отдельных институтов) России XX в.⁵⁸ Наиболее заметными стали исследования коллектива авторов под руководством Ю.А. Веденеева и В.Н. Белоновского, в которых проанализированы основные

⁵³ *Миронов Б.Н.* О нелегитимности советской власти... С. 29.

⁵⁴ *Катасонов А.В.* Методологические аспекты проблемы легитимности политического господства в социологической модели Макса Вебера // *Вестник МГУ. Сер. 18: Социология и политология.* 1998. № 1; *Керимов А.А.* Легитимность политической власти: проблемы дефиниции и основные теоретические модели // *Известия Уральского федерального университета. Сер. 3: Общественные науки.* 2015. № 1 (137). С. 81.

⁵⁵ *Миронов Б.Н.* О нелегитимности советской власти... С. 14–17.

⁵⁶ *Меньшевики в большевистской России. 1918–1924* // *Меньшевики в 1918 г. М., 1999. Т. 1; Меньшевики в большевистской России. 1918–1924* // *Меньшевики в 1919–1920 гг. М., 2000. Т. 2; Меньшевики в большевистской России. 1918–1924* // *Меньшевики в 1921–1922 гг. М., 2002. Т. 3; Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь-август 1922 г.). Подготовка. Проведение. Итоги: сб. док-тов. М., 2002.*

⁵⁷ *Яров С.В.* Человек перед лицом власти...; *Морозов К.Н.* Судебный процесс социалистов-революционеров. Тюремное противостояние (1922–1926): Этика и тактика противоборства. М., 2005; *Сулов А.Ю.* Социалисты-революционеры в Советской России: источники и историография. Казань, 2007.

⁵⁸ *Белоновский В.Н.* Электоральное право Российской Федерации. М., 2010; *Новиков Ю.А.* Избирательная система России: 90 лет истории. М., 1996; *Володькина Е.А.* Институт отмены (переноса) выборов в российской избирательной системе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011; *Лисовский С.Ф., Евстафьев В.А.* Избирательные технологии: история, теория, практика. М., 2000; *Журавлев В.П., Фортунатов В.В.* Избирательная система и выборы в РСФСР в 1937–1987 годах // *Журнал о выборах.* 2014. № 1. С. 39–49; *Иванченко А.В., Курицын В.М.* Российское народовластие: уроки истории. М., 2005; *Кузьменко С.Г.* Первая избирательная система РСФСР: предпосылки появления и основные принципы // *Актуальные проблемы российского права.* 2007. № 2. С. 16–22; *Герасименко Т.В.* Принципы выборов в советской избирательной системе // *Вестник Алтайской академии экономики и права.* 2011. № 1. С. 78–81.

особенности раннесоветской избирательной системы в контексте становления и эволюции российской электоральной системы в XIX–XX вв., проведен обзорный анализ избирательного законодательства. Исследователи приходят к выводу, что, несмотря на определенные достижения советской избирательной системы, они «не были последовательно демократичными», предполагая большое количество ограничений круга избирателей и избирательных процедур, также авторы отмечают «узость предметной сферы правового регулирования» – за его пределами оказывались «многие стороны избирательного процесса, связанные с гарантиями избирательных прав граждан, альтернативностью выборов, статусом избирательных комиссий, определением округов, выдвижением кандидатов, предвыборной агитацией»⁵⁹.

А.А. Веняминава рассматривает избирательный процесс 1920-х гг. в контексте развития советской избирательной системы, продолжая во многом традиции советского государственоведения, и делает вывод, что в 1917–1936 гг. была создана «принципиально новая избирательная система формирования представительных органов власти в Советском государстве, обеспечившая политическое лидерство большевиков в высшем органе представительной власти страны путем конституционного закрепления политического неравенства различных социально-профессиональных групп»⁶⁰. При исследовании стадий советского избирательного процесса А.А. Веняминава выделяет пять основных стадий советского избирательного процесса (назначение выборов, образование избирательных комиссий и составление списков избирателей, выдвижение кандидатов, предвыборная агитация, голосование и определение результатов) и приходит к выводу о «недостаточной дифференцированности и неполной системе стадий избирательного процесса»⁶¹. Отдельные сюжеты, связанные со становлением основ советской избирательной системы, проводятся в немногочисленных работах, посвященных изучению первой советской Конституции 1918 г.⁶²

В рамках историко-юридических исследований наибольшее развитие получила тема становления избирательных органов в советские годы. В работах А.В. Иванченко, Д.В. Кудряковой, М.С. Савченко, П.Ю. Ермошина изучены особенности становления института избирательных комиссий в советский период, их полномочий. Правоведами проанализировано законодательство, регламентирующее составы и деятельность избирательных комиссий, этапы становления института в широком временном контексте существования российского и советского государства: исследователи приходят к выводу о преемственности советского и современного института избирательных комиссий⁶³.

Однако для большинства современных историко-правовых работ, посвященных анализу советской избирательной системы и права, характерен достаточно поверхностный обзорный характер: в них не дана содержательная оценка избирательным институтам, существенным особенностям и процессу становления советского избирательного законодательства, практикам его применения, преимущественно авторы ограничиваются констатацией основных принципов и особенностей советской избирательной системы.

Подводя итоги современного этапа историографического изучения советской избирательной системы, ее институтов и электоральных практик, отметим, что за последние три десятилетия достигнуты впечатляющие достижения по большинству направлений. Наиболее значимые результаты достигнуты в исследовании электоральных практик, сложившихся

⁵⁹ Белоновский В.Н. Электоральное право Российской Федерации... С. 24; Иванченко А.В. Избирательные комиссии в Российской Федерации: история, теория и практика. М., 1996.

⁶⁰ Веняминава А.А. Избирательный процесс в советском государстве: 1917 – начало 1990-х гг.: автореф. дис... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008. С. 12.

⁶¹ Веняминава А.А. Избирательный процесс в советском государстве... С. 19.

⁶² Плотников А.А. Конституция РСФСР 1918 г. (Историко-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.

⁶³ Кудрякова Д.В. Правовые основы деятельности избирательных комиссий в российском государстве в дореволюционный и советский периоды: автореф. дис... канд. юрид. наук. Краснодар, 2013; Кудрякова Д.В., Савченко М.С. Правовые основы деятельности избирательных комиссий в российском государстве в дореволюционный и советский периоды. Краснодар, 2016. С. 81–92; Ермошин П.Ю. Правовой статус Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. М., 2021; Иванченко А.В. Избирательные комиссии в Российской Федерации...

в 1920-е гг., на примере различных регионов определены этапы их формирования, формы и методы взаимоотношений власти с населением на выборах, региональные особенности складывавшихся практик. За последние три десятилетия усилиями обществоведов проведена масштабная реконструкция института лишения избирательных прав, исследованы основные характеристики ограничительной меры, особенности ее применения в различных регионах, изучена динамика состава и численности «лишенцев», их социально-демографические характеристики, процессы адаптации и самоидентификации в советском обществе дискриминированной группы. Существенно расширилась изучаемая проблематика, началось исследование тем, связанных с сущностными особенностями советской политической системы и роли в ней выборов, особенностями процесса советской легитимации власти, причинами изменения политического курса и влияния на избирательные процессы, участием оппозиционных партий в первых советских избирательных кампаниях, методами борьбы большевиков с оппозицией. На новом методологическом уровне изучаются политические настроения населения, особенности формирования политической культуры советских граждан, некоторый задел сделан и в исследовании электорального поведения избирателей.

Наряду с достижениями заметные пробелы остаются в изучении электоральных практик 1930-х гг., обобщении электоральных практик 1920–1930-х гг. на общероссийском уровне. Отметим региональную неравномерность в их изучении. Вполне исчерпывающе изучены практики в Черноземье, на Дону, Кубани, в некоторых регионах Сибири, Урала, столицах. В дальнейшем исследовании нуждаются модели поведения советских избирателей, причины преобладания конформистских и абсентеистских форм, способы их проявления, особенности взаимодействия представителей власти с избирателями. Также перспективным направлением для будущих исследований представляется осмысление политических контекстов и их влияния на избирательные процессы, исследования роли институтов и электоральных практик в процессе легитимации советского политического режима. Фрагментарно изучены сущностные особенности советской избирательной системы, формирование и развитие ее институтов, механизм организации советских избирательных кампаний, деятельность избирательных органов всех уровней, институты кассации выборов, норм представительства, проведения избирательных собраний и съездов. В целом в исторических исследованиях наиболее заметны достижения при использовании традиционной методологии исторической науки, гораздо хуже изучены междисциплинарные сюжеты, требующие применения методологии смежных общественных наук – социальной психологии, политологии и юриспруденции.

Литература

Агапцов С.А. Становление партийно-государственной системы власти: историко-политический анализ (Октябрь 1917–1924 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992. 23 с.

Андреев В.П. Руководство Коммунистической партией городскими советами РСФСР (1926–1937). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1990. 227 с.

Андреев В.П. Горсоветы в условиях нэпа: пределы и возможности аппаратного реформирования // *Общественно-политическая жизнь Сибири. XX век. Вып. 8.* Новосибирск, 2007. С. 182–194.

Байда Е.В. Социальный портрет лишенного избирательных прав за занятие торговлей // *История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917–1980-е гг.).* Нижний Тагил: Нижнетагил. гос. пед. ин-т, 1997. С. 86–95.

Бакшеев А.Н. Опыт и проблемы взаимоотношений Советов и партийных организаций Восточной Сибири. 1921–1925: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1992. 24 с.

Баранов А.В. Социальное и политическое развитие Северного Кавказа в условиях новой экономической политики (1921–1929 гг.). СПб.: Нестор, 1996. 353 с.

Баранов А.В. Тенденции гражданского примирения в политических реформах «расширения» 1924–1926 гг. на Юге России // *Научная мысль Кавказа.* 2013. № 3. С. 55–62.

Баранов А.В. Политические настроения земледельцев казачьего Юга России в условиях «расширения» НЭПа 1924–1926 гг. (по материалам информационных сводок ОГПУ) // Новейшая история России. 2013. № 3 (8). С. 112–125.

Безгин В.Б. Традиции и перемены в жизни российской деревни 1921–1928 гг. (по материалам губерний Центрального Черноземья): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 1998. 16 с.

Безгин В.Б. Выборы в Советы первой половины 1920-х годов и абсентеизм сельских обывателей // Избирательное право и избирательный процесс в России: прошлое и настоящее (региональный аспект): мат-лы науч.-практ. конф. Тамбов: Тамб. гос. тех. ун-т, 2000. С. 59–62.

Белоновский В.Н. Электоральное право Российской Федерации. М.: РГГУ, 2010. 1079 с.

Белоновский В.Н., Кальгина А.А. Правовое положение лишенцев и степень их угрозы советской власти // Образование. Наука. Научные кадры. 2014. № 3. С. 15–19.

Бердиев З.П. Репрессивная политика партийно-государственной власти СССР в Карачае и Черкесии. Конец 20-х – 30-е годы XX в. Черкесск: КЧИГИ, 2023. 527 с.

Бицоха В.Г. Формирование советской политической системы: региональный аспект. Октябрь 1917 – середина 20-х гг. (на материалах Саратовской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2010. 22 с.

Булдаков В.П. Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920–1930 гг. М.: РОССПЭН, 2012. 756 с.

Булюлина Е.В. Формирование и деятельность местных органов государственной власти и управления в Нижнем Поволжье. 1917–1928 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Волгоград, 2012. 45 с.

Валуев Д.В. Лишенцы в системе социальных отношений (1918–1936 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2003. 23 с.

Валуев Д.В. Лишенцы в системе социальных отношений (1918–1936 гг.) (на материалах Смоленской губернии и Западной области). Смоленск: Маджента, 2012. 155 с.

Венямина А.А. Избирательный процесс в советском государстве: 1917 – начало 1990-х гг.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008. 29 с.

Володькина Е.А. Институт отмены (переноса) выборов в российской избирательной системе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. 25 с.

Герасименко Т.В. Принципы выборов в советской избирательной системе // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2011. № 1 (19). С. 78–81.

Гимпельсон Е.Г. Политическая система и нэп: неадекватность реформ // Отечественная история. 1993. № 2. С. 29–43.

Гимпельсон Е.Г. Формирование советской политической системы: 1917–1923 гг. М.: Наука, 1995. 229 с.

Гимпельсон Е.Г. НЭП и советская политическая система. М.: Ин-т рос. истории РАН, 2000. 437 с.

Гимпельсон Е.Г. Становление и эволюция советского государственного аппарата управления. 1917–1930. М.: Ин-т рос. истории РАН, 2003. 224 с.

Грехова Н.Н. Хозяйственно-организаторская деятельность Советов в деревне Вятской и Нижегородской губерний. 1921–1925: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1990. 16 с.

Гусев А.В. Выборы в Московский Совет в 1918–1939 // От Московской городской Думы к Моссовету. 1917–1993 гг.: мат-лы науч.-практ. конф. М.: Московская городская дума, 2019. С. 143–152.

Данилов А.А. Партийные организации и сельские Советы Ивановской промышленной области: отношения, проблемы, уроки 1920–1936 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 1990. 20 с.

Дмитриевцева А.А. Выборы в Советы в Тамбовской губернии в первое десятилетие советской власти (1917–1928 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2012. 25 с.

Добкин А.И. Лишенцы 1918–1936 гг. // Звенья. Исторический альманах. М.; СПб.: Феникс; Atheneum, 1992. Вып. 2. С. 600–628.

Дуксин П.А. Лишение избирательных прав граждан по советскому законодательству 20–30-х гг. XX века // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 5. С. 20–23.

Елисеев В.В. Демократическая и авторитарная тенденция в политической жизни России (1921–1923 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992. 24 с.

Ергина Н.М. Трагедия Мордовской деревни в отражении судеб крестьян, раскулаченных и лишенных избирательных прав в период ликвидации кулачества как класса // Экономическая история. 2016. № 2 (33). С. 56–64.

Ермошин П.Ю. Правовой статус Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. Казань: Бук, 2020. 202 с.

Есиков С.А. Выборы в Тамбовской деревне в 1920-е годы // Избирательное право и избирательный процесс в России: прошлое и настоящее (региональный аспект): мат-лы науч.-практ. конф. Тамбов: Тамб. гос. тех. ун-т, 2000. С. 57–59.

Журавлев В.П., Фортунатов В.В. Избирательная система и выборы в РСФСР в 1937–1987 годах // Журнал о выборах. 2014. № 1. С. 39–49.

Зверева Л.А. Становление и развитие органов государственной власти на Ставрополье (декабрь 1917 – 1929 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ставрополье, 2002. 26 с.

Иванов В.В. Избирательная активность крестьян Приангарья в 1920-е годы // Климат. Экология. Сельское хозяйство Евразии. Иркутск: Иркутский гос. агр. ун-т, 2020. С. 301–307.

Иванченко А.В. Избирательные комиссии в Российской Федерации: история, теория и практика. М.: Весь мир, 1996. 302 с.

Иванченко А.В., Курицын В.М. Российское народовластие: уроки истории. М.: Юриспруденция, 2005. 111 с.

Ильиных В.А. Выборы в советы в РСФСР в условиях нэпа: особенности и итоги проведения избирательных кампаний в 1922–1929 годах [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2024. № 1 (33). С. 36–48. URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-1-03.pdf> (дата обращения: 30.10.2024).

Карпычева Е.В. Лишение избирательных прав за занятие частной торговлей по Тверскому региону: источниковедческое исследование (1918–1936 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. 22 с.

Катасонов А.В. Методологические аспекты проблемы легитимности политического господства в социологической модели Макса Вебера // Вестник МГУ. Сер. 18: Социология и политология. 1998. № 1. С. 34–48.

Керимов А.А. Легитимность политической власти: проблемы дефиниции и основные теоретические модели // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3: Общественные науки. 2015. № 1 (137). С. 81–91.

Килин А.П. Лишение избирательных прав граждан в 1920–1930-е гг. как инструмент негативной социальной селекции // Книга памяти: Екатеринбург репрессированный 1917 – сер. 1980-х гг. Екатеринбург, 2022. Ч. I. Научные исследования / В.М. Кириллов и др. Екатеринбург: Издательские решения, 2022. 752 с.

Кириллов В.М. История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала. 1920-е – начало 50-х гг. Нижний Тагил, 1996. Ч. 1: Репрессии 1920–1930-х гг. 231 с.

Климук Я.А. Лишение крестьян избирательных прав как метод политики «раскулачивания» (на материалах ЦХАФ АК) // Известия Алтайского государственного университета. 2007. № 4–1. С. 131–135.

Кожеева А.А. Речевые практики подражания официальному советскому дискурсу в письмах «лишенцев» во власть (1918–1936 годы) (на материалах Западной Сибири) [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2022. № 6 (26). С. 29–38. URL: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-6-02.pdf> (дата обращения: 30.11.2024).

Корчагин Д.М. Советские избирательные кампании 1920-х гг. (на материалах Кубано-Черноморья): дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. 217 с.

Корчагин Д.М. Советские избирательные кампании 1920-х гг. (на материалах Кубано-Черноморья): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. 18 с.

Красильников С.А. На изломах социальной структуры. Маргиналы в послереволюционном российском обществе, 1917 – конец 1930-х годов. Новосибирск: НГУ, 1998. 91 с.

Красильников С.А., Саламатова М.С., Ушакова С.Н. Корни или щепки. Крестьянская семья на спецпоселении в Западной Сибири (1930-е – начало 1950-х гг.). Новосибирск: Сова, 2008. 387 с.

Красников В.В. Выборы местных органов власти в Тамбовской губернии в 1921–1925 гг. // Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII–XX вв.: мат-лы междунар. конф. (май 2002 г.). Тамбов, 2002. С. 483–487

Красников В.В. Формирование системы местной власти в 1921–1925 гг. (на материалах Тамбовской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2003. 25 с.

Кружинов В.М. Политические конфликты в первое десятилетие советской власти (на материалах Урала). Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2000. 230 с.

Кудрякова Д.В. Правовые основы деятельности избирательных комиссий в российском государстве в дореволюционный и советский периоды: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2013. 25 с.

Кудрякова Д.В., Савченко М.С. Правовые основы деятельности избирательных комиссий в российском государстве в дореволюционный и советский периоды. Краснодар: КубГАУ, 2016. 176 с.

Кужба О.А. Деятельность крестьянских Советов Верхневолжья в 1921–1925 гг. (на материалах Тверской и Ярославской губерний): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тверь, 1997. 22 с.

Кужба О.А. Избирательные кампании 1921–1925 гг. // Тверская земля в прошлом и настоящем: сб. науч. тр. Тверь: ТГУ, 1994. С. 80–92.

Кузнецов И.С. Богатые и бедные: взгляды сибирского крестьянства 1920-х гг. на социальные различия // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2002. Т. 1. Вып. 3. С. 55–62.

Кузнецов И.С. На пути к «Великому перелому». Люди и нравы сибирской деревни 1920-х гг. (психоисторические очерки). Новосибирск: НГУ, 2001. 233 с.

Кузьменко С.Г. Первая избирательная система РСФСР: предпосылки появления и основные принципы // Актуальные проблемы российского права. 2007. № 2. С. 16–22.

Кукушкин Ю.С. Сельские Советы и классовая борьба в деревне (1921–1936 гг.). М.: Изд-во МГУ, 1968. 174 с.

Кулачков В.В. Крестьянство Западного региона России в 1920-е гг. (социокультурные изменения). Брянск: БГИТА, 2014. 330 с.

Кулачков В.В. Абсентеизм в настроениях крестьянства Западного региона России 1920-х гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 1 (39). Ч. II. С. 107–109.

Куперт Ю.В. Руководство Коммунистической партии общественно-политической жизнью Западносибирской деревни в условиях социалистической реконструкции (1926–1937 гг.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1982. 412 с.

Куренкова Ю.О. Лишение избирательных прав как метод давления на крестьян // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2004. № 4 (38). С. 88–95.

Кушнир А.Г. Демократическая альтернатива середины 20-х годов (Реформы системы управления в Сов. России). М.: Изд-во МПИ, 1989. 221 с.

Леконцев О.Н. Реформы Советов в 1921–1927 годах (На материалах Вотской автономной области и Вятской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук, М., 1995. 16 с.

Леонов С.В. Советская государственность: замыслы и действительность (1917–1920) // Вопросы истории. 1990. № 12. С. 22–38.

Леонов С.В. Рождение советской империи: государство и идеология, 1917–1922 гг. М.: Диалог-МГУ, 1997. 355 с.

Лепешкин А.И. Советы – власть трудящихся 1917–1936 гг. М.: Юридическая литература, 1966. 575 с.

Лившин А.Я. Настроения и политические эмоции в Советской России: 1917–1932 гг. М.: РОССПЭН, 2010. 341 с.

Лившин А.Я., Орлов И.Б. Власть и общество: диалог в письмах. М.: РОССПЭН, 2002. 205 с.

Лисовский С.Ф., Евстафьев В.А. Избирательные технологии: история, теория, практика. М.: РАУ ун-т, 2000. 318 с.

Мавлютова З. Ш. Лишение избирательных прав православного духовенства (на материалах Тюменского и Тобольского округов Уральской области 1920-х годов) // Вестник Челябинского государственного университета. Сер.: История. Вып. 33. 2009. № 23 (161). С. 52–57.

Мазур Л.Н. Лишение избирательных прав крестьян в 20-е – первой половине 30-х годов (по материалам личных дел) // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917–1980-е гг.). Нижний Тагил: Нижнетагил. гос. пед. ин-т, 1997. С. 105–119.

Маннанов М.А. Коммунистическая партия и сельские советы в первой половине 20-х годов: на материалах Башкирии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1990. 16 с.

Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920-е – 1930-е годы) / ред. С.А. Красильников и др. Новосибирск: Сова, 2007. 456 с.

Меньшевики в большевистской России. 1918–1924. // Меньшевики в 1918 г. / отв. ред. З. Галили и А. Ненароков; отв. сост. Д. Павлов. М.: РОССПЭН, 1999. Т. 1. 797 с.

Меньшевики в большевистской России. 1918–1924 // Меньшевики в 1919–1920 гг. / отв. ред. З. Галили и А. Ненароков; отв. сост. Д. Павлов. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 2. 934 с.

Меньшевики в большевистской России. 1918–1924 // Меньшевики в 1922–1924 гг. / отв. ред. З. Галили и А. Ненароков; отв. сост. Д. Павлов. М.: РОССПЭН, 2004. Т. 3. 726 с.

Миронов Б.Н. О нелегитимности советской власти // Новейшая история России. 2022. Т. 12, № 1. С. 8–38.

Морозов К.Н. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922–1926): Этика и тактика противоборства. М.: РОССПЭН, 2005. 735 с.

Морозова Н.М. О лицах, лишенных избирательных прав по религиозным мотивам на территории Мордовии: материалы личных дел 1918–1936 гг. // Ежегодник финноугорских исследований. 2009. № 1. С. 199–205.

Морозова Н.М. Лишение избирательных прав на территории Мордовии 1918–1936 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2005. 19 с.

Морозова Т.И. «Предоставление... прав широкой демократии» или «определенный маневр коммунистов»? Перевыборы сельских советов в Сибири (октябрь 1924 – март 1925 года) [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2024. № 1 (33). С. 49–63. URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-1-04.pdf> (дата обращения: 30.11.2024)

Москаленская Д.Н. Лишение и восстановление в избирательных правах православных церковнослужителей Западной Сибири в середине 1920-х – середине 1930-х гг. // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 403. С. 82–86.

Москаленская Д.Н. Православные священно и церковнослужители-«лишенцы» Западной Сибири в середине 1920-х – середине 1930-х гг.: статус, облик, поведение: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2017. 23 с.

Москаленская Д.Н. «Лишенцы» в постсоветской отечественной историографии [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2024. № 1 (33). С. 139–154. URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-1-09.pdf> (дата обращения: 30.11.2024).

Надеждина В.А., Кайбушева П.М. Эволюция общественно-политических настроений рабочих и крестьянства Оренбургской губернии в годы НЭПа (1921–1929 гг.). Уфа: РИЦ БашГУ, 2010. 147 с.

Новиков Ю.А. Избирательная система России: 90 лет истории. М.: Манускрипт, 1996. 320 с.

Олех Г.Л. Партийная машина РКП(б) в начале 20-х гг.: Устройство и функционирование. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гуманитар. ин-та, 1995. 144 с.

Офицерова Н.В. Апатия как жизненная стратегия городского населения на выборах второй половины 1920-х гг. // *Власть*. 2014. № 5. С. 145–148.

Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России: власть и массы. М.: Рус. книгоизд. товарищество-История, 1997. 270 с.

Павлюченков С.А. «Орден меченосцев»: партия и власть после революции, 1917–1929 гг. М.: Собрание, 2008. 463 с.

Павлюченков С.А. Экономический либерализм в пределах политического плюрализма // *Россия нэповская*. М.: Новый хронограф, 2002. С. 15–57.

Панкратова О.Б., Писанов С.С. Политика лишения крестьянства избирательных прав в 20-е – 30-е годы XX века и ее последствия // *Вестник Костромского государственного университета*. 2018. Т. 24, № 3. С. 52–55.

Панов П.В. Партия большевиков и Советы Урала в годы нэпа (эволюция механизма местной власти): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 1992. 17 с.

Папков С.А. Городское самоуправление Новониколаевска (Новосибирска) в 1920-е годы // *Власть и общество в Сибири в XX веке: сб. науч. ст.* Новосибирск: Параллель, 2015. Вып. 6. С. 133–153.

Перфильева И.А. Становление и эволюция государственного аппарата власти и управления Забайкалья в 1922–1936 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2007. 27 с.

Петрищева Н.С. Исторические основы и практика реализации избирательных кампаний в органы советской власти в 1920-е гг. (на материалах Курского края): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Белгород, 2013. 21 с.

Петрищева Н.С. «Кулаков разрядов много, а взаправду, кто кулак?»: к вопросу о формировании избирательного законодательства в период «оживления Советов» (на материалах Курской губернии) // *Известия Юго-Западного государственного университета*. 2012. № 4-1 (43). С. 59–65.

Письменов В.Н. Органы управления Курской губернии: Механизм формирования и подбор кадров, 1920–1928 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2001. 27 с.

Плотников А.А. Конституция РСФСР 1918 г. (Историко-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 205 с.

Рупасов А.И. Лишенные избирательных прав в Ленинграде в 1920-е гг. // *Петербургский исторический журнал*. 2019. № 2 (22). С. 282–295.

Рудик П.Л. История советского избирательного права (1917–1936): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1991. 21 с.

Рязанцев Н.П. Перевыборы Советов в общественно-политической жизни советской деревни в середине 20-х годов. Ярославль: ЯрГУ, 1992. 76 с.

Савин А.И. Письма во власть как специфическая форма политической адаптации советских граждан в 1930-е годы // *Вестник НГУ. Сер.: История, филология*. 2016. Т. 15, № 8: *История*. С. 133–145.

Саламатова М.С. Лишение избирательных прав как форма социально-политической дискриминации в середине 1920-х–1936 гг. (на материалах Западной Сибири): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2002. 24 с.

Саламатова М.С. Советские правоведы об избирательном праве (1920-е годы) // *Историко-правовые проблемы: новый ракурс*. 2011. № 4. С. 96–106.

Саламатова М.С. Журнал «Власть Советов» – источник для изучения избирательных кампаний 1920–1930-х гг. // *Вестник НГУ. Сер.: История, филология*. 2011. Т. 10, № 10. С. 52–57.

Серокурова Л.А. «Лишенцы» Крымской АССР в контексте социально-экономических и политических процессов (1921–1936 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2010. 23 с.

Славко Т.И. Кулацкая ссылка на Урале 1930–1936 гг. М.: Мосгорархив, 1995. 173 с.

Смирнова Т.М. «Бывшие люди» Советской России: стратегии выживания и пути интеграции. 1917–1936 годы. М.: Мир истории, 2003. 296 с.

Смирнова Т.М. Лишенцы г. Сергиева: 1920-е годы // Труды ГИМ: Забелинские научные чтения. Вып. 143. М., 2004. С. 205–209.

Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь–август 1922 г.). Подготовка. Проведение. Итоги: сборник документов / сост. С.А. Красильников и др. М.: РОССПЭН, 2002. 1006 с.

Суслов А.Ю. Социалисты-революционеры в Советской России: источники и историография. Казань: КГТУ, 2007. 229 с.

Сухарев А.А. Состав Тюменского городского Совета в годы нэпа // Казанская наука. 2014. № 9. С. 43–49.

Сухарев А.А. Власть и общество зауральского города в условиях нэпа: 1921–1929 годы (на материалах Тюмени): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2015. 25 с.

Сухарев А.А. Участие населения в выборах депутатов Тюменского городского совета в годы НЭПа // Вестник РУДН. Сер.: История России. 2015. № 3. С. 18–25.

Тимофеева Л.С., Федорова Н.А. Казанский городской совет в 1920-е гг. XX в. // Казанский посад в прошлом и настоящем. Казань: Мастер Лайн, 2002. С. 43–48.

Тихонов В.И., Тяжельникова В.С., Юшин И.Ф. Лишение избирательных прав в Москве в 1920–1930-е годы. М.: Мосгосархив, 1998. 255 с.

Ткачев В.И. Формирование советской политической системы, октябрь 1917 – 1930-е годы (на материалах Поволжья). Саратов: Изд. центр Саратов. гос. соц.-экон. ун-та, 2005. 228 с.

Трифонов И.Я. Классы и классовая борьба в начале нэпа (1921–1925 гг.): в 2 т. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1969. 288 с.

Туфанов Е.В. Формирование советской политической системы в 1917–1920 гг.: на примере Рязанской губернии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2010. 23 с.

Тютюник М.В. Региональный избирательный процесс и формирование системы местных Советов РСФСР в 1920–1924 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Славянск-на-Кубани, 2009. 21 с.

Ульянова С.Б. Депутаты городских Советов и их избиратели (исторический опыт Ленсовета 1920-х гг.) // Вестник ЯрГУ. Сер.: Гуманитарные науки. 2014. № 1 (27). С. 18–22.

Федорова И.М. Местный партийно-советский аппарат в первой половине 20-х годов: формирование, социальный облик. По материалам Калужской, Тульской, Смоленской губерний: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2001. 17 с.

Ченская Т.В. Крестьянские настроения в период перевыборов в Советы 1926, 1929 гг. (на примере Орловской губернии/области) // XX век и Россия: общество, реформы, революции. Вып. 4. Самара, 2016. С. 44–55.

Чураков Д.О. Бунтующие пролетарии: Рабочий протест в Советской России (1917–1930-е гг.). М.: Вече, 2012. 318 с.

Шаяхметова И.З. Городские советы Башкирской АССР в 1919–1991 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2007. 23 с.

Шишкин В.А. Власть. Политика. Экономика. Послереволюционная Россия (1917–1928 гг.). СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. 399 с.

Юдин А.Н. Сельские Советы Тамбовской губернии 1921–1924 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2005. 271 с.

Юнина Е.А. Лишение избирательных прав как элемент маргинализационных процессов в обществе 1920–1930-х гг. В отражении судеб жителей города Тобольска и Тобольского округа Уральской области (историко-антропологический аспект) // Манускрипт. 2020. Т. 13, № 8. С. 64–75.

Яров С.В. Пролетарий как политик. Политическая психология рабочих Петрограда в 1917–1923 гг. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 223 с.

Яров С.В. Человек перед лицом власти. 1917–1920-е гг. М.: РОССПЭН, 2014. 374 с.

Яхутль Ю.А., Касьянов В.В. Курс «лицом к деревне» как проявление противоречий НЭПа в 1924–1926 гг. (по материалам Дона и Кубани) // Вестник РУДН. Сер.: История России. 2020. № 19. С.403–417.

References

- Agapsov, S.A. (1992). *Stanovlenie partiyno-gosudarstvennoy sistemy vlasti: istoriko-politicheskiy analiz (Oktyabr' 1917–1924 gg.)*. [Formation of the Party-State System of Power: Historical and Political Analysis, October 1917–1924], Cand. hist. sci. diss. abstract. Moscow. 23 p.
- Andreev, V.P. (1990). *Rukovodstvo Kommunisticheskoy partiyey gorodskimi sovetami RSFSR (1926–1937)* [Leadership of the Communist Party in City Councils of the RSFSR (1926–1937)]. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. 227 p.
- Andreev, V.P. (2007). Gorsovety v usloviyakh nepa: predely i vozmozhnosti apparatnogo reformirovaniya [City Councils in the Conditions of the NEP: Limits and Possibilities of Apparatus Reform]. In *Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' Sibiri. XX vek*. Novosibirsk, Vol. 8, pp. 182–194.
- Baksheev, A.N. (1992). *Opyt i problemy vzaimootnosheniy Sovetov i partiynyykh organizatsiy Vostochnoi Sibiri. 1921–1925* [Experience and Problems of Relations between the Soviets and Party Organizations of Eastern Siberia. 1921–1925], Cand. hist. sci. diss. abstract. Irkutsk. 24 p.
- Baranov, A.V. (1996). *Sotsial'noe i politicheskoe razvitie Severnogo Kavkaza v usloviyakh novoy ekonomicheskoy politiki (1921–1929 gg.)* [Social and Political Development of the North Caucasus under the New Economic Policy (1921–1929)]. St. Petersburg, Nestor. 353 p.
- Baranov, A.V. (2013). Politicheskie nastroyeniya zemledel'tsev kazach'ego yuga Rossii v usloviyakh "rasshireniy" nepa 1924–1926 gg. (po materialam informatsionnykh svodok OGPU) [Political Sentiments of Farmers in the Cossack South of Russia under the Conditions of the "Expansion" of the Nep in 1924–1926 (Based on Materials from OGPU Information Reports)]. In *Noveyshaya istoriya Rossii*. No. 3, pp. 112–125.
- Baranov, A.V. (2013). Tendentsii grazhdanskogo primireniya v politicheskikh reformakh "rasshireniya" 1924–1926 gg. na Yuge Rossii [Tendencies of Civil Reconciliation in the Political Reforms of the "Expansion" of 1924–1926 in the South of Russia]. In *Nauchnaya mysl' Kavkaza*. No. 3, pp. 55–62.
- Bayda, E.V. (1997). Sotsial'nyy portret lishennogo izbiratel'nykh prav za zanyatie trgovley [Social Portrait of a Disenfranchised Person for Engaging in Trade]. In *Istoriya repressiy na Urale: ideologiya, politika, praktika (1917–1980-e gg.)*. Nizhny Tagil, Nizhnetagil'skiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy iniversitet, pp. 86–95.
- Belonovskiy, V.N. (2010). *Elektoral'noe pravo Rossiiskoy Federatsii* [Electoral Law of the Russian Federation]. Moscow, RGGU. 1079 p.
- Belonovskiy, V.N., Kal'gina, A.A. (2014). Pravovoe polozhenie lishentsev i stepen' ih ugrozy Sovetskoy vlasti [The Legal Status of Disenfranchised People and the Degree of Their Threat to Soviet Power]. In *Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry*. No. 3, pp. 15–19.
- Berdiev, Z.P. (2023). *Repressivnaya politika partiyno-gosudarstvennoy vlasti SSSR v Karachae i Cherkesii. Konets 20-x–30-e gody XX v.* [The Repressive Policy of the Party and State Authorities of the USSR in Karachay and Cherkessia. The End of the 20s–30s of the 20th Century]. Cherkessk. 527 p.
- Bezgin, V. B. (2000). Vybory v Sovety pervoy poloviny 1920-kh godov i absenteizm sel'skikh obyvateley [Elections to the Soviets in the First Half of the 1920s and the Absenteeism of Rural Inhabitants]. In *Izбирatel'noe pravo i izбирatel'nyy protsess v Rossii: proshloe i nastoyashchee (regional'nyy aspekt): materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Tambov, pp. 59–62.
- Bezgin, V.B. (1998). Traditsii i peremeny v zhizni rossiyskoy derevni 1921–1928 gg. (po materialam guberniy Tsentral'nogo Chernozem'ya) [Traditions and Changes in the Life of the Russian Village 1921–1928 (Based on Materials from the Provinces of the Central Black Earth Region)], Cand. hist. sci. diss. abstract. Penza. 16 c.
- Bitsiokha, V.G. (2010). *Formirovanie sovetskoy politicheskoy sistemy: regional'nyy aspekt Oktyabr' 1917 – seredina 20-kh gg. (na materialakh Saratovskoy gubernii)* [Formation of the Soviet Political System: Regional Aspect October 1917 – Mid-20s (Based on Materials from the Saratov Province)], Cand. hist. sci. diss. abstract. Saratov. 22 p.

Buldakov, V.P. (2012). *Utopiya, agressiya, vlast'. Psikhosotsial'naya dinamika postrevolyutsionnogo vremeni. Rossiya, 1920–1930 gg.* [Utopia, Aggression, Power. Psychosocial Dynamics of Post-Revolutionary Time. Russia, 1920–1930]. Moscow, ROSSPEN. 756 p.

Bulyulina, E.V. (2012). *Formirovanie i deyatelnost' mestnykh organov gosudarstvennoy vlasti i upravleniya v Nizhnem Povolzh'e. 1917–1928 gg.* [Formation and Activities of Local Government Bodies and Administration in the Lower Volga Region. 1917–1928], Dr. hist. sci. diss. abstract. Volgograd. 45 p.

Chenskaya, T.V. (2016). *Krest'yanskie nastroyeniya v period perevyborov v Sovety 1926, 1929 gg. (na primere Orlovskoy gubernii/oblasti)* [Peasant Sentiments during the Period of re-Elections to the Soviets in 1926, 1929 (Using the Example of the Oryol Province/Region)] In *XX vek i Rossiya: obshchestvo, reformy, revolyutsii*. Samara. Vol. 4, pp. 44–55.

Churakov, D.O. (2012). *Buntuyushchie proletarii: Rabochiy protest v Sovetskoj Rossii (1917–1930-e gg.)* [Revolting Proletarians: Workers' Protest in Soviet Russia (1917–1930s)]. Moscow, Veche. 318 p.

Danilov, A.A. (1990). *Partiynye organizatsii i sel'skie Sovety Ivanovskoy promyshlennoy oblasti: otnosheniya, problemy, uroki 1920–1936 gg.* [Party Organizations and Village Councils of the Ivanovo Industrial Region: Relations, Problems, lessons of 1920–1936], Cand. hist. sci. diss. abstract. Ivanovo. 20 p.

Dmitrievtseva, A.A. (2012). *Vybory v Sovety v Tambovskoy gubernii v pervoe desyatiletie sovetskoj vlasti (1917–1928 gg.)* [Elections to the Soviets in Tambov Province in the first Decade of Soviet Power (1917–1928)], Cand. hist. sci. diss. abstract. Saratov. 25 p.

Dobkin, A.I. (1992). *Lishentsy 1918–1938 gg.* [Disenfranchised of 1918–1938]. In *Zvenya. Istoricheskij almanakh*. Moscow, St. Petersburg. Edit. 2, pp. 600–628.

Duksin, P.A. (2009). *Lishenie izbiratel'nykh prav grazhdan po sovetskomu zakonodatel'stvu 20–30-kh gg. XX veka* [Disenfranchisement of Citizens under Soviet Legislation in the 1920s and 1930s]. In *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*. No. 5, pp. 20–23.

Eliseev, V.V. (1992). *Demokraticeskaya i avtoritarnaya tendentsiya v politicheskoy zhizni Rossii (1921–1923 gg.)* [Democratic and Authoritarian Tendencies in the Political Life of Russia (1921–1923)], Cand. hist. sci. diss. abstract. Moscow. 24 p.

Ergina, N.M. (2016). *Tragediya Mordovskoy derevni v otrazhenii sudeb krest'yan, raskulachennykh i lishennykh izbiratel'nykh prav v period likvidatsii kulachestva kak klassa* [The Tragedy of the Mordovian Village from Western Peasants, Dispossessed and Deprived of Voting Rights during the Period of Liquidation of the Ulaks as a Class]. In *Ekonomicheskaya istoriya*. No. 2 (33), pp. 56–64

Ermoshin, P.Yu. (2020). *Pravovoy status Tsentral'noy izbiratel'noy komissii Rossijskoj Federatsii* [Legal Status of the Central Electoral Commission of the Russian Federation]. Kazan', Buk. 202 p.

Esikov, S.A. (2000). *Vybory v Tambovskoy derevne v 1920-e gody* [Elections in Tambov Village in the 1920s]. In *Izбирatel'noe pravo i izбирatel'nyy protsess v Rossii: proshloe i nastoyashchee (regional'nyy aspekt): materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Tambov, pp. 57–59.

Fedorova, I.M. (2001). *Mestnyy partiyno-sovetskiy apparat v pervoy polovine 20-kh godov: formirovanie, sotsial'nyy oblik: Po materialam Kaluzhskoy, Tul'skoy, Smolenskoy gubernii* [Local Party-Soviet Apparatus in the First Half of the 20s: Formation, Social Appearance: Based on Materials from the Kaluga, Tula, Smolensk Provinces], Cand. hist. sci. diss. abstract. Bryansk. 17 p.

Galili, Z., Nenarokov, A., (Eds.). (1999). *Men'sheviki v bol'shevistskoj Rossii. 1918–1924 / Men'sheviki v 1918 g.* [Mensheviks in Bolshevik Russia. 1918–1924 / Mensheviks in 1918]. Moscow, ROSSPEN. Vol. 1. 797 p.

Galili, Z., Nenarokov, A., (Eds.). (2000). *Men'sheviki v bol'shevistskoj Rossii. 1918–1924 / Men'sheviki v 1919–1920 gg.* [Mensheviks in Bolshevik Russia. 1918–1924 / Mensheviks in 1919–1920]. Moscow, ROSSPEN. Vol. 2. 934 p.

Galili, Z., Nenarokov, A., (Eds.). (2004). *Men'sheviki v bol'shevistskoy Rossii. 1918–1924 / Men'sheviki v 1922–1924 gg.* [Mensheviks in Bolshevik Russia. 1918–1924 / Mensheviks in 1922–1924]. Moscow, ROSSPEN. Vol.3. 726 p.

Gerasimenko, T.V. (2011). Printsipy vyborov v sovetskoj izbiratel'noy sisteme [Principles of Elections in the Soviet Electoral System]. In *Vestnik Altayskoy akademii ekonomiki i prava*. No. 1, pp. 78–81.

Gimpel'son, E.G. (1993). Politicheskaya sistema i nep: neadekvatnost' reform [Political System and NEP: Inadequacy of Reforms]. In *Otechestvennaya istoriya*. No. 2, pp. 29–43.

Gimpel'son, E.G. (1995). *Formirovanie sovetskoj politicheskoy sistemy: 1917–1923 gg.* [NEP and the Soviet Political System]. Moscow, Nauka. 229 p.

Gimpel'son, E.G. (2000). *NEP i sovetskaya politicheskaya sistema* [NEP and the Soviet Political System]. Moscow, Institut rossiyskoy istorii RAN. 437 p.

Gimpel'son, E.G. (2003). *Stanovlenie i evolyutsiya sovetskogo gosudarstvennogo apparata upravleniya. 1917–1930* [Formation and Evolution of the Soviet State Administrative Apparatus. 1917–1930]. Moscow, Institut rossiyskoy istorii RAN. 224 p.

Grekhova, H.H. (1990). *Khozyaystvenno-organizatorskaya deyatel'nost' Sovetov v derevne Vyatskoy i Nizhegorodskoy gubernii. 1921–1925* [Economic and Organizational Activities of the Soviets in the Villages of the Vyatka and Nizhny Novgorod Provinces. 1921–1925], Cand. hist. sci. diss. abstract. Moscow. 16 p.

Gusev, A.V. (2019). Vybory v Moskovskiy Sovet v 1918–1939 [Elections to the Moscow Soviet in 1918–1939]. In *Ot Moskovskoy gorodskoy Dumy k Mossovetu. 1917–1993 gg. Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Moscow, pp. 143–152 p.

Il'inykh, V.A. (2024). *Vybory v sovety v RSFSR v usloviyakh nepa: osobennosti i itogi provedeniya izbiratel'nykh kampaniy v 1922–1929 godakh* [Elections to the Soviets in the RSFSR under the Conditions of the NEP: Features and Results of Election Campaigns in 1922–1929]. In *Istoriicheskiy kur'er*. No. 1 (33), pp. 36–48. Available at: URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-1-03.pdf> (date of access 30.10.2024).

Ivanchenko, A.V. (1996). *Izбирatel'nye komissii v Rossiiskoy Federatsii: istoriya, teoriya i praktika* [Electoral Commissions in the Russian Federation: History, Theory and Practice]. Moscow, Ves' mir. 302 p.

Ivanchenko, A.V., Kuritsyn, V.M. (2005). *Rossiyskoe narodovlastie: uroki istorii* [Russian Democracy: Lessons of History]. Moscow, Yurisprudentsiya. 111 p.

Ivanov, V.V. (2020). Izбирatel'naya aktivnost' krest'yan Priangar'ya v 1920-e gody [Electoral Activity of the Peasants of the Angara Region in the 1920s]. In *Klimat. Ekologiya. Sel'skoe khozyaystvo Evrazii*. Irkutsk, pp. 301–307.

Karpycheva, E.V. (2009). *Lishenie izbiratel'nykh prav za zanyatie chastnoy trgovley po Tverskomu regionu: istochnikovedcheskoe issledovanie (1918–1936 gg.)* [Deprivation of Voting Rights for Engaging in Private Trade in the Tver Region: Source Study (1918–1936)], Cand. hist. sci. diss. abstract. Moscow. 22 p.

Katasonov, A.V. (1998). Metodologicheskie aspekty problemy legitimnosti politicheskogo gospodstva v sotsiologicheskoy modeli Maksa Vebera [Methodological Aspects of the Problem of the Legitimacy of Political Domination in the Sociological Model of Max Weber]. In *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsiologiya i politologiya*. No. 1, pp. 34–48.

Kerimov, A.A. (2015). Legitimnost' politicheskoy vlasti: problemy definitsii i osnovnye teoreticheskie modeli [Legitimacy of Political Power: Problems of Definition and Basic Theoretical Models]. In *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Part 3. Obshchestvennye nauki*. No. 1 (137), pp. 81–91

Kilin, A.P. (2022). Lishenie izbiratel'nykh prav grazhdan v 1920–1930-e gg. kak instrument negativnoy sotsial'noy selektsii [Deprivation of Citizens' Voting Rights in the 1920s and 1930s as a Tool of Negative Social Selection]. In *Kniga pamyati: Yekaterinburg repressirovanny 1917 – seredina 1980-kh gg.* Part. I: Nauchnye issledovaniya. 752 p.

Kirillov, V.M. (1996). *Istoriya repressiy v Nizhnetagil'skom regione Urala. 1920-e – nachalo 50-kh gg.* [History of Repressions in the Nizhny Tagil Region of the Urals. 1920s – Early 50s]. Nizhny Tagil. Part. 1: Repressii 1920–1930-kh gg. 231 p.

Klimuk, Ya.A. (2007). Lishenie krest'yan izbiratel'nykh prav kak metod politiki “raskulachivaniya” (na materialakh CHAF AK) [Deprivation of Peasants' Voting Rights as a Method of the Policy of “Dekulakization” (Based on Materials from the TsHAF AK)]. In *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 4–1, pp. 131–135.

Korchagin, D.M. (2003). *Sovetskie izbiratel'nye kampanii 1920-kh gg. (na materialakh Kubano-Chernomor'ya)* [Soviet Election Campaigns of the 1920s (Based on Materials from the Kuban-Black Sea Region)], Cand. hist. sci. diss. abstract. Moscow. 18 p.

Korchagin, D.M. (2003). *Sovetskie izbiratel'nye kampanii 1920-kh gg. (na materialakh Kubano-Chernomor'ya)* [Soviet Election Campaigns of the 1920s (Based on Materials from the Kuban-Black Sea Region)], Cand. hist. sci. diss. Moscow. 217 p.

Kozhaeva, A.A. (2022). Rechevye praktiki podrazhaniya ofitsial'nomu sovetskomu diskursu v pis'mah “lishentsev” vo vlast' (1918–1936 gody) (na materialah Zapadnoy Sibiri) [Speech Practices of Imitation of Official Soviet Discourse in Letters of “Disenfranchised” to Power (1918–1936) (Based on Materials from Western Siberia)]. In *Istoricheskiy kur'er*. No. 6 (26), pp. 29–38. Available at: URL: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-6-02.pdf> (date of access 30.10.2024).

Krasil'nikov, S.A. (1998). *Na izlomah sotsial'noy struktury. Marginaly v poslerevol'yutsionnom rossiyskom obshchestve, 1917 – konets 1930-h godov* [On the Breaks in the Social Structure. Marginalized People in Post-Revolutionary Russian Society, 1917 – Late 1930s]. Novosibirsk. 91 p.

Krasil'nikov, S.A. (Ed.). (2007). *Marginaly v sotsiume. Marginaly kak sotsium. Sibir' (1920-e – 1930-e gody)* [Marginals in Society. Marginals as Society. Siberia (1920s–1930s)]. Novosibirsk. 456 p.

Krasil'nikov, S.A. (Ed.). (2002). *Sudebnyy protsess nad sotsialistami-revol'yutsionerami (iyun'–avgust 1922 g.): Podgotovka. Provedenie. Itogi: sbornik dokumentov* [Trial of the Socialist Revolutionaries (June–August 1922). Preparation. Conduct. Results: Collection of Documents]. Moscow, ROSSPEN. 1006 p.

Krasilnikov, S.A., Salamatova, M.S., Ushakova, S.N. (2008). *Korni ili shchepki. Krestyanskaya semya na spetsposelenii v Zapadnoy Sibiri (1930-e – nachalo 1950-kh gg.)* [Roots or Wood Chips. A Peasant Family in a Special Settlement in Western Siberia (1930s – Early 1950s)]. Novosibirsk. 387 p.

Krasnikov, V.V. (2002). *Vybory mestnykh organov vlasti v Tambovskoy gubernii v 1921–1925 gg.* [Elections of local Authorities in Tambov Province in 1921–1925]. In *Sotsial'naya istoriya rossiyskoy provintsii v kontekste modernizatsii agrarnogo obshchestva v XVIII–XX vv.: Materialy mezhdunarodnoy konferentsii (may 2002 g.)*. Tambov, pp. 483–487

Krasnikov, V.V. (2003). *Formirovanie sistemy mestnoi vlasti v 1921–1925 gg. (na materialakh Tambovskoy gubernii)* [Formation of the Local Government System in 1921–1925 (Based on Materials from Tambov Province)], Cand. hist. sci. diss. abstract. Tambov. 25 p.

Kruzhinov, V.M. (2000). *Politicheskie konflikty v pervoe desyatiletie sovetskoj vlasti (na materialakh Urala)* [Political Conflicts in the First Decade of Soviet Power (Based on Materials from the Urals)]. Tyumen', Izdatel'stvo Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. 230 p.

Kudryakova, D.V. (2013). *Pravovye osnovy deyatel'nosti izbiratel'nykh komissiy v rossiyskom gosudarstve v dorevol'yutsionnyy i sovetskiy periody* [Legal Basis for the Activities of Election Commissions in the Russian State in the Pre-Revolutionary and Soviet Periods], Cand. law sci. diss. abstract. Krasnodar. 25 p.

Kudryakova, D.V., Savchenko, M.S. (2016). *Pravovye osnovy deyatel'nosti izbiratel'nykh komissiy v rossiyskom gosudarstve v dorevol'yutsionnyy i sovetskiy periody* [Legal Basis for the Activities of Electoral Commissions in the Russian State in the Pre-Revolutionary and Soviet Periods]. Krasnodar, KubGAU. 176 p.

Kukushkin, Yu.S. (1968). *Sel'skie Sovety i klassovaya bor'ba v derevne (1921–1936 gg.)* [Rural Councils and Class Struggle in the Village (1921–1936)]. Moscow, Izdatel'stvo MGU. 174 p.

Kulachkov, V.V. (2014). Absenteizm v nastroyeniya krest'yanstva Zapadnogo regiona Rossii 1920-kh gg. [Absenteeism in the Mood of the Peasantry of the Western Region of Russia in the 1920s]. In *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. No. 1 (39), Part. II, pp. 107–109.

Kulachkov, V.V. (2014). *Krest'yanstvo Zapadnogo regiona Rossii v 1920-e gg. (sotsio-kul'turnye izmeneniya)* [The Peasantry of the Western Region of Russia in the 1920s (Sociocultural Changes)]. Bryansk, BGITA. 330 p.

Kupert, Yu.V. (1982). *Rukovodstvo Kommunisticheskoy partii obshchestvenno-politicheskoy zhizn'yu Zapadnosibirskoy derevni v usloviyakh sotsialisticheskoy rekonstruktsii (1926–1937 gg.)* [Leadership of the Communist Party over the Socio-Political Life of the West Siberian Village in the Context of Socialist Reconstruction (1926–1937)]. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. 412 p.

Kurenkova, Yu.O. (2004). Lishenie izbiratel'nyh prav kak metod davleniya na krest'yan [Deprivation of Voting Rights as a Method of Pressure on Peasants]. In *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. No. 4, pp. 88–95.

Kushnir, A.G. (1989). *Demokraticeskaya al'ternativa serediny 20-kh godov (Reformy sistemy upravleniya v Sov. Rossii)* [Democratic Alternative of the mid-20s (Reforms of the Governance System in the Soviet Union of Russia)]. Moscow, Izdatel'stvo MPI. 221 p.

Kuz'menko, S.G. (2007). Pervaya izbiratel'naya sistema RSFSR: predposylki poyavleniya i osnovnye printsipy [The First Electoral System of the RSFSR: Prerequisites for Its Emergence and Basic Principles]. In *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*. No. 2, pp. 16–22.

Kuzhba, O.A. (1994). Izbiratel'nye kampanii 1921–1925 gg. [Election Campaigns 1921–1925]. In *Tverskaya zemlya v proshlom i nastoyashchem. Sbornik nauchnykh trudov*. Tver', TGU, pp. 80–92.

Kuzhba, O.A. (1997). *Deyatel'nost' krest'yanskikh Sovetov Verkhnevolzh'ya v 1921–1925 gg. (na materialakh Tverskoy i Yaroslavskoy gubernii)* [The Activities of the Peasant Councils of the Upper Volga Region in 1921–1925 (Based on Materials from the Tver and Yaroslavl Provinces)], Cand. hist. sci. diss. abstract. Tver'. 22 p.

Kuznetsov, I.S. (2001). *Na puti k "Velikomomu perelomu". Lyudi i nrawy sibirskoy derevni 1920-kh gg. (psikhoistoricheskie ocherki)* [On the Way to the "Great Turning Point". People and Customs of the Siberian Village of the 1920s (Psychohistorical Essays)]. Novosibirsk, NGU. 233 p.

Kuznetsov, I.S. (2002). Bogatye i bednye: vzglyady sibirskogo krest'yanstva 1920-kh gg. na sotsial'nye razlichiya [Rich and Poor: Views of the Siberian Peasantry of the 1920s on Social Differences]. In *Vestnik Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta*. Part.: Istoriya, Filologiya. Vol. 1, No. 3, pp. 55–62.

Lekontsev, O.N. (1995). *Reformy Sovetov v 1921–1927 godakh (Na materialakh Votskoy avtonomnoy oblasti i Vyatskoy gubernii)* [Reforms of the Soviets in 1921–1927 (Based on Materials from the Votsk Autonomous Region and the Vyatka Province)], Cand. hist. sci. diss. abstract. Moscow. 16 p.

Leonov, S.V. (1990). *Sovetskaya gosudarstvennost': zamysly i deystvitel'nost' (1917–1920)* [Soviet Statehood: Plans and Reality (1917–1920)]. In *Voprosy istorii*. No. 12, pp. 22–38.

Leonov, S.V. (1997). *Rozhdenie sovetskoy imperii: gosudarstvo i ideologiya, 1917–1922 gg.* [The Birth of the Soviet Empire: State and Ideology, 1917–1922]. Moscow, Dialog-MGU. 355 p.

Lepeshkin, A.I. (1966). *Sovety – vlast' trudyashchikhsya 1917–1936 gg.* [Soviets – the Power of the Workers 1917–1936]. Moscow, Yuridicheskaya literatura. 575 p.

Lisovskiy, S.F., Evstaf'ev, V.A. (2000). *Izbiratel'nye tekhnologii: istoriya, teoriya, praktika* [Electoral Technologies: History, Theory, Practice]. Moscow, RAU Universitet. 318 p.

Livshin, A.Ya. (2010). *Nastroeniya i politicheskie emotsii v Sovetskoy Rossii: 1917–1932 gg.* [Moods and Political Emotions in Soviet Russia: 1917–1932]. Moscow, ROSSPEN. 341 p.

Livshin, A.Ya, Orlov, I.B. (2002). *Vlast' i obshchestvo: dialog v pis'makh* [Power and Society: Dialogue in Letters]. Moscow, ROSSPEN. 205 p.

Mannanov, M.A. (1990). *Kommunisticheskaya partiya i sel'skie sovety v pervoy polovine 20-kh godov: na materialakh Bashkirii* [The Communist Party and Rural Councils in the First Half of the 1920s: Based on Materials from Bashkiria], Cand. hist. sci. diss. abstract. Moscow. 16 p.

Mavlyutova, Z.Sh. (2009). Lishenie izbiratel'nykh prav pravoslavnogo dukhovenstva (na materialakh Tyumenskogo i Tobol'skogo okrugov Ural'skoy oblasti 1920-h godov) [Deprivation of Voting Rights of the Orthodox Clergy (Based on Materials from the Tyumen and Tobolsk Districts of the Ural Region in the 1920s)]. In *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*. Iss. 33, No. 23 (161), pp. 52–57.

Mazur, L.N. (1997). Lishenie izbiratel'nykh prav krest'yan v 20-e – pervoy polovine 30-kh godov (po materialam lichnykh del) [Deprivation of Voting Rights of Peasants in the 20s – the First Half of the 30s (Based on Personal Files)]. In *Istoriya repressiy na Urale: ideologiya, politika, praktika (1917–1980-e gg.)*. Nizh. Tagil, pp. 105–119.

Mironov, B.N. (2022). O nelegitimnosti sovetskoj vlasti [On the Illegitimacy of Soviet Power]. In *Noveyshaya istoriya Rossii*. Vol. 12, No. 1, pp. 8–38.

Morozov, K.N. (2005). *Sudebnyy protsess sotsialistov-revoljutsionerov i tyuremnoe protivostoyanie (1922–1926): Etika i taktika protivoborstva* [The Trial of the Socialist Revolutionaries and the Prison Confrontation (1922–1926): Ethics and Tactics of Confrontation]. Moscow, ROSSPEN. 735 p.

Morozova, N.M. (2005). *Lishenie izbiratel'nykh prav na territorii Mordovii v 1918–1936 gg.* [Deprivation of Voting Rights on the Territory of Mordovia in 1918–1936], Cand. hist. sci. diss. abstract. Saransk. 19 p.

Morozova, N.M. (2009). O litsah, lishennykh izbiratel'nykh prav po religioznym motivam na territorii Mordovii: materialy lichnykh del 1918–1936 gg. [About Persons Deprived of Voting Rights for Religious Reasons on the Territory of Mordovia: Materials of Personal Files of 1918–1936]. In *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy*. No. 1, pp. 199–205.

Morozova, T.I. (2024). “Predostavlenie... prav shirokoy demokratii” ili “opredelennyy manevr kommunistov”? Perevybory sel'skikh sovetov v Sibiri (oktyabr' 1924 – mart 1925 goda) [“Granting... the Rights of Broad Democracy” or “a Certain Maneuver of the Communists”? Re-Elections of Rural Councils in Siberia (October 1924 – March 1925)]. In *Istoricheskiy kur'er*. No. 1 (33), pp. 49–63. Available at: URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-1-04.pdf> (date of access 30.10.2024).

Moskalenskaya, D.N. (2017). *Pravoslavnye svyashchenno i tserkovnosluzhitely-“lishentsy” Zapadnoi Sibiri v seredine 1920-kh – seredine 1930-kh gg.* [Orthodox Clergy and Church Servants-“disenfranchised” of Western Siberia in the mid-1920s – mid-1930s: Status, Appearance, Behavior], Cand. hist. sci. diss. abstract. Tomsk. 23 p.

Moskalenskaya, D.N. (2016). Lishenie i vosstanovlenie v izbiratel'nykh pravakh pravoslavnykh tserkovnosluzhiteley Zapadnoy Sibiri v seredine 1920-kh – seredine 1930-kh gg. [Deprivation and Restoration of Voting Rights of Orthodox Clergy in Western Siberia in the Mid-1920s – Mid-1930s]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 403, pp. 82–86

Moskalenskaya, D.N. (2024). “Lishentsy” v postsovetskoj otechestvennoy istoriografii [Disenfranchised in Post-Soviet Russian Historiography]. In *Istoricheskiy kur'er*. No. 1 (33), pp. 139–154. Available at: URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-1-09.pdf> (date of access 30.10.2024).

Nadezhkina, V.A., Kaibusheva, P.M. (2010). *Evoljutsiya obshchestvenno-politicheskikh nastroyeniy rabochikh i krest'yanstva Orenburgskoy gubernii v gody NEPa (1921–1929 gg.)* [The Evolution of Socio-Political Sentiments of Workers and Peasants of the Orenburg Province during the NEP Years (1921–1929)]. Ufa, RITS BashGU. 147 p.

Novikov, Yu.A. (1996). *Izбирatel'naya sistema Rossii: 90 let istorii* [Electoral System of Russia: 90 Years of History]. Moscow, Manuscript. 320 p.

Ofitserova, N.V. (2014). Apatiya kak zhiznennaya strategiya gorodskogo naseleniya na vyborah vtoroy poloviny 1920-kh gg. [Apathy as a Life Strategy of the Urban Population in the Elections of the Second Half of the 1920s]. In *Vlast'*. No. 5, pp. 145–148.

Olek, G.L. (1995). *Partiynaya mashina RKP(b) v nachale 20-kh gg.: Ustroystvo i funktsionirovanie* [The Party Machine of the RCP(b) in the Early 1920s: Structure and Functioning]. Novosibirsk. Izdatel'stvo Novosibirskogo gumanitarnogo instituta. 144 p.

Pankratova, O.B., Pisanov, S.S. (2018). Politika lisheniya krest'yanstva izbiratel'nykh prav v 20-e – 30-e gody XX veka i ee posledstviya [The Policy of Depriving the Peasantry of Voting Rights in the 20s – 30s of the 20th Century and Its Consequences]. In *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*. Vol. 24, No. 3, pp. 52–55.

Panov, P.V. (1992). *Partiya bol'shevikov i Sovety Urala v gody nepa (evolyutsiya mekhanizma mestnoy vlasti)* [The Bolshevik Party and the Ural Soviets during the NEP Years (Evolution of the Local Government Mechanism)], Cand. hist. sci. diss. abstract. Perm'. 17 p.

Papkov, S.A. (2015). Gorodskoe samoupravlenie Novonikolaevska (Novosibirsk) v 1920-e gody [Municipal Government of Novonikolaevsk (Novosibirsk) in the 1920s]. In *Vlast' i obshchestvo v Sibiri v XX veke. Sbornik nauchnykh statey*. Novosibirsk, Parallel'. Vol. 6, pp. 133–153.

Pavlyuchenkov, S.A. (2002). Ekonomicheskiy liberalizm v predelakh politicheskogo plyuralizma [Economic Liberalism Within the Limits of Political Pluralism]. In *Rossiya nepovskaya*. Moscow, pp. 15–57.

Pavlyuchenkov, S.A. (2008). “*Orden mechenostsev*”: partiya i vlast' posle revolyutsii, 1917–1929 gg. [“The Order of the Sword”: The Party and Power after the Revolution, 1917–1929]. Moscow, Sobranie. 463 p.

Pavlyuchenkov, S.A. (1997). *Voennyi kommunizm v Rossii: vlast' i massy* [War Communism in Russia: Power and the Masses]. Moscow, Russkoe knigoizdatel'skoe tovarishchestvo Istoriya. 270 p.

Perfil'eva, I.A. (2007). *Stanovlenie i evolyutsiya gosudarstvennogo apparata vlasti i upravleniya Zabaikal'ya v 1922–1936 gg.* [Formation and Evolution of the State Apparatus of Power and Administration of Transbaikalia in 1922–1936], Cand. hist. sci. diss. abstract. Irkutsk. 27 p.

Petrishcheva, N.S. (2012). “Kulakov razryadov mnogo, a vzapravdu, kto kulak?”: k voprosu o formirovanii izbiratel'nogo zakonodatel'stva v period “ozhivleniya Sovetov” (na materialakh Kurskoy gubernii [“There are Many Kulaks of Ranks, but Really, Who is the Fist?”: On the Question of the Formation of Electoral Legislation During the “Revival of the Soviets” (On the Materials of the Kursk Province)]. In *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 4-1 (43), pp. 59–65.

Petrishcheva, N.S. (2013). *Istoricheskie osnovy i praktika realizatsii izbiratel'nykh kampaniy v organy sovetskoj vlasti v 1920-e gg. (na materialakh Kurskogo kraya)* [Historical Foundations and Practice of Implementing Election Campaigns to Soviet Authorities in the 1920s (Based on Materials from the Kursk Region)], Cand. hist. sci. diss. abstract. 21 p.

Pis'menov, V.N. (2001). *Organy upravleniya Kurskoy gubernii: Mekhanizm formirovaniya i podbor kadrov, 1920–1928 gg.* [Governing Bodies of Kursk Province: Mechanism of Formation and Selection of Personnel, 1920–1928], Cand. hist. sci. diss. abstract. Kursk. 27 p.

Plotnikov, A.A. (2003). *Konstitutsiya RSFSR 1918 g. (Istoriko-Pravovoe Issledovanie)* [Constitution of the RSFSR 1918 (Historical and Legal Research)], Cand. law sci. diss. Moscow. 205 p.

Rudik, P.L. (1991). *Istoriya sovetskogo izbiratel'nogo prava (1917–1936)* [History of Soviet Electoral Law (1917–1936)], Cand. law sci. diss. abstract. Moscow. 21 p.

Rupasov, A.I. (2019). Lishennye izbiratel'nykh prav v Leningrade v 1920-e gg. [Deprived of Voting Rights in Leningrad in the 1920s]. In *Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal*. No. 2 (22), pp. 282–295.

Ryazantsev, N.P. (1992). *Perevybory Sovetov v obshchestvenno-politicheskoy zhizni sovetskoy derevni v seredine 20-kh godov* [Re-Elections of the Soviets in the Socio-Political Life of the Soviet Village in the Mid-20s]. Yaroslavl', YarGU. 76 p.

Salamatova, M.S. (2002). *Lishenie izbiratel'nykh prav kak forma sotsial'no-politicheskoy diskriminatsii v seredine 1920-kh – 1936 gg.: na materialakh Zapadnoy Sibiri* [Deprivation of Voting Rights as a Form of Socio-Political Discrimination in the Mid-1920s – 1936: On Materials from Western Siberia], Cand. hist. sci. diss. abstract. Novosibirsk. 24 p.

Salamatova, M.S. (2011). *Sovetskie pravovedy ob izbiratel'nom prave (1920-e gody)* [Soviet Legal Scholars on Electoral Law (1920s)]. In *Istoriko-pravovyye problemy: novyy rakurs*. No. 4, pp. 96–106.

Salamatova, M.S. (2011). *Zhurnal “Vlast’ Sovetov” – istochnik dlya izucheniya izbiratel'nykh kampaniy 1920–1930-kh gg.* [The Magazine “Power of the Soviets” is a Source for Studying the Election Campaigns of the 1920s and 1930s]. In *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*. Vol. 10, No. 10, pp. 52–57.

Savin, A.I. (2016). *Pis'ma vo vlast' kak spetsificheskaya forma politicheskoy adaptatsii sovet-skiy grazhdan v 1930-e gody* [Letters to Power as a Specific Form of Political Adaptation of Soviet Citizens in the 1930s]. In *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*. Vol. 15, No. 8, pp. 133–145.

Serokurova, L.A. (2010). *“Lishentsy” Krymskoy ASSR v kontekste sotsial'no-ekonomicheskikh i politicheskikh protsessov: 1921–1936 gg.* [“Disenfranchised” of the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic in the Context of Socio-Economic and Political Processes: 1921–1936], Cand. hist. sci. diss. abstract. Moscow. 23 p.

Shayakhmetova, I.Z. (2007). *Gorodskie sovery Bashkirskoy ASSR v 1919–1991 gg.* [City Councils of the Bashkir ASSR in 1919–1991], Cand. hist. sci. diss. abstract. Orenburg. 23 p.

Shishkin, V.A. (1997). *Vlast'. Politika. Ekonomika. Poslerevolutsionnaya Rossiya (1917–1928 gg.)* [Power. Politics. Economy. Post-Revolutionary Russia (1917–1928)]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin. 399 p.

Slavko, T.I. (1995). *Kulatskaya ssylka na Urale 1930–1936 gg.* [Kulak Exile in the Urals 1930–1936]. Moscow. 173 p.

Smirnova, T.M. (2003). *“Byvshie lyudi” Sovetskoy Rossii: Strategii vyzhivaniya i puti integratsii 1917–1936 gody* [“Former People” of Soviet Russia: Strategies of Survival and Paths of Integration 1917–1936]. Moscow. 296 p.

Smirnova, T.M. (2004). *Lishentsy g. Sergieva: 1920-e gody* [Disenfranchised of Sergiev: 1920s]. In *Trudy GIM: Zabelinskie nauchnye chteniya*. Iss. 143. Moscow, pp. 205–209.

Sukharev, A.A. (2014) *Sostav Tyumenskogo gorodskogo Soveta v gody nepa* [Composition of the Tyumen City Council during the NEP Years]. In *Kazanskaya nauka*. No. 9, pp. 43–49.

Sukharev, A.A. (2015). *Uchastie naseleniya v vyborah deputatov Tyumenskogo gorodskogo soveta v gody NEPa* [Participation of the population in the elections of deputies of the Tyumen City Council during the NEP Years]. In *Vestnik Universiteta druzhby narodov*. Part.: Istoriya Rossi, No. 3, pp. 18–25.

Sukharev, A.A. (2015). *Vlast' i obshchestvo zaural'skogo goroda v usloviyakh nepa: 1921–1929 gody (na materialakh Tyumeni)* [The Authorities and Society of a City in the Trans-Urals under the NEP: 1921–1929 (Based on Materials from Tyumen)], Cand. hist. sci. diss. abstract. Tyumen'. 25 p.

Suslov, A.Yu. (2007). *Sotsialisty-revolutsionery v Sovetskoy Rossii: istochniki i istoriografiya* [Socialist Revolutionaries in Soviet Russia: Sources and Historiography]. Kazan', KGTU. 229 p.

Tikhonov, V.I., Tyazhelnikova, V.S., Yushin, I.F. (1998). *Lisheniye izbiratel'nykh prav v Moskve v 1920–1930-e gody* [Deprivation of Voting Rights in Moscow in the 1920s and 1930s]. Moscow. 255 p.

Timofeeva, L.S., Fedorova, N.A. (2002). *Kazanskiy gorodskoy sovet v 1920-e gg. XX v.* [Kazan City Council in the 1920s]. In *Kazanskiy posad v proshlom i nastoyashchem*. Kazan', Master Lain, pp. 43–48.

Tkachev, V.I. (2005). *Formirovanie sovetskoy politicheskoy sistemy, oktyabr' 1917–1930-e gody (na materialakh Povolzh'ya)* [Formation of the Soviet Political System, October 1917–1930s. (Based on Materials from the Volga Region)]. Saratov. 228 p.

Trifonov, I.Ya. (1969). *Klasy i klassovaya bor'ba v nachale nepa (1921–1925 gg.)* [Classes and Class Struggle at the Beginning of the NEP (1921–1925)]. Leningrad, Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 2 part. 288 p.

Tufanov, E.V. (2010). *Formirovanie sovetskoy politicheskoy sistemy v 1917–1920 gg.: na primere Ryazanskoy gubernii* [Formation of the Soviet Political System in 1917–1920: The Example of the Ryazan Province], Cand. hist. sci. diss. abstract. Saransk, 23 p.

Tyutyunik, M.V. (2009). *Regional'nyy izbiratel'nyy protsess i formirovanie sistemy mestnykh Sovetov RSFSR v 1920–1924 gg.* [Regional Electoral Process and Formation of the System of Local Soviets of the RSFSR in 1920–1924], Cand. hist. sci. diss. abstract. Slavyansk-na-Kubani. 21 p.

Ul'yanova, S.B. (2014). *Deputaty gorodskikh Sovetov i ikh izbirateli (istoricheskiy opyt Lensoveta 1920-kh gg.)* [Deputies of City Councils and their Voters (Historical Experience of the Leningrad City Council of the 1920s)]. In *Vestnik Yaroslavskogo gosudarstvennogo universiteta. Part.: Gumanitarnye nauki*. No. 1 (27), pp. 18–22.

Valuev, D.V. (2003). *Lishentsy v sisteme sotsial'nykh otnosheniy (1918–1936) (na materialakh Zapadnogo regiona RSFSR)* [Lishentsy in the System of Social Relations (1918–1936) (Based on the Materials of the Western Region of the RSFSR)], Cand. hist. sci. diss. abstract. Bryansk. 22 p.

Valuev, D.V. (2012). *Lishentsy v sisteme sotsialnykh otnosheniy (1918–1936 gg.) (na materialakh Smolenskoj gubernii i Zapadnoy oblasti)* [Lishentsy in the System of Social Relations (1918–1936) (Based on the Materials of the Smolensk Province and the Western Region)]. Smolensk, Madzhenta. 155 p.

Venjaminova, A.A. (2008). *Izбирatel'nyy protsess v sovetskom gosudarstve: 1917 – nachalo 1990-kh gg.* [The Electoral Process in the Soviet State: 1917 – Early 1990s], Cand. law sci. diss. abstract. Krasnodar. 29 p.

Volod'kina, E.A. (2011). *Institut otmeny (perenosy) vyborov v rossiyskoj izbiratel'noy sisteme* [Institute of Cancellation (Postponement) of Elections in the Russian Electoral System], Cand. law sci. diss. abstract. Saratov. 25 p.

Yakhutl', Yu.A., Kas'yanov, V.V. (2020). *Kurs “litsom k derevne” kak proyavlenie protivorechiy NEPa v 1924–1926 gg. (po materialam Dona i Kubani)* [The “Facing the Village” Course as a Manifestation of the Contradictions of the NEP in 1924–1926 (Based on Materials from the Don and Kuban Regions)]. In *Vestnik Universiteta druzhby narodov*. Part.: Istoriya Rossii. No. 19, pp. 403–417.

Yarov, S.V. (1999). *Proletarii kak politik. Politicheskaya psikhologiya rabochikh Petrograda v 1917–1923 gg.* [The Proletarian as a Politician. Political Psychology of the Workers of Petrograd in 1917–1923]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin. 223 p.

Yarov, S.V. (2014). *Chelovek pered litsom vlasti. 1917–1920-e gg.* [Man in the Face of Power. 1917–1920s]. Moscow. ROSSPEN. 374 p.

Yudin, A.N. (2005). *Sel'skie Sovety Tambovskoi gubernii 1921–1924 gg.* [Village Councils of Tambov Province 1921–1924], Cand. hist. sci. diss. Tambov, 271 p.

Yunina, E.A. (2020). *Lishenie izbiratel'nykh prav kak element marginalizatsionnykh protsessov v obshchestve 1920–1930-kh gg. v otrazhenii sudeb zhiteley goroda Tobol'ska i Tobol'skogo okruga Ural'skoy oblasti (istoriko-antropologicheskiy aspekt)* [Deprivation of Voting Rights as an Element of Marginalization Processes in Society of the 1920–1930s. Reflecting the Destinies of the Inhabitants of the City of Tobolsk and the Tobolsk District of the Ural Region (Historical and Anthropological Aspect)]. In *Manuskript*. Vol. 13, No. 8, pp. 64–75.

Zhuravlev, V.P., Fortunatov, V.V. (2014). *Izбирatel'naya sistema i vybory v RSFSR v 1937–1987 godakh* [Electoral System and Elections in the RSFSR in 1937–1987]. In *Zhurnal o vyborakh*. No. 1, pp. 39–49.

Zvereva L.A. (2002). *Stanovlenie i razvitie organov gosudarstvennoy vlasti na Stavropol'e (dekabr' 1917–1929 gg.)* [Formation and Development of Government Bodies in Stavropol' (December 1917 – 1929)], Cand. hist. sci. diss. abstract. Stavropol'e. 26 p.

Е.Г. Водичев*

**НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ
УНИВЕРСИТЕТЫ В СИБИРИ:
ГЛОБАЛЬНЫЕ МАТРИЦЫ, ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ
И СОВРЕМЕННЫЕ ПРАКТИКИ**doi:10.31518/2618-9100-2025-1-10
УДК 94(571)+001.8

*Выходные данные для цитирования:
Водичев Е.Г. Национальные исследовательские университеты в Сибири:
глобальные матрицы, историческое наследие и современные практики //
Исторический курьер. 2025. № 1 (39). С. 136–153.
URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-1-10.pdf>*

E.G. Vodichev*

**NATIONAL RESEARCH UNIVERSITIES
IN SIBERIA: GLOBAL MATRICES, HISTORICAL LEGACY
AND CONTEMPORARY PRACTICES**

doi:10.31518/2618-9100-2025-1-10

*How to cite:
Vodichev E.G. National Research Universities in Siberia: Global Matrices, Historical
Legacy and Contemporary Practices // Historical Courier, 2025, No. 1 (39), pp. 136–
153. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-1-10.pdf>]*

Abstract. The paper compares two different trajectories of the universities' advancement to the status of national research universities (NRU), which legitimized and formalized their belonging to the elite segment of the Russian university system, using the example of leading universities in Siberia – Tomsk and Novosibirsk Universities. It is shown that the logic of development of the two universities' potential and capabilities differed significantly, essentially reflecting two different scientific and educational paradigms. This is explained by the specific historical conditions of the emergence of universities and their evolution, their socio-cultural role and significance in the regions of localization, the depth of integration into the system of fundamental science, management features, and a number of other factors. The Tomsk State University option, that became the first university in Siberia, is a model of evolution of a classical “Humboldtian” university that managed to preserve its basic principles in the difficult and controversial conditions of the Imperial and Soviet periods of national history, as well as post-Soviet transformations. The Novosibirsk State University option is a successful attempt to go beyond the principles and rules of the dominant scientific and technical, and scientific and educational policy by creating a university in close alliance with the Academy of Sciences as part of a single comprehensive scientific center. But despite all the differences in the evolution models, both universities have demonstrated “success stories” and are now the supporting links of the transforming innovation system.

Keywords: national research universities, higher education system, Novosibirsk State University, Tomsk State University, scientific and educational policy.

*The article has been received by the editor on 01.11.2024.
Full text of the article in Russian and references in English are
available below.*

* **Евгений Григорьевич Водичев**, доктор исторических наук, Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия; Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, e-mail: vodichev@mail.ru

Evgeny Grigorievich Vodichev, Doctor of Historical Sciences, Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia; National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia, e-mail: vodichev@mail.ru

Аннотация. В статье на примере ведущих вузов Сибири – Томского и Новосибирского университетов – сопоставлены две различные траектории продвижения вузов к статусу национальных исследовательских университетов (НИУ), который легитимизировал и формализовал их принадлежность к элитному сегменту вузовской системы России. Показано, в каких аспектах логики развития потенциала и возможностей два вуза существенно отличались друг от друга, по сути отражая различные научно-образовательные парадигмы. Это объясняется конкретно-историческими условиями возникновения и эволюции вузов, их социокультурной ролью и значением в регионах локализации, глубиной интегрированности в систему фундаментальной науки, особенностями менеджмента и рядом других факторов. Вариант ТГУ, первого университета на территории Сибири, – это модель эволюции классического «гумбольдтовского» университета, сумевшего сохранить свои базовые принципы в сложных и противоречивых условиях имперского и советского периодов в истории страны, а также коллизий постсоветских трансформаций. Вариант НГУ – успешная попытка выйти за рамки принципов и норм доминирующей научно-технической и научно-образовательной политики, создав университет в тесном альянсе с Академией наук как часть единого комплексного научного центра. Но при всей разнице моделей развития оба вуза продемонстрировали «истории успеха» и ныне являются опорными звеньями трансформирующейся инновационной системы.

Ключевые слова: национальные исследовательские университеты, высшая школа, Новосибирский государственный университет, Томский государственный университет, научно-образовательная политика.

Статья поступила в редакцию 01.11.2024 г.

Постановка проблемы. Университеты являются концентрированным выражением феномена высшей школы, в котором обеспечивается функциональное единство образования и науки. Они одновременно принадлежат к двум ведущим социальным институтам, определяющим интеллектуальный потенциал общества, – социальным институтам науки и образования. С одной стороны, опыт развития высшей школы в условиях системных общественных трансформаций, в том числе и тех, через которые прошла Россия, подтверждает неразрывность функций генерации, хранения и трансляции знаний, которые в современном мире выступают в качестве ресурса, в максимальной степени определяющего потенциал общества. Исторический опыт свидетельствует, что развитие университетской системы является значимым драйвером социально-политических, социально-экономических и социокультурных изменений. С другой стороны, развитие высшей школы убедительно доказывает ее рефлексивную функцию. Стимулируя процесс общественных изменений и во многом являясь их предпосылкой, преобразования в системе высшей школы отражают постоянно меняющиеся запросы со стороны других сфер общества – не только технологий и экономики, но и политики и культуры¹.

Как известно, система организации науки и высшего образования в СССР отличалась от мировых практик. В Советском Союзе в качестве ведущей научной организации с непрекаемым авторитетом в этой области выступала Академия наук СССР. Справедливо отмечается, что «университеты остались в тени влиятельных ведомств и Академии наук (АН), статус которой в позднесталинский период возрос до невиданных ранее высот»². Сформировалась модель, которую часто называют асимметричной конкуренцией академической

¹ См. об этом: *Водичев Е.Г., Лисс Л.Ф., Узбекова Ю.И.* Высшая школа в условиях системных трансформаций: сравнительно-исторический аспект. Новосибирск, 2013; *Водичев Е.Г., Зиневич О.В.* Университеты в истории общества. Европа, США и Россия. Новосибирск, 2023.

² *Степнов А.О., Грибовский М.В.* Асимметричная конкуренция: классические университеты и борьба за научное лидерство в позднесоветский период // Вестник Пермского университета. История. 2024. № 3 (66). С. 61.

и вузовской науки, лидер в которой был очевиден. Задачей высших учебных заведений, в том числе и университетов, была в основном подготовка специалистов для «народного хозяйства» и различных сфер жизнедеятельности общества. Научная работа в вузах, несмотря на регулярно повторяющиеся призывы к ее усилению, оставалась на втором плане. Разделение функций АН СССР и ведомственных научных институций, с одной стороны, и вузов, с другой, сформировалось в условиях ускоренной модернизации советского общества в годы первых пятилеток, и эта ситуация практически не изменялась до распада СССР. Однако уже на рубеже 1940–1950-х гг. в связи с разработкой новых систем вооружения такое положение дел уже вызывало вопросы, о чем убедительно свидетельствовал «атомный проект»³. К середине 1950-х гг. и с началом эпохи постиндустриализма ситуация еще более обострилась, поскольку новые технологические уклады с трудом, но все же начинали распространяться за пределы отраслей ВПК и актуализировали задачу формирования интегрированной научно-технической политики и национальной инновационной системы (НИС)⁴. Но лишь немногие наиболее сильные университеты смогли вступить на путь не столько конкуренции с АН, сколько борьбы за сохранение в своих стенах весомых научных исследований. Что касается Сибири, то, как отмечается, «Томск и Иркутск оказались центрами такой борьбы, и во многом ТГУ и ИГУ это удалось: наука здесь была не только сохранена, но и усилена благодаря созданию крупных научно-исследовательских структур»⁵. Причем, на наш взгляд, Томску это удалось лучше, чем Иркутску.

В целом же в позднесоветский период университетская система страны остро нуждалась в серьезной трансформации для восстановления единой логической цепочки генерации и трансляции новых знаний и компетенций. В советских реалиях это могло означать обеспечение глубокой интеграции науки, прежде всего АН СССР, и вузов. Существовал и другой вариант, опирающийся на глобальный опыт, – восстановление «нормальной» классической миссии и функций университетов как центров не только образования, но и научных исследований. Но это теория. На практике же в конкретно-исторических условиях СССР для обоих потенциальных сценариев имелось немало препятствий. Главным, на наш взгляд, было два обстоятельства. Во-первых, сохранение прежнего характера экономики страны, построенной на основе мобилизационной модели с жесткой приоритизацией отраслей ВПК, склонных к формированию собственных отраслевых инновационных систем. Это ограничивало проникновение не только технологических, но и организационно-управленческих инноваций за пределы ВПК. Во-вторых, большую роль играло то, что в экономической литературе часто называют *path dependance*, т.е. высокая инерционность советской системы, которая распространялась не только на производство, но и на иные социальные институты, включая науку и высшую школу. В итоге реализация обоих сценариев эволюции высшей школы в СССР во второй половине XX в. была связана с огромными трудностями. Точки прорыва, основной из которых стала «физтеховская модель» и сам Физтех (Московский физико-технический институт, МФТИ)⁶, были крайне ограниченными, а вариант усиления исследовательского потенциала в системе высшей школы хоть и приветствовался в политических реляциях, на практике упирался не только в ограниченность ресурсной базы, инфраструктурного обеспечения и квалификацию персонала, но и в инерционность и фрагментацию советской системы науки и высшей школы.

Новые тренды хотя и с трудом, но пробивали себе дорогу во второй половине XX в. Но ускоренными темпами ситуация стала меняться лишь после коллапса СССР с распадом его административной системы и интеграцией в глобальное интеллектуальное пространство. Первое постсоветское десятилетие сочеталось с системным кризисом в науке и высшем образовании. После его преодоления сформировалось понимание, что университеты, в целом

³ См.: *Артемов Е.Т.* Атомный проект в координатах сталинской экономики. М., 2017.

⁴ *Водичев Е.Г.* В траектории экономических реформ: наука и научная политика в годы «хрущевского десятилетия» // Уральский исторический вестник. 2021. № 4 (73). С. 135–144.

⁵ *Хаминов Д.В.* Иерархия университетов внутренней периферии в позднесоветский период: на примере азиатской части РСФСР // Вестник Пермского университета. История. 2024. № 3 (66). С. 76.

⁶ См.: *Карлов Н.В.* Книга о Московском Физтехе. М., 2008.

пережившие кризисные явления несколько легче за счет индивидуализации стратегий жизнеобеспечения, право на которое они получили в соответствии с рядом новых законов, утвердили себя с позиций социального лидерства, а их ресурсы и возможности долгие годы оставались недоиспользованными. Это предопределило изменения политики в сфере науки и высшего образования, приведшие к трансформации научно-образовательного «ландшафта». Главным стали акценты на усиление исследовательской функции университетов не как «младшего партнера» АН, а как полноценного компонента формирующейся новой НИС. В итоге продолжительного дискурса на вершине вузовской системы возник новый сегмент – федеральные и национальные исследовательские университеты. Очевидно, что появление этого сегмента в РФ было навеяно осмыслением мирового опыта и, в частности, опыта исследовательских университетов в США – глобального лидера в сфере науки и образования. Осенью 2008 г. в РФ был подписан указ «О реализации пилотного проекта по созданию национальных исследовательских университетов». Законодательно определялось, что на статус НИУ может претендовать университет, который в равной степени эффективно занимается образовательной и научной деятельностью и, как и федеральный университет, выполняет фундаментальные и прикладные исследования по широкому спектру наук. Первыми и вне конкурса национальными исследовательскими университетами стали Московский инженерно-физический институт и Московский институт стали и сплавов. Затем, уже на конкурсной основе, этот статус получили еще 12 вузов, в том числе Новосибирский государственный и Томский политехнический университеты. В дальнейшем к ним добавились Томский государственный университет и Иркутский государственный технический университет.

Итоги этого процесса позволяют обозначить специфическую исследовательскую задачу, направленную на выявление ключевых факторов в развитии университетов, которые в конечном итоге смогли преодолеть эту планку, т.е. общего и особенного на пути «истории успеха». Применительно к Сибири в центре внимания естественным образом оказываются два университета, постоянно входящие в международные рейтинги, – Томский, начавший свой путь почти полтора века назад как университет Императорский, и Новосибирский, созданный как неформальный «академический» университет советской эпохи, между которыми, несмотря на ныне единый административный статус, на первый взгляд различий было больше, чем общих черт.

ТГУ – модель эволюции классического университета. Томск часто называют «студенческой столицей» Сибири, и такое звание вполне заслуженно. Несомненные лидеры среди томских вузов – это два национальных исследовательских университета: Томский государственный университет (НИУ ТГУ) и Томский политехнический университет (НИУ ТПУ, ранее Томский политехнический институт, ТПИ). Оба университета пользуются широкой известностью не только в России, но и за рубежом. Оба вуза – старейшие университеты на востоке России. Но университетская история Сибири все же началась с Томского университета. В истории ТГУ отразились все социальные коллизии, через которые прошла страна в последние почти полтора века⁷. Он возник в 1878 г. в условиях Российской империи, бурно растущей, модернизирующейся в экономическом и социальном отношениях. Однако имперское могущество опиралось на сценарии развития, в которых перспективы периферийных регионов оценивались лишь применительно к интересам метрополии. Это определяло специфику политики в отношении науки и высшей школы. С одной стороны, центральная власть не демонстрировала особого стремления к развитию университетской системы на периферии страны, что надолго задержало проникновение университетов за Урал. С другой – диктовало утилитарный, исключительно прагматический подход к миссии и функциям учреждений высшей школы, которые с трудом пробивали себе дорогу

⁷ О создании и первых десятилетиях истории ТГУ см.: Томский университет. 1880–1980. Томск, 1980; Научно-образовательный потенциал Сибири в первой половине XX в.: динамика и механизмы. Новосибирск, 2009. С. 5–73; Некрылов С.А. Томский университет – первый научный центр в Азиатской части России (середина 1870-х гг. – 1919 г.). Т. 1. Томск, 2010; Т. 2. Томск, 2011.

в Сибирь. Но это же стимулировало общественный дискурс, обеспечивая давление на власти и объединяя вокруг университетской идеи прогрессивно мыслящих представителей различных слоев населения. И хотя Томский университет носил в своем названии титул Императорского, поддержка гражданского общества становилась важнейшим фактором успеха в обеспечении устойчивости первого высшего учебного заведения такого типа в Сибирском регионе, а само по себе наличие университета становилось важнейшим маркером региональной идентичности.

Концепт ТГУ (название университета неоднократно менялось, но здесь и далее будет использоваться аббревиатура ТГУ. – *Е. В.*) формировался в рамках европейских традиций «классического» университета, уже воплощенных в стенах российских университетов в западной части страны. Такая парадигма закладывалась в них изначально, задавая тон «гумбольдтовской» традиции междисциплинарности и единства в стенах высшей школы образования и научных исследований. Она также подразумевала «жесткий отбор студентов; широкие программы обучения и приоритет подготовки не только и не столько специалиста, сколько гражданина, культурной, всесторонне развитой личности; как правило, четырехфакторная структура, охватывавшая все отрасли научного знания; особый статус фундаментальной науки в целом и социально-гуманитарного знания в частности; во многом антиутилитарный характер научных устремлений»⁸. Сразу и в полной мере реализовать ее на практике не удалось – университет начал свою работу, имея в структуре лишь один медицинский факультет, но концепта это не отменяло. К тому же вскоре после создания ТГУ оказался под жестким давлением резко изменившегося социального контекста – революции, гражданской войны и оформившейся большевистской доктрины в отношении науки и высшей школы, определявшей специфику научной, научно-образовательной и научно-технологической политики. В ней, наряду с еще более усилившимся прагматизмом и утилитарностью, вызванными задачами модернизации, появилась и явная идеологическая доминанта. Но, во-первых, она не изменила суть экономической политики, которая по-прежнему формировалась исходя из принципа «регион для страны» без должного учета региональных интересов, как это было в условиях имперской России. А во-вторых, новеллой советской власти стало фактическое разделение социальных институтов науки и высшего образования, что противоречило самой природе университетов как таковых. Негативный внешний контекст приводил к необходимости проявлять максимальную креативность с тем, чтобы обеспечивать в стенах университета верность «классическим» университетским принципам. Это заставляло формировать собственные адаптационные стратегии, и приобретенный опыт формирования таких стратегий для Томского университета имел большую значимость во все последующие периоды его истории.

После революции 1917 г. роль и место ТГУ как основного центра науки и высшего образования на востоке России полностью сохранились. С ним мог конкурировать лишь ближайший сосед – Томский технологический институт, но эти отношения были, скорее, не конкурентными, а кооперативными. Исследовательские интересы Томского университета охватывали обширные территории в Сибири, на Дальнем Востоке и в Центральной Азии, включая Монголию. Революция и последовавшая за ней гражданская война создали для университета неожиданный, хотя и кратковременный позитивный эффект: в Томск эвакуировали многих выдающихся профессоров из университетов европейской части страны. Впоследствии при первых признаках стабилизации большинство ведущих ученых вернулись назад, к месту прежнего жительства и работы. Например, только в 1921–1922 гг. Томск покинули десять профессоров, но за время пребывания в Сибири они успели оказать значительное влияние на формирование и развитие томских научных школ⁹. Опора на ведущие научные школы из центра страны в эти годы продолжила научные традиции, заложенные при основании университета. Казалось бы, мимолетный эффект имел долговременные последствия для многих фундаментальных научных направлений, и их тщательно оберегали.

⁸ Степнов А.О., Грибовский М.В. Асимметричная конкуренция... С. 62.

⁹ Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. Новосибирск, 2010. Т. 3. С. 360–361.

Временем противоречивых тенденций стали и последующие годы. С одной стороны, ТГУ быстро развивался, менялась его внутренняя структура, постепенно адаптируясь к потребностям общества. В университете появились новые факультеты: биологический, геолого-географический, химический, унифицирующие его с другими университетами-современниками. Продолжили работу физико-математический, юридический и медицинский факультеты. С другой стороны, на работе университета в 1920–1930-е гг. сказалась крайне противоречивая политика советского правительства в сфере высшего образования¹⁰. В частности, для ТГУ она обернулась фактической ликвидацией гуманитарных исследований после реорганизации историко-филологического факультета, и эта лакуна сохранялась на протяжении десятилетия¹¹. Историко-филологический (первоначально исторический) факультет был восстановлен в ТГУ лишь в 1940 г.

Начавшаяся Вторая мировая война вновь осложнила деятельность университета. Но одновременно происходила эвакуация высших учебных заведений из европейской части страны в Сибирь. Для ТГУ повторилась ситуация времен гражданской войны, поскольку вакансии ушедших на фронт специалистов замещались эвакуированными преподавателями и исследователями. На время существенно повысился квалификационный уровень преподавателей томских вузов, значительно возросла доля докторов и кандидатов наук, многие из них в ТГУ возглавили кафедры и научные направления. В итоге время сложнейших социально-экономических вызовов не стало для ТГУ катастрофой. К середине 1950-х гг. после ряда реорганизаций университет функционировал уже в составе восьми факультетов, обеспечивавших подготовку по 47 специальностям, в нем обучалось почти 3 000 студентов. Во второй половине 1950-х гг. в Томске проходила обучение почти половина всех аспирантов сибирских вузов, а ТГУ был основной «кузницей кадров» для высшей школы Сибири¹².

Научный потенциал томских вузов стал важным аргументом при рассмотрении вопроса о создании нового академического центра в Сибири. Даже представитель региональной академической науки, председатель Западно-Сибирского филиала АН СССР проф. Т.Ф. Горбачев, отмечал: «В Новосибирске нет университета и вряд ли в Новосибирске полезно создавать университет параллельно с Томским, существующим и себя прекрасно зарекомендовавшим. Это привело бы к тому, что Томский университет должен быть ослаблен в очень сильной степени. Нет оснований строить и другие, параллельные томским, высшие учебные заведения, зарекомендовавшие себя достаточно удовлетворительно в прошлом и имеющие право на существование»¹³. Как известно, данное мнение не получило поддержки, и было принято иное решение, приведшее к появлению на карте страны новосибирского Академгородка, но сам факт его представления на высшем политическом уровне свидетельствовал о высоком авторитете ведущих томских вузов.

К 1980-м гг. ТГУ представлял собой полноценный классический университет, в структуру и деятельность которого были интегрированы важные компоненты вуза исследовательского типа. Об этом говорил высокий квалификационный уровень его сотрудников, ставший особенностью ТГУ на фоне других вузов региона, а также востребованность его выпускников в системе науки и образования, культуры, в реальном секторе экономики. В ТГУ была создана атмосфера, стимулирующая вовлечение и преподавательского состава, и студенческого контингента в науку. Успешно развивались научные школы, часть из которых возникла еще в дореволюционный период на рубеже XIX и XX вв. Сформировались

¹⁰ Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. Новосибирск, 2010. Т. 1: А-И. С. 326–327.

¹¹ Соскин В.Л. Ученые Сибири в фокусе дискриминации (20-е гг.) // Дискриминация интеллигенции в послереволюционной Сибири. Новосибирск, 1994. С. 74.

¹² Цеховой Н.П. Аспирантура и докторантура Томского государственного университета и их роль в формировании и развитии научных школ и направлений (середина 1920-х гг. – 1991 г.): автореф. ... канд. ист. наук. Томск, 2011.

¹³ Сибирское отделение Российской академии наук: создание (1957–1961 годы): сб. док-тов. Новосибирск, 2007. С. 40.

крупные научные коллективы, работавшие в сфере точных, естественных, гуманитарных и социальных наук.

В советской практике наиболее эффективной формой организации исследований в высшей школе традиционно считались научно-исследовательские институты и специализированные лаборатории. Именно ТГУ стал одним из признанных лидеров в этой области. Еще в 1928 г. начал работу самый известный сибирский научно-исследовательский институт первой половины XX в. – Сибирский физико-технический институт (СФТИ), в 1932 г. – НИИ математики и механики, в 1935 г. – Биологический институт. Основателем и директором «Сибирского физтеха» – одного из ведущих учреждений в области физических исследований – стал профессор, впоследствии академик АН СССР В.Д. Кузнецов. В организации СФТИ принимали активное участие академик А.Ф. Иоффе, которого часто называют «отцом советской физики», и впоследствии Нобелевский лауреат академик Н.Н. Семенов. В начале 1960-х гг. численность сотрудников СФТИ возросла до 344 чел., включая 130 научных сотрудников. Квалификация исследователей была необычайно высока для научных подразделений вузовской системы не только региона, но и страны: почти половина из них имела степени докторов и кандидатов наук. В некотором смысле СФТИ «перерос» свой статус структурного подразделения ТГУ, и отношения института и материнской структуры временами складывались весьма непросто. В СФТИ с 1954 по 1978 г. было открыто 18 новых лабораторий, работавших в тесной коллаборации с ТГУ и ТПИ. В 1958 г. в институте начала работу первая в Зауралье ЭВМ. Благодаря деятельности СФТИ и других научных учреждений при университете ТГУ уже в 1930-е гг. приобрел характерные черты исследовательского университета, соединившего подготовку специалистов с проведением научных исследований¹⁴.

Кроме трех самостоятельных научно-исследовательских институтов, при ТГУ действовало еще пять музеев, Ботанический сад, Гербарий. Наряду с институтами, к середине 1960-х гг. в ТГУ работало десять проблемных лабораторий. Отраслевая структура этих лабораторий коррелировала с профилем вуза и отражала характерную для этого времени тенденцию «технологизации» университетов. Очевидной стала приоритетная ориентация научно-исследовательских подразделений на разработку научно-технических и технико-технологических проблем, связанных с развитием различных отраслей промышленного производства. Это затронуло и научные исследования в классическом университете, каким являлся ТГУ¹⁵. Всего же к началу 1970-х гг. из 29 НИИ в структуре высшей школы страны 10 работало в Сибири, и большая часть из них в Томске, при ТГУ и ТПИ¹⁶.

С ведущими университетами Томска связана еще одна важная особенность в истории научной политики страны. ТГУ совместно с ТПИ стал точкой роста ряда академических институтов. «Донором» академической науки стали вузовские научные подразделения. Такая ситуация оказалась уникальной для академических научно-организационных практик в Сибири. В 1960-е гг. интеграционные процессы в сфере исследовательской деятельности между комплексом вузовских научно-исследовательских учреждений и АН постоянно усиливались, что привело к формированию институтов Томского научного центра СО АН СССР, которые продолжали работать в тесной связке с ТГУ.

В позднесоветский период ТГУ вместе с другими ведущими университетами страны приходилось маневрировать, решая дилемму сохранения университетской идентичности и приверженности принципам классической «гумбольдтовской» модели и постоянно усиливавшегося давления в направлении утилитарности в исследованиях и образовании. Этот опыт оказался востребован и в постсоветский период, поскольку он базировался на высокой адаптивности университетских стратегий к актуальным потребностям государства и

¹⁴ Сибирский физико-технический институт. История создания и становления в документах и материалах (1928–1941 гг.). Томск, 2005. С. 31.

¹⁵ Водичев Е.Г. Наука на Востоке СССР в условиях индустриализационной парадигмы. Новосибирск, 2012. С. 301, 321.

¹⁶ Водичев Е.Г. Путь на Восток. Формирование и развитие научного потенциала Сибири (сер. 1950-х – 1960-е гг.). Новосибирск, 1994. С. 162.

общества. Ныне же миссия ТГУ формулируется следующим образом: оставаться классическим университетом исследовательского типа с системой образования, сочетающей учебный процесс на базе фундаментальных научных исследований и удовлетворение духовных потребностей личности. Но следует заметить, что в своих базовых элементах она фактически оставалась таковой на протяжении всей истории ТГУ. Заявлено, что «Целевая модель университета определена в четырех рамках. Первая – это “Университет прорыва”. В университете наряду с подготовкой специалистов решаются разные задачи промышленности: от создания новых медицинских препаратов до получения новых видов экологичных продуктов и биотоплива. Вторая рамка – ориентация на мета- и трансдисциплинарные исследования. Третья рамка – качество жизни и устойчивое развитие. И, наконец, четвертая рамка – экосистемность. Разбираться с масштабными вызовами можно только в партнерстве, поэтому университет – это коммуникационная площадка для власти, промышленных партнеров и науки»¹⁷. Ныне в структуре ТГУ – 6 институтов, 14 факультетов и учебных институтов, 3 НИИ и 38 центров довузовской подготовки и профориентации в городах Сибири и Казахстана. В вузе обучаются более 15 тыс. студентов, при этом четверть студентов ТГУ – иностранцы из почти 70 стран мира. Образование ведется по более чем 250 программам, из которых более 100 – совместные. В ТГУ работают более 600 докторов и 1 300 кандидатов наук. Исследования проводятся в рамках 66 лабораторий мирового уровня, 12 центров коллективного пользования, 49 научно-образовательных центров. Университет обладает развитой инновационной инфраструктурой, включающей учебные, научные, внедренческие центры. В 2017 г. ТГУ стал сооснователем первого в РФ университетского венчурного фонда объемом 33,3 млн руб.¹⁸

Ныне ТГУ является и крупнейшим информационным центром. Достояние университета, Томска и всей страны – научная библиотека, старейшая и крупнейшая университетская библиотека на востоке России, которая имеет общенациональное значение. В фондах библиотеки хранится более 8 млн печатных изданий и электронных документов, что сделало библиотеку ТГУ одной из лучших университетских книгохранилищ страны. Некоторые из коллекций книг являются уникальными. Как часть ТГУ, библиотека имеет статус особо ценного объекта культурного наследия России¹⁹. Университет имеет собственное издательство. Статьи, опубликованные на страницах университетских журналов, фиксируются в международных базах данных научных публикаций, таких как Scopus Web of Science.

Образовательные программы ТГУ имеют явно выраженные исследовательские и междисциплинарные акценты, подготавливая выпускников к решению нестандартных задач. Это привлекает абитуриентов не только из России: студенческий контингент ТГУ на четверть состоит из иностранных студентов. В университете ведутся научные исследования по многим направлениям науки и инжиниринга, для чего создана соответствующая научная инфраструктура, интенсивно развивается кооперация с институтами Российской академии наук, а также корпорациями и отдельными высокотехнологичными предприятиями. Это стало основой для подготовки специалистов высшей научной квалификации: в ТГУ функционируют 24 диссертационных совета, ежегодно защищается около 20 докторских и 100 кандидатских диссертаций. С 2018 г. ТГУ получил право самостоятельно присуждать ученые степени докторов и кандидатов наук. Аттестаты и дипломы ТГУ традиционно пользуются высоким авторитетом в стране и за рубежом. Университет открыт для международного сотрудничества, является частью развитой системы транснациональных партнерств и научных коммуникаций. Ныне в списке зарубежных партнеров ТГУ – более ста университетов Европы, Азии, Америки, Африки, Австралии. В последние годы, следуя геополитическим трендам, основной вектор развития международных коммуникаций в науке и образовании все более смещается в сторону стран Глобального Юга.

¹⁷ Сайт ТГУ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tsu.ru/> (дата обращения: 10.10.2024).

¹⁸ Там же.

¹⁹ Историческая энциклопедия Сибири... Т. 1. С. 209–210.

Вариант НГУ – стратегия «академического альянса». Разработка новых систем вооружения в СССР и решение «задачи номер 1» показали огромную значимость для страны и фундаментальной науки, и наличия нестандартно мыслящих технических специалистов, владеющих исследовательскими навыками. По мере появления предприятий, принадлежащих к новым технологическим укладам, главным образом из ВПК и его «смежников», стала очевидной необходимость обращения к носителям фундаментального знания, к АН, и поиски путей ее интеграции с высшей школой. В итоге новеллой стала «система физтеха». По словам ее идеолога акад. П.Л. Капицы, она включала в себя «тщательный отбор одаренных и склонных к творческой работе представителей молодежи; участие в обучении ведущих научных работников и тесном контакте с ними в их творческой обстановке; индивидуальный подход к отдельным студентам с целью развития их творческих задатков; ведение воспитания с первых же шагов в атмосфере технических исследований и конструктивного творчества с использованием для этого лучших лабораторий страны»²⁰. Говорить о ее принципиальной новизне в глобальном смысле не приходится, но для СССР это была принципиальная новация. «Система физтеха» во многом стала перенесением на отечественную почву принципов подготовки в зарубежных исследовательских университетах, глубоко адаптированной к советским реалиям.

МФТИ работал главным образом на ВПК, отражая свойственные для советской мобилизационной экономики приоритеты. Но и в таком виде новые подходы к подготовке специалистов столкнулись с многочисленными препятствиями в виде существующей матрицы высшего профессионального образования. Однако стена уже была пробита. Следующей попыткой воспроизвести «систему физтеха», но уже в модернизированном виде и с переносом на почву не инженерного, а фундаментального естественнонаучного образования и в сферу «гражданской» науки, были предприняты в Академгородке. Новосибирский университет изначально формировался в рамках концепции развития нового академического центра – Сибирского отделения АН СССР (СО АН СССР, ныне СО РАН) и рассматривался как его неотъемлемая часть, хотя начал свою работу не в 1957 г., когда было принято постановление о создании научного центра, а двумя годами позже. Академик М.А. Лаврентьев предлагал распространить на НГУ действие всех постановлений и распоряжений правительства и министерства по МФТИ. В разработке концепта университета принимали участие крупнейшие специалисты, ранее входившие в число организаторов МФТИ, руководившие этим институтом, работавшие в нем в качестве исследователей и преподавателей, а также имевшие опыт трансляции сложившихся практик в другие учреждения ВПК²¹. Это позволяло отразить практический опыт и сделать из него соответствующие выводы.

Важнейшим из осмысленных уроков при формировании НГУ как раз и стал вывод о том, что прорывные решения легче реализуются в том случае, если они не встраиваются в уже работающую систему, созданную на иных организационных основаниях, а формируются «с нуля». Не менее важным стало понимание необходимости изначально сформулировать базовые принципы и алгоритмы работы нового университета как вуза исследовательского типа. Первое условие определило одномоментность создания нового научного центра и университета, локализованного в этом комплексе в качестве его органической части. Второе – концептуальное единство академической науки и образования в системе научного комплекса. Миссией НГУ должна была стать подготовка исследователей естественнонаучного профиля для перспективных направлений фундаментальной науки. Концепция НГУ как части академического центра также предопределила профиль университета и его ориентацию на те направления науки, которые считались приоритетными для СО АН СССР.

В итоге НГУ стал вторым вузом страны, в котором были реализованы новые подходы к интеграции системы фундаментальных исследований и образования. Но это не было

²⁰ Из письма П.Л. Капицы Председателю СНК СССР И.В. Сталину. Цит. по: Шука А.А. Физтех и физтехи. Изд. 3-е, пер. и доп. М., 2010. С. 86.

²¹ Аблажей Н.Н., Водичев Е.Г., Красильников С.А. Новосибирский государственный университет: создание, становление, развитие (1959–2019). Новосибирск, 2019. С. 14.

«слепым копированием» прошлого опыта. «Организаторам СО АН уже на первом этапе проектирования была очевидна принципиальная разница между НГУ и МФТИ. <...> Упоминание принципов “системы Физтеха” было важным для бюрократии прецедентом, что позволяло облегчить отстаивание своих позиций относительно нового университета. Оригинальные права уже оправдавшей себя системы внесли в абрис университета четкую структуру, что упрощало диалог с партийно-правительственными инстанциями»²². Цели и базовые ориентации университета, а также то, что НГУ создавался почти на десять лет позднее МФТИ, повлияли на эволюцию «физтеховского» концепта. Система подготовки была построена «снизу» и «сверху». Отбор студентов в университет в значительной мере осуществлялся через систему олимпиад и Физико-математическую школу, вскоре созданную при НГУ и позднее вошедшую в его структуру в качестве специализированного учебно-научного центра. Что касается «верхних этажей» системы, т.е. подготовки научных кадров высшей квалификации с ученой степенью, то «университетское здание» де-факто было интегрировано с академическим. Основу преподавательского корпуса НГУ составили сотрудники институтов учреждений Новосибирского научного центра (ННЦ). Обучение в университете основывалось на принципе индивидуальной работы с преподавателями и ранней специализации студентов. Тесная интеграция с научным центром позволяла использовать для практических занятий лабораторную базу академических институтов.

Однако имелись и существенные различия с прототипом. В отличие от МФТИ, в НГУ «физтеховская система» была адаптирована к потребностям не технического, а классического университета с широким набором специальностей и специализаций в области естественных, а в дальнейшем и общественных, и гуманитарных наук. Правда, стоит отметить, что и НГУ начинал свою историю в 1959 г. лишь с одного факультета и четырех специализаций, но уже через три года количество факультетов увеличилось до шести, а специальностей – до десяти²³. «В отличие от МФТИ, который имел довольно узкую направленность подготовки, в НГУ удалось привлечь крупных специалистов по всем направлениям современной науки»²⁴. Фактически университет создавался и развивался как «академический», как часть ННЦ (Академгородка), носившего комплексный характер и имевшего в то время статус приоритетного проекта, что и предопределило его быстрый успех. НГУ разделил этот успех в полной мере. Он стал одним из немногих так называемых новых университетов, быстро вошедших в число ведущих российских вузов, получивших широкое международное признание.

Задачу организации университета удалось решить достаточно успешно. Формирование эффективно работающего исследовательского университета рассматривалось в качестве неременного условия для успеха замысла по развитию нового академического центра. Но важно отметить, что новый университет повлиял на динамику развития всей университетской системы, симулируя процесс обновления и перемен. После начала работы НГУ «...старые университеты вынуждены были искать свое место в этой системе. Особенно это касалось ТГУ, занимавшего до появления НГУ исключительное положение не только в Западной Сибири, но и фактически во всем азиатском макрорегионе»²⁵.

Благодаря приоритетности проекта по формированию СО АН СССР и политической поддержке на самом высшем уровне на начальной стадии удалось избежать сложных коллизий с заинтересованными ведомствами. Но после старта НГУ сразу же столкнулся со множеством бюрократических проблем: де-юре НГУ находился под юрисдикцией Минвуза, но де-факто являлся частью Сибирского отделения. Несколько раз СО АН СССР выступало с предложением передать университет в его ведение – по словам М.А. Лаврентьева, «это помогло бы более тесному слиянию наших интересов, более оперативной

²² Выборнова В.А., Федорук М.П. Новосибирский государственный университет. Первое десятилетие (1959–1968). Новосибирск, 2024. С. 25.

²³ Там же. С. 73.

²⁴ Российская академия наук. Сибирское отделение: Исторический очерк. Новосибирск, 2007. С. 204.

²⁵ Хаминов Д.В. Иерархия университетов внутренней периферии в позднесоветский период... С. 75.

подготовке кадров по новым специальностям, широкому привлечению ученых к работе с молодежью. Но это не получилось»²⁶.

Уже в 1960-х гг., в первое десятилетие истории СО АН СССР и НГУ, в полной мере проявился синергетический эффект от тесной интеграции университета в систему академического комплекса. Первые выпуски НГУ, почти полностью абсорбированные академическими и другими институтами и вузами страны и региона, подтвердили это мнение. Стало ясно, что в концептуальном смысле модель работает весьма эффективно. Быстро наращивавшее свой потенциал СО АН СССР рассматривало университет как одно из своих подразделений и делилось с НГУ имеющимися финансовыми, материальными, кадровыми и информационными ресурсами и возможностями. Но вскоре проявилась необходимость оптимизировать принципы взаимоотношений между НГУ и СО АН СССР в рамках единого научно-образовательного комплекса. Уникальность организационной матрицы университета стала привычной и даже рутинной для Академгородка, но не для системы бюрократического управления. Совместительство – базовый принцип развития НГУ (доля совместителей из академических институтов в некоторые годы превышала 80 % преподавательского состава) – продолжало раздражать чиновников. Система не желала понимать, что в условиях комплексного научного центра, частью которого де-факто являлся университет, оно оказывалось несомненным достоинством. Единство НГУ и ННЦ становилось залогом успешного развития целостного научно-образовательного пространства. Университет выстоял и подтвердил свой исследовательский профиль, но формально стать академическим так и не сумел.

После неудачных попыток интеграции НГУ в состав академического комплекса решить задачу формализации отношений между двумя субъектами удалось лишь 20 лет спустя новым председателю СО АН СССР акад. Г.И. Марчуку и ректору НГУ акад. В.А. Коптюгу в рамках Договора о сотрудничестве, который в конечном итоге был утвержден и в правительстве. Центральное место в нем уделялось вопросам подготовки специалистов с фундаментальным университетским образованием и базовым принципам учебно-научной работы со студентами. Особо оговаривалась система взаимоотношений НГУ и СО АН СССР в области координации научно-исследовательских работ²⁷. Фактически подтверждался первоначальный принцип опоры на базовые институты Академгородка. Взаимодействие институтов Отделения с университетом выработало особую модель интеграции: научный институт становится базовым для кафедры и факультета вуза, предоставляя не только научное оборудование для обучения, но и рабочие места для студентов, магистрантов и аспирантов, вовлекая их в исследовательский процесс. Логичным развитием этих практик стало формирование совместных кафедр и лабораторий, позволяющих сотрудникам вуза проводить научные исследования в сотрудничестве с учеными Отделения в рамках тематики академических институтов. В итоге в НГУ и академических институтах стали складываться общие научные школы, коммуникационное пространство также фактически не разделялось ведомственными барьерами. Совместно использовалась и вся научная инфраструктура. Система интеграции НГУ и академического комплекса представлялась стабильной и устойчивой. Началось ее распространение и на другие вузы региона, где сложились научные центры СО АН СССР, однако нигде не были достигнуты масштабы и глубина интеграции, свойственная НГУ.

После распада СССР и в СО РАН, и в НГУ место стратегии развития фактически заняла тактика выживания. Вопрос о разрушении естественного альянса двух структур никогда открыто не поднимался, но и научный центр, и университет в попытках сохранить свой потенциал принимали решения исходя из собственного видения ситуации. В эти годы в условиях не только нарастающего хаоса, но и расширившейся автономии искусное маневрирование, мониторинг институциональных изменений в науке и профессиональном образовании, а также ситуации на рынках труда быстро воплощались в практические решения.

²⁶ Век Лаврентьева. Новосибирск, 2000. С. 173.

²⁷ Российская академия наук. Сибирское отделение: Исторический очерк... С. 260; *Аблажей Н.Н., Водичев Е.Г., Красильников С.А.* Новосибирский государственный университет: создание, становление, развитие... С. 211.

Структура НГУ существенно изменялась, возникали новые факультеты, расширялся спектр специальностей и программ подготовки, формировались новые модели финансирования, позволявшие эффективнее использовать возможности различных бюджетных и внебюджетных источников. При этом концепция НГУ как исследовательского университета не ставилась под сомнение, как и сложившаяся система связей и отношений с СО РАН, в 1998 г. подтвержденная новым договором об основных принципах взаимодействия.

В начале 2000-х гг. руководство СО РАН и университета вновь поставило вопрос о необходимости формального включения НГУ в состав академического комплекса, возвращаясь к идее «академического университета», теперь уже в формате научно-образовательного центра на базе Сибирского отделения с сохранением за НГУ университетского статуса. В программе реформирования системы образования России, утвержденной в сентябре следующего, 2005 г., содержался проект создания исследовательского университета на базе интеграции НГУ и СО РАН. Однако практические решения увязли в юридических сложностях, и концепту академического университета в новом формате вновь не суждено было осуществиться. Параллельно в 2007 г. в стране был проведен конкурс инновационных вузов, одним из лауреатов которого стал НГУ. В дальнейшем приоритетными стали программные формы интеграции, материализованные в виде учебно-научных центров, научно-образовательных комплексов и научно-образовательных центров. Опыт работы с базовыми факультетами, совместными кафедрами и лабораториями позволил институтам СО РАН успешно использовать интеграционные механизмы, предусмотренные федеральными программами.

На фоне дискуссий об интеграции НГУ и СО РАН, а по сути, поглощении университета академическим центром, на рубеже веков НГУ де-факто демонстрировал все большую самостоятельность в принятии стратегических решений. Свидетельством этому стали крупнейшие структурные изменения с момента основания университета, связанные с формированием новых факультетов. Появление нескольких новых факультетов стало результатом попыток руководства университета и университетского сообщества найти ниши на рынке востребованных профессий, неудовлетворенный спрос на которые в регионе был весьма велик. Вместе с тем создание большинства новых факультетов, имевших преимущественно обществоведческую и гуманитарную направленность, было неоднозначно встречено в СО РАН. Причина разногласий заключалась в отсутствии институциональной базы для некоторых новых факультетов (таких как факультеты иностранных языков, психологии, журналистики) и специальностей в системе СО РАН. Многими ведущими сотрудниками и руководителями Академии наук это рассматривалось как отход от изначальной философии НГУ как центра подготовки специалистов, главным образом с продвинутым естественнонаучным образованием для сферы фундаментальной науки. Однако в контексте времени шансы выпускников любых факультетов на трудоустройство в академических институтах, где давно произошла сатурация персонала, были невелики. Столь же незначительной в этот период оказалась и мотивация выпускников университета для продолжения карьеры в системе академической науки.

В феврале 2007 г. НГУ стал одним из лауреатов конкурса инновационных вузов России. В 2008 г. он вошел в число университетов-участников ФЦП «Развитие инфраструктуры наноиндустрии в РФ на 2008–2010 гг.». Это означало существенный сдвиг в научно-образовательной политике вуза в сторону инноваций. Все больше исследовательский университет продвигался в сторону рынка и предпринимательства, но выполнение новых программ по-прежнему базировалось на тесной координации с академическими институтами.

На рубеже первого и второго десятилетий XXI в. стало окончательно ясно, что акценты в научной политике страны сместились от академического комплекса в сторону университетов. На этом фоне возникла программа формирования элитного компонента в системе высшей школы, который должны были составлять федеральные университеты и национальные исследовательские университеты. НГУ реализовал свои амбиции в программе развития национальных исследовательских университетов. Университет капитализировал

все свои возможности и ресурсы, обретенные в историческом единстве с АН, но при этом акценты расставлялись уже несколько иным способом и взаимодействие с академическим комплексом представлялось в качестве лишь одного из аргументов. В частности, университет артикулировал такие свои отличительные особенности, как:

- наличие интегрированного академического ядра, включающего широкий набор дисциплин, которые читаются на всех факультетах и формируют у студентов целостный мировоззренческий фундамент, на котором выстраивается последующая специализация;
- широкое участие в образовательном процессе ученых академических институтов, раннее вовлечение студентов в научно-исследовательский процесс;
- система отбора и обучения одаренных школьников из регионов Сибири и Дальнего Востока в СУНЦ (физматшкола) и Высшем колледже информатики НГУ с применением новейших образовательных технологий;
- эффективная система межфакультетского сотрудничества, способствующая созданию новых междисциплинарных магистерских программ, а также формированию инновационных знаний и навыков студентов²⁸.

После получения статуса НИУ стратегия НГУ была переосмыслена и скорректирована. Теперь она ориентировалась на формирование современного исследовательского университета, способного обеспечить опережающую подготовку специалистов на основе интеграции науки, образования и бизнеса, эффективно объединить генерацию фундаментальных знаний и их конвертацию в новые технологии для инновационного развития и обеспечения национальной безопасности. В НГУ изменялось многое: система партнерских отношений с другими субъектами научной, образовательной и инновационной деятельности, в том числе традиционные механизмы взаимодействия с академическими институтами, система администрирования в самом вузе, перестраиваемая по проектному принципу, программы подготовки специалистов, адаптированные к новым требованиям и социально-экономическим и социокультурным условиям. Очевидно, что обретение нового статуса для НГУ было связано с прежним опытом развития интеграционных процессов с СО РАН. Однако трансформация НГУ в НИУ существенно расширяла окно возможностей для университета при разработке и реализации собственных научно-образовательных и инновационных стратегий и модификации всей системы отношений с научным центром. Без СО РАН университет, как и прежде, обойтись не мог, но и прежний формат отношений в качестве неинституционализированного структурного компонента академического центра уже вряд ли можно было считать оптимальным.

По мере того как РАН теряла свои исторические преимущества, федеральные и национальные исследовательские университеты лишь набирали вес и влияние. В 2015 г. НГУ обрел новый корпус, расширивший аудиторные и лабораторные ресурсы университета. Инфраструктурные возможности НГУ приблизились к лучшим университетам мира. В Академгородке была инициирована и реализуется в рамках национального проекта «Наука и университеты» программа создания кампуса университета мирового класса, что, несомненно, расширит его возможности и привлекательность. Произошла реорганизация внутренней структуры учебных подразделений университета, которая с 2016 г. формировалась тремя институтами и шестью факультетами. Более чем в два раза увеличилось и количество студентов (до 10 тыс. чел.), на протяжении предыдущих лет не превышавшее 3 500 чел.

В новой ситуации НГУ существенно скорректировал систему своих партнерских отношений. В сфере научных исследований основным стратегическим партнером университета по-прежнему оставалась академическая наука. Но при этом все большая часть исследований осуществлялась на активно развивающейся собственной базе и их масштабы постоянно увеличивались. Особую роль при этом играли междисциплинарные проекты и программы: НГУ эффективно использовал свои возможности классического университета, в котором присутствуют различные направления современной науки.

²⁸ Программа развития государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Новосибирский государственный университет» на 2009–2018 годы. Новосибирск, 2009. Т. 2. С. 6.

Исследовательский университет все больше становился и предпринимательским вузом. Все шире развивалось взаимодействие с новыми партнерами за рамками академической сферы, представленными субъектами инновационного бизнеса. Их место в университетских стратегиях также быстро возросло. Инновационная деятельность развивалась по двум направлениям. Первым из них стала генерация точек роста и инновационного бизнеса внутри самого университета. С 2009 г., когда были созданы соответствующие институциональные условия и обеспечена правовая основа для формирования малых инновационных компаний в вузах страны, работа по формированию инновационных стартапов резко активизировалась. Другим направлением стало взаимодействие с инновационными предприятиями Академгородка, Новосибирска и других регионов страны и мира. Традиционная модель интеграции НГУ с научными институтами активно переносилась на сферу партнерства с бизнесом: было сформировано несколько совместных исследовательских лабораторий, учебно-научных центров, центров развития компетенций с глобальными компаниями. НГУ сотрудничал с ассоциациями малых инновационных предприятий, крупнейшими IT-компаниями, а также с технопарком новосибирского Академгородка. В вузе значительно возросла роль инженерных исследований и образования.

В 2013 г. НГУ стал одним из победителей общенационального конкурса по участию в программе «5-100», нацеленной на повышение престижности российского высшего образования. В последнее десятилетие на базе НГУ было реализовано несколько мегагрантов, полученных в рамках государственной программы «Развитие науки и технологий». Все это позволило привлечь весьма значительные средства и для развития научной и инновационной инфраструктуры, и для осуществления НИР. Сохраняются и развиваются не только традиционные направления исследований, но и формируются новые, такие, например, как инженерное приборостроение и астрофизика. Спектр направлений исследований – как в области фундаментальной науки, так и прикладной – постоянно расширяется.

Один из старейших профессоров и организаторов учебного процесса в НГУ Л.Ф. Лисс отмечал, что первый ректор университета акад. И.Н. Векуа хотел видеть в НГУ что-то вроде Института высших знаний по типу Копенгагенского института Н. Бора. В него могли бы приезжать на длительную стажировку перспективные исследователи, общаться с учеными, принимать участие в совместных исследовательских проектах, готовить и защищать докторские диссертации и т.п.²⁹ Не все из запланированного удалось осуществить на практике, слишком различался внешний контекст, но обретение НГУ формального статуса НИУ, несомненно, расширило его горизонты. Это не отменяет рисков как внутриуниверситетских, так и тех, что находятся вне контроля университета. Не все в Академгородке разделяют взгляды университетского менеджмента на структурные трансформации НИУ НГУ, на его перспективы, связанные с рядом новых научных направлений и направлений подготовки, с ностальгией вспоминая прошлое «маленького академического университета». Изменившееся геополитическое пространство также повлияло на стратегию развития НИУ НГУ, осложнило реализацию многих проектов. Но накопленный потенциал, а также опыт адаптации к меняющимся условиям и формированию индивидуализированных стратегий позволяет демпфировать ряд возникающих сложностей и находить разумные альтернативы развития.

Выводы. Опыт университетов столь разных, но соседних городов – Новосибирска и Томска – стал концентрированным выражением университетских политик, направленных на достижение единства двух ключевых функций высшей школы и формирование единого научно-образовательного пространства. Оба вуза входят в число лидеров университетской системы страны, но их путь к статусу НИУ проходил по разным дорогам. НГУ, являющийся ровесником и неотъемлемой частью Академгородка, и ТГУ, старейший классический университет в азиатской части страны, по времени образования разделяют три четверти века. Они создавались в абсолютно разных условиях, и миссии их на старте были различными.

²⁹ Лисс Л.Ф. Было это так (К 50-летию юбилею НГУ) // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2009. Т. 8, № 1: История. С. 227.

Ныне же оба вуза считаются исследовательскими университетами не только формально, но и по существу. В их практиках обеспечена глубокая интеграция науки и образования, в них интенсивно ведутся фундаментальные и прикладные исследования, а подготовка специалистов осуществляется на основе вовлечения студентов в науку.

К статусу НИУ ТГУ пришел путем эволюции сильных сторон при сохранении своих базовых основ как классического «гумбольдтовского» университета, что было крайне непросто сделать в условиях противоречивой советской научно-образовательной политики. Его продвижение к современному состоянию носило последовательный «линейный» характер, и по мере продвижения вперед происходило постепенное наращивание его научно-образовательного потенциала и возможностей. Неслучайно бывший ректор, а ныне президент ТГУ проф. Г.В. Майер, особо подчеркивает фактор преемственности в истории вуза³⁰. Это был вариант развития с сохранением многолетних традиций в науке и образовании без резкой смены научно-организационной и образовательной парадигм, с максимальным демпфированием рисков при адаптации к меняющейся внешней среде, с искусственным маневрированием применительно к трансформирующимся социально-экономическим и политическим условиям с извлечением максимальных возможностей даже при негативном внешнем контексте. Этому способствовал диалог с обществом, поддержание статуса университета не только как центра науки и образования, но и как общественного и культурного центра крупного региона. Фактически в Томске университет стал своего рода «сакральным объектом», и вместе с другим НИУ ТПУ вошел в число градообразующих предприятий, определяющих привлекательность, имидж и профиль этого города. Несомненно, что вместе с академическими институтами СО РАН, другими томскими вузами, которые в основном и были порождены двумя первыми сибирскими университетами, а также рядом высокотехнологичных предприятий, ТГУ является функциональным ядром формирующейся региональной инновационной системы. Обретя все необходимые качества исследовательского университета, ныне ТГУ в своих перспективных стратегиях и актуальных практиках усиливает инновационный вектор, в некоторых аспектах эволюционируя в направлении предпринимательских университетов.

Путь НГУ к современному статусу был иным – он символизировал собой не медленную эволюцию и поддержание и восстановление классической университетской традиции, как это было в Томске, а попытку быстрого прорыва. Университет стал продуктом советских инноваций и в научно-организационной сфере, и в области образовательной политики. Возникнув как часть научного комплекса Академгородка, он долгое время воспринимался исключительно как академический университет. Его миссия по большей части носила специфический характер, направленный на подготовку профессиональных исследователей для сферы науки и высшего образования на основе фундаментальной общенаучной подготовки, математизации и индивидуализации образовательного процесса, проектного мышления, развития междисциплинарности и креативности в подходах к решению не только научных, но и инженерных конструкторских и технологических задач. Миссия НГУ на протяжении долгого времени казалась неизменной, но время заставило скорректировать и расширить видение перспектив развития.

Ныне НИУ НГУ в русле новых тенденций со всей очевидностью эволюционирует в направлении реализации миссии университета 3:0 – предпринимательского университета. По утверждению ректора НГУ акад. М.П. Федорука, «...в перспективе вуз ставит своей задачей развить сегмент высокоинтеллектуальной инженерии и технологического предпринимательства, которые позволят Новосибирскому научному центру преодолеть разрыв между фундаментальными исследованиями и рыночными решениями»³¹. С одной стороны, это должно обеспечивать ему дальнейшую финансовую и политическую поддержку,

³⁰ Майер Г.В. Исследовательский университет: принципы, среда, инновации, традиции. Исторический аспект // Университетское управление: практика и анализ. 2021. Т. 25, № 2. С. 6–12.

³¹ Федорук М.П., Яковлева О.Е. НГУ – университет нового типа // Вестник Российской академии наук. 2019. Т. 89, № 8. С. 857.

а с другой – с неизбежностью выводит систему партнерских отношений все дальше за рамки академического комплекса. На ситуацию существенным образом может повлиять и уже влияет изменение международной обстановки. Но в любом случае НИС России, как и ее региональный компонент, невозможно представить без НГУ. История НГУ – это пример кардинальных изменений в научно-образовательной политике и сложившихся в стране университетских практиках, ставших точкой прорыва в советской и российской системах высшей школы, обозначивший новые перспективные векторы интеграции науки и образования, опирающиеся на глобальный опыт.

Литература

Аблажей Н.Н., Водичев Е.Г., Красильников С.А. Новосибирский государственный университет: создание, становление, развитие (1959–2019). Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2019. 403 с.

Аблажей Н.Н., Водичев Е.Г., Красильников С.А. Университет и Академия наук: pas de deux в ритмах эпохи // Социология науки и технологий. 2021. Т. 12, № 1. С. 113–135.

Артемьев Е.Т. Атомный проект в координатах сталинской экономики. М.: РОССПЭН, 2017. 341 с.

Век Лаврентьева / сост. Н.А. Притвиц, В.Д. Ермиков, З.М. Ибрагимова. Новосибирск: СО РАН; Гео, 2000. 456 с.

Водичев Е.Г. В траектории экономических реформ: наука и научная политика в годы «хрущевского десятилетия» // Уральский исторический вестник. 2021. № 4 (73). С. 135–144.

Водичев Е.Г. Наука на Востоке СССР в условиях индустриализационной парадигмы. Новосибирск: Гео, 2012. 348 с.

Водичев Е.Г. Путь на Восток. Формирование и развитие научного потенциала Сибири (сер.1950-х – 1960-е гг.). Новосибирск: Экор, 1994. 204 с.

Российская Академия наук. Сибирское отделение: Исторический очерк / Е.Г. Водичев, С.А. Красильников, В.А. Ламин и др. Новосибирск: Наука, 2007. 510 с.

Водичев Е.Г., Зиневич О.В. Университеты в истории общества. Европа, США и Россия. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2023. 251 с.

Водичев Е.Г., Лисс Л.Ф., Узбекова Ю.И. Высшая школа в условиях системных трансформаций: сравнительно-исторический аспект. Новосибирск: Гео, 2013. 396 с.

Выборнова В.А., Федорук М.П. Новосибирский государственный университет. Первое десятилетие (1959–1968). Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2024. 294 с.

Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. / гл. ред. В.А. Ламин. Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2010. Т. 1. 715 с.; Т. 3. 783 с.

Карлов Н.В. Книга о Московском Физтехе. М.: Физматлит, 2008. 600 с.

Лисс Л.Ф. Было это так... (к 50-летию юбилею НГУ) // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2009. Т. 8, № 1: История. С. 225–236.

Майер Г.В. Исследовательский университет: принципы, среда, инновации, традиции. Исторический аспект // Университетское управление: практика и анализ. 2021. Т. 25, № 2. С. 6–12.

Научно-образовательный потенциал Сибири в первой половине XX в.: динамика и механизмы развития / отв. ред. С.А. Красильников. Новосибирск: НГУ, 2009. 248 с.

Некрылов С.А. Томский университет – первый научный центр в Азиатской части России (середина 1870-х гг. – 1919 г.). Т. 1. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. 514 с.; Т. 2. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. 598 с.

Сибирское отделение Российской академии наук: создание (1957–1961 годы). Сборник документов / отв. ред. Е.Г. Водичев. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2007. 376 с.

Сибирский физико-технический институт. История создания и становления в документах и материалах (1928–1941 гг.) / под ред. С.Ф. Фоминых. Томск: Изд-во науч.-техн. лит., 2005. 337 с.

Соскин В.Л. Ученые Сибири в фокусе дискриминации (20-е гг.) // Дискриминация интеллигенции в послереволюционной Сибири. Новосибирск, 1994. С. 61–96.

Степнов А.О., Грибовский М.В. Асимметричная конкуренция: классические университеты и борьба за научное лидерство в позднесоветский период // Вестник Пермского университета. История. 2024. № 3 (66). С. 60–71.

Томский университет. 1880–1980 / отв. ред. М.Е. Плотникова. Томск: ТГУ, 1980. 431 с.

Федорук М.П., Яковлева О.Е. НГУ – университет нового типа // Вестник Российской академии наук. 2019. Т. 89, № 8. С. 851–859.

Хаминов Д.В. Иерархия университетов внутренней периферии в позднесоветский период: на примере азиатской части РСФСР // Вестник Пермского университета. История. 2024. № 3 (66). С. 72–84.

Цеховой Н.П. Аспирантура и докторантура Томского государственного университета и их роль в формировании и развитии научных школ и направлений (середина 1920-х гг. – 1991 г.): автореф. ... канд. ист. наук. Томск: ТГУ, 2011. 28 с.

Щука А.А. Физтех и физтехи. Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: Физтех-полиграф, 2010. 383 с.

References

Ablazhey, N.N., Vodichev, E.G., Krasilnikov, S.A. (2021). *Universitet i Akademiya nauk: pas de deux v ritmakh epokhi* [University and the Academy of Sciences: Pas de Deux in the Rhythm of the Epoch]. In *Sotsiologiya nauki i tekhnologiy*. Vol. 12, No. 1, pp. 113–135.

Ablazhey, N.N., Vodichev, E.G., Krasilnikov, S.A., etc. (2019). *Novosibirskiy gosudarstvennyy universitet: sozдание, stanovlenie, razvitie (1959–2019)* [Novosibirsk State University: Creation, Formation, and Development (1959–2019)]. Novosibirsk, Izdatel'stvo NGU. 403 p.

Artemov, E.T. (2017). *Atomnyy proekt v koordinatakh stalinskoy ekonomiki* [Atomic Project in the Coordinates of the Stalin's Economy]. Moscow, ROSSPEN. 343 p.

Fedoruk, M.P., Yakovleva, O.E. (2019). NGU – universitet novogo tipa [NSU – The University of a New Type]. In *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*. Vol. 89, No. 8, pp. 851–859.

Fominykh, S.F. (Ed.). (2005). *Sibirskiy fiziko-tekhnicheskii institut. Istoriya sozdaniya i stanovleniya v dokumentakh i materialakh (1928–1941 gg.)* [Siberian Physics Technical Institute. History of Creation and Development in Documents and Materials (1928–1941)]. Tomsk, Izdatel'stvo nauchno-tekhnicheskoy literatury. 337 p.

Karlov, N.V. (2008). *Kniga o Moskovskom Fiztekh* [Book about Moscow Phys-Tech]. Moscow, Fizmatlit. 600 p.

Khaminov, D.V. (2024). Ierarkhiya universitetov vnutrenney periferii v pozdnesovetskiy period: na primere aziatskoy chasti RSFSR [Hierarchy of Universities of the Internal Periphery in Late-Soviet Period: On the Example of the Asian Part of RSFSR]. In *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*. No. 3 (66), pp. 72–84.

Krasilnikov, S.A. (Ed.). (2009). *Nauchno-obrazovatelnyy potentsial Sibiri v pervoy polovine 20 veka: dinamika i mekhanizmy razvitiya* [Scientific and Educational Capacity of Siberia in the First Half of the 20th Century: Dynamics and Mechanisms of Development]. Novosibirsk, HGU. 248 p.

Lamin, V.A. (Ed.). (2010). *Istoricheskaya entsiklopediia Sibiri. V 3-kh tomakh* [Historical Encyclopedia of Siberia. In 3 Vol.]. Novosibirsk, Istoricheskoe nasledie Sibiri. Vol. 1. 715 p.; Vol. 3. 783 p.

Liss, L.F. (2009). Bylo eto tak... (k 50-letnemy yubileyu NGU) [It Was Like This... (To the 50th Anniversary of NSU)]. In *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, Filologiya*. Vol. 8, No. 1: Istoriya, pp. 225–236.

Mayer, G.V. (2021). Issledovatel'skiy universitet: printsipy, sreda, innovatsii, traditsii. Istoricheskiy aspekt [Research University: Principles, Environment, Innovations, Traditions. Historical Aspect]. In *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz*. Vol. 25, No. 2, pp.6–12.

Nekrylov, S.A. (2010, 2011). *Tomskiy universitet – pervyy nauchnyy tsentr v Aziatskoy chasti Rossii (seredina 1870-kh – 1919 g.)* [Tomsk University – The First Scientific Center in the Asian Part of Russia (Mid-1870s – 1919)]. Tomsk, TGU. Vol. 1. 514 p.; Vol. 2. 598 p.

Plotnokova, M.E. (Ed.). (1980). *Tomskiy universitet. 1880–1980* [Tomsk University. 1880–1980]. Tomsk, TGU. 431 p

Pritvits, N.A., Ermikov, V.D., Ibragimova, Z.M. (Comp.). (2000). *Vek Lavrent'eva* [Century M.A. Lavrentiev]. Novosibirsk, Geo. 456 p.

Shchuka, A.A. (2010). *Fiztekhn i fiztekhi* [Phys-Tech and Phys-Techs]. Izdanie 3. Moscow, Fiztekhn poligraf. 383 p.

Soskin, V.L. (1994). *Uchenye Sibiri v fokuse diskriminatsii (20-e gg.)* [Scientists of Siberia in the Focus of Discrimination (1920s)]. In *Diskriminatsiya intelligentsii v poslerevolutsionnoy Sibiri*. Novosibirsk. 210 p.

Stepnov, A.O., Gribovskiy, M.V. (2024). *Asimmetrichnaya konkurentsia: klassicheskie universitety i bor'ba za nauchnoe liderstvo v pozdnesovetskiy period* [Asymmetrical Competition and Struggle for Scientific Leadership in Late-Soviet Period]. In *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*. No. 3 (66), pp. 60–71.

Tsekhovoy, N.P. (2011). *Aspirantura i doktorantura Tomskogo gosudarstvennogo universiteta i ikh rol v formirovani i razviti nauchnykh shkol i napravleniy (seredina 1920-kh – 1991 g.)* [The Doctoral Programs of Tomsk State University and Their Role in Formation and Development of Scientific Schools and Directions (Mid-1920s – 1991)], Cand. hist. sci. diss. abstract. 28 p.

Vodichev, E.G. (1994). *Put' na Vostok. Formirovanie i razvitie nauchnogo potentsiala Sibiri (seredina 1950-kh – 1960-e gg.)* [Way to the East. Formation and Development of Scientific Capacity of Siberia (mid-1950s – 1960s)]. Novosibirsk, Ekor. 204 p.

Vodichev, E.G. (2012). *Nauka na vostokey SSSR v usloviyakh industrializatsionnoy paradigmy* [Science on the East of USSR under the Paradigm of Industrialization]. Novosibirsk, Geo. 348 p.

Vodichev, E.G. (2021). *V traektorii ekonomicheskikh reform: nauka in nauchnaya politika v gody “khrushchevskogo desyatiletia”* [In the Trajectory of Economic Reforms: Science and Science Policy in the Years of the “Khrushchev Decade”]. In *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*. No. 4 (73), pp. 135–144.

Vodichev, E.G. (Ed.). (2007). *Sibirskoe otdelenie Rossiyskoy Akademii nauk: sozdanie (1957–1961 gody)* [Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences: Creation (1957–1961)]. Novosibirsk, Institut istorii. 376 p.

Vodichev, E.G., Krasilnikov, S.A., Lamin, V.A. et al. (2007). *Rossiyskaya akademiya nauk. Sibirskoe otdelenie. Istoricheskiy ocherk* [Russian Academy of Science. Siberian Branch. A Historical Essay]. Novosibirsk, Nauka. 510 p.

Vodichev, E.G., Liss, L.F., Uzbekova, Yu.I. (2013). *Vyssshaya shkola v usloviyakh sistemnykh transformatsiy: sravnitelno-istoricheskiy aspekt* [Higher School under Systemic Transformation: Comparative Historical Aspect]. Novosibirsk, Geo. 396 p.

Vodichev, E.G., Zinevich, O.V. (2023). *Universitety v istorii obshchestva. Evropa, SShA i Rossia* [Universities in the History of Society. Europe, the USA and Russia], Novosibirsk, NSTU. 251 p.

Vybornova, V.A., Fedoruk, M.P. (2024). *Novosibirskiy gosudarstvennyy universitet: Pervoe desyatiletie (1959–1968)* [Novosibirsk State University: The First Decade (1959–1968)]. Novosibirsk, IPTs NGU. 294 p.

В.А. Выборнова*

**«СИСТЕМА ФИЗТЕХА»: СТРАТЕГИИ РЕАЛИЗАЦИИ
В МОСКОВСКОМ ФИЗИКО-ТЕХНИЧЕСКОМ
ИНСТИТУТЕ И НОВОСИБИРСКОМ
ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ****doi:10.31518/2618-9100-2025-1-11
УДК 378.4(571.14)

Выходные данные для цитирования:
Выборнова В.А. «Система Физтеха»: стратегии реализации в Московском физико-техническом институте и Новосибирском государственном университете // Исторический курьер. 2025. № 1 (39). С. 154–163.
URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-1-11.pdf>

V.A. Vybornova*

**“PHYSTECH SYSTEM”: IMPLEMENTATION STRATEGIES
AT THE MOSCOW INSTITUTE OF PHYSICS
AND TECHNOLOGY AND NOVOSIBIRSK
STATE UNIVERSITY****

doi:10.31518/2618-9100-2025-1-11

How to cite:
Vybornova V.A. “Phystech System”: Implementation Strategies at the Moscow Institute of Physics and Technology and Novosibirsk State University // Historical Courier, 2025, No. 1 (39), pp. 154–163.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-1-11.pdf>]

Abstract. The article examines the stages of formation and development of the scientific and educational model “Phystech System”. Originated as an independent idea in the 1930s. in response to the “gap” between the sectors of industry and higher education, it was realized through symbiosis with Moscow State University and gained institutional independence at the Moscow Institute of Physics and Technology. In the 1950s, the “Phystech System” was an integral structure with strictly developed goals and principles, functions aimed at bringing higher education closer to the scientific and industrial sector in the physical and technical fields, which made it an exemplary element within the framework of the mobilization paradigm. Thus, the argument for its expansion became the starting point for initiating the creation of a new university in Siberia in conjunction with a scientific center. The question of the possibilities and limits of both direct and modified transfer of the existing educational model to Novosibirsk State University in the 1960s is considered. While maintaining the basic principles, a new goal was identified, due to the current demands of the development of science and industry, which led to an expansion of functions. This modification later led to the emergence of an independent model of a research university.

Keywords: “Phystech System”, Siberian Branch of the Academy of Sciences, higher school, university, humanitarian education.

The article has been received by the editor on 10.11.2024. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Виктория Александровна Выборнова**, кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: vybornovavik4@gmail.com

Victoria Alexandrovna Vybornova, Candidate of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: vybornovavik4@gmail.com

** Статья выполнена по теме госзадания «Социально-экономический потенциал восточных регионов России в XX – начале XXI вв.: стратегии и практики управления, динамика, геополитический контекст» (FWZM-2024-0005).

The article was made on the topic of the state assignment “Socio-Economic Potential of the Eastern Regions of Russia in the 20th – Early 21st Centuries: Management Strategies and Practices, Dynamics, Geopolitical Context” (FWZM-2024-0005).

Аннотация. В статье исследуются этапы становления и развития научно-образовательной модели «система Физтеха». Возникшая как самостоятельная идея в 1930-х гг. в ответ на «разрыв» секторов промышленности и высшего образования, она реализовалась через симбиоз с Московским государственным университетом и обрела институциональную самостоятельность в Московском физико-техническом институте. В 1950-х гг. «Система Физтеха» являла собой целостную структуру со строго выработанными целью и принципами, функциями, направленными на сближение высшей школы с научно-производственным сектором в физико-технических областях, что сделало ее образцово-показательным элементом в рамках мобилизационной парадигмы. Таким образом, аргументация к ее расширению стала отправной точкой для инициирования создания нового вуза в Сибири в комплексе с научным центром. Рассмотрен вопрос о возможностях и границах как прямого, так и модифицированного переноса сложившейся образовательной модели в Новосибирский государственный университет в 1960-х гг. При сохранении базовых принципов была обозначена новая цель, обусловленная актуальными запросами развития науки и промышленности, что повлекло за собой расширение функций. Такая модификация привела в дальнейшем к возникновению самостоятельной модели исследовательского университета.

Ключевые слова: «система Физтеха», Сибирское отделение Академии наук, высшая школа, университет, гуманитарное образование.

Статья поступила в редакцию 10.11.2024 г.

Введение. Обращаясь к проблематике переноса образовательной модели из одного вуза в другой, мы неизбежно сталкиваемся с разнородностью методологических позиций, касающихся определения форм высшей школы. Некоторые из них легче описать по шкале различий, чем сходств. Тем не менее исследователи называют обобщенные варианты, выделяя их по следующим признакам: целеполагание, ценностные ориентиры, принципы и функции. С учетом эволюции системы высшего образования при влиянии на нее политических, социально-экономических, даже территориальных условий механический перенос конкретной образовательной модели представляется невозможным. Мы можем говорить лишь о ее рецепции после некоторого осмысления основателями нового вуза и встраивания обновленной модели в новую реальность, создаваемую внешними факторами.

Цель статьи заключается в постановке вопроса, насколько и каким образом различные способы и особенности заимствования «системы Физтеха» в стенах Новосибирского университета повлияли на становление его самоидентичности и выбор дальнейшего пути развития. Реконструкция процесса трансфера образовательной модели Московского физико-технического института (МФТИ) в Новосибирский государственный университет (НГУ) была произведена путем выявления целей создания двух вузов и их наложения на образовательные принципы «системы Физтеха».

Феномен «системы Физтеха» в контексте мировых тенденций развития науки и высшего образования исследован авторами Д.Л. Сапрыкиным, Н.В. Карловым, Н.Н. Кудрявцевым¹. Вопрос организации Сибирского отделения Академии наук и в частности Новосибирского госуниверситета поднимался в исследованиях Е.Г. Водичева, С.А. Красильникова, И.С. Кузнецова, Н.А. Куперштох².

¹ Сапрыкин Д.Л. Инженерное образование в России: история, концепция, перспективы // Высшее образование в России. 2012. № 1. С. 125–137; Карлов Н.В., Кудрявцев Н.Н. К истории элитного инженерного образования // Вестник Российской академии наук. 2000. Т. 70, № 7. С. 579–588; Карлов Н.В. Книга о Московском Физтехе. М., 2008.

² Аблажей Н.Н., Водичев Е.Г., Красильников С.А. Новосибирский государственный университет: создание, становление, развитие (1959–2019). Новосибирск, 2019; Кузнецов И.С. М.А. Лаврентьев и реформирование

Становление «системы Физтеха». МФТИ. История «системы Физтеха» началась с письма в редакцию газеты «Правда», опубликованного в 1938 г., подписанного коллективом ученых: Н.И. Мухелишвили, С.Л. Соболевым, М.А. Лаврентьевым, А.О. Гельфондом, Д.Ю. Пановым, С.А. Христиановичем, Ф.Р. Гантмахером, Ф.А. Требиным и Н.Е. Кочиным³. Указав на разрыв между вузовским образованием и производством, авторы предложили открыть новое учебное заведение на принципах, которые в дальнейшем легли в основу научно-образовательной модели, названной «системой Физтеха», и повторялись в документах об организации инициированной С.А. Христиановичем, но так и не открывшейся Высшей физико-технической школы в Москве в 1946 г., позже физико-технического факультета (ФТФ) при МГУ в 1946 г., МФТИ в 1951 г. и НГУ в 1959 г.

Целью создания протомодели «системы Физтеха» была названа подготовка: «инженеров-исследователей для нашей промышленности; научных руководителей и работников научно-исследовательских институтов и промышленных лабораторий; инженеров для работы в крупнейших проектных бюро; руководителей и работников специальных кафедр во втузах»⁴. Первоначальные принципы заключались в следующем: строгий отбор лучших учеников при двухступенных конкурсных испытаниях; комплектация профессорско-преподавательского состава из крупных ученых; деление учебного процесса на две части: первая – в стенах вуза, вторая – на базе лабораторий и конструкторских бюро.

Инициатива коллектива ученых получила продолжение спустя несколько лет, по окончании Великой Отечественной войны, и реализовалась через организацию в структуре МГУ нового факультета в 1946 г., первым и единственным деканом которого стал Д.Ю. Панов. Целью ФТФ было заявлено «осуществлять подготовку научных работников в актуальных областях современной физики для работы в институтах Академии наук СССР, в научно-исследовательских институтах министерств, а также в конструкторских бюро»⁵. Совместно с получением фундаментальных знаний по физике его студенты должны были приобрести инженерные навыки для решения актуальных практических задач. Обозначилась ориентация на переход от экстенсивно-информационного обучения к интенсивно-фундаментальному образованию.

К перечню принципов 1938 г. был добавлен еще один: «Два года второго этапа должны быть полностью посвящены реальной научно-исследовательской работе, выполняемой по индивидуальному плану в одном из институтов АН СССР или передовой отрасли промышленности. Эта самостоятельно выполняемая НИР должна быть частью темплана научного подразделения той базовой организации, которая обеспечивает получение студентом соответствующей специальности»⁶.

Становление «системы Физтеха» закончилось в 1951 г. с обретением самостоятельности ФТФ путем переинституализации его в МФТИ при сохранении цели и принципов работы. Первый ректор МФТИ И.Ф. Петров (1951–1962 гг.) подчеркнул: «Принятая в МФТИ система обучения сохранила основные особенности системы ФТФ МГУ. На протяжении первых двух лет студенты изучают физику, математику и иностранные языки в объеме значительно большем, чем в лучших инженерных ВУЗах, а также проходят повышенный курс механики, радиотехники, электроники, общественных наук и др. Со второго-третьего курсов начинается изучение специальных дисциплин, которое проводится в научно-исследовательском институте и опытно-конструкторских бюро – так называемых базовых предприятиях МФТИ»⁷. Эти базовые предприятия были обозначены в постановлении Совета Министров от 17 сентября 1951 г. об организации МФТИ: Московский институт Академии

Академии наук // ЭКО. 2014. № 9 (483). С. 153–168; *Куперитох Н.А.* Академик С.А. Христианович – организатор института теоретической и прикладной механики СО АН СССР // Бусыгинские чтения: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. Казань, 2019. С. 108–113.

³ «Нужна высшая политехническая школа». Письмо в редакцию // Правда. 1938. 4 дек.

⁴ Там же.

⁵ *Карлов Н.В.* Шершавым языком приказа. Физтех. Архивные документы 1938–1952. М., 2006. С. 22.

⁶ Там же. С. 23.

⁷ Я – физтех: книга очерков. М., 1996. С. 42.

наук им. В.А. Стеклова (МИАН), Физический институт Академии наук им. П.Н. Лебедева (ФИАН), Центральный институт авиационного моторостроения им. П.И. Баранова (ЦИАМ), Центральный аэрогидродинамический институт им. Н.Е. Жуковского (ЦАГИ), Центральный научно-исследовательский институт (ЦНИИ), Институт химической физики, Институт точной механики и вычислительной техники (ИТМиВТ), НИИ 17 (занимался разработкой систем связи в составе Министерства радиотехнической промышленности)⁸.

С целью дальнейшего анализа переноса научно-образовательной модели МФТИ в НГУ следует условно принять 1951 г. за обретение «чистой» модели «системы Физтеха», выведя за рамки данной статьи рассмотрение дальнейшего развития вуза, поскольку именно эту модель будущие основатели НГУ предложили как образец. «Система Физтеха» прошла долгий путь, длиной более десяти лет, от писем в правительство, публикаций в прессе и не реализованного на практике проекта создания Высшей физико-технической школы до физико-технического факультета при МГУ и впоследствии самостоятельного института.

Несмотря на назревшую необходимость сближения секторов науки, промышленности и высшей школы, П.Л. Капица, Д.Ю. Панов и С.А. Христианович, основатели и идеологи «системы Физтеха», столкнулись с неготовностью правительственных структур пойти навстречу, затем с реалиями войны. Но и в послевоенное время создание самостоятельного вуза оказалось невозможным. Только после того как они поменяли стратегию, через симбиоз с лидирующим вузом страны идея смогла реализоваться.

Для решения актуальных задач МФТИ получил ряд преференций именно потому, что был генетически связан с ведущим вузом страны – МГУ. Они заключались в наличии у МФТИ особых возможностей: концентрировать для работы в вузе лучшие преподавательские кадры из всех секторов науки (вузовского, академического, отраслевого) с предоставлением возможности выстраивать образовательные курсы вне классически принятых канонов высшей школы; обеспечивать раннюю специализацию студентов с прохождением практики в передовых академических и отраслевых НИИ; получать разрешение на перевод способных студентов из других вузов страны и т.д.

МФТИ стал вузом «нового типа», отразившим пионерный для послевоенного времени вектор преодоления барьеров, связанных с «разрывами» высшей школы и научно-производственного сектора в физико-технических областях. Б.Г. Салтыков, выпускник МФТИ, политик, директор Политехнического музея, определил «систему Физтеха» как «абсолютно неотъемлемый элемент советской системы и, в частности, системы организации науки. Причем он – находка системы. Такого феномена нет нигде. За рубежом связь образования и науки (идущая еще от монастырей) существует в другой качественной форме. У нас же вечная, заданная Петром, дихотомия академической науки и образования была решена идеей Физтеха. Причем решена оригинально (не предложениями типа: “Давайте объединим ФИАН с МГУ, одного директора придумаем”). Здесь же все осталось на своих местах и вроде все объединилось»⁹.

Развитие «системы Физтеха» на новой платформе. НГУ. НГУ был создан в 1959 г. как часть Сибирского отделения Академии наук (СО АН) с целью решения кадрового вопроса. Его цель определена С.А. Христиановичем, С.Л. Соболевым, М.А. Лаврентьевым как подготовка «научных сотрудников для научно-исследовательских институтов Академии наук СССР, в первую очередь для научных учреждений Сибирского отделения АН СССР»¹⁰.

На заседании Ученого совета СО АН от 10 октября 1957 г. Д.Ю. Панов обрисовал идею создания нового вуза при опоре на «систему Физтеха»: «Новосибирский государственный университет предполагается организовать на тех же основах, что и Московский физико-технический институт (использование базовых институтов для обучения по специальности, маленькие учебные группы, индивидуальное обучение с максимальным развитием самостоятельности учащегося)»¹¹.

⁸ Карлов Н.В. Шершавым языком приказа... С. 113.

⁹ Я – физтех... С. 426.

¹⁰ Научный архив Сибирского отделения РАН (НАСО). Ф. 10. Оп. 3. Д. 1. Л. 36.

¹¹ Там же. Л. 1.

Позиция, выбранная основателями НГУ, объясняется наглядностью успеха уже реализованной научно-образовательной модели: «...Было видно, что система себя оправдывает... Мы постарались полностью использовать опыт, накопленный в этом направлении физико-техническим институтом, Московским и Ленинградским университетами»¹². Накопленный опыт в вопросах соединения науки, промышленности и высшей школы руководителей СО АН позволил в кратчайшие сроки реализовать свой замысел. От первого упоминания университета в партийно-правительственных инстанциях до его открытия прошло два года.

НГУ адаптировал принципы «системы Физтеха» под свою модифицированную цель, что стало катализатором к формированию самостоятельной модели вуза, впрочем, генетически связанной с матрицей МФТИ. «Этому способствовала комплексность и многопрофильность научного центра. В отличие от МФТИ, который имел довольно узкую направленность подготовки, в НГУ удалось привлечь крупных специалистов по всем направлениям современной науки»¹³. С одной стороны, НГУ, как и МФТИ, стал кадровым донором для прикладного сектора науки, направленного для решения практических актуальных задач в физико-технических областях, с другой – наблюдались тенденции к расширению исследовательских сфер, задействованных в научно-учебном процессе и фундаментализации научного знания.

Изначально в структуре НГУ были прописаны математическая, физическая, химическая, биологическая и геологическая специализации¹⁴. В силу различных обстоятельств в год первого приема (1959) на базе единственного факультета – естественных наук было создано девять кафедр: семь из них имели физико-математическую направленность, другие две представляли химию и геологию. Далее НГУ двигался от единственного факультета к «классическому» университету как многопрофильному вузу, готовящему специалистов по широкому спектру естественных, гуманитарных, технических и других направлений.

Основатели университета опирались на апробированные преференции Физтеха, которые позволяли осуществлять специальный отбор по всей стране наиболее талантливой и способной к научной работе молодежи. В их числе было право перевода студентов других вузов для продолжения дальнейшего обучения в НГУ через прохождение собеседования с руководителями факультетов. Важная преференция, имевшаяся у Физтеха и которую отстаивали основатели НГУ перед Министерством высшего образования, заключалась также в том, чтобы начинать приемные экзамены не с 1 августа, а с 11 июля (на три недели раньше, чем в других вузах). Принцип более раннего, опережающего другие вузы приема привлекал абитуриентов не только возможностью пройти конкурсный отбор в новый университет, но и давал возможность в случае непрохождения конкурса в этом же году поступить в другой вуз. Первый прием в НГУ начинался с 1 августа, но уже с 1960 г. он проходил с 11 июля¹⁵, а впоследствии стал неотъемлемой частью устава университета.

Принцип прохождения специализированного обучения с третьего-четвертого курсов на базе научно-исследовательских институтов при опоре на их новое оборудование и под руководством их сотрудников, перенятый из МФТИ, стал органичен новой идеей университета, встроенного в комплекс СО АН. Отсюда следовало привлечение научных сотрудников в качестве преподавателей. Совмещение научной и образовательной деятельности – актуальная практика для сообщества, где распространена идеология их неразрывной связи. На первом собрании Ученого совета от 26 сентября 1959 г., членами которого в большинстве своем являлись руководители академических институтов, было принято решение: все институты должны активно участвовать в учебном процессе и подготовке кадров. Открытие научных институтов «под научные интересы директора» координировалось с открытием аналогичных кафедр в университете, что подчеркивало неразрывную связь науки и высшей школы в СО АН. Таким образом, появились кафедры газовой динамики под руководством

¹² Лаврентьев М.А. ...Прирастать будет Сибирью. Новосибирск, 1982. С. 88.

¹³ Российская академия наук. Сибирское отделение: Исторический очерк. Новосибирск, 2007. С. 204.

¹⁴ НАСО. Ф. 10. Оп. 3. Д. 1. Л. 5.

¹⁵ Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 12. Л. 11.

акад. С.А. Христиановича, дифференциальных уравнений – С.Л. Соболева, теории упругости и пластичности – Ю.Н. Работнова и др.

Специальные методы обучения, разработанные учеными и рассчитанные на максимальное развитие творческой инициативы, – следующий принцип, адаптированный в НГУ. Ведущие ученые академических институтов, совмещая свою научную деятельность с преподаванием, создавали научные школы, вели авторские курсы. Уже с первого года обучения студентам НГУ предлагалось прослушать значительное число авторских курсов. Так, Б.Д. Аннин читал «двумерные упруго-пластические задачи», А.И. Прилепко – «нелинейные интегральные уравнения и обратные краевые задачи теории потенциала», С.Г. Попов – «экспериментальную ядерную физику». Публикация лекционных курсов преподавателей, являясь важным элементом самостоятельного изучения предмета, стала еще одной традицией, поддерживаемой университетом.

Намерение долгосрочной опоры на принципы Физтеха не раз подчеркивалось в академических кругах СССР и транслировалось прессе. Так, в 1965 г. НГУ посетила группа работников системы высшего образования, в состав которой входили министр высшего и среднего специального образования РСФСР В.Н. Столетов, ректор МФТИ профессор О.М. Белоцерковский и др. «Их прежде всего интересовал опыт работы нашего университета по системе совмещения учебы и научной работы в исследовательском институте в содружестве с СО АН СССР. По-видимому, многолетний опыт Московского Физико-технического института и наши первые шаги в этом направлении послужат основой дальнейшего распространения принятой нами системы построения учебного процесса в вузе»¹⁶, заключил исполняющий обязанности ректора Р.И. Солоухин. В 1984 г. С.Л. Соболев в интервью газете «Университетская жизнь» (НГУ) вспоминал: «Создание университетской системы логически связано с опытом Московского физико-технического института. Ясно было, что в новосибирском Академгородке нужно продолжать линию, начатую Физтехом. Так что система НГУ рождалась не на пустом месте – мы творчески перерабатывали имевшийся опыт»¹⁷. В 1996 г. в книге очерков, посвященной Физтеху, Г.И. Марчук повторил: «Главная идея Физтеха воплотилась в создании Новосибирского государственного университета, для которого базой подготовки исследователей служили все научно-исследовательские институты Академгородка»¹⁸.

Новым поисковым каналом, не имеющим физтеховских корней, но естественным образом объединившимся с его технократичной позицией и успешно перенявшим его принципы, стало создание физико-математической довузовской подготовки. Первая олимпиада, организованная на почве идеи раннего выявления будущих абитуриентов еще на стадии старших классов путем проведения сибирских школьных олимпиад, состоялась в 1962 г. Ее успех стал предпосылкой для создания физико-математической школы (ФМШ) для одаренных школьников старших классов, открывшейся в следующем, 1963 г. Со временем проведение школьных олимпиад как способ отбора талантливой молодежи для обучения в ФМШ с участием сотрудников Сибирского отделения и студентов старших курсов стало университетской традицией. ФМШ имела в своем преподавательском составе высокий процент преподавателей-совместителей, научных сотрудников СО АН, и обеспечивала повышенную подготовку учащихся по профилирующим дисциплинам.

Поствузовская подготовка, открытая на платформе НГУ, также давала положительные результаты. Выпускники, увлеченные научной деятельностью, активно поступали в аспирантуру. Она начала свою работу в 1960 г.¹⁹ «В то время училось четыре человека. Через год их стало 12»²⁰. Количественное преимущество в общей численности аспирантов к 1968/1969 уч. г. установилось за физическим и математическим факультетами (по 50 чел.), затем за факультетом естественных наук (39), гуманитарным (18), экономическим (9), геолого-геофизиче-

¹⁶ Солоухин. Р. В духе традиций // За науку в Сибири. 1965. № 42. С. 1.

¹⁷ Соболев С.Л. Развивать научные школы // Университетская жизнь. 1984. № 31. 25 сент. С. 1.

¹⁸ Я – физтех... С. 161.

¹⁹ ГАНУ. Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 551. Л. 5.

²⁰ Университет готовит аспирантов // За науку в Сибири. 1964. № 4. С. 3.

ским (3), общеуниверситетскими кафедрами (25 чел.)²¹. Таким образом, «система Физтеха» нашла свое логичное развитие в НГУ и была встроена в завершённую модель непрерывности подготовки кадров «школа – вуз – поствузовская подготовка».

Гуманитарный блок НГУ. Проблемы выхода за границы «системы Физтеха». История гуманитарного образования в НГУ есть не что иное, как отражение зарождения модели академического университета. Традиционно принципиальное место в академической среде занимают как общегуманитарные, так и социально-политические науки. Задачей гуманитарного образовательного блока является трансляция гуманистических установок высшей школы, развития социальной активности и определения гражданской позиции. Его создание входило в перечень перспектив Сибирского отделения Академии наук, однако решалось поэтапным путем. Первым из них стала «организация комиссии по общественным наукам при Президиуме СО АН 7 января 1959 г. для координации гуманитарных исследований»²², – вспоминал один из зачинателей гуманитарного факультета НГУ Л.Ф. Лисс. Следующий шаг – «10–19 марта 1960 г. совместно с Отделением исторических наук АН и Министерством высшего и среднего специального образования она провела конференцию по истории Сибири и Дальнего Востока, на которой был сформирован Научный совет по этой проблеме»²³. Эти шаги оказались важны для привлечения кадров не только в Сибирское отделение, но и в университет. В соответствии с одним из принципов «системы Физтеха» главным условием открытия новой специальности в университете было то, что ее должен возглавить ученый с высоким статусом. В 1961 г. в структуре уже действовавшего Института экономики был создан отдел гуманитарных исследований, для работы в котором по приглашению руководства СО АН из Ленинграда приехали археолог А.П. Окладников и лингвист В.А. Аврорин.

Появление крупных ученых-гуманитариев позволило сформулировать перед Министерством необходимость создания в НГУ историко-филологического направления подготовки специалистов²⁴. 1962 г. стал ключевым – был открыт гуманитарный факультет (ГФ) НГУ. Первый декан ГФ НГУ В.А. Аврорин в своем докладе «о состоянии и перспективах работы факультета гуманитарных наук НГУ» в 1965 г. обозначил идеи, положенные в основу подготовки кадров: «1) дать достаточную подготовку для научно-исследовательской работы, независимо от места службы; 2) для историков, языковедов и частично матлингвистов – хорошее знание школы; 3) для всех студентов – хорошее знание специфических условий Сибири; 4) для всех (в разных объемах и направлениях) хорошую подготовку по математике для внедрения в общественные науки математических методов»²⁵.

ГФ оказался исключительным, поскольку, в отличие от других факультетов НГУ, строившихся на кадровой базе действующих научных институтов, он формировался и рос вместе с Отделом гуманитарных исследований, который был выделен из Института экономики в самостоятельный Институт истории, филологии и философии только в 1966 г. Данный факт свидетельствует о том, как неоднозначно проходило становление гуманитарного научно-образовательного направления в Сибирском отделении и университете. Принцип совместительства был нарушен, что можно проследить по кадровому составу. К 1965 г. всего на факультете (совместно с общеуниверситетской кафедрой политэкономии) числилось 56 преподавателей, из них 39 штатных, 17 совместителей. В.А. Аврорин объяснял это следующими причинами: «1) секция иностранных языков 13 человек из 23; 2) малочисленность штата Отделения гуманитарных исследований, где всего 52 сотрудника, из них имеющих ученые степени 25, а языковедов всего 8 человек, со степенью 4»²⁶. Но и после открытия института ситуация не изменилась. Так, на 1968 г. на гуманитарном факультете существовали две кафедры: на кафедре общего языкознания числилось 40 преподавателей,

²¹ ГАНО. Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 551. Л. 5.

²² Лисс Л.Ф. Из воспоминаний об истории гумфака НГУ // Идеи и идеалы. 2013. № 2 (16). С. 131.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ ГАНО. Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 237. Л. 89.

²⁶ Там же. Л. 87.

из них 32 штатных; на кафедре истории – 20 преподавателей, из них 5 штатных²⁷. В совокупности это давало 62 % штатных сотрудников. Для примера, на механико-математическом факультете было 13 кафедр и 184 преподавателя, из них 12 % штатных. Оба эти факультета в первое десятилетие являлись показательными примерами успешности и неуспешности работы принципа совместительства, перенятого из МФТИ.

Другой проблемной точкой для гуманитарного образования стало столкновение с технократизацией обучения уже не в качестве принципов, а как концептуальные взгляды основателей НГУ – продолжателей идей «системы Физтеха». ГФ прошел через трудную фазу поиска путей своеобразного соединения принципов математики и гуманитарного блока в рамках созданного факультета. О поисковом, экспериментальном этапе первых лет ГФ говорит то, что квоты по приему на первый курс факультета включили, помимо истории и языкознания, также математическую лингвистику и применение математических методов в экономике (в 1967 г. экономическое отделение выделилось в самостоятельный факультет, а математическая лингвистика была закрыта). О сложных попытках объединить математику и гуманитарные науки вспоминал Л.Ф. Лисс, приводя в пример конфликт в 1962 г., связанный с защитой В.А. Устиновым в НГУ кандидатской диссертации о расшифровке языка Майя с помощью вычислительной техники: «Ознакомившись с работой, А.П. Окладников решил, что она соответствует требованиям по историческим наукам, и взял руководство на себя. Однако в ходе защиты с разгромными речами выступили математики Л.В. Канторович и А.А. Ляпунов, нелицеприятно отозвавшись о гуманитариях вообще»²⁸.

С первого курса на ГФ для историков и языковедов, кроме предметов по специальности, преподавались также основы высшей математики (для экономистов и матлингвистов данные дисциплины преподавались на более углубленном уровне). Но, несмотря на то, что читались облегченные математические курсы, студенты показывали низкие результаты. На первой сессии зимой 1963–1964 учебного года из 38 историков и филологов 13 сдали предмет «математический анализ» на оценку «два», трое на экзамен не явились²⁹. В конечном итоге экспериментирование завершилось отказом от «внедрения» математизации в отношении историков и филологов. ГФ НГУ сконцентрировался на подготовке специалистов по истории, этнографии и языкам народов Сибири.

Чуждый гуманитарному образованию принцип математизации прививался механически и показал нежизнеспособность в и без того слабый период становления гуманитарного факультета в вузе, ориентированном на физико-математическую ветвь науки. Однако после достижения факультетом определенной доли стабильности в 2011 г. была вновь предпринята попытка объединения математического и гуманитарного знания, на этот раз успешная. Так появилась специальность фундаментальной и прикладной лингвистики с усиленным изучением математики на протяжении всего периода обучения. Сегодня она успешно выпускает разработчиков программ автоматического перевода, компьютерных словарей и т.д. С другой стороны, инициатива ГФ об открытии авангардной специальности «социология» не была поддержана, несмотря на проявленную инициативу В.А. Аврорина и А.Г. Аганбегяна. Когда в 1989 г. она открылась на базе экономического факультета, НГУ стал одним из семи вузов страны, где стали готовить профессиональных социологов.

Гуманитарный факультет нарушал еще один принцип работы «системы Физтеха» – подготовку научных кадров. Часть выпускников-гуманитариев распределялась в школы и на административные должности. В.А. Аврорин перечислил: «Историки найдут себе применение в исследовательских учреждениях, в вузах, техникумах и школах, в архивах и музеях, в местных органах и учреждениях Министерства культуры, в частности в учреждениях, ведущих атеистическую пропаганду. Языковеды пойдут в исследовательские учреждения, в вузы и школы»³⁰. Однако нарушение этого принципа руководителями НГУ

²⁷ ГАНО. Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 448. Л. 49.

²⁸ Лисс Л.Ф. Из воспоминаний об истории гумфака НГУ... С. 134.

²⁹ Там же. С. 133.

³⁰ ГАНО. Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 237. Л. 88.

рассматривалось положительно, поскольку, несмотря на то, что приоритет при распределении выпускников получали институты СО АН, Министерство высшего и среднего специального образования (МВиССО) требовало расширить границы задействия молодых специалистов, закончивших обучение в НГУ.

Руководители университета были заинтересованы в сохранении двойного подчинения – СО АН и МВиССО. Комбинация двух потенциалов позволила через решение ряда проблем и противоречий НГУ удачно организационно, кадрово и финансово иметь и университетский статус, и быть первым университетом, родившимся в недрах АН. Поэтому по требованию МВиССО необходимо было удовлетворять заявки из средних образовательных школ. Ответственность за это была возложена на выпускников гуманитарного факультета. Тем не менее, несмотря на ряд проблем, с которыми столкнулся гуманитарный факультет на стадии своего становления под давлением «системы Физтеха», он способствовал формированию самостоятельной, отличной от взятой за образец, модели НГУ.

Заключение. «Система Физтеха» была создана на платформе физико-технического факультета МГУ с целью производства кадров для научно-технической сферы. Ограниченная, но крайне актуальная специализация сформированной модели позволила сепарировать ее от классической образовательной платформы МГУ. Мобильность и способность оперативно откликаться на перемены в требованиях науки и промышленности позволили адаптировать «систему Физтеха» под иную матрицу, связанную со структурой СО АН. Основной целью «достраивания» гуманитарной составляющей в НГУ стало создание на основе принципов элитного естественнонаучного и технического вуза (МФТИ) нового варианта классического университета. Тем самым была сформирована новая для страны модель академического университета. Сложившаяся в первые три года структура факультетов НГУ с некоторыми изменениями (выделение экономического факультета из гуманитарного в 1967 г.) просуществовала до конца 1990-х гг.

Новосибирский университет, согласно провозглашенным его создателями основам, постоянно действовал по алгоритму и матрице МФТИ с момента своего становления – от идеи до первых лет реализации, воспринимая поэтапным образом и добиваясь тех предпочтений, которыми обладал МФТИ. Это определялось не только заимствованием уже апробированным опытом 10-летия существования МФТИ, но и тем, что основатели НГУ и кадровый состав преподавателей (ядро) вышли из МФТИ. Поэтому трансфер подходов и принципов МФТИ в НГУ был необратим на первом этапе становления НГУ. НГУ являлся «сибирским физтехом» только первые три года своего существования, затем на фундаменте физтеховских принципов началась реализация собственной стратегической программы создания исследовательского университета с дополнением социально-гуманитарными направлениями специализации. Тем самым научно-образовательная экосистема, сложившаяся вдалеке от столичных центров, в новосибирском Академгородке, не просто заимствовала опыт Физтеха, но и в дальнейшем сформировала свою неповторимую идентичность первого в стране исследовательского университета на академической основе.

Литература

Аблажей Н.Н., Водичев Е.Г., Красильников С.А. Новосибирский государственный университет: создание, становление, развитие (1959–2019). Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2019. 404 с.

Карлов Н.В. Шершавым языком приказа. Физтех. Архивные документы 1938–1952. М.: Изд-во ЦГО МФТИ, 2006. Препринт ЦГО МФТИ, 2006-1. 136 с.

Карлов Н.В. Книга о Московском Физтехе. М.: Физматлит, 2008. 600 с.

Карлов Н.В., Кудрявцев Н.Н. К истории элитного инженерного образования // Вестник Российской академии наук. 2000. Т. 70, № 7. С. 579–588.

Кузнецов И.С. М.А. Лаврентьев и реформирование Академии наук // ЭКО. 2014. № 9 (483). С. 153–168.

Куперштох Н.А. Академик С.А. Христианович – организатор института теоретической и прикладной механики СО АН СССР // Бусыгинские чтения: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. Казань: Казанская гос. консерватория им. Н.Г. Жиганова, 2019. С. 108–113.

Лаврентьев М.А. «...Прирастать будет Сибирью». 2-е изд. Новосибирск: Зап.-Сиб. книжное изд-во, 1982. 175 с.

Лисс Л.Ф. Из воспоминаний об истории гунфака НГУ // Идеи и идеалы. 2013. № 2 (16). С. 128–144.

Российская академия наук. Сибирское отделение: Исторический очерк / авт. кол. Е.Г. Водичев, С.А. Красильников, В.А. Ламин и др. Новосибирск: Наука, 2007. 510 с.

Сапрыкин Д.Л. Инженерное образование в России: история, концепция, перспективы // Высшее образование в России. 2012. № 1. С. 125–137.

Я – Физтех: книга очерков: К 50-летию Моск. физ.-техн. ин-та / сост. Н.В. Карлов и др. М.: ЦентрКом, 1996. 767 с.

References

Ablazhey, N.N., Vodichev, E.G., Krasilnikov, S.A. (2019). *Novosibirskiy gosudarstvennyy universitet: sozдание, stanovlenie, razvitie (1959–2019)* [Novosibirsk State University: Creation, Formation, Development (1959–2019)]. Novosibirsk, Izdatel'stvo Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. 404 p.

Karlov, N.V. (2006). *Shershavym yazykom prikaza. Fiztekhn. Arkhivnye dokumenty 1938–1952* [The Rough Language of the Order. Phystech. Archival Documents of 1938–1952]. Moscow, Izdatel'stvo TsGO MFTI. 136 p.

Karlov, N.V. (2008). *Kniga o Moskovskom Fiztekh* [A Book about the Moscow Physics Department]. Moscow, Fizmatlit. 600 p.

Karlov, N.V. et al. (Comp.). (1996). *Ya – Fiztekhn: Kniga ocherkov. K 50-letiyu Moskovskogo fiziko-tekhnicheskogo instituta* [I am a Physicist: Book of Essays. On the 50th Anniversary of Moscow Institute of Physics and Technology]. Moscow. 767 p.

Karlov, N.V., Kudryavtsev, N.N. (2000). K istorii elitnogo inzhenernogo obrazovaniya [Towards the History of Elite Engineering Education]. In *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*. Vol. 70, No. 7, pp. 579–588.

Kupershtokh, N.A. (2019). Akademik S.A. Khristianovich – organizator instituta teoreticheskoy i prikladnoy mekhaniki SO AN SSSR [Academician S.A. Khristianovich – Organizer of the Institute of Theoretical and Applied Mechanics of the Siberian Branch of the Academy of Sciences of the USSR]. In *Busyginskije chteniya: Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Kazan, Kazanskaya gosudarstvennaya konservatoriya imeni N.G. Zhiganova, pp. 108–113.

Kuznetsov, I.S. (2014). M.A. Lavrent'ev i reformirovanie Akademii nauk [M.A. Lavrentiev and the Reformation of the Academy of Sciences]. In *EKO*. No. 9 (483), pp. 153–168.

Lavrentiev, M.A. (1982). “...Prirastat budet Sibiryu” [“...Will Ggrow in Siberia”]. Novosibirsk, Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo. 175 p.

Liss, L.F. (2013). Iz vospominaniy ob istorii gumfaka NGU [From Memories of the History of the Gum Faculty of the National University]. In *Idey i idealy*. No. 2 (16), pp. 128–144.

Saprykin, D.L. (2012). Inzhenernoe obrazovanie v Rossii: istoriya, kontseptsiya, perspektivy [Engineering Education in Russia: History, Concept, Prospects]. In *Vysshee obrazovanie v Rossii*. No. 1, pp. 125–137.

Vodichev, E.G., Krasilnikov, S.A., Lamin, V.A. et al. (2007). *Rossiyskaya akademiya nauk. Sibirskoe otdelenie: Istoricheskiy ocherk* [The Russian Academy of Sciences. Siberian Branch: A Historical Essay]. Novosibirsk, Nauka. 510 p.

И.С. Кузнецов*

ЗНАЧЕНИЕ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ В ПРЕПОДАВАНИИ И ИССЛЕДОВАНИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ В НОВОСИБИРСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ (1960-Е – ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XXI ВЕКА)doi:10.31518/2618-9100-2025-1-12
УДК 947.088.(571)*Выходные данные для цитирования:**Кузнецов И.С. Значение преемственности в преподавании и исследовании отечественной истории в Новосибирском государственном университете (1960-е – первая четверть XXI века) // Исторический курьер. 2025. № 1 (39). С. 164–186. URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-1-12.pdf>*

I.S. Kuznetsov*

THE IMPORTANCE OF CONTINUITY IN TEACHING AND RESEARCHING RUSSIAN HISTORY AT NOVOSIBIRSK STATE UNIVERSITY (1960S – FIRST QUARTER OF THE 21ST CENTURY)

doi:10.31518/2618-9100-2025-1-12

*How to cite:**Kuznetsov I.S. The Importance of Continuity in Teaching and Researching Russian History at Novosibirsk State University (1960s – First Quarter of the 21st Century) // Historical Courier, 2025, No. 1 (39), pp. 164–186. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-1-12.pdf>]*

Abstract. The formation of the teaching staff of each institutional educational structure is the most important factor in the success of its activities not only at the stage of formation, but also in ensuring development in the future. This publication examines the sources of formation and further replenishment of scientific and pedagogical personnel, which ensured the continuity of teaching and research activities in the field of national history in the relevant department of the Faculty of Humanities (now – the Institute for the Humanities) as part of Novosibirsk State University over more than sixty years of its existence. The factors that favored the training of highly qualified historians were noted: the presence of well-known scientists in the country in the specialized department from the very beginning, who provided the teaching of the main disciplines throughout the entire cycle; compliance in the organization of the educational process with the main principle of Novosibirsk State University, which provided for early specialization of students, practical training and involvement in the scientific topics of the basic Institute; ensuring in the activities of the department the continuity of personnel in the implementation of educational and scientific activities (now it is carried out by representatives of the second and third generations of historians, professionally connected with those who founded this direction). Continuity is achieved by preserving the originally established principle of combining teaching and research components in the work of the staff of the Chair of Russian History, which allows for adaptation to transformations in the field of university historical education.

Keywords: Novosibirsk State University, Faculty of Humanities, Chair of Russian History, teaching staff, principles of part-time work, ensuring continuity of generations.

The article has been received by the editor on 07.11.2024. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Иван Семенович Кузнецов**, доктор исторических наук, профессор, независимый исследователь, Новосибирск, Россия, e-mail: ivan-kuz@list.ru
Ivan Semenovich Kuznetsov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Independent Researcher, Novosibirsk, Russia, e-mail: ivan-kuz@list.ru

Аннотация. Формирование преподавательского состава каждой институциональной образовательной структуры является важнейшим фактором успешности ее деятельности не только на стадии становления, но и обеспечения развития в последующем. В данной публикации рассматриваются источники складывания и дальнейшего пополнения научно-педагогических кадров, обеспечивших непрерывность преподавательской и исследовательской деятельности в области отечественной истории на соответствующем отделении Гуманитарного факультета (ныне Гуманитарного института) в составе Новосибирского государственного университета за более чем шестидесятилетний период его существования. Отмечены факторы, благоприятствовавшие подготовке кадров историков высшей квалификации: наличие в составе профильной кафедры изначально известных в стране ученых, обеспечивших преподавание основных дисциплин по всему циклу; соответствие учебного процесса в организации основному принципу НГУ, предусматривавшему раннюю специализацию студентов, прохождение практик и вовлечение в научную тематику базового Института; обеспечение в деятельности кафедры кадровой преемственности в осуществлении учебно-научной деятельности (ныне она реализуется представителями второго и третьего поколений историков, профессионально связанных с теми, кто основывал данное направление). Преемственность достигается сохранением изначально заложенного принципа сочетания преподавательской и исследовательской составляющих в работе сотрудников кафедры отечественной истории, позволяющего адаптироваться к трансформациям в сфере университетского исторического образования.

Ключевые слова: Новосибирский государственный университет, Гуманитарный факультет, кафедра отечественной истории, профессорско-преподавательские кадры, принцип совместительства, обеспечение преемственности поколений.

Статья поступила в редакцию 07.11.2024 г.

В 2022 г. исполнилось 60 лет с момента создания в составе Новосибирского государственного университета (НГУ) Гуманитарного факультета, который в последующие годы пережил целый ряд организационных трансформаций, в том числе на определенном этапе стал родоначальником трех факультетов нашего университета – экономического, иностранных языков и журналистики. Формально его история завершилась в 2016 г. с созданием Гуманитарного института НГУ, однако хотелось бы надеяться, что Гуманитарный институт стал продолжением гумфаковской истории, его лучших традиций. Конечно, это не так просто, принимая во внимание, что нынешнее руководство института принадлежит уже к совершенно новому поколению, которое не могло наблюдать процесс создания гумфака во всем сложном социально-политическом контексте. Однако пока есть возможность передачи «живой эстафеты», поскольку в нашем институте еще работает небольшое количество ветеранов, общавшихся с «отцами-основателями» гумфака, бывших свидетелями и участниками сложных коллизий ушедшей эпохи.

В данной статье рассматривается один аспект становления и развития гумфака / Гуманитарного института НГУ – преподавание и исследование проблем отечественной истории. Такой выбор вполне оправдан тем, что основной контингент преподавателей занимался именно данным сегментом исторического процесса, в этом направлении осуществлялась и научная специализация. Следует оговориться, что нами не рассматривается преподавание и изучение такой особой в советское время дисциплины, как «История КПСС». Кроме того, в силу сложившихся обстоятельств кафедра всеобщей истории не могла конкурировать с кафедрой отечественной истории по контингенту преподавателей, номенклатуре лекционных курсов, поскольку в базовом НИИ – Институте истории СО РАН – нет структурных подразделений, занимающихся зарубежной историей. Большинство же преподавателей явля-

лись и являются сотрудниками именно Института истории СО РАН, работая в НГУ на условиях совместительства.

Одна из главных сложностей в рассмотрении заявленной темы – состояние источниковой базы. Ни в Государственном архиве Новосибирской области (ГАО), ни в других архивохранилищах нет отдельных фондов, посвященных гумфаку / Гуманитарному институту. В фондах, отражающих жизнь НГУ, проблемы гумфака затрагиваются лишь от случая к случаю – главным образом в связи с какими-то экстраординарными ситуациями.

Скудость архивных источников в какой-то мере восполняется воспоминаниями ветеранов гумфака: к сожалению, такого рода изданий совсем немного. В ряду последних выделяются книги академика Н.Н. Покровского, профессоров Л.Ф. Лисса и В.Л. Соскина¹. Их особенная ценность определяется, во-первых, тем, что названные авторы внесли огромный вклад в становление нашего факультета, длительное время работали здесь. Во-вторых, данные работы синтезируют качества мемуаров и глубокого аналитического текста. Значимым шагом в формировании адекватной информационной базы следует также признать публикацию к 60-летию гумфака сборника воспоминаний его преподавателей и выпускников².

Весьма важно, что в последнее время наряду с документальными и справочными изданиями сделаны первые шаги в собственно исследовательском изучении истории гуманитарного сообщества Академгородка. Наиболее заметным событием здесь следует признать статьи профессора кафедры отечественной истории НГУ М.В. Шиловского. Они базируются не только на широком круге архивных материалов, но и на собственных впечатлениях автора, который работает в НГУ более 40 лет. При этом очень значимо, что названный исследователь не ограничивается характеристикой научной деятельности его героев, но дает их биографические характеристики, не умалчивает о разного рода коллизиях³.

Как известно, Гуманитарный факультет был открыт в 1962 г., в то время как Новосибирский университет начал свою работу в 1959 г. Вопрос о причинах такого временного лага имеет несколько объяснений. Самое очевидное заключается в том, что к моменту создания НГУ в Новосибирске отсутствовали существенные гуманитарные силы. При этом в ходе рождения СО АН в гуманитарных науках не удалось осуществить «трансфер» соответствующих кадров из столиц в Сибирь – ни один ведущий историк или филолог, в отличие от физиков и математиков, сюда не поехал. К этому моменту в Сибири некоторые заметные специалисты «нашего» профиля имелись в Томском и Иркутском университетах, однако их привлечение в Академгородок также было малореальным.

Правда, возможно имелся некоторый шанс пригласить в новосибирский Академгородок гуманитария поистине мирового уровня – речь идет о старшем сыне Николая Константиновича Рериха – Юрие Николаевиче. Это был крупнейший востоковед, этнограф и филолог, специалист в области буддизма и тибетологии. После возвращения в 1957 г. из Индии в СССР Ю.Н. Рерих работал в Институте востоковедения АН СССР, в 1958 г. ему без защиты диссертации по совокупности трудов была присвоена ученая степень доктора филологических наук. Имеется версия, что ученый «согласен переехать» на жительство в Барнаул или новосибирский Академгородок при первой возможности⁴. К сожалению, в цитированной монографии, столь богатой источниками, такое значимое утверждение

¹ Покровский Н.Н. Письма и воспоминания. СПб., 2022; Лисс Л.Ф. Мои университеты. Новосибирск, 2013; Соскин В.Л. Новосибирский научный центр: исследования по новейшей отечественной истории: очерк истории и историографии: учеб. пособие. Новосибирск, 2008.

² ГУМФАКия 60–70-х гг. XX в: воспоминания наших учителей и выпускников. Новосибирск, 2022.

³ Шиловский М.В. Изучение дореволюционной истории Сибири в Новосибирске в 1950-х – начале 1980-х годов // Исторический курьер. 2019. № 6. С. 137–156 [Электронный ресурс]. URL: <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-6-12.pdf> (дата обращения: 29.10.2024); Шиловский М.В. Они были первыми: формирование исторического сообщества в Новосибирске в 1960–1970-х гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 63. С. 192–200.

несопровождается какими-то ссылками, не конкретизировано. Являлось ли это стремление лишь некоторым эмоциональным порывом, предпринимались ли какие-то конкретные действия в данном направлении (скажем, контакты с руководством СО АН) – остается неясным. Однако жизнь распорядилась по-своему: уже в мае 1960 г. Юрий Николаевич скончался от сердечного приступа.

Директивные документы о создании СО АН, а затем НГУ не предусматривали создание здесь структур гуманитарного профиля (НИИ, факультетов). Вместе с тем определенные шаги для развития «общественных наук» предпринимались в соответствии с определенными политико-идеологическими императивами. В 1958 г. была создана кафедра философии СО АН, поскольку для защиты кандидатских диссертаций требовалось, независимо от специальности, сдавать экзамен по указанной дисциплине. Ее заведующим стал профессор Иов Иванович Матвеевков – собственно, на тот момент единственный в Новосибирске обладатель докторской степени в области общественных наук. К тому моменту он являлся заведующим кафедрой марксизма-ленинизма в Новосибирском инженерно-строительном институте (Сибстрине), а его труды были типичным продуктом определенной эпохи.

Он же возглавил созданную в январе 1959 г. Постоянную комиссию по общественным наукам при Президиуме СО АН (далее – ПКОН). Именно данная структура стала первым местом работы в СО АН ряда перспективных ученых-гуманитариев. В том числе там оказались два историка, сыгравшие в становлении факультета поистине судьбоносную роль, – В.Л. Соскин и М.М. Громыко.

Варлен Львович Соскин (1925–2021) к моменту создания ПКОН как раз работал на указанной кафедре Сибстрина и вполне продемонстрировал свою энергию и деловитость. На него и возлагались обязанности ученого секретаря ПКОН, т.е. он реально занимался всеми организационными делами комиссии. Участник Великой Отечественной войны, выпускник ЛГУ (1952 г.), он по распределению работал в Кемеровском учительском институте, затем поступил в аспирантуру Новосибирского пединститута, в 1956 г. защитил кандидатскую диссертацию.

Марина Михайловна Громыко (1927–2020) окончила исторический факультет МГУ в 1950 г., в 1954 г. стала кандидатом наук. Ее наставником был классик отечественной медиевистики академик Сергей Данилович Сказкин. В связи с этим необходимо напомнить, что медиевистика в то время являлась, пожалуй, самым прогрессивным сегментом отечественной исторической науки. Несмотря на все пертурбации сталинского периода, она в наибольшей степени сохранила традиции, ведь до 1917 г. российская медиевистика являлась мировым лидером в этой сфере исторических исследований.

В Академгородке Марина Михайловна оказалась, можно сказать, по воле случая: приехала сюда со своим первым мужем Н.А. Желтухиным, бывшим узником ГУЛАГа, а затем известным специалистом в области ракетной техники, членом-корреспондентом АН СССР, заместителем директора Института теоретической и прикладной механики СО АН. Так что в соответствии со своим семейным статусом она в то время принадлежала к «элите» Академгородка, была близка к его «правлящим кругам».

В марте 1960 г. ПКОН инициировала небывало масштабную конференцию по истории Сибири и Дальнего Востока. В дни ее работы, как вспоминал В.Л. Соскин, по инициативе М.М. Громыко была организована неформальная встреча М.А. Лаврентьева с приехавшими на конференцию видными гуманитариями, которым предлагалось переехать для работы в Академгородке.

Первоначально «сибирский вызов» принял лишь один известный ученый – д-р ист. наук из Ленинграда А.П. Окладников. Позднее на это предложение откликнулся другой ленинградец – д-р филол. наук В.А. Аврорин. Уже в 1961 г. названные ученые переехали в Академгородок, став сотрудниками созданного сектора истории промышленности Института экономики и организации промышленного производства СО АН (ИЭиПП), который

⁴ Росов В.А. Николай Рерих: Вестник Звенигорода. Экспедиции Н.К. Рериха по окраинам пустыни Гоби. Кн. 2: Новая страна. М., 2004. С. 276, 279.

в следующем году был преобразован в гуманитарный отдел этого НИИ. Таким образом, в системе академических институтов Академгородка появилась первая гуманитарная структура, на основе чего в 1966 г. организован Институт истории, филологии и философии (ИИФиФ). В 1964 г. оба ленинградца были избраны членами-корреспондентами АН СССР, а в 1968 г. А.П. Окладников стал академиком.

Сосредоточив внимание на отечественной истории, следует вместе с тем сказать о роли **Алексея Павловича Окладникова** (1908–1981), поскольку его статус и огромная энергия во многом определяли развертывание исследований не только по археологии, но и по другим разделам истории, в том числе отечественной. Под его руководством был реализован ряд масштабных научных проектов, первый из которых – «История Сибири» в пяти томах (1966–1969 гг.), удостоенная Государственной премии СССР (1973).

Следует отметить, что, несмотря на высокую оценку данного труда в научном сообществе, «идеологические контролеры» предъявили к нему довольно резкие претензии. 26 мая 1970 г. бюро Новосибирского обкома КПСС приняло постановление «О работе Института истории, филологии и философии СО АН СССР». Кроме очередных выпадов в адрес М.М. Громыко и Л.М. Горюшкина, утверждалось, что в «Истории Сибири», особенно в 4-м и 5-м томах, имеются существенные ошибки, когда «при характеристике хозяйственного развития нередко подчеркнуты негативные события»⁵. Смысл этих претензий вполне понятен – названные тома освещают «советский» период. Наиболее интенсивная работа над ними шла в середине 1960-х гг., когда еще проявлялись последние отзвуки «оттепели», а историки считали возможным затронуть хотя бы «краешек правды». Понятно, что в момент принятия названного документа политико-идеологическая ситуация была совсем иной.

Возвращаясь к роли А.П. Окладникова как лидера сибирской гуманитаристики, необходимо напомнить, что в 1949–1950 г. он был директором Ленинградского отделения Института истории материальной культуры АН (позднее – Институт археологии). После появления работы Сталина «О некоторых вопросах языкознания» подвергся ожесточенным идеологическим нападениям, лишился своего высокого поста, – судя по некоторым свидетельствам, находился на грани ареста. Думается, что эту тяжелую психологическую травму следует иметь в виду при оценке некоторых заявлений и действий нашего «отца-основателя» в период работы в Академгородке.

Касаясь общественно-политических аспектов биографии А.П. Окладникова, необходимо отметить сложную ситуацию конца 1960-х гг., когда трое сотрудников ИИФиФ подписали известное «письмо сорока шести» (М.М. Громыко, С.П. Рожнова и М.И. Черемисина; см. об этом более подробно ниже). Возможный сценарий репрессий был вполне реален, ведь тогда же М.А. Лаврентьев предложил «изгнание» гумфака из НГУ (перевод его в Красноярск). Как говорил А.П. Окладников на партийном собрании ИИФиФ 4 апреля 1968 г. по поводу «письма сорока шести», «дело жизни и смерти института – смыть позор»⁶.

При этом, разумеется, следует иметь в виду общий исторический контекст: после подавления «Пражской весны» разворачивается фронтальное наступление консервативных сил, подавление всяческого инакомыслия. Своего рода манифестом консервативных тенденций в исторической науке стала статья А.И. Данилова «К вопросу о методологии исторической науки»⁷. Автор с 1961 г. был ректором Томского университета, с 1967 г. и до конца жизни (1980) – министром просвещения РСФСР, а журнал «Коммунист» являлся органом ЦК КПСС и, соответственно, публикации в нем становились равнозначны политической директиве. Статья содержала резкую критику «отступлений от марксизма», в особенности попытки применить методологию «структурализма».

Неудивительно, что наши коллеги чрезвычайно оперативно реагировали на это, хотя не исключено, что, кроме статьи, были и еще какие-то непосредственные указания с «политического Олимпа». 30 мая 1969 г. состоялось партийное собрание ИИФиФ с повесткой дня

⁵ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-4. Оп. 33. Д. 35354. Л. 9.

⁶ Там же. Ф. П-5415. Оп. 1. Д. 14. Л. 5.

⁷ Коммунист. 1969. № 5. С. 68–81.

«О задачах повышения идейно-теоретического уровня научных исследований». С докладом выступил А.П. Окладников, который обрушился на «структурализм», осудил увлечение некоторых историков «социальной психологией», а также математическими методами, – как он сказал, «знаменосцем этих теорий была М. Громыко». Позднее, на заседании партийного бюро ИИФФ 14 сентября 1970 г., он заявил: «Я настороженно принимаю все новые термины и словечки, потому что прошел хорошую сталинскую школу»⁸.

Теперь уже невозможно узнать, являлись ли приведенные суждения выражением взглядов нашего мэтра или это был «дипломатический маневр», обусловленный понятным стремлением защитить ИИФФ от дальнейшего прессинга. В порядке гипотезы, помимо сказанного, можно предположить и воздействие долговременных психологических последствий предшествующих тяжелых испытаний: поколение, прошедшее «школу» сталинского произвола, навсегда сохранило страх перед репрессиями.

Хорошо сказала об этой «инъекции страха» Н.В. Ревякина в очерке о ее учителе – академике С.Д. Сказкине: «Жизнь наших учителей в условиях тоталитарного режима была драматичной, подчас трагичной. Ведь некоторые были репрессированы, а часть из них погибла в лагерях. А те, кому удалось сохранить работу, трудились в обстановке подозрительности и страха, угрозы проработок и преследований. <...> И не нам, кого не коснулись жестокие репрессии с перспективой погибнуть в лагерях, их судить. Можно лишь сожалеть относительно некоторых их оценок тех или иных событий и их поступков во времена чуть более либеральные»⁹.

Весьма важно, что основатели гумфака из числа историков в основном являлись выпускниками МГУ, а филологи – питомцами ленинградской филологической школы. Однако интеллектуальный «трансфер» не ограничивался только отмеченным направлением. Трудно переоценить роль в становлении гуманитарных исследований в молодом научном центре выдающегося историка академика **Михаила Николаевича Тихомирова** (1893–1965). К тому времени он был несомненно наиболее авторитетным специалистом в области отечественной истории, последовательным продолжателем традиций российской гуманитаристики. Напомним, что в 1945–1947 гг. он являлся деканом исторического факультета МГУ, в 1953–1957 гг. – академиком-секретарем отделения истории АН СССР, а с 1956 г. и до конца жизни – председателем Археографической комиссии АН. Михаил Николаевич неустанно стремился к введению в научный оборот новых источников, в том числе по истории XX в., их скрупулезному анализу.

Смелым и благородным шагом стало решение академика подарить свою уникальную коллекцию рукописей и старопечатных книг СО АН. Передавая любимую коллекцию в далекую Сибирь, Тихомиров договорился с руководителями Сибирского отделения о создании там нового центра археографической работы, включая и издание сибирских летописей, и организацию поиска древних книг в старообрядческих поселениях Сибири и Дальнего Востока.

«Трансплантация» лучших традиций отечественной гуманитаристики в новый научный центр имела всеобъемлющее и долговременное значение для нашего факультета: с первых дней своего существования он избежал налета провинциальности, ориентировался на высшие стандарты.

Два момента стали основополагающими для нашей работы с «времен тех дальних» и до сегодняшнего дня. Во-первых, это максимально высокие требования во всех сегментах учебного процесса, будь то семинарские занятия, курсовые работы, коллоквиумы, зачеты, экзамены. Во-вторых, ранняя научная специализация и обязательная подготовка дипломных, а теперь выпускных квалификационных работ (ВКР) у бакалавров и магистерских диссер-

⁸ ГАНО.Ф. П-5415. Оп. 1. Д. 18. Л. 55.

⁹ Ревякина Н.В. Ученый, наставник, друг // Средние века. М., 2004. Т. 65. С. 262–266.

таций. Они должны носить характер самостоятельных научных исследований и основываться на впервые введенных в научный оборот источниках.

При этом учебный процесс на факультете в сравнении с МГУ и ЛГУ приобрел ряд особенностей, обусловленных глубокой интеграцией НГУ в систему СО АН, а также рядом других факторов. Прежде всего следует отметить, что большинство преподавателей гумфака, как и вообще НГУ, являются сотрудниками СО АН, научными работниками. Конечно, и многие профессора МГУ и ЛГУ также известные ученые, но у нас синтез науки и образования осуществляется наиболее последовательно. Наконец, следует помнить, что гумфак родился в условиях «оттепели», преодоления многих консервативных подходов, что особенно сильно ощущалось в нашем Академгородке, который в первые годы его существования воспринимался как уникальный «оазис свободы». Конечно, степень этой «вольности» не следует преувеличивать, но вполне очевидно, что тогда жизнь в юном городе науки была гораздо более независима от контроля властных структур, чем в любом другом месте нашей страны. Правда, при этом следует иметь в виду, что «оттепель» коснулась прежде всего основных наук – физики, математики. Даже в биологии преодоление «лысенковщины» шло с огромным трудом. Что касается истории и других гуманитарных дисциплин, то они даже в самые либеральные времена находились под жестким идеологическим контролем, что естественно сказывалось на содержании научных трудов. Как известно, в Москве прогрессивные историки (В.П. Данилов и Н.А. Ивницкий) уже к 1964 г. подготовили двухтомную историю коллективизации в СССР, которая, разумеется, не была издана, поскольку развенчивала сталинскую мифологию. В 1965–1968 гг. партийный комитет Института истории АН СССР во главе с К.Н. Тарновским, а затем В.П. Даниловым явился одним из очагов демократического движения. В 1965 г. бестселлером стала книга А.М. Некрича «1941 г., 22 июня», где впервые убедительно опровергались сталинские мифы о причинах катастрофических поражений Красной армии в июне 1941 г.

Ничего подобного такого рода событиям в Академгородке не было. Это объяснялось не только сохранявшимся жестким идеологическим контролем, но и тем, что в период «оттепели» историческая наука в Академгородке делала лишь первые шаги. За исключением А.П. Окладникова, в области истории пока не было ни одного доктора наук, тем более сколько-нибудь авторитетных специалистов по отечественной истории. Молодые энергичные кандидаты наук, приехавшие из столиц, только начинали «штурмовать» вершины науки, осваивали рассекреченные материалы архивов, готовили свои первые монографии.

К сказанному можно добавить еще следующее. Опасность для «ширко умных» историков исходила не только от партийно-идеологических структур. Дело в том, что руководство СО АН за редким исключением пренебрежительно относилось к гуманитариям. Архивные документы зафиксировали немало такого рода сентенций со стороны академика М.А. Лаврентьева. В Академгородке господствовали сциентистские взгляды и настроения, что нашло выражение в известном афоризме: «Математика – соль, остальное все ноль». Так что в случае прессинга со стороны партийных органов нашим гуманитариям не приходилось рассчитывать на поддержку СО АН.

В ряду факторов, сдерживавших прогрессивные изменения в исторической науке, следует отметить и сохраняющуюся изоляцию от мировой науки. Как известно, в сталинский период связи с зарубежными историками были практически прерваны. С середины 1950-х гг. они в какой-то мере восстанавливаются – главным образом в формате поездок «больших начальников» на международные конгрессы. Между тем в зарубежной исторической науке шли интенсивные поиски новых методологических подходов («историческая антропология», «история повседневности» и т.д.). Все это лишь в минимальной степени доходило до советских историков, тем более вне Москвы и Ленинграда. Вряд ли кто-то решился бы познакомить наших студентов с концепциями Марка Блока, Люсьена Февра, Фернана Броделя и др.

В качестве важного позитивного момента следует отметить, что в первое десятилетие своего существования Академгородок как «оазис свободы» был буквально «Меккой» для столичных «светил». В частности, в НГУ и Доме ученых выступали такие столичные мэтры,

как Ю.Г. Алексеев, Л.Н. Гумилев, А.Я. Гуревич, Н.А. Ивницкий, Ю.А. Мошков, Н.А. Симония, Н.Я. Эйдельман, а также профессора С.В. Вольфсон, Б.Г. Могильницкий, М.Е. Плотникова из Томска, Л.Е. Кертман из Перми и др. Студенчество тех лет с энтузиазмом воспринимало их новаторские идеи, и это давало духовную зарядку на всю последующую жизнь. Достоин сожаления, что начавшаяся формироваться традиция приглашения ярких историков из столиц и других городов по понятным причинам затем прервалась.

Отмечая эти позитивные моменты, следует вместе с тем подчеркнуть, что при создании гуманитарных структур Академгородка имело место одно обстоятельство, которое вплоть до сегодняшнего дня в немалой степени затрудняет нашу работу. Дело в том, что гумфак НГУ, как и ИИФФ, оставался весьма небольшим. Как уже отмечалось, при создании гумфака была предусмотрена одна студенческая группа историков (25 чел.), что сохранялось и в последующие годы. Здесь наблюдается разительный контраст с другими НИИ СО АН и факультетами НГУ. То же самое бросается в глаза и в сравнении, скажем, с историческим факультетом ТГУ. Можно сказать, что в нашем мегаполисе с его 1,5 млн населения очень немного мест, где гуманитарии могли бы реализовать свой научный потенциал.

Далее предстоит рассмотреть деятельность «первопроходцев», тех, кто стоял у истоков Гуманитарного факультета. Эпоха, которая в советской историографии определялась дефиницией «феодализм» в первые годы гумфака, рассматривалась в лекциях М.М. Громько. Как уже отмечалось, первоначальной ее специализацией была медиевистика. Однако в крайне сжатые сроки Марина Михайловна смогла полностью трансформировать сферу своих научных интересов, сосредоточившись на исследовании истории Сибири. Это был, пожалуй, уникальный случай в истории исторической науки. В 1966 г. первой из когорты перспективных сотрудников Института и преподавателей гумфака она защитила докторскую диссертацию на тему «Русское население и земледельческое освоение Западной Сибири в XVIII веке». Позднее она одной из первых стала изучать повседневную жизнь крестьянства, его общинные и трудовые традиции. По свидетельствам современников, Марина Михайловна была не только выдающимся ученым, но и замечательным педагогом, а кроме того, и чрезвычайно обаятельным человеком.

К сожалению, ее работа на гумфаке завершилась довольно драматическим образом. Как известно, весной 1968 г. в новосибирском Академгородке имела место крупнейшая в стране протестная акция: 46 сотрудников СО АН и преподавателей НГУ направили в высокие инстанции письмо с требованием большей гласности по поводу «процесса четырех». Тогда судили «диссидентов» А.И. Гинзбурга, Ю.Т. Галанскова, А.А. Добровольского и В.И. Лашкову. М.М. Громько также поставила свою подпись под этим обращением, ее даже называли в качестве автора данного документа. После этого во всех учреждениях Академгородка прошла кампания «осуждения» подписантов. К счастью, власти тогда не прибегали к наиболее жестким мерам, во всяком случае арестов не было. Наиболее суровой мерой было решение об отстранении «подписантов» от преподавания в НГУ. Однако это касалось лишь совместителей, т.е. работу в институтах СО АН они сохранили.

Степень прессинга во многом зависела от поведения «провинившихся»: в случае признания своей вины и «раскаяния» отношение к «заблудшим» оказывалось относительно снисходительным. Марина Михайловна была одной из немногих, кто категорически отказался «каяться», что сказалось и на ее положении в ИИФиФ. Ее отстранили от заведывания отделом «досоветской» истории. На гумфаке прессингу подвергся и ее муж доцент Ю.Б. Стракач, поскольку в ходе всяких разбирательств он не пожелал отречься от «провинившейся». Юрий Борисович был талантливым ученым в области этнографии и прекрасным педагогом. Позднее эта семья переехала в Москву: Марина Михайловна стала сотрудницей Института этнографии, именно там появились ее монографии о традициях русского крестьянства. Ю.Б. Стракач также стал доктором исторических наук. Конечно, случившееся стало потерей для гумфака. Собственно это, помимо прочего, отражало общий процесс

«выдавливания» из Академгородка наиболее мыслящих самостоятельных представителей научного сообщества, что с годами кардинально изменило облик бывшего «оазиса свободы».

Вскоре после создания гумфака в преподавание данной эпохи отечественной истории включился еще ряд сотрудников СО АН. Самым крупным обретением не только для этого сегмента учебного процесса, но и в целом для гумфака и всего Академгородка стало появление здесь **Николая Николаевича Покровского** (1930–2013).

Отрадно, что в настоящее время личность и деятельность выдающегося историка, нашего незабвенного наставника, нашли отражение в значительном числе публикаций, хотя, видимо, назрела необходимость подготовки соответствующего обобщающего труда. Значимым шагом в этом направлении следует признать фундаментальную книгу, вышедшую по итогам состоявшейся в ноябре 2020 г. в Институте истории СО РАН научной конференции в ознаменование 90-летия со дня рождения Н.Н. Покровского¹⁰.

Николай Николаевич – сын профессора Ростовского университета, первого декана его историко-филологического факультета. С детства он был погружен в мир истории, в интеллектуальную жизнь. Блестяще окончил исторический факультет МГУ (1952) и аспирантуру там же. Его научным наставником стал академик М.Н. Тихомиров. После защиты в 1955 г. кандидатской диссертации молодой историк работал ассистентом кафедры источниковедения МГУ. Его интересы уже тогда выходили за рамки «феодализма»: с «благословения» М.Н. Тихомирова он стремился филигранную методику анализа источников, характерную для исследований отдаленных эпох, применить к новейшей истории нашей страны.

Однако эта инициатива, имевшая не только индивидуальное, но и общественное значение, тогда не была реализована в полной мере: в августе 1957 г. талантливый ученый был арестован по делу «историков МГУ» («дело Краснопевцева»). Эти молодые гуманитарии обвинялись в создании «подпольной антисоветской организации» и приговорены к различным срокам заключения. Николай Николаевич отбывал свой 6-летний срок в знаменитом Дубровлаге, освобожден в августе 1963 г. Передавая свою уникальную коллекцию Сибирскому отделению АН, М.Н. Тихомиров получил обещание принять Н.Н. Покровского на работу в СО АН.

В ходе последующей работы Николай Николаевич вместе с филологами Е.И. Дергачевой-Скоп, Е.К. Ромодановской и другими стал организатором поисковых археографических работ на территории Сибири, Урала, Средней Азии. В ходе них были обнаружены ценные источники (всего на государственное хранение поставлено свыше 1,5 тыс. старопечатных и других малоизвестных изданий). Среди них – рукописный сборник XVI в. (Сибирский список), который содержит, в частности, наиболее полный комплекс источников по следственному делу Максима Грека, догматико-политические сочинения крестьян-старообрядцев XVIII–XIX вв. и др. Все это стало, по словам академика Д.С. Лихачева, «археографическим открытием Сибири», имело мировой резонанс.

Н.Н. Покровский – автор фундаментальных трудов, посвященных широкому кругу проблем российской истории XVI–XX вв., древнерусской культуре и общественной мысли населения России, а также вспомогательным историческим дисциплинам. Особое внимание в работах уделял проблеме возникновения и функционирования демократических земских организаций в Сибири в XVII в., их взаимоотношениям с местной и центральной властью. Изучение Н.Н. Покровским старообрядчества востока страны, крестьянской урало-сибирской письменности XVIII–XX вв. существенно изменило представления о духовной жизни русского крестьянства, выявив ее богатство и многообразие. Помимо прочего, обращение к данной проблематике представляло значительное новшество, поскольку в советской историографии религиозная жизнь освещалась в упрощенном политико-идеологическом ракурсе

¹⁰ Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археографии: К 90-летию Н.Н. Покровского. Новосибирск, 2020.

в соответствии с формулой «религия – опиум для народа». В 1974 г. он защитил докторскую диссертацию, с 1987 г. – член-корреспондент АН СССР, с 1992 г. – академик РАН.

Николай Николаевич неустанно ратовал за высокий уровень источникового анализа, в том числе за применение соответствующей методики и к документам советского периода. В «постперестроечный» период в контексте такого подхода под его руководством было подготовлено уникальное издание «Архивы Кремля. Политбюро и церковь» в двух томах (1997–1998 гг.).

Следует отметить, что работа Н.Н. Покровского долгое время подвергалась нападкам, в том числе ему неоднократно припоминали судимость по «антисоветскому делу». Судя по его опубликованной переписке, этот прессинг инициировали не официальные структуры, а некоторые коллеги из ИИФиФ, причем директор Института А.П. Окладников неизменно поддерживал его в этих ситуациях. В трактовке Н.Н. Покровского, эти действия диктовались завистью, поскольку, как уже говорилось, «археографическое открытие Сибири» получило мировой резонанс.

Достойно сожаления, что работа Н.Н. Покровского в НГУ прекратилась в 1998 г., – причины этого не вполне ясны. Но не подлежит сомнению, что случившееся стало большой потерей для НГУ. Отметим еще один проблемный момент. Филигранная методика анализа источников, которую прививал своим ученикам Н.Н. Покровский, оставалась достоянием этого небольшого сообщества.

В целом преподавание источниковедения на гумфаке было не на высоте, не очень высокие требования в этом плане предъявлялись и при написании дипломных (выпускных) работ. Со времен послесоветской «архивной революции» многим казалось, что само по себе использование архивных документов является гарантией научного качества работы. Об их скрупулезном анализе зачастую и речи не шло. Даже сейчас иной раз приходится убеждать наших выпускников в недопустимости «глухих» сносок, когда указывается архивный фонд и единица хранения, но не дается характеристики использованных документов. В трудах учеников Н.Н. Покровского такое просто немыслимо.

В свою очередь, эпоха 1861–1917 гг. находилась в сфере научных интересов **Леонида Михайловича Горюшкина** (1927–1999). Он окончил Томский университет в 1951 г., в 1964 г. защитил кандидатскую, а в 1976 г. докторскую диссертацию на тему «Развитие капитализма в сибирской деревне в период империализма (1900–1917 гг.)». В 1990 г. был избран членом-корреспондентом АН СССР. В 1991–1998 гг. являлся директором Института истории в составе объединенного Института истории, филологии и философии СО РАН. Своими монографиями и неустанной работой с молодым поколением Леонид Михайлович сформировал авторитетную научную школу по истории Сибири последних десятилетий имперской России. Одним из первых в нашей стране с учениками разработал методы применения ЭВМ при исследовании исторических процессов.

В связи с этим следует напомнить, что позднеимперский период почти 20 лет (до конца 1950-х гг.) практически не изучался. В немалой степени это было обусловлено тем, что молодые историки, начавшие в 1930-е гг. изучение России данного периода (по тогдашней терминологии – «период империализма»), практически полностью были уничтожены в период Большого террора. Так что исследование указанной проблематики пришлось начинать почти с «нуля».

К этому можно добавить, что хотя Леонид Михайлович отнюдь не был «диссидентом», в 1970 г. он подвергся жесткому прессингу, поводом для чего послужила его обзорная публикация о Всесоюзной конференции по проблеме «многоукладности российской экономики в период империализма». Острота нападков на ученого была связана с развернувшейся в это время кампанией против так называемого «нового направления». Так образно называли группу историков, которые выступали за преодоление догматического подхода к «ленинскому наследию» и сформулировали ряд новаторских идей о развитии России в последние

«дореволюционные» десятилетия. Наиболее ярким представителем этой группы был К.Н. Тарновский, иногда же в качестве ее лидера называют П.В. Волобуева – членом-корреспондента АН, в то время директора Института истории СССР Академии наук. После появления указанной публикации, видимо, с санкции «высших инстанций», по этому поводу состоялся ряд заседаний партбюро ИИФФ, на которых наш мэтр неоднократно «кался» и признавал свою «вину». В итоге коммунисты – коллеги по институту – объявили Л.М. Горюшкину «строгий выговор с занесением в учетную карточку» (в те времена для членов КПСС это было весьма серьезным наказанием).

По проблемам «советской эпохи» в период становления гумфака было четыре выдающихся специалиста – **Н.Я. Гуцин, Г.А. Докучаев, А.С. Московский и В.Л. Соскин**. Они являлись штатными сотрудниками СО АН (т.е. на гумфаке работали в порядке совместительства) и все вскоре стали докторами наук. **Варлен Львович Соскин**, биография которого характеризовалась ранее, работал в НГУ с 1963 г., вел сложнейший сегмент отечественной истории – период с 1917 до середины 1920-х гг. Это был один из наших любимых преподавателей, чему способствовало и лекторское мастерство, и неизменно внимательное, доброжелательное отношение к студентам. В ИИФиФ Варлен Львович с 1970 по 1995 г. возглавлял сектор истории культурного строительства. В 1968 г. он защитил докторскую диссертацию на тему «Культурное строительство в Сибири (1917–1923)». В те годы благодаря его усилиям сформировалась авторитетная и широко известная сибирская научная школа исторической культурологии.

При этом усилившиеся, особенно с конца 1960-х гг., в политике нашего государства консервативные тенденции, видимо, оказали деформирующее воздействие на научную деятельность нашего наставника – несомненно одного из наиболее мыслящих историков, всегда придерживавшего демократических ориентиров. В самом деле, две фундаментальные монографии В.Л. Соскина (о культурной жизни Сибири в период революции, Гражданской войны и первые годы нэпа) появились в 1965 и 1971 гг. Принимая во внимание его потенциал, можно было ожидать продолжения монографической разработки данной тематики, по крайней мере на материале 1920-х гг. Однако этого не произошло, что вполне понятно, поскольку уже в названный период (т.е. еще до Большого террора) имели место различные дискриминационные и репрессивные меры в отношении интеллигенции. Понятно, что тогда в нашей стране писать об этом было невозможно.

Кроме основного свершения В.Л. Соскина – «реабилитации» культурной жизни как важного аспекта исторического процесса (ведь большинство исторических трудов в то время посвящалось социально-экономическим проблемам), правомерно выделить еще две значимых составляющих его деятельности. Во-первых, это формирование источниковой базы – запись воспоминаний представителей интеллигенции. Во-вторых, воспитание нового поколения историков с несомненно демократическими ориентирами. Неслучайно именно «под крылом» Варлена Львовича вырос историк с ярко выраженной гражданской позицией – С.А. Красильников. Необходимо назвать и другого представителя данной школы – Александра Леонидовича Посадкова, который стал наиболее видным специалистом по истории книжной культуры Сибири. Его книга «Книжное дело Сибири. 1919–1923» (1979) не избежала политического прессинга – была изъята из продажи.

В свою очередь, в период со второй половины 1920-х гг. и до войны преподавал **Николай Яковлевич Гуцин** (1929–1996). Он окончил исторический факультет ЛГУ в 1951 г., в 1955 г. защитил кандидатскую, а в 1971 г. докторскую диссертацию по теме «Социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства (1926–1937 гг.)». Став одним из крупнейших в стране специалистом по истории крестьянства 1920–1930-х гг., он в последующие годы сформировал целую научную школу.

На гумфаке Николай Яковлевич начал работать с 1964 г., в 1970–1984 гг. являлся заведующим кафедрой истории СССР (ныне это кафедра отечественной истории), а в 1968–1970 гг. – деканом гумфака. Николай Яковлевич был блестящим преподавателем, в его лекциях сочетались и научная глубина, и ораторский талант.

Говоря о научных трудах и лекциях Николая Яковлевича, следует понимать, что вплоть до второй половины 1980-х гг. отклоняться от «генеральной линии» было непозволительно: сомневаться в «закономерности и прогрессивности» коллективизации и «раскулачивания» могли только диссиденты. Однако тут необходимо иметь в виду, что сама чрезвычайная острота этих событий, понимание честными историками всех ужасов «великого перелома» побуждали – в рамках общепринятой парадигмы – все же вести какие-то дискуссии. Свежие мысли звучали на заседаниях Всесоюзного аграрного симпозиума, иной раз в малотиражных изданиях. О дискуссионных подходах можно было также узнать из такого характерного феномена позднесоветской историографии, как «критика буржуазной историографии» (с годами появлялось все больше литературы в таком формате). Николай Яковлевич прекрасно ориентировался в этой сфере, общался с ведущими историками-аграрниками, придерживавшимися неортодоксальных взглядов (В.П. Данилов, Н.А. Ивницкий и др.). Из лекций нашего мэтра студенты узнавали о таких проблемах, как соотношение общинных традиций с коллективизацией, возможности ее проведения без насильственного «раскулачивания» и т.д.

Естественно, все это вызывало неприятие со стороны консерваторов: они считали Николая Яковлевича почти «диссидентом». В начале 1969 г. в издательстве «Наука» была подписана к печати монография Н.Я. Гущина «Классовая борьба и ликвидация кулачества как класса в сибирской деревне (1926–1934 гг.)». В качестве научных редакторов выступали академик А.П. Окладников и канд. ист. наук Ф.А. Лукинский. Однако затем монографию сняли с издания. Причина заключалась в появлении двух «черных» рецензий (по тогдашней терминологии), поступивших в отдел агитации и пропаганды Новосибирского обкома КПСС. Их авторами были проф. Новосибирской высшей партийной школы Ф.С. Пестриков и заведующий кафедрой истории КПСС Сибстрина А.Н. Резниченко. Научные свершения последнего неведомы, а Пестриков в 1966 г. издал небольшую книжечку «Партийные организации Западной Сибири в борьбе за победу колхозного строя (1927–1937 гг.)». Она не только являлась образцом догматизма, но и основывалась на чрезвычайно узком круге источников. При этом «рецензенты» предъявляли нашему мэтру самые серьезные по тем временам политические обвинения («апология кулачества», «поддержка буржуазных фальсификаторов истории» и т.п.).

Всю эту ситуацию глубоко проанализировал один из учеников Н.Я. Гущина, д-р ист. наук, заведующий сектором в Институте истории СО РАН В.А. Ильиных. Он опубликовал и сами эти «рецензии» (рукописи не горят!), – хотелось бы надеяться, что это станет уроком для последующих поколений доносчиков¹¹.

Добавим к этому, что названная книга Н.Я. Гущина все же была опубликована позднее, в 1972 г., под грифом НГУ в качестве «курса лекций», разумеется, минимальным тиражом. А уже в следующем году вышла его фундаментальная монография «Сибирская деревня на пути к социализму». При всем вынужденном следовании официальной схеме она, как представляется, и сейчас не утратила своей ценности, прежде всего ввиду своей огромной источниковой базы.

Отметим также, что Н.Я. Гущин не подвергся такому же прессингу, который обрушился на М.М. Громыко и Л.М. Горюшкина. Возможно, учитывался прежний видный общественно-политический статус Николая Яковлевича, ведь он до создания университета был некоторое время секретарем Октябрьского райкома КПСС, затем заведующим кафедрой истории КПСС НГУ, а в 1968–1969 гг. – деканом гумфака.

¹¹ См. об этом: *Ильиных В.А.* Методы и содержание одной из «научных» дискуссий конца 1960-х гг.: Ф.С. Пестриков и А.Н. Резниченко против Н.Я. Гущина // *Сибирская деревня: проблемы истории.* Новосибирск, 2004. С. 14–33.

Георгий Антонович Докучаев (1920–1986) – участник Великой Отечественной войны. В 1951 г. окончил исторический факультет Саратовского университета, с 1961 г. – в ранее названных структурах ИЭиОПП, а затем в ИИФиФ. В 1969 г. защитил докторскую диссертацию по теме «Рабочий класс Сибири и Дальнего Востока в период Великой Отечественной войны». В 1973 г. его фундаментальная монография с тем же названием была издана в Москве в характерном юбилейном дизайне – это был единственный эпизод такого рода из всей плеяды наших наставников. На гумфаке преподавал в 1962–1973 гг., в том числе читал курсы отечественной истории, историографии, истории Сибири. Правда, от его лекций осталось противоречивое впечатление: возможно, все его усилия были сосредоточены на научной работе, а подготовке лекций не уделялось должного внимания.

Работа Георгия Антоновича в Академгородке завершилась довольно драматическим образом: судя по некоторым свидетельствам, он вступил в конфликт с директором ИИФиФ академиком А.П. Окладниковым, возражая против «засилья» археологов в этом институте. Наш профессор считал необходимым гораздо большее внимание уделять изучению истории советского периода. Эта позиция имела определенные основания, однако принимая во внимание общую ситуацию в исторической науке в условиях нарастающих консервативно-охранительных тенденций, такое переформатирование вряд ли дало бы позитивные результаты. В те времена «бегство» историков в отдаленные периоды (археологию или «феодализм») позволяло (хотя и не всегда) в какой-то мере избежать наиболее грубого идеологического диктата. Как бы то ни было, Г.А. Докучаев вынужден был оставить ИИФиФ, а затем переехал в Куйбышев (сейчас Самара).

Алексей Степанович Московский (1923–2010) – также фронтовик, в 1949 г. окончил Московский историко-архивный институт, далее работал в средней школе, в партийных органах, в ряде вузов Новосибирска. С 1961 г. – в ИЭиОПП, затем в ИИФиФ, в том числе в 1971–1981 гг. был заведующим отделом истории советского общества. В 1969 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Рабочий класс Сибири в период строительства социализма». На гумфаке преподавал с 1964 по 1984 г., вел курсы историографии, источниковедения, отечественной истории. Однако его лекции, особенно по источниковедению, вряд ли соответствовали уровню НГУ. Видимо, ветеран и сам это чувствовал и в 1984 г. добровольно ушел с гумфака, что следует признать честным и мужественным поступком.

Пожалуй, наиболее ярким примером деятельности Алексея Степановича как наставника было то, что он осуществлял руководство дипломной работой, а затем и кандидатской диссертацией В.А. Исупова. В настоящее время **Владимир Анатольевич Исупов** – один из ведущих отечественных специалистов по проблемам исторической демографии. Некоторое время он трудился профессором кафедры отечественной истории НГУ, но в 2020 г. покинул Академгородок – переехал в Санкт-Петербург.

Оценивая в целом работу специалистов по истории «советского периода», можно предположить, что монографии и лекции по проблемам индустриального развития и «рабочего класса» в наибольшей степени были подчинены официальной парадигме. Это вполне объяснимо, поскольку индустриализация казалась наиболее очевидным и бесспорным достижением советского государства. Лишь в 1990-е гг. со всей остротой был поставлен вопрос о цене этих достижений – разорении деревни, уродливой урбанизации и т.д.

Естественно, возникает вопрос, как в нашем «микросоциуме» преломлялась тема сталинских репрессий. Ответить на него непросто. В лекционных курсах (истории КПСС, отечественной истории) этот острый вопрос по понятным причинам почти не затрагивался, что соответствовало общему курсу официальной пропаганды. Как известно, линия на замалчивание сталинских преступлений все более усиливалась с конца 1960-х гг. Из наших преподавателей эту тему затронул, пожалуй, лишь Н.Я. Гуштин, причем в каком-то юмористическом ключе, имея в виду абсурдный характер обвинений в отношении «врагов народа». О масштабах трагедии речи не шло.

При этом, как представляется, студенты имели определенное представление о репрессиях, и преклонения перед Сталиным в этом кругу не замечалось. Вместе с тем многие

позитивно восприняли появление данной фигуры в известном сериале «Освобождение» (1967–1971 гг.). В какой-то мере это было реакцией на предшествующую «фигуру умолчания»: на XX и XXII съездах КПСС было сказано о преступлениях Сталина, однако требовалось дать ответ и о его роли в индустриальной модернизации страны, затем как Верховного главнокомандующего в годы войны и т.д.

К сказанному добавим следующее: если о государственном терроре 1930–1940-гг. были более-менее осведомлены, то о предшествующих репрессиях практически не имели представления. «Академическое дело», дело «Промпартии» и т.д. – все это открылось лишь в период перестройки и явилось полной неожиданностью. Один характерный штрих: наш факультетский ежегодный сборник трудов именовался «Бахрушинские чтения», постоянно подчеркивалась роль этого исследователя в изучении истории Сибири. При этом нигде даже намек не было, что Бахрушин, как и многие видные историки, был арестован по «Академическому делу», находился в ссылке и т.д.

Характеризуя образовательный процесс на историческом отделении гумфака, следует также отметить использование здесь интеллектуальных ресурсов отделения экономической кибернетики. Понятно, что это был особый мир, тем не менее определенные интеграционные процессы имели место. Неоценим в этом плане вклад **Бориса Павловича Орлова** (1922–1991). Участник войны, чрезвычайно эрудированный и смелый в своих суждениях, он являлся сотрудником ИЭиОПП и одновременно преподавателем НГУ. Это один из немногих в СССР глубоких специалистов по истории советской экономики. В 1966 г. он защитил докторскую диссертацию на тему «Развитие транспорта СССР. Историко-экономическое исследование». После «развода» экономистов с гуманитариями Борис Павлович стал первым деканом экономического факультета (1967–1971). Со второй половины 1960-х гг. он читал для студентов ЭФ и ГФ не имевший аналогов спецкурс «Темпы и пропорции экономического развития СССР», где уже в те годы давал объективный научный анализ процессов формирования и эволюции советской экономической модели как автаркичной, мобилизационной, а многие провозглашенные официальные ее достижения не соответствовали реальности.

Обнадеживающие перспективы открывала также интеграция социологических и исторических исследований. Как известно, возрождение социологии в послесталинский период стало одним из значимых симптомов прогрессивных перемен в стране. Новосибирский Академгородок, как и по многим другим позициям, был в авангарде этого процесса. В блестящей плеяде людей, сыгравших исключительную роль в возрождении отечественной социологии, несомненно должен быть отмечен **Владимир Николаевич Шубкин** (1923–2010). Сын расстрелянного «врага народа», участник войны (ранение, контузия) – все это сформировало характер этого нестигаемого человека. А это было очень важно, поскольку «власть имущие» не без оснований относились к социологии с большим подозрением, рассматривая ее не просто как одну из научных дисциплин, а как проявление свободомыслия. В.Н. Шубкин руководил сектором в ИЭиОПП и в Лаборатории экономико-математических исследований НГУ, затем в ИИФФ. Он явился основоположником социологических исследований проблем молодежи, выводы которых сохраняют актуальность и в наше время.

По инициативе В.Н. Шубкина в НГУ был приглашен и другой известный своими незаурядными идеями социолог **Владимир Эммануилович Шляпентох** (1926–2015) – сотрудник ИЭиОПП. Он начал читать студентам исторического отделения курс социальной статистики – первый в СССР.

Возможно, все это открывало перед гумфаком новые горизонты – скажем, введение специализации по социологии, что могло существенно изменить его облик и траекторию развития. Однако, к сожалению, эти плодотворные инициативы не получили продолжения, видимо, прежде всего в силу общих политико-идеологических процессов – нарастания

в конце 1960-х гг. консервативно-охранительных тенденций (что уже отмечалось ранее). В 1968 г. В.Э. Шляпентох, которого считали «диссидентом» и едва ли не организатором знаменитого «письма сорока шести», покинул Академгородок, а в 1980 г. эмигрировал в США, поэтому в различных справочных материалах он позиционируется как «российско-американский» социолог и историк. Через год переехал в Москву и В.Н. Шубкин – в 1969–1973 гг. он являлся сотрудником Института конкретных социальных исследований АН СССР.

В процессе становления СО АН в качестве его важнейшего ориентира декларировалась интеграция различных отраслей науки, прежде всего их математизация. Как известно, в зарубежной исторической науке, особенно в США, в 1960-е гг. применение математических методов получает широкое распространение («клиометрическая революция»). У нас же данный процесс шел не без труда, что определялось целым комплексом факторов – как общих для отечественной науки, так и специфичных именно для Академгородка. Вероятно, важнейшим препятствием здесь являлась малочисленность нашего научно-исторического сообщества и ориентация большинства его представителей на традиционные исследовательские методы. Собственно, это направление у нас в полной мере представлял лишь **Валентин Алексеевич Устинов** (1926–1987) – вначале сотрудник Института математики СО АН, а затем ИИФФ. В 1962 г. в НГУ состоялась защита его кандидатской диссертации о применении ЭВМ в исторических исследованиях, а в 1964 г. вышла его книга на эту тему.

К сожалению, гумфак лишь в минимальной степени был затронут этими перспективными новациями. В сущности, единственным у нас опытом применения ЭВМ для обработки массовых источников стала работа под руководством Л.М. Горюшкина¹². Это был новаторский, можно сказать, уникальный опыт сотрудничества группы студентов под руководством крупного ученого. В ряду этих юных энтузиастов были А.М. Бауфал, В.С. Золототрубов, И.В. Островский, А.М. Рябоконеv – все выпускники гумфака 1968 г. Из их числа позднее известным ученым, доктором исторических наук стал И.В. Островский. Однако данное достижение стало ярким, но изолированным эпизодом в жизни нашего исторического сообщества. На гумфаке не было попыток введения специальной дисциплины по применению ЭВМ в исторических исследованиях.

Со второй половины 1970-х в развитии нашего сообщества обозначается важная долговременная тенденция: оно начинает пополняться выпускниками гумфака. Сейчас, после ухода из жизни первопроходцев, контингент наших преподавателей собственно и составляют эти выпускники, при этом старшее их поколение тоже уже далеко не «юноши». Главное, чтобы сохранилось лучшее, что мы восприняли от первопроходцев – наших учителей.

Особое место в этом ряду занимает **Нина Адамовна Миненко** (род. 1941) – одна из немногих в качестве штатного преподавателя. Она – ученица М.М. Громыко, в последующие годы крупнейший специалист по истории и этнографии Сибири и Урала XVI–XIX вв. Окончила историческое отделение гумфака в 1967 г., в 1971 г. защитила кандидатскую, а в 1979 г. докторскую диссертацию по теме «Русская крестьянская семья в Западной Сибири XVIII – первой половине XIX в. Историческое исследование». С 1970 г. начала работать на кафедре истории СССР (сейчас кафедра отечественной истории), последовательно пройдя путь от ассистента до профессора, затем заведующей кафедрой отечественной истории и декана гумфака. В конце 1980-х гг. ряд ее трудов заметно выходит за рамки традиционной тематики, приближаясь к таким новаторским направлениям, как история повседневности, историческая антропология.

Позднее Н.А. Миненко сыграла заметную роль в развитии исторической науки на Урале. Как известно, в 1987 г. Уральский научный центр преобразован в Уральское отде-

¹² Материалы переписи 1916 года по Томской губернии: Из опыта обработки на ЭВМ. Новосибирск, 1969.

ление (УрО) АН СССР, в котором в 1988 г. был создан Институт истории и археологии (ИИиА). Его директором-организатором стал известный историк из Академгородка Вениамин Васильевич Алексеев (с 1997 г. – академик РАН). В 1989 г. в Свердловск (Екатеринбург) переехала также Н.А. Миненко, которая сначала стала заместителем директора ИИиА УрО РАН, а в 1993 г. перешла в Уральский государственный университет (заведующая кафедрой этнологии и специальных исторических дисциплин).

С 1975 по 1999 г. проблемы отечественного средневековья преподавала одна из наиболее известных учениц Н.Н. Покровского **Наталья Дмитриевна Зольникова** (1949–2018). Она окончила историческое отделение гумфака, в 1975 г. защитила кандидатскую, а в 1991 г. докторскую диссертацию по теме «Сибирская приходская община в XVIII в.» Н.Д. Зольникова – археограф, источниковед, специалист в области истории православной церкви и старообрядчества Сибири XVII–XX веков, общественного сознания, социальной истории Сибири конца XVII в. Одно из наиболее крупных достижений Н.Д. Зольниковой, имеющее не только собственно научное, но и общественное значение, – введение в научный оборот старообрядческих сочинений XX в. В них отражались не только религиозные вопросы, но и формулировалось отношение к современным общественно-политическим явлениям. Как оказалось, альтернативные взгляды на текущие события в нашей стране не ограничивались узким кругом «диссидентов» из рядов интеллигенции, а глубоко коренились в народной толще.

В 1998–2003 г. гумфак возглавлял А.С. Зуев – видимо, самый молодой декан в НГУ. **Андрей Сергеевич Зуев** (род. 1962) окончил историческое отделение гумфака в 1986 г., в 1989 г. защитил кандидатскую, а в 2006 г. докторскую диссертацию по теме «Присоединение крайнего северо-востока Сибири к России: военно-политический аспект. Вторая половина XVII – XVIII век». В НГУ работает с 1989 г., с 2006 г. по совместительству являлся также сотрудником Института археологии и этнографии СО РАН.

А.С. Зуев начал научно-исследовательскую работу в студенческие годы под руководством Н.А. Миненко с изучения сибирской ссылки (XVIII в.), затем в сферу его интересов вошла история сибирского казачества, в рамках этой темы рассмотрел основные характеристики военно-организационного, социального и экономического развития русского казачества Забайкалья в XVIII – первой половине XIX в. С момента создания Гуманитарного института НГУ (2016 г.) является его директором.

Принимал активное участие в создании «Краткой энциклопедии по истории купечества и коммерции в Сибири». В дальнейшем сосредоточился на изучении русско-аборигенных отношений в период присоединения Сибири к России. Сформулировал параметры и критерии «присоединения», позволяющие характеризовать данный процесс и его результаты. Детально рассмотрев на материалах крайнего северо-востока Сибири историю русско-чукотско-корякских отношений в XVII–XVIII вв., выявил конфликтогенные и адаптационные факторы, определявшие становление и развитие этих отношений от конфронтационных к мирным. В рамках этой темы первым среди историков-сибиреведов обратился к изучению военного менталитета русских военно-служилых людей и сибирских аборигенов.

Многие годы на кафедре трудится **Александр Ананьевич Бродников** (род. 1961). Окончил гуманитарный факультет НГУ по специальности «История» (1987 г.) и аспирантуру (1994 г.) под руководством Н.Н. Покровского. С 1998 г. работает на кафедре отечественной истории гуманитарного факультета / Гуманитарного института НГУ, занимая последовательно должности ассистента, старшего преподавателя, доцента. В 1998–2016 гг. – заместитель декана гуманитарного факультета по внеучебной работе. В 2008–2009 гг. – проректор по общим вопросам НГУ. Ведет несколько курсов, практикум по отечественной истории и архивную практику. В сферу его научных интересов входит история сибирского казачества, присоединения Сибири к России, управления Сибирью в XVII в.

С 1995 г. на гумфаке начала преподавание **Наталья Сергеевна Гурьянова** – также одна из известных учениц Н.Н. Покровского. Н.С. Гурьянова (род. 1951) окончила историческое отделение гумфака в 1975 г., с этого же года по настоящее время является сотрудником

ИИФиФ СО АН / ИИ СО РАН. В том же году Н.С. Гурьянова защитила кандидатскую, а в 1997 г. докторскую диссертацию по теме «История и человек в сочинениях старообрядцев XVIII в.».

В настоящее время на смену первому поколению выпускников гумфака, ставших его преподавателями, выходит новая когорта талантливых ученых – своего рода «внуки» и «правнуки» основателей факультета. В этом ряду в первую очередь должен быть назван **Андрей Владимирович Дмитриев** (род. 1978). Он окончил отделение истории гумфака НГУ в 2001 г., в 2004 г. защитил кандидатскую, а в 2018 г. докторскую диссертацию по теме «Русская регулярная армия в Сибири (1725–1796 гг.)». Сфера научных интересов: политическая и социальная история России XVII–XVIII вв., история русской армии, складывание и эволюция имперской государственности России в эпоху нового времени. В 2022 г. ему присвоено ученое звание профессора, в мае того же года назначен временно исполняющим обязанности заведующего кафедрой отечественной истории, а в октябре избран ее заведующим. Является ответственным редактором журнала «Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. Выпуск История».

Что касается следующей эпохи отечественной истории 1861–1917 гг., то, как уже отмечалось ранее, она раскрывалась в лекциях Л.М. Горюшкина, который преподавал на гумфаке с 1962 по 1998 г. Затем в эту работу включилась **Наталья Васильевна Куксанова** (род. 1949), которая окончила истфак МГУ в 1971 г. Она работала в НГУ с 1972 г. на кафедре истории КПСС, а в 1987–2011 гг. являлась профессором кафедры отечественной истории. В 1981 г. защитила кандидатскую, а в 1995 г. докторскую диссертацию на тему «Социально-бытовая инфраструктура Сибири (конец 1950-х – середина 1980-х гг.)». В последующие годы ее научные интересы сконцентрировались на исследовании российской журналистики XIX – начала XX в. с преимущественным вниманием к проблемам формирования общественного мнения и национального самосознания в общественно-литературных и исторических журналах того времени. Работа Н.В. Куксановой на гумфаке завершилась ввиду переезда в 2011 г. в Москву.

В связи с тяжелой болезнью и прискорбной кончиной одного из «отцов-основателей» гумфака – члена-корреспондента РАН Леонида Михайловича Горюшкина (1999 г.) возникла настоятельная необходимость в привлечении новых сил для обеспечения этого участка нашего «фронта». В 2001–2004 гг. в эту работу включился известный историк-аграрник, профессор Новосибирского педагогического университета (НГПУ) **Владимир Александрович Зверев** (в качестве совместителя). Он родился в 1949 г., окончил НГПУ в 1972 г., в 1982 г. защитил кандидатскую, а в 1993 г. докторскую диссертацию на тему «Воспроизводство сельского населения Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.)». После завершения его работы в НГУ В.А. Зверев не утратил связи с Академгородком – с 2010 г. он стал (по совместительству) главным научным сотрудником Института истории СО РАН.

Свой вклад в учебный процесс на гумфаке внес еще один профессор НГПУ **Игорь Викторович Островский** (1946–1994). Он окончил историческое отделение гумфака НГУ в 1968 г., в 1973 г. защитил кандидатскую, а в 1991 г. докторскую диссертацию на тему «Аграрная политика царизма в Сибири в период империализма». На нашем факультете некоторое время преподавал курс историографии.

С 2004 г. в работу кафедры отечественной истории включился ученик Л.М. Горюшкина профессор **Михаил Викторович Шиловский** (род. 1947). Он окончил историческое отделение гумфака в 1971 г., в 1976 г. защитил кандидатскую, а в 1992 г. докторскую диссертацию по теме «Сибирское областничество во второй половине XIX – начале XX в.». В НГУ преподавал с 1976 г. на кафедре истории КПСС (потом кафедра истории России). На кафедре отечественной истории первоначально работал в качестве совместителя, однако затем стал полноправным членом нашего коллектива. Вместе с тем с 2001 г. является по совместительству в ИИ СО РАН заведующим сектором истории второй половины XIX – начала XX в. Это, пожалуй, уникальный случай – обычно в качестве совместителей в НГУ работают сотрудники академических НИИ. В настоящее время Михаил Викторович

достойно продолжает традиции, заложенные Л.М. Горюшкиным, является одним из лидеров научной школы по истории Сибири «эпохи капитализма».

Одним из успешных продолжателей традиций названной школы стал **Алексей Константинович Кириллов** (род. 1978), который является старшим научным сотрудником ИИ СО РАН и доцентом кафедры отечественной истории Гуманитарного института НГУ. Он окончил гумфак в 1999 г., в 2002 г. защитил кандидатскую диссертацию. Им опубликованы две глубокие новаторские монографии. Кроме работы в ИИ СО РАН и НГУ, Алексей преподавал в СУНЦ, большое внимание уделяет разработке современных методов изучения истории, издал ряд оригинальных учебных пособий.

Что касается преподавания истории советской эпохи, то здесь в 1976 г. появился штатный преподаватель **Иван Семенович Кузнецов** (род. 1950) – ассистент, доцент, профессор (с 1995 г.). Он окончил гуманитарный факультет НГУ в 1973 г., в 1977 г. защитил кандидатскую, а в 1992 г. докторскую диссертацию по теме «Социальная психология сибирского крестьянства в 1920-е гг.». Первоначально изучал историю сибирского крестьянства, одним из первых среди отечественных ученых обратился к анализу менталитета данной общественной группы. В последующие годы его основные научные интересы сосредоточены на истории создания и социально-политических вопросах развития Новосибирского научного центра.

С начала своей работы вел раздел курса отечественной истории с 1941 г. до современности. Некоторое время курс отечественной истории читался им также для филологов. Новым направлением работы стал курс историографии с 1917 г. до наших дней. До этого данный предмет преподавали приглашенные специалисты, в частности Ю.А. Мошков из МГУ и М.Е. Плотникова из ТГУ. В результате длительной работы над указанным курсом в 2008 г. было издано учебное пособие.

С первых дней преподавания названный коллега вел также семинарские занятия по всей эпохе с 1917 г. до современности. Существенной новацией здесь стало внедрение методики «устной истории», привлечение студентов к интервьюированию ветеранов. Одним из результатов этой деятельности стало издание книг «900 блокадных дней» (1993) и «Все для Победы!» (2005). И.С. Кузнецов одним из первых среди историков гумфака стал широко применять разнообразные интерактивные формы преподавания, перевел многие тексты в электронную форму, разработал разветвленную систему вопросов, тестов и заданий. Кроме того, опубликовал серию актуальных изданий по истории России и Сибири, предназначенных в качестве учебных книг для общеобразовательной школы и для широкого читателя. Они неоднократно переиздавались большими тиражами и широко использовались в образовательном процессе.

С 1983 г. преподавание на нашей кафедре начал **Сергей Александрович Красильников** (с 1997 г. – профессор). Он родился в 1949 г., окончил историческое отделение гумфака в 1971 г. Будучи одним из представителей научной школы В.Л. Соскина, в 1980 г. защитил кандидатскую, а в 1995 г. докторскую диссертацию по теме «Социально-политическое развитие интеллигенции в Сибири в 1917 – середине 1930-х гг.». В 2004–2014 гг. был заведующим кафедрой отечественной истории НГУ. С 1976 г. является сотрудником ИИФиФ СО АН / ИИ СО РАН, в 1998–2008 г. – заместитель директора названного НИИ, в 1995–2009 гг. – заведующий сектором социально-культурного развития.

Специалист в области истории социально-структурного, культурного и политического развития России и Сибири в первой половине XX в. Сфера его научных интересов: история отечественной и региональной (сибирской) интеллигенции в первой трети XX в.; региональный научный потенциал в 1920–1930-х гг.; государственные репрессии 1920–1940-х гг.; формирование и эволюция маргинальных групп в послереволюционном российском обществе. Руководил выпуском серийных документальных изданий «Спецпереселенцы в Западной Сибири (1930–1945)» (4 выпуска, совместно с В.П. Даниловым) и «Власть и интеллигенция в сибирской провинции (1919–1945)» (4 выпуска). Принял активное участие в подготовке фундаментального документального издания «Трагедия советской деревни.

Коллективизация и раскулачивание» (1999–2004, т. 1–5). В свою очередь, одной из значимых книг о судьбе репрессированного крестьянства в условиях сталинского режима стала его монография¹³.

Помимо собственно научной работы, С.А. Красильников отличается ярко выраженной гражданской позицией. Он относится к той части отечественного научно-исторического сообщества, которая решительно противодействует симптомам «реанимации сталинизма». По примеру своего учителя В.Л. Соскина много сил вкладывает в воспитание нашей смены, работу с талантливыми студентами и молодыми учеными. Неустанное внимание уделяет сохранению традиций НГУ и гумфака, важным шагом в чем стало издание справочника о профессорах факультета и его выпускниках – докторов наук (2012), а теперь и сборника воспоминаний преподавателей и выпускников факультета (2022). Кроме того, благодаря его усилиям издана в соавторстве с Н.Н. Аблажей и Е.Г. Водичевым первая монография об истории НГУ (2019) и подготовлено трехтомное издание о профессорах НГУ (первый том опубликован также к юбилею университета в 2019 г.).

С 1990 г. профессором кафедры отечественной истории стал известный ученый **Владимир Иванович Шишкин** (род. 1948), в 1990–2004 заведующий той же кафедрой (до этого с 1974 г. преподавал на кафедре истории КПСС). Он окончил историческое отделение гумфака в 1970 г., в 1974 г. защитил кандидатскую, а в 1988 г. докторскую диссертацию по теме «Социалистическое строительство в сибирской деревне (ноябрь 1919 – март 1921 г.)». С 1969 г. по сегодняшний день его основным местом работы является ИИФиФ СО АН / ИИ СО РАН. В 2001–2019 гг. являлся заведующим сектором истории общественно-политического развития этого института.

Работает в широких проблемно-тематическом и хронологическом диапазонах. Главное внимание уделяет изучению власти и общества во всех их проявлениях: институтам, элитам, общественным организациям, их деятельности, взаимоотношениям. Ввел в научный оборот основополагающий фактический материал о высших органах государственной власти контрреволюции на востоке России во время гражданской войны, о вооруженном сопротивлении коммунистическому режиму в Сибири в начале 1920-х гг., комплекс обращений граждан Сибири во власть во время революций и гражданской войны. Принимает активное участие в международном научном сотрудничестве, работал в качестве приглашенного профессора в ряде зарубежных университетов.

На гумфаке в течение ряда лет В.И. Шишкин вел лекционный курс истории Сибири (с 1917 г. до современности). С 2016 г. он приступил также к преподаванию периода отечественной истории с 1917 г. до окончания Гражданской войны. Под его руководством защищено большое количество выпускных квалификационных работ и диссертаций, ряд учеников имеет значительные достижения в научной и административной деятельности. Из них следует назвать работающих на кафедре В.М. Рынкова, Д.Г. Симонова, В.В. Журавлева. В том числе В.М. Рынков и Д.Г. Симонов внесли весомый вклад в преподавание ряда разделов отечественной истории для историков, востоковедов и журналистов.

Вадим Маркович Рынков (род. 1972) преподает на кафедре отечественной истории с 1996 г., а с 1997 г. является сотрудником ИИ СО РАН. В 2019 г. избран директором Института истории СО РАН, а в 2024 г. коллектив второй раз доверил ему этот пост. В 2021 г. защитил докторскую диссертацию по теме «Социальная политика антибольшевистских правительств на востоке России (июнь 1918 – октябрь 1922 г.)». Круг его научных интересов весьма широк: это различные аспекты экономического развития Сибири в конце XIX – первой четверти XX в. В настоящее время преподает на кафедре отечественной истории, доцент, ведет лекции и специализацию по экономической истории.

Дмитрий Геннадьевич Симонов в 2019 г. назначен директором Государственного архива Новосибирской области. Круг его научных интересов – военное строительство анти-

¹³ Красильников С.А. Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М., 2003; Красильников С.А. Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. 2-е изд. М., 2009.

большевистских сил на востоке России. Он автор фундаментальной монографии «Белая сибирская армия в 1918 г.» (Новосибирск, 2010. 607 с.).

Вадим Викторович Журавлев (род. 1970) окончил историческое отделение ГФ в 1994 г., впоследствии защитил кандидатскую диссертацию под научным руководством В.И. Шишкина на тему «Государственная власть сибирской контрреволюции (май – ноябрь 1918 г.)». Является старшим научным сотрудником ИИ СО РАН, с 1998 г. – ассистент, старший преподаватель, ныне доцент кафедры отечественной истории. В сферу его научных интересов, помимо исследования истории антибольшевистских режимов на востоке России в 1917–1922 гг., входит изучение роли исторического прошлого в современном массовом сознании, а также проблемы науковедения, историографии и методологии исторических исследований.

На кафедре отечественной истории активно работает доцент **Наталья Николаевна Аблажей** (род. 1969). В 1992 г. она окончила историческое отделение гумфака, в 1997 г. защитила кандидатскую, а в 2009 г. докторскую диссертацию по теме «Эмиграция из России (СССР) в Китай и реэмиграция в первой половине XX в.». С 1999 г. сотрудник Института истории СО РАН. В НГУ начала работать в 1992 г., с 2004 г. на кафедре отечественной истории. Читает курс новейшей истории России, спецкурс «Миграционная безопасность восточных регионов России: история и современность». С 2020 г. в ее ведение перешел и раздел отечественной истории 1941–1991 гг. В последние годы под руководством Н.Н. Аблажей подготовлен целый ряд выпускных квалификационных работ и магистерских диссертаций, посвященных различным аспектам сталинской репрессивной политики. Играет ключевую роль в подготовке научно-справочных изданий о профессорах ряда факультетов университета (ММФ, ФФ, ЭФ, ГГФ).

Необходимо отметить, что на кафедре отечественной истории некоторое время трудился еще ряд известных ученых – сотрудников ИИФиФ СО РАН / ИИ СО РАН. В 1984–2004 гг. здесь преподавал **Сергей Семенович Букин** (1953–2012). Он окончил историческое отделение гумфака в 1975 г., в 1979 г. защитил кандидатскую, а в 1987 г. докторскую диссертацию по теме «Повышение уровня жизни рабочих Сибири в годы упрочения и развития социализма (1946–1960 гг.)». С.С. Букин преподавал курс источниковедения будучи опытным профессионалом в этой сфере, в том числе одним из первых ввел в научный оборот материалы бюджетных обследований рабочих семей. Затем он начал разрабатывать ряд новаторских тем: судьба немецких военнопленных, умерших на сибирской земле, повседневная жизнь нашего города на рубеже XIX–XX вв. и др.

В последующие годы некоторое время курс источниковедения преподавал **Станислав Геннадьевич Петров** (род. 1968), научное становление которого проходило под руководством Н.Н. Покровского и С.А. Красильникова. Он окончил историческое отделение гумфака в 1994 г., кандидатскую диссертацию защитил в 2000 г. С 1994 г. является сотрудником ИИ СО РАН, с 2021 г. – заведующий сектором археографии и источниковедения названного НИИ. При его активном участии под руководством академика Н.Н. Покровского подготовлено уникальное документальное издание¹⁴. Применив филигранную методику источникового анализа, характерную для школы Н.Н. Покровского, С.Г. Петров выпустил монографию¹⁵.

* * *

Проведенный выше анализ факторов, заложивших основу кадровой и тематической преемственности в деятельности профессорско-преподавательского состава (ППС) кафедры отечественной истории НГУ, в течение шести десятилетий носящий, хотя в известной

¹⁴ Политбюро и Церковь. 1922–1925 гг.: в 2 кн. Кн. 1. Новосибирск, 1997; Политбюро и Церковь. 1922–1925 гг.: в 2 кн. Кн. 2. Новосибирск, 1998. 648 с.

¹⁵ *Петров С.Г.* Документы делопроизводства Политбюро ЦК РКП(б) как источник по истории Русской церкви (1921–1925 гг.). М., 2004; *Петров С.Г.* Русская православная церковь времени патриарха Тихона (источниковедческое исследование). Новосибирск, 2013.

степени, обзорный характер, позволяет тем не менее сделать ряд выводов. Первый из них состоит в том, что при начальном формировании преподавательского коллектива внутри последнего сложилось и воспроизводилось достаточно органичное сочетание учебной и исследовательской составляющих в его деятельности. Не будет преувеличением считать, что преподавательский процесс отечественной истории и связанных с ней дисциплин на гуманитарном факультете осуществляли ведущие ученые, профессионально выросшие на платформе создания соответствующих томов «Истории Сибири» в 1960-е и создавшие затем научные направления и исследовательские коллективы, получившие признание за пределами региона. Необходимо, однако, отметить, что особенно на рубеже 1960–1970-х гг. на их деятельность деформирующее воздействие оказывали факторы догматического и идеологического прессинга, исходившего из научных и партийных кругов.

Важнейшим условием, обеспечившим результативность деятельности кафедры, выделенной из общеисторической в начале 1970-х гг., явилось создание устойчивого механизма преемственности ППС за счет ее пополнения профессионально мотивированными и успешно работавшими в исследовательской области выпускниками, что позволило в 1990-е гг. сформировать на кафедре новое поколение профессоров и доцентов из их числа. Нынешний кадровый состав кафедры представляет собой сочетание представителей данного и следующего, третьего поколения преподавателей и исследователей отечественной истории. Из выпускников кафедры уже с 1970-х гг. рекрутируется основное пополнение сотрудников Института истории СО РАН (Новосибирск). Прямым результатом кафедральной деятельности за истекший период стала и подготовка высококвалифицированных кадров историков для социально-гуманитарных кафедр вузов г. Новосибирска, которые возглавляют в немалых случаях выпускники кафедры отечественной истории НГУ. Выпускники данной кафедры составили ядро десанта из новосибирского Академгородка в конце 1980-х гг. в Свердловск (ныне Екатеринбург), создав в нем в последующие десятилетия один из ведущих в стране академических институтов исторического профиля.

Говоря о существующих ныне проблемах преподавания, из ряда многих хотелось бы отметить одну – оптимизацию последствий перехода на систему «бакалавриат-магистратура». Дело в том, что целый ряд учебных курсов на стадии бакалавриата принял «усеченный формат» в сравнении с эпохой специалитета. Причем это практически не компенсируется в магистратуре. Один пример: во времена специалитета важнейший, в сущности итоговый курс историографии читался на четвертом курсе, причем лекции дополнялись семинарскими занятиями. Сейчас названная дисциплина преподносится одновременно третьему и четвертому курсам, а семинары вообще упразднены. Очевидно, это не может не сказываться на уровне подготовки наших выпускников.

Что касается научной работы, то, как представляется, здесь необходимым шагом могло бы стать проведение дискуссий по ряду важнейших проблем отечественной истории. Дело в том, что наши коллеги, преимущественно сотрудники ИИ СО РАН, по большей части работают изолированно. Разумеется, такого рода дискуссии не должны воспроизводить «сталинскую модель», когда «дискуссии» превращались в «проработку» инакомыслящих. Думается, что конструктивное обсуждение сложных проблем отечественной истории на обеих площадках (институтской и кафедральной) важно и для учебного, и для научного процессов в Новосибирском исследовательском университете, каковым он является фактически с момента его основания.

Литература

Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археологии: К 90-летию Н.Н. Покровского / отв. ред. А.П. Деревянко, А.Х. Элерт. Новосибирск, 2020. 788 с. (Археология и источниковедение Сибири; вып. 39).

ГУМФАКиЯ 60–70-х гг. XX в.: воспоминания наших учителей и выпускников / сост. С.А. Красильников, И.С. Кузнецов, Г.Г. Пиков. Новосибирск: Манускрипт, 2022. 427 с.

Ильиных В.А. Методы и содержание одной из «научных» дискуссий конца 1960-х гг.: Ф.С. Пестриков и А.Н. Резниченко против Н.Я. Гущина // Сибирская деревня: проблемы истории. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2004. С. 14–33.

Красильников С.А. Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М.: РОССПЭН, 2003. 288 с.

Красильников С.А. Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. 2-е изд. М.: РОССПЭН, 2009. 344 с.

Лисс Л.Ф. Мои университеты. Новосибирск: Параллель, 2013. 443 с.

Материалы переписи 1916 года по Томской губернии: Из опыта обработки на ЭВМ / под науч. рук. и ред. Л.М. Горюшкина. Новосибирск: Наука, 1969. 306 с.

Петров С.Г. Документы делопроизводства Политбюро ЦК РКП(б) как источник по истории Русской церкви (1921–1925 гг.). М., 2004. 408 с.

Петров С.Г. Русская православная церковь времени патриарха Тихона (источниковедческое исследование). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2013. 407 с.

Покровский Н.Н. Письма и воспоминания. СПб.: Нестор-История, 2022. 720 с.

Политбюро и Церковь. 1922–1925 гг.: в 2 кн. / изд. подгот. Н.Н. Покровский, С.Г. Петров. Кн. 1. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. 600 с.

Политбюро и Церковь. 1922–1925 гг.: в 2 кн. / изд. подгот. Н.Н. Покровский, С.Г. Петров. Кн. 2. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. 648 с.

Ревакина Н.В. Ученый, наставник, друг // Средние века. М., 2004. Т. 65. С. 262–266.

Росов В.А. Николай Рерих: Вестник Звенигорода. Экспедиции Н.К. Рериха по окраинам пустыни Гоби. Кн. 2: Новая страна. М.: Ариаварта-Пресс, 2004. 304 с.

Соскин В.Л. Новосибирский научный центр: исследования по новейшей отечественной истории: очерк истории и историографии: учеб. пособие. Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 2008. 188 с.

Шиловский М.В. Изучение дореволюционной истории Сибири в Новосибирске в 1950-х – начале 1980-х годов // Исторический курьер. 2019. № 6. С. 137–156 [Электронный ресурс]. URL: <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-6-12.pdf> (дата обращения: 29.10.2024).

Шиловский М.В. Они были первыми: формирование исторического сообщества в Новосибирске в 1960–1970-х гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 63. С. 192–200.

References

Derevyanko, A.P., Elert, A.Kh. (Eds.). (2020). *Aktual'nye problemy otechestvennoy istorii, istochnikovedeniya i arkheografii: K 90-letiyu N.N. Pokrovskogo (Arkheografiya i istochnikovedenie Sibiri, vyp. 39)* [Current Issues of Russian History, Source Studies and Archeography: On the 90th Anniversary of N.N. Pokrovskiy (Archeography and Source Studies of Siberia; Vol. 39)]. Novosibirsk. 788 p.

Goryushkin, L.M. (Ed.). (1969). *Materialy perepisi 1916 goda po Tomskoy gubernii: Iz opyta obrabotki na EVM* [Materials of the 1916 Census in Tomsk Province: From the Experience of Processing on a Computer]. Novosibirsk, Nauka. 306 p.

Il'inykh, V.A. (2004). *Metody i sodержanie odnoy iz "nauchnykh" diskussiy kontsa 1960-kh gg.: F.S. Pestrikov i A.N. Reznichenko protiv N.Ya. Gushchina* [Methods and Content of One of the "Scientific" Discussions of the Late 1960s: F.S. Pestrikov and A.N. Reznichenko against N.Ya. Gushchin]. In *Sibirskaya derevnya: promlemy istorii*. Novosibirsk, Institut istorii SO RAN, pp. 14–33.

Krasil'nikov, S.A. (2003). *Serp i Molokh. Krest'yanskaya ssylka v Zapadnoy Sibiri v 1930-e gody*. [Sickle and Moloch. Peasant Exile in Western Siberia in the 1930s]. Moscow, ROSSPEN. 288 p.

Krasil'nikov, S.A. (2009). *Serp i Molokh. Krest'yanskaya ssylka v Zapadnoi Sibiri v 1930-e gody*. [Sickle and Moloch. Peasant Exile in Western Siberia in the 1930s]. 2nd edition. Moscow, ROSSPEN. 344 p.

Krasil'nikov, S.A., Kuznetsov, I.S., Pikov, G.G. (Comp.). (2022). *GUMFAKiYA 60–70-kh gg. XX v.: vospominaniya nashikh uchiteley i vypusnikov* [GUMFAKiYA 60–70s of the 20th Century: Memories of our Teachers and Graduates]. Novosibirsk, Manuscript. 427 p.

Liss, L.F. (2013). *Moi universitety* [My Universities]. Novosibirsk, Parallel'. 443 p.

Petrov, S.G. (2004). *Documenty deloproizvodstva Politburo TSK RKP(b) kak istochnik po istorii Russkoy tserkvi (1921–1925 gg.)* [Documents of Politburo of the Central Committee of the RCP(b) as a Source for the History of the Russian Church (1921–1925)]. Moscow. 408 p.

Petrov, S.G. (2013). *Russkaya pravoslavnaya tserkov' vremeni patriarkha Tikhona (istochnikovedcheskoe issledovanie)* [Russian Orthodox Church during the Time of Patriarch Tikhon (Source Study)]. Novosibirsk, Izdatel'stvo SO RAN. 407 p.

Pokrovskiy, N.N. (2022). *Pis'ma i vospominaniya* [Letters and Memories]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya. 720 p.

Pokrovskiy, N.N., Petrov, S.G. (Publ.). (1997). *Politbyuro i Tserkov'. 1922–1925 gg.* [Politburo and Church. 1922–1925]. Book 1. Novosibirsk, Sibirskiy khronograf. 600 p.

Pokrovskiy, N.N., Petrov, S.G. (Publ.). (1998). *Politbyuro i Tserkov'. 1922–1925 gg.* [Politburo and Church. 1922–1925]. Book 2. Novosibirsk, Sibirskiy khronograf. 648 p.

Revyakina, N.V. (2004). Uchenyy, nastavnik, drug [Scholar, Mentor, Friend]. In *Srednie veka*. Vol. 65, pp. 262–266.

Rosov, V.A. (2004). *Nikolay Rerikh: Vestnik Zvenigoroda. Ekspeditsii N.K. Rerikha po okrainam pustyni Gobi. Kniga 2: Novaya strana* [Nikolai Rerikh: Zvenigorod Bulletin. Expeditions of N.K. Rerikh on the Outskirts of the Gobi Desert. Book 2: New Country]. Moscow, Ariavarta-Press. 304 p.

Shilovskiy, M.V. (2019). Izuchenie dorevolutsionnoy istorii Sibiri v Novosibirske v 1950-kh – nachale 1980-kh godov [Study of Pre-Revolutionary History of Siberia in Novosibirsk in the 1950s – Early 1980s]. In *Istoricheskiy kur'er*. No. 6, pp. 137–156. Available at: URL: <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-6-12.pdf> (date of access 29.10.2024).

Shilovskiy, M.V. (2020). Oni byli pervymi: formirovaniye istoricheskogo soobshchestva v Novosibirske v 1960–1970-kh gg. [They Were the First: The Formation of a Historical Community in Novosibirsk in the 1960s and 1970s]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. No. 63, pp. 192–200.

Soskin, V.L. (2008). *Novosibirskiy nauchnyy tsentr: issledovaniya po noveyshey otechestvennoy istorii: ocherk istorii i istoriografii. Uchebnoe posobie* [Novosibirsk Scientific Center: Research on the Latest National History: An Essay on History and Historiography. Study Guide]. Novosibirsk, Novosibirsk State University. 188 p.

Г.П. Аксенов*

**«БРАТСТВО» В.И. ВЕРНАДСКОГО
В ЗЕМСКОМ ДВИЖЕНИИ**doi:10.31518/2618-9100-2025-1-13
УДК 93/94-930*Выходные данные для цитирования:
Аксенов Г.П. «Братство» В.И. Вернадского в земском движении // Исторический
курьер. 2025. № 1 (39). С. 187–199. URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-1-13.pdf>*

G.P. Aksenov*

**“BROTHERHOOD” OF V.I. VERNADSKY
IN THE ZEMSTVO MOVEMENT**

doi:10.31518/2618-9100-2025-1-13

*How to cite:
Aksenov G.P. “Brotherhood” of V.I. Vernadsky in the Zemstvo Movement // Historical
Courier, 2025, No. 1 (39), pp. 187–199. [Available online:
<http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-1-13.pdf>]*

Abstract. Vladimir Ivanovich Vernadsky (1863–1945) was not only a universal scientist of world renown, but also an outstanding public, political and statesman of Russia. After graduating from St. Petersburg University, he and his student friends created a unique association, the Brotherhood, which set the goal of a collective search for the meaning of life, moral improvement, enlightenment and peaceful public activity. In 1891–1892, the Brotherhood saved peasants from the famine that broke out in the Tambov province. The canteens they created successfully operated in the village for seven months. After the famine ended, Vernadsky ran for the Morshansk district and Tambov provincial zemstvo assemblies. He and his friends planted zemstvo schools, setting the goal of universal compulsory primary education in the country. On the all-Russian stage, Vernadsky and members of the Brotherhood successively entered the leadership of the Union of Zemstvo Constitutionals and the Union of Liberation. They participated in the work of the famous 2nd Zemstvo Congress on November 6–9, 1904, the resolution of which laid the foundation for the transformation of the country from an absolute to a constitutional monarchy. Nicholas II was forced to proclaim the civil and political rights from the draft constitution of the country they had developed in the Manifesto of October 17, 1905, they were included in the Fundamental State Laws of 1906. Vernadsky’s friends formed the backbone of the Central Committee of the Cadet Party and headed the First State Duma. He himself was elected a member of the State Council, and in 1917 he joined the Provisional Government. The experience of Vernadsky and his close friends as zemstvo, public and government figures is of lasting importance and deserves the most serious study. It allows us to overcome the Marxist principle of historiography and shows which forces of the 1904–1906 revolution were historically constructive, peacefully transforming the state system of Russia.

Keywords: zemstvo self-government, primary schools, constitutional movement, II All-Russian Zemstvo Congress, anti-feudal revolution of 1904–1906, Constitutional Democratic Party, State Duma.

The article has been received by the editor on 26.10.2024. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Геннадий Петрович Аксенов**, кандидат географических наук, Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук, Москва, Россия, e-mail: gen.aksenov@mail.ru
Gennady Petrovich Aksenov, Candidate of Geographical Sciences, S.I. Vavilov Institute of the History of Natural Science and Technology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: gen.aksenov@mail.ru

Аннотация. Владимир Иванович Вернадский (1863–1945) был не только универсальным ученым мирового уровня, но и выдающимся общественным, политическим и государственным деятелем России. По окончании Санкт-Петербургского университета он вместе со своими студенческими друзьями создал уникальное объединение «Братство», поставившее целью коллективные поиски смысла жизни, моральное совершенствование, просветительство и мирную общественную деятельность. В 1891–1892 гг. «Братство» спасало крестьян от разразившегося в Тамбовской губернии голода. Созданные ими столовые успешно работали на селе в течение семи месяцев. По окончании голода Вернадский баллотировался в состав Моршанского уездного и Тамбовского губернского земских собраний. Он и его друзья насаждали земские школы, поставив целью всеобщее обязательное начальное образование в стране. На общероссийской арене Вернадский и члены «Братства» последовательно входили в руководство «Союза земцев-конституционалистов» и «Союза Освобождения». Они участвовали в работе знаменитого 2-го Земского съезда 6–9 ноября 1904 г., резолюция которого заложила базис преобразования страны из абсолютной в конституционную монархию. Гражданские и политические права из разработанного ими проекта конституции страны Николай II вынужден был провозгласить в Манифесте 17 октября 1905 г., они вошли в Основные государственные законы 1906 г. Друзья Вернадского составили костяк Центрального комитета кадетской партии и возглавили I Государственную Думу. Сам он был избран членом Государственного Совета, а в 1917 г. вошел во Временное правительство. Опыт Вернадского и его близких друзей в качестве земских, общественных и государственных деятелей имеет непреходящее значение и заслуживает самого серьезного изучения. Он позволяет преодолеть марксистский принцип историографии и показывает, какие силы революции 1904–1906 гг. были исторически конструктивными, мирно преобразившими государственный строй России.

Ключевые слова: земское самоуправление, начальные школы, конституционное движение, II Общероссийский земский съезд, антифеодальная революция 1904–1906 гг., Конституционно-демократическая партия, Государственная Дума.

Статья поступила в редакцию 26.10.2024 г.

Опыт просветительской и благотворительной деятельности В.И. Вернадский и его студенческие друзья получили уже в университете. Студенты переводили книги по практическим сведениям для сельских хозяев, печатали их в толстовском издательстве «Посредник», покупали и рассылали в уездные и сельские библиотеки. Они влились в Петербургский Комитет грамотности и значительно оживили его работу. К 1886 г. тесный кружок выпускников университета перерос в духовное единство, которое они называли «Братство» (рис. 1)¹.

На поиски истинного смысла личной и общественной жизни их вдохновила проповедь, а больше личность Льва Толстого, новые книги которого они не только прочли, но и обща-

¹ На фото 1884 г. группа студентов-«культурников» Санкт-Петербургского университета. Слева направо, верхний ряд: князь Дмитрий Шаховской, филолог, в дальнейшем виднейший общественный и политический деятель, член ЦК кадетской партии, член Временного правительства 1917 г.; Андрей Краснов, естествовед, профессор Харьковского университета и основатель Батумского ботанического сада; Сергей Крыжановский, юрист, последний Государственный секретарь Российской империи; Федор Ольденбург, филолог, завуч Тверской учительской семинарии им. П. Максимовича; средний ряд: Михаил Харламов, юрист, служащий Министерства внутренних дел; Николай Ушинский, естествовед, профессор Бакинского университета; Владимир Вернадский, профессор Московского университета, академик, земский деятель, один из основателей кадетской партии, член Государственного Совета, член Временного правительства 1917 г.; нижний ряд: Александр Корнилов; историк, профессор Петербургского политехнического института, член ЦК и генеральный секретарь кадетской партии, Сергей Ольденбург, филолог, непреходящий секретарь Академии наук, член Временного правительства 1917 г.; Александр Оболянинов, юрист, сельский хозяин.

лись с ним лично. Вернадский ценил духовные и нравственные поиски писателя, но критически относился к «опрощению» и толстовскому отрицанию науки и высшего образования. Только образованные и научно ориентированные люди способны улучшить бедственное положение народа, считал он. Годы 1886–1889 следует отнести к окончательной консолидации «Братства» и осознанию его членами своей задачи – просветительство. Оно вскоре переросло в общественную и политическую деятельность.

Рис. 1. Группа студентов-«культурников» Санкт-Петербургского университета. Фото 1884 г.

В 1890 г. произошло два решающих знакомства Вернадского и его друзей с Федором Измайловичем Родичевым и Иваном Ильичем Петрункевичем, признанными лидерами конституционного движения. Несмотря на солидную разницу в возрасте – Родичев был старше на 10, а Петрункевич на 20 лет, Вернадский стал близким другом обоих. В своих «Записках общественного деятеля», изданных в Праге в 1934 г., Петрункевич писал, что не знает другого человека такой чистоты и благородства, как Вернадский. Начало этой дружбы с обоими и уяснение единого образа мыслей относится ко времени возвращения Вернадского со стажировки за границей и получения им кафедры в Московском университете. 9 октября 1890 г. Вернадский сообщает жене Наталии Егоровне:

«Вчера вечером был и долго сидел у меня Федор Измайлович. Мы с ним, собственно говоря, впервые долго разговаривали – он мне весьма понравился»².

Всероссийская известность Родичева началась при смене царствования в 1895 г. Именно он составил крамольный адрес новому царю от Тверского дворянского собрания, в котором выразил надежду на предоставление земским органам права участия в управлении на местах. Как известно, вступающий на престол Николай II публично ответил на тверской адрес своим знаменитым слоганом о «бессмысленных мечтаниях» земцев. Самого Родичева при этом изгнали из предводителей уездного дворянства³.

Первое упоминание Вернадского о Петрункевиче тоже относится к этому времени. 19 октября он сообщает в письме к жене о встрече с ним как уже о регулярном событии:

«Был вечером у Петрункевичей – довольно интересные были общие разговоры – все та же тема, которая возбуждается теперь везде среди искренних мыслящих людей, – тема о правах человека, о их нарушениях»⁴.

И.И. Петрункевича к этому времени тоже знали во всей стране. В 1879 г. он, будучи мировым судьей и земским гласным Черниговской губернии, первым в стране выступил

² Вернадский В.И. Письма Н.Е. Вернадской 1889–1892. М., 1991. С. 114.

³ Аксенов Г.П. Федор Родичев: «Вся наша боль – в отсутствии права» // Крылья орла. Очерки российской свободы. М., 2000. С. 47–63.

⁴ Там же. С. 123.

от имени группы гласных на собрании губернского земского собрания с речью о конституционных преобразованиях. Председатель собрания не дал ему произнести речь полностью, но она получила известность далеко за пределами Чернигова, тем более что Петрункевич вскоре изложил ее в брошюре, напечатанной за границей. Здесь он обозначил задачи земств:

«Консервативным земским силам желательны: свободы слова и печати, неприкосновенность личности, уничтожение административной ссылки и произвола администрации, независимость крестьянского сословия от полиции, изменение системы налогов и образования в смысле льготном для массы населения и, наконец, исполнение правительством законов, им же издаваемых.

Наиболее удобным базисом такого движения должны сделаться земские учреждения как единственный общественный орган, соединяющий в себе почти все элементы и сословия. Поэтому земство роковым путем идет к своей политической миссии, и вопрос лишь в том – сумеет ли оно стать на высоту своей роли?»⁵.

В том же 1879 г. за свои радикальные призывы Петрункевич отправлен в ссылку. Только в 1890 г. начинается его активная политическая деятельность в Твери и в Москве по организации земских съездов и новой оппозиционной газеты. Судя по переписке, они часто обсуждают эти проекты с Вернадским, с князем Шаховским и другими будущими земцами.

Показателем консолидации политических устремлений «Братства» стало трагическое событие в их кругу в сентябре 1891 г.: болезнь и смерть жены Сергея Ольденбурга Александры (Шуры). А.А. Корнилов пишет, что собравшиеся «братья» после похорон дали тогда клятву посвятить свои силы введению конституции в стране мирными средствами⁶. Так общая цель стала вполне осознанной.

Сильнейший голод 1901–1892 гг. затронул села вокруг имения Вернадского в Моршанском уезде Тамбовской губернии. Комитет «Братства» сразу начинает собирать средства среди знакомых и закупает продовольствие. Форму помощи крестьянам подсказал им своей деятельностью Лев Толстой. Необходимо создавать столовые, в которых ежедневно должны работать добровольцы. Дело возглавил А.А. Корнилов, к нему на помощь устремились студенты-добровольцы. 27 декабря Вернадский пишет жене о своей личной работе по надворной переписи населения и об успешном сборе пожертвований:

«Я ясно вижу, что через 4–3 недели еще ужаснее беда: конец корму скота и т.п. Много тяжелого. Крестьяне разорены страшно: из скота уже распродано 3/4 minimum, а это ведь все. <...> Голодные просят хлеба: что будет? На хутор ездят толпы крестьян, и бабы плачут и становятся на колени, прося хлеба. Трудно отказывать, а надо – потому что надо бы продержат столовые не на один месяц, а на семь. Мы рассчитали бюджет на 4 000 руб. (уже есть около 3 300) и имеем возможность открыть еще одну столовую на 100 человек. Решили ждать, когда можем открыть на 250 человек и тогда сразу открыть 5 столовых в Липовке, где 3 000 человек. К Арсеньеву обращались за справками обо мне петербургские адвокаты: очень возможно, мы получим и от них помощь»⁷.

Известный адвокат К.К. Арсеньев представлял комитет Вернадского в Петербурге. К нему обратился великий князь Николай Михайлович с просьбой указать частную организацию по борьбе с голодом, потому что «не доверяет правительственным бюрократам». Арсеньев рассказал о деятельности комитета Вернадского, и великий князь пожертвовал огромную сумму в 35 тыс. руб., которую передал в два транша. Свое имя просил не разглашать.

Так дело внезапно резко расширилось. 9 марта 1892 г. Вернадский пишет жене: «Ты из письма Корнилова увидишь, как все дело стоит – теперь у нас уже 56 столовых, вчера начали кормить лошадей. Всех столовых будет у нас 80 на 4 000 людей, и увеличено будет содержание лошадей в этом районе. <...> Наши столовые осматривал Половцев (представитель

⁵ Петрункевич И.И. Из записок общественного деятеля // Архив русской революции: в 22 т. М., 1993. Т. 21. С. 455–456.

⁶ Корнилов А.А. Воспоминания // Вопросы истории. 1994. № 3. С. 126.

⁷ Вернадский В.И. Письма Н.Е. Вернадской 1889–1892... С. 188.

Особого комитета наследника цесаревича для помощи голодающим губерниям. – Г. А.), остался доволен и передал, что Чолокаев (предводитель /Тамбовского/ дворянства) наметил нас как лиц, которым передать помощь лошадям во всем уезде от Особого комитета, и что нам тогда передадут на это 14–15 000 руб. Отказываться в таком деле нельзя, и надо будет всеми силами добывать людей»⁸.

Как выяснилось, недостатка в добровольцах не было. Комитет справился не только с голодом, но и с эпидемией холеры, для чего создали врачебный пункт, а в столовых ввели кипячение воды. А поскольку зимой крестьяне действительно забили весь скот, пришлось создавать особую комиссию по закупке лошадей в губерниях, не затронутых голодом (рис. 2).

Таким образом, частные общества оказались на голову успешней, чем правительство, что и предрекал Лев Толстой. Осенью 1892 г., когда голод отступил вследствие хорошего урожая, Александр Корнилов дал отчет обществу о работе комитета Вернадского. В нем он привел полный список жертвователей (великий князь проходил здесь как г-н Н.М.) и подробные расходы. В личной библиотеке Вернадского на брошюре надпись «Наташе и Владимиру от друга и брата. Москва. 05.1993» (рис. 3).

Особая ценность общественной работы Вернадского состояла и состоит в том, что он не только отразил ее в письмах и дневниках, но, как ученый, постоянно анализировал происходящее и делал выводы. Научные итоги их работы на голоде он подвел в публицистической статье «Новое бедствие» в самой читаемой образованной публикой газете «Русские ведомости» в 1905 г.:

«...Если *неурожай* есть стихийное бедствие, которое еще не поддается окончательно силе науки и техники, то *голод*, как его следствие, есть явление общественное, которое должно быть заранее предвидено и не допущено. И если все-таки неурожай превращается в голод, это есть не только великое бедствие для страны, но грозный симптом, указывающий на коренное расстройство всего государственного механизма, на необходимость самых быстрых и решительных мер государственного обновления»⁹.

Вернадский одним из первых указал на эффективность частной инициативы в стране, привыкшей все делать по воле администрации, и на связь народных бедствий с необходимостью государственных реформ. Комитет «Братства» на голоде как частный почин стал одним из первых ростков гражданского общества. Вернадский говорил тогда о явном изменении сознания «братьев» Они возвратились домой как будто обновленными, часто встречались и еще чаще обменивались письмами по этому поводу. 29 мая 1992 г., когда уже просматривался конец бедствия, он писал жене:

«И с Адькой (Корнилов. – Г. А.) и с Митей (Шаховской. – Г. А.) гораздо больше подымалось общих вопросов, чем, например, в прошлом. <...> Я думаю, теперь стоит перед нашим “Братством” задача поменьше занимать сердце и мысль личными дрязгами, а больше, сильнее, страстней всей мыслью идти к одной великой цели, при создании которой умерла дорогая Шура»¹⁰.

Рис. 2. Попечительство о безлошадных крестьянах Моршанского уезда

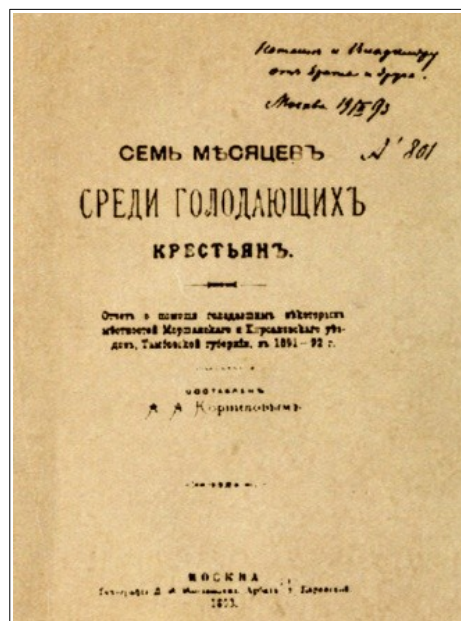

Рис. 3. Отчет о помощи голодающим

⁸ Вернадский В.И. Письма Н.Е. Вернадской 1889–1892... С. 202.

⁹ Вернадский В.И. Публицистические статьи. М., 1995. С. 50.

¹⁰ Вернадский В.И. Письма Н.Е. Вернадской 1889–1892... С. 245.

Первые итоги деятельности Вернадский подвел для себя в особом политологическом меморандуме летом 1893 г. Его главная мысль состояла в том, что именно образованное общество должно взять на себя ответственность за развитие страны, мирным образом воздействуя на правительство:

«Оно [общество] исходит из того, что 1) государство существует для граждан, а не граждане для государства. Следовательно, основным мотивом деятельности государства может быть лишь какое-нибудь основное требование человеческой личности. Таким основным требованием являются так называемые права человека, которые в сущности все могут быть сведены к одному – к признанию в человеке неотъемлемым основным – сознание и разум его, которые должны развиваться и усиливаться в государстве»¹¹.

Вот почему в июле 1892 г. Вернадский как землевладелец решил баллотироваться в Моршанское уездное, а в декабре – в Тамбовское губернское земские собрания. Кроме разумеющейся ему по прежнему опыту занятий просветительской деятельности, он обозначил вскоре в письме к Корнилову конечную перспективу переустройства села как фундамента государственного здания:

«Чем больше вдумываюсь в окружающую жизнь, тем больше убеждаюсь, что в основе настоящей русской государственной политики должна быть положена мелкая земельная собственность (или если хочешь, вечная аренда государственных земель) в связи с широким бессловесным самоуправлением. Только избыток сил может быть направлен на другого рода деятельность. Когда мелкое крестьянское население нищает и все больше нищает – не может быть и речи о каком-нибудь устойчивом состоянии государства»¹²

В Моршанское уездное земское собрание входило 39 гласных: 24 дворянина, 3 представителя купечества и 12 крестьян от сельских обществ. Последние избирались посредством двухстепенных выборов¹³. В октябре Вернадский приехал на свое первое собрание и сразу включился в работу комиссии по бюджету. Собственно говоря, он, привыкший к демократической форме ученых советов, без усилий вник в существо нового, непривычного для административной системы способа решения уездных дел. Каждый вопрос необходимо досконально изучать, разрабатывать решение, собирать сторонников и ставить на голосование по демократической процедуре.

В письме к Наталии Егоровне он разъясняет: «Я очень рад, что приехал: сейчас в комиссии, где я провалился, я явился единственным *говорящим* противником против сокращения школ. Ввиду дефицита [средств] комиссия большинством 8 против 4 (в том числе я) решила из 72 школ оставить всего 39! Народную медицину удалось отстоять. Есть все шансы отстоять школы в собрании, так как вопрос будет решаться закрытой баллотировкой, а все крестьяне подадут голос за школы, да и некоторые из других будут стоять за них»¹⁴.

С самого начала Вернадский возглавил оппозиционную часть собрания, объединив крестьянских гласных, которые хорошо знали его по работе на голоде. Через два дня он добавляет: «Сегодня будет обсуждаться вопрос о закрытии школ и больниц – главная баталия... Я очень надеюсь не дать провести это предложение. Мне удалось привлечь нескольких из стоявших за эту меру. Я могу рассчитывать на 17 голосов из 28, но все эти счета – такая трудная вещь»¹⁵.

На его сторону перешли некоторые гласные из дворян и купцов. Всем импонировало необычное для уездного собрания, как он выразился, «мое подозрительное профессорство», хотя на самом деле он был еще приват-доцент. Сокращения школ не удалось отстоять, но все же не в том объеме, на котором настаивал председатель земской управы. В этом вопросе проявилась еще одна черта деятельности и самого Вернадского, и всего «нового», как

¹¹ Страницы автобиографии В.И. Вернадского. М., 1981. С. 140.

¹² Цит. по: Аксенов Г.П. Вернадский. М., 2015. С. 96.

¹³ Материалы по земскому общественному устройству (Положение о земских учреждениях). СПб., 1886. Т. 2. С. 97.

¹⁴ Вернадский В.И. Письма Н.Е. Вернадской 1889–1892... С. 282–283.

¹⁵ Там же. С. 283–284.

он говорил, земства, которое претендовало на самоуправление, – способность к компромиссам. Впереди у них предстояло 15 лет борьбы и соглашений с правительством.

Одновременно с Вернадским пришел в земство князь Дмитрий Шаховской. Сразу после окончания университета его пригласил на должность помощника по школам предводитель Весъегонского уездного дворянского собрания Ф.И. Родичев. Он был осведомлен о «Братстве» Вернадского и называл «культурников» обнадеживающим явлением на фоне радикалов и народников.

Вместе они взяли курс на всеобщее начальное образование в уезде и начали ежегодно строить по восемь школ, причем сразу кирпичных. С приходом Шаховского все школьное дело в уезде резко улучшилось. Правда, работал он в этой должности всего два года. Демократ и толстовец, он оказался подозрительным для местного начальства: князь, но ничего княжеского в нем нет, сам ведет свое хозяйство, ездит одиночкой вместо «положенной» ему тройки и т.п. За ним был установлен негласный надзор, узнав о котором, Шаховской немедленно ушел и переместился в гласные Ярославского уездного собрания. Как неутомимого собирателя нового земства его тоже вскоре узнала вся страна, в том числе и через публицистику в ярославской газете «Северный край», распространявшейся в восьми губерниях.

В целом они осуществляли главную организационную идею Толстого, много занимавшегося школами: они должны принадлежать обществу, а не казенному Министерству народного просвещения. И земские школы оставались независимыми в главном – в финансовых и кадровых делах. С самого начала «братья» взяли курс на всеобщее начальное образование. Ф.Ф. Ольденбург написал статистический и исторический очерк «Народные школы европейской России в 1802–1893 гг.», а Д.И. Шаховской инициировал сборник статей известных деятелей просвещения, ратовавших за введение обязательного начального образования в стране.

Под давлением общественного мнения министр народного просвещения П.М. фон Кауфман внес в 1907 г. в Государственную Думу законопроект об обязательном начальном образовании. Дума следующего созыва приняла закон, но Государственный Совет после долгих проволочек в комиссиях и обсуждениях в 1912 г. его отклонил. Формально такой закон был принят только в 1930 г. Лишь во время военного призыва 1914 г. обнаружилась сенсация: в двух уездах Тверской губернии – Весъегонском и Тверском сельском – молодые призывники оказались поголовно грамотными.

Деятельность признанного лидера по школьному делу Вернадского нашла отражение в статистике. Согласно первой всеобщей переписи населения 1897 г., в Тамбовской губернии грамотных среди мужчин насчитывалось 16,6 %, а среди женщин еще меньше. И вместе с тем в годы резкого увеличения количества школ в земствах положение улучшилось. Выделялись возрасты с 10 до 19 лет, в которых грамотных записано уже 46,5 % среди мужского и 13,5 % среди женского населения¹⁶.

В 1911 г. Вернадский передал свое имение и землю, а с ней и свой избирательный ценз в земстве сыну Георгию. С последнего из своих заседаний он писал:

«Собрание интересное. Вечером в докладной комиссии являюсь докладчиком по народному образованию. <...> Любопытно, как, несмотря ни на что, жизнь идет своим чередом. Я помню, как еще недавно 80–90 школ в Моршанском уезде казались чем-то большим, сейчас их 120 и будет скоро 300!»¹⁷.

Успехи земств в постановке школьного дела отмечал будущий премьер-министр С.Ю. Витте, тогда еще статс-секретарь Министерства финансов. В конфиденциальной записке царю 12 февраля 1899 г. он привел такие данные: Министерство народного просвещения тратит на начальные народные училища и на семинарии по подготовке учителей для них почти 4,5 млн руб. в год плюс 1 200 000 из земских сборов в неземских губерниях. В то же время земства только 33 губерний европейской России расходуют больше прави-

¹⁶ Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. XLII. Тамбовская губерния. СПб., 1904. С. XIII.

¹⁷ Вернадский В.И. Письма Н.Е. Вернадской 1909–1940. М., 2007. С. 238.

тельства – около 7 млн руб. в год. Как противник земств, Витте делает вывод: правительство упустило из своих рук начальное народное образование, нет «контроля и плана действий по распоряжению народных училищ»¹⁸.

Николай, как известно, продолжил отцовский завет укрепления самодержавия и курс на сворачивание реформ, и прежде всего зачатков гражданского общества. В 1900 г. устанавливаются «Временные правила о предельности земского обложения», чем подрывалось множество прогрессивных начинаний. Противостояние земства и правительственного лагеря стало главным содержанием начавшейся политической жизни страны на рубеже веков. Вернадский в дневнике за 3 ноября 1900 г. обобщает:

«Политическая роль земства постепенно сглаживается и сама идея самоуправления оказывается несовместимой с государственной бюрократической машиной. Оно и понятно, так как ясно проникло в огромные слои русской жизни сознание необходимости политической свободы и возможности достигнуть ее путем развития самоуправления. Вероятно, земство должно быть уничтожено [царизмом], так как при таком общественном сознании и настроении не может быть достигнуто устойчивое равновесие: или самоуправление должно расширяться, или постепенно гибнуть в столкновении с бюрократией»¹⁹.

Но вскоре столкновение административной бюрократии и общественных сил перешло в кульминационную фазу.

В первые годы века центром консолидации московских общественных сил стал кружок «Беседа», куда входили, кроме Петрункевича и Вернадского, князя Петр и Павел Долгоруковы, князь Шаховской, профессора вузов, богатейшие люди столицы. Фактически это была элита страны²⁰. Общее настроение дворянской оппозиции выражалось формулой: если не ввести демократические преобразования, царский режим неизбежно столкнет страну к революции. Правительство упорно ограничивает мирные земские органы, но если не уступит им часть властных полномочий, террористическое и социалистическое подполье захватит их целиком.

Следующей ступенью объединения стал уже полуправильный «Союз земцев-конституционалистов» и вполне легальное «Бюро съездов», в которое входила верхушка «Беседы». Бюро разработало исторический, как вскоре выяснилось, документ, озаглавленный так: «Об общих условиях, обеспечивающих правильное течение нашей общественной и государственной жизни». Он состоял из 10 статей с конкретными требованиями:

- прав человека и их судебного обеспечения;
- гражданских и политических свобод;
- неприкосновенности личности и жилища;
- ликвидации сословий;
- уравнивания крестьян в судебных правах;
- принципа самоуправления земств и городов со всей полнотой местной власти;
- бессловности земств, распространение их на мелкую сельскую единицу и на всю территорию страны;
- созыва народного представительства²¹.

Московское бюро настояло на созыве «самочинного», по выражению Шаховского, т.е. легального земского съезда, для обсуждения и принятия документа. Когда повестка дня стала известна царю, он не разрешил съезд, но не смог и запретить, потому что в нем участвовали наиболее авторитетные в обществе деятели, к тому же видную роль играли аристократы. Царь повелел, чтобы совещание называлось частным и собиралось на квартирах, а не в здании Петербургского земского собрания. Газетам будет предписано ничего о нем не сообщать. Однако оба распоряжения царя оказались бесполезными: съезд назвал себя 2-м общероссийским и о нем стало известно всей стране.

¹⁸ Политическая беспринципность С.Ю. Витте: тайные циркуляры и доклады. Берлин, 1903. С. 13.

¹⁹ Страницы автобиографии В.И. Вернадского... С. 178.

²⁰ Соловьев К.А. Кружок «Беседа»: в поисках новой политической реальности, 1899–1905. М., 2009.

²¹ Постановления II съезда земских деятелей 6–9 ноября 1904 г. [Электронный ресурс] // Сайт Российского Исторического общества. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/33341-postanovleniya-ii-sezda-zemskih-deyatelay-6-9-noyabrya-1904-g#mode/inspect/page/3/zoom/4> (дата обращения: 01.08.2024).

6 ноября 1904 г. Вернадский как представитель Тамбовского земства и Шаховской – Ярославского прибыли в Петербург. Среди ста депутатов – будущий глава кадетского Временного правительства князь Г.Е. Львов, князь П.Д. Долгоруков, председатель последней Думы В.М. Родзянко, глава Вольно-экономического общества граф П.А. Гейден, основатель Союза сельских хозяев Н.Н. Львов, члены будущего Временного правительства, в том числе Ф.И. Родичев, известные в стране юристы, теоретики и практики недолгой русской демократии. Сопредседателями избраны Петрункевич и глава Московской земской управы Д.Н. Шипов.

В течение четырех дней пункты резолюции принимались единогласно вплоть до 10-й статьи, по поводу которой разгорелись прения. Петрункевич, Родичев, другие ораторы в ярких речах отстаивали создание законодательной Государственной Думы по европейскому образцу с функциями разработки бюджета и контроля за деятельностью правительства. Шипов стоял за законосовещательную Думу, т.е. с «участием в законодательстве». Народные представители должны только «доносить до царя чаяния народа», помимо бюрократии, считал он. Так столкнулись принцип демократического парламентаризма и «особый русский путь единения и любви царя и народа»²².

9 ноября в доме известного юриста В.Д. Набокова (отца писателя В.В. Набокова) состоялось решительное голосование по функциям будущей Думы: законодательной, бюджетной и контрольной. За парламент европейского типа проголосовал 71 депутат (в том числе Вернадский с Шаховским), за славянофильскую Думу – 27 голосов. В таком виде – с мнениями большинства и меньшинства – резолюция была напечатана и направлена через министра внутренних дел Николаю.

Буквально на другой день, 10 ноября 1904 г., страна проснулась в эпохе гласности. Никого уже нельзя было удержать от публичного обсуждения того, о чем люди молчали тысячу лет – об устройстве власти. По всей стране прокатилась грандиозная банкетная кампания: в ресторанах произносились речи и тосты за свободу. Банкет в столице собрал 650 человек, председательствовал писатель В.Г. Короленко – троюродный брат Вернадского. В Зимний дворец идут телеграммы с требованием учреждения Думы. Все депутаты земского съезда приобрели широкую известность. В книжных лавках продается роскошный альбом с каллиграфическим факсимиле резолюции, подписями и портретами депутатов (рис. 4). Выходит сборник о земских борцах за свободу. О Вернадском здесь сказано: «В.И. Вернадский является одним из самых видных деятелей освободительного движения. Крупный ученый, даровитый профессор, убежденный и стойкий общественный деятель, симпатичный по всему своему облику человек, В.И. имеет все шансы на то, чтобы сыграть крупную роль в качестве государственного деятеля обновленной России»²³.

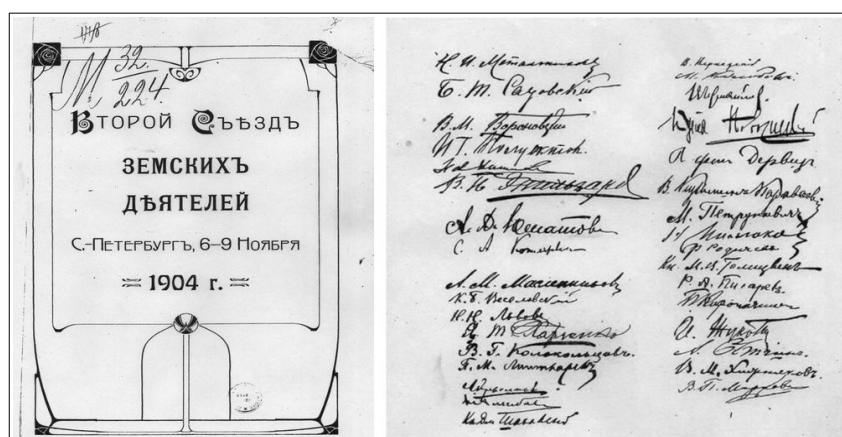

Рис. 4. Обложка брошюры с речами депутатов, резолюцией съезда и личными подписями. Подпись князя Шаховского – последняя в левой колонке, Вернадского – верхняя в правой.

²² Аксенов Г.П. По праву или по любви // Крылья орла... С. 30.

²³ Деятели освобождения // Голос жизни. 1905. № 10–15. С. 75.

По почину земцев «самочинным» порядком создаются профессиональные союзы. Кстати, самым первым образовался Академический Союз, инициаторами которого стали Вернадский и его друзья-профессора.

Значимость съезда и до сих пор – если судить по школьным и университетским учебникам – мало сознается в нашей исторической науке как начальный пункт начавшейся антифеодальной революции. Фактически же его можно считать – благодаря глубине и юридической точности намеченных преобразований – виртуальным Учредительным собранием страны, которое и прогнозировал Петрункевич. Все новеллы съезда так или иначе вошли в программы политических партий, в самые важные государственные документы, в том числе в последующие конституции, включая (весьма ограниченно) Основные законы 1906 г. В части гражданских и политических прав человека они входят даже в Конституцию 1993 г. Таким образом, эти положения имеют характер вечных научных истин.

На съезде вместе с тем прозвучали призывы к вручению дела «организации свободы» царю, т.е. к мирному соглашению и компромиссу с властью. Но тот в ответ на неслыханный акт земского общества в декабре того же года всего лишь очень ограниченно изменил состав Государственного Совета, введя в него выборных членов от общественных организаций, что превратило его вскоре в верхнюю палату парламента. От «академической курии» в него в 1906 г. был избран Вернадский, который посвятил этому замшелому органу немало ярких критических статей.

На 1905–1908 гг. приходится пик публицистики Вернадского. Так, например, в статье «Три решения» в газете «Русские ведомости» он с исключительной ясностью объяснил выбор, который стоит перед каждым сознательным жителем страны: примкнуть к «партии прошлого», т.е. к царскому режиму с полицейским порядком управления или к «партии будущего», к социалистическим силам, которые стремятся захватить орудия насилия у власти, и самим стать ею. И только «партия настоящего», состоящая из поборников мирного и делового переустройства общества на научных правовых основах, способна обеспечить мирное развитие²⁴.

Земцы-конституционалисты подтверждают принятую резолюцию на последующих земских съездах и направляют их царю. Наконец, 6 июня 1905 г. Николай принимает в Петергофе депутацию 14 земских и городских деятелей. После представления гостей князь Сергей Николаевич Трубецкой, еще один из близких друзей Вернадского, вскоре ставший первым выборным ректором Московского университета, произнес от имени всех речь, в которой призвал государя принять меры к созыву Думы. В ответной речи Николай заверил, что земцы могут быть спокойны, дело народного представительства обеспечено и даже что он «каждый день стоит за этим». Встреча произвела огромное впечатление на страну. Казалось, диалог власти и общества установлен.

Летом 1905 г. земцы начали превращать земскую резолюцию в конституцию. Иногда собрания происходили в доме Вернадского из-за удобства его профессорской квартиры с телефоном во дворе университета на Моховой. Обсуждался проект, составленный бывшим профессором права Московского университета (изгнанного за крамольный курс юриспруденции) Сергеем Андреевичем Муромцевым. Он был опубликован 6 июля 1905 г. в газете «Русские ведомости» вместе с проектом Государственной Думы²⁵. Профессор конституционного права ВШЭ А.Н. Медушевский очень высоко оценивает документ. В случае принятия он поставил бы Россию в круг самых развитых в правовом отношении стран Европы:

«Будучи активным земским деятелем, участником и ведущим идеологом ряда земских съездов, Муромцев считал возможным положить земский принцип в основу организации местного и центрального управления. В какой-то мере эти его идеи могут рассматриваться как выражение программы всего земского движения в России, исходившего, более или менее

²⁴ Вернадский В.И. Публицистические статьи... С. 56–62.

²⁵ Проект основного закона Российской империи, измененный земским Бюро (Проект С.А. Муромцева) // Муромцев С.А. Избранные труды. М., 2010. С. 509–530.

осознанно, из идеи о том, что будущий российский парламент должен лишь увенчать собой развитое местное земское самоуправление»²⁶.

7 июля 1905 г. состоялся еще один общероссийский съезд, который принял в первом чтении проект Муромцева, после чего Бюро продолжило работу над поправками. 9 июля Вернадский сообщает жене:

«В общем, полная победа, и удалось провести все без раскола. <...> К следующему съезду (ко 2-му чтению конституции) мы явимся, таким образом, суррогатом представительства всей России, так или иначе»²⁷.

Следующий общеземский съезд прошел 12–15 сентября 1905 г. Правда, второго чтения конституции не получилось, правительство запретило ее обсуждать. Но все основные демократические принципы вошли в принятые документы: об избрании Государственной Думы, о правах национальностей и о местном самоуправлении. А самое главное, что царь 17 октября издал знаменитый Манифест о правах и свободах граждан.

В те же октябрьские дни в Москве основана конституционно-демократическая (кадетская) первая легальная политическая партия. Вернадский вместе с близкими друзьями готовил ее учредительные документы и естественно вошел в ЦК партии вместе с Шаховским и Родичевым, а председателем избран Иван Ильич Петрункевич. Генеральным секретарем стал Александр Александрович Корнилов. В своих «Воспоминаниях» он писал об этих горячих днях, что они с Шаховским, как немосквичи, жили у Вернадских и что Наталия Егоровна взяла на себя роль секретаря Московского комитета партии, печатая и рассылая документы.

Первым пунктом программы партии в согласии с формулировкой 2-го земского съезда провозглашались права человека. Таким образом, земское движение из общественного переросло в политическое, поставившее цель завоевание власти, увенчавшееся победой в феврале 1917 г.

Первой инстанцией на этом пути стало открытие 27 апреля 1906 г. 1-й Государственной Думы (рис. 5). Кадеты с убедительным преимуществом победили на выборах, сформировали самую большую фракцию недолгого, к сожалению, нашего первого парламента, заседавшего всего 72 дня. Ее председателем был избран С.А. Муромцев.

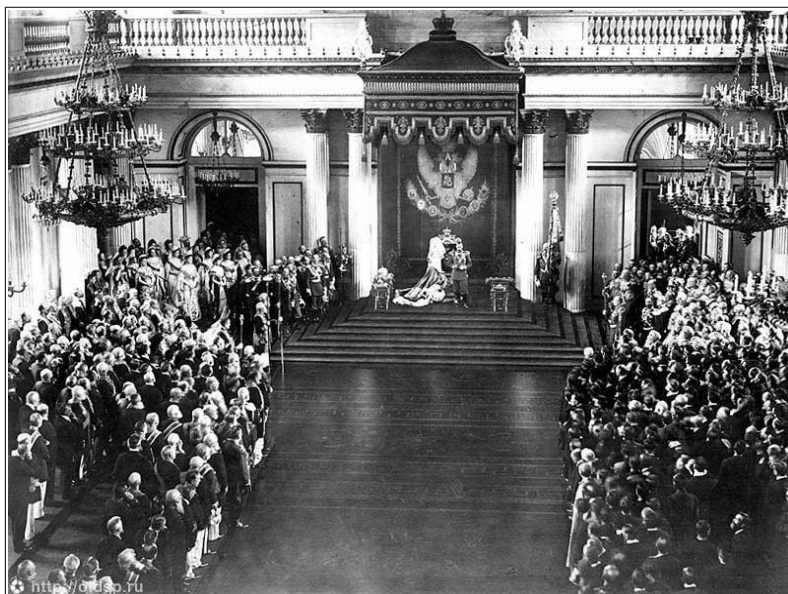

Рис. 5. Тронный Георгиевский зал Зимнего дворца, 27 апреля 1906 г. Николай II провозглашает открытие народного представительства. Слева – двор и члены Государственного Совета, справа – депутаты Государственной Думы

²⁶ Медушевский А.Н. Конституционный проект С.А. Муромцева // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.): сб. ст. М., 1997. С. 173–196.

²⁷ Вернадский В.И. Письма Н.Е. Вернадской 1901–1908. М., 2003. С. 197–198.

История земской борьбы за правовое государство настойчиво заставляет нас считать революцию успешной и, следовательно, изменить ее крайние даты на 1904–1906 гг. Привычное традиционное выражение «поражение первой русской революции» относится к экстремистским подпольным партиям. Суть событий состояла в том, что не они составляли подлинную оппозицию царизму. Как указывают факты, главной движущей силой революции стали мирные и конструктивные земские органы. Недаром большевики сразу ликвидировали их в 1918 г. вслед за Учредительным собранием.

Закрытие 7 июля 1906 г. царем по настоянию П.А. Столыпина 1-й Государственной Думы Вернадский назвал «актом безумия и самоубийства» монархии. Правда, все-таки это событие уже не могло отменить достигнутого исторического рубежа. Юридическое равенство граждан и политические свободы решительно изменили сословный и «приказной» строй. Эта главная историческая миссия земства наглядно обеспечила невиданный подъем России в эти годы во всех областях, от экономического бума до яркого взлета образования, культуры, искусства.

Литература

- Аксенов Г.П. Вернадский. Сер.: ЖЗЛ. М.: Молодая гвардия, 2015. 526 с.
 Аксенов Г.П. Крылья орла. Очерки истории российской свободы. М.: Евразия, 2000. 332 с.
 Вернадский В.И. Письма Н.Е. Вернадской 1889–1892. М.: Наука, 1991. 320 с.
 Вернадский В.И. Письма Н.Е. Вернадской 1901–1908. М.: Наука, 2003. 295 с.
 Вернадский В.И. Письма Н.Е. Вернадской 1909–1940. М.: Наука, 2007. 299 с.
 Вернадский В.И. Публицистические статьи. М.: Наука, 1995. 313 с.
 Корнилов А.А. Воспоминания // Вопросы истории. 1994. № 3. С. 126–152.
 Медушевский А.Н. Конституционный проект С.А. Муромцева // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.): сб. ст. М.: ИРИ РАН, 1997. 213 с.
 Муромцев С.А. Избранные труды / сост. А.Н. Медушевский. М.: РОССПЭН, 2010. 600 с.
 Петрункевич И.И. Из записок общественного деятеля // Архив русской революции: в 22 т. М.: ТЕРРА. 1993. Т. 21. 472 с.
 Соловьев К.А. Кружок «Беседа»: в поисках новой политической реальности, 1899–1905. М.: РОССПЭН, 2009. 288 с.
 Страницы автобиографии В.И. Вернадского / предисл. К. Флоренского. М.: Наука, 1981. 350 с.

References

- Aksenov, G.P. (1998). *Kryl'ya orla. Ocherki istorii rossiyskoy svobody* [Wings of an Eagle. Essays on the History of Russian Freedom]. Moscow, Evrasia. 332 p.
 Aksenov, G.P. (2015). *Vernadskiy* [Vernadsky]. Moscow, Molodaya Gvardiya. Series ZhZL. 526 p.
 Florenskiy, K. (Publ.). (1981). *Stranitsy avtobiografii V.I. Vernadskogo* [Pages from the Autobiography of V.I. Vernadsky]. Moscow, Nauka. 350 p.
 Kornilov, A.A. (1994). *Vospominaniya* [Memories]. In *Voprosy istorii*. No. 3, pp. 126–152.
 Medushevsky, A.N. (1997). *Konstitutsionnyy proekt S.A. Muromtseva* [Constitutional project of S.A. Muromtsev]. In *Issledovaniya po istochnikovedeniyu istorii Rossii (do 1917 g.): sbornik statey*. Moscow, IRI RAN. 213 p.
 Muromtsev, S.A. (2010). *Izbrannyye trudy* [Selected Works]. Moscow, ROSSPEN. 600 p.
 Petrunkevich, I.I. (1993). *Iz zapisok obshchestvennogo deyatelya* [From the Notes of a Public Figure]. In *Arkhiv russkoy revolyutsii*. In 22 vol. Vol. 21. Moscow, TERRA. 472 p.
 Solov'ev, K.A. (2009). *Kruzhok "Beseda" v poiskakh novoy politicheskoy real'nosti, 1899–1905* [The "Conversation" Circle: In Search of a New Political Reality 1899–1905]. Moscow, ROSSPEN. 288 p.

Vernadsky, V.I. (1991). *Pis'ma N.E. Vernadskoy 1889–1892* [Letters from N.E. Vernadskaya 1889–1892]. Moscow, Nauka. 320 p.

Vernadsky, V.I. (1995). *Publitsisticheskie stat'i* [Publicistic Articles]. Moscow, Nauka. 313 p.

Vernadsky, V.I. (2003). *Pis'ma N.E. Vernadskoy 1901–1909* [Letters from N.E. Vernadskaya 1901–1908]. Moscow, Nauka. 295 p.

Vernadsky, V.I. (2007). *Pis'ma N.E. Vernadskoy 1909–1940* [Letters from N.E. Vernadskaya 1909–1940]. Moscow, Nauka. 299 p.

А.Л. Посадсков*

**ИСТОРИК-СИБИРЕВЕД Н.Н. КОЗЬМИН (1872–1938):
ЭПОХА И СУДЬБА (ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ
ПЕРИОД ТВОРЧЕСТВА)****doi:10.31518/2618-9100-2025-1-14
УДК 930(-153)(571)"1872/1938"*Выходные данные для цитирования:**Посадсков А.Л. Историк-сибиревед Н.Н. Козьмин (1872–1938): эпоха и судьба (дореволюционный период творчества) // Исторический курьер. 2025. № 1 (39). С. 200–219. URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-1-14.pdf>*

A.L. Posadskov*

**HISTORIAN AND SIBERIAN SCHOLAR N.N. KOZMIN
(1872–1938): ERA AND FATE (PRE-REVOLUTIONARY
PERIOD OF CREATIVITY)****

doi:10.31518/2618-9100-2025-1-14

*How to cite:**Posadskov A.L. Historian and Siberian Scholar N.N. Kozmin (1872–1938): Era and Fate (Pre-Revolutionary Period of Creativity) // Historical Courier, 2025, No. 1 (39), pp. 200–219. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-1-14.pdf>]*

Abstract. The article is an essay on the pre-revolutionary period of the work of Nikolai Nikolaevich Koz'min (1872–1938), famous Siberian historian, orientalist, economist, ethnographer and public figure. After graduating from the history and philology department of St. Petersburg University in 1896, he returned to Irkutsk, where he entered government service in the field of land management. From now on, for 20 years his career was related to the problems of land allocation, distribution of lands among peasants, and land statistics. At this time, Koz'min's scientific interests were connected with his work; he published articles on economic issues of agricultural development and handicraft industries in Eastern Siberia. His articles were published in "Izvestiya" and other works of the East-Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society where he went from a member to the chair of the committee. Acquaintance with G. N. Potanin served as an impetus for his formation as a universal Siberian scholar, a specialist in various fields of humanitarian, including historical knowledge. Moved to Krasnoyarsk he closely collaborated with another well-known regionalist, V.I. Krutovsky, and became his co-editor in the journal "Sibirskie Zapiski" (1916–1917). By the turn of 1917, N.N. Koz'min was already an authoritative scientist and public figure, a major figure in 'Oblastnichestvo' (Siberian regionalism). Repressed during the years of the Great Terror, he is now not fully rehabilitated, but also occupies a worthy place among domestic intellectuals of democratic convictions who fought for the triumph of knowledge and against the political situation in historical science.

Keywords: N.N. Koz'min, Siberian Studies, historical studies, economic history, ethnography, East-Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society, Krasnoyarsk sub-department of the East-Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society, 'Oblastnichestvo' (Siberian regionalism).

* **Александр Леонидович Посадсков**, доктор исторических наук, Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: knigoved@spsl.nsc.ru
Alexandr Leonidovich Posadskov, Doctor of Historical Science, State Public Science-Technical Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: knigoved@spsl.nsc.ru

** Исследование выполнено по проекту НИР ГПНТБ СО РАН «Трансформация книжной культуры в социальных коммуникациях XIX–XXI вв.» (ГР № 122041100088-9).

The research was carried out according to the project of the research work of the SPSTL SB RAS "Transformation of Book Culture in Social Communications of the 19th – 21st Centuries" (GR No. 122041100088-9).

The article has been received by the editor on 19.12.2024. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Статья представляет собой очерк дореволюционного периода творчества известного сибирского историка, востоковеда, экономиста, этнографа и общественного деятеля Николая Николаевича Козьмина (1872–1938). После окончания в 1896 г. историко-филологического отделения Санкт-Петербургского университета он возвращается в Иркутск, где поступает на государственную службу по линии землеустройства. Отныне на 20 лет (1898–1918) его служебная карьера связана с проблемами землеотвода, наделения крестьян землей, поземельной статистикой. Круг научных интересов Козьмина в это время связан с его работой, он публикует статьи по экономическим вопросам развития сельского хозяйства, кустарных промыслов в Восточной Сибири. Статьи Н.Н. Козьмина публикуются в «Известиях» и других трудах Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества (ВСОИРГО), где он прошел путь от рядового члена до председателя распорядительного комитета. Знакомство с Г.Н. Потаниным послужило толчком к его формированию как универсального сибироведа, специалиста в разных областях гуманитарного, в том числе исторического знания. Переехав затем в Красноярск, он тесно сотрудничал с другим известным областником Вл.М. Крутовским, став его соредактором в журнале «Сибирские записки» (1916–1917). К рубежу 1917 г. Н.Н. Козьмин являлся уже авторитетным ученым и общественным деятелем, крупной фигурой сибирского областничества. Репрессированный в годы Большого террора, он ныне не только полностью реабилитирован, но и занял в глазах наших современников достойное место среди интеллигентов демократических убеждений, боровшихся за торжество знаний против политической конъюнктуры в исторической науке.

Ключевые слова: Н.Н. Козьмин, сибиреведение, исторические исследования, экономическая история, этнография, Восточно-Сибирский отдел Императорского Русского географического общества (ВСОИРГО), Красноярский подотдел ВСОИРГО, сибирское областничество.

Статья поступила в редакцию 19.12.2024 г.

Личность и творчество сибирского историка и востоковеда Николая Николаевича Козьмина (1872–1938) вызывает в последние два десятилетия повышенный интерес ученых. Контраст тем более очевиден, что в течение длительного времени имя этого репрессированного представителя старой интеллигенции находилось под запретом. При жизни Н.Н. Козьмин удостоился лишь биографических справок в Сибирской советской энциклопедии¹ и одном научном журнале², включения в перечень ученых Западно-Сибирского и Восточно-Сибирского отделений Русского географического общества³, да нескольких рецензий

¹ Козьмин Николай Николаевич // Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск, 1931. Т. 2. Стб. 796.

² Н.Н. Козьмин. Personalalia // Этнография. М., 1926. № 1/2. С. 330.

³ Семенов В.Ф. Очерк пятидесятилетней деятельности Западно-Сибирского отдела Государственного Русского географического общества. Омск, 1927. С. 36; Казаринов П.К. Три четверти века: К юбилею Восточно-Сибирского отдела Государственного Русского Географического общества. Иркутск, 1926. С. 19, 23; Краткий очерк деятельности Восточно-Сибирского отдела Русского Географического общества в текущем году (1 мая 1924 – 1 апреля 1925 г.) // Первый Восточно-Сибирский краеведческий съезд 11–18 янв. 1925 г. Иркутск, 1925. С. 146, 148–149; Мункоев И.М. Год работы Бурят-Монгольской секции ВСОИРГО // Бурятоведческий сборник. Иркутск, 1926. Вып. 1. С. 80–82; Азадовский М.К., Виноградов Г.С., Хороших П.В. Материалы для библиографического словаря восточно-сибирских этнографов. Иркутск, 1926. С. 11; Боржонова А. Отчет о деятельности Бурят-Монгольской секции ВСОИРГО (1926–27) // Бурятоведческий сборник. Иркутск, 1927. Вып. 3–4. С. 107–108, 110.

и ссылок на его труды⁴. Затем последовало долгое молчание. После 1956 г. фамилию Н.Н. Козьмина начали робко упоминать в общих списках ученых Восточной Сибири 1910–1930-х гг. Информационную блокаду прорвал в 1969 г. литературовед Н.Н. Яновский, поместивший краткий биографический очерк Н.Н. Козьмина как предисловие к публикации двух его писем к М.К. Азадовскому⁵. Общую характеристику работ Н.Н. Козьмина дал в 1973 г. красноярский историк М.Б. Шейнфельд в очерках историографии Сибири⁶, он же в 1981 г. первым опубликовал развернутую статью о творческом пути Козьмина⁷. Имя Н.Н. Козьмина с конца 1970-х гг. стало чаще появляться на страницах научных изданий⁸, но полноценному возвращению его в историографию мешало отсутствие официальной реабилитации. Жена Николая Николаевича Калерия Александровна Козьмина к моменту его ареста была уже пожилой (она была ровесницей мужа), до времен хрущевской «оттепели» не дожидаясь, а детей у супружеской пары не было. Подавать заявление о реабилитации в 1950-е гг. было некому.

Только в 1994 г. по инициативе и на основании заявления в Прокуратуру России группы иркутских ученых во главе с В.В. Свиным Н.Н. Козьмин был, наконец, полностью реабилитирован. В 1999 г. вышло первое отдельное издание о Н.Н. Козьмине – библиографическая брошюра, подготовленная специалистами Национальной библиотеки Республики Бурятия⁹. Начался «бум» публикаций об ученом. В статьях раскрывались его заслуги в деле основания бурятской государственности в 1922–1923 гг.¹⁰, вклад в историографию Восточной Сибири¹¹, в изучение истории и этнографии бурятского народа¹², в монголоведческие исследования.

В 1990–2010-е гг. определился основной круг авторов, изучавших научную биографию Н.Н. Козьмина. Все они иркутяне, и это вполне объяснимо: основные вехи жизни и творчества Николая Николаевича связаны именно с этим городом.

Еще в 1990 г. в советском журнале, издававшемся в Улан-Баторе, появился цикл статей монголоведа Ю.В. Кузьмина о Н.Н. Козьмине как классике монголоведческих исследований¹³. В дальнейшем ученый многократно возвращался к теме личности и научного наследия репрессированного коллеги: перу Ю.В. Кузьмина принадлежит отдельная книга

⁴ Казакевич В.А. Проблемы истории Монголии и Южной Сибири в новом освещении [Рец. на кн.: Козьмин Н.Н. К вопросу о турецко-монгольском феодализме. Иркутск, 1934] // Советская этнография. 1934. № 5. С. 112–117; Алексеев М.П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. Иркутск, 1936. Т. 1, ч. 2. С. 35.

⁵ Козьмин Николай Николаевич // Литературное наследство Сибири. Вып. 1. Новосибирск, 1969. С. 264–265.

⁶ Шейнфельд М.Б. Историография Сибири (конец XIX – начало XX в.). Красноярск, 1973. С. 220–253.

⁷ Шейнфельд М.Б. Творческий путь Н.Н. Козьмина // Вопросы этнографии Хакасии: сб. ст. Абакан, 1981. С. 163–184.

⁸ Окладников А.П. «Эллей-ада» и ее создатель Г.В. Ксенофонтов // Сибирские огни. 1978. № 6. С. 187; Окладников А.П. История и культура Бурятии: сб. ст. Улан-Удэ, 1976. С. 45, 65–70, 74, 80–82, 89, 95, 125, 213; Шейнфельд М.Б. Феодалные отношения у народов Сибири в советской историографии 30-х годов // Вопросы историографии и социально-политического развития Сибири (XIX–XX вв.): сб. ст. Красноярск, 1978. Вып. 2. С. 17–33; Посадсков А.Л. Сибирская книга и революция: 1917–1918. Новосибирск, 1977. С. 88, 108; Дамешек Л.М. Историография и источниковедение истории народов Сибири эпохи капитализма (1861–1917): учеб. пособие. Иркутск, 1990. С. 17, 28; Ванштейн С.И. В.В. Радлов и его труд «Из Сибири» // Радлов В.В. Из Сибири: Страницы дневника. М., 1989. С. 653–654, 660; Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1881–1901 гг. Иркутск, 1993. С. 450, 473, 522; Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. Иркутск, 1994. С. 15, 22, 50.

⁹ Н.Н. Козьмин – историк, краевед, журналист, общественный деятель (1872–1938): Библиографический указатель. Улан-Удэ, 1999.

¹⁰ Елаев А.А. Бурятия: путь к автономии и государственности. М., 1994. С. 142, 147–148, 164.

¹¹ Решетов А.Н. Николай Николаевич Козьмин: основные направления научной деятельности // Репрессированные этнографы. М., 1999. Вып. 1. С. 81–100.

¹² Уланов Э. Возвращение из забвения // Отчий край: краевед. сб. Улан-Удэ, 1993. Вып. 1. С. 79; Урбанаева И.С. Человек у Байкала и мир Центральной Азии: философия истории. Улан-Удэ, 1996. С. 279; Этнография бурятского народа: Библиогр. указ. лит. (1917–1976 гг.). Улан-Удэ, 1999. № 2. С. 126–128, 254, 505, 611, 653–654, 786, 791, 927, 977, 1128.

¹³ Кузьмин Ю.В. Забытый историк (Н.Н. Козьмин) // Советские новости. Улан-Батор, 1990. № 2; Кузьмин Ю.В. Монголоведение: имена и события: Н.Н. Козьмин (1872–1939) // Новости Монголии. 1990. № 2. С. 15; Кузьмин Ю.В. Н.Н. Козьмин (1872–1939) // Новости Монголии. 1990. [№ 1] (7 янв.).

(учебное пособие) о Козьмине¹⁴, несколько статей о нем¹⁵, включая совместную работу с другими авторами¹⁶, разделы в крупных монографиях об истории монголоведческих исследований в России¹⁷ и об иркутской школе монголоведения (совместно с В.В. Свининым)¹⁸. Ю.В. Кузьмин был одним из инициаторов и организаторов специальной конференции, посвященной 130-летию со дня рождения Н.Н. Козьмина (2002 г.)¹⁹.

Другим активным исследователем жизненного пути и творческого наследия Н.Н. Козьмина являлся историк В.В. Свинин. Он оставил после себя две биографические статьи о Козьмине²⁰.

Еще одну грань дарования Н.Н. Козьмина – его работу над проблемами экономической истории Сибири – раскрывает в своих публикациях Д.Я. Майдачевский²¹. Равным образом автор отдает дань Н.Н. Козьмину как историку научных исследований, проводившихся в XIX–XX вв. в Восточной Сибири²². Д.Я. Майдачевский нашел и опубликовал не изданную в свое время статью Н.Н. Козьмина «Роль Иркутска в научных исследованиях Сибири»²³ и осуществил републикацию другой работы ученого «История сибирской промышленности и ее изучение»²⁴.

Если одни авторы представляют Н.Н. Козьмина как историка-востоковеда, монголоведа и этнографа, а другие причисляют его к историкам-экономистам и науковедам, то еще один из исследователей наследия Николая Николаевича – А.М. Курьшов – изучает его творческий метод, общие методологические установки, стилистические и эмоциональные особенности трудов классика сибиреведческой науки²⁵. А.М. Курьшов опубликовал вторым изда-

¹⁴ Кузьмин Ю.В. Профессор Н.Н. Козьмин: историк и экономист: учеб. пособие. Иркутск, 2006.

¹⁵ Кузьмин Ю.В. Вопросы монголоведения в исследованиях профессора Н.Н. Козьмина // Арсеньевские чтения. Уссурийск, 1992. С. 84–86; Кузьмин Ю.В. Н.Н. Козьмин – историк, этнограф, краевед // Иркутское краеведение 20-х: взгляд сквозь годы: мат-лы регион. науч.-практ. конф. «“Золотое десятилетие” иркутского краеведения: 1920-е годы» (Иркутск, 11–13 января 2000 г.). Ч. 2. Иркутск, 2000. С. 101–107; Кузьмин Ю.В. Историографические исследования профессора Н.Н. Козьмина // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2016. Иркутск, 2016. С. 512–517.

¹⁶ Суходолов А.П., Козырская И.Е., Кузьмин Ю.В. История изучения в российской историографии творческой биографии и научного наследия профессора Н.Н. Козьмина // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск, 2018. С. 484–493.

¹⁷ Кузьмин Ю.В. Профессор Н.Н. Козьмин: историк и востоковед (1872–1938) // Кузьмин Ю.В. Монголоведы России XX века: персоналии, творческое наследие, концепции. Иркутск, 2022. С. 123–138.

¹⁸ Профессор Н.Н. Козьмин: историк, экономист и общественный деятель (1872–1938) // Кузьмин Ю.В., Свинин В.В. Иркутская школа монголоведения (XVIII–XX вв.). Иркутск, 2014. С. 119–137.

¹⁹ Первые востоковедные чтения. К 130-летию со дня рождения Н.Н. Козьмина: материалы междунар. конф. Иркутск, 2002.

²⁰ Свинин В.В. Профессор Н.Н. Козьмин – ученый и общественный деятель // Россия, Сибирь и страны Азиатско-Тихоокеанского региона: тез. докл. к науч.-практ. конф. 11–14 мая 1994 г., посвящ. 50-летию российско-новозеландских дипломатических отношений. Иркутск, 1994. С. 216–219; Свинин В.В. Профессор ИГУ Н.Н. Козьмин: его имя и книги вернулись к нам // История и историки: 90 лет исторической школе Иркутского государственного университета. Иркутск, 2008. С. 94–97.

²¹ Майдачевский Д.Я. «Монографическая» история сибирской промышленности Н.Н. Козьмина // Историко-экономические исследования. Иркутск, 2015. Т. 16, № 4. С. 765–776; Майдачевский Д.Я. Историко-экономическое изучение Прибайкалья: история исследования и идей. Иркутск, 2006; Майдачевский Д.Я. История предпринимательства в России: регионализация исследовательской активности, 1920-е годы // Индустриальное наследие: сб. мат-лов междунар. науч. конф (Саранск, 23–25 июня 2005 г.). Саранск, 2005. С. 313–317.

²² Майдачевский Д.Я. «Почти каждая моя работа по истории дает что-нибудь новое...»: [Предисл. к публ. ст. Н.Н. Козьмина «Роль Иркутска в научных исследованиях Сибири»] // Земля Иркутская. 2006. № 3 (31). С. 111–112; Майдачевский Д.Я. Н.Н. Козьмин как историк науки // Восьмые востоковедные чтения БГУ: сб. науч. тр. Иркутск, 2017. С. 264–271.

²³ Козьмин Н. Роль Иркутска в научных исследованиях Сибири / публ. Д.Я. Майдачевского // Земля Иркутская. 2006. № 3 (31). С. 111–120.

²⁴ Козьмин Н.Н. История сибирской промышленности и ее изучение / публ. Д.Я. Майдачевского // Историко-экономические исследования. Иркутск, 2015. Т. 16, № 4. С. 777–788.

²⁵ Курьшов А.М. Николай Николаевич Козьмин: романтик от истории // Историко-экономические исследования. Иркутск, 2013. Т. 14, № 1–2. С. 109–117; Курьшов А.М. Исторический метод исследования Н.Н. Козьмина: общая характеристика // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2023. Иркутск, 2023. С. 52–61.

нием статью Н.Н. Козьмина «Хозяйство и народность (Производственный фактор в этнических процессах)», впервые вышедшую в 1928 г.²⁶

Свой вклад в «козьиноведение» внесли бурятские историки. Прежде всего они изучали работу Н.Н. Козьмина в Бурятии в 1920-х гг. и его исследования по истории, экономике и этнографии национальной республики²⁷.

Масштаб личности Н.Н. Козьмина не оставил равнодушными и историков других регионов современной России. Об участии Козьмина в создании Сибирской советской энциклопедии написала, в частности, омская исследовательница В.Г. Рыженко²⁸.

Сегодняшних историков интересует не только деятельность Н.Н. Козьмина как ученого. Внимание привлекает и политическая составляющая его биографии. О Н.Н. Козьмине как сибирском областнике и эсере, члене омского правительства А.В. Колчака много писал в своих монографиях новосибирский исследователь социально-политической истории Сибири М.В. Шиловский²⁹.

Эпизодическое упоминание имени Н.Н. Козьмина в экономическом, социальном, краеведческом и культурном проектах, в работах по землеустройству сибирских территорий, по районированию Восточной Сибири в 1920-е гг. содержится во множестве других публикаций³⁰.

Нет недостатка и в биографических справках о Н.Н. Козьмине, они рассыпаны по множеству юбилейных и справочных изданий и по большей части повторяют друг друга³¹.

²⁶ Козьмин Н. Н. Хозяйство и народность: (Производственный фактор в этнических процессах) / публ. и прим. А.М. Курьшева // Историко-экономические исследования. Иркутск, 2013. Т. 14, № 1–2. С. 118–147.

²⁷ Лыскова В.Ц., Банзарова Г.Д. «Бурятский период» работы Н.Н. Козьмина (К 145-летию со дня рождения) // Мир Центральной Азии–4: сб. науч. ст. Иркутск, 2017. С. 242–245; Тармаханов Е.Е. Н.Н. Козьмин (1872–1928 гг.) – исследователь истории Бурятии и Сибири в целом // Вестник Бурятского государственного университета. 2007. № 5. С. 181–183.

²⁸ Рыженко В.Г. Историк в меняющемся мире: территория поиска – провинция (1918 – начало 1930-х гг.) // Мир историка. XX век. М., 2002. С. 147, 164–167.

²⁹ Шиловский М.В. Общественно-политическое движение в Сибири 2-й пол. XIX – нач. XX в. Вып. 1. Области. Новосибирск, 1995. С. 57, 59–60, 90–91; Шиловский М.В. Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во 2-й пол. XIX – перв. четв. XX в. Новосибирск, 2008. С. 196; Шиловский М.В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов в 1917–1920 гг. Новосибирск, 2003; Шиловский М.В. Козьмин Николай Николаевич // Общественно-политическая жизнь Сибири (конец XIX – нач. XX в.): энциклопедич. словарь. Новосибирск, 2019. С. 131.

³⁰ Сирин А.А. «Провинциальная» наука: этнография в Иркутске в 1920-е годы: избр. ст. М., 2013. С. 17, 27–28; Кебак Т.А. Репрезентация «иногородческого» населения Сибири на страницах изданий Русского Географического общества 1920-х – 1930-х годов: методология и источники // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: сб. мат-лов Всерос. молодеж. науч. школы-конф. с междунар. участием. Новосибирск, 2018. С. 402–404; Пашков К.И. Роль ВСОРГО в становлении краеведческого движения в Байкальском регионе // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2016. Иркутск, 2016. С. 346, 349; Майдачевский Д.Я. Иркутское краеведение 1920-х: нереализованный замысел историко-экономического изучения региона // Иркутское краеведение 20-х: взгляд сквозь годы: мат-лы регион. науч.-практ. конф. «"Золотое десятилетие" иркутского краеведения: 1920-е годы». Ч. 2. Иркутск, 2000. С. 30–32; Данилова З. Роль общественности Бурятии в развитии науки и краеведения // Отчий край: сб. Вып. 3. Улан-Удэ, 1998. С. 43; Романова Т.Д. Бурят-Монгольская секция ВСОРГО (1925–1930) // Иркутское краеведение: взгляд сквозь годы: мат-лы регион. науч.-практ. конф. «"Золотое десятилетие" иркутского краеведения: 1920-е годы». Ч. 1. Иркутск, 2000. С. 71, 73, 77–79; Андреев Ч.Г. Землеустроительная политика царского правительства в Забайкалье в российской историографии первой половины XX века // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2015. Иркутск, 2015. С. 555; Андреев Ч.Г. Материальная и духовная культура сибирских кочевых народов начала XX в. в российской историографии // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2013. Иркутск, 2013. С. 504–505; Казарин В.Н. Проблемы территориально-административного деления и экономического районирования Восточной Сибири в 1920-е гг. // Государственно-правовое развитие Сибири: мат-лы науч.-практ. конф. Иркутск, 2003. С. 62–69.

³¹ Козьмин Николай Николаевич // Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь. М., 1994. С. 112; Козьмин Николай Николаевич // Яновский Н.Н. Материалы к словарю «Русские писатели Сибири XX века»: Библиограф. сведения. Новосибирск, 1997. С. 81; Козьмин (псевд.: Ландарма, Номчи) Николай Николаевич // Люди и судьбы: библиограф. словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991). СПб., 2003. С. 206–207; Козьмин Николай Николаевич (1892–1938) // Историки о себе и не только: исторический факультет Иркутского государственного университета в воспомина-

Помимо всего прочего, проявилась тенденция повторной публикации некоторых наиболее известных трудов Н.Н. Козьмина. Кроме уже упоминавшихся переизданий, осуществленных Д.Я. Майдачевским и А.М. Курышовым, в 2010-х гг. вышли републикация книги Козьмина 1910 г. «Очерки прошлого и настоящего Сибири» (СПб., 2011)³² и сборник его статей об истории Хакасии и Тувы (Абакан, 2010)³³. Переизданной оказалась даже газетная статья Козьмина³⁴. Книга М.Н. Богданова «Очерки истории бурят-монгольского народа», выпущенная в Верхнеудинске в 1926 г. под редакцией, с предисловием и дополнительными статьями Н.Н. Козьмина, в наши дни была дважды переиздана в Бурятии. Такого количества републикаций старых трудов нет ни у одного историка Сибири, жившего в XX в. Ю.В. Кузьмин, к слову, считает, что «назрела потребность публикации избранных работ Н.Н. Козьмина»³⁵.

* * *

Действующее лицо всех перечисленных выше сочинений Николай Николаевич Козьмин родился 16 марта (н. ст.) 1872 г. в г. Красноярске в семье учителя. Его отец Николай Иванович Козьмин был одним из образованных людей своего времени, он учился в Московском университете, преподавал географию в Иркутской гимназии, а затем, перебравшись в Красноярск, – историю и географию в Красноярской гимназии. Обремененный большой семьей (четверо детей, старшим из которых был Николай), учитель Козьмин перешел на службу в Горное отделение Главного управления Восточной Сибири в должности бухгалтера (с чином коллежского асессора)³⁶. Старший сын Николай проучился год в Иркутской гимназии (1882/1883 учебный год), затем, следуя за родителями, стал учеником Красноярской гимназии. С детских лет он был знаком с этими двумя культурными центрами Восточной Сибири, под влиянием отца, очевидно, интересовался гуманитарными предметами – историей и языками (русским, французским и древними – латынью, древнегреческим), а также географией и знаниями о природе.

В октябре 1884 г. отец Н.Н. Козьмина, уволенный в отставку, скончался, оставив семью почти без средств к существованию. Двенадцатилетний Николай продолжал учиться в гимназии, но оплачивать его учение становилось все труднее – семья выживала только за счет сдачи в аренду помещений в доме (15 руб. в месяц). Перейдя в старшие классы, гимназист Н. Козьмин подражаете давать платные уроки, зарабатывая на свое обучение. Депрессивная обстановка налагает отпечаток на его характер: подросток Козьмин, по характеристике директора гимназии И. Румова, рос болезненным и замкнутым в себе. Он проживал в пансионе при гимназии, и такое отсутствие семейной заботы также не способствовало житейскому оптимизму. «Я провел детство между четырех стен пансиона, – вспоминал Козьмин позднее, – и автоматически, конечно, продолжил такую жизнь в университете»³⁷.

Но все это не мешало успехам Николая в постижении знаний. Он имел отличные отметки по всем основным предметам. Окончивший в 1891 г. гимназию Николай получил самую лестную характеристику педагогов, давших оценку его «отличному поведению и

ниях преподавателей и выпускников. Иркутск, 2018. С. 325–326; Козьмин Николай Николаевич (1872–1938) // Рабецкая З.И., Татаринцев В.И., Щербинин М.Ф. Иркутский педагогический: от учительского института к университету. Иркутск, 2007. Т. 1. С. 159; Козьмин Николай Николаевич // Земельные органы антибольшевистских правительств в Сибири (июнь 1918 – декабрь 1919 г.): сб. док-тов. Новосибирск, 2017. С. 499–500; и др.

³² Козьмин Н.Н. Очерки прошлого и настоящего Сибири. СПб., 2011.

³³ Козьмин Н.Н. Избранные труды: Хакасы. Туба. Князь Иренак. Д.А. Клеменц [и историко-этнографические исследования в Минусинском крае]. Абакан, 2010.

³⁴ Козьмин Н. Экономсекция ВСОРГО и ее задачи // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2002. Иркутск, 2002. С. 59–62.

³⁵ Кузьмин Ю.В. Историографические исследования профессора Н.Н. Козьмина... С. 513.

³⁶ Центральный государственный исторический архив г. Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.). Ф. 14. Оп. 3. Д. 28410. Л. 4.

³⁷ Н.Н. Козьмин – М.К. Азадовскому [переписка] // Литературное наследство Сибири. Вып. 1. Новосибирск, 1969. С. 270.

прилежанию» и «отличным успехам в науках». Педагогический совет гимназии наградила его серебряной медалью и рекомендовала к поступлению в Санкт-Петербургский университет³⁸.

Рекомендация дала Н. Козьмину возможность получить средства от гимназии и (большей частью) от Общества для оказания пособий учащимся в Восточной Сибири на перевод в Петербург и первоначальное проживание там в ожидании университетской стипендии. К ректору университета обратился лично директор Иркутской гимназии, известный русский педагог И. Румов, горячо рекомендуя своего выпускника как исключительно талантливого юношу. Румов «усерднейше просил» ректора «не отказать ему (Козьмину. – А. П.) в своем ласковом слове и поддержке его в университете выдачею ему при первой же возможности стипендии, т. к. он совершенно бедный человек». Опытный и чуткий педагог И. Румов высказал в письме пророческие слова: «Смею думать, что из него может выйти хороший ученый»³⁹. По ходатайству распорядительного комитета Общества для оказания пособий учащимся в Восточной Сибири студент Н.Н. Козьмин был освобожден от оплаты за обучение⁴⁰.

Учеба в столичном университете перевернула всю жизнь Николая Козьмина. Из закомплексованного юноши он превратился в полноценного ученого, имеющего, по примеру многих интеллигентов XIX в., вкус и склонность к общественной работе, открытого освободительным демократическим идеям, человека с широким мировоззрением и самостоятельным взглядом на мир. Историко-филологический факультет, на котором учился Николай, являлся в то время лучшей научной школой исторической мысли России. Достаточно назвать звездные имена профессоров В.В. Ламанского (у него Козьмин писал дипломную диссертацию), Н.И. Кареева, С.Ф. Платонова, А.С. Лаппо-Данилевского, перечислить первоклассные библиотеки, в которых занимался студент Козьмин, – Императорскую публичную, Академии наук, да и самого университета, учесть, что в Петербурге располагались все основные министерские и ведомственные архивы империи, чтобы понять, какая питательная для мысли научная среда окружала начинающего ученого. Свидетельство об окончании Н. Козьминым полного курса университета от 2 мая 1896 г. зафиксировало, что, кроме профильных курсов русской и всеобщей истории, истории русской церкви, студент Козьмин прослушал также курсы по древним языкам (греческому и латыни), древней истории и литературе, философии, теории и истории искусств⁴¹. Из стен университета вышел высокоэрудированный специалист, готовый к научной работе любой сложности. По закону выпускник университета должен был отработать за получавшуюся им стипендию в учреждениях Министерства народного просвещения. Но для студентов, показавших крупные способности к науке при отменном усердии и феноменальных успехах, делалось исключение. По ходатайству ректора и Совета университета Н. Козьмин был освобожден от этой повинности и мог сам выбирать место дальнейшей службы⁴².

Учеба в университете сопровождалась становлением Н.Н. Козьмина как общественного деятеля. Как и все студенты-сибиряки, Николай вошел в так называемое «сибирское землячество» – кружок, в котором уроженцы края обсуждали вопросы истории и насущные проблемы Сибири, главным образом под флагом идей областничества. Студенты выбрали его в свои организации, в частности во время борьбы с голодом в Самарской губернии студенчество дважды (в 1892 и 1893 гг.) избирало Н. Козьмина заведующим питательными пунктами (столовыми) в голодающих местностях. Студент Козьмин выезжал в Самарскую губернию, где обеспечивал продовольствием голодающих. Одновременно пытливый молодой человек наблюдал за жизнью крестьян, готовя данные для отчета по своей выборной работе. Впрочем, поездка в 1893 г. потерпела неудачу: студент Козьмин был выслан из пределов губернии в 24 часа как неблагонадежный элемент. Он подготовил отчет по заведыванию столовыми и наблюдению за крестьянским бытом, но в 1893–1894 гг. это

³⁸ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 28410. Л. 7–16.

³⁹ Там же. Л. 1.

⁴⁰ Там же. Л. 21–22.

⁴¹ Там же. Л. 16, 34–35, 41–42, 63.

⁴² Там же. Л. 78.

прелюбопытное сочинение, по его словам, погибло при обысках среди студентов. Полиция изъяла также рукописи работ Козьмина об историке Н.И. Костомарове и об украинском революционном движении (последняя была написана отчасти по заграничным источникам)⁴³.

Еще в студенческие годы Н.Н. Козьмин начинает публиковаться в специальной и научной печати. Его мелкие статьи появлялись в это время на страницах журналов «Образование» (Петербург) и «Русская мысль» (Москва). Козьмин присылал статьи в газеты «Томский листок», «Иркутские губернские ведомости», «Восточное обозрение» (Иркутск). Чуть позднее, в конце 90-х гг. XIX в., он стал сотрудничать в газетах «Сибирская жизнь» (Томск), «Сибирь» (Иркутск), «Степной край» (Омск).

Весной 1894 г. в московском журнале «Книговедение» была напечатана под криптонимом Н. Н. К-ъ его первая научная работа – библиографический очерк и библиография трудов сибирского историка А.П. Щапова⁴⁴. Работая в это время над дипломным сочинением, Козьмин хотел опубликовать и его, понимая оригинальный характер своего исследования. В студенчестве это не удалось из-за отсутствия денег, а в дальнейшем – из-за дефицита времени. Спустя четыре десятилетия Николай Николаевич очень сожалел, что рукопись под названием «Очерки организации служилого продовольствия в Сибири в XVII столетии» (Санкт-Петербург, 1894) не увидела свет. В сборнике трудов Н.Н. Козьмина «Очерки прошлого и настоящего Сибири» (1910) была опубликована лишь одна глава «Администрация государевой пашни»⁴⁵. В наши дни полный экземпляр машинописи этой несостоявшейся монографии (235 с.) имеется в Отделе редких книг Научной библиотеки Иркутского государственного университета. Усиленная умственная работа над дипломным сочинением и недостаток питания вызвали у Н.Н. Козьмина, по его выражению, «расстройство легких». Студент едет в Крым на лечение и остается там на полгода. Но и здесь он не теряет времени даром, занимаясь историей Римской империи первых двух столетий ее существования.

С лета 1896 г. вооруженный университетскими знаниями Н.Н. Козьмин некоторое время подрабатывал в Петербурге журналистикой. Приехав затем в родной Иркутск, он почти два года не мог найти постоянную работу. Вакансий в гимназии и других средних учебных заведениях не было. Пришлось снова добывать средства частными уроками и газетной поденщиной⁴⁶. В апреле 1897 г. он был контролером нескольких статистико-экономических сборников государственных ведомств. И лишь спустя год специалист с университетским дипломом смог прийти на службу в органы земельного устройства. 20 апреля 1898 г. он был зачислен на работу секретарем в Иркутский поземельноустроительный отряд⁴⁷. С тех пор ровно двадцать лет жизнь Н.Н. Козьмина была связана со службой в различных учреждениях поземельного ведомства. Весной 1900 г. он был назначен производителем работ по составлению отводных записей в Иркутской губернии⁴⁸. По словам Н.Н. Козьмина, это открывало ему «возможность работать среди крестьянства, изучение которого составляло тогда предмет моих научных интересов»⁴⁹.

В отсутствие вузов единственным научным очагом в Иркутске являлся Восточно-Сибирский отдел Императорского Русского географического общества (ВСОИРГО), действовавший с 1851 г. Формально являясь общественной научной организацией, Географическое общество находилось под покровительством царской династии, что обеспечивало финансирование его текущей работы, экспедиционной деятельности, издание трудов, изредка проведение научных встреч (чаще всего юбилейных).

⁴³ Автобиография Н.Н. Козьмина, составленная в 1936 г. // Кузьмин Ю.В. Профессор Н.Н. Козьмин: историк и экономист... С. 10.

⁴⁴ [Козьмин Н.Н.] Библиографический указатель сочинений и статей А.П. Щапова // Книговедение. М., 1894. № 6. С. 1–12.

⁴⁵ Н.Н. Козьмин – М.К. Азадовскому [переписка]... С. 267.

⁴⁶ Автобиография Н.Н. Козьмина, составленная в 1936 г. ... С. 10–11.

⁴⁷ Архив Иркутского государственного педагогического университета (АИГПУ). Д. 3030 (Личное дело Н.Н. Козьмина). Л. 12 (24).

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Автобиография Н.Н. Козьмина, составленная в 1936 г. ... С. 11.

Н.Н. Козьмин заплатил взнос и вступил действительным членом во ВСОИРГО почти сразу после прибытия в Иркутск. Возможно, первым его выступлением в Отделе был доклад «Хлеб за ясак», сделанный в 1897 г. на основе материалов университетской диссертации. Доклад был прочитан в секции этнографии, но опубликован много позднее, в 1910 г., в сборнике работ Н.Н. Кузьмина «Очерки прошлого и настоящего Сибири»⁵⁰. В 1899 г. Николай Николаевич взялся во ВСОИРГО за изучение кустарных промыслов в регионе. Он и сотрудник Отдела Н.П. Левин составили программу исследований, разослав 150 опросных программ корреспондентам ВСОИРГО в уездах Иркутской губернии. В ответ было получено только 20 полноценных, заполненных по форме программ. Опрос был повторен в 1901 г., тогда на 65 опросников исследователи получили 28 ответов. Несмотря на такой скудный арсенал данных, Н.Н. Козьмин посчитал возможным «не отказываться от сводки материала», поскольку то, что сообщалось в ответах корреспондентов, «настолько однородно, настолько дает общую картину», что заставляет ученых прийти к неизбежному выводу: «Кустарной промышленности в губернии не существует»⁵¹. Именно так, в публицистическом стиле, называлась небольшая книга Н.Н. Козьмина «Существует ли кустарная промышленность в Иркутской губернии?», вышедшая только в 1904 г. Козьмин делает определенный вывод: «В общем мы видим пред собой картину страшно бедного промыслового развития населения губернии, живущего от одного урожая до другого и вечно обреченного дрожать перед неизвестным будущим. Ни хлебных запасов, ни денежных средств на час беды, ни знания мастерства, ни рынка сбыта население губернии не имеет»⁵².

Одновременно Н.Н. Козьмин берется в Отделе за освоение сельскохозяйственной статистики. Летом 1898 г. ему и его соавтору А.Н. Ушакову удается собрать сведения об урожае трав и обеспеченности крестьян хлебом. Соответствующая статья вышла в «Известиях ВСОИРГО» в следующем, 1899 г. – и это был дебют Н.Н. Козьмина в изданиях Отдела⁵³.

Научная карьера Козьмина развивалась во ВСОИРГО весьма быстро. Уже в 1901 г. он являлся членом распорядительного комитета, членом кустарной комиссии (вместе с историком Н.Я. Новомбергским) и членом редакционной комиссии (вместе с известным археологом и журналистом А.В. Адриановым), причем одним из двух председателей этой комиссии был приехавший в 1901 г. в Иркутск Г.Н. Потанин⁵⁴. В 1902 г. список должностей Н.Н. Козьмина в Отделе пополнился: в составе ВСОИРГО была создана архивная комиссия, членами которой стали Н.Н. Козьмин и историк-архивист Н.Н. Бакай. В задачи комиссии входили охрана, описание и изучение местных архивов Восточной Сибири⁵⁵.

В этот период Козьмин исследует не только вопросы экономики края, но и историю восточных территорий России. Он публикует рецензию на составленную А.И. Дмитриевым-Мамоновым книгу очерков «Пугачевщина в Сибири»⁵⁶. 4 марта 1901 г., после панихиды на могиле А.П. Щапова и его жены, во ВСОИРГО было устроено торжественно-траурное заседание, посвященное памяти знаменитого сибирского историка и писателя. На заседании Н.Н. Козьмин сделал доклад «Афанасий Прокопьевич Щапов, его жизнь и деятельность (по

⁵⁰ Козьмин Н.Н. Хлеб за ясак: Доклад, прочитанный в 1897 г. в секции этнографии ВСОИРГО // Козьмин Н.Н. Очерки прошлого и настоящего Сибири. СПб., 1910. С. 1–13.

⁵¹ Козьмин Н.Н. Существует ли кустарная промышленность в Иркутской губернии? (Составлено на основании ответов корреспондентов Отдела в 1899 и 1901 г.). Иркутск, 1904. С. 28–29.

⁵² Там же. С. 5.

⁵³ Козьмин Н.Н., Ушаков А.И. Сведения о состоянии и видах на урожай трав летом 1898 г. // Известия ВСОИРГО. 1899. Т. XXX, № 1. Прилож. С. 1–40.

⁵⁴ Отчет Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества за 1901 г., составленный правителем дел Н.Н. Козьминым. Иркутск, 1904. С. 1–2.

⁵⁵ Манассеин В.С. Очерк деятельности Восточно-Сибирского отдела Русского Географического общества по изучению истории Восточно-Сибирского края и охране памятников местной старины (1851–1926). Иркутск, 1926. С. 24.

⁵⁶ Козьмин Н.Н. Библиография [рец. на кн.: Пугачевщина в Сибири: Очерки по документам экспедиции генерала Деколонга / сост. А. И. Дмитриев-Мамонов // Известия ВСОИРГО. 1901. Т. XXXII, № 1 и 2.

поводу 25-летия со дня смерти)»⁵⁷. Доклад имел большой резонанс в кругах иркутской общности: его признали не только исчерпывающим исследованием исторического пути предшественника, но и образцом историко-социальной аналитики – Козьмин касался вопросов, связанных с «крайне оригинальной, блестящей эпохой русского общественного развития»⁵⁸, в контексте которой жил и творил Щапов. В следующем, 1902 г. речь Н.Н. Козьмина была издана полным текстом в виде небольшой книги (63 с.), что в стесненных условиях издательской деятельности Отдела было признанием заслуг ученого.

17 ноября 1901 г. ВСОИРГО праздновал 50-летие со дня своего создания и начала деятельности. Один из главных докладов на общем собрании Отдела произнес Н.Н. Козьмин. Доклад был помещен в «Известиях ВСОИРГО» и издан отдельной брошюрой⁵⁹. Участие в праздновании юбилея приняла тогда и жена Козьмина Калерия Александровна: она вместе с известной иркутской купчихой и общественной деятельницей Т.М. Ферафоновой и К.М. Ушаковой преподнесла Отделу приветственный адрес «от сибирских женщин» и от женской гимназии Хамина, в которой преподавала⁶⁰.

Работа во ВСОИРГО свела Н.Н. Козьмина со многими интересными людьми своего времени. 9 декабря 1901 г. в Отделе гостил известный путешественник, начальник Тибетской экспедиции П.К. Козлов, который рассказал иркутянам о путешествии в 1899–1901 гг. по Китайскому Алтаю, пустыне Гоби и Центральному Тибету⁶¹. 21 февраля 1903 г. перед общим собранием ВСОИРГО сделал доклад о положении Русской полярной экспедиции лейтенант А.В. Колчак. Через неделю, 28 февраля 1903 г., перед учеными ВСОИРГО выступил товарищ Колчака, зоолог Русской полярной экспедиции А.А. Бялыницкий-Бируля, который рассказал о пребывании в 1902 г. на о. Новая Сибирь⁶².

Тесно сотрудничал Н.Н. Козьмин с уже упоминавшимися членами различных комиссий ВСОИРГО учеными и журналистами, археологом А.В. Адриановым и историком Н.Я. Новомбергским.

Много хлопот Н.Н. Козьмину как члену распорядительного комитета принесла предпринятая в 1901–1903 гг. экспедиция в Танну-Туву иногороднего корреспондента ВСОИРГО (он жил в Минусинске) ссыльного социал-демократа, а в будущем известного большевика Ф.Я. Кона. Может показаться парадоксальным, но устроить такую экспедицию по изучению Урянхайского края горячо рекомендовал ВСОИРГО его бывший член А.В. Адрианов (после революции 1917 г. – яростный ненавистник большевиков). Адрианов побывал в этих краях во второй половине 1870-х гг. в составе экспедиции Г.Н. Потанина, был очарован экзотикой горной страны и мечтал о ее исследовании. Идею экспедиции поддержал и участвовал в выработке ее программы наиболее авторитетный представитель русского населения, русского капитала и культуры в Урянхае, предприниматель и общественный деятель Г.П. Сафьянов.

27 апреля 1901 г. распорядительный комитет ВСОИРГО принял решение «командировать в 1902 г. Ф.Я. Кона на продолжительное время в Усинский край и Урянхайскую землю, представляющую местность совсем еще не изученную». Денежные затраты на экспедицию исчислялись А.В. Адриановым в 600 руб., эта сумма была принята. В октябре 1901 г. Ф.Я. Кон сформировал программу комплексной экспедиции (историко-географические, антропологические, этнографические данные), а в декабре приступил к ее практическому приговору.

⁵⁷ Отчет Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества за 1901 г. ... С. 7.

⁵⁸ Козьмин Н.Н. Афанасий Прокопьевич Щапов, его жизнь и деятельность: По поводу 25-летия со дня смерти. Речь, сказанная на общем собрании членов Отдела, посвящ. памяти А.П. Щапова, 4 марта 1901 г. Иркутск, 1902. С. 2.

⁵⁹ Козьмин Н.Н. Исторический очерк деятельности Восточно-Сибирского отдела И.Р.Г.О-ва за пятьдесят лет. Иркутск, 1905.

⁶⁰ Отчет Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества за 1901 г. ... С. 30.

⁶¹ Там же. С. 10.

⁶² Отчет Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества за 1903 г. ... С. 112.

Но Ф.Я. Кон, как ссыльный, не имел права свободного передвижения по России и тем более выезда за границу. Распорядительный комитет Отдела обратился с ходатайством к вице-президенту РГО П.П. Семенову-Тянь-Шанскому и Иркутскому военному губернатору генерал-лейтенанту А.И. Пантелееву и 7 октября 1901 г. получил официальное разрешение для Ф.Я. Кона «перейти на жительство в Усинский пограничный округ и производить там разъезды для изучения местного населения с тем, чтобы Кон о каждой отлучке из Усинских селений доводил до сведения пограничного начальника». А.В. Адрианов, являвшийся тогда правителем дел Красноярского подотдела ВСОИРГО, выдал Ф.Я. Кону за счет средств Отдела 300 руб. 21 февраля 1902 г., получив необходимые документы, путешественник в составе нанятых для экспедиции сотрудников двинулся в поход. Но едва Ф.Я. Кон развернул в с. Усинском работу «по знакомству с местным сойотским населением», как 16 марта пришла телеграмма от Енисейского гражданского губернатора, запрещающая Ф.Я. Кону выезд за границы империи. Кон, распустив нанятых для экспедиции людей, вынужден был вернуться в Минусинск. А.В. Адрианов, возмущенный позицией имперской бюрократии, написал новое гневное письмо в Отдел, требуя возобновить хлопоты перед властями о возврате экспедиции, иначе результатом будет «гибель предпринятого Отделом научного исследования, бесполезная потеря времени» и денег ВСОИРГО и лично Ф.Я. Кона. По настоянию Адрианова председатель Красноярского подотдела ВСОИРГО В.Ю. Григорьев (находившийся тогда в Петербурге) и распорядительный комитет ВСОИРГО вновь обратились за покровительством и содействием в РГО к П.П. Семенову-Тянь-Шанскому.

В июне 1902 г. Ф.Я. Кон получил, наконец, окончательное разрешение на выезд за пределы империи. Он вновь собрал персонал экспедиции и в сентябре отправился в Туву. Расширенный план поездки заставил захватить ею также 1903 г. С конца сентября 1902 г. Ф.Я. Кон слал во ВСОИРГО отчеты о прохождении экспедиции, которая в целом была признана успешной⁶³.

Длинный рассказ об одном из эпизодов жизни ВСОИРГО понадобился автору данной статьи для того, чтобы показать, в какой реальной обстановке находилась в начале XX в. провинциальная наука и каких усилий стоила распорядительному комитету ВСОИРГО (и в частности Н.Н. Козьмину) организация этой науки. В тихой заводи научного учреждения кипели общественные страсти, велась борьба за торжество свободы знания и за приоритет науки над политикой. Иногда ученые побеждали.

Самым важным знакомством, имевшим далеко идущие последствия, стало для молодого ученого сотрудничество в этот период и работа под руководством Г.Н. Потанина. Для прославленного путешественника, фольклориста и этнолога Иркутск не был чужим городом. Здесь Г.Н. Потанин прожил часть своей жизни, в 1887–1890 гг. являлся правителем дел ВСОИРГО⁶⁴. В двадцатых числах августа 1901 г. Потанин вновь приехал в Иркутск по делам своей научной работы и немедленно вошел в состав руководства Отдела. Он был одним из двух членов распорядительного комитета, посетившим все заседания этого органа (вторым являлся Н.Н. Козьмин). С 27 августа 1901 г. Г.Н. Потанин фактически руководил всем ВСОИРГО. В этот день распорядительный комитет поручил Григорию Николаевичу вновь открыть действия этнографической секции, прекратившей было работу. 25 сентября Г.Н. Потанин провел первое заседание возрожденной секции, познакомив членов отдела с разработанной им программой собирания сведений о сельском быте русского населения Сибири. Впервые за несколько лет состоялась оживленная дискуссия: было решено возможно подробнее прописать программу и для этой цели создать особую комиссию из шести человек под председательством Г.Н. Потанина.

С февраля 1901 г. в составе ВСОИРГО существовала Юбилейная комиссия, готовившая предстоящее торжественное празднование 50-летия Отдела. Г.Н. Потанин принял самое

⁶³ Отчет Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества за 1902 г., составленный правителем дел Н.Н. Козьминым. Иркутск, 1904. С. 69–71, 88–91.

⁶⁴ Шоловский М.В. Общественно-политическое движение в Сибири 2-й половины XIX – начала XX века. Вып. 1. Областничество... С. 57.

энергичное участие в работе этой комиссии, заменив на посту ее председателя – выбывшего из Иркутска А.В. Адрианова⁶⁵. Здесь, а также в распорядительном комитете Г.Н. Потанин тесно взаимодействовал с Н.Н. Козьминым. 11 января 1902 г. Г.Н. Потанин официально стал правителем дел ВСОИРГО, но пробыл на этом посту всего две недели. В конце января 1902 г. он окончательно уехал из Иркутска⁶⁶.

В официальном отчете о деятельности ВСОИРГО за 1901 г. Н.Н. Козьмин отозвался о роли Г.Н. Потанина так: «Его громадный нравственный авторитет и обширные ученые и литературные связи не только делали успешными работы, но и давали им направление»⁶⁷.

Много лет спустя, возвращаясь мыслями к этой поре своего профессионального становления, Николай Николаевич тепло вспоминал Г.Н. Потанина, неспешные беседы с ним (современники сообщали, что, в отличие от эмоционального громовержца Н.М. Ядринцева, Г.Н. Потанин говорил тихим спокойным голосом). Сохранились только два прямых свидетельства Н.Н. Козьмина о его разговорах с Г.Н. Потаниным: в некрологе о бурятском этнографе и фольклористе П.П. Баторове (1928)⁶⁸ и в письме к М.К. Азадовскому (1934)⁶⁹. (Возможно, таких воспоминаний в частных письмах было больше, но они – увы – не сохранились.) В обоих случаях Н.Н. Козьмин рисует как естественную черту Потанина его открытость к собеседнику, доброжелательность, мягкий дружеский тон разговора на равных. Пять месяцев совместной работы Н.Н. Козьмин впитывал идеи Г.Н. Потанина, проникался его духом исследователя-энтузиаста, а главное – по примеру ученого-энциклопедиста усваивал философию широкого научного освоения явлений общества и природы, изучения их не под углом зрения одной науки, а в комплексе разных отраслей научного знания о Сибири: истории, географии, этнографии, экономики, языковедения. В сущности, Потанин готовил из Козьмина ученого-сибироведа широкого профиля, продолжателя себя в науке. Прав Ю.В. Кузьмин, когда пишет: «Широта научных интересов и поисков, столь характерная для Г.Н. Потанина, передалась и его ученику, который в определенном смысле продолжил дело своего учителя»⁷⁰.

Научные успехи и организаторская активность Н.Н. Козьмина вскоре дали свои плоды – начинающий исследователь 29 марта 1903 г. был избран общим собранием ВСОИРГО правителем дел Общества, его фактическим главой⁷¹. В это время Козьмину исполнился 31 год – мальчишеский возраст для руководителя научного учреждения на рубеже XIX–XX вв. 10 ноября того же 1903 г. на Н.Н. Козьмина были возложены обязанности секретаря редакционной комиссии ВСОИРГО – второй по значению общественной должности в Отделе⁷².

Молодой руководитель ВСОИРГО прежде всего занялся ликвидацией «долгов» учреждения: за ВСОИРГО числились несданными отчеты за 1901 и 1902 гг. Из-за фактического отсутствия правителя дел в эти годы (двое предыдущих членов Отдела, занимавшие эту должность, ушли со службы) возникла, по словам Козьмина, «неопределенность положения». «Ряд экстренных неотложных мер, – писал он, – направленных к установлению нормального хода текущей жизни как в музее [Отдела], так и в административно-хозяйственной части, требовал значительной затраты времени и внимания»⁷³.

В распорядительных документах новый глава ВСОИРГО указывал на бездеятельность секций (особенно секции статистики) и слабую работу самого распорядительного комитета. «Ревизионная комиссия, – сообщал Козьмин в отчете, – не раз указывала на пассивность

⁶⁵ Отчет Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества за 1901 г. ... С. 8–9, 11, 12, 21.

⁶⁶ Отчет Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества за 1902 г. ... С. 52.

⁶⁷ Отчет Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества за 1901 г. ... С. 8.

⁶⁸ Козьмин Н.Н. П.П. Баторов [некролог] // Бурятияведение. 1928. № 1–3 (5–7). С. 289–292.

⁶⁹ Н.Н. Козьмин – М.К. Азадовскому [переписка] // Лит. наследство Сибири... С. 270.

⁷⁰ Кузьмин Ю.В. Монголоеды России XX века: персоналии, творческое наследие, концепции... С. 125.

⁷¹ Отчет Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества за 1903 г., составленный правителем дел Н.Н. Козьминым. Иркутск, 1904. С. 108.

⁷² Там же. С. 109, 113.

⁷³ Там же. С. 112, 114.

[распорядительного] комитета и администрации Отдела, отвечающих на различные вопросы краткими репликами: “исполнить”, “написать”, “принять к сведению”»⁷⁴. Н.Н. Козьмин требовал от руководящих структур ВСОИРГО меньше формализма в работе и больше содержательности, проникновения в суть научных задач.

Сам Н.Н. Козьмин в 1903–1906 гг. усилил научную составляющую своей работы в Отделе. В 1903 г. им были опубликованы в «Известиях ВСОИРГО» две статьи по истории Сибири: «Администрация государевой пашни»⁷⁵ и анализ неопубликованных (и по сию пору) мемуаров бывшего Иркутского генерал-губернатора С.Б. Броневского⁷⁶. Чаще стали появляться и статьи Козьмина по вопросам текущих политических событий в газетной периодике⁷⁷. В 1904 г. из печати вышли, наконец, подготовленные Н.Н. Козьминым недостающие отчеты Отдела за 1901–1903 гг. В дальнейшем Н.Н. Козьмин обеспечил своевременное издание отчетов за 1904 и 1905 гг.

В начале XX в. окончательно сложились и политические взгляды Н.Н. Козьмина как представителя левого крыла сибирского областничества. Николай Николаевич стал вполне определенно высказываться в пользу концепции областников об отсутствии (или слабом проявлении) в Сибири тенденции к развитию промышленного капитализма и, вследствие этого, невыраженности классово-борьбы. Он писал в отчете за 1903 г.: «На местном рынке имеет обращение капитал чисто торговый, а не промышленный... Сам капитал имеет тенденцию в сторону ссуды и роста (т.е. ростовщичества. – А. П.), а не производительного приложения»⁷⁸. Позднее Н.Н. Козьмин много раз повторял неонародническую мысль областников о некапиталистическом «общинном» пути эволюции сибирской деревни и невозможности (на тот момент) развития капиталистического хозяйства в Сибири⁷⁹. Никакие доводы «марксидов» (так Г.Н. Потанин называл социал-демократов) его не убеждали: Николай Николаевич опирался, во-первых, на фундаментальную теорию областничества, а во-вторых, на данные собственных экономико-статистических исследований (в частности, кустарной промышленности Сибири), проводившихся им во ВСОИРГО.

Весной 1907 г. стало определенно известно, что землеустроительное ведомство переводит Н.Н. Козьмина на службу в Енисейскую губернию, ему предстоит переезд в Минусинск. 28 апреля 1907 г. Н.Н. Козьмин подал заявление председателю и общему собранию ВСОИРГО о сложении с себя полномочий правителя дел в связи с отъездом из Иркутска⁸⁰. Правда, у ведомственной рокировки имелось и другое объяснение: в автобиографии советского времени Н.Н. Козьмин написал, что его удалили из Иркутска по предложению тогдашнего генерал-губернатора Селиванова. Слишком явными были демократические воззрения Козьмина и слишком большую общественную активность он проявлял, состоя членом обществ народного просвещения и народных чтений, принимая участие во время революции 1905–1907 гг. в крестьянских, национальных (бурятских) и городских съездах населения⁸¹. 17 апреля 1905 г. Н.Н. Козьмин написал письмо В.Г. Короленко, восторженно приветствуя русского писателя-демократа⁸². Общественная позиция «левого» областника не могла не остаться незамеченной.

⁷⁴ Отчет Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества за 1902 г. ... С. 91.

⁷⁵ Козьмин Н.Н. Администрация государевой пашни в Сибири XVII в. (Из истории русской колонизации) // Известия ВСОИРГО. Вып. XXXIV. 1903. № 2. С. 149–165.

⁷⁶ Козьмин Н.Н. Из прошлого Сибири (бывший генерал-губернатор С.Б. Броневский и его мемуары) // Известия ВСОИРГО. Вып. XXXV. 1903. № 1. С. 69–97.

⁷⁷ См., напр.: [Козьмин Н.Н.] Депутация бурят в Петербурге / Ландарма // Сибирское обозрение. Иркутск, 1906. 6 апр. (№ 61). С. 3.

⁷⁸ Отчет Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества за 1903 г. ... С. 114.

⁷⁹ Шиловский М.В. Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во второй половине XIX – первой четверти XX в. ... С. 196.

⁸⁰ Отчет Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества за 1907 г., составленный исполняющим должность правителя дел В.Б. Шостаковичем. Иркутск, 1912. С. 80.

⁸¹ Автобиография Н.Н. Козьмина, составленная в 1936 г. ... С. 11.

⁸² Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 225. К. 6. Д. 42. Л. 1–2.

* * *

Н.Н. Козьмин был переведен в Минусинск на ту же работу, которую он занимал в Иркутске, но с повышением в должности – теперь он был не производителем, а старшим производителем работ по составлению отводных записей в Енисейской губернии. Через пять лет, в марте 1915 г., последовало новое повышение – Николая Николаевича возвели в должность помощника заведующего переселением и землеустройством в Енисейской губернии⁸³. Еще до этого в 1910 г. он перебрался в Красноярск. Почти сразу же Козьмин стал членом распорядительного комитета Красноярского подотдела ВСОИРГО, затем исполнял должность правителя дел, а в 1915 г. был избран председателем подотдела.

Новая должность дала возможность Н.Н. Козьмину работать в гуще крестьянского населения края – русского и так называемого «инородческого» – хакасов и тувинцев. Позднее он записал в автобиографии: «Кроме исследовательской работы колонизационного и землеустроительного порядка, провел исследование хозяйственного быта минусинских туземцев (хакасов), производил исследования в Усинском крае и Урянхасе. Часть собранного материала мной была использована для статей в газете “Сибирь” и журнале “Сибирские записки”»⁸⁴.

Работа по землеустройству на юге Енисейской губернии свела Н.Н. Козьмина с замечательным представителем национальной интеллигенции Сибири – бурятским ученым-демократом М.Н. Богдановым, который в ту пору также был землеустроителем среди хакасского населения. Вместе с М.Н. Богдановым он составил в 1912–1913 гг. «Материалы статистико-экономического обследования 1909–1910 гг. туземных ведомств Абаканского, Аскизского и Кызыльского Енисейской губернии». Рукопись этого труда не была опубликована, сегодня она хранится в Красноярском краевом историко-краеведческом музее⁸⁵.

Первая половина «красноярского» периода творческой деятельности Н.Н. Козьмина характеризуется меньшей, по сравнению с Иркутском, интенсивностью его научно-исследовательской работы. В течение 1907–1915 гг. он не поместил в «Известиях ВСОИРГО» ни одной научной статьи. Исключение составили прежняя работа «Исторический очерк деятельности ВСОИРГО», написанная еще в 1904 г. и остававшаяся в портфеле редакции (опубликована в 1908 г.)⁸⁶, и очерк о бывшем директоре музея ВСОИРГО А.М. Станиловском⁸⁷. С запозданием в десять лет в Иркутске была выпущена брошюра Н.Н. Козьмина об истории Общества для оказания пособий учащимся в Восточной Сибири за 25 лет (1875–1900)⁸⁸. Козьмин написал этот очерк как деятельный член указанного общества.

Зато Н.Н. Козьмин в этот период сумел выпустить в Петербурге свою первую крупную книгу – антологию лучших (на тот момент) произведений, публиковавшихся в разные годы в иркутских изданиях. Сборник, называвшийся «Очерки прошлого и настоящего Сибири» (1910), включал в себя статьи и доклады: «Хлеб за ясак», «Администрация государевой пашни в Сибири XVII в.», «Из прошлого Сибири», «Существует ли кустарная промышленность в Иркутской губернии», «Афанасий Прокопьевич Щапов», «М.В. Загоскин и его значение в истории развития сибирской общественности», «К постановке аграрного вопроса в Иркутской губернии».

Кроме того, Николай Николаевич, накопив во время службы в Енисейской губернии некоторые средства, смог осуществить в 1911 г. свою давнюю мечту путешествия по Европе с целью профессионального знакомства с античными древностями и шедеврами искусства

⁸³ АИГПУ. Д. 3030 (Личное дело Н.Н. Козьмина). Л. 12 (24).

⁸⁴ Автобиография Н.Н. Козьмина, составленная в 1936 г. ... С. 11.

⁸⁵ Кузьмин Ю.В. Профессор Н.Н. Козьмин: историк и экономист... С. 28.

⁸⁶ Козьмин Н.Н. Исторический очерк деятельности Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества // Известия ВСОИРГО. Т. XXX. 1904. № 2. Иркутск, 1908. С. 1–43.

⁸⁷ [Козьмин Н.Н.] Антон Михайлович Станиловский / Н.К. // Труды ВСОИРГО. Вып. 7. Записки А.М. Станиловского. С биогр. очерком. Иркутск, 1912. С. IX–LIV.

⁸⁸ Козьмин Н.Н. Очерк деятельности Общества для оказания пособий учащимся в Восточной Сибири за 25 лет (1875–1900). Иркутск, 1911.

Возрождения в музеях и галереях. Он побывал в Берлине, Париже, Риме, других городах Италии⁸⁹.

В Красноярске Козьмина воспринимали уже как крупного эрудированного ученого, ведущего специалиста ряда общественных просветительских организаций, в которых он состоял. Николай Николаевич был избран председателем городской училищной комиссии, открыл городскую гимназию, вечерние курсы для взрослых, два народных училища, общедоступный кинематограф. Он организовал бесплатные завтраки для красноярских школьников, постоянно выступал с докладами и публичными лекциями перед местной общественностью⁹⁰.

Определяющим вектором его красноярской жизни стало знакомство и тесное сотрудничество с известным областником и общественным деятелем, врачом по специальности Вл.М. Крутовским – человеком из потанинской когорты. Крутовский являлся непререкаемым авторитетом для всей красноярской интеллигенции, и совместная работа с ним означала как признание заслуг, так и аванс на продвижение в научной и культурной общественной среде. В начале 1916 г. Вл.М. Крутовский инициировал и организовал издание первого в Сибири крупного и регулярного (выходившего раз в два месяца) научного, общественного и литературного журнала «Сибирские записки». Вторым соредактором он взял Н.Н. Козьмина. Два года (1916–1917) Козьмин являлся вторым лицом в этом знаковом для Сибири издании, редактировал поступавшие в журнал материалы. Издание «Сибирских записок» стимулировало его исследовательскую активность: за 1916–1917 гг. он опубликовал в журнале шесть крупных оригинальных работ по истории, источниковедению, социальным проблемам Сибири, в том числе такие широко известные статьи, как «К вопросу о вымирании инородцев»⁹¹, «Князь Иренак»⁹², «Село Минусинское»⁹³, «Источники для изучения истории Минусинского края»⁹⁴, «На севере: путевые впечатления»⁹⁵, «Сибирское областничество»⁹⁶. Широкую публикаторскую деятельность развернул Козьмин и в журнале «Сибирская школа», издававшемся хакасским учителем и просветителем Г.И. Итыгиным. Кроме публицистической статьи «Школа и наука»⁹⁷, здесь в нескольких номерах было опубликовано (а затем вышло отдельным оттиском) его историко-популярное исследование «Заселение русскими Сибири в Московскую эпоху»⁹⁸.

Возобновил Н.Н. Козьмин отношения и с ВСОИРГО в Иркутске. Здесь в 1916 г., после долгого перерыва, в «Известиях» Отдела вышла его статья «Д.А. Клеменц и историко-этнографические исследования в Минусинском крае»⁹⁹.

К 25-летию Красноярского городского музея, который входил в состав Красноярского подотдела ВСОИРГО, Н.Н. Козьмин подготовил необычный для себя доклад по методологии исторического исследования. Доклад был прочитан 22 февраля 1914 г. на общем собрании членов подотдела, а затем опубликован в сборнике, посвященном юбилею, и отдельной брошюрой¹⁰⁰. Несмотря на широкую постановку задачи, доклад содержал в основном

⁸⁹ Свинин В.В. Профессор Н.Н. Козьмин – ученый и общественный деятель... С. 216.

⁹⁰ Автобиография Н.Н. Козьмина, составленная в 1936 г. ... С. 11.

⁹¹ [Козьмин Н.Н.] К вопросу о вымирании инородцев / Н. К. // Сибирские записки. Красноярск, 1916. № 2. С. 99–108.

⁹² Козьмин Н.Н. Князь Иренак: Эпизод сибирской истории // Сибирские записки. 1916. № 1. С. 41–58.

⁹³ Козьмин Н.Н., Васин В.А. Село Минусинское // Сибирские записки. 1916. № 1.

⁹⁴ Козьмин Н.Н. Источники для изучения истории Минусинского края // Сибирские записки. 1917. № 3. С. 81–82.

⁹⁵ [Козьмин Н.Н.] На севере: путевые впечатления / Ландарма // Сибирские записки. 1917. № 1. С. 65–85; № 2. С. 41–55.

⁹⁶ Козьмин Н.Н. Сибирское областничество // Сибирские записки. 1917. № 6.

⁹⁷ Козьмин Н.Н. Школа и наука // Сибирская школа. Красноярск, 1916. № 6.

⁹⁸ Козьмин Н.Н. Заселение русскими Сибири в Московскую эпоху // Сибирская школа. 1917. № 3, С. 8–10, 16, 19. Отд. оттиск. Красноярск, 1917.

⁹⁹ Козьмин Н.Н. Д.А. Клеменц и историко-этнографические исследования в Минусинском крае // Известия ВСОИРГО. Т. XLV. Иркутск, 1916. С. 35–64. Отд. оттиск. Иркутск, 1916.

¹⁰⁰ Козьмин Н.Н. Исторический метод исследования (Оттиск из издания Красноярского подотдела И.Р.Г. Общества «Двадцатипятилетие Красноярского городского музея»). Красноярск, 1914.

понятные для непрофессионалов положения. Одна из главных мыслей Н.Н. Козьмина состояла в утверждении им необходимости для историка междисциплинарного подхода к предмету своего исследования, комплексного использования в работе данных и методов других наук, связи с современностью. Он писал: «Мертво, не нужно то знание, которое оторвано от жизненных задач, от общественных идеалов, и беспочвенна активная общественная работа, не опирающаяся на результаты научного познания прошлого и настоящего»; «Поэтому историк должен обладать хорошим знакомством с современной жизнью, обладать относительными познаниями в области всех наук, которые изучают человека и человеческое общество»; «Затем, когда человек фантазирует, он не может все-таки отвлечься от фактов действительности. Он только комбинирует своеобразно эти факты. Вот почему даже сказки, легенды дают материал для характеристики быта, понятий, идеалов минувших времен»¹⁰¹.

Второй сквозной мыслью исследования был призыв Н.Н. Козьмина бороться с варварским (характерным для Сибири того времени) истреблением остатков прошлого, уничтожением его материальных следов. В этой связи Козьмин уделяет первостепенное внимание роли музеев, архивов, ученых комиссий в деле собирания и сохранения памятников былых цивилизаций и исторических документов. «Какой-нибудь пожар, кража, простая потеря этикетки с предмета в музее уничтожает научную ценность. Поэтому нужно спешить с организацией научного изучения. Число научных работников бесконечно мало. Необходимо, чтобы научная работа организовалась в провинции. А для этого нужно создать условия для возможности научной работы на местах. Нужно организовать хорошие библиотеки, книгохранилища, собрания памятников и документов. Нужно увеличить число рассадников научного знания и научных методов работы, т.е. университетов, высших учебных заведений... Храните, спасайте остатки прошлого, эти дошедшие до нас листки разорванной повести минувших эпох»¹⁰². Свои надежды Н.Н. Козьмин связывал с новым зданием Красноярского музея, постройка которого (всем известного дома в древнеегипетском стиле) началась тогда на берегах Енисея.

В последний год перед революцией Н.Н. Козьмин явственным образом сблизился с левой прессой эсеровского толка. Его публикации стали регулярно появляться не только в иркутской газете «Сибирь», где основной состав редакции представляли активисты партии социалистов-революционеров, но и в красноярской «Сибирской мысли» – аналогичном органе, который редактировал известный в городе эсер, журналист П.З. Озерных. Статьи Козьмина, впрочем, не касались политики: он информировал читателей о состоянии дел в сфере народного просвещения и культуры¹⁰³.

Николай Николаевич пробует свои силы в такой области знаний, как педагогика. Он выступает против схоластического изучения прошлого только по учебникам, ратует за воспитание в юношестве живого интереса к родной природе, к еще не стертым памятникам сибирской истории и культуры, настаивает на необходимости организации школами экскурсий и путешествий по местам ушедших цивилизаций. Здесь автор данной статьи вновь должен воспроизвести длинные цитаты из Н.Н. Козьмина. Не привести их невозможно, очень уж красноречиво и выпукло звучит в них голос областника, патриота Сибири, пропагандиста ее красот и любви к ней. «Местная жизнь и окружающая нас природа, – пишет Н.Н. Козьмин, – полны глубокого, захватывающего интереса. Последний незаметен только потому, что мы не привыкли видеть то, что нас окружает.

Чтобы любоваться то ласкающими глаз картинами природы, то величественными и грозными ее проявлениями, мы привыкли путешествовать на берега Средиземного моря,

¹⁰¹ Козьмин Н.Н. Исторический метод исследования... С. 6, 16, 17.

¹⁰² Там же. С. 10, 20, 21.

¹⁰³ Козьмин Н. По поводу школьного акта (Письмо в редакцию) // Сибирская мысль. Красноярск, 1916. 5 мая (№ 77). С. 3; [Козьмин Н.Н.] Речь председателя Красноярского подотдела И.Р.Г.О. Н.Н. Козьмина на открытии выставки «Старый Красноярск» 11 апреля 1916 г. // Сибирская мысль. 1916. 6 апр. (№ 62). С. 3; 17 апр. (№ 63). С. 3; Козьмин Н. Письмо в редакцию [Об итогах выставки «Старый Красноярск», организованной Красноярским подотделом ВСОИРГО] // Сибирская мысль. 1916. 24 мая (№ 88). С. 3.

в Швейцарию, Норвегию, потому что учебники нас более знакомили с этими странами и даже Патагонией, чем с той страной, где живем.

А между тем мы просто не привыкли замечать или не знаем о красоте, окружающей нас. Возьмите Байкал, эту необъятную массу воды, заключенную среди горных гигантов. Как чудно красивы его воды, или почерневшие, с грозящими белыми гребнями волн; как очаровательны крутые, часто отвесные склоны гор, облитые весной сплошь розовым цветом цветущего багульника. А альпийские озера, цирки, ледники Саян, эти огромные пенящиеся горные потоки, свергающиеся с трудно достижимых высот, наполняющие ревом и шумом окрестности на несколько верст кругом! ...И вы двигаетесь словно по волшебной изумрудной аллее. Никакое стекло не может сравниться с этой безукоризненной прозрачностью воды, позволяющей различать мельчайшие камешки на каменном ложе реки... И мы не подозреваем часто о том, что недалеко, гораздо ближе Норвегии, может рассказать нам эти чарующие сказки родная природа.

...Но не одни явления природы оставили следы. Человеческая история тоже начертана на поверхности земли, и это часто интересные и поучительные страницы».

«И как странно! В школе преподают древнюю историю Востока; ученики получают сведения о древнеегипетских и древнехалдейских надписях, об ученых Шампольоне и Гротефенде, расшифровавших их. А вот тут же, под боком, была, быть может, менее блестящая, но не менее интересная культура, есть туземные надписи, оказались новые Шампольоны, в лице датчанина Томсена и русского ученого В.В. Радлова, – и мы не знаем, не подозреваем этого.

У нас воспитание так поставлено, что мы о чужих странах лучше знаем, чем о своей. Русские едут любоваться природой в Швейцарию, Пиренеи, когда имеется Алтай...; русский ученый делается специалистом в египтологии, а древняя турецкая (т.е. тюркская. – А. П.) цивилизация, близкая нам географически и исторически, остается без историка; на берегах Средиземного моря основываются морские станции для изучения жизни водных бассейнов, а на Байкале такой станции и в помине нет.

А сколько красивых поэтических легенд, песен, былин рассказывается и поется нашими инородцами и русскими. Эта поэтическая старина исчезает бесследно, теряется, потому что в школах учат пониманию греческих мифов... В мире поэзии греческий Олимп – это та Швейцария, куда нужно ехать в поисках красоты... Ни учитель, ни ученик не знают ни живописных костюмов тунгусов, ни местных исторических памятников, ни экономических судеб, скажем, Енисейска, ни значения для Сибири железнодорожного и водных сообщений, ни истории, красочной и злободневной, Северного морского пути»¹⁰⁴.

Чем не актуальная публицистика наших дней?

* * *

С таким багажом знаний, мыслей, профессиональных навыков, намерений и амбиций подошел историк Н.Н. Козьмин к рубежу революций 1917 г. Его дальнейшая судьба заслуживает беспристрастного изучения, но ясно, что ученый такого масштаба с определенно высказанной общественной позицией не мог затеряться в буднях гражданских потрясений и повседневной рутине советской действительности.

Литература

Елаев А.А. Бурятия: путь к автономии и государственности. М., 1994. С. 142, 147, 148, 164.

Кузьмин Ю.В. Вопросы монголоведения в исследованиях профессора Н.Н. Козьмина // Арсеньевские чтения. Уссурийск, 1992. С. 84–86.

Кузьмин Ю.В. Историографические исследования профессора Н.Н. Козьмина // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2016. Иркутск, 2016. С. 512–517.

¹⁰⁴ Козьмин Н.Н. Открытая книга природы // Северные зори: лит.-публицистич. сб. М., 1916. С. 238–239, 244–246.

Кузьмин Ю.В. Н.Н. Козьмин – историк, этнограф, краевед // Иркутское краеведение 20-х: взгляд сквозь годы: мат-лы регион. науч.-практ. конф. «“Золотое десятилетие” иркутского краеведения: 1920-е годы» (Иркутск, 11–13 января 2000 г.). Ч. 2. Иркутск, 2000. С. 101–107.

Кузьмин Ю.В. Профессор Н.Н. Козьмин: историк и востоковед (1872–1938) // Кузьмин Ю.В. Монголоведы России XX века: персоналии, творческое наследие, концепции. Иркутск: Отгиск, 2022. С. 123–138.

Кузьмин Ю.В. Профессор Н.Н. Козьмин: историк и экономист: учеб. пособие. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2006. 68 с.

Курьшов А.М. Николай Николаевич Козьмин: романтик от истории // Историко-экономические исследования. Иркутск, 2013. Т. 14, № 1–2. С. 109–117.

Курьшов А.М. Исторический метод исследования Н.Н. Козьмина: общая характеристика // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2023. Иркутск: Изд. дом БГУ, 2023. С. 52–61.

Лыскова В.Ц., Банзарова Г.Д. «Бурятский период» работы Н.Н. Козьмина (К 145-летию со дня рождения) // Мир Центральной Азии – 4: сб. науч. ст. Иркутск: Отгиск, 2017. С. 242–245.

Майдачевский Д.Я. История предпринимательства в России: регионализация исследовательской активности, 1920-е годы // Индустриальное наследие: сб. материалов междунар. науч. конф. (Саранск, 23–25 июня 2005 г.). Саранск, 2005. С. 313–317.

Майдачевский Д.Я. Историко-экономическое изучение Прибайкалья: история исследования и идей. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2006. 204 с.

Майдачевский Д.Я. «Монографическая» история сибирской промышленности Н.Н. Козьмина // Историко-экономические исследования. Иркутск, 2015. Т. 16, № 4. С. 765–776.

Майдачевский Д.Я. Н.Н. Козьмин как историк науки // Восьмые востоковедные чтения БГУ: сб. науч. тр. Иркутск: БГУ, 2017. С. 264–271.

Н.Н. Козьмин – историк, краевед, журналист, общественный деятель (1872–1938): Биобиблиографический указатель. Улан-Удэ: Нац. библиотека Респ. Бурятия, 1999. 28 с.

Первые востоковедные чтения. К 130-летию со дня рождения Н.Н. Козьмина: материалы междунар. конф. / под ред. Ю.В. Кузьмина. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2002. 143 с.

Профессор Н.Н. Козьмин: историк, экономист и общественный деятель (1872–1938) // Кузьмин Ю.В., Свинин В.В. Иркутская школа монголоведения (XVIII–XX вв.). Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2014. С. 119–137.

Решетов А.Н. Николай Николаевич Козьмин: основные направления научной деятельности // Репрессированные этнографы. М., 1999. Вып. 1. С. 81–100.

Рыженко В.Г. Историк в меняющемся мире: территория поиска – провинция (1918 – начало 1930-х гг.) // Мир историка. XX век. М.: ИРИ РАН, 2002. С. 147, 164–167.

Свинин В.В. Профессор ИГУ Н.Н. Козьмин: его имя и книги вернулись к нам // История и историки: 90 лет исторической школе Иркутского государственного университета. Иркутск: Отгиск, 2008. С. 94–97.

Свинин В.В. Профессор Н.Н. Козьмин – ученый и общественный деятель // Россия, Сибирь и страны Азиатско-Тихоокеанского региона: тез. докл. к науч.-практ. конф. 11–14 мая 1994 г., посвящ. 50-летию российско-новозеландских дипломатических отношений. Иркутск, 1994. С. 216–219.

Суходолов А.П., Козырская И.Е., Кузьмин Ю.В. История изучения в российской историографии творческой биографии и научного наследия профессора Н.Н. Козьмина // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2018. Иркутск, 2018. С. 484–493.

Тармаханов Е.Е. Н.Н. Козьмин (1872–1928 гг.) – исследователь истории Бурятии и Сибири в целом // Вестник Бурятского гос. ун-та. 2007. № 5. С. 181–183.

Шейнфельд М.Б. Историография Сибири (конец XIX – начало XX в.). Красноярск, 1973. С. 220–253.

Шейнфельд М.Б. Творческий путь Н.Н. Козьмина // Вопросы этнографии Хакасии: сб. ст. Абакан, 1981. С. 163–184.

Шиловский М.В. Общественно-политическое движение в Сибири 2-й пол. XIX – нач. XX в. Вып. 1. Областники. Новосибирск, 1995. С. 57, 59–60, 90–91.

Шиловский М.В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов в 1917–1920 гг. Новосибирск: Сиб. хронограф, 2003. 427, [1] с.

Шиловский М.В. Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во 2-й пол. XIX – перв. четв. XX в. Новосибирск: Сова, 2008. С. 196.

Шиловский М.В. Козьмин Николай Николаевич // Общественно-политическая жизнь Сибири (конец XIX – нач. XX в.): энциклопедический словарь. Новосибирск: Параллель, 2019. С. 131.

References

Elaev, A.A. (1994). *Buryatiya: put' k avtonomii i gosudarstvennosti* [Buryatia: The Path to Autonomy and Statehood]. Moscow, pp. 142, 147, 148, 164.

Kuz'min, Yu.V. (1992). *Voprosy mongolovedeniya v issledovaniyakh professora N.N. Koz'mina* [Questions of Mongolian Studies in the Research of Professor N.N. Kozmin]. In *Arsen'evskie chteniya*. Ussuriysk, pp. 84–86.

Kuz'min, Yu.V. (2016). *Istoriograficheskie issledovaniya professora N.N. Koz'mina* [Historiographic Research by Professor N.N. Kozmin]. In *Irkutskiy istoriko-ekonomicheskii ezhegodnik: 2016*. Irkutsk, Baykal'skiy gosudarstvennyy universitet, pp. 512–517.

Kuz'min, Yu.V. (2000). N.N. Koz'min – istorik, etnograf, kraeved [N.N. Kozmin – Historian, Ethnographer, Local Historian]. In *Irkutskoe kraevedenie 20-kh: vzglyad skvoz' gody. Materialy regional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii "Zolotoe desyatiletie' irkutskogo kraevedeniya: 1920-e god"*. Irkutsk, Part. 2, pp. 101–107.

Kuz'min, Yu.V. (Ed.). (2002). *Pervye vostokovednye chteniya. K 130-letiyu so dnya rozhdeniya N.N. Koz'mina* [The First Oriental Studies Readings. On the 130th Anniversary of N.N. Kozmin's Birth]. *Materialy mezhdunarodnoy konferentsii*. Irkutsk, Izdatel'stvo BGUEP. 143 p.

Kuz'min, Yu.V. (2022). Professor N.N. Koz'min: istorik i vostokoved (1872–1938) [Professor N.N. Kozmin: Historian and Orientalist (1872–1938)]. In *Mongolovedy Rossii XX veka: personalii, tvorcheskoe nasledie, kontseptsii*. Irkutsk, Ottisk, pp. 123–138.

Kuz'min, Yu.V. (2006). *Professor N.N. Koz'min: istorik i ekonomist: uchebnoe posobie* [Professor N.N. Kozmin: Historian and Economist]. Irkutsk, Izdatel'stvo BGUEP. 68 p.

Kuryshov, A.M. (2023). *Istoricheskiy metod issledovaniya N.N. Koz'mina: obshchaya kharakteristika* [Historical Research Method of N.N. Kozmin: General Characteristics]. In *Irkutskiy istoriko-ekonomicheskii ezhegodnik: 2023*. Irkutsk, Izdatel'stvo BGU, pp. 52–61.

Kuryshov, A.M. (2013). Nikolay Nikolaevich Koz'min: romantik ot istorii [Nikolay Nikolaevich Kuzmin: A Romantic from History]. In *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya*. Irkutsk. Vol. 14, No. 1–2, pp. 109–117.

Lyksokova, V.C., Banzarova, G.D. (2017). “Buryatskiy period” raboty N.N. Koz'mina (K 145-letiyu so dnya rozhdeniya) [“The Buryat Period” of N.N. Kozmin's Work (On the 145th Anniversary of His Birth)]. In *Mir Tsentral'noy Azii – 4: sbornok nauchnykh statey*. Irkutsk, Ottisk, pp. 242–245.

Maydachevskiy, D.Ya. (2006). *Istoriko-ekonomicheskoe izuchenie Pribaykal'ya: istoriya issledovaniya i idey* [Historical and Economic Study of the Baikal Region: History of Research and ideas]. Irkutsk, Izdatel'stvo BGUEP. 204 p.

Maydachevskiy, D.Ya. (2005). *Istoriya predprinimatel'stva v Rossii: regionalizatsiya issledovatel'skoy aktivnosti, 1920-e gody* [History of Entrepreneurship in Russia: Regionalization of Research Activity, 1920s]. In *Industrial'noe nasledie: sbornik materialov mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. Saransk, pp. 313–317.

Maydachevskiy, D.Ya. (2015). “Monograficheskaya” istoriya sibirskoy promyshlennosti N.N. Koz'mina [“Monographic” History of Siberian Industry N.N. Kozmina]. In *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya*. Irkutsk. Vol. 16, No. 4, pp. 765–776.

Maydachevskiy, D.Ya. (2017). N.N. Koz'min kak istorik nauki [N.N. Kozmin as a Historian of Science]. In *Vos'mye vostokovednye chteniya BGU: sbornik nauchnykh trudov*. Irkutsk, BGU, pp. 264–271.

(1999). *N.N. Koz'min – istorik, kraeved, zhurnalist, obshchestvennyy deyatel' (1872–1938): Biobibliograficheskiy ukazatel'* [N.N. Kozmin – Historian, Local Historian, Journalist, Public Figure (1872–1938)]. Ulan-Ude, Natsional'naya biblioteka Respubliki Buryatiya. 28 p.

(2014). *Professor N.N. Koz'min: istorik, ekonomist i obshchestvennyy deyatel' (1872–1938)* [Professor N.N. Kozmin: Historian, Economist and Public Figure (1872–1938)]. In *Kuz'min Yu.V., Svinin V.V. Irkutskaya shkola mongolovedeniya (XVIII–XX vv.)*. Irkutsk, Izdatel'stvo BGUEP, pp. 119–137.

Reshetov, A.N. (1999). Nikolay Nikolaevich Koz'min: osnovnye napravleniya nauchnoy deyatelnosti [Nikolai Nikolaevich Kozmin: Main Directions of Scientific Activity]. In *Repressirovannye etnografy*. Moscow. Vol. 1, pp. 81–100.

Ryzenko, V.G. (2002). Istorik v menyayushchemsya mire: territoriya poiska – provintsiya (1918 – nachalo 1930-h gg.) [The Historian in a Changing World: The Territory of Search – the Provinces (1918 – Early 1930s)]. In *Mir istorika. XX vek*. Moscow, IRI RAN, pp. 147, 164–167.

Svinin, V.V. (2008). Professor IGU N.N. Koz'min: ego imya i knigi vernulis' k nam [Irkutsk State University Professor N.N. Kozmin: His Name and Books Have Returned to Us]. In *Istoriya i istoriki: 90 let istoricheskoy shkole Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta*. Irkutsk, Ottisk, pp. 94–97.

Svinin, V.V. (1994). Professor N.N. Koz'min – uchenyy i obshchestvennyy deyatel' [Professor N.N. Kozmin – Scientist and Public Figure]. In *Rossiya, Sibir' i strany Aziatsko-Tihookeanskogo regiona: Tezisy dokladov k nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchenoy 50-letiyu rossiysko-novozelandskih diplomaticheskikh otnosheniy*. Irkutsk, pp. 216–219.

Suhodolov, A.P., Kozyrskaya, I.E., Kuz'min, Yu.V. (2018). Istoriya izucheniya v rossiyskoy istoriografii tvorcheskoy biografii i nauchnogo naslediya professora N.N. Koz'mina [The History of the Study in Russian Historiography of the Creative Biography and Scientific Heritage of Professor N.N. Kozmin]. In *Irkutskiy istoriko-ekonomicheskiy ezhegodnik: 2018*. Irkutsk, Baykal'skiy gosudarstvennyy universitet, pp. 484–493.

Tarmahanov, E.E. (2007). N.N. Koz'min (1872–1928 gg.) – issledovatel' istorii Buryatii i Sibiri v tselom [N.N. Kozmin (1872–1928) – Researcher of the History of Buryatia and Siberia as a Whole]. In *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 5, pp. 181–183.

Sheynfel'd, M.B. (1973). *Istoriografiya Sibiri (konets XIX – nachalo XX v.)* [Historiography of Siberia (Late 19th – Early 20th Century)]. Krasnoyarsk, pp. 220–253.

Sheynfel'd, M.B. (1981). Tvorcheskiy put' N.N. Koz'mina [The Creative Path of N.N. Kozmin]. In *Voprosy etnografii Khakasii: sbornik statey*. Abakan, pp. 163–184.

Shilovskiy, M.V. (1995). *Obshchestvenno-politicheskoe dvizhenie v Sibiri 2-y poloviny XIX – nachala XX v.* [Social and Political Movement in Siberia, 2nd Half of the 19th – Early 20th Century]. Vol. 1. Oblastniki. Novosibirsk, Novosibirskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 57, 59–60, 90–91.

Shilovskiy, M.V. (2003). *Politicheskie protsessy v Sibiri v period sotsial'nykh kataklizmov v 1917–1920 gg.* [Political Processes in Siberia during the Period of Social Cataclysms in 1917–1920]. Novosibirsk, Sibirskiy khronograf. 427 p.

Shilovskiy, M.V. (2019). Koz'min Nikolay Nikolaevich [Kozmin Nikolay Nikolaevich]. In *Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' Sibiri (konets XIX – nach. XX v.)*. Novosibirsk, Parallel', p. 131.

Shilovskiy, M.V. (2008). *Sibirskoe oblastничество v obshchestvenno-politicheskoy zhizni regiona vo vtoroy poloviny XIX – pervoy chetverti XX v.* [Siberian Regionalism in the Socio-Political Life of the Region in the Second Half of the XIX – First Quarter of the 20th Century]. Novosibirsk, Sova, p. 196.

А.И. Свирепов*

**РОЛЬ Н.Я. НОВОМБЕРГСКОГО
В ОРГАНИЗАЦИИ УЧЕТА И ПЛАНИРОВАНИЯ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В СИБИРСКОМ КРАЕ В 1926–1928 ГОДАХ**doi:10.31518/2618-9100-2025-1-15
УДК 94:338.2(571.14)"1926/1928"

Выходные данные для цитирования:
Свирепов А.И. Роль Н.Я. Новомбергского в организации учета и планирования научно-исследовательской деятельности в Сибирском крае в 1926–1928 годах // Исторический курьер. 2025. № 1 (39). С. 220–232.
URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-1-15.pdf>

A.I. Svirepov*

**THE ROLE OF N.YA. NOVOMBERGSKY
IN THE ORGANIZATION OF ACCOUNTING
AND PLANNING OF RESEARCH ACTIVITIES
IN THE SIBERIAN REGION IN 1926–1928**

doi:10.31518/2618-9100-2025-1-15

How to cite:
Svirepov A.I. The Role of N.Ya. Novombergsky in the Organization of Accounting and Planning of Research Activities in the Siberian Region in 1926–1928 // Historical Courier, 2025, No. 1 (39), pp. 220–232.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-1-15.pdf>]

Abstract. The article highlights the activities of Professor N.Ya. Novombergsky in the field of accounting and planning of scientific research in Siberia in 1926–1928. In 1926, a Research Bureau was established at Sibkraplan, which was subsequently reorganized into the Bureau for the Study of Productive Forces. The Bureau faced many tasks, but the main ones were the accounting and coordination of scientific research carried out in the Siberian Region. A huge role in his work was played by the famous scientist N.Ya. Novombergsky, who was a member of the Bureau since its formation, and in 1927 headed the institution. In the course of its activities, the Bureau faced significant difficulties: the originally planned research planning goals actually had to be limited to taking into account the past and registering the current one. The authority of Novombergsky, as deputy chairman of the Regional Planning Committee and a prominent scientist, expert in the economy and culture of Siberia, was required to coordinate the collection and processing of necessary information in this area from several dozen institutions and organizations of Siberia and the Center. Together with the Society for the Study of Siberia (OIS), established in the same period, a mechanism for receiving and analyzing information about significant expeditions and stationary research conducted in the region over the past decade was built in a short time. The coverage of the current coordination work on accounting and linking research was carried out in the Sibirevedenie newsletter. The activities of Novombergsky and his colleagues should be assessed as a stage of regional planning in the field of science, interrupted in the autumn of 1928 by the removal of N.Ya. Novombergsky and V.G. Boldyrev – key employees of the Bureau from their posts for political reasons

Keywords: planning, scientific research, Siberian Region.

The article has been received by the editor on 05.11.2024. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* Александр Игоревич Свирепов, студент, Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия, e-mail: a.svirepov@g.nsu.ru

Alexander Igorevich Svirepov, Student, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia, e-mail: a.svirepov@g.nsu.ru

Аннотация. В статье освещается деятельность профессора Н.Я. Новомбергского в области учета и планирования научных исследований в Сибири в 1926–1928 гг. В 1926 г. при Сибкрайплане было создано Научно-исследовательское бюро, впоследствии реорганизованное в Бюро по изучению производительных сил. Перед Бюро стояло множество задач, основными же являлись учет и согласование научно-исследовательских работ, проводившихся в Сибирском крае. Огромную роль в его работе сыграл известный ученый Н.Я. Новомбергский, входивший в состав Бюро с момента его образования, а в 1927 г. возглавивший учреждение. В ходе своей деятельности Бюро столкнулось со значительными сложностями: намеченные первоначально цели планирования НИР фактически пришлось ограничить учетом прошлой и регистрацией текущей. Требовался авторитет Новомбергского как заместителя председателя Крайплана и видного ученого, знатока экономики и культуры Сибири, чтобы координировать сбор и обработку необходимой информации в данной области от нескольких десятков учреждений и организаций Сибири и Центра. Совместно с созданным в тот же период Обществом изучения Сибири (ОИС) в краткие сроки был выстроен механизм поступления и анализа информации о значимых, проведенных за прошлое десятилетие экспедициях и стационарных исследованиях в регионе. Освещение текущей координационной работы по учету и увязке НИР осуществлялось в издаваемом информационном бюллетене «Сибиреведение». Деятельность Новомбергского и его коллег следует оценивать как этап регионального протопланирования в сфере науки, прерванный осенью 1928 г. снятием по политическим причинам со своих постов Н.Я. Новомбергского и В.Г. Болдырева – ключевых сотрудников Бюро.

Ключевые слова: планирование, научно-исследовательские работы, Сибирский край.

Статья поступила в редакцию 05.11.2024 г.

В середине 1920-х гг. различные организации, занимавшиеся научной деятельностью в Сибири, не имели налаженных связей друг с другом. Это, а также серьезная ограниченность ресурсов тормозили развитие науки. В 1925 г. в результате низовой инициативы в краевом центре возникло Общество изучения Сибири и ее производительных сил (ОИС). Важной функцией новой организации являлись учет и координация научно-исследовательской деятельности в масштабах региона. Одним из ключевых лиц, взявших на себя эту задачу, стал известный ученый, профессор Николай Яковлевич Новомбергский, являвшийся на тот момент заместителем председателя Сибкрайплана. Н.Я. Новомбергский родился 3 мая 1871 г. в станице Барсуковской. В 1896 г. он окончил юридический факультет Варшавского университета. После окончания университета Н.Я. Новомбергский начал государственную службу, одновременно продолжая исследовательскую деятельность. В 1906 г. он был приглашен на работу в Томский университет. Этот период стал одним из наиболее плодотворных в исследовательской деятельности Н.Я. Новомбергского. После начала революции 1917 г. Н.Я. Новомбергский стал принимать активное участие в политической жизни Сибири, он поддерживал движения областников, при этом ни к одной из партий не примыкал. После создания Директории в сентябре 1918 г. Н.Я. Новомбергский был назначен на должность товарища министра туземных дел. Через некоторое время после прихода к власти А.В. Колчака Н.Я. Новомбергский подал прошение об отставке. После отставки Н.Я. Новомбергский остался в Омске, где стал одним из организаторов Омского института сельского хозяйства и промышленности, а также преподавал в Омском политехническом институте. В мае 1920 г. он стал одним из фигурантов процесса над «колчаковскими министрами» и был приговорен к лишению свободы до окончания Гражданской войны.

В 1921 г. Н.Я. Новомбергский начал работу в Сибирской краевой плановой комиссии¹. Помимо Н.Я. Новомбергского, многие важные сотрудники Сибплана также относились к категории «бывших». Цель данной публикации состоит в исторической реконструкции значения и роли его как видного деятеля науки и одновременно крупного аппаратного работника, идеолога регионального планирования в разработке идей и принципов внесения в научные исследования форм и методов планирования. При значительном интересе историков к личности и жизни Н.Я. Новомбергского как ученого и политического деятеля данная сторона его интеллектуальной деятельности остается не проясненной. Публикация базируется на отложившемся в архивном фонде Крайплана эмпирическом материале, отразившем работу институциональных структур, созданных для решения данной цели – Научно-исследовательском бюро, реорганизованном через некоторое время в Бюро по изучению производительных сил (БИПС), в организации и деятельности которых Новомбергский сыграл важнейшую роль.

Следует отметить, что вышеназванные структуры в составе плановых органов отвечали потребностям и моменту времени в масштабах страны. Фактически в это же время координированием научно-исследовательской работы на местах заинтересовались и в Центре. Весной 1926 г. из Госпланов СССР и РСФСР поступило задание в регионы о формировании внутри плановых органов отделений, фиксирующих выпущенные и выпускаемые научные работы. Это требовалось для осуществления в будущем более целенаправленной работы в сфере изучения производительных сил страны и развития плановой деятельности.

21 марта 1926 г. на заседании Президиума Крайплана Н.Я. Новомбергский сообщил о том, что в связи с подготовкой в Центре съезда по изучению производительных сил в СССР региональные плановые органы обязаны в сжатые сроки представить в Госпланы сведения о проводившихся на местах НИР, начиная с 1917 г. и заканчивая 1926 г., а также сведения о перспективах данных работ. Для обеспечения выполнения этой задачи предусматривалось образовать при органах планирования «постоянные ячейки»². После завершения организационного периода Президиум Крайплана на своем заседании 22 июня 1926 г. принял положение о новой структурной единице при Крайплане под наименованием «Научно-исследовательское бюро» (НИБ). Тогда же получил утверждение план работы нового Бюро на вторую половину 1926 г.³

Основное место в Положении о новом Бюро отводилось определению основной цели деятельности учреждения – «установлению связи между работой Крайплана и научно-исследовательской работой в Крае». Из этого вытекали следующие задачи: учет исследовательских сил; учет и согласование НИР, проводившихся в Крае силами различных организаций; постановка задач, стоящих перед Крайпланом, с привлечением к их реализации научных сил; разработка плана финансирования такого рода важных для региона НИР⁴.

Первыми практическими задачами Бюро стали сбор ретроспективной информации о прошедших за последние девять лет НИР в Крае (для выполнения директивы Госплана – составления пятилетнего плана научно-исследовательских работ) и одновременно участие

¹ Акишин М.О. Политические взгляды и государственная деятельность Н.Я. Новомбергского // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 61. С. 5–11; Андреева А.В., Самбуров Г.О., Иванов Д.В. Имя профессора Н.Я. Новомбергского в истории отечества и истории медицины // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н.А. Семашко. 2020. № 4. С. 62–67; Макаров Н.А. Историк, правовед, краевед Николай Яковлевич Новомбергский // Вестник Поморского университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2006. Спецвыпуск. С. 193–201; Соколова Ф.Х. Судьбы «старых» специалистов в 1930-х годах (на материалах европейского Севера России) // Интеллигенция и мир. 2008. № 1. С. 91–106; Тимошенко А.И. Профессор Николай Яковлевич Новомбергский. У истоков планирования социально-экономического развития Сибири // Личность в истории Сибири XVIII–XX вв. Новосибирск, 2007. С. 249–258; Фоминых С.Ф. Новомбергский Николай Яковлевич // Профессора Томского университета: биограф. словарь. Вып. 1: 1888–1917. Томск, 1996. С. 179–184; Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р-12. Оп. 2. Д. 560.

² Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р-12. Оп. 1. Д. За. Л. 99 об.

³ Там же. Л. 176.

⁴ Там же. Д. 451. Л. 20.

в подготовке и проведении 1-го краевого научно-исследовательского съезда Сибири, который состоится 15–21 декабря 1926 г. в Новосибирске. Рабочий состав Бюро представляли ведущие сотрудники Крайплана: профессора Н.Я. Новомбергский, В.Г. Болдырев, Н.Д. Тяпкин, а также введенный в состав Бюро представитель от Общества изучения Сибири Г.И. Черемных. С 15 сентября должность секретаря занял переехавший из Красноярска известный ученый-археолог Н.К. Ауэрбах. Первоначально новую организацию возглавил В.Г. Болдырев – в прошлом генерал-лейтенант российской армии, главнокомандующий войск Директории во время Гражданской войны. Таким образом, двумя ключевыми сотрудниками Бюро являлись «бывшие» деятели антибольшевистского движения.

Бюро проводило свои заседания с некоторыми перерывами, в зависимости от накопления в повестке вопросов, требовавших своего оперативно или перспективного рассмотрения, но, как правило, не реже чем раз в два месяца. Кроме того, непостоянность совещаний связывалась с тем, что НИБ было местом работы для ее членов по совместительству с основной их деятельностью в других отделах Крайплана. Сохранившиеся в делопроизводстве протоколы заседаний охватывают период с 1 июля 1926 г. до 15 ноября 1928 г., всего состоялось свыше 25 заседаний.

О начальном периоде работы Бюро дает представление первый полугодовой отчет о деятельности учреждения, охвативший период с 22 июня 1926 г. по 1 января 1927 г. Становление Бюро происходило со значительными ограничениями. С некоторым запозданием проходило формирование его отделений на местах. Только в конце ноября – начале декабря 1926 г. началась деятельность отделения в Иркутске и Томске при участии в них представителей вузов и крупных обществ, отраслевых учреждений. Бюро оперативно выявило организации и учреждения, занимающиеся НИР в Крае (по данным НИБ их было 125). После чего для выявления реально выполняемой ими работы Бюро разработало и разослало в их адрес анкету. Хотя заполнение и присылка с мест анкет затянулись, но позволили выяснить, что ряд обществ с заявленными в уставах научными задачами фактически такой работы не вели. Тем самым появилась определенная ясность в том, каков в действительности потенциал учреждений и организаций, могущих вести исследования научного характера.

Вторым направлением деятельности Бюро стала задача выявления всех научных мероприятий в виде съездов, конференций и т.д., проведенных в Крае после 1917 г., что оказалось наиболее простым. Более же сложным стал сбор информации о конкретных направлениях и результатах работы по изучению края. Обзор готовился по трем направлениям (печатные труды, неопубликованные рукописи, экспедиционные исследования). Основным затруднением в данной инвентаризации становилось то, что значительный объем НИР проводился центральными учреждениями и организациями (Академией наук, Бюро краеведения, Геолкомом и др.). Наиболее интенсивно инвентаризация прошедших в Сибкрае НИР шла в течение ноября-декабря 1926 г. в вузах Сибири, причем Томский университет и Технологический институт представили информацию по всем трем направлениям, поскольку вели упорядоченную деятельность в сфере публикаций, отчетов о работе, в том числе экспедиционной. В несколько меньшем объеме данную информацию представили иркутские и омские вузы и общества, подробный перечень с указанием почти 100 проведенных после революции экспедиций представил Сибгеолком. Как недостаток данного периода регистрационной и учетной деятельности Бюро отмечалось неполучение информации от центральных учреждений. Хорошо поставленный учет проведенных экспедиций и выпущенных работ показали оба отделения Русского географического общества (Омское и Иркутское).

В качестве важного ресурса выявлено, что в Томском университете и в Красноярске подготовлены обширные библиографические обзоры, которые, однако, не были опубликованы и требовали напечатания. В отчете указывалось, что данная ситуация могла быть оперативно разрешена, если бы Бюро обладало средствами для такого рода деятельности: «В связи с учетом научных трудов перед Бюро встал вопрос об организации работы по сибирской библиографии за годы с 1917 по 1926 г. Если Бюро имело бы средства, то представлялась бы возможность привлечь к этой работе места и в особенности такие центры, как

Иркутск, Томск, Красноярск, где находятся крупнейшие книжные собрания Сибкрая. Не располагая средствами, Бюро ограничило свои задачи составлением одного только указателя по производительным силам, причем учитывало только работы, вышедшие за годы 1923–1926 гг. <...> перенесло на карточки свыше тысячи названий отдельных изданий и статей в журналах по производительным силам»⁵. Что же касается собранных сведений о проведенных на территории Сибири экспедиций за период с 1917 по 1925 г., то с учетом данных Сибгеолкома этот перечень включал в себя около 300 наименований. При этом в отчете содержалась пометка о том, что, вероятно, перечень включает в себя лишь половину проводившихся экспедиций. Кроме того, оказалось выявлено свыше 300 неизданных рукописей научных работ⁶.

Важное значение в деятельности Бюро придавалось формированию перспективных планов НИР на будущую пятилетку. Эту работу приходилось начинать практически с нуля. Основная трудность заключалась в том, что работавшие в Сибири основные учреждения и организации занимались планированием прежде всего своей основной экономической деятельности, разрабатывая лишь планы текущего хозяйственного года, исследования прежде всего экспедиционного характера намечались далеко не всеми. Планирование в целом являлось пионерным видом деятельности, в рамках которого планирование НИР выступало еще более трудновыполнимой задачей. В итоге, несмотря на энергичную деятельность Новомбергского и Болдырева, к концу 1926 г. Бюро получило относительно пригодные для рассмотрения и обсуждения сведения только от двух окрпланов (Барнаульского и Томского) из 18, а от ведомств только от Сибземуправления и Сибсовнархоза⁷.

Об упомянутых проблемах с получением сведений от окрпланов говорилось и на заседаниях Бюро. Так, на заседании 3 ноября 1926 г. Н.К. Ауэрбах отметил «чисто формальное за некоторыми исключениями» отношение окрпланов к заданиям Бюро. Сами представители окрпланов объясняли задержки в предоставлении сведений загруженностью в работе и говорили о том, что данную работу можно поставить только при условии увеличения штатов. В дополнение к высказанному Ауэрбахом Болдырев также указал на трудности в работе самого Бюро: «О каком увеличении штата Окрпланов для нашей работы можно говорить, когда наше Сибирское бюро не оформлено <...> мы все работаем по совместительству». В связи с этим Болдырев предложил собравшимся обсудить меры для лучшего функционирования НИБ. Н.Д. Тяпкин высказался достаточно резко и вообще поставил под вопрос необходимость существования Бюро: «Если Бюро реально не может оказать какое-либо содействие делу исследования ... то непонятно, зачем существует и самое Бюро». Г.И. Черемных высказался за то, чтобы ограничить функции Бюро учетом и планированием ведомственных научных исследований, исключив таким образом из ведения Сибплана научные исследования, производимые общественными научными организациями. Болдырев не согласился с этими мнениями. Он указал на то, что общественным организациям поддержка государства необходима, поэтому Сибплан не может исключить их из своего ведения. Сама работа Бюро может быть достаточно ценной при условии оформления целей и штаба. При этом в постановлении указанного заседания также констатировалось, что самостоятельная разработка заданий в области научно-исследовательских работ, как это имеет место в Уралплане и Дальплане, НИБ Сибкрайплана невозможна без пополнения его специалистами и учеными высокой квалификации⁸.

Немало проблем в работе Бюро связывалось с взаимодействием с редакцией «Жизни Сибири», ведущего краевого журнала, с которым Бюро сотрудничало в рамках своей деятельности. Между тем необходимость в информировании широких кругов населения региона о конкретных направлениях и результатах работы Бюро становилась крайне актуальной. Так, на заседании 3 ноября 1926 г. В.Г. Болдырев отметил, что выполнение задачи

⁵ ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. За. Л. 34.

⁶ Там же. Л. 35.

⁷ Там же. Л. 36.

⁸ Там же. Д. 168. Л. 4–5 об.

сбора информации о научных исследованиях, проводимого в контакте с редакцией «Жизни Сибири», оказалось под вопросом вследствие неустойчивого ее финансового обеспечения. На заседании 7 января 1927 г. Н.Д. Тяпкин поставил вопрос о необходимости обеспечить возможность собственного издания Бюро, чтобы не зависеть от редакции «Жизни Сибири». Даже годом позднее, 20 апреля 1928 г., обсуждалось «Обращение по поводу учета и согласования полевых исследований в 1928 г.», которое было опубликовано в отделе краеведения «Сибиреведения» «Жизни Сибири». Н.Я. Новомбергский отметил, что Бюро встречает затруднения в опубликовании своих материалов. «Это обращение журнал печатает при условии снятия подписей, дополнения обязательными постановлениями Крайисполкома и т.д.»⁹. Г.А. Краснов и Н.Д. Тяпкин признали необходимым организовать собственное совместное издательство БИПСа и Общества изучения Сибири. В.Г. Болдырев отметил, что к вопросу следует подойти с большой осторожностью, однако и он отметил, что желательно отделить издание «Сибиреведения» от «Жизни Сибири». Некий средний вариант предложил Г.В. Малкин – организовать самостоятельный отдел в «Жизни Сибири». В итоге заседания Н.Я. Новомбергскому было поручено обратиться к председателю Крайплана с просьбой организовать для отдела «Краеведение» в краевом журнале специальную редакцию¹⁰.

На первом заседании Бюро в новом 1927 г. сотрудники подводили итоги начального полугодия. На нем присутствовал заместитель председателя Сибкрайплана В.А. Ветров. В ходе заседания возросший объем работы, проделанный Бюро, отметили Г.А. Краснов и Н.Д. Тяпкин, заявив о необходимости резче поставить вопрос финансирования его деятельности. На этом заседании в своем развернутом выступлении Н.Я. Новомбергский высказался о необходимости уточнения функций Бюро. Будучи сам научным деятелем, он тем не менее признал, что необходим более реалистичный и прагматический подход в деятельности Бюро и сконцентрироваться на следующих направлениях: учитывать только основные научные труды, относящиеся к изучению производительных сил, учет экспедиций в дальнейшем отпадает, остается только текущая их регистрация. Самая же главная работа Бюро, по его мнению, состоит в установлении смычки Сибплана с научными организациями «не в целях чистой науки, а в чисто практических». Новомбергский высказался и о проблемах с финансированием деятельности Бюро, говоря о необходимости ликвидации завышенных требований к НИБ: «Денег Бюро не дают, а предъявляют громадные требования и ожидают великих открытий». В итоге Бюро постановило своей приоритетной задачей сделать учет фактически произведенных и производившихся на этот момент научно-исследовательских работ в области производительных сил и ресурсов края¹¹.

Таким образом, в начале своего функционирования Бюро столкнулось с немалыми сложностями, многие из которых были связаны с новизной задач, стоявших перед данным учреждением и плановыми органами. Тем не менее работа, проделанная НИБ, имела очень большое значение. Впервые в масштабах всей Сибири был проведен учет научно-исследовательской деятельности в различных направлениях, проводившейся с 1917 г. Также начали закладываться основы для будущей работы в сфере планирования научно-исследовательской деятельности. Одним из важных итогов в отчете также признавалось установление связей с научными организациями, работающими в Сибири вне территориальной и ведомственной их принадлежности¹².

Следующий отчетный период деятельности НИБ охватил время с 1 января по 1 мая 1927 г.¹³ Главным направлением работы Бюро после проведения инвентаризации научных исследований прошлых лет становилась разработка плановых заданий в области НИР на пятилетку, хотя должна была продолжаться и работа над показателями Генплана на 15-летний срок. Однако выяснилось, что работать, не имея четких методических указаний из центральных Госпланов, союзного и республиканского, по поводу того, как выстраивать

⁹ Сибиреведение. 1928. № 3–4. С. 14–16.

¹⁰ ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 168. Л. 63–63 об.

¹¹ Там же. Л. 15–17.

¹² Там же. Д. 451. Л. 37.

¹³ Там же. Л. 39–43.

систему показателей и делать расчеты по ним, оказалось невозможным. Кроме того, эта работа зависела не только от БИПС, но и от увязки деятельности всех секций Крайплана, которые и так были перегружены своей основной работой. В итоге сложившейся неопределенности с перспективным планированием НИР Бюро сузило свою деятельность до задачи выявления, учета и координации летних научных исследований текущего, 1927 г., прежде всего экспедиционных, в масштабах Края.

В отчете Бюро данная работа характеризовалась следующим образом: «Были запрошены все научно-исследовательские учреждения Края, все те учреждения европейской части СССР, которые вели исследования в Сибкрае в прошлых годах, все ведомства. На основании полученных ответов был составлен сводный доклад о предположенных летом 1927 г. исследованиях, который был зачитан на 1-м Пленуме Совета ОИС 3–4 апреля 1927 г., как первый опыт практического подхода к согласованию научных работ в Крае»¹⁴. За данной краткой фразой скрывался итог напряженной работы Бюро, имевший действительно реальный результат и демонстрацию возможности в дальнейшем выполнять информационно-коммуникативную функцию в осуществлении НИР в регионе экспедиционными мероприятиями.

Весной 1927 г. начался новый период в деятельности Бюро. Постановлением Бюро по изучению производительных сил при Госплане РСФСР от 7 марта 1927 г. НИБы в регионах переименовывались в Бюро по изучению производительных сил (БИПС). 17 мая 1927 г. Президиум Крайплана утвердил предложенное Н.Я. Новомбергским «Положение о реорганизации»¹⁵ прежнего Бюро в Бюро по изучению производительных сил Сибирского края при Сибкрайплане. В нем более четко определялся статус БИПС: теперь оно состояло при Президиуме Крайплана на правах секции и имело своей задачей учет и планирование работ, связанных с изучением производительных сил Сибири. В своей работе Бюро могло опираться не только на ресурсы и аппарат Крайплана, но и на связи и контакты с научно-исследовательскими и отраслевыми учреждениями Края. Определялось шесть задач, возложенных на БИПС. Важнейшей среди них являлась «разработка и составление плана изучения производительных сил Сибкрая на основе рассмотрения и согласования проектов работ различных учреждений и ведомств, а также выявление результатов проведенных исследований». Среди других задач называлось содействие учреждениям, организациям и ведомствам в постановке и развертывании работ по изучению производительных сил Края, а также содействие в организации и проведении съездов и конференций по данной проблематике. Председателем Бюро был назначен Н.Я. Новомбергский, сменивший на этой должности В.Г. Болдырева, который в свою очередь стал зампреда. В состав членов вошли известные в Сибири деятели: профессора Тяпкин (ВАИ), профессор Осипов (Сибземуправление), Черемных (СибОНО), Краснов (ОИС), Малкин (СибСНХ), Поносов (Переселенческое управление), Ауэрбах (ученый секретарь). Важным пунктом в Положении стало то, чего недоставало в работе НИБ: «Содержание Бюро проводится по смете Сибкрайплана»¹⁶.

Реорганизация НИБ в БИПС нашла отражение в протоколах заседания от 15 июня 1927 г. На нем Н.Я. Новомбергский присутствовал уже в качестве председателя. Состав Бюро оказался расширен, поэтому было признано желательным создание Президиума в составе Н.Я. Новомбергского, В.Г. Болдырева, Г.И. Черемных и Н.К. Ауэрабаха¹⁷. В 1928 г. в состав Бюро также вошли представители краевого совнархоза и переселенческого управления¹⁸.

В постановлении того же заседания отмечалась необходимость создания предпосылок к составлению Генплана научно-исследовательской работы на 15 лет в рамках общей задачи перспективного планирования на период 1926–1941 гг. для всех подразделений Сибплана и ведомств¹⁹. На следующем совещании 2 июля уже был озвучен проект основных предпо-

¹⁴ ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 451. Л. 40 об.

¹⁵ Там же. Л. 50–50 об.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. Д. 168. Л. 28–29.

¹⁸ Там же. Л. 44–44 об.

¹⁹ Там же. Л. 28–29.

сылок Генплана, тезисы к плану и проект распорядка работы по составлению плана, поступившие из Центра. В то же время стало очевидно, что работать над проектированием придется в условиях сильной ограниченности в сроках и финансовых ресурсах. Можно сказать, что сотрудникам Бюро в такой ситуации приходилось отстаивать интересы своей части общего Генплана перед руководством, доказывая его принципиальную важность. В постановлении указанного заседания сотрудники Бюро отмечали исключительную важность научно-исследовательских работ в целях реконструкции народного хозяйства Края и необходимости уделить соответствующее этому место в общем Генплане. Для ускорения хода работ признавалось необходимым привлечение научных работников для проработки предоставляемых ведомствами материалов, учитывая крайне сжатые сроки, установленные Бюро по изучению естественно-производительных сил при Госплане РСФСР – представить план к 1 августа 1927 г. Понимая невыполнимость указанных сроков, Бюро определило срок его представления в Москву к 1 октября²⁰.

Другая проблема в ходе работы по составлению перспективного плана НИР вновь упиралась во взаимодействие с ведомствами. В своем совместном докладе В.Г. Болдырев и Н.К. Ауэрбах высказывали сомнения в том, что все необходимые материалы будут от них предоставлены в срок²¹. Медленное поступление материалов ведомств отмечалось Н.К. Ауэрбахом и на заседании 12 сентября²², где состоялось решение не дожидаться получения материалов с мест, а провести необходимую работу самим на том уровне информации, на каком это оказывалось возможно, используя имеющиеся материалы съезда и генплана. Запрашиваемые средства для привлечения научных работников также по-видимому предоставлены не были, так как в протоколе заседания говорится об отсутствии в распоряжении Бюро каких-либо средств для привлечения научных работников.

В контексте сказанного примечательно сообщение Н.Я. Новомбергского на заседании Бюро от 26 октября 1927 г., в котором он информировал о том, как лично представил основные предпосылки генплана научных исследований в Москве в Госплан РСФСР и СССР. По его словам, те, с кем он говорил, одобрили эту работу как соответствующую требованиям Центра. Однако официального отзыва Госпланов на тот момент еще не поступило. На том же заседании затрагивался аспект деятельности Бюро, не относящийся непосредственно к планированию. Так, СибОНО запросило мнение Бюро о принципах музейного строительства в связи с дискуссией по этому вопросу в Центре. Бюро высказалось против реорганизации музеев в исключительно политпросветительные учреждения, считая, что они должны являться ячейками для изучения производительных сил на местах. Таким образом, Бюро встало на защиту научной функции музеев²³.

Работа по подготовке данного раздела Генплана освещалась и в информационном бюллетене «Сибиреведение», созданном в 1927 г. как органе Бюро совместно с ОИС. В нем, в частности, были представлены основные направления предполагаемого плана. Приоритетное внимание уделялось работам общегеографическим и астрономо-топографо-геодезическим, геологическим, опытному делу и исследованиям леса, что, в свою очередь, предусматривало необходимость усиления действовавшей сети и развертывания в перспективе новых научно-исследовательских организаций. Отмечалась важность государственной помощи краеведческому движению и принятия мер по подготовке новых кадров. Кроме того, как и на заседаниях Бюро, в бюллетене говорилось о необходимости пополнения Бюро научными работниками и увеличении финансирования²⁴.

Варианты решения некоторых вопросов в области научно-исследовательской деятельности рождались прямо на заседаниях БИПС. Так, выступление сотрудника крайземуправления Н.П. Леонтьевского «Об организации с.х. метеорологической службы в Сибирском крае» на заседании 21 октября 1927 г. породило обсуждение об организации метсети

²⁰ ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 168. Л. 30–30 об.

²¹ Там же. Л. 31–32.

²² Там же Л. 35.

²³ Там же. Л. 40–40 об.

²⁴ Сибиреведение. 1927. № 8–10. С. 2–3.

в масштабах Края²⁵. Прения по данной проблеме продолжились на заседании 2 ноября. Как отметил проф. И.И. Осипов, доклад Н.П. Леонтьевского освещал узкую проблему. Однако из доклада стало известно, что метслужба, ведущаяся в Крае различными ведомствами, не имеет единой организации: «Работу по метстети надо объединить, иначе будут иметь место такие факты, когда одно ведомство строит станцию повышенного типа на одном берегу реки, а другое ведомство в том же городе, но на другом берегу реки тоже строит станцию, да еще обсерваторного типа». В поддержку создания для Сибирского края единого центра, связующего метеорологические учреждения всех ведомств, в ходе прений высказывался Н.Я. Новомбергский. Более осторожно высказался В.Г. Болдырев: «Если наше решение об объединении всей метслужбы края при СибЗУ окончательное и предопределяет фактическое решение вопроса – нам надо подождать выносить резолюцию с такой категоричностью, какая имеется в проекте резолюции». В итоге заседание постановило: «Признать необходимым в самый краткий срок образовать в Новосибирске краевое учреждение, долженствующее объединить работу по практическим метнаблюдениям различных ведомств»²⁶.

К обсуждению вновь вернулись на заседании 21 июня 1928 г. На нем Н.П. Леонтьевский выступил с докладом «Об объединении метсети Сибкрая», чем вызвал очередную полемику. В частности, представитель Районного переселенческого управления (РПУ) В.Н. Поносов в противовес докладчику заявил, что «время для объединения всей метсети еще не наступило». В то же время самым активным сторонником объединения вновь выступил Н.Я. Новомбергский. Он уточнил, что речь не шла о том, чтобы технически объединить всю метсеть Края, а необходимо, чтобы наблюдения метсети различными ведомствами велись по общим показателям и по одному методу, а сведения предоставлялись в единый центр. В итоге обсуждения было принято следующее постановление: «2. Предложить Метбюро СибкрайЗУ представить к 1 июля конкретный план объединения при Метбюро метсети края в части обработки и издания общих для всех метстанций наблюдений, а также сметные предположения и проект штата Бюро. 3. После проработки этих материалов Метбюро созвать междуведомственное совещание для окончательного выяснения точки зрения ведомств на вопрос об объединении»²⁷.

Более конкретно деятельность БИПС отражает информация годового отчета за период с 1 мая 1927 г. по 1 мая 1928 г. В течение года состоялось 12 заседаний Бюро, помимо этого было организовано 18 различных совещаний, посвященных экспедиционным работам, картографии, химизации, лесохимической промышленности, проведению геодезических работ и др. Отмечалось, что Бюро удалось наладить постоянно действующие связи с краевыми учреждениями. В качестве недостатка указывалось отсутствие устойчивых контактов с центральными учреждениями. Более продуктивной установилась связь по ведомственной линии с Госпланом РСФСР и БИПСом при нем. Другим слабым местом называлась невозможность создать и наладить работу отделов БИПС в окрпланах. Только весной 1928 г. в окрпланах появилась функция учета экспедиций, проводившихся на территории округов.

Среди достижений в работе Бюро указывалось осуществление под его эгидой впервые в масштабах Сибири учета и согласования между ведомствами проведения летних полевых экспедиционных работ: «В процессе всей этой работы было проведено более ста согласований, и, что особенно ценно, увязаны как исследования ведомств, так и научно-краеведческих организаций, причем в основу плана полевых исследований научных организаций были положены основные предпосылки генплана народного хозяйства Края. Благодаря связи с Академией наук и ЦБК удалось своевременно получить сведения и об исследованиях Центра...». В результате учета и согласования полевых исследований 1927 г. БИПС совместно с ОИС сделало сводку исследований 1927 г., опубликованную в № 1–2 журнала «Жизнь Сибири» за 1928 г. и «Сибиреведении» (№ 3–4). Эта сводка охватила 183 работы²⁸.

²⁵ ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 168. Л. 36–38.

²⁶ Там же. Л. 41–43 об.

²⁷ Там же. Л. 71 об. – 73.

²⁸ Там же. Л. 45 об.

В процентном отношении работы сибирских учреждений и организаций составляли 75 %, остальные приходились на экспедиции Центра. По источникам финансирования краевые ведомственные организации (Сибгеолком, КрайСНХ, Сибземуправление, переселенческое управление) проводили работы на бюджетные государственные средства, затратив на них в 1927 г. сумму почти в 500 тыс. руб. По сравнению с ними местным краевым организациям по смете Крайисполкома на экспедиции выделялась скромная сумма в 15 тыс. руб. Данные свидетельствовали о том, что местный сибирский бюджет занимал в финансировании экспедиционных работ крайне незначительную сумму²⁹. Очень важное значение данному направлению работ придавал Сибкрайисполком, выпустивший 7 сентября 1927 г. специальное постановление «О предоставлении Крайплану отчетов о результатах научных исследований Сибкрая»³⁰.

Так как в 1927 г. уже был накоплен опыт по учету и координации экспедиций, аналогичная работа в первой половине 1928 г. проходила более организованно. Произошел положительный сдвиг в информировании Центра о работах в Сибири: «К 1 мая у БИПС было зарегистрировано 200 экспедиций. Предварительные данные о местных исследованиях были в мае сообщены Госплану РСФСР и ЦБК. Кроме того, все окружные плановые и краеведческие организации в мае извещены о направлявшихся в их район экспедициях... По примеру прошлого года предварительные данные об экспедициях 1928 г. были опубликованы. Кроме того, был опубликован список ВУЗов, научных и краеведческих организаций края»³¹.

Среди важных работ, инициированных БИПСом, следует отметить проведение 23–24 декабря 1927 г. картографического совещания, которым руководил В.Г. Болдырев. В нем приняли участие более 10 учреждений, чья деятельность связана с картографией. Практическим результатом стало решение о необходимости организации при Крайплане специальной картографической секции. Однако реализация данного решения в дальнейшем зависела от выделения на это средств из бюджета.

Необходимо отметить также, что БИПС не только содействовало реализации поставленных задач, но и выдвигало собственные инициативы. Так, БИПС оперативно откликнулось на обсуждение на всесоюзном уровне проблем развития химизации страны, став одним из организаторов проведения краевого совещания по химизации, в результате которого была подготовлена записка в Крайисполком и в Комиссию по химизации страны. На одном из заседаний Бюро был принят проект обращения в данные органы, а Н.Я. Новомбергскому поручалось договориться о времени приема делегации у председателя Крайисполкома, определен состав делегации³². Сама записка, в которой говорилось о необходимости использования достижений химии для развития Сибири, оперативно публиковалась в бюллетене «Сибиреведение»³³.

После реорганизации в 1927 г. Бюро под руководством Н.Я. Новомбергского от учета научно-исследовательской работы, проделанной ранее, опять же впервые в масштабах всей Сибири, перешло к регистрации исследований, производящихся в настоящее время. БИПС также продолжало налаживать связи между научными учреждениями, проводя межведомственные совещания по специализированным проблемам. Осуществляя такого рода пошаговые действия, Бюро приступило к разработке планирования научно-исследовательской деятельности в регионе.

Однако, несмотря на значительные масштабы и значимость проделанной ранее работы, Бюро не хотело ограничиваться только функцией регистрации научных исследований, в его планы входило расширение поля своей деятельности. Это нашло отражение в докладе Н.Я. Новомбергского, который Бюро приняло и внесло в Президиум Сибкрайплана на своем заседании от 20 июля 1928 г.³⁴ Данный доклад стал своеобразным подведением итогов всей

²⁹ Сибиреведение. 1928. № 3–4. С. 4–7.

³⁰ Там же. С. 14.

³¹ ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 451. Л. 46.

³² Там же. Л. 54.

³³ Сибиреведение. 1928. № 3–4. С. 1–3.

³⁴ ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 168. Л. 78.

деятельности Бюро. В нем отмечалось, что БИПС блестяще справилось с задачей учета и согласования экспедиций: «Ни в одном районе Союза это дело не поставлено так хорошо, как в Сибкрае». И это при том, что за время своего существования Бюро не имело средств для оплаты специальных заданий. Штат фактически состоял из одного сотрудника, так как все остальные члены БИПСа работают по совместительству «и несут свои обязанности в порядке общественного долга».

Далее Н.Я. Новомбергский говорит о том, что отчеты обо всех наиболее крупных проводимых на территории края исследованиях, после заключения специалистов, должны подвергаться обсуждению в БИПСе, для чего Бюро необходимо обеспечить временное привлечение дополнительных специалистов не только местных, но и из Центра. Средства, необходимые Бюро для привлечения консультантов, он определял в 10 000 рублей. Помимо этого, Н.Я. Новомбергский также предлагает увеличить финансирование публикаций результатов текущей научной деятельности, а также обзоров исследований за прошлые годы. Всего сумма, запрошенная на усиление работы БИПСа, была определена в 29 400 рублей. В заключение доклада он утверждал, что только при условии увеличения финансирования БИПС сможет выйти из состояния «хорошего ЗАГСа» научных исследований³⁵.

На необходимость увеличения затрат на науку в целом в контексте политики индустриализации Н.Я. Новомбергский обращал внимание в статье «Об условиях развития научно-исследовательских работ в Сибкрае» в номере бюллетеня «Сибиреведение» за это же время³⁶. В ней Николай Яковлевич не раз ссылается на партийные постановления и высказывания государственных деятелей, указывающие на важность развития науки, желая таким образом подкрепить свою позицию. Он отмечает, что осуществление высоких темпов хозяйственного развития может сорваться из-за недостатка квалифицированных специалистов. Кадры специалистов и развертывание научно-исследовательских работ должны пополняться за счет научно-исследовательских институтов и фабрично-заводских лабораторий. Положение научно-исследовательской работы в Сибири намного хуже, чем в целом по Союзу, следовательно, необходимы меры форсирования научной работы в регионе. Здесь же Н.Я. Новомбергский кратко охарактеризовал задачи БИПС и объемы проделанной им работы, подчеркнув вновь необходимость материального обеспечения и кадрового пополнения Бюро. Так же как в докладе, он говорит о том, что темп развертывания научных изысканий обязывает БИПС выйти из «положения научно-исследовательского ЗАГСа». В завершение своей публикации Н.Я. Новомбергский высказывается о ряде мер, необходимых для развития науки в Сибири: организация новых вузов; расширение сети сибирских музеев как ячеек по изучению производительных сил на местах; государственная помощь краеведческому движению и т.д.

Важность видения Николаем Яковлевичем состояния и перспектив развития научно-координационной деятельности научных работ в Сибири и определения места и значения органов планирования в данной сфере тем более необходимо отметить в контексте того, что вскоре произошло. Осенью 1928 г. из состава Крайплана были выведены и сняты со своих постов организаторы БИПС Н.Я. Новомбергский и В.Г. Болдырев. Хотя формальным основанием для такого решения служило объявление обоих лицами, лишенными избирательных прав, которым, согласно такому дискриминационному статусу, запрещалось занимать ответственные должности в государственных учреждениях, но в реальности за этим стояла радикальная смена партийного курса в отношении так называемых буржуазных специалистов после проведения летом того же года Шахтинского политического судебного процесса. В документации Крайплана пока не найдено документов о дальнейшем существовании Бюро. Тем не менее бюллетень «Сибиреведение» продолжал выходить по-прежнему под эгидой не только ОИСа, но и БИПСа вплоть до прекращения его выпуска весной 1930 г. В самих материалах Бюллетеня нет упоминаний о том, кто возглавлял Бюро после отставки

³⁵ ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 168. Л. 79–79 об.

³⁶ Новомбергский Н.Я. Об условиях развития научно-исследовательских работ в Сибкрае // Сибиреведение. 1928. № 7. С. 1–5.

прежних его руководителей. Тем не менее в «Сибиреведении» воспроизводились подходы и структура фиксации и обработки данных о проводимых НИР в Сибкрае в 1929 г. по образцу того, как это делалось в 1927–1928 гг. Следовательно, сформулированные в процессе первых лет работы Бюро и скорректированные практикой подходы и методы, нацеленные на поэтапное включение в сферу планирования областей научной деятельности, связанных с процессами экономического развития Сибири, подтвердили свою правомерность и значимость.

Личность и деятельность Николая Яковлевича Новомбергского устойчиво привлекала к себе внимание не только его современников (хотя и в самых противоположных коннотациях, начиная от оценок коллег в научных кругах до формулировок приговоров в постреволюционных охранительных структурах), но и интерес к его интеллектуальному наследию нынешних историков и специалистов в ряде отраслей знания, включая правоведов, медиков, экономистов и др. Разнообразие интересов ученого в сочетании со стремлением разработки научного видения сложнейших вопросов социально-экономического, политического и культурного развития Сибири вероятно в наибольшей степени реализовалась в период его восьмилетней деятельности в 1920-е гг. в роли одного из руководителей регионального органа планирования (Сиб(край)плана) и главного идеолога и руководителя разработки первых перспективных планов развития Сибири. В дискуссиях экономистов о методах планирования Новомбергский разделял взгляды идеологов генетического планирования, основанного на разработке плановых траекторий роста, исходя из потенциала наличной, существующей экономической основы. Аналогичным являлся и его подход к реализации задачи распространения принципов планирования на сферу научных исследований: начинать с выявления уже накопленного ранее и существовавшего к середине 1920-х гг. научного знания о Сибирском регионе.

Благодаря созданным под началом Н.Я. Новомбергского с участием другого видного деятеля и ученого В.Г. Болдырева таким новым организационным структурам в составе Крайплана, как Научно-исследовательское бюро, реорганизованное в Бюро по изучению производительных сил, удалось за трехлетний срок пройти стадию своего рода протопланирования (сбор и учет информации о прошлых научных работах в регионе) и упорядочить сведения о текущих экспедиционных работах на территории Сибири, создав первичную основу для включения раздела о научных исследованиях в общерегиональные перспективные планы на пятилетку и более длительные сроки. Незавершенность данной работы, оставшейся на стадии прогноза, не умаляет масштабов сделанного Н.Я. Новомбергским и его коллегами по Бюро в области «онаучивания» перспективного планирования социально-экономических процессов в Сибири.

В данном контексте очень большое значение имеет мысль Н.Я. Новомбергского, высказанная им в одном из номеров «Сибиреведения» за 1928 г., и особенно символично это звучит, учитывая, что статья написана в самом начале осуществления политики форсированной индустриализации: «Предстоящее развитие научно-исследовательской работы потребует средств. Затрата их будет самой лучшей формой экономии. Иначе научно-исследовательская работа не получит планового развития, миллионы народных денег будут израсходованы расточительно. Иначе директива XV партсъезда о реконструкции хозяйства на научной базе останется невыполненной»³⁷.

Литература

Акишин М.О. Политические взгляды и государственная деятельность Н.Я. Новомбергского // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 61. С. 5–11.

Андреева А.В., Самбуров Г.О., Иванов Д.В. Имя профессора Н.Я. Новомбергского в истории отечества и истории медицины // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н.А. Семашко. 2020. № 4. С. 62–67.

³⁷ Новомбергский Н.Я. Об условиях развития научно-исследовательских работ в Сибкрае... С. 1–5.

Макаров Н.А. Историк, правовед, краевед Николай Яковлевич Новомбергский // Вестник Поморского университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2006. Спецвыпуск. С. 193–201.

Соколова Ф.Х. Судьбы «старых» специалистов в 1930-х годах (на материалах Европейского Севера России) // Интеллигенция и мир. 2008. № 1. С. 91–106.

Тимошенко А.И. Профессор Николай Яковлевич Новомбергский. У истоков планирования социально-экономического развития Сибири // Личность в истории Сибири XVIII–XX вв. Новосибирск, 2007. С. 249–258.

Фоминых С.Ф. Новомбергский Николай Яковлевич // Профессора Томского университета: биограф. словарь. Вып. 1: 1888–1917 / авт.-сост. С.Ф. Фоминых, С.А. Некрылов и др. Томск, 1996. С. 179–184.

References

Akishin, M.O. (2019). Politicheskie vzglyady i gosudarstvennaya deyatel'nost' N.Ya. Novombergskogo [Political Views and Government Activities of N.Ya. Novombergsky]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. No. 61, pp. 5–11.

Andreeva, A.V., Samburov, G.O., Ivanov, D.V. (2020). Imya professora N.Ya Novombergskogo v istorii otechestva i istorii meditsiny [The Name of Professor N.Ya Novombergsky in the History of the Fatherland and the History of Medicine]. In *Byulleten' Natsional'nogo nauchno-issledovatel'skogo instituta obshchestvennogo zdorov'ya imeni N.A. Semashko*. No. 4, pp. 62–67.

Fominyh, S.F. (1996). Novombergskiy Nikolay Yakovlevich. In *Professora Tomskogo universiteta: biogr. slovar'*. Iss. 1: 1888–1917. Tomsk, pp. 179–184.

Makarov, N.A. (2006). Istorik, pravoved, kraeved Nikolay Yakovlevich Novombergskiy [Historian, Jurist, Local Historian Nikolai Yakovlevich Novombergsky]. In *Vestnik Pomorskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. Special Issue, pp. 193–201.

Sokolova, F.H. (2008). Sud'by “starykh” spetsialistov v 1930-kh godakh (na materialakh Evropeyskogo Severa Rossii) [The Fate of the “Old” Specialists in the 1930s (Based on the Materials of the European North of Russia)]. In *Intelligentsiya i mir*. No. 1, pp. 91–106.

Timoshenko, A.I. (2007). Professor Nikolay Yakovlevich Novombergskiy. U istokov planirovaniya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri [Professor Nikolai Yakovlevich Novombergsky. At the Origins of Planning the Socio-Economic Development of Siberia]. In *Lichnost' v istorii Sibiri XVIII–XX vv.* Novosibirsk, pp. 249–258.

И.А. Крайнева*

**АКАДЕМИК АНДРЕЙ ЕРШОВ:
«ОТ КОМПЬЮТЕРНОЙ ГРАМОТНОСТИ УЧАЩИХСЯ
К ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ОБЩЕСТВА»**doi:10.31518/2618-9100-2025-1-16
УДК 372,8*Выходные данные для цитирования:
Крайнева И.А. Академик Андрей Ершов: «От компьютерной грамотности
учащихся к информационной культуре общества» // Исторический курьер. 2025.
№ 1 (39). С. 233–249. URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-1-16.pdf>*

I.A. Krayneva*

**ACADEMICIAN ANDREY ERSHOV:
“FROM STUDENTS’ COMPUTER LITERACY
TO THE INFORMATION CULTURE OF SOCIETY”**

doi:10.31518/2618-9100-2025-1-16

*How to cite:
Krayneva I.A. Academician Andrey Ershov: “From Students’ Computer Literacy
to the Information Culture of Society” // Historical Courier, 2025, No. 1 (39),
pp. 233–249. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-1-16.pdf>]*

Abstract. The Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences gave birth to a number of educational initiatives. The most prominent among them include the School of Physics and Mathematics and Summer School of Young Programmers, which are focused on the development of the national scientific and engineering clusters. The article dwells on the cultural and socio-political context, which dictated the adoption of appropriate decisions at the government level in the field of social engineering, and on the implementation of these decisions in the USSR. From the outset, the Soviet regime was concerned with the social problem of creating a “new” person. This was an ideal type of a conscious, organized and happy personality – the builder of a communist society. Education was given great importance in achieving this goal. Let us recall Lenin’s “study, study, and study”. In general, education was supposed to solve not only the problems of cognitive development, but also meet the political, ideological and economical demands of the authorities. If the Moral Code of the Builder of Communism (1961) focused on the moral principles in the life of society, in the late Soviet period the challenges of the emerging post-industrial society it came to the fore. During perestroika, there was a need to reform Soviet education based on computerization. The inspirer and executor of the reform, Academician A.P. Ershov firmly believed that the socialist USSR would successfully cope with the school reform. He saw the renewed Soviet society as an information society. Ershov proposed the concept of the infosphere – a global infrastructure of electronic means of storing, processing and transmitting information. The concept of an “information society person” is expressed by A.P. Ershov’s thesis “Programming is the second literacy”. It has been found that, similarly to other countries, the initiative came from the bottom up, but the informatization of education, like other forms of its development, took the form of a national program with the support of the authorities. The national program for education informatization was implemented in 1984–1988 basing on experimental work with schoolchildren and its theoretical generalization carried out by the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences.

Keywords: academician A.P. Ershov, computer literacy, national program of education informatization, infosphere, history of science and education.

* **Ирина Александровна Крайнева**, доктор исторических наук, Институт систем информатики им. А.П. Ершова Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: cora@iis.nsk.su
Irina Aleksandrovna Krayneva, Doctor of Historical Sciences, A.P. Ershov Institute of Informatics Systems of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: cora@iis.nsk.su

The article has been received by the editor on 05.09.2024. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Сибирское отделение АН СССР стало колыбелью ряда образовательных инициатив. Наиболее известными среди них являются Физико-математическая школа и Летняя школа юных программистов, деятельность которых направлена на развитие национальных научно-технических кластеров. В статье акцентировано внимание на культурном и социально-политическом контексте, который диктовал принятие соответствующих решений на уровне правительства в области социальной инженерии и их исполнение в СССР. Советская власть с момента формирования была озабочена социальной проблемой – созданием «нового» человека. Это был идеальный тип сознательной, организованной и счастливой личности – строителя коммунистического общества. Образованию в этом процессе придавалось важное значение. Вспомним ленинское «учиться, учиться, и учиться». В целом образование должно было решать не только задачи когнитивного развития, но и отвечать политико-идеологическим и экономическим запросам власти. Если «Моральный кодекс строителя коммунизма» (1961) акцентировал внимание на нравственных началах в жизни социума, то в позднесоветский период нужно было реагировать на вызовы формирующегося постиндустриального общества. В период перестройки возникла потребность реформировать советское образование на основе компьютеризации. Вдохновитель и исполнитель реформы академик А.П. Ершов твердо верил в то, что социалистический СССР успешно справится со школьной реформой. Он видел обновленное советское общество как информационное. Ершов предложил концепцию инфосферы – глобальной инфраструктуры электронных средств хранения, обработки и передачи информации. Представление о человеке информационного общества выражено тезисом А.П. Ершова «Программирование – вторая грамотность». Выявлено, что, как и в других странах, инициатива шла снизу, но информатизация образования, как и другие формы его развития, получила вид национальной программы с поддержкой властей. Реализация национальной программы информатизации образования осуществлена в 1984–1988 гг. на основе экспериментальной работы со школьниками и ее теоретического обобщения в Сибирском отделении АН СССР.

Ключевые слова: академик А.П. Ершов, компьютерная грамотность, национальная программа информатизации образования, инфосфера, история науки и образования.

Статья поступила в редакцию 05.09.2024 г.

Не секрет, что важные социальные, экономические и технические решения в СССР принимались на самом высоком уровне. Нередки случаи, когда главным заинтересованным агентом этих решений выступал советский военно-промышленный комплекс. Так было с ЭВМ. Появившись по внутренней логике развития в послевоенный период, цифровая вычислительная техника получила импульс из советского атомного проекта в период пика «холодной войны»¹. Что касается образования, то среди первых в этом ряду стоит знаменитый Физтех (1946). Директор новосибирской ФМШ Н.Н. Яворский говорил о физико-математических школах в 1960-е гг.: «Нас породил военно-промышленный комплекс», имея в виду вклад ВПК в формирование научной элиты². Сотрудник отдела программирования ВЦ СО АН Л.В. Городня помнит о том, что в начале 1980-х гг. институт посетили военные,

¹ Краунева И., Пивоваров Н., Шилов В. Soviet Computing: Development Impulses // 2017 Fourth International Conference on Computer Technology in Russia and in the Former Soviet Union (SoRuCom). Selected papers. 2017. P. 13–22.

² Горюхина Э. Научить хотеть узнать [Электронный ресурс] // Новая газета. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2013/12/14/57681-nauchit-hotet-uznat> (дата обращения: 12.08.2024).

которых заинтересовал опыт ВЦ по работе со школьниками в области обучения программированию: ВПК нуждался в соответствующих специалистах, получивших компетенции со школьной скамьи. Выходя за пределы статьи, все-таки следует сказать, что компьютеры и программирование стали не только детищем времен «холодной войны», но и сыграли роль в ее окончании. В общих чертах – они сделали мир более открытым³.

Начало процессу компьютеризации как социальной программы в СССР положил педагогический эксперимент по ознакомлению школьников с ЭВМ и обучению программированию практически с момента появления самого программирования там, где открывались вычислительные центры – с одной стороны, и появлялись педагоги-энтузиасты в лице школьных учителей и практиков-программистов – с другой. В данном контексте деятельность Отдела программирования А.П. Ершова (ВЦ СО АН СССР) уложилась в три периода:

1961–1976 – экспериментальная работа, организация Совета по проблемам образования при Президиуме СО АН СССР и семинара «ЭВМ и учебный процесс»;

1976–1984 – зарождение Летних школ юных программистов (ЛШЮП), заочной школы программирования в «Кванте», на их основе – подготовка генерации специалистов, способных выполнять проекты по математическому обеспечению ЭВМ. Этот период ознаменовался созданием концепции информатизации образования и создания инструментария обучения;

1984–1990 – компьютеризация образования стала государственной программой. Смещением акцентов с преподавания основ информатики как программирования на пользовательский уровень в начале 1990-х гг. можно считать этот период завершенным.

В Институт математики с вычислительным центром СО АН СССР школьники пришли уже в ноябре 1961 г. А.П. Ершов в своем дневнике записал: «Дал им программу получения плоских графов и раскраски их путем выделения тетраэдров»⁴. Сотрудники отдела программирования организовали факультативы по программированию в нескольких школах Новосибирска. А.С. Нариньяни в 1964 г. работал в одной из школ Первомайского района г. Новосибирска, позднее А.А. Берс – в школе № 10 Центрального района. В 1964 г. при Президиуме СО АН СССР был создан Совет по проблемам образования под председательством физика члена-корреспондента АН СССР Д.В. Ширкова. А.П. Ершов (рис. 1) являлся председателем

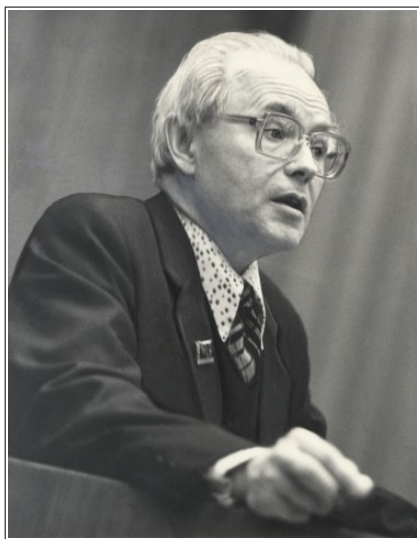

Рис. 1. Одно из многочисленных выступлений А.П. Ершова по вопросам информатизации образования (1982)

комиссии по экспериментальным классам с углубленным изучением физики и математики,⁵ которые организовали в средней школе № 130 новосибирского Академгородка. В начале 1970-х гг. специализацию по информатике в школе № 130 проводили старшие инженеры ВЦ В.Ф. Меньшиков и Г.А. Плотникова. В 1974 г. из г. Горького в Новосибирск переехал Ю.А. Первин, он организовал уроки программирования в начальных классах школ № 130 и № 162. С.К. Кожухина вела кружок программирования на ВЦ для школьников средних классов. Организационно оформилась общественная лаборатория проектирования прикладных систем при Вычислительном центре СО АН СССР, где было опробовано несколько учебных программ, базирующихся на различных алгоритмических языках.

В это время еще не шла речь о введении информатики в качестве школьного предмета. Как складывалось обучение программированию и вычислительной математике в вузах в начальный период появления ЭВМ, мы рассмотрели ранее⁶.

³ Skinner R.E. Out of the Closed World: how the Computer Revolution helped to End the Cold War. US Berkely. 2013.

⁴ Архив академика А.П. Ершова. П. 35. Л. 124 [Электронный ресурс]. URL: <https://ershov.iis.nsk.su/ru/folders> (дата обращения: 12.08.2024).

⁵ Там же. П. 427. Л. 37.

⁶ Крайнева И.А., Пивоваров Н.Ю., Шилов В.В. Советская вычислительная техника в контексте экономики, образования и идеологии (конец 1940-х – середина 1950-х гг.) // Идеи и идеалы. 2016. Т. 1, № 4. С. 135–155.

Напомним, что в 1949 г. в рамках программы усиления обороноспособности страны постановлением Правительства СССР открылась кафедра вычислительной математики в МГУ (заведующий проф. Б.М. Щиголев, затем академик С.Л. Соболев). В 1970 г. постановлением Правительства СССР о целевой подготовке специалистов в области численных методов, математического моделирования и программного обеспечения на базе этой кафедры и ВЦ МГУ создан факультет вычислительной математики и кибернетики – ВМК МГУ. Подобные факультеты открылись и в других вузах. Этому событию предшествовало исследование и заключение «Об уровне математического обеспечения ЭВМ» экспертной группы Межведомственной научно-технической комиссии по математическому обеспечению ЭВМ ГКНТ СМ СССР во главе с д-ром. физ.-мат. наук А.П. Ершовым, созданной в 1966 г.⁷ В состав экспертов вошли представители академической науки, вузов и ВПК. Они предложили создать специальный вуз, а в качестве срочной меры ввести специализацию по вычислительной математике на кафедрах нескольких вузов⁸.

В начале 1970-х в Новосибирске сформировалась инициативная группа по проблемам использования ЭВМ в народном образовании. Ее научным руководителем стал А.П. Ершов. Группа начала свою работу в рамках объединенного семинара «ЭВМ и учебный процесс»⁹. Ее положение несколько упрочилось с воссозданием в 1977 г. при Президиуме СО АН СССР Научного совета по проблемам образования¹⁰. Участники семинара, в числе которых были канд. техн. наук Л.Б. Эфрос (НФ ИТМиВТ), канд. пед. наук С.И. Литерат (школа № 130), ставили его задачи в области исследований по использованию вычислительной техники в учебном процессе, оказанию методической помощи школе, организовывали экскурсии в ВЦ.

В 1976 г. А.П. Ершов возглавил отдел информатики, а внутри отдела – лабораторию экспериментальной информатики. Здесь сложилось научное направление, связанное с исследованием проблем применения ЭВМ в школьном учебном процессе, – *школьная информатика* (ШИ). Эта работа в течение времени объединила таких исследователей, как Ю.А. Первин, Г.А. Звенигородский, Н.А. Юнерман, Н.А. Садовская, Л.В. Городняя, А.А. Берс и др. В дальнейшем работа шла по нескольким направлениям: организация Летних (ЛШЮП) и заочной школы юных программистов, создание концепции информатизации образования, разработка пакета прикладных программ «Школьница» с привлечением студентов НГУ и школьников – учащихся ЛШЮП.

Одновременно А.П. Ершов познакомился с опытом харьковчан, где инженер Г.А. Звенигородский вел работу по обучению детей основам программирования в городском Доме пионеров. Школьники из Новосибирска, занимающиеся программированием, побывали в Харькове. Затем в июне 1976 г. новосибирцы организовали 10-дневный слет юных кибернетиков Харькова, Барнаула и Новосибирска.

В 1977 г. Ершов пригласил Звенигородского на работу в Вычислительный центр в Новосибирск. Тогда же был сделан первый набор в Летнюю школу юных программистов, куда приехало более 70 школьников в возрасте 10–15 лет. В программе ЛШЮП-77 были встречи по интересам, состоялись экскурсии по институтам Академгородка, в Клуб юных техников, физико-математическую школу, университет. Центральным событием стали пять дней работы на терминалах Вычислительного центра СО АН СССР и встречи с ведущими программистами (рис. 2).

Летние школы юных программистов – самое яркое и эффективное звено запущенного А.П. Ершовым механизма распространения и популяризации информатики. ЛШЮП способствовали развитию системы отбора способной молодежи на территории Сибири, Дальнего Востока и Казахстана, апробированной при организации физико-математических школ.

⁷ Архив академика А.П. Ершова. П. 298. Л. 1–45.

⁸ Там же. Л. 3–4, 37.

⁹ Там же. П. 244. Л. 115.

¹⁰ Совет по проблемам образования при Президиуме СО АН СССР существовал с 1964 г. Воссоздан постановлением № 227 Президиума СО АН СССР от 10.05.1977. Председатель – академик В.А. Коптюг. А.П. Ершов – руководитель группы по применению ЭВМ в школе. Материалы семинара см.: Архив академика А.П. Ершова [Электронный ресурс]. URL: https://ershov.iis.nsk.su/ru/archive/subgroup?nid=763289&nid_1=763289 (дата обращения: 12.08.2024).

Начавшись как относительно локальное явление, Летние школы постепенно расширили свою географию. В 1979 г. оргкомитет 4-й ЛШЮП обратился в Президиум СО АН с предложением организовать командировки членов Оргкомитета по тем районам Сибири и Дальнего Востока, которые не были представлены ранее. Поиски юных талантов охватили нефтепромысловые, горнорудные и промышленные районы Западной Сибири и Крайнего Севера (Тюмень, Сургут, Нижневартовск, Салехард, Игарка, Норильск), промышленные и научные центры Западной и Восточной Сибири (Омск, Кемерово, Новокузнецк, Ачинск, Томск, Анадырь, Петропавловск-Камчатский, Магадан, Мирный, Нерюнгри).

Рис. 2. Г.А. Звенигородский демонстрирует школьникам работу графопостроителя. ВЦ СО АН СССР, 1982 г.

Популярность ЛШЮП росла, в 1980 г. она получила статус Всесоюзной, каждое лето собирая по 200 учащихся со всего Союза. Начиная с 1982 г. для участия в ЛШЮП приезжали школьники из социалистических стран: Болгарии, Чехословакии, Венгрии, Германии, Польши, а также из Голландии. В 1987 г. с лекцией на тему «Достижения и перспективы искусственного интеллекта» в школе выступил директор Лаборатории искусственного интеллекта Стэндфордского университета Дж. Маккарти (рис. 3).

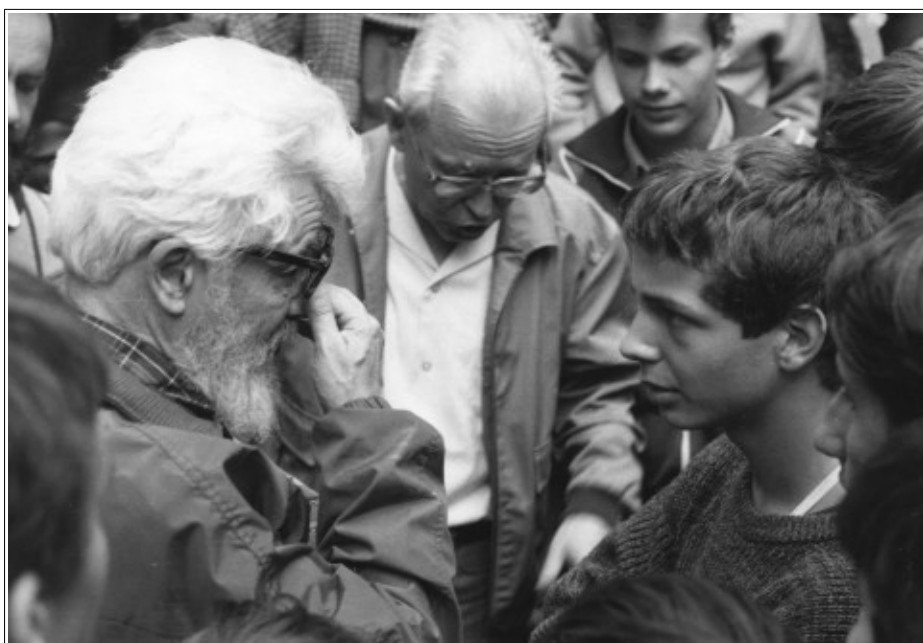

Рис. 3. Дж. Маккарти и А.П. Ершов среди учеников ЛШЮП-1987

Для всех участников летних школ были свои положительные моменты: школьники получали возможность впервые увидеть ЭВМ и поработать на ней, педагоги – совершенствовать методику учебного применения ЭВМ, программисты могли вместе со школьниками опробовать свои замыслы, испытать новую технику, ученые получали благодарную аудиторию для популярного изложения своих идей¹¹.

За десятилетия существования ЛШЮП сложились определенные традиции в программе работы. В небольших группах («мастерских») под руководством опытных программистов-практиков (мастеров) школьники работают над оригинальными проектами, параллельно осваивая новый инструментарий, современные технологии и приобретая опыт работы в команде. Задача мастера – не только научить, но и создать обстановку, в которой каждый участник проекта может развиваться сообразно своим интересам, возможностям и стартовому уровню. В числе направлений – методы системного программирования, аппаратное программирование, web-технологии, компьютерная графика, искусственный интеллект, математическая обработка информации, разработка сетевых игр и обучающих систем. В последние годы интерес вызывают такие проекты, как разработка системы ведения терминологического словаря по программированию, создание драйверов Linux, 3D-графика, недоопределенные модели, система автоматического тестирования, система разнородных данных. Частью больших проектов стало клиент-серверное программирование, разработка приложений для мобильных устройств. В свое время были отмечены высоким научным уровнем мастерские «Генетические алгоритмы» по разработке микроэлектроники и др. (рис. 4). Важным звеном работы школы являются лекционные курсы по различным направлениям науки в исполнении ученых СО АН/РАН.

Рис. 4. Ю. Панчул, микроархитектор и проектировщик цифровых микросхем, ведет мастерскую по микроэлектронике. ЛШЮП-2017

Сейчас набор в ЛШЮП проходит в форме собеседования, претендентам помогает их школьная подготовка, собственный интерес и доступность техники. В 1979 г., чтобы помочь школьникам разобраться в новой области деятельности, Н.А. Юнерман (ВЦ СО АН) развер-

¹¹ Городняя Л.В, Крайнева И.А. Школа юных программистов // Энциклопедия «Новосибирск». Новосибирск, 2003. С. 978–979.

После безвременной кончины А.П. Ершова в декабре 1988 г. Школы юных программистов не прекратили своего существования. В 1992 г. из-под крыла ВЦ СО АН СССР они перешли в ведение Высшего колледжа информатики НГУ. В 2001 г. Институт систем информатики СО РАН по инициативе его директора д-ра физ.-мат. наук А.Г. Марчука восстановил прежние традиции и при поддержке Президиума СО РАН и ряда IT-компаний продолжил проведение ЛШЮП, которые теперь носят имя академика А.П. Ершова.

нула заочную школу юных программистов на страницах журнала «Квант». Ее лучшие ученики приглашались в новосибирский Академгородок в период проведения ЛШЮП поработать на ЭВМ. После опубликования первого урока в ВЦ СО АН пришло около 3 000 писем. В дальнейшем поток значительно сократился, но остались самые увлеченные и настойчивые. Работа с подростковой молодежью в рамках заочной школы программирования не только пропагандировала занятие информатикой, она оказала влияние на разработку дидактических основ курса информатики в школе.

Опыт предшествующего периода в 1979 г. был изложен А.П. Ершовым и его ближайшими соратниками Г.А. Звенигородским и Ю.А. Первиным в документе «Школьная информатика: концепция, состояние, перспективы»¹². Положения концепции основаны на теоретических и прикладных исследованиях группы школьной информатики ВЦ СО АН СССР¹³. В концепции 1979 г. дано определение информатики как научной дисциплины, науки о структуре информации и методах ее обработки на ЭВМ. Школьная информатика была определена как прикладная дисциплина, ветвь информатики, занимающаяся исследованием и разработкой программного, технического, учебно-методического и организационного обеспечения применения ЭВМ в школьном учебном процессе¹⁴. Уже тогда А.П. Ершов и его коллеги видели в этой дисциплине не только прикладной, технический, но и общекультурный, общечеловеческий характер. Они считали, что навыки и стиль мышления, которые формирует информатика (умение *алгоритмически мыслить*, строить информационные структуры для описания объектов и систем, организовать поиск информации для решения поставленной задачи и т.п.), необходимы в информационную эпоху практически каждому человеку независимо от его образовательного уровня и сферы приложения профессиональных интересов.

Современные исследования рассматривают роль алгоритмизации мышления, алгоритма в то время как «универсализирующего атрибута для представления взаимодействий человека и машины через идеологический разрыв “холодной войны”», тем самым подчеркивая онтологический смысл данного феномена¹⁵. Важно отметить, что рождение концепции информатизации совпало с усилиями А.П. Ершова по организации и проведению международного симпозиума «Алгоритм в современной математике и ее приложениях» памяти Аль-Хорезми (Хорезм, Узбекистан, 16–22 сентября 1979 г.). Это аполитичное научное паломничество ученых, объединившихся «вокруг понятия алгоритма, где вечные математические истины имели приоритет над эфемерными политическими вопросами»¹⁶, решало и другую важную задачу. Форум подтвердил единство математики и ее приложений, статус программирования – науки и искусства, легитимного по отношению к другим наукам. Таким образом, совпали процессы институционализации программирования и осознания его роли в социальной инженерии по созданию человека информационного общества.

Соавторы Ершова по концепции Ю.А. Первин и Г.А. Звенигородский (1952–1984) начали свою педагогическую деятельность с создания языка программирования для учащихся начальной школы. Первин в 1973 г. разработал язык «Школьник», Звенигородский в 1975 г. – языки «Робик» и «Рапира». Их совместная работа в отделе информатики ВЦ СО АН СССР привела к реализации экспериментальной версии основных компонентов математического обеспечения школьного учебного процесса на ЭВМ БЭСМ-6¹⁷, которая послужила прообразом комплексной системы математического обеспечения школьного учебного процесса – пакета прикладных программ «Школьница» (ППП). Одноименный проект реше-

¹² Ершов А.П., Звенигородский Г.А., Первин Ю.А. Школьная информатика (концепция, состояние, перспективы). Новосибирск, 1979.

¹³ Проблемы школьной информатики: сб. науч. тр. Новосибирск, 1986.

¹⁴ Ершов А.П., Звенигородский Г.А., Первин Ю.А. Школьная информатика... С. 5.

¹⁵ Tatarchenko K. Thinking Algorithmically: From Cold War Computer Science to the Socialist Information Culture // Historical Studies in the Natural Sciences. 2017. Vol. 49, No. 2. P. 194–225.

¹⁶ Ibid. P. 210.

¹⁷ Звенигородский Г.А. Система математического обеспечения, ориентированная на школьный учебный процесс // УСиМ, 1980. № 5. С. 76–82.

нием ГКНТ и Госплана СССР был включен в XI пятилетний народно-хозяйственный план важнейших работ (1981–1985 гг.)¹⁸, предвосхитив тем самым последующее развитие школьной информатики.

Основу авторского коллектива системы «Школьница» составили юноши и девушки – студенты НГУ, прошедшие подготовку в летних школах и с первого курса подключившиеся к продуктивной научно-конструкторской работе. Система «Школьница» представляла собой пакет прикладных программ для применения ЭВМ в учебном процессе на индивидуальных рабочих местах для отдельных персональных ЭВМ и для вычислительных кабинетов. Она была создана на персональной ЭВМ «Агат» и вошла в опытную эксплуатацию в 1984 г. Отдельные демонстрационные программы выполнялись школьниками. Позднее результат послужил весомым аргументом для появления новой школьной дисциплины «Основы информатики и вычислительной техники».

Система «Школьница» была оснащена пакетами прикладных программ по программированию, математике, физике и химии. Они позволяли моделировать отдельные эксперименты, отрабатывать навыки по устному счету, развивать пространственное воображение и комбинаторные способности школьников, осваивать навыки программирования и др. Ко всем перечисленным учебно-производственным языкам подключалась система машинной графики «Шпага». Система позволяла школьникам любого возраста использовать в своих программах разнообразные средства графического вывода информации: графо- и фотопостроители, устройства микрофильмирования и т.д. Экспериментальная версия этой системы разрабатывалась и реализовывалась при участии А. Салиховой и Н. Соколовой (6-й, 8-й классы). В целом почти 80 % программного кода системы написаны учащимися: Л. Рабиновичем (6-й класс), П. Земцовым (8-й класс), Е. Налимовым, В. Цикозой и Н. Глаголевой (1-й курс НГУ)¹⁹.

Методика преподавания программирования, основанная на вышеперечисленных компонентах, показала, что школьники легко усваивали не только основные понятия программирования, но и важнейшие математические понятия, такие как декартовы и полярные координаты, функция и график, множество и кортеж, логические связки и кванторы, методы решения уравнений и вычисления определенных интервалов²⁰.

В сентябре 1983 г. по согласованию с Министерством просвещения СССР первый в стране вычислительный кабинет, оборудованный ПЭВМ «Агат», начал работу в школе № 166 новосибирского Академгородка (там было установлено 20 ПЭВМ) и в межшкольном учебно-производственном комбинате (МУПК) Советского района г. Новосибирска. Педагогический эксперимент охватил два 4-х и один 7-й класс школы и две группы МУПК. Осенью 1984 г. был образован специализированный 9-й класс с углубленным изучением программирования в школе № 166²¹. Версию системы на основе английской лексики передали в опытную эксплуатацию в Научно-исследовательский институт вычислительных комплексов (НИИВК, г. Москва), Таллиннский политехнический институт, Институт кибернетики АН ЭССР и Тартуский государственный университет в июне 1983 г.²²

ППП «Школьница», разработанный коллективом лаборатории экспериментальной информатики ВЦ СО АН СССР под руководством академика А.П. Ершова, был принят Межведомственной государственной комиссией в период с 29 марта по 13 апреля 1985 г. Представляла ППП комиссии Л.В. Городняя (рис. 5). Пакет был рекомендован для применения в средних учебных заведениях и передан в Государственный фонд алгоритмов и программ. ППП «Школьница» отмечен Большой серебряной медалью ВДНХ СССР.

¹⁸ Работа над программной системой «Школьница» выполнялась в 1980–1984 гг. в соответствии с рядом нормативных актов и программ: Постановление ГКНТ, Госплана СССР и АН СССР от 12.12.1980 № 475/251/131; Решение АН СССР от 26.05.1981 № 0119; Постановление СМ СССР от 22.06.1982 № 682 и др.

¹⁹ Архив академика А.П. Ершова. П. 209. Л. 49.

²⁰ Звенигородский Г.А., Глаголева Н.Г., Земцов П.А., Налимов Е.В., Цикоза В.А. Программная система «Школьница» и ее реализация на персональных ЭВМ // Микропроцессорные средства и системы. 1984. № 1. С. 54.

²¹ Архив академика А.П. Ершова. П. 296. Л. 66.

²² Звенигородский Г.А. Система программирования, ориентированная на школьный учебный процесс: дис. ... канд. физ.-мат. наук. Новосибирск, 1984.

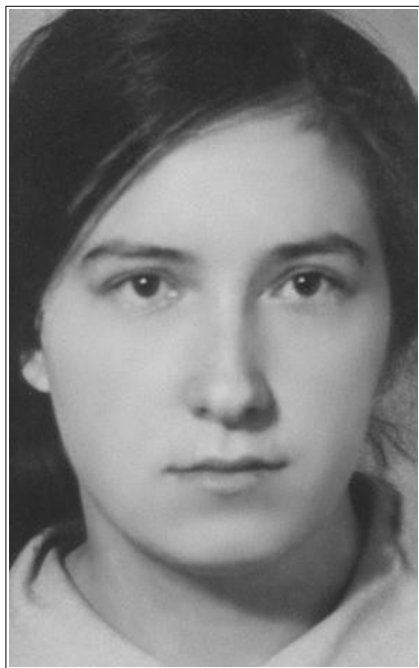

Рис.5. Лидия Васильевна Городняя – куратор ППП «Школьница». Новосибирск, 1982 г.

Таким образом, к моменту провозглашения в СССР школьной реформы, основанной на компьютеризации, в отделе программирования ВЦ СО АН СССР, которым руководил А.П. Ершов, сложилась стройная научно обоснованная и практически апробированная система обучения программированию. Было разработано современное программное обеспечение школьного учебного процесса, что сыграло немаловажную роль в выдвижении А.П. Ершова на первые позиции в нашей стране при осуществлении школьной реформы. Все компоненты предложенной им концепции реализовывались впоследствии как национальная программа в государственном масштабе.

Главным объектом реформы образования в СССР в середине 1980-х гг. стали средние учебные заведения. Однако А.П. Ершов неустанно пропагандировал целостность реформы во всех звеньях подготовки специалистов по информатике и программированию – от школы до вуза. В 1982 г. он подготовил замечания к проекту постановления ЦК КПСС и Совмина СССР № 682 от 22 июля 1982 г. «О подготовке специалистов в высших и средних специальных учебных заведениях, в профтехучилищах и средних школах

по электронно-вычислительной технике, методам программирования и использования в народном хозяйстве микропроцессорных средств»: «Перевооружение (так А.П. Ершов вслед за Г.И. Марчуком назвал для краткости систему мероприятий школьной реформы. – И. К.) – длительный процесс, и даже одно только формулирование целей и исходных предпосылок потребует не одного постановления директивных органов»²³.

Рис. 6. Запись телеурока «Основы информатики и вычислительной техники» в школе № 166. Урок ведет академик А.П. Ершов. Новосибирск, 1985 г.

С началом подготовки школьной реформы деятельность А.П. Ершова носила интенсивный и всеохватывающий характер. В период с 1982 по 1985 г. ученый вел деловую переписку с руководителями различных ведомств: академиком-секретарем ОИВТА²⁴ АН СССР Е.П. Велиховым, заместителем министра просвещения В.М. Коротовым, предсе-

²³ Архив академика А.П. Ершова. П. 153. Л. 99.

²⁴ ОИВТА АН СССР – Отделение информатики и вычислительной техники появилось в составе АН СССР в марте 1983 г.

дателем ГКНТ академиком Г.И. Марчуком, заместителем заведующего Отделом ЦК КПСС Г.С. Стрижевым, секретарем ЦК КПСС М.В. Зимяниным. А.П. Ершов принимал участие в подготовке заседаний руководителей государства и специалистов по обсуждению основных направлений школьной реформы. Он участвовал в их обсуждениях в ЦК КПСС с М.В. Зимяниным, М.С. Горбачевым, Е.К. Лигачевым, которые в разное время курировали данное направление.

В составе группы ученых, руководителей министерств и ведомств А.П. Ершов принял участие в подготовке постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 271 от 28 марта 1985 г. «О мерах по обеспечению компьютерной грамотности учащихся средних учебных заведений и широкому внедрению электронно-вычислительной техники в учебный процесс»²⁵. Это постановление стало ключевым в осуществлении школьной реформы. Оно опиралось в своей сути на научный задел, концепцию, сложившуюся в недрах лаборатории экспериментальной информатики А.П. Ершова.

Курс «Основы информатики и вычислительной техники» вводился одновременно и повсеместно. Ершов наиболее глубоко проработал тему «Алгоритм и алгоритмический язык в курсе информатики». Он считал, что эти важнейшие понятия программирования учащиеся смогут освоить в период начального «безмашинного» срочного введения курса информатики в качестве теоретической его части, что, по его мнению, поспособствует выработке взгляда на алгоритмизацию и программирование как на новый вид математической практики. Поскольку вычислительный кабинет еще не стал достоянием массовой школы, предполагалось опираться на традиционные формы урока. Эта особенность учитывалась при подготовке программы и пробного учебного пособия по курсу «Основы информатики и вычислительной техники». В 1984 г. академик А.П. Ершов (ВЦ СО АН СССР) и член-корреспондент В.М. Монахов (НИИ СИМО АПН СССР)²⁶ возглавили коллектив авторов по подготовке этих учебников в предельно сжатые сроки для учащихся 9-х (1985) и 10-х классов (1986), а также соответствующих методических пособий для учителей. Тираж книг для учащихся только на русском языке составил свыше 7 млн экз., тысячи были изданы в переводе на все языки союзных республик. Методические материалы по алгоритмическому языку как самому важному компоненту школьного курса информатики публиковались в журналах «Квант» и «Наука и жизнь». Шесть 30-минутных уроков по основам информатики и вычислительной техники были сняты с участием А.П. Ершова на Новосибирской студии телевидения, затем их показали по Центральному телевидению (рис. 6). Критики «программистского» характера курса «Основ информатики» считали, что изучать программирование сложно и не всем доступно. Андрей Петрович возражал оппонентам: мало кто станет писателем, однако писать сочинение в школе учат всех. Нельзя лишать детей возможности творчества и самовыражения. К программированию это относится в той же мере²⁷.

Основной формой организации доступа учащихся к вычислительной технике стал вычислительный кабинет. Такие кабинеты носили межшкольный характер, чтобы как можно большее число учащихся могло познакомиться с персональным компьютером (ПК). А.П. Ершов являлся руководителем работ от СО АН по разработке установочной серии типового вычислительного кабинета для школ и других учебных заведений, участвовал в подготовке заключения Межведомственной экспертной группы по отбору ПК и оборудования для вычислительного кабинета. Он собственноручно написал один из вариантов технического задания на типовой кабинет информатики²⁸. В то время отечественная промышленность предлагала несколько персональных ЭВМ для оснащения школ. В их числе ПЭВМ «Агат» (НИИВК²⁹), ПЭВМ «Корвет» (Институт ядерной физики МГУ), «Электроника»

²⁵ Архив академика А.П. Ершова. П. 153. Л. 94; П. 266 Л. 21–24.

²⁶ Монахов Владимир Макариевич (1936–2019) – в те годы директор Научно-исследовательского института содержания и методов обучения АПН СССР.

²⁷ Архив академика А.П. Ершова. П. 155. Л. 87.

²⁸ Там же. П. 254. Л. 155–174.

²⁹ НИИВК – Научно исследовательский институт вычислительных комплексов, Москва.

УК НЦ (НПО «Научный центр», Зеленоград) и ряд других³⁰. Андрей Петрович работал в комиссиях, принимавших технику в серийное производство. Он изучал вопрос и инициировал приобретение импортной техники, такой как Yamaha, Apple, IBM PC, Macintosh и др. Но сама по себе вычислительная техника еще не являлась решением проблемы компьютеризации. Требовалось специальное программное обеспечение.

В мае 1986 г. Президиум АН СССР и Министерство просвещения СССР приняли постановление о создании Временного научно-технического коллектива «Школа-1» во главе с академиком Е.П. Велиховым. Основные направления работы этого коллектива – разработка и внедрение педагогических программных продуктов, проведение экспериментальных исследований по использованию новых информационных технологий в народном образовании. В число базовых организаций для решения этой проблемы был включен и ВЦ СО АН. А.П. Ершов был назначен научным директором Новосибирского отделения ВНТК, сотрудниками стали программисты ВЦ СО АН, многие из которых прошли ЛШЮП и участвовали в создании ППП «Школьница».

Этими молодыми людьми было создано программное обеспечение для КУВТ Yamaha и «Электроника УКНЦ» на основе идей, заложенных в систему «Школьница»: система программирования для языка «Рапира», тренажер «Микрорапира», двухоконный текстовый редактор TOP, графический редактор GREDIT, отладчик-интерпретатор процессора Z80 Yamaha³¹. По свидетельству одного из разработчиков программного обеспечения, «все эти средства эксплуатировались в школах до ухода ПК Yamaha. В реализации языка «Рапира» на «Электронике УКНЦ» входной язык давал возможность работать с вычисляемыми именами и ассоциативными таблицами. Кроме того, был выполнен комплекс оригинальных сервисно-технических разработок, включая средства администрирования на СМ-4»³².

В этот период А.П. Ершов много выступал перед различными аудиториями, разъясняя сущность школьной реформы и содержание нового школьного предмета: на Всесоюзных совещаниях и семинарах в Москве, где среди слушателей были министры просвещения союзных республик, преподаватели университетов, педагогических и технических институтов, школьные учителя. А.П. Ершов выступал на Ученом совете ВЦ СО АН СССР, на Президиуме СО АН СССР, на семинарах в Новосибирском государственном педагогическом институте, Московском университете и других вузах. Он лично отвечал школьникам, которые писали ему о сомнениях относительно нового предмета и непонимании его необходимости³³.

Выступая перед членами Академии, он говорил: «Трудно назвать более воодушевляющую и ответственную задачу для ученого, нежели критический пересмотр всей суммы знаний, накопленных в профессии, выделение в ней зерен “вечной истины” и их внедрение в почву общей культуры в виде школьного предмета и учебника по этому предмету. Впервые в истории народного образования предмет, который менее чем 50 лет назад даже не угадывался, в течение жизни поколения становится одной из ведущих наук, суммой профессий, наконец, элементом общечеловеческой культуры, вырабатываемым средним образованием»³⁴. Только в 1985 г. было опубликовано свыше 20 бесед, выступлений и интервью. В числе изданий, разместивших эти материалы, были практически все самые крупные и популярные в СССР газеты и журналы³⁵. В руководимом А.П. Ершовым журнале ГКНТ «Микропроцессорные средства и системы» работала рубрика «Как учить программированию», постоянно действующий семинар «Микро-ЭВМ и микропроцессорная техника:

³⁰ Захаров В.Н. Развитие отрасли массовой вычислительной техники в СССР в 1980–1990 гг. в аспекте деятельности МНТК «Персональные ЭВМ» // SoRuCom-2023. С. 155–162.

³¹ Архив академика А.П. Ершова. П. 484. Л. 92.

³² Городняя Л.В. Школьная информатика // Андрей Петрович Ершов ученый и человек. Новосибирск, 2006. С. 147–148.

³³ Архив академика А.П. Ершова. П. 274. Л. 129.

³⁴ Там же. П. 491. Л. 58–59.

³⁵ Ершов А.П. Человек и компьютер // Известия. 1984. 2 февр.; Ершов А.П. Парта XXI века // Литературная газета. 1985. 10 апр.; Ершов А.П. ЭВМ в классе // Правда. 1985. 6 февр.

основы применения». Усилия по пропаганде журнала среди учителей и читателей научно-популярных изданий увеличили его тираж с 20 до 50 тыс. экз. В 1984 г. А.П. Ершов организовал «круглый стол» на тему школьной информатики на страницах одного из самых популярных журналов того времени «ЭКО»³⁶.

Большое внимание ученый уделял профессиональной подготовке школьных преподавателей. «Учительская газета» стала его главной трибуной. С середины мая до начала июля 1985 г. в ней были опубликованы пять уроков по программированию для учителя. В 1986 г. принято решение издавать в помощь учителям научно-методический журнал «Информатика и образование»³⁷. Он сыграл заметную роль в становлении нового школьного предмета. А.П. Ершов вошел в редколлегия, активно сотрудничал с редакцией, рекомендовал статьи для публикации, писал сам³⁸. Дважды были организованы курсы, на которых учителей математики и физики СССР обучали преподаванию информатики.

Вокруг А.П. Ершова сложился круг единомышленников. В числе таких людей были В.Г. Житомирский из Свердловского педагогического института, П.С. Сиволобов, директор школы № 166 новосибирского Академгородка, М.И. Соболевский из Воронежского военного инженерного училища, С.П. Митрофанов, преподаватель математики из Тюменской области и многие другие. В разгар осуществления школьной реформы А.П. Ершов получал десятки писем. Информация с мест свидетельствовала, что при всей пестроте картины ход дела меньше всего зависел от географического положения школы, ее удаленности от центра. Реформа проходила успешно там, где находились люди, ответственно и энергично приступившие к ее осуществлению.

Смертельно больной А.П. Ершов продолжал теоретическую деятельность на перспективу школьной информатики. Он составил актуальный прогноз развития по важнейшему направлению науки «Школьная информатика» (1987) и разработал новую концепцию использования средств вычислительной техники в сфере образования (1988). Конечной целью информатизации образования А.П. Ершов полагал информатизацию всего общества. Он рассматривал ее как всеобщий и неизбежный период развития человеческой цивилизации, направленный на обеспечение широкого использования достоверного, исчерпывающего и своевременного знания во всех общественно значимых видах человеческой деятельности, а компьютер, его информационное и программное обеспечение, другие технические средства – в качестве инструментов этого процесса. Он верил в демократизирующую роль компьютерной грамотности и настаивал на том, что формирование информационной структуры общества является залогом его жизнестойкости и способности к развитию³⁹.

А.П. Ершов сформулировал задачи, стоящие перед сферой образования в связи с новыми требованиями времени. Он писал, что «образование, сохраняя свою живую предметность, должно в то же время выдвинуть на первый план не загрузку постоянно нарастающей суммы конкретных знаний и умений, а воспитание характера и мировоззрения, выработку фундаментального знания и умения, поддерживающих на всю жизнь способности к обучению, повышению квалификации и смене занятий»⁴⁰. Ученый предвидел, что динамично развивающееся общество потребует от человека постоянного стремления к получению новых знаний, образование в связи с этим приобретет непрерывный характер, а способность к самообразованию станет неременным свойством личности. Мы видим более широкий подход к социальной инженерии, который состоял не только в подготовке

³⁶ Ершов А.П. ЭВМ в школе – реальность наших дней («круглый стол» «ЭКО») // ЭКО. 1984. № 11. С. 83–105.

³⁷ Журнал выходил шесть раз в год, тираж в 1988 г. достигал 95,5 тыс. экземпляров. С 2002 г. выходил 12 раз в год, тираж составлял 4,5 тыс. экземпляров в 2008 г., ныне – шесть раз в год, тираж 2 тыс. экз.

³⁸ Ершов А.П. Решение задач с применением программируемого микрокалькулятора «Электроника БЗ-34» // Информатика и образование. 1986. № 3. С. 61–81; Ершов А.П. Школьная информатика в СССР: От грамотности к культуре // Информатика и образование. 1987. № 6. С. 3–11.

³⁹ Ершов А.П. Информатизация: от компьютерной грамотности учащихся к информационной культуре общества // Коммунист. 1988. № 2. С. 92.

⁴⁰ Архив академика А.П. Ершова. П. 79. Л. 32.

«нового человека» социалистического информационного общества⁴¹, но и человека еще неопределенного будущего, основанного на знаниях.

Выстроенная им система информационного общества полагала информацию, понимаемую как совокупность знаний о фактических данных и зависимостей между ними, стратегическим ресурсом общества, наряду с материальными и энергетическими ресурсами. ЭВМ, ПК и средства связи играют роль своего рода нервной системы социума. Он ввел в концепцию фундаментальное понятие *инфосферы*⁴², показал, что информатизация как материальный процесс состоит в строительстве этой глобальной инфраструктуры электронных средств хранения, обработки и передачи информации. Его тезисы об инфосфере, вступлении человечества в эпоху информатизации, появление науки информатики опирались на философское учение об информации и процессах отражения.

Раскрывая конкретное содержание этапов и способов информатизации общества, Ершов понимал, что со временем могут измениться как цели, так и средства их достижения. Накопление опыта применения компьютеров в образовании выдвинет немало проблем и в то же время обогатит общество новым знанием, которое можно будет употребить на пользу дела. Концепция содержала некоторую идеальную картину образовательного применения ЭВМ, но он полагал, что со временем может сложиться новая модель образования, и оставлял концепцию открытой для редактирования. Работа А.П. Ершова над новой концепцией информатизации образования шла в период перестройки, он свято верил в серьезность, непрерывность и поступательность этого процесса в своей стране. Он твердо верил также в прогрессивность выполняемого дела и считал, что «сочетание идеальности целей с реалистичностью действий»⁴³ приведет к желаемому результату.

Выступления А.П. Ершова как главного идеолога и пропагандиста школьной информатики были широко известны не только в нашей стране, но и за рубежом, где с интересом следили за ходом реформы школы в СССР. В 1970 г. Ершов в качестве независимого эксперта ООН по проблеме применения вычислительных технологий для развития подготовил доклад «О совместимости математического обеспечения». Он отстаивал необходимость стандартизации языков программирования, периферийного оборудования, операционных систем, характеристик вычислительных машин, терминов и понятий, которые способствовали бы широкому трансграничному использованию компьютеров⁴⁴. Пожалуй, самое известное и широко цитируемое его выступление (keynote speech) «Программирование – вторая грамотность» было сделано на 3-й Всемирной конференции ИФИП и ЮНЕСКО по применению ЭВМ в обучении в июле 1981 г. в Швейцарии⁴⁵. Он позиционировал его как «наступательную проповедь»⁴⁶, подчеркивая мессианский характер своей работы (рис. 7).

После кончины А.П. Ершова реформа школы несколько затормозилась из-за нарастающих экономических проблем. Некоторые аналитики говорят о дискредитации идеи о развитии особых навыков мышления – алгоритмического мышления посредством программирования⁴⁷. Но как сказано выше, этим концепция информатизации общества

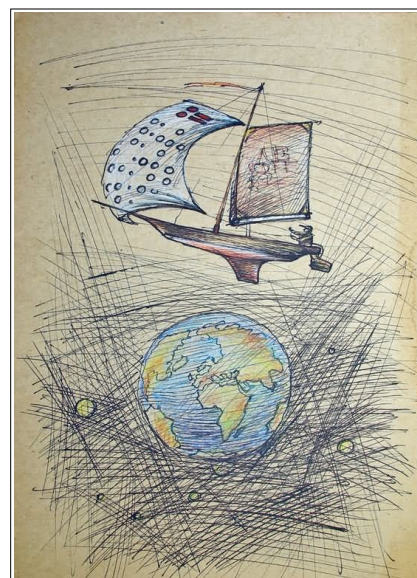

Рис. 7. Одна из 32 иллюстраций художника М.М. Златковского к докладу «Программирование – вторая грамотность», где перфокарта и книга – паруса корабля грамотности, несущегося над планетой. 1981 г.

⁴¹ Tatarchenko K. Thinking Algorithmically... P. 198.

⁴² Архив академика А.П. Ершова. П. 79. Л. 36.

⁴³ Там же. Л. 121.

⁴⁴ Там же. П. 342. Л. 209–217.

⁴⁵ Ершов А.П. Программирование – вторая грамотность. 1981 [Электронный ресурс]. URL: https://ershov.iis.nsk.su/ru/second_literacy/article (дата обращения: 12.08.2024).

⁴⁶ Архив академика А.П. Ершова. П. 354. Л. 121.

не исчерпывалась, она была гораздо шире и глубже. Эволюционный характер процесса информатизации, который имел место в бытность Ершова и его команды, приобрел лавинообразный характер благодаря ставшей более доступной технике, сформированной ментальности, образовательным и практическим навыкам. С начала 2000-х гг. появились и новые учебники, и новые учителя. В некоторых школах изучали программирование, в других – компьютер на пользовательском уровне, в третьих сочетали и то и другое в соответствии с пожеланиями учащихся и возможностями школ⁴⁸. Персональный компьютер не только вышел за пределы школьного кабинета, изменилась и сама вычислительная техника, предоставляя больше возможностей пользователю, появился свободный доступ в Интернет. С 1988 г. в России проводятся национальные олимпиады школьников по информатике, с 1989 г. российские школьники и студенты участвуют в международных олимпиадах, завоевывают высокие призовые места. Олимпиады по информатике и программированию являются одним из важнейших инструментов отбора и воспитания квалифицированных программистов, показателем действенности информатизации образования (рис. 8).

Рис. 8. Завуч ЛШЮП, научный сотрудник ИСИ СО РАН Т.И. Тихонова на XXI Всероссийской олимпиаде школьников по информатике. Новосибирск, апрель 2009 г.

Одно из неперменных требований к характеру образования в условиях информационного общества – перманентность на основе информационных и телекоммуникационных технологий – было заложено в концепции информатизации А.П. Ершова. Становится понятно, что модернизация школы требует не только объективного представления о целях и задачах пересмотра канонического образования на основе информатизации⁴⁹, но и лидера, личности масштаба академика А.П. Ершова, который в своей титанической работе был и идеологом, и пропагандистом, и исполнителем намеченных преобразований⁵⁰. Таким образом, эксперименты и фундаментальные исследования по применению ЭВМ в школьном учебном процессе, выполненные А.П. Ершовым и руководимыми им коллективами, создали предпосылки к реализации школьной реформы в государственном масштабе. Идеи,

⁴⁷ Before the collapse: Programming Cultures in the Soviet Union // From Russia with Code: Programming Migrations in Post-Soviet Times. Duke University Press, 2019. Project MUSE. P. 56.

⁴⁸ Кузнецов А.А., Бешенков С.А., Ракитина Е.А. Современный курс информатики: от элементов к системе // Информатика и образование. 2004. № 1. С. 2.

⁴⁹ Уваров Г.Ю., Водопьян Г.М. О двух индикаторах процесса цифрового обновления школы // Информатика и образование. 2023. Т. 38, № 5. С. 5–15.

⁵⁰ Крайнева И.А., Марчук А.Г. Академик А.П. Ершов и история информатики в СССР (к 90-летию со дня рождения ученого) // Гуманитарные науки в Сибири. 2022. Т. 29, № 1. С. 81–90.

изложенные в работе «Школьная информатика: концепция, состояние, перспективы» 1979 г., нашли свое реальное воплощение в середине 1980-х гг. Соисполнителями реформы были юноши и девушки из ЛШЮП, которые разрабатывали специальное ПО. Многие из того, что задумали визионеры в реализации идеи информатизации образования, а через нее и всего общества, осуществлено, поскольку она была созвучна времени, предвосхищала решения и формировала перспективу.

Литература

Городняя Л.В. Школьная информатика // Андрей Петрович Ершов – ученый и человек. Новосибирск, 2006. С. 145–150.

Городняя Л.В., Крайнева И.А. Школа юных программистов // Энциклопедия «Новосибирск». Новосибирск, 2003. С. 978–979.

Ершов А.П., Звенигородский Г.А., Первин Ю.А. Школьная информатика (концепция, состояние, перспективы). Новосибирск: ВЦ СО АН СССР, 1979. 58 с.

Ершов А.П. ЭВМ в школе – реальность наших дней («круглый стол» «ЭКО») // ЭКО. 1984. № 11. С. 83–105.

Ершов А.П. Решение задач с применением программируемого микрокалькулятора «Электроника БЗ-34» // Информатика и образование. 1986. № 3. С. 61–81.

Ершов А.П. Школьная информатика в СССР: От грамотности к культуре // Информатика и образование. 1987. № 6. С. 3–11.

Ершов А.П. Информатизация: от компьютерной грамотности учащихся к информационной культуре общества // Коммунист. 1988. № 2. С. 82–92.

Захаров В.Н. Развитие отрасли массовой вычислительной техники в СССР в 1980–1990 гг. в аспекте деятельности МНТК «Персональные ЭВМ» // SoRuCom-2023. С. 155–162.

Звенигородский Г.А. Система математического обеспечения, ориентированная на школьный учебный процесс // УСиМ. 1980. № 5. С. 76–82.

Звенигородский Г.А. Система программирования, ориентированная на школьный учебный процесс: дис. ... канд физ.-мат. Наук. Новосибирск. 1984. 158 с.

Звенигородский Г.А., Глаголева Н.Г., Земцов П.А., Налимов Е.В., Цикоза В.А. Программная система «Школьница» и ее реализация на персональных ЭВМ // Микропроцессорные средства и системы. 1984. № 1. С. 54.

Крайнева И.А., Пивоваров Н.Ю., Шилов В.В. Советская вычислительная техника в контексте экономики, образования и идеологии (конец 1940-х – середина 1950-х гг.) // Идеи и идеалы. 2016. Т. 1, № 4. С. 135–155.

Крайнева И.А., Марчук А.Г. Академик А.П. Ершов и история информатики в СССР (к 90-летию со дня рождения ученого) // Гуманитарные науки в Сибири. 2022. Т. 29, № 1. С. 81–90.

Кузнецов А.А., Бешенков С.А., Ракитин Е.А. Современный курс информатики: от элементов к системе // Информатика и образование. 2004. № 1. С. 2.

Проблемы школьной информатики: сб. науч. тр. / ред. А.П. Ершов. Новосибирск: ВЦ СО АН СССР, 1986. 102 с.

Уваров Г.Ю., Водопьян Г.М. О двух индикаторах процесса цифрового обновления школы // Информатика и образование. 2023. Т. 38, № 5. С. 5–15.

Krayneva I., Pivovarov N., Shilov V. Soviet Computing: Development Impulses // 2017 Fourth International Conference on Computer Technology in Russia and in the Former Soviet Union (SoRuCom). Selected papers. 2017. P. 13–22.

Skinner R.E. Out of the Closed World: how the Computer Revolution helped to End the Cold War. Berkeley, CA: University of California Press, 2013. 103 p.

Tatarchenko K. Thinking Algorithmically: From Cold War Computer Science to the Socialist Information Culture // Historical Studies in the Natural Sciences. 2019. Vol. 49, No. 2. P. 194–225.

Tatarchenko K. Before the Collapse: Programming Cultures in the Soviet Union // From Russia with Code: Programming Migrations in Post-Soviet Times. Duke University Press, 2019. Project MUSE. P. 39–58.

References

Ershov, A.P. (1984). EVM v shkole – real'nost nashikh dney (kruglyy stol “EKO”) [Computer in School is a Reality of Our Days (Round-Table Talk in “ECO”)]. In *EKO*. No. 11, pp. 83–105.

Ershov, A.P. (1986). *Problemy shkolnoy informatiki* [Problems of School Informatics]. Novosibirsk, VTC SO AN SSSR. 102 p.

Ershov, A.P. (1986). Reshenie zadach s primeneniem programmiruемого mikrokalkulyatora “Elektronika B3-34” [Solving Tasks with the Electronics B3-34 Programmable Microcalculator]. In *Informatika i obrazovanie*. No. 3, pp. 61–81.

Ershov, A.P. (1987). Shkolnaya informatika v SSSR: Ot gramotnosti k kulture [School Informatics in the USSR: From Literacy to Culture]. In *Informatika i obrazovanie*. No. 6, pp. 3–11.

Ershov, A.P. (1988). Informatizatsiya: ot kompiuternoy gramotnosti uchashchikhsya k informatsionnoy kulture obshchestva [Informatization: From Computer Literacy of Students to Information Culture of Society]. In *Kommunist*. No. 2, pp. 82–92.

Ershov, A.P., Zvenigorodskiy, G.A., Pervin, Iu.A. (1979). *Shkolnaya informatika (kontseptsiya, sostoyanie, perspektivy)* [School Informatics (Concept, State, Prospects)] Novosibirsk, VTs SO AN SSSR. 58 p.

Gorodnyaya, L.V. (2006). Shkol'naya informatika [School Informatics]. In *Andrey Petrovich Ershov – uchenyy i chelovek*. Novosibirsk, Izdatel'stvo SO RAN, pp. 145–150.

Gorodnyaya, L.V., Krayneva, I.A. (2003). Shkola yunikh programmistov [School of Young Programmers]. In *Entsyklopedia “Novosibirsk”*. Novosibirsk, pp. 978–979.

Krayneva, I., Pivovarov, N., Shilov, V. (2016). Sovetskaya vychislitel'naya tekhnika v kontekste ekonomiki, obrazovaniya i ideologii (konets 1940-kh – seredina 1950-kh gg.) [Soviet Computer Engineering in the Context of Economy, Education and Ideology (Late 1940s – Mid 1950s)]. In *Idei i idealy*. Vol. 1, No. 4, pp. 135–155.

Krayneva, I., Pivovarov, N., Shilov, V. (2017). Soviet Computing: Development Impulses. In *2017 Fourth International Conference on Computer Technology in Russia and in the Former Soviet Union (SoRuCom). Selected papers*, pp. 13–22.

Krayneva, I.A., Marchuk, A.G. (2022). Akademik A.P. Ershov i istoriya informatiki v SSSR (k 90-letiyu so dnya rozhdeniya uchenogo) [Academician A.P. Ershov and History of Informatics in the USSR (Dedicated to Ershov's 90th Anniversary)]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. Vol. 29, No. 1, pp. 81–90.

Kuznetsov, A.A., Beshenkov, S.A., Rakitin, E.A. (2004). Sovremennyy kurs informatiki: ot elementov k sisteme [Modern Course of Informatics: From Elements to System]. In *Informatika i obrazovanie*. No. 1, p. 2.

Skinner, R.E. (2013). *Out of the Closed World: how the Computer Revolution helped to End the Cold War*. Berkeley, CA, University of California Press. 103 p.

Tatarchenko, K. (2019). Before the Collapse: Programming Cultures in the Soviet Union. In *From Russia with Code: Programming Migrations in Post-Soviet Times*. Duke University Press. Project MUSE, pp. 39–58.

Tatarchenko, K. (2019). Thinking Algorithmically: From Cold War Computer Science to the Socialist Information Culture. In *Historical Studies in the Natural Sciences*. Vol. 49, No. 2, pp. 194–225.

Uvarov, G.Iu., Vodopian, G.M. (2023). O dvukh indikatorakh protsessa tsifrovogo obnovleniya shkoly [About Two Indicators of the School Digital Renewal Process]. In *Informatika i obrazovanie*. Vol. 38, No. 5, pp. 5–15.

Zakharov, V.N. (2023). Razvitie otrasli massovoy vychislitelnoy tekhniki v SSSR v 1980–1990 gg. v aspekte deyatel'nosti MNTK "Personalnye EVM" [Development of the Mass Computing Industry in the USSR in the 1980–1990s with Respect to the Activities of Personal Computers ISTK]. In *SoRuCom-2023*, pp. 155–162.

Zvenigorodskiy, G.A., (1980). Sistema matematicheskogo obespecheniya, orientirovannaya na shkolnyy uchebnyy protsess [School-Oriented Mathematics Support System]. In *Upravlyayushchie sistemy i mashiny*. No. 5, pp. 76–82.

Zvenigorodskiy, G.A., (1984). *Sistema programmirovaniya, orientirovannaya na shkolnyy uchebnyy protsess* [School-Oriented Programming System], Cand. fiz.-mat. sci. diss. Novosibirsk. 158 p.

Zvenigorodskiy, G.A., Glagoleva, N.G., Zemtsov, P.A. etc. (1984). Programmnyaya sistema "Shkolnitsa" i ee realizatsiya na personalnykh EVM ["Shkolnitsa" Software System and Its Implementation on Personal Computers]. In *Mikroprotsessornye sredstva i sistemy*. No. 1, p. 54.

Н.Н. Аблажей
А.М. Аблажей*

«ОРГАНЫ ПРОЛЕТАРСКОЙ ВЛАСТИ ДОЛЖНЫ ИМЕТЬ
ПОЛНЫЙ И БЕЗУСЛОВНЫЙ КОНТРОЛЬ НАД ВСЕМ,
ЧТО ДЕЛАЕТСЯ В СТЕНАХ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ»:
БОРЬБА ЗА АВТОНОМИЮ ВУЗОВ В 1921–1922 ГОДАХ**

doi:10.31518/2618-9100-2025-1-17
УДК 351.746+378"1921/1922"

Выходные данные для цитирования:
Аблажей Н.Н., Аблажей А.М. «Органы пролетарской власти должны иметь полный и безусловный контроль над всем, что делается в стенах высшей школы»: борьба за автономию вузов в 1921–1922 годах // Исторический курьер. 2025. № 1 (39). С. 250–267. URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-1-17.pdf>

N.N. Ablazhey
A.M. Ablazhey*

“THE AGENCIES OF PROLETARIAN POWER MUST HAVE
COMPLETE AND UNCONDITIONAL CONTROL OVER
EVERYTHING THAT IS DONE WITHIN THE WALLS
OF HIGHER EDUCATION”: THE STRUGGLE FOR
THE AUTONOMY OF HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS
IN 1921–1922**

doi:10.31518/2618-9100-2025-1-17

How to cite:
Ablazhey N.N., Ablazhey A.M. “The Agencies of Proletarian Power Must have Complete and Unconditional Control over Everything That is Done within the Walls of Higher Education”: The Struggle for the Autonomy of Higher Education Institutions in 1921–1922 // Historical Courier, 2025, No. 1 (39), pp. 25–267.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-1-17.pdf>]

Abstract. This documentary publication describes the events of 1921–1922 that led to the actual rejection of the principle of university autonomy in Soviet Russia. It is shown that the Soviet and party leadership initially had no consensus on how to manage higher education. As a result, it quickly split into pragmatists, ready for a reasonable tactical compromise for the sake of achieving strategic goals, and radicals, calling for a decisive “sovietization” of universities, which threatened a long-term crisis in higher education. A number of collective appeals and letters to the highest authorities are used to prove that the professors also were not politically homogeneous, generally trying to find legitimate forms of cooperation with the new government in the interests of science and higher education, and to ensure the basic conditions for professional activity. The majority of the professors considered the preservation of the principle of autonomy of higher education to be the most optimal form of cooperation. However, the adoption of the updated charter of higher education in the summer of 1922 and the victory of the radical

* **Наталья Николаевна Аблажей**, доктор исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: ablazhey@academ.org

Natalia Nikolaevna Ablazhey, Doctor of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: ablazhey@academ.org

Анатолий Михайлович Аблажей, кандидат философских наук, Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: ablazhey63@gmail.com

Anatoly Mikhailovich Ablazhey, Candidate of Philosophy, Institute of Philosophy of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: ablazhey63@gmail.com

** Статья опубликована в рамках тем государственных заданий Минобрнауки Российской Федерации «Социально-экономический потенциал восточных регионов России в XX – начале XXI вв.: стратегии и практики управления, динамика, геополитический контекст» (FWZM-2024-0005); «Институты и практики интеллектуального производства в современной России: тенденции и перспективы развития (национальный и локальный уровни)» (FWZW-2024-0013).

The article was published within the framework of the topics of state assignments of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation “Socio-Economic Potential of the Eastern Regions of Russia in the 20th – Early 21st Centuries: Management Strategies and Practices, Dynamics, Geopolitical Context” (FWZM-2024-0005); “Institutes and Practices of Intellectual Production in Modern Russia: Trends and Development Prospects (National and Local Levels)” (FWZW-2024-0013).

wing of the Bolshevik Party marked the rejection of this principle and the transition to repressive measures in relations with the pre-revolutionary intelligentsia.

Keywords: higher education, professors, university autonomy, management, “sovietization”.

The article has been received by the editor on 16.01.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Настоящая документальная публикация посвящена раскрытию остающихся недостаточно изученными событий 1921–1922 гг., приведших к фактическому отказу большевиков от принципа университетской автономии в Советской России. Показано, что среди советского и партийного руководства первоначально не существовало единого мнения о принципах руководства высшей школой, что в острой ситуации привело к разделению внутри высшего эшелона на готовых к разумному тактическому компромиссу ради достижения стратегических целей прагматиков и призывавших к решительной советизации вузов радикалов. На примере публикуемых коллективных обращений и писем профессуры устанавливается, что последняя также, не будучи политически однородной, стремилась к поиску легитимных форм сотрудничества с новой властью в интересах науки и высшего образования и обеспечения базовых условий профессиональной деятельности. Оптимальной формой сотрудничества большинство профессуры выдвигало сохранение существовавшего до революции принципа автономии высшей школы. Однако принятие обновленного устава высшей школы летом 1922 г. и победа внутри большевистского руководства радикального крыла обозначили фактический отказ от указанного принципа и переход к репрессивным мерам в отношениях с унаследованным интеллектуальным кадровым потенциалом страны.

Ключевые слова: высшая школа, профессура, университетская автономия, управление, советизация.

Статья поступила в редакцию 16.01.2025 г.

Одной из насущных задач, которые встали перед властью при переходе от гражданской войны к построению нового строя, стала советизация высшей школы. При этом большевики понимали, что без помощи старой профессуры реализовать грандиозные планы переустройства страны и превращения ее в современное индустриальное государство маловероятно, если вообще возможно. В то же время большевистское правительство придерживалось политико-идеологической линии на жесткое противостояние с теми, кого оно относило к контрреволюционерам, постоянно выражая и реализуя готовность идти на самые крайние меры для достижения своих политических целей. Процесс свертывания вузовской автономии не был самоцелью, но имел «радикальный политический смысл». Один из руководителей Наркомата просвещения Советской России, организатор создания Государственного ученого совета, системы рабфаков и Института красной профессуры, историк М.Н. Покровский заявлял о необходимости «демократизировать науку, ныне составляющую монополию небольшой кучки дипломированных ученых, тесно связанных своими интересами с буржуазией, из рядов которой они по большей части и вышли»¹.

¹ Цит. по: Худобородов А.Л., Заровнятных В.А. Реформа высшего образования в Советском государстве в 20-е годы XX века // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2013. № 4. С. 258.

Еще одно важное уточнение – как показали дальнейшие события, в самом большевистском руководстве не было единого мнения относительно того, как руководить высшей школой, вследствие чего оно достаточно быстро и четко разделилось на прагматиков, готовых к разумному тактическому компромиссу ради достижения стратегических целей, и радикалов, призывавших к решительным мерам, несмотря на вероятные негативные последствия, потенциально грозившие упадком высшего образования на ближайшие годы. Данные обстоятельства обусловили сложный и неоднозначный характер мер, принимаемых в области управления высшей школой в период 1921–1922 гг. К радикалам относились и отдельные профессора, как правило, члены большевистской партии, некоторые из которых в тот момент оказались во главе вузов. Так, занимавший пост ректора МГУ экономист Д.П. Боголепов в своем письме в ЦК РКП(б) крайне нелицеприятно высказывался о профессиональных качествах руководителей Наркомпроса: «Нужно, чтобы делом высшей школы ведали товарищи, которые ее знают и понимают, и кроме того умеют вести дело. К людям незнающим я отношу тов. А.В. Луначарского, тов. Е.А. Преображенского и тов. Е.А. Литкенса². О.Ю. Шмидт очень недавний и очень нетвердый коммунист, и его едва ли можно считать образцовым руководителем, так как мне лично кажется, что он едва ли не больше сочувствует буржуазным слоям профессуры. Больше всех понимает и знает профессуру тов. М.Н. Покровский, но он совершенно не умеет управлять и не способен вести какой-либо твердой политики»³. В качестве альтернативы Д.П. Боголепов предлагал доверить дело управления вузами радикально настроенным профессорам, таким, в частности, как физик и философ-марксист А.К. Тимирязев (сын физиолога и естествоиспытателя К.А. Тимирязева) и другие его соратники по Московскому университету.

Профессура со своей стороны также не являлась однородной, при том что в целом она пыталась «найти легитимные формы сотрудничества с ними [большевиками] в интересах развития науки и просвещения, обеспечения элементарных условий своей профессиональной деятельности»⁴. Наиболее оптимальной для себя формой сотрудничества профессура считала утверждение (а точнее подтверждение, учитывая опыт руководства университетами Временным правительством) принципа автономии высшей школы. В начале 1921 г. пользовавшийся поддержкой подавляющего большинства преподавателей вузов и деятелей науки «Объединенный совет научных учреждений и высших учебных заведений» выступил в защиту принципов автономии. В воззвании «Объединенного совета...», озаглавленном «Грозная опасность русской науке», проводимая Главпрофобротом (Главное управление профессионально-политехнических школ и высших учебных заведений Народного комиссариата просвещения, руководимое на тот момент известным большевиком Е.А. Преображенским) реформа управления университетами оценивалась как «совершенное упразднение свободы научного преподавания и даже исследования», а «принцип диктатуры» признавался «абсолютно неприемлемым». Руководители «Объединенного совета...», напротив, оперировали понятием «нравственной независимости» ученых, что руководство страны ожидаемо расценивало как «антисоветскую деятельность»⁵.

В сентябре 1921 г. Совнарком своим декретом утвердил «Положение о высших учебных заведениях РСФСР», в котором были зафиксированы основные принципы взаимоотношений власти и профессуры. Ряд разделов «Положения...» в известном смысле аналогичен базовым основаниям «Университета Гумбольдта»: общее руководство вузом (прежде всего речь идет о назначении ректора и ведущих профессоров) осуществляет государство с учетом рекомендаций профессорского сообщества, тогда как организация текущей учебной и научной работы на факультетах находится в руках самих преподавателей. В ноябре-декабре 1921 г. в вузах прошла избирательная кампания. Однако «правления,

² Литкенс Евграф Александрович – в 1921 г. заместитель народного комиссара по просвещению.

³ Архив Президента Российской Федерации (АП РФ). Ф. 3. Оп. 33. Д. 71. Л. 80.

⁴ *Купайгородская А.П.* Объединение научных и высших учебных заведений Петрограда (1917–1922) // *Власть и наука, ученые и власть: 1880-е – начало 1920-х годов: мат-лы междунар. науч. коллоквиума.* СПб., 2003. С. 187.

⁵ *Петаченко Г.А.* Профессиональные объединения научных работников в советской России (1918–1928 гг.) // «Вышэйшая школа»: навукова-метадычны і публіцыстычны часопіс. 2016. № 4. С. 37.

назначенные Главпрофобротом посредством отбора из намеченных кандидатов, во многих случаях не удовлетворили ни радикально настроенных студентов, ни профессорские советы. К концу [1921] года профессорские протесты стали принимать более организованный и последовательный характер»⁶. Явно стремившаяся к большей самостоятельности профессура выступила против реализации «Положения...» 1921 г. и «высказывала открытое недовольство, аргументируя свое несогласие отсутствием возможности влиять на учебный процесс и подбор кадров»⁷. Ярким выражением подобного недовольства стало письмо группы ведущих профессоров московских и петроградских вузов, адресованное председателю Совнаркома⁸.

Один из авторов письма, декан физико-математического факультета МГУ и будущий пассажир «философского парохода» В.В. Стратонов, в своих воспоминаниях описывал, как готовилось это письмо: «Особенно тщательно составлялась 4-я петиция весной 1921 г. На объединенном совещании представителей всех вузов Москвы петицию составляли, пересоставляли, редактировали, перередактировали... Наконец, составили. Получилось нечто среднее, со слабыми сторонами коллективного творчества. Стали подписывать. Почему-то этим делом завладел проф. Х., один из любимых советской властью, совмещавший очень много должностей, в том числе и профессию в Московском университете. Он настоял на том, чтобы петицию подписывали лишь наиболее ответственные лица, с перечислением при подписи всех своих титулов и должностей: – Это произведет большое впечатление... Сомневались, но исполнили. Затем он стал настаивать, чтобы петицию подписали еще виднейшие научные деятели Петрограда. Сам отвез туда для этой цели петицию. Петроградцы подписали. На все это ушло месяца полтора. После этого петиция стала мариноваться в столе у Х. О ней начали забывать»⁹.

Тем не менее «забытое» письмо все-таки дошло до адресата. Анализ текста показывает, что оно действительно было написано задолго до декабря 1921 г. Там, например, высказывается упрек в адрес Главпрофобра в том, что он не сумел «выработать в течение трех лет никакого устава Высшей школы» (между тем «Положение о высших учебных заведениях РСФСР», напомним, было принято в сентябре 1921 г.). Можно предположить, что часть вузовских преподавателей, настроенных более лояльно по отношению к новой власти, рассчитывало на компромисс с ней, надеясь, что интересы профессуры как профессиональной и социальной группы будут учтены в гораздо большей степени. Этого не случилось и открытый конфликт стал неизбежен.

Первым заметным проявлением этого конфликта стало общее собрание «Объединенного Совета ученых учреждений и высших учебных заведений», состоявшееся 26 января 1922 г. и принявшее ряд резолюций по вопросам, связанным с введением нового Положения...». Помимо вопросов государственного снабжения и финансирования высшей школы, принятые Советом документы содержали прямые «обвинения в “нажиме” на вузы. Кандидатам, намеченным профессорскими и преподавательскими коллегиями, давалось прямое указание в случае невыполнения хотя бы одного из условий Совета «не принимать на себя обязанностей ректора и членов правления»¹⁰. По мнению большинства профессуры, принятие «Положения...», по сути, устранило «основные условия, обеспечивающие развитие и процветание научной и учебной работы высших учебных заведений», а именно: самостоятельность, «самопополнение своего состава, выборность администрации и общее руководство всей работой факультетов и советов»¹¹. Как и следовало ожидать, подобное поведение интеллигенции не могло остаться безнаказанным, партийное руководство расценило такого

⁶ Финкель С. Организованная профессура и университетская реформа в советской России (1918–1922) // Власть и наука, ученые и власть: 1880-е – начало 1920-х годов: мат-лы междунар. науч. коллоквиума. СПб., 2003. С. 178.

⁷ Худобородов А.Л., Заровнятных В.А. Реформа высшего образования... С. 258.

⁸ См. публикуемый ниже документ № 2.

⁹ Стратонов В.В. Потеря Московским университетом свободы (воспоминания о забастовке 1922 г.) // На рубежах познания Вселенной (Историко-математические исследования, вып. 23, 1991). М., 1992. С. 429.

¹⁰ Петаченко Г.А. Профессиональные объединения научных работников... С. 38.

¹¹ Купайгородская А.П. Объединение научных и высших учебных заведений Петрограда... С. 199.

рода заявления как «призыв к саботажу» и распустило «Объединенный Совет...» – последнее сохранившееся с дореволюционного времени профессиональное объединение профессуры и научных работников¹².

В январе 2022 г. конфликт достиг высшей точки: крупнейший вуз страны – Московский государственный университет объявил о прекращении занятий. Инициатором забастовки профессоров стал физико-математический факультет. Существенным отличием от событий, связанных с роспуском «Объединенного Совета...», стало то, что в направленной в адрес Совнаркома петиции ее авторы заострили внимание исключительно на вопросах финансирования и жизнеобеспечения высшей школы, старательно обходя все вопросы, которые можно было бы трактовать как политико-идеологические¹³.

Несмотря на то, что письмо было адресовано Совнаркому, начавшаяся забастовка очень быстро попала в поле зрения высшего органа власти – Политбюро ЦК РКП(б). Положение дел в сфере высшего образования обсуждалось в ходе заочного опроса среди его членов, в ходе которого Л.Б. Каменев, например, предлагал Наркомпросу созвать конференцию для обсуждения дел в сфере высшего образования не позже середины февраля¹⁴. Письмо по поручению секретаря ЦК В.М. Молотова 13 января 1922 г. также переслали А.В. Луначарскому. Уже на следующий день, 14 января, глава Наркомпроса пишет письмо Молотову, в котором соглашается с предложением Каменева и просит ЦК не предпринимать пока никаких шагов в связи с письмом профессоров, поскольку *«этот вопрос совсем не стоял на обсуждении Коллегии Наркомпроса и, таким образом, нисколько не исчерпан в советском порядке»*. Другими словами, Луначарский не хотел выносить сор из избы и рассчитывал погасить конфликт, не выходя за пределы наркомата просвещения. Нарком предлагал созвать не позже первой половины февраля конференцию с участием *«всех подписавших это заявление лиц и экспертов из числа ответственных работников Наркомпроса и приглашенных ими ученых для делового обсуждения поднятых в записке вопросов и для попытки соглашения по основным пунктам»* и *«договориться... без дальнейшего восхождения по советским инстанциям или в партийном порядке»* под своим председательством¹⁵. А.В. Луначарский укорял профессоров за *«крайнюю беспорядочность»* их тактики, выразив *«строжайшее осуждение»* их желания бастовать и предложив возобновить занятия¹⁶.

Как показали дальнейшие события, такое совещание так и не было созвано, в результате чего разбором ситуации в сфере высшего образования вновь занялась высшая партийная инстанция. 2 февраля вопрос о постановке дела в области высшего образования обсуждается на заседании Политбюро, которое по его итогам принимает несколько важных решений. Во-первых, Наркомпросу предлагалось *«ликвидировать стачку»*. Речи о том, что при этом необходимо обойтись без применения репрессий против «подписантов», в документе не шла, однако дальнейшие события показали, что подобный алгоритм действий подразумевался. Во-вторых, Наркомпросу предлагалось срочно изыскать средства для *«выплаты задолженности профессуре Высшей школы»*, причем речь шла об *«уплате январ.[ско]го и февр.[альско]го жалованья по тарифным ставкам (или с приближением к ним)»*. Предписывалось также образовать *«смешанную комиссию в составе Наркомпроса, ЦКПроса [профсоюза работников просвещения] и представителя профессуры для рассмотрения экономического положения высшей школы вообще и, в частности, тарифы преподавательскому персоналу»*¹⁷. Другими словами, Политбюро предпочло на тот момент обойтись без репрессий.

4 февраля на заседании Политбюро с участием Л.Б. Каменева, И.В. Сталина, А.Д. Цурюпы, Н.П. Брюханова, В.А. Аванесова, М.М. Литвинова, Г.Я. Сокольниковой, А.А. Новицкого, М.Н. Покровского, В.В. Фомина вновь обсуждалось положение дел в высшей школе. Докладчиком по этому вопросу был М.Н. Покровский, на тот момент один

¹² Петаченко Г.А. Профессиональные объединения научных работников... С. 38.

¹³ См. публикуемый ниже документ № 3.

¹⁴ АП РФ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 71. Л. 37.

¹⁵ Там же. Л. 51.

¹⁶ Финкель С. Организованная профессура и университетская реформа... С. 179.

¹⁷ АП РФ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 71. Л. 38.

из руководителей наркомата просвещения. По итогам обсуждения Политбюро принимает решение «разъяснить коллегии Наркомпроса, что постановление Политбюро от 2.II, принятое в присутствии т.т. Луначарского, Литкенса и Преображенского, имело целью мирную и скорейшую ликвидацию забастовки профессоров, без применения репрессии». С этой целью предлагалось немедленно «создать комиссию с привлечением представителя профессоров для обсуждения вопроса об улучшении их материального положения» и «найти средства для ликвидации задолженности по ставкам профсоюзов». Информацию о принятых мерах следовало срочно довести до сведения профессоров и «немедленно открыть закрытый распределитель» (вероятно, речь шла о дополнительном продовольственном обеспечении профессуры). Кроме того, Политбюро нашло «ненужным» выпуск «составленного НКПросом воззвания»¹⁸.

Через несколько дней, 8 февраля, руководство Наркомпроса в лице Луначарского передает письмо в ЦК партии, где просит включить в состав будущей комиссии ЦК по делам высшей школы два-три члена ЦК, «по возможности тех именно, которые работают в ВЦСПС и из руководителей Наркомпроса, наркома, его заместителей и заведующего Главпрофобром (т.т. Луначарского, Литкенса, Покровского и Преображенского)». Что касается представителей профессуры, то Луначарский настаивал на включении в состав будущей комиссии «представителей коммунистической профессуры, а именно И.И. Скворцова, Волгина и Тимирязева». На тот случай, если бы ЦК не согласился на такой состав комиссии, Луначарский предлагал сформировать ее «исключительно из членов Центрального Комитета, а перечисленных здесь лиц включить с правом совещательного голоса»¹⁹.

На очередном заседании 9 февраля Политбюро вновь обсуждало вопрос о высшей школе. А.В. Луначарскому, Е.А. Литкенсу и М.Н. Покровскому за «неисполнение постановления Политбюро ЦК от 2 февраля о высшей школе» объявлялся выговор. Для подготовки решения Политбюро «в области политики в Высшей школе» создавалась специальная комиссия в составе Е.А. Преображенского, М.Н. Покровского, А.В. Луначарского, М.П. Томского, Н.А. Семашко, И.В. Сталина. Таким образом, предложения Луначарского о составе комиссии были де-факто приняты, кроме Е.А. Литкенса и представителей лояльной профессуры. Вместе с тем, учитывая бескомпромиссную позицию Преображенского, выступавшего по-прежнему за самые суровые меры в отношении профессуры, Политбюро постановило «временно освободить его от всех обязанностей», в том числе руководителя Главпрофобра, кроме членства в созданной комиссии и в редакции «Правды»²⁰. А.Д. Цюрупа, член Совнаркома, поставленный во главе особой комиссии Политбюро по вузам, спешно созвал совещание с делегацией от профессорского совета МГУ и предупредил профессоров о недовольстве ими режимом, вслед за А.В. Луначарским осудив их за объявление забастовки, вместо того чтобы действовать «пристойным образом»²¹.

10 февраля Комиссия повторила требование к Наркомпросу «урегулировать положение Высшей школы», причем сделать это «в контакте с той группой профессоров, которая действительно желает вести научную работу, точно выяснить условия их работы и устранить затрудняющую эту работу явления»²². 13 февраля по предложению Комиссии ЦК одобрил комплекс мер по урегулированию положения в высшей школе. Среди них: пересмотр сметы высшей школы в сторону увеличения; сокращение как количества учреждений высшего образования, так и их штатной численности, в частности, числа профессоров; введение платы за обучение в вузах, от которой освобождались «неимущие элементы студентов»; улучшение снабжения вузов «учебными и научными пособиями». Сохранились отдельные элементы автономии высшей школы: при организации и утверждении состава правлений вузов Главпрофобру предписывалось отдавать предпочтение кандидатам профессуры. Более того, представителя профессуры, входившего в Научно-техническую секцию

¹⁸ АП РФ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 71. Л. 40.

¹⁹ Там же. Л. 44–44 об.

²⁰ Там же. Л. 43.

²¹ Финкель С. Организованная профессура и университетская реформа... С. 179.

²² АП РФ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 71. Л. 57.

Государственного ученого совета на правах заместителя заведующего, рекомендовалось назначить на должность заместителя заведующего Главпрофобром для руководства Высшей технической школой. Такое назначение следовало осуществлять по предварительному соглашению с «профессурой столиц». Кроме того, предписывалось ввести представителя профессуры в состав коллегии Наркомпроса. Одновременно следовало принять все возможные меры для «улучшения постановки дела на рабфаках». С целью учета специфики сельскохозяйственного и технического образования Глафпрофобру предлагалось дополнить устав об управлении вузами дополнительными пунктами. Симптоматично, что на том же заседании была принята отставка Е.А. Преображенского с поста главы Главпрофобра. Таким образом, ЦК принял откровенно компромиссное решение.

Сделав некоторые шаги навстречу профессуре, партийный орган в то же время предпринимал сокращать как количество вузов, так и численность самих профессоров. Учитывая ограниченность средств, государство, с одной стороны, декларировало необходимость повышения жалования вузовской профессуры, закупки необходимого оборудования и учебной литературы, с другой – настаивало на сокращении числа вузов и профессорского корпуса. Что касается университетской автономии, то здесь власть также пошла на ряд мелких уступок. Отстранив от руководства вузами наиболее радикальных своих представителей в лице Е.А. Преображенского, она сохранила рабфаки и ввела плату за обучение, освободив от нее представителей победивших классов. Сохранив за собой реальную власть в университетах, власть через несколько лет, с наступлением «Великого перелома», сделала все возможное, чтобы высшее образование стало советским и по содержанию, и по форме.

В своих воспоминаниях один из инициаторов забастовки в МГУ и в скором будущем вынужденный эмигрант В.В. Стратонов большое внимание уделил описанию событий января-февраля 1922 г. По его мнению, тот факт, что разбором положения дел в сфере высшего образования занялись высшие органы власти, имел положительный эффект: «Некоторые результаты забастовка все же дала. Было действительно привлечено внимание на невозможное материальное положение высшей школы. Ассигнования на русские ВУЗы были повсюду увеличены. Удалось избавиться от намечавшегося Наркомпросом, в видах экономии, закрытия жизнеспособных высших школ. Улучшено было и материальное положение русской профессуры. Такие профессорские оклады, как 25 рублей в месяц, более не стали возможными. Их повысили, иногда до приемлемой суммы»²³.

Обратим внимание на тот факт, что работавшие в вузах на профессорских должностях члены партии были настроены более радикально, о чем свидетельствует письмо в ЦК от 16 марта 1922 г. 46 коммунистов – преподавателей и научных сотрудников высших учебных заведений Москвы, написанное по следам обсуждения проекта нового устава высшей школы, представленного в докладе В.Н. Яковлевой, ставшей начальником Главпрофобра после отставки Е.А. Преображенского. В письме, подписанном М.Н. Покровским, А.К. Тимирязевым и В.Н. Яковлевой²⁴, предлагалось закончить дебаты о новом уставе и немедленно приступить к проведению его в жизнь. Предвидя неизбежность новых выступлений профессуры, авторы письма предлагали зафиксировать основные положения советской политики в области высшего образования, от которых не следовало отходить ни в коем случае. Среди них: сохранение в вузах рабфаков; сохранение полномочий по приему студентов в руках «советских, профессиональных» органов, не передавая их в руки профессуры, как она того требовала; сохранение за Наркомпросом права назначать научных сотрудников в вузы; сохранение за советскими и профессиональными органами права на распределение стипендий. Кроме того, составители письма просили ЦК поставить вопрос о высшей школе в порядок дня XI съезда РКП(б), назначив докладчиком А.К. Тимирязева. В части порядка управления вузами предлагалось изменить п. 32 устава, расширив полномочия Главпрофобра в области контроля за деятельностью вузов, а также обеспечив права советского меньшинства правлений вузов. Предлагалось выделить факультеты обще-

²³ Стратонов В.В. Потеря Московским университетом свободы... С. 448.

²⁴ Яковлева Варвара Николаевна (1885–1941) – в 1922 г. назначена на руководящую должность в Народном комиссариате просвещения РСФСР. Арестована в 1937 г., расстреляна.

ственных наук из их состава вузов, создав на их базе Институты обществоведения. Наконец, авторы письма настаивали на необходимости периодически созывать совещания с участием профессоров, преподавателей и научных сотрудников из числа коммунистов для обсуждения важных вопросов жизни вузов, в частности проведения в жизнь устава²⁵.

Со своей стороны Политбюро посчитало постановку вопроса о высшей школе в порядок дня XI съезда РКП(б) нецелесообразной. Было предложено обсудить этот вопрос с делегатами в кулуарах съезда и представить заключение в Политбюро по его окончании. Ситуацию удалось нормализовать. В то же время власть не простила профессуре этого выступления. В начале мая на заседании Совнаркома В.В. Стратонова и других профессоров «предостерегли, предложив смягчить тон своих выступлений, а в особенности воздержаться от критики А.В. Луначарского и Наркомпроса»²⁶.

В начале июля 1922 г. принимается новая редакция «Положения о высших учебных заведениях РСФСР». По сравнению с «Положением...» в редакции 1921 г. оно стало более либеральным, что касалось прежде всего процедуры назначения ректора вуза. Если в документе 1921 г. говорилось, что он «назначается Главным Комитетом Профессионально-Технического Образования из числа членов Правления»²⁷, то в новой редакции речь шла также о назначении, но уже «из числа кандидатов на эту должность, *выдвигаемых преподавательским составом* (курсив наш. – Н. А., А. А.) Высшего Учебного Заведения». Правда, тут же делалась оговорка, что «в случае, если Народный Комиссариат Просвещения найдет невозможным назначить ректора из числа кандидатов, представленных преподавательским составом Высшего Учебного Заведения, последний должен назвать других кандидатов. Если и они окажутся не удовлетворяющими требованиям Народного Комиссариата Просвещения, Народный Комиссариат Просвещения назначает ректора по своему выбору»²⁸. Другими словами, открытый протест профессуры если не напугал власть, то заставил ее пойти на некоторые уступки, пусть временные и незначительные.

Однако вскоре осенью 1922 г. после программной речи Г. Зиновьева о ближайших задачах на идеологическом фронте ситуация резко изменилась в худшую сторону. Вероятно, болезнь В.И. Ленина и его отход от руководства страной подтолкнули наиболее радикальное крыло большевистской партии к более решительным действиям, в том числе в области руководства высшей школой. Те представители профессуры, кто особенно активно сопротивлялся советизации вузов, в том числе В.В. Стратонов, М.М. Новиков, Б.Н. Одинцов, Л.П. Карсавин и др., как и значительное число преподавателей гуманитарных и социальных дисциплин, были арестованы и насильственно высланы из Советской России. Власть сумела в короткое время решить главную задачу – лишить профессуру возможности влиять на кадровые решения: «Сосредоточив внимание прежде всего на административном контроле, большевистское руководство достигло главной цели – вырвало высшее образование из рук коллективной профессуры и подчинило его общегосударственной политике»²⁹.

Таким образом, уже в начале 1920-х гг. университетская автономия была де-факто отменена и объявлена «пережитком» и «детисцем феодально-помещичьего строя». Несмотря на наличие в уставе высшей школы норм об участии профессорско-преподавательского состава в формировании вузовского руководства, на деле они не работали. Вся власть была сосредоточена в руках комиссариата просвещения и Главпрофобра. Тем не менее «сама идея... автономии сохранялась как элемент университетской субкультуры»³⁰ на протяжении всей советской истории и оказалась востребованной в начале 1990-х гг., когда российское

²⁵ АП РФ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 71. Л. 61.

²⁶ Финкель С. Организованная профессура и университетская реформа... С. 183.

²⁷ «Положение о высших учебных заведениях РСФСР» от 2 сентября 1921 г. П. 32. [Электронный ресурс] URL: <https://letopis.msu.ru/documents/2762> (дата обращения: 12.11.2024).

²⁸ «Положение о высших учебных заведениях» от 3 июля 1922 г. П. 33. [Электронный ресурс] URL: https://ecolog.ru/docs/T3MpeD40UtWl_4S_iFnai?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 12.11.2024).

²⁹ Финкель С. Организованная профессура и университетская реформа... С. 184.

³⁰ Мазур Л.Н., Карманова Е.Д. К вопросу об автономии российских университетов: историко-документоведческое исследование уставов XIX–XXI веков // Вестник ВолГУ. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25, № 2. С. 165.

высшее образование стремительно переходило на рыночные принципы существования, включая ренессанс принципов университетской автономии.

Ниже впервые публикуются документы, наиболее емко характеризующие события 1921–1922 гг., приведшие к фактическому отказу от принципа университетской автономии в Советской России, отложившиеся в коллекции Архива Президента РФ (АП РФ) в фонде № 3 (Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б)) в тематической папке «Высшая школа». Документы тематических папок лишь частично переданы в Российский государственный архив социально-политической истории. Текст документа передан в соответствии с современными правилами орфографии, стилистические особенности документов сохранены.

* * *

Документ № 1

Письмо председателя Временного президиума МГУ Д.П. Боголепова и группы профессоров в Политбюро ЦК РКП(б)

[г. Москва]

[не позднее 17 апреля 1921 г.]

В Политбюро Ц.К. Р.К.П.

Вопрос о специалистах вовсе не стоял в программе X съезда. В резолюции IX съезда совершенно не затронут вопрос о массовой подготовке новых специалистов преимущественно из рабочей среды и о той роли, какую в этом деле можно отвести старым специалистам. Из двух задач, намеченных IX съездом – построения могущественного социалистического хозяйства и необходимости вырваться из когтей нищеты, – первая задача не может быть решена только при помощи старых буржуазных специалистов. Можно привести сколько угодно примеров не только «невежественного самомнения» партийных товарищей, о которых говорит резолюция IX съезда, но нередко невежественного самомнения – буржуазных специалистов, полного непонимания ими не только задач социалистического строительства, но часто важных вопросов в своей собственной специальности. Дело в том, что российский капитализм создавался преимущественно на иностранные капиталы, иностранными специалистами, иногда целые заводы со всеми их сооружениями целиком переносились из-за границы. Поэтому роль русских специалистов часто ограничивалась наблюдением за поддержанием производства. Русская специальная школа была поэтому на соответственно низком уровне, и этим объясняется невысокая квалифицированность русских специалистов. Инженеры, не знающие, что такое ферма, профессора-химики, не умеющие отличить вопрос о радиоактивности от вопроса о радиотехнике и т.п. далеко не редкость в нашей действительности. И если прибавить сюда абсолютное непонимание задач советского строительства, желание сберечь свои силы для «грядущего» буржуазного строя, то отсюда ясным становится вывод, что с такими «специалистами» можно кое-как вести текущую работу, но нельзя думать о грандиозных задачах переустройства. Нам нужно, с одной стороны, выписывать хороших специалистов из-за границы, а с другой – готовить новых специалистов из сочувствующей нам среды. Эта последняя задача требует ряда лет самой упорной работы, но без ее разрешения мы не выйдем из тупика, не проведем электрификации страны, не разрешим других важнейших задач социалистического строительства. Поэтому нам нужно обратить самое серьезное внимание на выработку новых спецов и определить ту роль, которую в этой подготовке должны играть старые спецы. Несомненно, что постоянное стремление капитализма к возрождению проявляется в этой области стремлением к возрождению буржуазной интеллигенции, тогда как нам нужна коммунистическая. Профессура высшей школы представляет собой замкнутую касту «жрецов», опасную своим стремлением всюду проводить только «своих» людей, и все более талантливое извне, смелое и независимое ими отменяется, и в особенности отменяются коммунисты. В Московском университете коммунистическим Президиумом велась самая упорная борьба за обновление состава преподавателей путем

введения туда хотя бы в небольшом числе коммунистических элементов, что встречало самое упорное противодействие со стороны профессуры. Коммунистка Лепешинская, бывшая раньше три года ассистентом, проведенная против желания профессуры, встретила самый решительный бойкот со стороны своих «товарищей», и только давление президиума дало ей возможность работать. Коммунист Максимов встретил почти такой же прием на физико-математическом факультете, 33 медика – на медицинском. Профессура упорно борется против обновления высшей школы и в особенности за свое право назначать себе преемников. А между тем без обновления состава студенчества при помощи Рабочих факультетов, без обновления состава профессуры мы не сумеем создать кадра надежных специалистов. В частности необходимо уничтожить так называемые факультетские собрания как учреждения менее всего компетентные в научной области и дающие возможность профессуре проводить свое влияние.

Между тем принятый Коллегией Наркомпроса проект об управлении высшей школой с этой точки зрения не вполне соответствует вышеприведенным положениям. Он оставляет известные права факультетам, между тем как опыт Московского Университета в течение четырех месяцев показывает возможность обходиться без факультетских собраний при помощи создания при президиуме особой научно-учебной комиссии, которая фактически решает все важнейшие дела факультетов и проводит коммунистическое влияние. Неправильно, по нашему мнению, также введение студентов в руководящий орган управления, так как: а) в научно-учебной части они не компетентны, б) отрываются от студенческой массы ввиду огромной работы и тем самым теряют свою ценность как представители студенчества, в) легко поддаются влиянию профессуры.

Ввиду принципиальной важности этого вопроса с общеполитической точки зрения, просим: 1) рассмотреть этот вопрос с приглашением заинтересованных лиц и 2) до решения этого вопроса задержать проведение в жизнь проекта об управлении высшей школой и передать его на рассмотрение Совнаркома.

*Председатель Временного Президиума Московского Университета
Д. Боголепов.*

*Член Президиума и председатель
Научно-учебной комиссии при Президиуме Моск. Универ.
А. Тимирязев.*

*Члены научно-учебной комиссии при Президиуме Моск. Универ.
Яр. Пржеборовский¹,
Б. Вейсброд².*

*Член Президиума Моск. Универ. и зав. отд. рабочих факультетов
Н. Вихрев³.*

Всецело присоединяюсь к содержанию докладной записки, за исключением той части ее, где говорится о роли коммунистического студенчества в органах управления ВУЗ. Считаю, что этот вопрос может быть разрешен путем персонального подбора.

*Член Президиума Московского Университета
Зав. Рабочим Факультетом
Г. Меерзон⁴.*

Согласен за исключением пункта о студенчестве. Полагаю, что последнее, как наиболее прогрессивная молодая часть высшей школы, должна в той или иной форме быть привлечена к органам Управления.

*Член Учебно-научной Комиссии
С. Левит⁵.*

*Член Научно-учебной Комиссии
Н.С. Понятский⁶.*

АП РФ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 71. Л. 20–20 об.
Машинописная заверенная копия. Рукописные пометы. Наверху две машинописные резолюции В.И. Ленина и В.М. Молотова: 1) «Тов. Молотову. Пусть прочтут все члены Политбюро. Надо поставить на П/Бюро, по-моему. Сообщить им устав, затребовать их поправки. Очень важно. 17/IV. ЛЕНИН». 2) «Разослать членам П/Бюро завтра 19/IV на П/Бюро. Запросить по последнему п. 2 т. Луначарского. В.М. [Вячеслав Молотов]. 18/IV». Рукописная заверенная запись секретаря: «Подлинник сдан в Институт Ленина». Подпись заверителя А. Щатерникова – автограф.

Комментарии

1. Пржеборовский Ярослав Степанович (1883–?). Работал в Московском университете с 1912 по 1941 г. Один из создателей химического отделения на физико-математическом факультете МГУ, профессор (с 1923), проректор по учебной части (1925), заведующий кафедрой химии (1929–1930), заведующий лабораторией при кафедре неорганической химии (1933–1941) химического факультета.
2. Вейсброт Борис Соломонович (1874–1942), хирург, организатор здравоохранения. Член научно-технической секции Государственного ученого совета при Наркомпросе; член правления Московского хирургического общества всесоюзной ассоциации хирургов; один из организаторов Института неотложной помощи в Москве; личный врач Ленина и Тимирязева. В 1922 г. – профессор 2-го Московского государственного университета (вуз создан в 1918 г. на базе Московских высших женских курсов) кафедры параллельной госпитальной хирургической клиники.
3. Вихирев Николай Всеволодович (1897–1938). Политинспектор Всероссийского штаба РККА (1919–1920), заведующий отделом рабфаков Наркомата просвещения РСФСР (1920–1927). Сторонник троцкистской оппозиции 1926–1927 гг. Репрессирован и расстрелян в 1937 г.
4. Меерзон Г.К. избран в состав Временного Президиума МГУ от рабфака в 1921 г.
5. Левит Соломон Григорьевич (1894–1938), основоположник советской медицинской генетики. Выпускник медицинского факультета МГУ (1920), член первого состава Временного Президиума МГУ. Арестован в 1938 г. и расстрелян.
6. Понятский Николай Сергеевич (?–1928). Биолог, ученик К.А. Тимирязева, профессор.

Документ № 2

Письмо группы профессоров московских и петроградских вузов Председателю СНК РСФСР В.И. Ленину о ситуации в высшем образовании в 1921 г.

[г. Москва]

[Не ранее 28 декабря 1921 г.]

Копия.

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ

Высшее образование, как общее, так и специальное/техническое/медицинское, является основой материального прогресса страны и средством поднятия уровня развития населения; поэтому в культурных странах вопросы, связанные с высшей школой, считаются основными в государственном строительстве. Для иллюстрации достаточно указать на пример Германии, которая достигла блестящих результатов в области народного здравоохранения, в области техники и промышленности высокой постановкой науки и уважения к ней правительства и всего населения.

Запрос на высшее образование существовал в широких массах еще в дореволюционное время, и русские ученые постоянно отзывались на этот запрос. Создание и развитие таких учреждений, как Народные университеты, Пречистенские курсы для рабочих, Университет имени Шанявского, [было] как известно, делом русских ученых; некоторые из нижеподписавшихся принимали в работе этих учреждений активное участие. Это продолжалось и после Октябрьской революции до тех пор, пока ученые не встретились с неожиданной линией поведения руководителей высшего образования Наркомпроса, которые отнеслись с подозрением к ученым, стремясь, вместо единственно возможной свободной науки, поставить суррогаты, которые неизбежно должны были повести к искажению русской культуры. Постановка Наркомпросом вопроса о высшем образовании показывает, что руководители отдела высших учебных заведений не имеют ясного представления о том, что такое высшее общее и, в частности, медицинское и техническое образование и какова связь его с жизнью.

Совершенно справедливо желая приобщить рабочие массы к науке, Отдел Высших учебных заведений Наркомпроса не представлял себе, что для Высшего образования необходима предварительная подготовка, которая, например, в народных университетах осуществлялась специальной средней школой для рабочих.

Первой мерой для проведения общедоступности высшего образования было принятие высшей школой лиц, достигших 16 лет, без всякого контроля и гарантии их подготовки. Эта мера, встреченная отрицательно преподавателями, доказывавшими, что подобное мероприятие нанесет непоправимый вред университетскому преподаванию, было строго проведено О.В.У.З. Наркомпроса и, конечно, должна была дать самые плачевные результаты. Прием неподготовленных слушателей в высшие школы успел сказаться уже и в настоящее время и по единогласному заявлению профессоров, в особенности на медицинских и технических факультетах, уровень студентов старших курсов настолько понизился, что трудно читать специальные курсы, необходимые для инженера и врача. Для этого у слушателей нет достаточной математической подготовки, нет теоретического развития. Неудачу этой меры признал впоследствии и Наркомпрос, восстановив отмененные ранее конкурсные экзамены и введя проверку знаний в течение курса. Прием лиц без достаточной подготовки в связи с ненужным уплотнением высших учебных заведений создали огромное переполнение в школах, в корне разрушающее основы правильного ведения учебного дела, особенно на медицинских и технических факультетах.

Дальнейшим шагом приобщения рабочих к науке было создание рабочих факультетов, мера вполне основательная, если ей дать правильное развитие. Однако инициатор дела О.В.У.З. Наркомпроса не сумел найти правильного пути, и рабочие факультеты, которые должны были бы явиться подготовительной школой, на самом деле превратились в привилегированные учреждения, захватившие многие помещения и лаборатории и тем парализовавшие деятельность основных факультетов. Исключительное положение студентов и преподавателей рабочих факультетов разрушило непрочное у нас в России здание Высшей школы, создав для преподавателей в ней ряд больших затруднений.

Критика постановлений О.В.У.З. Наркомпроса со стороны профессуры вызвала ряд мер, из которых одной из самых нецелесообразных явилось объявление путем декрета всех преподавателей, пробывших в школе более трех лет, независимо от их научных работ, и от ответственности их преподавательской деятельности, полноправными профессорами. Эта мера губительным образом отразилась на ходе научного образования, понизив уровень профессуры. Идя по этому пути далее, О.В.У.З. Наркомпроса отменил вполне самостоятельность академической коллегии и право самопополнения, что неизбежно поведет к дальнейшему понижению уровня преподавания.

Наряду с мерами, направленными против профессорских коллегий, необходимо отметить и ряд мер, направленных против различных учреждений в целом, например уничтожение Университета имени Шаняевского, выполнившего интенсивную научную и педагогическую работу.

Одной из характерных черт деятельности Отдела Высших Учебных Заведений Наркомпроса, не сумевшего выработать в течение трех лет никакого устава Высшей школы, является система нецелесообразности и ничем не оправданных экспериментов, к которым нужно отнести устранение избранного коллегией Ректора в Московском Высшем Техническом Училище и замену его лицом, которое в свое время было исключено из состава профессуры за неисполнение обязанностей и которое, по его собственным словам, отличалось полнейшим презрением к преподавательскому составу Московского Высшего Технического Училища. Конфликт был неизбежен, он разразился и привел к прекращению занятий преподавательским персоналом, с которым оказалось солидарно и студенчество (около 2 000 человек против 150). Неправильность мероприятий Отдела Высших Учебных Заведений Наркомпроса в этом случае была констатирована им самим в Правительственном сообщении. Другим примером является назначение Президиума Первого Московского Университета к передаче в его бесконтрольное ведение управление всеми факультетами,

в том числе и медицинским; при этом Президиум, лишенный компетентности в медицинских вопросах, отказывается признать таковую за медицинским факультетом, производя, например, назначение ближайших сотрудников профессоров помимо согласия и участия самих профессоров, что создает невозможную атмосферу в лабораториях и клиниках и ведет к дальнейшему падению медицинского образования, столь важного для дела народного здравоохранения.

Признавая неизбежность отдельных ошибок при бурном революционном темпе жизни, мы не можем не отметить, что если деятельность того или другого учреждения складывается только из ошибок, то это указывает на существование в учреждении органических дефектов, требующих коренных изменений.

Не приводя других многочисленных примеров, характеризующих работу Отдела Высших Школ Наркомпроса, мы обращаемся к вам с просьбой довести наши соображения до сведения Совнаркома. Мы должны прибавить, что многие из нас работают в других комиссариатах или других Отделах Наркомпроса: комиссариаты Военный, Здравоохранения, Путей сообщения, Земледелия, ВСНХ, Отделы искусств Наркомпроса и пр. и нигде не встречают в своей работе таких затруднений, как в отделах Высших школ Наркомпроса. Причину этого мы видим в недоверии профессуре и в непонимании задач образования, а для установления сколько-нибудь нормального порядка мы считаем нужным:

I. Назначения для управления общей и специальной Высшей Школой лица, относящегося с доверием к ученым и способного на деловой контакт с ними.

II. Создание при Наркомпросе ученого органа из выборных представителей от Академии наук и Высших Школ – на место ГУСа (Государственного ученого совета. – Н. А., А. А.), имеющего в своем составе лишь единичных ученых и не пользующегося в целом авторитетом в ученом мире. Такой орган специалистов должен играть роль консультационного органа, аналогичного Инженерному Комитету ГВИУ, Артиллерийскому Комитету ГАУ, Ученому Медицинскому Совету НКЗ, Техническому Комитету Высшего Геодезического Управления при ВСНХ.

III. Предварительное обсуждение указанным органом всех деталей проводимых Наркомпросом проектов в области Высшего Народного Образования.

(Подписали):

К.А. КРУГ, профессор и декан электротехнического факультета Московского Высшего Технического Училища, Член Государственной Общеплановой Комиссии, Председатель Теплового Комитета.

И.М. ГУБКИН, профессор и член Президиума Московской Горной Академии, геолог Геологического Комитета ВСНХ, член Государственной Общеплановой Комиссии, Председатель Главного Сланцевого Комитета и заместитель председателя Главного Нефтяного Комитета, Председатель Особой Комиссии по исследованию Курской магнитной аномалии, член Совета Московского Отделения Геологического Комитета и Председатель Секции Прикладной Геологии.

Л.А. ТАРАСЕВИЧ, профессор 2-го Московского Государственного Университета и Ветеринарного Института, Председатель Ученого Медицинского Совета Наркомздрава, Директор Государственного Научного Института Здравоохранения и Института Контроля Сывороток и Вакцин, Председатель Сывороточно-Вакцинной Комиссии, Редактор Реферативн. Журнала, Врачебного Дела и др. журн.

В.Н. РОЗАНОВ, Старший врач бывшей Солдатенковской больницы, Председатель Медицинской Комиссии при Государственном Протезном заводе, лектор курсов для врачей по рентгенологии при Наркомздраве, заведующий терапевтическим отделением при рентгеновской секции Наркомздрава.

П.П. ЛАЗАРЕВ, профессор Московского Университета и Московского Высшего технического училища, член Российской Академии наук, Директор Института биологической физики Наркомздрава, заведующий рентген. электром. и фотобиологической секцией Наркомздрава, член Ученого Медицинского Совета НКЗ, заведующий фотохимическим

отделом Института Прикладной химии ВСНХ, член и заместитель председателя Особой Комиссии по исследованию Курской магнитной аномалии ВСНХ и председатель магнитного отдела, председатель коллегии Центрального Аэродинамического Института.

Д.Д. ПЛЕТНЕВ, профессор Первого Государственного Университета, директор Факультетской Терапевтической Клиники, редактор научного журнала «Клиническая медицина», член Ученого Медицинского Совета НКЗ.

А.А. ГРУШКА, профессор Первого Московского Государственного Университета, декан Историко-Филологического факультета.

В.В. СТРАТОНОВ, Профессор Первого Московского Государственного Университета, декан Физико-Математического Факультета, Председатель Комитета Главной Астрофизической Обсерватории, заведующий Физико-Математическим Отделом Государственного Румянцевского Музея, председатель представительства Туркестанского Государственного Университета.

Н.А. ИЗГАРЫШЕВ, декан и профессор Технического Факультета Института Народного Хозяйства имени К. Маркса, профессор Первого Государственного Университета и Московской Горной Академии.

В.А. ФОМИН, профессор Высшей Медицинской школы, Профессор Ветеринарного Московского Института, Проректор и товарищ декана Медицинского Факультета Первого Московского Государственного Университета.

А.А. ЧУГАЕВ, профессор химии в Петроградском Университете и Петроградском Технологическом Институте, Директор Института по изучению платины, член Президиума Института прикладной Химии, член Международной Ассоциации химических обществ от России.

А.Н. ДЕРЖАВИН, профессор Иваново-Вознесенского Политехнического Института, декан Инженерно-Технического факультета, лектор Высших Административно-Технических курсов для рабочих, профессор Высших Художественных мастерских в Москве, редактор текстильных справочников для рабочих при НТО ВСНХ, заведующий прядельными фабриками Раменской мануфактуры.

С.С. НАМЕТКИН, профессор и ректор Второго Московского Государственного Университета.

Е. ФРОМГОЛЬД, Профессор Первого Московского Государственного Университета, член рентгеновской секции НКЗ.

Н.Р. БРИЛИНГ, профессор Московского Высшего Технического Училища, председатель коллегии Автомоторного Института ВСНХ, председатель коллегии «Компаса», член Комитета Военно-Воздушного флота.

С.А. ЧАПЛЫГИН, профессор Первого Московского Государственного Университета, член коллегии Центрального Аэрод. Института.

А.Е. ЧИЧИБАБИН, профессор Высшего Технического Училища и Московского Государственного Университета, Председатель Технического Совета Глав. ВСНХ, член Технического Совета Химотдела ВСНХ, член Ученого Медицинского Совета Наркомздрава.

И.А. КАЛИННИКОВ, профессор и ректор Московского Высшего Технического Училища, член Общеплановой Государственной комиссии при СТО.

А.Д. АРХАНГЕЛЬСКИЙ, профессор Московского Высшего Технического Училища, Межевого Института и Университета, член Геологического Комитета ВСНХ, Председатель Геологического Отдела Особой Комиссии по Курской магнитной аномалии, председатель Комиссии по воссозданию учебно-технической литературы Главпрофобра.

В.И. ЯСИНСКИЙ, профессор Высшего Московского Технического Училища, заместитель председателя Теплового Комитета, член Президиума Паркома при Главном Управлении Тех. Предприятий ВСНХ, редактор журнала «Вестник Инженеров».

П.П. ДИАТРОНОВ, профессор Второго Московского Государственного Университета, товарищ председателя Ученого Медицинского Совета Наркомздрава.

В.В. ИВАНОВ, профессор Первого Московского Государственного Университета, ученый секретарь ученого медицинского Совета, редактор журналов «Клиническая медицина», «Реферативный медицинский журнал» и «Врачебное дело».

А.В. МАРТЫНОВ, профессор, декан Медицинского Факультета, редактор «Клинической медицины», «Реферативного медицинского журнала», «Врачебного дела», консультант Травматологического Института.

Ф.А. РЕЙН, профессор и декан Медицинского факультета Второго Московского Государственного Университета, член Ученого Медицинского Совета при Нар. Ком. Здравоохран., главный доктор Московской 1-й городской им. Н.И. Пирогова больницы.

А.Е. ФЕРСМАН, член Российской Академии Наук, профессор Петроградского университета, ректор Географического Института, товарищ Председателя комиссии Производительных Сил России.

А.И. БАЧИНСКИЙ, профессор Московского Межевого Института и Университета, член Научной комиссии НТО ВСНХ.

В.А. КОСТИЦИН, профессор Первого Государственного Университета, товарищ декана Физико-Математического Факультета, член Государственного Ученого Совета, Ученый секретарь Московского института Математических Наук, член коллегии Научно-техническ. Отдела ВСНХ.

А. ДОЛГОВ, профессор и проректор Московского Высшего Технического Училища, член Президиума Госплана, заведующий Центральным Производственным Отделом ВСНХ.

СЕРГЕЙ ОЛЬДЕНБУРГ, непреременный секретарь Российской Академии Наук, и ее действительный член, Председатель Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии, профессор Петроградского Университета.

В. СТЕКЛОВ, Вице-Президент Российской Академии Наук, профессор Петроградского Университета, член редакции журнала, Вице-Президент VI Интернационального Конгресса математиков, член международной комиссии по выработке научной терминологии, член московского математ. Общества и Общества Любителей Естествознания.

В. ИПАТЬЕВ, член Российской Академии Наук, директор Государственного Научно-Технического Института.

М. КУРНАКОВ, член Российской Академии Наук, профессор Горного и Политехнического Института в Петрограде, Председатель Отделения Химии Русского Физико-Химического Общества.

И.П. ПАВЛОВ, член Российской Академии Наук, член Института Экспериментальной медицины и профессор Военно-Медицинской Академии.

А.А. БЕЛОПОЛЬСКИЙ, член Российской Академии Наук, Соредактор Научного журнала «Astrophysical Journal», Почетный член Royal Astronomical Society, Почетный член Итальянского Общества Спектроскопистов, Медальер Французского Института.

А.П. КАРПИНСКИЙ, Президент и член Российской Академии Наук, почетный директор Геологического Комитета.

Сем. ФЕДОРОВ, профессор Высшего Московского технического Училища, член Госплана, заведующий Текстильным Институтым НТО.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 71. Л. 54–56.

Машинопись. Подчеркивания по тексту, английский текст вписан от руки. Рукописные резолюции:

- 1) В.И. Ленина: «т. Молотову. Дать на заключение т. Луначарскому, т. Каменеву, т. Преображенскому»;
- 2) Л.Б. Каменева: «Надо поставить в П(олит)бюро». Подписи на резолюциях В.И. Ленина, Л.Б. Каменева – автографы. Две квадратные печати для входящих документов: 1) Прот. П.Б. № 94. п. 8; 2) Дело № 90, 38. Подпись заверителя М. Турикова – автограф. Документ датируется по сопроводительным документам.

Документ № 3

Обращение группы профессоров Московского университета в СНК РСФСР с объяснением причин прекращения занятий в вузе зимой 1921/1922 уч. г.

[г. Москва]

[Не ранее 13 января 1922 г.]

В СОВНАРКОМ От преподавателей Московского университета

Московский университет, старейший в России, после 167-летнего служения русскому народу и науке прекратил занятия.

Московская профессура неоднократно призывала власть вникнуть в острейшее положение высшей школы. Она стремилась привлечь на угрожающую катастрофу внимание носителей высшей власти. Все было бесплодно, и иного пути, к прискорбию преподавателей, не оказалось.

Когда страна разорена, обнищала, последней ее надеждой должны быть знания и наука. Школу надо было оберегать до последней крайности. Вверженная в невежество страна исторически будет отброшена на несколько столетий. Она неминуемо станет добычей культурных соседей.

После разрушения средней школы теперь погибнет и высшая, почти лишенная материальных средств и отрезанная от мировой науки. Провинциальные университеты, десятки лет служившие с честью народу и науке, закрываются или превращаются в средние школы. Огонек науки едва теплится в столичных университетах.

Клиники, лаборатории, кабинеты получают ассигнования в десятки раз меньше, чем нужно. Аппараты изношены, новых не приобретается. Лечить и работать нечем: медикаменты и реактивы иссякают. Новой литературы почти нет, общение с зарубежными учеными затруднено до крайности. Отопление скудное или его вовсе нет.

Преподаватели вознаграждаются во много раз меньше, чем нужно, чтобы [неразборчиво] работать. Они должны работать на стороне, совмещая по многу должностей. Скудное содержание уплачивается им через 2–3 месяца, и деньгами уже иной, меньшей ценности. Для ученой работы сил и времени не остается, преподавание ведется переутомленными людьми.

Профессура обнищала и изнемогает. Многие преждевременно умерли от оскудения и непосильного для ученых физического труда. Иные кончили самоубийством. Большинство оставшихся, чтобы существовать, распродали имущество, книги.

Страна, раньше бедная научными силами, теперь ими обнищала.

Московский университет не хочет вводить в обман ни представителей власти, ни учащуюся молодежь, ни народ. Надо решиться на одно из двух:

или высшие учебные заведения закрыть, или прямо и решительно покончить с бывшим до сих пор отношением к высшей школе и ее преподавателям. Что для этого нужно – искренне желающим выхода будет указано.

Делегаты:

Проф. В.С. Гулевич.
Проф. В.А. Костицин.
Проф. А.П. Павлов.
Проф. Д.Д. Плетнев.
Проф. Г.Н. Сергиевский.
Проф. В.В. Стратонов.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 71. Л. 45.

Машинопись. Две квадратные печати для входящих документов: 1) Прот. П.Б. № 94. п. 8; 2) Дело № 20, 38. Рукописная резолюция: «для сведения В.Л. 7/II». Документ датируется по сопроводительным документам.

Литература

Вахитов Р.Р. Автономия и академические свободы в советских университетах (1920–50-е) // Университетское управление: практика и анализ. 2024. Т. 28, № 1. С. 144–153.

Купайгородская А.П. Объединение научных и высших учебных заведений Петрограда (1917–1922) // Власть и наука, ученые и власть: 1880-е – начало 1920-х годов: мат-лы междунар. науч. коллоквиума. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 185–201.

Курепин А.А. Власть и наука. 1917–1937 гг. (на материалах Петрограда – Ленинграда): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2004. 47 с.

Мазур Л.Н., Карманова Е.Д. К вопросу об автономии российских университетов: историко-документоведческое исследование уставов XIX–XXI веков // Вестник ВолГУ. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25, № 2. С. 156–169.

Парсанов В.С. Борьба за университет в большевистской России 1917–1921 гг. // Вестник РГГУ. Сер.: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2018. № 6 (39). С. 121–146.

Петаченко Г.А. Профессиональные объединения научных работников в советской России (1918–1928 гг.) // «Вышэйшая школа»: навукова-метадычны і публіцыстычны часопіс. 2016. № 4. С. 36–39.

Серебряный С.Д. Наука и власть в России. Актуальные размышления над современной книгой (Каганович Б.С. Сергей Федорович Ольденбург. Опыт биографии. СПб., 2006) // Одиссей. Человек в истории. История как игра метафор: метафоры истории, общества, политики. М., 2007. Вып. 19. С. 356–375.

Стратонов В.В. Потеря Московским университетом свободы (воспоминания о забастовке 1922 г.) // На рубежах познания Вселенной (Историко-математические исследования, вып. 23, 1991). М., 1992. С. 410–455.

Финкель С. Организованная профессура и университетская реформа в советской России (1918–1922) // Власть и наука, ученые и власть: 1880-е – начало 1920-х годов: мат-лы междунар. науч. коллоквиума. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 173–184.

Худобородов А.Л., Заровнятных В.А. Реформа высшего образования в Советском государстве в 20-е годы XX века // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2013. № 4. С. 256–264.

Шандулин Е.В. Университетская трансформация в 1920-е гг. в СССР как отражение государственной политики реформирования системы высшего образования (по материалам Донского университета) // Гуманитарные и юридические исследования. 2017. № 1. С. 135–140.

References

Finkel', S. (2003). Organizovannaya professura i universitetskaya reforma v Sovetskoy Rossii (1918–1922) [Organized Professorship and University Reform in Soviet Russia (1918–1922)]. In *Vlast' i nauka, uchenye i vlast': 1880-e – nachalo 1920-kh godov: materialy Mezhdunarodnogo nauchnogo kollokviuma*. St. Petersburg, pp. 173–184.

Khudoborodov, A.L., Zarovnyatnykh, V.A. (2013). Reforma vysshego obrazovaniya v Sovetskom gosudarstve v 20-e gody XX veka [Reform of Higher Education in the Soviet State in the 1920s]. In *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta*. No. 4, pp. 256–264.

Kupaygorodskaya, A.P. (2003). Ob'edinenie nauchnykh i vysshikh uchebnykh zavedeniy Petrograda (1917–1922) [Unification of Scientific and Higher Educational Institutions of Petrograd (1917–1922)]. In *Vlast' i nauka, uchenye i vlast': 1880-e – nachalo 1920-kh godov: materialy Mezhdunarodnogo nauchnogo kollokviuma*. St. Petersburg, pp. 185–201.

Kurepin, A.A. (2004). *Vlast' i nauka. 1917–1937 gg. (na materialakh Petrograda – Leningrada)* [Power and Science. 1917–1937 (Based on Materials from Petrograd–Leningrad)], Dr. hist. sci. abstract. St. Petersburg. 52 p.

Mazur, L.N., Karmanova, E.D. (2020). K voprosu ob avtonomii rossiyskikh universitetov: istoriko-dokumentovedcheskoe issledovanie ustavov XIX–XXI vekov [On the Issue of Autonomy of Russian Universities: Historical and Documentary Research of the Statutes of the 19th – 21st Centuries]. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 25, No. 2, pp. 156–169.

Parsanov, V.S. (2018). Bor'ba za universitet v bol'shevistskoy Rossii 1917–1921 gg. [The Struggle for the University in Bolshevik Russia 1917–1921]. In *Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie*. Vol. 6, No. 39, pp. 121–146.

Petachenko, G.A. (2016). Professional'nye ob'edineniya nauchnykh rabotnikov v sovetskoj Rossii (1918–1928 gg.) [Professional Associations of Scientific Workers in Soviet Russia (1918–1928)]. In “*Vyshehishaya shkola*”: *navukova-metadychny i publitsystrychny chasopis*. No. 4, pp. 36–39.

Serebryany, S.D. (2007). Nauka i vlast' v Rossii. Aktual'nye razmyshleniya nad svoevremennoy knigoy (Kaganovich B.S. Sergei Fedorovich Ol'denburg. Opyt biografii. SPb., 2006) [Science and Power in Russia. Current Reflections on a Timely Book. (Kaganovich B.S. Sergei Fedorovich Oldenburg. An Experiment in Biography. St. Petersburg, 2006)]. In *Odissey. Chelovek v istorii. Vol. 1. History as a Play of Metaphors: Metaphor of History, Society and Politics*. Moscow, pp. 356–375.

Shandulin, E.V. (2017). Universitetskaya transformatsiya v 1920-e gg. v SSSR kak otrazhenie gosudarstvennoy politiki reformirovaniya sistemy vysshego obrazovaniya (po materialam Donskogo universiteta) [University Transformation in the 1920s in the USSR as a Reflection of the State Policy of Reforming the Higher Education System (Based on Materials from the Don University)]. In *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*. No. 1, pp. 135–140.

Stratonov, V.V. (1992). Poterya Moskovskim universitetom svobody (vospominaniya o zabastovke 1922 g.) [Moscow University's Loss of Freedom (Memories of the 1922 Strike)]. In *Na rubezhakh poznaniya Vselennoy (Istoriko-matematicheskie issledovaniya)*. Moscow. Vol. 23, pp. 410–455.

Vakhitov, R.R. (2024). Avtonomiya i akademicheskie svobody v sovetskikh universitetakh (1920–50-e) [Autonomy and Academic Freedom in Soviet Universities (1920–50s)]. In *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz*. Vol. 28, No. 1, pp. 144–153.

А.Н. Конин*

«...ЭТИ ГОСПОДА, ДЕЙСТВУЯ
В КОНТРРЕВОЛЮЦИОННЫХ ЦЕЛЯХ,
ИСПОЛЬЗОВАЛИ СВОЕ ВЫСОКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ
СОВЕТСКИХ УЧЕНЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ»: ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ
А.Я. ВЫШИНСКОГО 27 ДЕКАБРЯ 1930 Г. В НАРКОМПРОСЕ
ОБ ИТОГАХ СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА «ПРОМПАРТИИ»

doi:10.31518/2618-9100-2025-1-18
УДК 34.32

Выходные данные для цитирования:
Конин А.Н. «...Эти господа, действуя в контрреволюционных целях, использовали свое высокое положение советских ученых деятелей»: из выступления А.Я. Вышинского 27 декабря 1930 г. в Наркомпросе об итогах судебного процесса «Промпартии» // Исторический курьер. 2025. № 1 (39). С. 268–290. URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-1-18.pdf>

A.N. Konin*

“...THESE GENTLEMEN, ACTING FOR
COUNTER-REVOLUTIONARY PURPOSES, USED THEIR
HIGH POSITION AS SOVIET SCIENTISTS. FROM
THE SPEECH OF A.YA. VYSHINSKY ON 27 DECEMBER 1930
AT THE PEOPLE’S COMMISSARIAT OF EDUCATION
ON THE OUTCOME OF THE ‘INDUSTRIAL PARTY’ TRIAL”

doi:10.31518/2618-9100-2025-1-18

How to cite:
Konin A.N. “...These Gentlemen, Acting for Counter-Revolutionary Purposes, Used Their High Position as Soviet Scientists. From the Speech of A.Ya. Vyshinsky on 27 December 1930 at the People’s Commissariat of Education on the Outcome of the ‘Industrial Party’ Trial” // Historical Courier, 2025, No. 1 (39), pp. 268–290. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-1-18.pdf>]

Abstract. Post-Soviet historiography is actively studying the causes, proceedings and results of the staged trial of the mythical ‘Industrial Party’ that took place in Moscow from 25 November to 7 December 1930. The aim of these scholarly reconstructions is to reveal clear discrepancies and contradictions between the goals of the Stalinist leadership, officially announced in the propaganda accompanying the trial, and the officially proclaimed successes and their consequences of their actual consequences. It is impossible to verify the achievement of both key objectives (to legally establish the existence and ‘defeat’ of the largest domestic ‘wrecking’ organization and to thwart the West’s alleged ‘interventionist’ plans against the USSR) due to the absence of any objective evidence for either the very existence of the ‘Industrial Party’ or the development of plans for invasion against the Soviet Union during the specified period. The evidence is more tangible and specific for the effects of ‘wrecking’ trials and repressive campaigns on the militarization of Soviet life, the rise of social tensions, and anti-intellectual attitudes in both society and the political leadership, with their inevitable consequences for industry and beyond. This documentary publication (the transcript of A.Y. Vyshinsky’s speech to the active members of the People’s Commissariat of Education after the completion of the ‘Industrial Party’ trial) is valuable for reconstructing the technologies used to shape in the consciousness of corporate groups of managers, not the actual, but the mythical results of the trial.

Keywords: “Industrial Party” trial, ideological and propaganda support, A.Y. Vyshinsky, mythical and real consequences.

The article has been received by the editor on 02.02.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Артем Николаевич Конин**, магистрант, Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия, e-mail: a.konin@gsu.ru

Artem Nikolaevich Konin, Master’s Student, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia, e-mail: a.konin@gsu.ru

Аннотация. В постсоветской историографии достаточно активно изучаются причины, ход и результаты показательного судебного процесса над мифической «Промышленной партией», проходившего в Москве 25 ноября – 7 декабря 1930 г. Задачами исследовательских реконструкций становится выявление очевидных разрывов и противоречий между целями сталинского руководства, официально озвученными в сопровождавшей процесс пропаганде и объявленными успешно достигнутыми и реальными последствиями их осуществления на практике. Выполнение обеих целевых задач процесса (доказать юридически существование и «разгром» крупнейшей внутренней «вредительской» организации и тем самым сорвать готовившиеся Западом «интервенционистские» планы в отношении СССР) невозможно верифицировать за отсутствием объективных фактов наличия как самой «Промпартии», так и разработки планов вооруженной агрессии против советской страны в указанный период. Более конкретны и предметны доказательства влияния «вредительских» судебных процессов и репрессивных кампаний на милитаризацию жизни страны, рост социальной напряженности и антиинтеллигентских настроений в обществе и во власти с их неизбежной проекцией на производственную сферу и т.д. Данная документальная публикация (стенограмма выступления А.Я. Вышинского перед активом Наркомпроса через три недели после завершения процесса «Промпартии») представляет ценность с позиций реконструкции технологий закрепления в сознании корпоративных групп управленцев не реальных, а именно мифических результатов проведенного процесса.

Ключевые слова: судебный процесс «Промпартии», идеолого-пропагандистское сопровождение, А.Я. Вышинский, мифологические и реальные последствия.

Статья поступила в редакцию 02.02.2025 г.

Проходивший в Москве с 25 ноября по 7 декабря 1930 г. в Колонном зале Дома Союзов показательный судебный процесс по «делу «Промпартии»», где также два с половиной года назад состоялся первый (Шахтинский, 18 мая – 6 июля 1928 г.) в ряду знаковых открытых так называемых вредительских процессов, продемонстрировал укрепление торжества сталинской доктринальной установки на «обострение классовой борьбы по мере строительства социализма» путем переноса ее в советское законодательно-правовое пространство. В исследовательской литературе достаточно обоснованно указывается на желание сталинского руководства укреплять и наращивать в массовом общественном сознании мобилизационный потенциал противодействия некоей угрозе для страны в соединении «контрреволюции внутренней» и «интервенции внешней». Названные выше судебные процессы призваны были обеспечить юридическую легитимность данной доктрины путем предъявления стране и миру доказательств существования указанного выше объединенного «анти-советского блока».

Феномен «Больших вредительских» процессов, прошедших в СССР в конце 1920-х – начале 1930-х гг., куда, помимо «Шахтинского» и «Промпартии», исследователи относят и проведенный вскоре открытый процесс над столь же мифическим и не существовавшим в действительности «Союзным бюро меньшевиков» (1–9 марта 1931 г.), имеет в своем современном исследовании несколько измерений. Среди основных – реконструкция механизмов и практик организации, подготовки, проведения и выявления очевидных последствий данных процессов. В свою очередь, по мере разработки указанной центральной проблематики, которая далеко не исчерпывается вышедшими аналитическими и документальными публикациями¹, остается важнейший вопрос, относящийся скорее к разряду общеисториче-

¹ Федюкин С.А. Великий Октябрь и интеллигенция. М., 1972; Ефимов Е., Щетинов Ю. Три процесса над старой интеллигенцией // Политическое образование. 1989. № 6. С. 69–76; Есиневиц А.А. Театр абсурда или судебный процесс по «Шахтинскому делу». СПб., 2004; Шахтинский процесс 1928 г.: подготовка, проведение, итоги:

ского, контекстного характера – в какой мере данные широкомасштабные и крайне ресурсозатратные усилия большевистского руководства по проведению данных процессов достигали поставленных целей и в какой мере влекли за собой так называемые издержки, именуемые в литературе «непреднамеренными последствиями»².

«Большие вредительские», сопровождаясь массивной пропагандой, обладали способностью комплексного воздействия на власть, идеологию и общество, поэтому в историографии за ними закрепился статус социокультурного феномена³. Первое в своем ряду «Шахтинское дело» создавало концепт «вредительства», интегрируя данную идеологию в массовое общественное сознание. В литературе сделан вывод, что «процесс был “поставлен” большевистским руководством ради и для рабочей среды, а “спецы” являлись объектом общей социальной неприязни»⁴. Процесс 1928 г. фактически был одобрением «спецедействия» на государственном уровне. Обратным эффектом такого «сигнала» явилось снижение производственных показателей, что показал С.В. Шарапов: «последствия показательной расправы над “вредителями” приобретали деструктивный характер, с трудом поддавались контролю и дестабилизировали производственный процесс»⁵. Сфабрикованное в 1930 г. дело «Промпартии» отличалось преобладанием фактора внешней угрозы («интервенция») вместо культивирования опасности «вредительства». Несомненно, что здесь была тенденция к преодолению «непреднамеренных последствий» «Шахтинского дела». Идеологическая перестановка нивелировала конфликтные издержки 1928 г., расширяя спектр потенциально достижимых целей процесса.

Сталинское руководство возлагало на процесс «Промпартии» политические, экономические и даже внешнеполитические задачи. Фундаментальной целью было сохранение репутации советской власти путем списания неудач форсированной индустриализации на «вредительство» буржуазных специалистов. Поднятие трудового энтузиазма посредством пропаганды «интервенции» составляло своего рода программу-максимум данной кампании. Фактор внешней угрозы позволял создавать образ «оборонительной индустриализации», обеспечивая распространение активизма на производстве. Впервые ставилась задача мобилизации инженерного труда, поскольку «спецедействие» предупреждалось. Такого эффекта предполагалось добиться, создавая образ раскаявшихся «вредителей», что гарантировало решение ЦИКа о смягчении приговора осужденным⁶. С другой стороны, тезис о «французской интервенции» давал возможность Коминтерну консолидировать аудиторию на Западе вокруг угрозы СССР.

Таким образом, процесс «Промпартии» задумывался как мощный инструмент, и стоит отметить, апробированная в 1930 г. линия «интервенции» легла в основу последующего процесса. Тем не менее открытым остается вопрос о результативности процесса в осуществлении «заказа» Политбюро, его влияния на массовое общественное сознание.

Некоторые направления разработки данной проблематики исследователи могут выявить благодаря обращению к пропагандистским, публицистическим и другим источникам, исходившим не только от Сталина и его непосредственного окружения (свидетельств такого рода относительно немного и они в целом известны), но и непосредственных исполнителей, проводников в судебных заседаниях доктринального концепта «вредительства», среди которых ключевыми фигурами выступали на упомянутых выше процессах

в 2 кн. М., 2010–2011; Политбюро и «вредители». Кампания по борьбе с вредительством на объектах промышленности: в 2 кн. М., 2014; Судебный процесс «Промпартии» 1930 г.: подготовка, проведение, итоги: в 2 кн. М., 2016–2017.

² Мертон Р. Непреднамеренные последствия преднамеренного социального действия // Социологический журнал. 2009. № 2. С. 5–17.

³ Соскин В.Л. Шахтинское дело в ракурсе социально-культурного подхода // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2009. Т. 8, № 1. С. 50–58.

⁴ Красильников С.А. Инсценирующая диктатура. 90 лет Шахтинскому процессу 1928 г // ЭКО. 2018. № 6 (528). С. 160.

⁵ Шарапов С.В. Идеолого-пропагандистское обеспечение Шахтинского судебного политического процесса (март-декабрь 1928 г.): дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2018. С. 161.

⁶ Судебный процесс «Промпартии» 1930 г.: подготовка, проведение, итоги... Кн. 1. С. 625–626.

Н.В. Крыленко в качестве государственного обвинителя и А.Я. Вышинский, председательствовавший на первых двух из трех перечисленных процессах. Но если многочасовые речи Крыленко не только тиражировались периодической печатью в ходе самих процессов и затем переиздавались отдельным изданием⁷, то А.Я. Вышинский оставался «в тени», хотя в его функции входила организационно-правовая координация в ходе проведения самого судопроизводства, включая не только входившую и исходившую документацию, но и надзор над пропагандистской кампанией, сопровождавшей процессы «Шахтинский» и «Промпартии» (в частности, лично просматривал и визировал контент звукового документального фильма о процессе «Промпартии»).

Тем не менее по окончании процесса «Промпартии» он весьма активно выступал в качестве интерпретатора его итогов в различных корпоративных аудиториях, прежде всего с теми, с которыми он был связан своей профессиональной деятельностью как высокопоставленный функционер Наркомпроса РСФСР. В 1928–1930 гг. он возглавлял Главное управление профессионального образования (Главпрофобр), одновременно являлся членом коллегии Наркомата просвещения РСФСР и зам. председателя Государственного ученого совета.

В фонде Верховного Суда СССР в делопроизводстве секретариата Прокуратуры Суда сохранились четыре документальных источника, три из которых содержат в себе практически не правленные стенограммы выступлений Вышинского в профессиональных закрытых аудиториях, а также лично отредактированный текст для публикации.

Первая стенограмма датирована 9 декабря 1930 г. – Вышинский выступал на митинге сотрудников Наркомпроса⁸. 14 декабря в канцелярию пришла телеграмма следующего содержания: «не знаю правильно я сделала – взяв из Вашей стенограммы часть материала. Очень прошу Вас сделайте для “Юного коммуниста” (теоретич. журнал ЦК ВЛКСМ) статью, вплоть до 1 печатного листа»⁹. Высланные фрагменты были отредактированы лично Вышинским и отправлены в редакцию 16 декабря¹⁰. 27 декабря Вышинский выступал на открытии сессии Государственного ученого совета (далее – ГУС)¹¹. Другая стенограмма – выступление Вышинского на собрании инженерно-технических сил Народного Комиссариата путей сообщения (далее – НКПС) от 4 января 1931 г. Среди перечисленных речей Вышинского в научный оборот введен только доклад с митинга Наркомпроса¹². Предметом данной документальной публикации является стенограмма выступления Вышинского, состоявшегося 27 декабря.

При сравнении выявленных текстов с авторством Вышинского нетрудно установить их структурную и содержательную преемственность между собой. Помимо очевидной причины (их создатель при всем своем желании не мог бы выйти за рамки официальной точки зрения на причины, ход и результаты проведенного под его председательством процесса), повторяемость ключевых сюжетных линий в выступлениях Вышинского диктовалась задачей усиления и закрепления достигнутого перед целевыми аудиториями, прежде всего управленцами высшего звена в системе Наркомпроса, которым предстояло в дальнейшем пропагандировать в образовательных кругах данные властью оценки процесса как «новой формы классовой борьбы путем вредительства». Среди центральных линий Вышинским выделялись следующие, перечисленные ниже.

Тезис первый об особой сложности и трудности проведения процесса, который нес в себе кардинальное отличие от традиционных гласных судебных процессов с характеристиками независимого суда, состязательности сторон обвинения и защиты, противостояния подсудимых предъявленным обвинениям и т.д. Вышинский признавал, что данный процесс был лишен ряда данных атрибутов, переведя сам его характер совершенно в иную, идеолого-

⁷ Крыленко Н.В. Судебные речи. 1922–1930. М., 1931.

⁸ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-8131. Оп. 8. Д. 22. Л. 10–36.

⁹ Там же. Л. 1.

¹⁰ Там же. Л. 2–9.

¹¹ Там же. Оп. 7. Д. 10. Л. 1–53.

¹² Судебный процесс «Промпартии» 1930 г.: подготовка, проведение, итоги... Кн. 2. С.725–738.

мировоззренческую плоскость как противостояние и борьбу двух миров – советского и мирового буржуазного, историческое значение которого заключалось в разоблачении интервенционистских замыслов западных кругов показаниями самих же их наемников – «вредителей». Эта борьба на данном этапе, по мнению Вышинского, закончилась очевидной победой советской стороны, поскольку западным правительственным кругам и их печатным органам не удалось замолчать и дискредитировать значение и результаты пролетарского суда.

Тезис второй заключался в том, что содержание и ход суда убедительно развеяли мифы западной враждебной пропаганды о выстроенности всего процесса на самооговорах подсудимых. Да, указывал Вышинский, подсудимые, прежде всего Рамзин и Федотов, произносили на суде двух-четырёхчасовые речи, имея перед собой записи (Вышинский именовал их «конспектами»), которые каждый из них составил на основании знакомства с ранее сделанными ими показаниями на стадии чекистского следствия, но из этого не следовало делать выводы, как это делала буржуазная пресса, что они зачитывали заранее подготовленные следователями тексты. Вышинский опровергал это указанием на то, что в ходе последующих вопросов членов суда и перекрестных допросов самих подсудимых между собой и с призванными свидетелями никаких противоречий в их показаниях на суде выявлено не было. Более того, Вышинский стремился обосновать искренность и добровольность показаний подсудимых тем, что уже в ходе судебных слушаний последние стремились сообщать сведения сверх того, что было зафиксировано протоколами на предварительном следствии.

Третий тезис трудности ведения судебных слушаний, по Вышинскому, состоял в том, что на них не фигурировали традиционные для судов такого рода «объективные доказательства» или прямые улики, подтверждавшие преступные деяния подсудимых (документы, переписка, крупные конфискованные при арестах суммы денег, оружие и т.д.), а все выстраивалось на показаниях самих подсудимых. По Вышинскому, основной причиной дачи ими откровенных разоблачительных в отношении себя и других лиц показаний выступало главное – у них не было чувства внутренней правоты в том, что они совершали. Ими после ареста двигало чувство раскаяния в предательстве своего народа, они не имели внутренней моральной опоры, чтобы противостоять советскому строю, поэтому не требовалось никакого применения к ним физических или иных мер воздействия, они сами признали психологическое облегчение, дав соответствующие показания на следствии и в суде.

В действительности же Вышинский в своих выступлениях строго соответствовал ролевой функции представителя советской юстиции и говорил ровно то, чего от него и желала услышать та или иная аудитория. Сам председательствовавший на процессе «Промпартии» безусловно знал практически все теневые стороны проведенного чекистами следствия, представлял себе принципы отбора конкретных лиц для выведения их на открытый процесс, равно как и то, как и на чем «ломались» арестованные, часть из которых не сразу давала «признательные показания», а некоторые из потенциальных фигурантов скончались в тюрьме еще до начала процесса, что основой и движущей силой в конструировании этой мифической и никогда в природе не существовавшей «Промпартии» служила конкурентная борьба двух структур внутри ОГПУ – экономического и секретно-оперативного управлений, соревновавшихся между собой с Шахтинских событий 1928 г. в первенстве и масштабности фабрикации арестов и ведения следствия по делам, связанным с «вредительством» в различных отраслях народного хозяйства.

Пересмотр ЦИК СССР расстрельного приговора в отношении четырех главных обвиняемых на процессе с заменой казни на длительные сроки заключения не означал «бескровности» в отношении ряда арестованных в связи с процессом (несколько человек были расстреляны по решениям внесудебного органа – Коллегии ОГПУ по обвинению в создании «террористической ячейки», о чем в открытом суде даже не упоминалось, и данный перечень сопутствовавших процессу репрессий можно продолжить).

Остается открытым для дальнейших исследований вопрос о результативности самого процесса «Промпартии» с точки зрения его организаторов и исполнителей. Очевидное предположение может состоять в том, что процесс во всех его главных направлениях (идеолого-пропагандистском, судебном-процессуальном, социально-мобилизационном) имел практически целиком воздействие на внутреннюю ситуацию в стране, на формирование у лояльных власти категорий населения массового оборонного сознания («страна как осажденная крепость»), на дисциплинирование страхом в ходе непрерывного выявления «вредителей» у части управленцев на производстве и в корпоративной среде инженерно-технической и научной интеллигенции. Несмотря на значительные финансовые, материальные и организационные ресурсы по продвижению и пропаганде на Западе советской трактовки процесса «Промпартии», «исторического», по мнению Вышинского, международного резонанса процесс не получил. Поэтому естественно, что основные усилия организаторов процесса направлялись на внутреннюю аудиторию, о чем свидетельствовала и активность Вышинского в его послепроцессных выступлениях.

Публикуемая ниже стенограмма речи в недавнем прошлом председателя Специального присутствия Верховного Суда нацеливалась на то, чтобы усилить психологическое воздействие на круги просвещенцев путем доведения в целом известной аудитории информации, но полученной «из первых рук». В своем выступлении, помимо уже отмеченных выше трех базовых тезисов, Вышинский позволил себе в несколько большем объеме порассуждать о такой изначальной, по его мнению, причине «краха» всей «вредительской» деятельности подсудимых, как отсутствие для нее социальной базы, сводившейся к «верхушке буржуазно-технической интеллигенции». Тем не менее, выделяя в составе подсудимых профессорскую часть (Федотов, Калинин, Чарновский), имевших действительно дореволюционный опыт участия в предпринимательской деятельности, он не мог присоединить сюда того же Рамзина и Очкина, профессиональная работа которых разворачивалась уже в послереволюционный период.

Особое внимание, учитывая состав данной аудитории, Вышинский уделил формам проявления «вредительства» в научно-исследовательской сфере, акцентировав внимание на деятельности руководимого Рамзиным Всесоюзного теплотехнического института, где юрист, не обладавший знаниями в данной области, применил «объективистский» прием, ссылаясь уже не на признание самого Рамзина на следствии и в суде, а на экспертные оценки других специалистов-теплотехников. Хотя в приведенном случае с неудачами Института в поисках подходов к использованию в промышленности пылевидного топлива сам Вышинский невольно признал, что предлагались и конкурировали между собой различные пути к решению этой проблемы.

Другим важным акцентом в речи Вышинского перед аппаратными работниками Наркомпроса стала задача выявления и изживания «вредительства» в преподавании в высшей школе, тема тем более «благоприятная», что четверо из восьми осужденных на процессе являлись ведущими преподавателями известных московских институтов. Априори утверждалось, что они не могли не быть противниками проводившейся с конца 1920-х гг. реформы высшей школы, направленной на приоритетную подготовку новых кадров для индустрии, транспорта, строительства.

Стенограмма выступления Вышинского публикуется в сокращении. В ней публикатором опущены те места, где выступающий в силу необходимости прибегал к использованию идеолого-пропагандистских стереотипов и установок (помечены угловыми скобками с отточием). Помимо этого, в ряде случаев Вышинский местами цитировал выдержки из западной печати, но в самой стенограмме они не отражены и помечены словом /«читает»/. Сам текст выступления Вышинский просматривал и делал в нем незначительные правки, не прибегая к тщательному редактированию, поскольку выступление не предусматривалось для публикации. Можно предположить, что Вышинский вычитывал стенограмму не за один раз, так как цвета чернил соответствуют разным частям текста. С другой стороны, он мог пересматривать выступление, раздумывая о возможности его публикации. Текст приводится

в сохранении норм «новояза» того времени и оборотов, типичных для устного выступления. Исправлению без оговорок подлежали только допущенные иногда стенографистками опечатки.

* * *

Выступление А.Я. Вышинского перед членами Государственного ученого совета Наркомпроса об итогах судебного процесса «Промпартии»

27 декабря 1930 г.

СТЕНОГРАММА ДОКЛАДА тов. ВЫШИНСКОГО НА СЕССИИ ГУС^а
27/12–1930 года.

<...> Два года тому назад, как вы помните, мы имели шахтинский процесс. Мне также пришлось проводить этот процесс в качестве председателя специального присутствия Верховного Суда, как пришлось проводить теперь аналогичный процесс промпартии¹. Нужно сказать, что несомненно между шахтинским процессом и процессом промпартии, как между заговором шахтинцев и заговором членов промпартии, существует определенная общность и, как это теперь установлено, несомненная их организационная связь. Однако, шахтинский процесс и процесс промпартии показали, что и в области вредительства и организованной *контр-революционной*^а борьбы капиталистических элементов в нашей стране, с одной стороны и капиталистическим миром, окружающим нашу страну, с другой стороны – вся эта работа меняется в своем содержании, меняется в своей тактике, приспособляясь к новым условиям, в которых приходится развиваться этой работе и в высокой степени используя все те возможности, которые можно было бы назвать легальными возможностями, и *общие*^б возможности, какие оказываются самыми подходящими^в наиболее приспособленными для того, чтобы их использовать в максимальной степени для своих преступных и контр-революционных целей².

В самом деле – если бы мы обратились к анализу Шахтинского дела, то мы должны были бы *притти*^г к заключению, что центром этого дела лежал не в том, в чем лежал центр дела промышленной партии. Мы знаем, что шахтинские герои, так наз. шахтинские вредители^{д, е} ставили своей задачей срыв нашего хозяйственного строительства. И в этом процессе было установлено, что одним из важнейших центров этой преступной работы против СССР являлся тот же Париж³.

Но нужно сказать, что из самого обозрения обвинительного заключения^ж по Шахтинскому процессу видно, что там отсутствует целый ряд таких статей, которые квалифицируют преступления и лишь впервые квалифицируемые с такой отчетливостью по отношению к промышленной партии.

В шахтинском деле мы имеем, главным образом, 58-ю ст. под знаком 7 и, затем, 58-ю статью под знаком 11, по которым шло разбирательство дела. 58-я статья говорит о подрыве государственной промышленности в контрреволюционных целях, подчеркивая, таким образом, что центр преступной деятельности лежит в самом акте подрыва хозяйственной работы. И только в отношении 2–3-х обвиняемых применялась 58-6 ст., говорящая о шпионаже, во всяком случае не создавшая того своеобразного колорита, какой получился в деле промпартии⁴.

Если вы теперь обратитесь к обвинительному заключению по делу промапртии, потом к приговору, то вы увидите, что тут предъясняется 58-я ст., со знаком 3 и особенно со знаком

^а Здесь и так далее в документе.

^б Исправлено из напечатанного: общий.

^в Далее вычеркнуто: обстоятельствами.

^г Здесь и далее так в документе.

^{д, е} Вписано от руки.

^ж Вписано над строкой вместо забитого на машинке слова, не читается.

4, которая является статьей, написанной собственноручно тов. Лениным и всем своим острим, направленная против преступной деятельности контрреволюции, которая имеет своей целью оказать помощь той части международной буржуазии, которая не признавала равноправия коммунистической системы, приходящей на смену капиталистической системе и которая стремится к свержению коммунистической системы и т.д. и т.д.

И вот в этой статье, которая предъясняется в деле промпартии и которая не участвовала в деле шахтинском и в целом ряде других дел – напр., Украинской академии наук, Союз вызволения Украины и в целом ряде других дел, в которых не был так отчетливо выражен этот момент – вот эта основная черта, которая характеризует дело о деятельности промпартии, это основная черта в³ предшествующих этому процессу процессах и заговорах отсутствовала. Но именно в этом деле центральным пунктом обвинения является пункт об оказании помощи международной буржуазии и разными способами содействия в деле низвержения советской власти и той коммунистической системы, которая идет на смену системы капиталистического общества.

Уже в этом мы видим первое и основное отличие двух процессов. Мы видим, что это если позволено говорить о более низких и более высоких формах развития контр-революционной деятельности,⁴ деятельность промпартии поднимается на более высокую в организационном смысле ступень своего развития. В деле шахтинцев мы встречаемся, главным образом, с вредительством. Конечно, оно осуществляется и там в контрреволюционных целях, но содержанием деятельности шахтинцев является вредительство в своих наиболее грубых и примитивных формах – это затопление шахт, это уничтожение ценностей в виде, например, сознательной разборки брикетного завода, все ценное имущество которого увозится в разных направлениях и завод буквально растаскивается, уничтожается как ценность. Я не буду подробно говорить о других, более тонких способах вредительства, которые заключались в том, что сознательно задерживалась разработка шахт, где пласты угля оказывались более ценными, и наоборот – весь центр тяжести работы переносился на разработку заведомо непродуктивных шахт, на «проходку» заведомо слабых и ничтожных по своей ценности пластов угля.

В шахтинском деле мы встречаем и вторую особенность: здесь центр преступной деятельности поглощается самим вредительством. Вредительство, как таковое, заполняет собою все содержание работы преступных организаций. Это вредительство, правда, и здесь остается вспомогательным средством к тому, чтобы, подорвав хозяйственные силы нашего Союза и оказав этим самым содействие готовящимся к нападению на него нашим классовым врагам, способствовать наиболее успешному сосуществованию в наиболее быстрый срок этих преступных планов, в конечном счете направленных на низвержение советской власти и на восстановление, на реставрацию капитализма.

Но я еще раз хочу подчеркнуть характерную черту деятельности всех вредительских организаций – и так называемого Харьковского вредительского центра, который свил себе гнездо, как вы помните, в Донугле, и Московского вредительского центра, во главе которого /как мы тогда еще только нащупывали, но не вполне угадывали, а точно нам оказалось возможным установить это только через два года в связи с процессом промпартии/ стоял бывший шахтовладелец и капиталист Рабинович, до своего ареста он был председателем научно-технического совета ВСНХ по угольной промышленности и считался в своей среде очень авторитетным и крупным ученым⁵. Он пользовался своим авторитетом для вербовки деятелей промпартии. Подсудимый Ларичев совершенно отчетливо показал в своих выступлениях, что он был завербован в промпартию именно Рабиновичем. И так, я хочу сказать, что будь это Харьковский центр, возглавлявшийся Матовым и другими, будь это Московский центр, возглавлявшийся Рабиновичем, будь это периферийная ячейка вроде Кадиевского Рудоуправления, – всюду главным содержанием контр-революционной работы вредительской организации в целом и ее отдельных частей являлось вредительством

³ Вписано над строкой вместо забытого на машинке слова, не читается.

⁴ Далее вычеркнуто: то.

в прямом, физическом смысле этого слова, осуществлявшееся, если можно так выразиться, грубыми, примитивными методами. А что мы видим в деле промпартии? Здесь мы видим совершенно иной принципиальный / если опять-таки в этом случае можно говорить о принципах / подход контр-революционеров и вредителей к самой природе этого вредительства /. Вы видите, что здесь вредители уже отказываются от непосредственного, грубого вредительства, связанного с физическим разрушением ценностей...

<...>

Рамзин говорил все время – что подчеркивали и целый ряд других профессоров и инженеров – что в то время, когда они разрабатывали план диверсионной работы, их задача заключалась в том, чтобы избежать разрушений и произвести эту диверсию с наименьшими разрушительными последствиями, потому что это было противно их собственным взглядам на свои задачи и кроме того, это могло быть в высшей степени вредным для того будущего контр-революционного правительства, которое они собирались организовать вместо советской власти после ее низвержения.

<...>

Итак, мы видим, уже, что деятельность промпартии строится так сказать, на базе несколько иного понимания задач вредительства и в силу этого самое содержание вредительства отличается иными признаками, иными качествами и свойствами, чем содержание шахтинского вредительства, характеризующееся грубыми, примитивными методами. Промпартия ценностей уже не разрушает, она ставит своим принципом отказ от разрушения ценностей. Правда она этого принципа до конца не выдерживает, потому что, строя план диверсионной работы, в частности – на транспорте, промпартия должна была притти к заключению о необходимости добиваться дезорганизации работы транспорта путем создания всякого рода пробок, которые привели его в закупороченое^к состояние. Промпартия вместе с тем допускала и порчу имущества, порчу мостов, срыв работы депо, выведение из строя паровозов посредством сдачи их в лом тогда, когда они еще были пригодными для дальнейшего хозяйственного обслуживания. Но это все-таки были отдельные моменты, а основная линия была – вредить так, чтобы ценности сами по себе разрушались в минимальной степени. Вот почему в диверсионных актах предпочтение отдается выведению предприятий из строя через нарушение подачи электроэнергии. Включая питающую данную отрасль промышленности или данную группу предприятий электроэнергетическую базу, хотя бы производя в данном случае и разрушение они, однако, *предотвращаются*^л в необходимость производить эти разрушения на целом ряде заводов и предприятий, ибо они выводятся из строя путем прекращения подачи электрической энергии, без которой они работать не в состоянии.

Рамзин прямо говорил, что «мы действуем так, потому что считаем, что разрушения нужны в минимальном объеме». И это несомненно является ничем иным, как отражением принципиальной установки Осадчего, который говорит, что «инженер по самой природе своей не разрушитель»^б.

Промпартия была в затруднении в отношении той социальной базы, которая должна была служить опорой ее деятельности. На кого эта партия могла опереться и на кого она опиралась? Сами руководители этой партии признавали, что сочувствие рабочего класса вообще и заранее исключалось. Рассчитывать на сочувствие широких масс они не имели возможности. Единственно на кого они рассчитывали, это на кулацкую часть в особенности приведенную в движение в связи с волной коллективизации и в этих условиях представляющую более благоприятную для контрреволюционных дел почву, чтобы попробовать сколотить здесь определенный актив, на котором можно было бы провести работу.

Сама техническая интеллигенция представлялась для них хотя в высокой степени и лакомым, но трудным для усвоения предметом. Даже по своим преувеличенным показателям промпартия смогла организовать в качестве членов своей партии – причем

^к Так в документе.

^л Так в документе. Исправлено из напечатанного: предотвращающих.

нужно иметь ввиду, что у них не было строгой системы приема и контроля: как Рамзин говорил – «У них не было партбилетов» – около 2 тыс. чел. Это было, по-видимому, преувеличено⁷. Ведь махнул же Рамзин в своем признании, что партия Чаянова и Кондратьева насчитывала 200 тыс. членов. Мы заинтересовались, откуда у них получились такие цифры. Оказалось, что они зачислили в Чаяновскую и Кондратьевскую партию так наз. ТКП – всю^м сеть *опытных*^н учреждений НКЗема /Смех/. Они просто подсчитали количество единиц опытных станций и помножили на среднее число служащих этих станций /смех/.

<...>

Таким образом, с социальной базой у них было не густо. Если взять даже эти 2 000 человек, то ведь они составляют только 5 % всей технической интеллигенции нашего Союза, но подсудимые на процессе промпартии говорили, что «нам и на эту массу рассчитывать не приходилось». Действительно, если проанализировать большинство членов промпартии^{о,п}, окажется, что это все-таки была верхушечная часть буржуазно-технической интеллигенции. Я не говорю уже о таких, как сам Рамзин, который в момент ареста получал 1 500 рублей жалования в месяц, был Директором Теплотехнического Ин-та, достаточно хорошо обставленного и предоставлявшего ему, как он сам говорил, совершенно невиданные в капиталистических странах условия для научно-исследовательской *работы*^р, которыми никакой ученый ни в одной стране не пользуется, что конечно, является в высшей степени характерным для определения материального и общехозяйственного положения Рамзина⁸. То же самое можно сказать и о Федотове, который, несомненно, является одним из патриархов вредительского дела. Хотя подсудимые и говорили, что у них партийных книжек не было, но партийный стаж у них считался достаточно точно, и после ареста Рабиновича и других руководителей контрреволюционной организации^с, Федотов был введен в ЦК, как старейший член этой вредительской организации, так, что, как видите, партийный стаж играл здесь довольно значительную роль. Так вот этот седовласый 66-летний старец, заслуженный деятель науки и техники и один из специалистов, очень тесно связанных со всеми текстильными королями, вроде Коновалова, Третьякова и др., который, например, прекрасно знал и знает всю родословную всех Рябушинских – он исправил ошибку Рамзина, который в своих показаниях упоминал о Павле Рябушинском; оказалось, что Павел давно умер, а Рамзин, не работавший в текстильной области и имевший частное поручение к Рябушинскому, спутал Павла с Владимиром, который действительно существует в природе, как авторитетно доказал Федотов, в качестве одного из 7-ми Рябушинских; правда, он является наиболее глупым представителем семейства Рябушинских, но, вероятно, именно поэтому он и состоит главным руководителем газеты «Возрождение», издающейся за границей; /смех/ вспомните его статью «Необходимая война», являющуюся программной статьей, которая определяет собой не только настроение, но и направление, программу и тактику всей эмигрантской белогвардейщины, сомкнувшейся под знаменем так называемого торгово-промышленного и финансового комитета или «Торгпрома». *Итак*^т этот Федотов в последний год до Октябрьской Революции получал 60 000 рублей жалования. В это же самое время он имел небольшое и очень скромное поместье, оценивавшееся в 75 000 рублей золотом⁹. Но не говоря уже о Рамзине и Федотове, надо сказать, что даже у такого маленького человечка, не члена ЦК Промпартии, как Ситнина – фигура весьма козявистая и плюгавенькая, тем не менее у него при ревизии было найдено (не говорю «отобрано», потому что Ситнин утверждает, что он добровольно сдал ОГПУ) 7 ½ тысяч рублей. Это денежки, которые свидетельствуют о том, что Ситнин принадлежал к высоко оплачиваемой аристократической верхушке инженерно-технического состава, *играющей*^у роль сторожевых

^м Далее зачеркнуто: опытную.

^н Вписано над строкой: опытных.

^{о-п} Вписано от руки.

^р Исправлено из напечатанного: работой.

^с Исправлено из напечатанного: организаций.

^т Исправлено из напечатанного: и так.

^у Исправлено из напечатанного: играющего.

псов, верных лакеев и управляющих старых капиталов, с которыми они были тесно связаны всякими личными интимными и прочими узами.

Даже Калинин, председатель Военной секции Госплана, которому мешало заниматься вредительскими делами то обстоятельство, что военная аудитория не позволяла ему рта открыть в этом направлении, о чем он докладывал на заседании Верховного Суда и даже этот Калинин имел солидный оклад жалованья и маленькое имение, оценивавшееся в 40 тыс. руб. по довоенным ценам.

Таким образом, можно сказать, что это была небольшая компания, но очень крепкая и в смысле своего хозяйственного положения и была своего рода кулацкой верхушкой среди нашей буржуазной технической интеллигенции.

И совершенно естественно, что тот круг знакомых, с которыми они встречались, и то положение, которое они занимали, не благоприятствовало тому, чтобы вокруг них собирались широкие общественные круги. И, затем, самая работа этой партии была поставлена в своего рода своеобразные условия. Едва ли можно много найти примеров, когда партия не ставит своей целью пропаганду своих программ, своих идей, хотя бы идей в кавычках. Но промпартия скрывает свою программу даже от некоторых членов своего собственного руководящего органа – напр., из этого процесса было совершенно очевидно, что, напр., Федотов, как и некоторые другие члены партии, о том, что Рамзин, будучи за границей, договорился с председателем Торгпрома Денисовым, с председателями французских капиталистических военных кругов – с полковником Жуанвилем и Ришаром – которые настаивали на усилении работы в отношении подготовки интервенции, срок которой намечался в 1930 г. и Рамзин договорился, что за помощь, которую они должны оказать, они получают значительные территориальные и всякого рода финансово-материальные выгоды и приобретения – напр., английские империалисты должны были получить Кавказские нефтяные промыслы, Франция должна была получить свои долги, хотя бы по 5-ти коп., за рубль, что все-таки повисло бы^ф гирей на шее пролетариата, Ленинград также должен был куда-то отойти и т.д. и т.д.

И вот эта сделка, которую Рамзин заключил в Париже в 1928 г. с соответствующими кругами интервентов по поводу разграбления территории нашего Союза, эта сделка очень тщательно скрывалась от некоторых членов – напр., от Федотова, который до кануна своего ареста не знал, что в случае успеха интервенции, СССР будет расчленена таким образом. – Наоборот – его уверили, что этого не будет, потому что учитывали его «горячие патриотические чувства». Очевидно, *этот*^х патриотизм не мешал *готовить*^ч взрывы железных дорог, разрушение мостов и успех для той военной диктатуры, которую должен был возглавить генерал Лукомский, которая должна была означать физическое истребление ведущей головки пролетариата. Это Федотов знал, также, как и то, что эти марионеточные правительства торгуясь между Громаном и Сухановым с одной стороны, Чайновым и Кондратьевым, с другой стороны, и Милюковской группой за границей с третьей стороны – что все эти правительства будут по существу игрушкой в руках французских интервентов. «Патриот» все это прекрасно понимал, но он считал, что раздробление – «это уже слишком». Боялись этого пункта и некоторые другие члены промпартии, ибо они знали, что он может даже среди буржуазной интеллигенции, настроенной анти-советски, вызвать серьезные возражения, ибо он бьет по тем буржуазно-патриотическим чувствам, в которых они во всяком случае расписались, как весьма и весьма национально патриотически настроенные личности¹⁰.

Следовательно, мы видим *здесь*^ч партию, которая не только не пропагандирует свои идеи, свою программу, но которая наоборот, некоторые пункты этой программы тщательно скрывает, а остальные держит для себя, во всяком случае, не делая их предметом мобили-

^ф Вписано над строкой.

^х Вписано над строкой вместо забытого на машинке слова, не читается.

^ч Далее слово забыто на машинке, не читается.

¹⁰ Вписано над строкой вместо зачеркнутого: ту.

зации общественного мнения. Возьмем например, такой пункт программы, как знаменитая экономическая платформа промпартии, которая заключалась в том, что все предприятия должны быть объявлены государственной собственностью / Рамзин называл это государственным капитализмом, хотя он иногда путался и говорил «государственный социализм», так что неизвестно на какой позиции он в конце концов стоял¹¹ с объединением их в одно акционерное общество, причем все бывшие собственники, имевшие на территории России свои предприятия, являлись участниками этого общества в такой части, которая соответствовала потерянным ими во время Октябрьской Революции капиталам плюс какой то процент приращения. Это акционерное общество также должно было дать в распоряжение белого контр-революционного правительства такой фонд, при помощи которого оно могло бы, оставляя на время у крестьян землю, конфискованную советской властью у помещиков и переданную в распоряжение отдельных земельных обществ, а теперь колхозов, совхозов и т.д. компенсировать этих помещиков.

Эти пункты программы были таковы, что они не могли рассчитывать ни на какую поддержку рабочих и основных крестьянских масс / они могли только рассчитывать на поддержку небольшой кучки кулаков /, и с другой стороны, они не могли рассчитывать по собственному признанию подсудимых также на поддержку со стороны широких кругов буржуазно-технической интеллигенции.

<...>

Вот это сознание, что под ногами нет базы, нет перспектив, которые позволили бы мобилизовать общественные силы, подвести их под свои ноги и стать прочно на эту базу и этим самым осуществить те надежды, которые на них возлагались иностранными интервентами, имело своим следствием два обстоятельства: с одной стороны, с конца 27 года совершенно отчетливо проявил себя, как единственно возможный путь для свержения советской власти – это интервенция, когда само вредительство приобретает не только смысл, когда оно рассматривается и производится в такой мере, пока это вредительство может оказать содействие организации интервенции и именно в этом смысле и направлении готовят всеобщий экономический кризис, на подготовку которого, как одного из средств, обеспечивающих успех интервенции, и делали всю ставку деятели промпартии уже с 27 года.

Таким образом, отсутствие опоры, даже в широких кругах интеллигенции, толкало промпартию, с одной стороны, на заострение вопроса об интервенции, делало этот вопрос самым животрепещущим и решающим судьбу и направление деятельности этой партии, а с другой стороны, – чем дальше, тем больше поселяло в душах деятелей промпартии неуверенность и сомнение в¹² возможности успеха этого предприятия, а с третьей стороны – такая трещина, которая должна была при сколько-нибудь благоприятных обстоятельствах обеспечить отход, разочарование, *вылилась*¹³ в сознание¹⁴ в совершенных преступлениях, которым эти деятели промпартии заключили свой преступный путь борьбы с советской властью.

Рамзин говорит, что «последние 3 года он был злейшим и непримиримейшим врагом советской власти». Но он говорит, что «последние 3 года я стал колебаться, ибо мы не видели той среды, среди которой мы чувствовали себя вожаками. Мы понимали, что единственная сила, которая могла бы обеспечить нам успех в направлении свержения советской власти – это интервенция. Но мы понимаем, что это палка о двух концах и мы не уверены, что мы сможем подготовить почву для этой интервенции, в особенности, если наша тактика, направленная на создание кризиса внутри отдельных отраслей народного хозяйства, на подготовку кризисов частных и более общих, когда все эти попытки с каждым днем, месяцем и годом парализуются энергичным наступлением пролетариата, его встречными планами, ударничеством и соцсоревнованием, всем тем, что создает мощное движение трудящихся масс, преодолевающих все трудности, сокращающих самые смелые наметки

¹¹ Вписано над строкой.

¹² Вписано над строкой вместо зачеркнутого: выявилась.

¹³ Вписано над строкой вместо зачеркнутого: сознании.

сроков выполнения промфинапланов и пятилетки, и, в конце концов, ставящих совершенно реальную задачу, которая будет выполнена – это осуществление пятилетки в 4 года – вот этот подъем масс, это постоянное перекрытие нашей вредительской работы, все это углубляло наше сомнение и расширяло ту трещину, которая образовалась в нашей психике, показывая бесцельность этой работы и нужен был какой-нибудь толчок, чтобы мы капитулировали». А когда ОГПУ не совсем деликатно толкнуло в этот самый интеллигентский шиворот, то они получили полное удовлетворение. Рамзин после своих объяснений говорил: «даже если меня ожидает самый суровый приговор – я его буду считать заслуженным и справедливым, все же я уйду отсюда более спокойным, чем пришел сюда, потому что я порвал с прошлым. На протяжении всего последнего года / я думаю, что он преувеличил – только за последнюю неделю, но не будем углубляться в психологические изыскания»/ я чувствовал, что мне нужен был такой толчок, который при моем уже нарушенном равновесии облегчил бы мне переход на другую сторону. Это случилось. Арест меня отрезвил и освежил»

Федотов со своей стороны рассказывал, что: «тюрьма – это университет, ОГПУ – это школа политграмоты. /смех/. Я многому за это время научился, я многое передумал и теперь я ясно вижу, что я до сих пор делал и что я должен делать в будущем, если мне будет сохранена жизнь»

<...>

Нередко ставился вопрос: чем объяснить то, что все они сознаются и так подробно обо всем говорят. Один иностранный корреспондент сказал: «во время до-революционных¹² процессов революционеры держались на суде героями, а тут прямо противно смотреть, до какой степени разложения дошли современные деятели». Это несомненно указывает именно на отсутствие сознания внутренней своей правды, на недостаточную уверенность в правоте своего дела, на то, что Рамзины и Федотовы, которые делали не свое классовое дело, а дело того класса, которому они служили и привыкли служить больше по традиции, чем по своей классовой принадлежности, сомневались в правильности этого дела, колебались. С другой стороны, совершенно обнаженная политика западноевропейских, особенно французских интервентских кругов, которые не стеснялись ничем для того, чтобы сделать из членов промпартии свою купленную агентуру, столкнуло этих людей, которые прикрывали свою деятельность высокими идеалами / о них особенно много говорил Федотов /. В результате понадобился только внешний толчок, чтобы они могли отказаться от этой преступной деятельности и чтобы они могли стать на путь своего раскаяния, которое они называли искренним раскаянием. Разгадка загадки «почему они сознаются» заключается в том, что они не могли не сознаться, ибо они к моменту ареста уже потеряли веру в свое собственное дело. Это было одним из основных мотивов, по которым они не выдержали и сознались, хотя пытались сначала не сознаться. Например, как только Федотова арестовали, ему предложили, по характерному обычаю наших советских учреждений, заполнить анкету. Там между прочим его собственными словами, сверх всех пунктов написано: «я удивляюсь почему меня арестовали. Я 13 лет честно и беспорочно служил советской власти, я заслуженный деятель науки и техники и т.д. и т.д.». Но уже через несколько дней, когда ему сказали, что он виновен в том то и в том то, Федотов должен был признать: «да, действительно, кое-что в этой плоскости мне можно поставить в упрек»²⁴. Если так, то стали конечно развязывать этот самый узелок дальше и в конце концов оказалось, что ему можно поставить в упрек не только «кое-что», но и очень многое. Несомненно, источник их признания, их раскаяния лежит в отсутствии у них самих к моменту ареста уверенности в том, что они делают такое дело, за которое стоит страдать и, с другой стороны – сознание безысходности, неосуществимости этого их предприятия, главным образом благодаря тому, что их дезорганизовала сила трудового подъема и энтузиазма, с которым мы продолжаем строить социализм и одерживаем победы на пути этого строительства¹².

¹² Так в документе.

Это, конечно, не исключило всей той массы клеветы по поводу процесса, которая наполняла собою всякие телеграммы и корреспонденции, посылавшиеся постоянно неугомонными иностранными журналистами в свои редакции. Они имели очевидно совершенно определенные цели и задачи дискредитировать этот процесс во что бы то ни стало и тем самым попытаться скрыть правду от трудящихся своих стран, а кроме того – заранее опорочить и те убийственные выводы, которые могут найти место в судебном приговоре и могут быть прямо направлены против контр-революционной интервентской политики и деятельности правящих кругов Франции и других капиталистических государств.

Этим объясняется то обстоятельство, что в самом начале мы могли присутствовать при характерном явлении – это попытка замолчать этот процесс или организовать вокруг него заговор молчания, когда просто не передавались сведения в печать, или передавались в таком виде, что они заранее были рассчитаны на невозможность привлечь к ним внимание.

Говорят, что за первые 3 дня процесса французские корреспонденты послали в свои газеты не свыше 300 слов, в то время как германские и американские корреспонденты телеграфировали от 17-ти до 20-ти тыс. слов.

Это показывает причины отношения к этому процессу со стороны французских кругов, т. е. того государства, где оказывается гостеприимство и имеют приют и расцвет деятельность эмигрантов и где сами правящие круги делают политику нападения на СССР сделали свое традиционной политикой.

<...>

Это совершенно соответствует установке французских правящих кругов и в отношении промпартии, где правительство тоже должно было быть подставным, являющимся игрушкой в руках французского империализма. Эта тенденциозная политика французских правящих кругов и нашла свое отражение в своеобразном отношении печати к процессу промпартии. Например, «Journal des Debates» и «Temps» не только не напечатали отчета Тасса от 27 числа, но написали «Показания Рамзина вызваны террором». Ведь его показания были проверены перекрестным допросом свидетелей, которые хотя и являлись соучастниками этой организации, но никогда не знали и в глаза не видали Рамзина, Федотова, Калининкова и Ларичева. Тем не менее сообщения не только подтверждают показания подсудимых «в общем и целом», но и в существенных деталях. Оказывается, что это вызвано террором, или, как говорил один корреспондент: «применялся обычный способ ОГПУ – гипноз» – загнипнотизируют человека и он на себя наговорит что угодно: он и вредитель, он и контр-революционер, и только не хватает, чтобы он признал себя убийцей отца, матери и всех детей, которых может быть у него никогда и не было, но ведь чего не скажешь под гипнозом!⁹

Следовательно, была установка дискредитировать процесс, показать, что это только политическая комедия, или, как говорил один из иностранных борзописцев – «политический фарс»; в некоторых газетах самый процесс назывался процессом ОГПУ».

Между прочим, в высшей степени характерно такое представление, что Рамзин и все остальные обвиняемые во всем сознались и подробно все рассказали. Это могло быть только результатом того впечатления, которое получается у людей, не выдавших этого процесса от начала до конца, не вникших во все его детали и подробности, не проследивших за всем его содержанием. Разрешите мне, как человеку, который вынужден был следить за процессом с начала до конца и во всей его полноте, указать на то, что это впечатление далеко не соответствует действительности. Например, Рамзин о целом ряде обстоятельств не сказал и мы заставили его рассказать их в процессе суда только благодаря перекрестному допросу свидетелей¹⁰. Ни в показаниях Рамзина на предварительном следствии, ни в его дальнейших показаниях на самом суде, которые продолжались 6 часов без того, чтобы председатель или члены суда его перебивали вопросами или ограничивали во времени, не нашел отражения такой важнейший вопрос, как диверсионная работа на транспорте. Рамзин упорно молчал

⁸ Вписано над строкой.

⁹ Исправлено из напечатанной точки.

¹⁰ Далее слово забито на машинке, не читается.

об этом, а между тем, если вы посмотрите стенограмму пятого или шестого дня процесса, когда появляется Красовский, который вместе с^а Фон-Мекком, Борисовым, Правосудовичем, Величко и другими был организатором диверсионной работы на транспорте и который уже осужден Коллегией ОГПУ на 10 лет лишения свободы и находится 2 с лишним года под стражей и был вызван как свидетель по этому делу, то если вы увидите его показания и потом обратитесь к показаниям Рамзина то окажется, что на суде при свете юпитеров Рамзин должен был признать, что в деятельность промпартии входила и диверсионная работа на транспорте.

Другой факт – подсудимый Ситнин в течение всего времени пребывания под следствием и нахождения в предварительном заключении на допросе ОГПУ и на допросе у следователя по важнейшим делам при прокуратуре республики тов. Левентоне заявлял, что он не знал, что такое промпартия, что он не был членом этой партии и не знал о ее целях и методах работы. Это он заявил в ОГПУ и ничем его не могли заставить говорить другое. А на 8-й день судебного следствия, под напором целого ряда улик, он должен был признать, что он был членом этой промпартии, что он знал о ее программе и сам рассказал все то, что могло подтвердить это признание.

Вот второй пример, когда оказывается, что человек во время ведения следствия ОГПУ не признает себя виновным, а на гласном заседании признается. Вероятно, мы обладаем другим гипнозом, который перекрывает гипноз ОГПУ. Вероятно, здесь – как подсказывает Михаил Николаевич [Покровский]– играл роль, может быть, Юпитер. /Смех/.

<...>

В заключение я хотел бы остановить ваше внимание на вопросе, который мог бы вас интересовать –^{аа} в какой мере эта контрреволюционная работа проникла в недра нашей высшей школы, в какой мере эти господа, действуя в контр-революционных целях использовали свое высокое положение советских ученых деятелей.

Можно утверждать, что целый ряд научно-исследовательских Ин-тов, – напр., Институт по торфу или Теплотехнический Институт, несмотря на то, что имеются документы, по которым видно, что все обстоит благополучно, в действительности, как признался Рамзин, деятельность этих Институтов направлялась в помощь вредительским целям. Вначале Рамзин не хотел признавать, что его Институт служил вредительской деятельности, но в конце концов, должен был признать это, как вы можете убедиться из стенограммы – мною была сформулирована сущность этой его преступной деятельности в таких словах: «институт занимался тем, что не нужно для соц. строительства». Я спросил Рамзина, правильна ли моя формулировка и Рамзин ответил: «Да, совершенно правильна». В самом деле, один из важнейших вопросов – применение в промышленности пылевидного топлива, стоял в плане Института, но абсолютно не продвигался вперед, а если продвигался, то в таких условиях, которые заведомо обрекали всякие опыты на неудачу. Статьи об этом были помещены в газете «За индустриализацию», при чем впоследствии оказалось, что их автор – инженер Кирпичников тоже потом стал членом промпартии. Но в то время он разоблачал вредительскую деятельность Теплотехнического Института, который поставил опыты по пылевидному топливу в такие условия, что они заранее были обречены на провал. В этом плане вы видите также ссылку на всю важность пылевидного топлива для электростанций, а между тем мы теперь установили, что Теплотехнический Институт Рамзина, взявший шефство над Каширстроем, принимал меры к тому, чтобы оттягивать применение на Каширстрое этого пылевидного топлива /С места: «это тоже шефство»/. Конечно, это своеобразное «шефство». 22-го декабря в «Известиях» была помещена заметка профессора Вродмана, посвященная этому вопросу.

Далее возьмем в высшей степени важную проблему малозольных углей. Она в наших условиях приобретает исключительное значение. Ведь малозольный уголь – это уголь, лишенный всех своих отрицательных качеств, из-за которых понижается эффективность

^а Далее слово забито на машинке, не читается.

^{аа} Вписано вместо зачеркнутой запятой.

использования угля. Мне известен расчет одного инженера, который говорит, что если бы нам удалось понизить зольность угля с 12–13 % /как это имеет место сейчас/ до 6 %, то мы могли бы получить увеличение производительности наших доменных печей на 5 %. Так как одновременно с этим был бы снижен и процент золы, то производительность доменных печей увеличилась бы еще на 1 ½ %. Если бы мы одновременно могли снизить зольность кокса с 12 до 6-ти %, то мы увеличили бы в общей сложности производительность доменных печей на 47 %. Таким образом, вопрос о малозольных углях есть вопрос экономии на сотни миллионов рублей, это есть также есть вопрос экономии доменных печей, которые будут меньше изнашиваться и, следовательно – дольше служить нашему хозяйству. В отношении транспорта подсчитано, что при доведении зольности угля, которым пользуется наш транспорт, например, до 6 ½ %, мы могли бы значительно увеличить техническую и коммерческую скорость наших поездов и других транспортных средств и, кроме того, получили бы такую выгоду благодаря увеличению скорости, как если бы мы обладали минимум новыми 1 600–2 000 паровозами или 80 000 вагонов. – Вот какое значение имеют эти проблемы^{6б}.

А что делалось в Институте? Мы имеем, во-первых, постоянные, систематические выступления научно-исследовательских институтов контрреволюционного направления и, в частности – Института Рамзина против разрешения задачи малозольных углей. Как слишком дорогой и неоправдывающей себя в настоящих условиях. Мы имеем, таким образом, установленные сознательно такие нормы зольности, которые для лучшего американского донецкого угля имеют от 18-ти до 17-ти % зольности, т.е. такую зольность, против которой нужно бороться всеми доступными средствами. Приводится в печати такой факт, что «бракованная ... / читает/».

Таким образом, мы видим, что целый ряд областей, которые составляли содержание научно-исследовательской деятельности институтов, возглавлявшихся или оказавшихся в руках вредителей, служили интересам вредительских контрреволюционных целей.

Федотов возглавлял научно-исследовательский текстильный ин-т. Целый ряд вопросов, которые представляли собой исключительно важное значение в текстильной промышленности, сознательно там мариновались, не двигались и не разрешались или разрешались в ином направлении, чем это было нужно нам. Напр., применение американских машин. Федотов говорил, что для реконструкции текстильной промышленности перенимать нужно, но с умом. И выступает против применения американских машин потому что они слишком дороги, в то же время реализует идею фабрики-дворца, т.е. проектировку таких зданий, которые предназначены для того, чтобы вложить в них большие деньги. Это называлось у них омертвлением капитала.

Имеется^{6в} целый ряд в высшей степени интересных документов – напр., документ, изданный в 28 году, когда был поставлен вопрос о реформе высшей школы – «Какой инженер нам нужен». Вы помните, как в этом сборнике были объединены мнения того же Рабиновича, того же Чарновского¹³, того же Грум-Гржимайло и т.д., где вся эта публика выступает против реорганизации наших вузов с точки зрения внедрения непрерывной производственной практики.

Грум-Гржимайло пишет так: «Для меня нужно школу строить так: теория и никакой практики».

Чарновский говорит, что «Вуз должен дать только знания, а умения даст работа» и т.д. и т.п. Эта публика, таким образом, совершенно определенно высказалась очень резко против наших установок в деле реформы нашей высшей школы, против сближения вуза с жизнью, против внесения в наше преподавание практики, против узкой или более углубленной специализации, т.е. против всех установок, которые мы сейчас имеем¹⁴.

Товарищи, в свете тех исторических документов, которыми пользовалось следственное производство и судебный приговор по делу шахтинских вредителей и по делу промпартии – все эти выступления приобретают особое историческое значение, свидетельствующее о том,

^{6б} Исправлено из напечатанной точки.

^{6в} Исправлено из напечатанного: имеет.

что голоса, которые раздавались 2–3 года назад против нашей генеральной линии в деле реорганизации вузов и втузов, в целях приспособления их ко всему социалистическому строительству, эти голоса были голосами шедшими также из одного центра, организованно и систематически пытающегося взять в свои руки влияние на общественное мнение, в целях срыва дела реорганизации высшей школы, так-же, как они срывали или, вернее, пытались / так это им, к счастью не удалось/ сорвать все дело нашего социалистического строительства¹⁵. Извлечем же из этого необходимы урок, усилим нашу бдительность, утысячим наши усилия в деле укрепления той реорганизации наших вузов, над вопросами которой будет работать открывающаяся завтра III Сессия ГУСа. /Продолжительные аплодисменты/.

ГА РФ. Р-8131. Оп. 8. Д. 22. Л. 9–14; Л. 16–28; Л. 30–32; Л. 36 – 38; Л. 40–42; Л. 47–52.

Машинописная копия того времени с незначительными рукописными правками, сделанными при просмотре стенограммы самим А.Я. Вышинским.

Комментарии

1. «Шахтинское дело» («Дело об экономической контрреволюции в Донбассе») и процесс «Промпартии» («Дело контрреволюционной организации «Союза инженерных организаций») относятся к постановочным судебным-политическим процессам, проходившим над представителями технической интеллигенции (так называемые «вредительские» процессы). «Шахтинский» процесс состоялся 18 мая – 6 июля 1928 г., дело «Промпартии» – два года спустя, 26 ноября – 7 декабря 1930 г. Оба процесса проходили в Москве, в Колонном зале Дома Союзов. Председателем Специального присутствия Верховного Суда СССР был А.Я. Вышинский; Государственным обвинителем – Н.В. Крыленко. Они отвечали за судебную легитимацию следствия ОГПУ и Прокуратуры. Так, в 1928 г. из 53 фигурантов определились группы подсудимых: полностью признавших вину (20), частично (10), отрицавших все обвинения (23). В этой ситуации Вышинский и Крыленко сталкивали «несознавших» с теми, кто давал оговоры. На процессе «Промпартии» все 8 подсудимых полностью признали себя виновными. Вышинский допрашивал «вредителей», контролируя, чтобы процесс не отклонялся от заготовленного ОГПУ «сценария»: «Председатель: Разъясните, пожалуйста, вы здесь назвали: по пищевой промышленности – Рамзин. Калинин: Не Рамзин, а Грамзин, одной буквой отличаются. Председатель: И больше ничем? Калинин: Фамилия с прибавкой одной буквы. Председатель: Другого отличия не существует?» (*Процесс «Промпартии» (25 ноября – 7 декабря 1930 г.): стенограмма судебного процесса и материалы, приобщенные к делу. М., 1931. С. 104*). Из отрывка видно, что Вышинский направлял подсудимых, корректируя и расставляя акценты в их показаниях. В целом фигура Председателя в 1930 г. выдвинулась вперед, что было обусловлено «срежиссированным» «бесконфликтным» содержанием процесса.
2. В основу «Шахтинского дела» была положена ст. 58-7 (экономическая контрреволюция). Процесс являлся своего рода «узлом», создавая концепт «вредительства». С 1928 г. ОГПУ целенаправленно искало «вредителей», что сопровождалось непрерывными арестами специалистов. К 1930 г. проявились новые качественные стороны охранительности. Если в 1928 г. следствие началось в г. Шахты, то два года спустя дело вели уже московские чекисты. Изменился и состав обвиняемых: в 1930 г. из восьми фигурантов уже двое состояли в Госплане (И.А. Калинин, В.А. Ларичев) и шестеро работали в ВСНХ (Л.К. Рамзин, Н.Ф. Чарновский, А.А. Федотов, В.И. Очкин, С.В. Куприянов, К.В. Ситнин). Одновременно с этим сместились акценты в официальной версии процесса. Раскрытая в 1930 г. организация называлась в пропаганде «партией», «союзом», «центром». В Политбюро явно имелась установка на сращивание «вредительства» с «внешней угрозой». Сохранилось письмо Сталина, в котором он давал инструкции главе ОГПУ В.Р. Менжинскому: «Показания Рамзина очень интересны. По-моему, самое интересное в его показаниях – это вопрос об интервенции вообще и особенно вопрос о сроке интервенции» (*Судебный процесс «Промпартии» 1930 г.: подготовка, проведение, итоги: в 2 кн. / отв. ред. С.А. Красильников. М., 2017. Кн. 2. С. 98*). В результате получилась следующая формула: «Промпартия» использовала «вредительство», чтобы «обострить до предела экономические затруднения и, таким образом, создать благоприятную почву для интервенции» (*Обвинительное заключение по делу контрреволюционной организации Союза инженерных организаций («Промышленная партия»)...* // *Известия. 1930. 11 ноября. № 310. С. 2*). Тем самым непоследовательный саботаж превратился в организованную борьбу в союзе с «внешним врагом».
3. По версии следствия в 1928 г., «зарубежный след» тянулся через «вредителей» и эмигрантов к Франции. Изначально некоторые специалисты поддерживали контакты с бывшими собственниками. Их общими задачами было сохранение недр, а также передача предприятий в зарубежные концессии. Одновременно с этим поддерживались связи с иностранными фирмами в СССР: брались взятки за невыгодные заказы на импортное оборудование, велся промышленный шпионаж и т.д. С 1926 г. с «вредителями» были установлены контакты во французской разведке. В официальной версии мотивы Франции объяснялись достаточно просто – к концу 1920-х гг. бывшие акционеры стали подталкивать правительство к интервенции, поскольку считали военное вторжение единственным возможным способом возвращения «царских долгов». Из пока-

заний Соловьева следует, что отсюда «вредители» делали такой вывод: «прежде всего надо провести разрыв с советской властью и подготавливать войну» (*Обвинительное заключение по «Шахтинскому делу» // Известия. 1928. № 109. С. 4*). Стоит отметить, что и до 1926 г. в обвинительном заключении встречаются намеки на Францию, например в показаниях Матова: «откуда эти суммы получались бывшими владельцами, я не знаю, но полагаю, что располагать ими они не могли, а субсидировались или группами капиталистов, или французским правительством» (*Там же. С. 3*). Тем самым по логике «чекистов» возникала органичная связь между «вредителями» и Францией, эмигранты же выполняли роль посредника, передавая «задания», а также плату за их выполнение.

4. Вышинский ошибся – в приговоре по «Шахтинскому делу» не инкриминировалась ст. 58-б (шпионаж). В данном документе фигурировали ст. 58-7 (экономическая контрреволюция), 11 (организованная контрреволюция), 12 (соучастие и недоносительство). Шестеро подсудимых, приговоренных к расстрелу, были осуждены по ст. 58-3: «Сношения в контрреволюционных целях с иностранным государством или отдельными его представителями» (*Уголовный кодекс РСФСР. редакции 1926 года: С изменениями и дополнениями до 1 июля 1927 года. М., 1927. С. 28*). В эту группу входили: Ю.Н. Матов, С.П. Братановский, Н.А. Бояринов, Н.К. Кржижановский, А.Я. Юсевич, С.З. Будный (*Дело об экономической контрреволюции в Донбассе//Правда. 6 июля. 1928. № 155. С. 3*). Общим основанием для их осуждения по ст. 58-3 являлось их содействие иностранному финансированию. Было установлено, что основная роль в этом отводилась Ю.Н. Матову: «лично устанавливая связи с зарубежными организациями б. собственников (Парижский центр) и с представителями некоторых официальных учреждений некоторых иностранных государств и непосредственно осуществляя таковые; получал для контрреволюционной вредительской работы из указанных выше источников денежные средства, которые и распределял среди других участников организации; д) получал из тех же сумм лично вознаграждение за проводившуюся им вредительскую работу» (*Шахтинское дело – Приговор // Известия. 7 июля. 1928. № 156. С. 3*). Аналогичная формулировка встречается применительно к каждому из осужденных по ст. 58-3. Центральными в зарубежном аспекте в 1928 г. являлись тем самым наличие контактов и оборот денег. Некоторые из них, включая Ю.Н. Матова, имели зарубежные командировки, что облегчало инкриминирование им п. 3.
5. Рабинович Лазарь Григорьевич (1860–?) – известный специалист в области угольной промышленности России и СССР. По окончании Петербургского горного института с 1884 г. работал инженером на рудниках Донбасса, занимался активной управленческой и предпринимательской деятельностью. До 1917 г. являлся председателем правления Донецко-Грушевского акционерного общества каменноугольной и антрацитовый промышленности, а также членом правления ряда других акционерных обществ. После 1917 г., лишившись всех своих капиталов и должностей в ходе национализации, он признал новую власть и сотрудничал с ней. В 1920-х гг. назначен на должность председателя Научно-технического совета отдела каменноугольной промышленности ВСНХ СССР, которую занимал вплоть до своего ареста в марте 1928 г. в связи с «Шахтинским делом». В рамках следствия чекистами и организаторами суда ему отводилась роль руководителя мифического московского «вредительского» центра. Л.Г. Рабинович категорически отрицал свое участие во «вредительстве» в какой-либо форме, однако был приговорен к шести годам лишения свободы. Выступая с последним словом на Шахтинском процессе 2 июля 1928 г., Л.Г. Рабинович проявил себя последовательным в отрицании своей причастности к «контрреволюционной организации». Завершая свое выступление, он сделал неожиданное трагическое заявление в случае своего осуждения на длительный срок: «У меня склероз сердечных сосудов, который обострился в тюрьме, и меня засаживать на какие-то сроки от 3 до 10 лет для того, чтобы я там медленно умирал, смысла нет... Чтобы избавить меня от страданий, я прошу о высшей мере наказания» (*Шахтинский процесс 1928 г.: подготовка, проведение, итоги: в 2 кн. / отв. ред. С.А. Красильников. М., ГОД??? Кн. 2. С. 815*). В последующем ему отводилась следователями одна из ключевых ролей в соединении организации «шахтинцев» с сформировавшейся мифической «Промпартией», что Рабинович также отрицал. До февраля 1931 г. он отбывал срок в Бутырской тюрьме, затем направлен в распоряжение управления Соловецких лагерей. Сведения о его дальнейшей судьбе выяснить не удалось.
6. Осадчий Петр Семенович (1866–1943) – ученый-электротехник, государственный деятель. С 1896 г. преподавал в технических учебных заведениях, профессор. Автор ряда фундаментальных трудов по организации и развитию электро- и радиосвязи в России. Ректор Петроградского (Ленинградского электротехнического института (1918–1924). Первый зам. председателя Госплана СССР (1921–1929), член ЦИК СССР (1929–1930). В годы Гражданской войны подвергался арестам (1918, 1919, 1921). В ходе Шахтинского процесса выступал в качестве одного из общественных обвинителей. Будучи известным ученым, неоднократно выезжал за границу в составе научных делегаций. Вместе с Л.К. Рамзиным выезжал летом 1930 г. для выступления на Международной энергетической конференции (Берлин, с 15 по 25 июня), после окончания которой продолжал поездки по странам Скандинавии для участия в работе различных электротехнических комиссий и организаций, что давало возможность чекистам интерпретировать его поездки за границу для связей с деятелями эмигрантской организации Торгпрома. Будучи арестован в начале ноября 1930 г. на основе «показаний» Рамзина, Осадчий вскоре начал давать «признательные показания», в которых ему отводилась функция одного из руководителей мифической «Промпартии». В последующем в ходе самого процесса Осадчий выступал свидетелем, вызванным Н.В. Крыленко для дачи соответствующих «показаний». Во время выступления Вышинского перед сотрудниками Наркомпроса 9 декабря 1930 г. ему

пришлось отвечать на вопрос о том, почему Осадчий не был привлечен к суду как обвиняемый, на что Вышинский ответил уклончиво: «Мы вызвали Осадчего, потому что он был нужен как свидетель по делу, удостоверяющий те или иные факты». Между строк читалась явное противоречие, в котором оказались организаторы и исполнители процесса в связи с необходимостью ареста Осадчего для доказательства того, насколько «высоко» проникло «вредительство». В то же время это оказывался самый высокопоставленный государственный деятель, арестованный по данному «делу», поскольку многие годы являлся бессменным заместителем Г.М. Кржижановского в Госплане и членом высшего законодательного органа страны – ЦИК СССР. О том, что в отношении П.С. Осадчего действовало особое соглашение с ним, не предусматривавшее длительного наказания, свидетельствует то, что он осуждался во внесудебном порядке Коллегией ОГПУ весной 1931 г. первоначально к расстрелу, но с заменой на 10 лет заключения, из которого после нескольких лет работы в одной из закрытых «шарашек» был освобожден досрочно в 1935 г. (*Судебный процесс «Промпартии» 1930 г.: подготовка, проведение, итоги: в 2 кн. / отв. ред. С. А. Красильников. М., 2016. Кн. 1. С. 783*).

7. В распоряжении историков есть некоторое документальное свидетельство, позволяющее считать, что цифра в две тысячи человек, которой Рамзин на следствии и в судебном заседании оперировал, говоря о численности лиц, состоявших в мифической «Промпартии», не возникла сама по себе, а явилась результатом арестной работы чекистов на протяжении двух лет, предшествовавших судебному процессу, в сумме и давшую озвученную через Рамзина цифру. Об этом свидетельствует упорядоченный чекистами-архивистами в 1935 г. «Список членов контр-революционной организации “Промпартия”» (сюда оказались включены даже лица, осужденные по Шахтинскому процессу 1928 г.), состоявший из 222 страниц и содержащий краткие данные на 1 986 чел. (*ЦА ФСБ РФ. Ф. Р-42280. Т. 14. Л. 1–222*). «Список» начинался разделом «Состав ЦК «Промпартии», включавшем 14 чел. во главе с П.И. Пальчинским (в нем фигурировали шестеро из подсудимых на процессе «Промпартии»). Далее шла рубрика «Филиалы» “Промпартии”», где перечислялись «Ленинградский центр», «филиалы» на Украине (Харьков, Киев), в Белоруссии, на Урале, в Нижегородском крае, Иваново, Ростове (177 чел.), и затем шли рубрики, обозначавшие «группы» в разных отраслях промышленности, транспорта, строительства.

Чекисты даже составили своего рода коллективный портрет арестованных «вредителей», статистически сгруппировав их «по социальному, служебному, имущественному положению и бывшей партийности». Наиболее значительной среди них по признаку социального происхождения оказывалась группа «дворяне» – 561 чел. (28 %), внутри которых специально выделялась группа выходцев из среды офицеров (283 чел., или 14 %). Немалую по численности группу составили те, кто воевал против большевиков («белогвардейцы», 142 чел., 7,8 %), а также «старослужащие» (586 чел., 29,3 %). Среди арестованных оказалась корпоративная группа «профессоры» (80 чел., 4 %). Именно профессура наряду с крупными управленцами дореволюционного и советского времени оказалась основной «группой риска», из которой чекисты «комплектовали» руководящий состав мифической партии, ее «филиалов» и «центров» (10 из 14 «членов ЦК», 9 из 30 «членов Ленинградского центра», 5 из 22 «членов Харьковского филиала», 4 из 6 «членов Киевского филиала»). В ряде случаев речь шла фактически о приостановке и даже разрушении работы целых научно-технических коллективов (кафедр вузов, отделов/отделений отраслевых институтов). Наиболее значительный ущерб арестами был нанесен сети, обеспечивавшей развитие энергетики (Теплотехнический институт и его отделения и филиалы в регионах, профильные кафедры в московских, ленинградских, харьковских и киевских вузах и т.д.). В столь же негативной степени репрессии сказались на деятельности управленческих структур в сферах народного хозяйства: в течение короткого периода времени (с конца 1929 г. до весны 1931 г.) репрессивные «чистки» коснулись части управленцев как центральных, так и региональных аппаратов. (*Судебный процесс «Промпартии» 1930 г.: подготовка, проведение, итоги: в 2 кн. / отв. ред. С. А. Красильников. М., 2017. Кн. 2. С. 10*).

8. Рамзин Леонид Константинович (1887–1948) – известный ученый, специалист в области теплотехники. Окончил МВТУ (1914). С 1921 г. директор Всесоюзного теплотехнического института, одного из ключевых отраслевых институтов в системе ВСНХ СССР, являлся членом Госплана, профессор МВТУ. В 1920-е гг. являлся одним из ведущих советских теплотехников, неоднократно выезжал за границу для участия в международных конференциях в областях энергетики, имел широкие связи не только внутри страны с различными государственными организациями, но и с зарубежными учеными. К моменту своего ареста 14 августа 1930 г. вскоре после своего возвращения из заграничной поездки он активно продвигал главную конструкторскую разработку – создание первого отечественного прямоточного котла, работу над которой завершал уже в условиях заключения после процесса «Промпартии». Чекистское руководство сделало основную ставку на Рамзина в качестве ключевой фигуры в мифической «Промпартии», сыграв на чертах его характера (волевой лидер, организатор передовых разработок на мировом уровне, имевший обширные контакты в различных сферах, часто выезжавший за границу, в отличие от других подсудимых, карьерист, готовый на любые сделки со следствием). По итогам процесса осужден к высшей мере наказания с заменой приговора десятью годами заключения. Отбывая срок, Рамзин добился значительных результатов, получив возможность создать под эгидой ЭКУ ОГПУ Особое техническое бюро (ОТБ-11), в котором довел разработку названного впоследствии его именем прямоточного котла до промышленного внедрения. В 1936 г. был амнистирован, о чем сообщали газеты. Роль Рамзина получила амбивалентную оценку в литературе. Специалисты-теплотехники отмечают его значительную роль в развитии теплоэнергетики,

поскольку он успешно развивал важное направление, связанное с отечественным котлостроением. Наряду с этим ряд видных ученых в области теплотехники (академики М. В. Кирпичев, М. А. Михеев и др.) резко негативно оценивали его роль как фактического инструмента в руках ОГПУ, инициировавшего своими «показаниями» многочисленные аресты, повлияв тем самым на судьбы сотен представителей научно-технической интеллигенции страны и обезглавив целые научно-технические направления и коллективы.

9. Характеризуя А.А. Федотова, Вышинский допускал оценки его дореволюционной деятельности и доходов в несколько утрированном виде, преувеличивая его состоятельность как предпринимателя, хотя А.А. Федотов занимался прежде всего инженерной и управленческой работой.

Федотов Александр Александрович (1864–1940) – известный русский инженер в области текстильной промышленности, один из организаторов послереволюционного производства, профессор ряда отечественных вузов, наряду с Л.К. Рамзиным ключевая фигура среди подсудимых на процессе «Промпартии».

Окончив в 1881 г. Императорское московское техническое училище, впоследствии работал на текстильных предприятиях семейства Морозовых, затем с 1896 г. директором Прохоровской Трехгорной мануфактуры («Трехгорки») в Москве, но вскоре вернулся в Орехово-Зуево директором Никольской мануфактурной фабрики С. Морозова с годовым окладом в 25 тыс. руб. До 1917 г. успешно сочетал инженерную и управленческую деятельность с предпринимательством. В 1903 г. купил имение в 200 десятин с усадьбой в Верейском уезде Московской губернии. С периода революции 1905–1907 гг. активный участник московской кадетской организации, один из пайщиков и член редакции крупнейшей либеральной газеты «Русские ведомости», где регулярно печатался по проблемам отечественной легкой промышленности, политике в рабочем вопросе и др. В послереволюционный период, потеряв свои доходы вследствие национализации, А.А. Федотов поступил на службу в органы новой власти, используя свои знания и опыт в сфере восстановления и развития советской текстильной промышленности. Впервые подвергся аресту в 1919 г. как участник по версии чекистов кадетского «Тактического Центра», но весной 1920 г. был выпущен на свободу. В 1920-е гг. один из руководителей Всероссийского текстильного синдиката, с 1927 г. председатель Коллегии Научно-исследовательского текстильного института. В 1928 г. удостоен звания «Заслуженный деятель науки и техники». Став профессором экономики, читал курсы в Текстильном институте и Институте народного хозяйства им. Плеханова. Будучи арестован весной 1930 г., не сразу начал давать нужные чекистам показания, но затем безропотно действовал на суде в рамках согласованного сценария. После завершения процесса, как и другие осужденные сопроцессники, работал в качестве заключенного на различных текстильных предприятиях в Орехово-Зуево и Москве. По семейным сведениям, был освобожден в 1937 г., но затем вновь арестован в 1938 г. и выпущен на свободу в 1939 г. Скончался в Москве в 1940 г. (Иртенкина Н.В. *Русский инженер, один из «Промпартии»: А.А. Федотов // Историческое обозрение. 2019. № 20*).

10. В ходе завершаемого накануне процесса судебного следствия, проводившегося в ноябре 1930 г. следователем по особо важным делам при Прокуроре РСФСР Левентоном при предъявлении обвинения Федотову в том, что тот знал и разделял планы интервентов «об отторжении от СССР значительных территорий и лишением страны экономической независимости», сам Федотов потребовал письменно зафиксировать свое возражение по данному пункту обвинения в следующей форме: «Со всей решительностью заявляю, что ...я не знал о намерениях Торгпрома поступиться территорией нашей страны и ее экономической независимостью в качестве компенсации интервентам» (*Судебный процесс «Промпартии» 1930 г.: подготовка, проведение, итоги: в 2 кн. / отв. ред. С. А. Красильников. М., 2017. Кн. 2. С. 125*).

О позиции Н.Д. Кондратьева с его несогласием о наличии связей с интервенционистами Сталин в письме к Менжинскому в начале октября 1930 г. рекомендовал следующее: «...провести сквозь строй гг. Кондратьева, Юровского, Чаянова и т.д., хитро увливающих от “тенденции к интервенции” ... и строжайше допросить их о сроках интервенции...». (*Опубликовано: Коммунист. 1990. № 11. С. 99–100*). Отмеченное выше подтверждается показаниями арестованного по делу «Промпартии» С.А. Предтеченского, оказавшегося накануне нового 1931 г. в одной камере с Н.Д. Кондратьевым: «...со слов Кондратьева выяснилось, что при первых его показаниях в СО ОГПУ ему удалось удачно обойти вопрос об отношении Т.К.П. к 1) интервенции, 2) организации восстаний и военных групп, 3) заграничным деньгам» (*Судебный процесс «Промпартии» 1930 г.: подготовка, проведение, итоги: в 2 кн. / отв. ред. С. А. Красильников. М., 2017. Кн. 2. С. 171*).

11. В первоначальных своих показаниях от 21 сентября 1930 г. Рамзин весьма неопределенно характеризовал контуры политической и экономической программы мифической «Промпартии», оправдывая это разногласиями внутри самого руководящего круга. Тем не менее он полагал невозможным возврат к монархии и считал возможной формой правления буржуазно-демократическую республику. В экономической области он полагал разрешить проблему как возврата бывшим владельцам национализированной у них собственности, так и сохранения под контролем государства созданных за годы советской власти новых и значительно реконструированных старых предприятий. По мнению Рамзина, при столкновении интересов бывших владельцев предприятий, которые затем перешли в государственную собственность, и интересов государства вопрос мог быть разрешен за счет акционирования таких предприятий с распределением доли акций и средств, получаемых участниками в качестве компенсации и теми, которые оставались бы в распоряжении государства. Соответственно, предложенная им схема экономики могла быть гибридной, где восстанавливалась бы частная собственность при сохранении и доминировании государственной собствен-

ности, что могло расцениваться как своеобразный государственный капитализм. В то же время при возрастании роли государственного сектора экономики такую схему можно было бы рассматривать и как раннюю форму государственного социализма (*Судебный процесс «Промпартии» 1930 г.: подготовка, проведение, итоги: в 2 кн. / отв. ред. С. А. Красильников. М., 2017. Кн. 2. С. 125*). В дальнейших своих «показаниях», написанных в промежутке между 29 сентября и 1 октября 1930 г., Рамзин упоминал, что более левые члены «Промпартии», стоявшие на позициях государственного капитализма, рассматривали перспективы проведения индустриализации страны замедленными темпами, тем самым ища контакты и поддержку у влиятельных правых коммунистов во власти (*Там же. С. 165*).

Необходимо отметить, что вплоть до середины 1920-х гг. в среде самого большевистского руководства не существовало единства относительно политико-экономической характеристики послереволюционного строя. Часть лидеров, опираясь на поздние высказывания В.И. Ленина о том, что многоукладность экономики после окончания Гражданской войны подразумевала наличие не только мелкотоварного производства, но и допущение под контролем государства элементов частного предпринимательства, концессий и т.д., полагала, что в советской экономике существует государственный капитализм. На XIV съезде партии в декабре 1925 г. в ходе дискуссии Л.Б. Каменев и Г.Е. Зиновьев обосновывали тезис о том, что государственный сектор в экономике носит переходные черты, сохраняя признаки, присущие госкапитализму, расцененный большинством партийного руководства как неверие в «строительство социализма в СССР». В резолюции съезда осуждались попытки «рассматривать наши предприятия... как предприятия государственно-капиталистические» (*КПСС в решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1953. Ч. 2. С. 77*).

12. В ходе завершающего периода следственных действий перед процессом, проводившихся следователем при прокуроре РСФСР Э.Э. Левентоном в первой половине ноября 1930 г., на котором обвиняемым предъявлялись обвинения по самым тяжким пунктам статьи 58 УК РСФСР (п. 3, 4, 6), подразумевавшим «государственную измену», «сношения с представителями враждебных государств», «шпионаж», некоторые из них пытались зафиксировать в протоколах возражения против ряда инкриминированных им действий. Так, И.А. Калинин отрицал факт получения денег от французского дипломата и не участвовал в дальнейшем их распределении: «Правда, Ларичев предлагал мне деньги за составление экономических обзоров <...> но я этих обзоров не составлял, а потому я отказался от получения этих денег» (*ЦА ФСБ РФ. Ф. Р-42280. Т. 10 Л. 166*). Н.Ф. Чарновский также отрицал получение себе лично и передачу каких-либо денег для других. Кроме того, он добавлял: «Сведений военного характера я не собирал, но по роду своей работы сведения по военной промышленности ко мне поступали в порядке рассмотрения проектов заводов, имеющих оборонное значение» (*Там же. Л. 184–184 об.*). Наиболее развернутую аргументацию своих возражений против отдельных предъявленных ему обвинений высказывал А.А. Федотов. Помимо категорического отрицания своей причастности к согласию руководства «Промпартии» (Рамзин) на раздел страны в ходе иностранной интервенции, он также отрицал свое участие и активную роль в создании самой организации, а хотя и «был избран членом ЦК Промпартии, но без моего ведома» (*Там же. Л. 240–240 об.*).
13. Чарновский Николай Францевич (1868–1938) – профессор, специалист в области металлургии и машиностроения. Окончил физико-математический факультет МГУ (1891). Впоследствии получил диплом инженера-механика в МВТУ (1896). После окончания училища работал на заводах в Мытицах, затем в Сормово (1899–1907). В 1907 г. начал преподавать на инженерно-механическом отделении МВТУ. Также читал курсы в Московском коммерческом институте (МКИ) и других технических вузах. Получил звание профессора в 1914 г. по кафедре технологии металлов и дерева МВТУ. В советское время занимал должность председателя Научно-технического совета (НТС) металлургии ВСНХ СССР. Арестован в 1930 г. по делу «Промпартии», в котором был одним из главных фигурантов. Осужден к высшей мере наказания с заменой приговора 10 годами заключения. Находясь в заключении, работал в закрытом ОКБ системы ОГПУ НКВД в г. Ковров (совместно с сопроцессником И.А. Калининковым). В ноябре 1937 г. вновь арестован и расстрелян в марте 1938 г.
14. Вышинский имел в виду сборник под редакцией И.И. Ходоровского, в котором собраны мнения ведущих инженеров того времени о путях реорганизации высшей школы. Публикация появилась в контексте решений июльского пленума ЦК ВКП(б) 1928 г., ставшего прологом части реформы вузов 1930–1931 гг., направленной на подчинение образования производству, в том числе за счет сокращения часов теоретического обучения. Н.Ф. Чарновский вполне конкретно сформулировал свое видение проблемы: «необходимым фундаментом всего высшего технического образования является достаточно глубокая и широкая база научно-техническая; усвоение общих научных основ должно быть первой задачей школы; усвоение технических дисциплин в качестве общей технической базы всех специальностей есть вторая задача ее» (*Чарновский Н.Ф. Какого инженера должны готовить наши вузы: отзывы деятелей промышленности, науки и техники / под ред. И.И. Ходоровского. М.; Л.: Наркомпрос РСФСР, 1928. С. 157*). Н.Ф. Чарновский разбирался в том, о чем говорил, поскольку не только преподавал, но и занимался научной организацией труда в промышленности. По мнению историка А.Д. Кузьмичева, Н.Ф. Чарновский был создателем первого в мире учебника по промышленному менеджменту («Организация промышленных предприятий по обработке металлов») (*Кузьмичев А.Д. Н.Ф. Чарновский и становление научного менеджмента в России // Российский журнал менеджмента. 2012. № 3. С. 166–167*). В пользу его правоты свидетельствует и тот факт, что с 2011 г. в МГТУ (ранее МВТУ им. Баумана, где до ареста в 1930 г. многие годы преподавал Чарновский) проходит ежегодная конференция, названная его именем – «Чарновские чтения».

15. Логика сталинской индустриализации требовала подчинения ей всех сфер жизни общества, в том числе научно-образовательной. В ходе реализации масштабных промышленных проектов, сопровождавшихся массовым вводом в эксплуатацию нового оборудования, достаточно быстро обнаружился дефицит инженерных кадров. По мере обострения кризиса большевики перешли от дискуссий 1928 г. к решительным мерам. В ноябре 1929 г. пленум ЦК ВКП(б) принял решения, ускоряющие подготовку специалистов: сроки обучения снижались с 6 до 3,5–4 лет, теоретические дисциплины сокращались за счет увеличения практики, дипломные проекты отменялись (*КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986): М., 1984. Т. 5. С. 19–22*). Вторым компонентом реформы было постановление ЦИК и СНК СССР «О реорганизации высших учебных заведений, техникумов и рабочих факультетов» (23 июля 1930 г.). Провозглашалось переустройство системы высшего образования «на основе решительного сближения теоретического обучения и производственной практики, специализации учебных заведений по отраслевому признаку» (*Известия. 1930. 8 авг. № 218. С. 2*). Основные положения этого документа выражались в следующем: технические учебные заведения передавались в ведение отраслевых объединений ВСНХ, многофакультетные учебные заведения реорганизовывались в отраслевые, при каждом учебном заведении создавались рабфаки, вводилась обязательная система государственного распределения выпускников.

Результатом реформы стало увеличение числа студентов со 160 тыс. чел. в 1926/1927 уч. г. до 288 тыс. чел. в 1932/1933 уч. г. (*Шпикельман Р.Ю. Политика руководства СССР по реформированию высшей школы в 1930-е гг. (на материалах Иркутской области) // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Политология. Религиоведение. 2013. № 2-1. С. 93*). Однако столь резкий количественный скачок вызвал снижение качества подготовки специалистов. По этой причине уже в 1932 г. отменили ряд радикальных мер, в том числе была восстановлена традиционная структура с факультетами, запрещены коллективные зачеты, возвращались сессии и обязательные дипломные работы и т.д.

Литература

Есиневи́ч А.А. Театр абсурда или судебный процесс по «Шахтинскому делу». СПб., 2004. 159 с.

Ефимов Е., Щетинов Ю. Три процесса над старой интеллигенцией // Политическое образование. 1989. № 6. С. 69–76.

Иртенина Н.В. Русский инженер, один из «Промпартии»: А.А. Федотов // Историческое обозрение. 2019. № 20. С. 81–96.

Какого инженера должны готовить наши вузы: отзывы деятелей промышленности, науки и техники / под ред. И.И. Ходоровского. М.; Л.: Наркомпрос РСФСР, Гос. изд-во, 1928. 178 с.

Красильников С.А. Инсценирующая диктатура. 90 лет Шахтинскому процессу 1928 г. // ЭКО. 2018. № 6 (528). С. 153–174.

Крыленко Н.В. Судебные речи. 1922–1930. М., 1931. 362 с.

Кузьмичев А.Д. Н.Ф. Чарновский и становление научного менеджмента в России // Российский журнал менеджмента. 2012. № 3. С. 165–176.

Мертон Р. Непреднамеренные последствия преднамеренного социального действия // Социологический журнал. 2009. № 2. С. 5–17.

Политбюро и «вредители». Кампания по борьбе с вредительством на объектах промышленности: в 2 кн. / отв. ред. О.Б. Мозохин. М.: Родина МЕДИА, 2014. Кн. 1. 544 с.; Кн. 2. 542 с.

Соскин В.Л. Шахтинское дело в ракурсе социально-культурного подхода // Вестник Новосибирского гос. университета. Сер.: История, филология. 2009. Т. 8, № 1. С. 50–58.

Судебный процесс «Промпартии» 1930 г.: подготовка, проведение, итоги: в 2 кн. / отв. ред. С.А. Красильников. М.: Политическая энциклопедия, 2016–2017. Кн. 1.; 855 с.; Кн. 2. 1054 с.

Федюкин С.А. Великий Октябрь и интеллигенция. М.: Наука, 1972. 471 с.

Шарапов С.В. Идеолого-пропагандистское обеспечение Шахтинского судебного политического процесса (март–декабрь 1928 г.): дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2018. 239 с.

Шахтинский процесс 1928 г.: подготовка, проведение, итоги: в 2 кн. / отв. ред. С.А. Красильников. М.: РОССПЭН, 2010–2011. Кн. 1. 975 с.; Кн. 2. 1087 с.

Шпикельман Р.Ю. Политика руководства СССР по реформированию высшей школы в 1930-е гг. (на материалах Иркутской области) // Известия Иркутского университета. Сер: Политология. Религиоведение. 2013. № 2-1. С. 91–101.

References

Efimov, E., Shchetinov, Yu. (1989). Tri protsessa nad staroy intelligentsiyei [Three Trials Against the Old Intelligentsia]. In *Politicheskoe obrazovanie*. No. 6, pp. 69–76.

Esinevich, A.A. (2004). *Teatr absurda ili sudebnyy protsess po “Shahtinskomu delu”* [Theatre of the Absurd or the Trial on the “Shakhty Case”]. St. Petersburg. 159 p.

Fedyukin, S.A. (1972). *Velikiy Oktyabr’ i intelligentsiya* [The Great October and the Intelligentsia]. Moscow, Nauka. 471 p.

Irteneva, N.V. (2019). Russkiy inzhener, odin iz “Prompartii”: A.A. Fedotov [Russian Engineer, One of the “Industrial Party”: A.A. Fedotov]. In *Istoricheskoe obozrenie*. No. 20, pp. 81–96.

Khodorovsky, I.I. (Ed.) (1928). *Kakogo inzhenera dolzhny gotovit’ nashi vtuzy: otzyvy deyateley promyshlennosti, nauki i tekhniki* [What Engineer Our Universities Should Produce: Opinions of Figures from Industry, Science and Technology]. Moscow, Leningrad, Narkompros, RSFSR, Gos. izd-vo. 178 p.

Krasil’nikov, S.A. (2018). Instseniruyushchaya diktatura. 90 let Shahtinskomu protsessu 1928 g. [Staged by Dictatorship. 90 Years Since the Shakhty Trial, 1928]. In *ECO*. No. 20, pp. 153–174.

Krasil’nikov, S.A. (Ed.). (2010–2011) *Shakhtinskiy protsess 1928 g.: podgotovka, provedenie, itogi: sbornik dokumentov: v 2 kn.* [Shakhty Trial of 1928: Preparation, Conduct, Results]. Moscow, ROSSPEN. Book 1. 975 p.; Book 2. 1087 p.

Krasil’nikov, S.A. (Ed.). (2016–2017). *Sudebnyy protsess “Prompartii” 1930 g.: podgotovka, provedenie, itogi: sbornik dokumentov: v 2 knigakh* [The “Industrial Party” Trial of 1930: Preparation, Conduct, Results]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya. Book 1. 855 p.; Book 2. 1054 p.

Krylenko, N.V. (1931). *Sudebnye rechi. 1922–1930* [Trial Speeches. 1922–1930]. Moscow. 362 p.

Kuz’michev, A.D. (2012). N.F. Charnovskiy i stanovlenie nauchnogo menedzhmenta v Rossii [N.F. Charnovsky and the Establishment of Scientific Management in Russia]. In *Rossiyskiy zhurnal menedzhmenta*. No. 3, pp. 165–176.

Merton, R. (2009). Neprednamerennyye posledstviya prednamerennogo sotsial’nogo deystviya [The Unanticipated Consequences of Purposive Social Action]. In *Sotsiologicheskyy zhurnal*. No. 2, pp. 5–17.

Mozohin, O.B. (Ed.). (2014). *Kampaniya po bor’be s vreditel’stvom na ob’ektakh promyshlennosti* [Campaign Against Wrecking at Industrial Facilities]: sb. dokumentov: v 2 kn. Moscow, Rodina MEDIA. Kn. 1. 544 p.; Kn. 2. 542 p.

Sharapov, S.V. (2018). *Ideologo-propagandistskoe obespechenie Shahtinskogo sudebnogo politicheskogo protsessa (mart–dekabr’ 1928 g.)* [Ideological and Propaganda Support of the Shakhty Political Trial (March–December 1928)], Cand. hist. sci. diss. Novosibirsk. 239 p.

Shpikel’man, R.Yu. (2013). *Politika rukovodstva SSSR po reformirovaniyu vysshey shkoly v 1930-e gg. (na materialakh Irkutskoy oblasti)* [The Soviet Authorities Policy for the Reform of Higher Education in 1930s (The Irkutsk Region Case Study)]. In *Izvestiya Irkutskogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie*. No. 2–1, pp. 91–101.

Soskin, V.L. (2009). *Shahtinskoe delo v raketse social’no-kul’turnogo podkhoda* [“Shahtinskoe Delo in a Foreshortening of the Socio-Cultural Approach”]. In *Vestnik Novosibirskogo gos. universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*. No. 3, pp. 50–58.

Е.В. Семенов*

УСПЕШНЫЙ ОПЫТ ИНТЕГРАЦИИ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ. РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ: ВЫБОРНОВА В.А., ФЕДОРУК М.П. НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ. ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ (1959–1968) / В.А. ВЫБОРНОВА, М.П. ФЕДОРУК; НОВОСИБ. ГОС. УН-Т. НОВОСИБИРСК: ИПЦ НГУ, 2024. 294 С.

doi:10.31518/2618-9100-2025-1-19
УДК 378.4(571.14)

Выходные данные для цитирования:

Семенов Е.В. Успешный опыт интеграции науки и образования. Рецензия на монографию: Выборнова В.А., Федорук М.П. Новосибирский государственный университет. Первое десятилетие (1959–1968) / В.А. Выборнова, М.П. Федорук; Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2024. 294 с. // Исторический курьер. 2025. № 1 (39). С. 291–301. URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-1-19.pdf>

E.V. Semenov*

SUCCESSFUL EXPERIENCE INTEGRATING SCIENCE AND EDUCATION. MONOGRAPH REVIEW: VYBORNOVA V.A., FEDORUK M.P. NOVOSIBIRSK STATE UNIVERSITY. FIRST DECADE (1959–1968) / V.A. VYBORNOVA, M.P. FEDORUK; NOVOSIB. STATE. UN-T. NOVOSIBIRSK: IPTS NGU, 2024. 294 P.

doi:10.31518/2618-9100-2025-1-19

How to cite:

Semenov E.V. Successful Experience Integrating Science and Education. Monograph Review: Vybornova V.A., Fedoruk M.P. Novosibirsk State University. First Decade (1959–1968) / V.A. Vybornova, M.P. Fedoruk; Novosib. state. un-t. Novosibirsk: IPTs NGU, 2024. 294 p. // Historical Courier, 2025, No. 1 (39), pp. 291–301. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-1-19.pdf>]

Abstract. The publication of a scientific monograph on the creation and the first decade of the NSU is a notable event in the study of the historical experience of the organization of science and education in the Soviet Union. The domestic experience of large scientific and technological projects, primarily Nuclear and Space, as well as the program for creating a network of science cities and the experience of successful integration scientific and educational projects of MIPT and NSU, have not been studied and understood enough. The book by V.A. Vybornova and M.P. Fedoruk partially fills the gap in the study of the practice of integrating science and education. The study is devoted to the formation (1959–1968) of Novosibirsk State University (NSU), which was created according to the model of the Moscow Institute of Physics and Technology (MIPT), the essence of which is the deep integration of science and education. Such an extremely rare experience for the USSR in creating initially integrated systems, including advanced science and the most modern university education at that time, was not scaled in a timely manner, but it did not lose its significance even after five or six decades.

Keywords: Research University, integration of Science and Education, MIPT, NSU.

The article has been received by the editor on 11.11.2024. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Евгений Васильевич Семенов**, доктор философских наук, профессор, Институт социологии – обособленное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия, e-mail: Eugen.semenov@inbox.ru
Evgeny Vasilyevich Semenov, Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Sociology, a Separate Division of the Federal State Budgetary Institution of Science of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: Eugen.semenov@inbox.ru

Аннотация. Публикация научной монографии о создании и первом десятилетии деятельности НГУ – заметное событие в изучении исторического опыта организации науки и образования в Советском Союзе. Отечественный опыт крупных научно-технологических проектов, прежде всего атомного и космического, а также программа создания сети наукоградов и опыт успешных интеграционных научно-образовательных проектов МФТИ и НГУ изучены и осмыслены недостаточно. Книга В.А. Выборновой и М.П. Федорука отчасти восполняет пробел в изучении практики интеграции науки и образования. Исследование посвящено становлению (1959–1968 гг.) Новосибирского государственного университета (НГУ), создававшегося по модели Московского физико-технического института (МФТИ), сутью которой является глубокая интеграция науки и образования. Такой крайне редкий для СССР опыт создания исходно интегрированных систем, включающих передовую науку и самое современное на тот момент университетское образование, не был своевременно масштабирован, но не утратил значения даже через пять-шесть десятилетий.

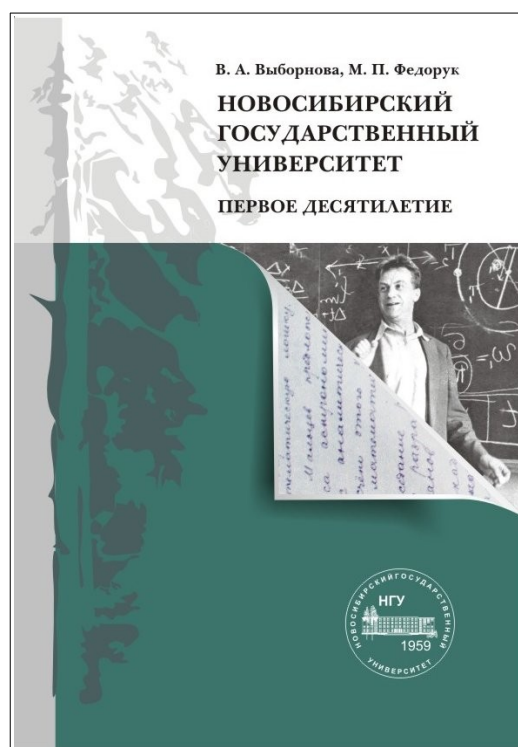
Ключевые слова: исследовательский университет, интеграция науки и образования, МФТИ, НГУ.

Статья поступила в редакцию 11.11.2024 г.

Книга делится на две примерно равные части – собственно научный текст и разнообразные информационно-документальные материалы и приложения, дополняющие научную монографию.

Монография включает четыре главы, введение, заключение и справочный аппарат. В первой главе на большом документальном материале описано формирование оригинальной концепции и модели университета, основанного на органичной интеграции научно-исследовательского и образовательного процессов, а также драматичная история создания университета в 1957–1959 гг. Во второй и третьей главах характеризуется суть новой модели университета – необычный для отечественных вузов 1960-х гг. состав профессорско-преподавательского корпуса и новаторская организация научно-образовательного процесса. В четвертой главе освещается социокультурная среда университета, что важно, поскольку НГУ создавался не только как «кузница кадров», но и как центр разнообразной духовной, интеллектуальной, общественно-политической, спортивной жизни академического городка.

Во введении, помимо общей характеристики НГУ как «научно-образовательной структуры нового типа», являющейся «органической частью научного центра», характеризуется степень научной изученности, грани и этапы, подходы и инструментарий исследования истории университета. Обращает на себя внимание роль известных российских историков – выпускников исторического отделения гуманитарного факультета НГУ, прежде всего С.А. Красильникова, И.С. Кузнецова, Н.А. Куперштох, Е.Т. Артемова, Е.Г. Водичева и др., посвятивших десятки публикаций исследованию истории и роли НГУ в жизнедеятельности Новосибирского академического научного центра.

1.

Первая глава содержит подробный увлекательный рассказ о дискуссиях и преодолении бюрократических препятствий при создании необычного университета, являющегося, по замыслу отцов-основателей М.А. Лаврентьева, С.А. Христиановича и др., частью «комплексного проекта нового научного центра с целью решения кадровых вопросов» (с. 16). При этом опирались на уже имеющийся опыт работы МФТИ, модель которого («система МФТИ») представляла собой «симбиоз науки и образования». Председателю СО АН СССР М.А. Лаврентьеву и ректору НГУ И.Н. Векуа долгое время пришлось бороться за «преференции» – более ранний, чем в других вузах, прием вступительных экзаменов для абитуриентов, возможность перевода талантливых студентов из других вузов и широкое привлечение ученых к преподаванию на правах совместительства и почасовой оплаты (с. 23). На наш взгляд, из перечисленных авторами преференций существенной для модели НГУ является только одна – преподавание активных академических исследователей. Ранний прием – полезная привилегия, но не существенная характеристика модели. Право перевода талантливых студентов полезно, но реально не играло большой роли, в отличие, например, от возможности раннего отбора талантливых школьников для ФМШ.

Авторы показывают, как «оттепель» второй половины 1950-х гг. сделала возможными некоторую автономность и самоорганизацию университетов, в частности расширение конкурсных процедур и увеличение роли ученых советов в научных и образовательных организациях. В этих условиях удалось сформировать новые принципы и модель университета. Ученый совет НГУ получил право корректировать стратегию развития университета, создавать новые кафедры и развивать сеть советов факультетов (с. 31–32). Модель МФТИ и НГУ – это фактически модель полноценного исследовательского университета. Но при всем сходстве эти вузы отличались друг от друга рядом существенных особенностей в подготовке кадров. МФТИ был создан как монопрофильный и практико-ориентированный институт. НГУ же создан как многопрофильный университет, готовящий кадры именно для науки и погруженный в структуру научного центра. По словам авторов монографии, НГУ – «первая модель образовательно-научного центра внутри АН СССР» (с. 37). Этим объясняется многолетняя борьба СО АН СССР за перевод НГУ из ведения Минвуза в ведение Сибирского отделения (с. 37). Авторы характеризуют МФТИ как технологический исследовательский университет, а НГУ – как классический исследовательский университет (с. 43).

Такая модель университета предполагала принципиальные отличия в составе профессорско-преподавательского корпуса и организации образовательного процесса как «образовательно-научного». Вторая и третья главы книги посвящены этим вопросам.

2.

Характеристика профессорско-преподавательского состава НГУ делится в монографии на две темы – создатели НГУ и молодые преподаватели. Поразительно информативен и поучителен параграф об «инициативной группе» – «сообществе ученых-пассионариев, уехавших в Сибирь создавать первый “город науки”» (с. 44). На основе документов, прежде всего личных дел 176 ученых (табл. 1), характеризующих биографии и роль в создании НГУ, многосторонне освещается состав сообщества творцов нового университета. Авторы характеризуют это сообщество по трем поколениям – старшего (родившиеся до 1917 г.), среднего и младшего возраста. Именно этому сообществу Университет обязан своей «сеткой факультетов и кафедр», ориентацией учебного плана на подготовку научных исследователей, научных школ с акцентом на междисциплинарность (с. 44).

В соответствии с моделью исследовательского университета («система Физтех») руководство СО АН СССР и НГУ упорно отстаивало, вопреки существующим бюрократическим правилам, преобладающую роль ученых (совместителей и почасовиков) над штатными преподавателями. В лидерской группе из 176 акторов только 25 были штатными преподавателями. В целом же доля штатных сотрудников в числе преподавателей устойчиво составляла примерно треть. Треть составляли совместители, треть – почасовики (с. 46–47).

В монографии приводится интереснейший материал о возрастном составе сообщества 176 акторов, их социальном происхождении и национальности, образовании и т.д. Возрастная структура создателей Университета не была геронтократической – большинство акторов на момент начала своей работы в НГУ были в возрасте 40–50 лет. По социальному происхождению три возрастные группы заметно различаются. Особенностью сообщества основателей Университета, особенно характерной для старшей возрастной группы, является значительное число ученых дворянского происхождения (8 ученых из 176 человек). Причем это относится к С.А. Христиановичу («отцу» Московского Физтеха) и М.А. Лаврентьеву (одному из его создателей), осуществивших «перенос» модели МФТИ на НГУ. Национальный состав сообщества 176 создателей НГУ очень разнообразный – 11 национальностей, включая русских (64 %), евреев (19 %), украинцев (6 %), армян, белорусов, греков, поляков, казахов, караимов, татар, чувашей. Образование создатели НГУ получили в основном в московских и ленинградских вузах, прежде всего в МГУ и ЛГУ (с. 47–49). Жизнь и деятельность многих из них связана с МФТИ и Атомным проектом.

В книге приводится много интересного сопутствующего исторического материала. В частности, рассказывается об отмене после революции 1917 г. и последующем восстановлении системы ученых степеней и званий (с. 50–51). Ученые степени и звания были отменены в 1918 г., а в 1919 г. в соответствии с декретом Совнаркома научные работники были разделены на пять категорий по их «ценности для советской власти на данный момент» и, как следствие, им был определен размер пайка и денежного довольствия. В 1928 г. пять «цифровых категорий» были заменены на три «буквенные (А, Б, В). В 1934 г. в упрощенном виде была возвращена старая «имперская» система ученых званий (профессор, доцент) и ученых степеней – первоначально часто без защиты на основе научных публикаций.

В монографии отмечается «технократический крен» НГУ, который авторы видят в заметном преобладании математики и физики. Математика преподавалась всем студентам Университета, кроме историков и филологов, физика – всем естественнонаучным специальностям. Особую роль в такой ориентации Университета авторы связывают с именами М.А. Лаврентьева (председателя СО АН СССР) и И.Н. Векуа (первого ректора НГУ), имевших опыт работы заведующими кафедрами в МФТИ (с. 52–55). Пожалуй, этот «крен» НГУ правильнее было бы назвать физико-математическим, а не технократическим, так как НГУ готовил кадры для науки, т.е. исследователей, а не конструкторов и инженеров, был ориентирован на фундаментальную, а не на прикладную науку и разработки. Роль НГУ для Сибирского отделения и их органическую связь видно из формулы М.А. Лаврентьева: «Нет ученого без учеников».

Перенос «системы Физтеха» на НГУ осуществлялся, как показывают авторы, прежде всего за счет кадровой политики – приглашения основателей, преподавателей, выпускников МФТИ. Но «С.А. Христианович, М.А. Лаврентьев, как одни из акторов “Физтеха”, не могли удовлетвориться механическим переносом в Новосибирск уже реализованного опыта, а развили его в новую научно-образовательную программу, создав оригинальную модель исследовательского университета» (с. 56).

Анализ сообщества основателей НГУ дополнен яркой характеристикой молодых преподавателей. Для НГУ первого десятилетия характерен очень молодой кадровый состав ППС – к 1962 г. средний возраст преподавателей составлял 32–33 года. Крупные ученые переезжали в строящийся новосибирский Академгородок часто со своими учениками, которые включались не только в исследования, но и в преподавание. Состав преподавателей постоянно пополнялся «преимущественно за счет молодежи». Совмещение «научного и педагогического труда» было нормой для НГУ (с. 57). Корпус молодых преподавателей исследуется в монографии с привлечением социологических методик В.Э. Шляпентоха и В.А. Ядова (с. 58–61), в соответствии с которыми была выделена референтная группа в составе 167 человек. Яркая характеристика этой группы (с. 61–70) позволяет лучше понять дух новосибирского Академгородка и НГУ как его важной части. Авторы монографии показывают связь развития НИИ и НГУ в Академгородке. Институты СО АН развивались

«стремительнее и обширнее», чем шло развитие НГУ. Развитие НГУ было «калькой происходящих в СО АН процессов». Вслед за появлением и развитием НИИ в НГУ открывались соответствующие их профилю специальности (с. 71).

3.

Третья глава монографии называется «Образовательно-научный процесс». Именно в ней дается наиболее детальное описание модели НГУ как классического университета, созданного в форме исследовательского университета, дается емкое описание и того, как организован образовательный процесс в таком вузе, и того, как студенты через этот образовательный процесс включались в научные исследования и получали свою будущую профессию. «После открытия университета в 1959 г. силы его организаторов направились на установление целенаправленного планомерного развития образовательного процесса и роста объемов выпуска специалистов. Спустя три года, в 1962 г., обрисовалась базовая сетка факультетов и специальностей, определены основные научные направления. Обретение стабильности произошло к 1969 г. – преодолев трудности поиска пути и эволюционируя от вуза “системы Физтеха” к классическому университету, НГУ организовал и апробировал жизнеспособность четкой образовательной структуры и оригинальных принципов обучения» (с. 72).

Уже в 1957 г. первоначальный проект НГУ предполагал «развертывание обширной структуры факультетов и специальностей», реально же университет, начавший работать в 1959 г., сначала состоял из одного факультета с четырьмя специальностями. Лишь в 1962/1963 уч. г. университет приобрел разветвленную структуру, включавшую шесть факультетов: естественных наук, механико-математического, физического, гуманитарного, геолого-геофизического и вечернего; 41 кафедру и 10 специальностей: математика, механика, физика, химия, медико-биология, геофизические методы, история, математика в экономических расчетах, русский язык и литература, математическая лингвистика (с. 72–73).

Перенос на НГУ принципов «системы Физтеха» позволил успешно решить многие вопросы. Так, быстро выяснилось, что вечернее обучение несовместимо с этими принципами, и от него отказались (с. 82–83). Успешным оказалось создание Красноярского филиала НГУ, а затем и его преобразование в самостоятельный университет, опирающийся на Институт физики СО АН в Красноярске и работающий на тех же принципах, что и НГУ (с. 83–84). Замечательно вписалась в модель НГУ и созданная при нем физико-математическая школа (ФМШ). «ФМШ органично вписалась в единый комплекс НГУ – СО АН» (с. 84–88).

Но понимаемые как сугубо физико-математическая ориентация принципы Физтеха вступали в противоречие с моделью классического университета. Хотя авторы в начале монографии сказали о том, чтобы отцы-основатели НГУ не переносили на новый университет систему Физтеха «механически», а выработали более широкую новую модель, в третьей главе они убедительно и существенно уточнили этот вывод, показав, как «технократический» подход привел ко многим коллизиям в становлении и развитии НГУ. Наиболее сильно однобокий физико-математический крен сказался на представленности в университете гуманитарных наук и медицины, а также отчасти и экономики. Подробно и честно описаны трудности интеграции гуманитарных наук и отчасти экономики в «технократическую» модель (с. 73–78), в том числе освещена попытка передачи в связи с пражскими событиями 1968 г. гуманитарного факультета НГУ в формировавшийся в это время Красноярский государственный университет (с. 76–77). С узко понимаемым физтеховским подходом связаны и коллизии с биологическим образованием в НГУ, которое первоначально задумывалось и создавалось как медико-биологическое, но, по словам выдающегося генетика Д.К. Беляева, быстро преобразовалось «в биологическое с большим удельным весом математики, физики и химии» (с. 78). Лишь через тридцать с лишним лет – в 1997 г. – на биологическом факультете возродилась медицинская специальность (с. 80).

Издержки слишком буквальной ориентации на технократическую модель университета отягощались во многих случаях, по выражению авторов, «негативным влиянием личного фактора». Негативное отношение основателя СО АН М.А. Лаврентьева к ряду наук, научных направлений и специальностей дополнялось конфликтами с лидерами многих областей исследования, что нередко приводило к их отъезду из Академгородка и ликвидации их кафедр в НГУ. Это относится даже к таким крупным научным фигурам, как С.А. Христианович, Б.О. Солоноуц, Г.Б. Бокий, Ю.И. Работнов и др. (с. 80–82). Одновременно из Академгородка уезжали и десятки других высококлассных ученых. «Проблема потери московского состава преподавателей первого набора затронула все уровни в структуре нового университета» (с. 81). Авторы избегают квалифицировать тип конфликтов лидера и его первоначальной команды, говоря лишь о личном факторе и конфликтных ситуациях. Фактически же, на наш взгляд, речь может идти о постепенном формировании жесткого авторитарного управления в системе феодальной организации науки.

Поразительна по честности анализа приводимая в монографии докладная записка заведующего отделом науки и учебных заведений Новосибирского обкома КПСС М.П. Чемоданова (известного науковеда, доктора философских наук. – Е. С.) в Москву. В записке говорится о высоком проценте отъезда научных кадров из Сибирского отделения: «...Руководители Президиума СО АН СССР высказывают тревогу относительно оттока ученых и вносят в вышестоящие органы различные предложения по преодолению этого нежелательного явления. Факты говорят, что основания для подобного рода тревоги имеются. Всего за 1958–1966 гг. Сибирское отделение покинуло 600 квалифицированных научных сотрудников, в том числе 89 членов Академии и докторов, 511 кандидатов наук. За тот же период защищено 112 докторских диссертаций и 960 кандидатских. Таким образом, по основной группе ученых утечка едва покрывается за счет подготовки новых кадров» (с. 82). Авторы монографии замечают: «Несомненно, общее демографическое состояние научного сообщества в новосибирском Академгородке влияло и на развитие университета» (с. 82).

Несмотря на все сложности и коллизии, НГУ поступательно развивался. К 1968/1969 уч. г. «структура НГУ сложилась как самостоятельная самовоспроизводимая рабочая модель, естественным образом вытеснив нерабочие элементы и развив рабочие. В 1968/1969 уч. г. структура университета состояла из семи факультетов: геолого-геофизический, гуманитарный, естественных наук, механико-математический, физический, экономический, вечерний; 46 кафедр; 11 специальностей: математика, инженерная математика, физика, химия, биология, геофизика, геология и геохимия, экономическая кибернетика, политэкономия, история, языкознание» (с. 88). Авторы подробно, с указанием отводимых часов, характеризуют все основные дисциплины по специальностям (с. 88–90), что может служить хорошей основой для науковедческого анализа состава и взаимосвязи преподаваемых дисциплин и научных направлений. Авторы многократно отмечают высокую насыщенность учебных курсов математикой и междисциплинарный характер университетского образования.

С самого начала в НГУ серьезно занимались постановкой научной работы преподавателей, аспирантов и студентов. Формы этой работы весьма разнообразны (с. 90–94). В 1963 г. был организован «научно-исследовательский сектор» при НГУ. «На каждом факультете имелось одно или два ведущих направления НИР, которые базировались на идентичных учебных специальностях, определяемых НГУ в качестве ведущих. Согласование работы НИР университета и академических институтов осуществлялось в рамках положения “о взаимодействии научно-исследовательской части (НИЧ) и научно-исследовательских институтов СО АН СССР”. Тематические научно-исследовательские лаборатории базировались на площадях академических институтов и входили в состав учебно-научного комплекса “факультет – тематическая лаборатория – базовый институт СО АН СССР”. Научными руководителями данных лабораторий назначались преимущественно заведующие кафедрами, которые одновременно имели управляющие должности в НИИ» (с. 90).

Эта система дополнялась разработкой и чтением «оригинальных» авторских лекторских курсов, которые потом нередко публиковались. «Публиковать свои оригинальные

нальные курсы стало обычной практикой в НГУ». Публиковались курсы не только «уже маститых ученых», но и молодых преподавателей (с. 91–92). «Практика публиковать учебные пособия для студентов появилась в силу необходимости оформлять библиотеку нового вуза, вызванной, с одной стороны, затруднением приобретения книг из других вузов, городов, с другой – стремлением к уникальности НГУ, выстроенного по совершенно новым, ранее не апробированным образовательным схемам, опиравшимся на взаимодействие с СО АН» (с. 92). Еще «одной из эффективных форм организации НИР» и координации научной работы с другими вузами и научными организациями стала разветвленная система разнообразных, в том числе и международных, научных конференций, съездов, симпозиумов и встреч в НГУ (с. 92–94).

Анализ развития «образовательно-научного процесса» в НГУ в первое десятилетие его существования дополнен параграфом «Студенчество на пути в науку», в котором характеризуется развитие организации вступительных экзаменов и в целом практики приема студентов, значение права НГУ, как МГУ и МФТИ, на более раннее проведение вступительных экзаменов и право перевода талантливых студентов из других вузов, роль подготовительных курсов (с. 94–98). Показаны трудности, с которыми столкнулся университет в первые годы, включая проблемы с выплатой стипендии, вызвавшие отток студентов из НГУ в другие вузы, сложности жилищного положения в связи с отсутствием в первое время общежитий (с. 99). Авторы рассказывают также о фактах самодурства преподавателей. Красочно описана история с вольностями заведующего кафедрой иностранных языков, много лет остававшейся вне критики из-за покровительства влиятельного мужа члена-корреспондента АН СССР А.В. Бицадзе, вплоть до его переезда в Москву (с. 101–102). Описаны востребованность и развитие системы распределения выпускников НГУ, создание и работа аспирантуры (с. 103–106).

Честный и глубокий анализ обширного эмпирического материала в третьей главе позволил авторам сделать общие выводы о работе университета «нового типа», сочетающего систему Физтеха с гумбольдтовской моделью классического университета. В НГУ была преодолена «первоначальная технократическая стратегия в построении учебного процесса», а «совокупность мер, направленных на совершенствование главных организационных форм образовательного процесса НГУ, обусловила высокий уровень работы вуза как центра научно-исследовательской работы». Этот процесс потребовал много лет упорной работы. Но и с самого начала, «несмотря на то, что официальное закрепление связи НГУ и СО АН произошло только в 1979 г., совместное использование материально-технической базы, общий человеческий ресурс, единые научные цели объединяли НГУ и СО АН и позволяли органично взаимодействовать как институционально, так и в неофициальном порядке» (с. 106).

4.

Четвертая глава называется «Социокультурная среда». По названию можно было бы ожидать, что речь пойдет о социокультурном контексте, о том, в какой среде создавался и развивался НГУ. В действительности же в этой главе описывается внеучебная студенческая активность и в целом социокультурная жизнь НГУ. Если воспользоваться терминологией теории организации и управления, это внутренняя среда университета. О внешней среде говорится вскользь. Отмечается значение дальней внешней среды – состояние общества в условиях «оттепели» и ближней внешней среды – условиях, окружающих университет. Но главное содержание главы – студенческая активность, как инициативная, так и организованная ректоратом, партийной и комсомольской структурами.

Авторы выделяют пять «основных направлений студенческих инициатив», включая строительные отряды, ежегодные «маевки», стенную печать, карнавал и разнообразные клубы по интересам (с. 107). Но описывается также другая, не менее важная активность молодежи. Говорится о работе Совета молодых ученых, созданного в 1961 г. при Комитете ВЛКСМ НГУ, в том числе об организации работы молодых ученых и студентов по прове-

дению, начиная с 1962 г., Всесибирской физико-математической и химической олимпиад, благодаря которым качественно расширилась география абитуриентов (в 1959 г. новосибирцами были 65 % абитуриентов, в 1964 г. – 32 %) (с. 109). Благодаря олимпиадам при НГУ была создана ФМШ. В первые годы незаменимой была роль студентов в создании условий для учебной работы в университете. Строительство учебного корпуса и общежитий затянулось до 1962 и 1963 гг. соответственно. Занятия проходили в здании школы № 130, где первые студенты сами готовили помещения для лекций, мыли полы, расставляли мебель. При этом отсутствовала теплая вода, не хватало тряпок. И все это отягощалось проблемами с питанием, транспортом, жильем (с. 110). Студенты буквально создавали свой университет. Но там, где их помощь не принималась, дела шли плохо. Это видно на примере работы библиотеки. Отмечается безобразное отношение библиотекарей к литературе. Ряд вузов страны (ЛГУ, МГУ, ИркГУ) присылали в новый университет немало нужных книг, но «в руки студентов и преподавателей они не попали», так как лежали в подвале неразобранными и необработанными, библиотекари отказывались от дубликатов, сдавали в макулатуру ценные серийные издания. Попытки студентов предложить свою помощь отвергались (с. 110–111). При этом труд студентов «использовался на регулярной основе на сборе урожая, на стройках Академгородка и прилежащих районов, для участия в уборке и озеленении на субботниках» (с. 111).

В НГУ была развита художественная самодеятельность, организовывались спортивно-оздоровительные лагеря и дружины по охране общественного порядка, подведомственные комсомольской организации НГУ. Под эгидой комитета ВЛКСМ работал лекторий, велась воспитательная работа в общежитиях и агитационная работа с населением, проводились вечера вопросов и ответов, в студенческих группах распространялась политическая информация. Все это делалось силами студенчества и университетской молодежи (с. 113).

Авторы монографии отмечают характерный для НГУ первого десятилетия дух вольности, творчества и инициативности. «Пионерным творческим начинанием в НГУ стала стенная печать. Одновременно (в 1959 г.) возникли инициативы “снизу”, от студентов, и “сверху”, от ВЛКСМ». По студенческой инициативе создан сатирический еженедельник «Щелчок», по инициативе Комсомола – газета «Университетская жизнь» (УЖ). После закрытия «Щелчка» появилась более оппозиционная и критическая газета «Треугольник». Еще более резкой оказалась газета «Раскрутаза», закрытая после первого же номера. Наряду с общеуниверситетскими создавались газеты факультетов: математического факультета – «Оракул», гуманитарного – «Логос», экономического – «Оптима», физического – «Прометей», естественных наук – «Кентавр» и др., а также газеты, приуроченные к праздникам, самостоятельные разовые начинания студентов и т.д. По замечанию авторов, «стенная печать в 1960-е гг. стала объемным ресурсом творческого самовыражения студентов» (с. 114–117).

В книге подробно рассказывается о создании в 1964 г. и развертывании в последующий период студенческих строительных отрядов (с. 117–119), о проведении в 1960 г. по студенческой инициативе первой маевки и последующем развитии маевочной традиции (с. 119–121), о бесшабашном карнавальном движении (с. 121–122), о театральной самодеятельности, о днях факультетов и межфакультетских КВН (с. 122–123), о студенческих клубах (с. 123–124). Авторы книги обобщают: «В целом студенческая самоидентичность в 1960-х гг. в НГУ складывалась в условиях государственной политики “оттепели”, установки создателей университета на развитие свободного исследовательского мышления и самостоятельности, самоуправления студентов, их разнородного состава». Свою роль играли также компактность проживания, отдаленность от политического центра и изолированность Академгородка, терпимое отношение к вольнодумству или свободомыслию в стенах университета, демократичность в отношениях между преподавателями и студентами. Все это вело к «повышенной гражданской активности» студенческой молодежи (с. 124).

Общий вывод авторов: «Развитие творческих форм студенческой инициативности имело под собой существенную основу в виде оптимистического сознания, романтических и альтруистических настроений, идей интернациональной дружбы и коллективистских

ценностей. Таким образом, механизмы студенческих инициатив либо проявлялись “стихийном” благодаря энтузиазму молодежи, затем осваивались комсомольскими структурами и получали “официальное” право на дальнейшее развитие либо изначально инициировались компартией, привлекавшей широкий круг участников среди студентов-активистов, и в новых условиях обретали более демократичный вид. Для получения “официального” права на дальнейшее развитие студенческих творческих начинаний был необходим переход под управление комсомольскими структурами. Если появившаяся в среде активистов творческая идея обретала популярность среди студенчества, становилась ярким событием и требовала усложнявшейся структуры организации, над ней устанавливался контроль ВЛКСМ, что давало возможность дальнейшего развития уже на институциональной основе» (с. 124–125).

Создатели Академгородка и университета «нового типа» – университета, интегрированного в структуру науки – придавали большое значение разъяснению обществу смысла и важности своего дела. Значение диалога с обществом осознавалось с самого начала. Создание НГУ освещалось в прессе и кинохронике. В 1959 г. в связи с основанием НГУ в газете «Советская Сибирь» опубликована статья С.А. Христиановича «Насущные вопросы в перестройке образования», в газете «Вечерний Новосибирск» – статья И.Н. Векуа «Новосибирский университет», в газете «Комсомольская правда» – статья М.А. Лаврентьева «Доброго пути в науку». В 1960 г. в центральной прессе появились статьи, знакомившие читателей с первым опытом работы нового университета: в «Советской России» – статья И.Н. Векуа «Наука зовет молодые силы», в газете «Правда» – статья М.А. Лаврентьева «Молодым – дорогу в науку». По словам авторов книги, эти публикации ложились в «общую концепцию продвижения «большой науки» на восток страны в целях освоения богатств Сибири. Новационным моментом, который помещался в данный контекст, являлся пионерный опыт встраивания университета в систему академической науки» (с. 125–127).

Сотрудничество руководителей Академгородка и НГУ с прессой, радио и киноиндустрией продолжалось и в последующие годы. Интерес к НГУ в центральной прессе постепенно снизился к 1967 г. Р.И. Солоухин, сменивший И.Н. Векуа в ректорском кресле, большее значение придавал работе с местной прессой. Следующий ректор С.Т. Беляев больше занимался взаимодействием с английскими и французскими киношниками-документалистами (с. 127–137).

В заключении к монографии, помимо обобщенной характеристики содержания всех глав, дается емкий вывод о месте НГУ в советской образовательной традиции. Авторы пишут: «В системе советской высшей школы НГУ занял особый статус благодаря ряду новаций, внедренных в научно-образовательный процесс. Высокий уровень развития науки в стенах университета достигался путем погружения в научную среду через: проведение исследований на базе НИИ с участием студентов, начиная с третьего курса; создания независимых научных лабораторий и секторов (НИР) в университете...; общение с авторитетными учеными старшего поколения, напрямую передававшими как теоретический, так и практический опыт, коллективная работа с участием научной молодежи – ассистентов и лаборантов, выступавших тьюторами для студентов; проведение «взрослых» научных международных симпозиумов» (с. 141).

Отдельных слов заслуживают очень объемные информационные и документальные приложения. Блок приложений состоит из четырех групп материалов. Первая группа представлена двумя таблицами, содержащими информацию о 176 акторах, формировавших университет, и о структуре НГУ (перечень факультетов и кафедр) в 1959, 1963 и 1968 гг. Вторая группа – инфографика (52 рисунка), наглядно отражающая статистическую информацию о характеристиках 176 представителей и в целом всего профессорско-преподавательского корпуса, а также информацию об абитуриентах, студентах, выпускниках, аспирантах НГУ и о динамике упоминаний НГУ в газетах «За науку в Сибири» и «Вечерний Новосибирск». Третья группа – 40 документов, иногда многостраничных. Четвертая группа – фотоматериалы. В целом приложения занимают 142 страницы. Является ли оправданным такое обширное информационно-документальное дополнение монографии? При внима-

тельном ознакомлении с чрезвычайно информативными приложениями, отражающими к тому же дух описываемого времени, который не передашь словами, представляется, что три группы материалов, исключая инфографику, уместны именно как приложения. Инфографика же, вероятно, была бы более уместна непосредственно в тексте исследования, что потребовало бы дополнительно углубленной аналитики, сделав текст книги более цельным. Монография имеет все шансы оказаться востребованной и, возможно, будет переиздаваться. Можно посоветовать авторам рассмотреть идею использования инфографики непосредственно во второй и третьей главах, а также во втором параграфе четвертой главы. Что-то при этом может оказаться избыточным, но чего-то будет недоставать. Так, в инфографике, как и в тексте книги, нет информации о динамике уровня конкурсности (сколько абитуриентов претендовало на одно место в разные годы).

В ряде случаев материалы, содержащиеся в приложениях, оказываются полнее того, что включено в текст. Так, анализ списка 176 акторов показывает, например, что среди создателей университета лиц дворянского происхождения больше, чем перечисленные в книге восемь фамилий. По крайней мере совершенно уверенно можно отнести к этой группе геометра, академика А.Д. Александрова. В других случаях содержащиеся в приложениях статистические данные требуют своего объяснения. Так, в списке городов и регионов, из которых поступали заявления абитуриентов в 1959 г., под № 2 указаны Барнаул и Алтайский край (54 абитуриента), а под № 10 указан Бийск (7 абитуриентов), входящий в Алтайский край. Эти семь абитуриентов не входят в число 54 абитуриентов из Алтайского края? Такие же вопросы есть и к другим регионам. Например, под № 5 указана Казахская ССР (14 абитуриентов), а под № 26 указан Семипалатинск (2 абитуриента), входящий в Казахстан. Анализа и объяснения требует в целом географическая структура абитуриентов. Почему, к примеру, есть заявления из Коми АССР, но нет из соседней Удмуртии и т.п.? Эти рассуждения, однако, не должны ставить под сомнение ценность включенных в приложения материалов.

* * *

Благодаря исследованию В.А. Выборновой и М.П. Федорука в научный оборот введен значительный объем нового очень разнообразного исторического материала, что обеспечивает существенное приращение исторического знания. Системное исследование создания университета, основанного на модели, учитывающей передовую мировую, прежде всего американский опыт (научно-образовательный комплекс, включавший Бостонский университет, Массачусетский технологический институт и сотни инновационных фирм, размещенных на дороге 128, окружавшей весь кластер), и адаптированной к отечественным условиям, позволяет вернуться к сохраняющему практическую значимость эксперименту по глубокой интеграции науки и образования. Это особенно ценно, так как ведомственная обособленность науки и образования сохраняется и в современной России.

Авторы показали, результатом сочетания каких факторов явилось создание научно-образовательного комплекса, объединившего СО АН СССР и НГУ, показали механизм взаимодействия ЦК КПСС, Союзного и Республиканского Министерств высшего и среднего специального образования, а также собственно руководства СО АН СССР и НГУ, который и позволил реализоваться очень сложному научно-образовательному проекту. Авторы обосновали вывод о модели МФТИ и НГУ как исследовательского университета – технологического в первом случае и классического во втором. Показана также роль творчески настроенной группы руководителей университета, факультетов и кафедр в развитии НГУ. Специально отмечена и показана незаменимая роль молодых ученых, одновременно исследователей и преподавателей, в создании и работе университета, а также конструктивная роль студенческих инициатив.

Книга заставляет задуматься о многих вопросах и прежде всего о том, почему такой ценный опыт органичной интеграции исследовательской и образовательной деятельности не был масштабирован. Здесь важна и роль бюрократии, и ведомственное обособление науки

и образования, и то, что команды пассионариев – не норма, а исключение. Но важно еще и то, что сама модель НГУ имеет, на наш взгляд, ограниченные возможности ее масштабирования. Как на НГУ (классический университет) было неестественно механически переносить систему Физтеха из-за ее узкоотраслевой (физико-математической) ориентации, так и модель НГУ – классического по набору преподаваемых дисциплин, но узкоспециализированного, ориентированного именно на подготовку научных кадров университета невозможно буквально переносить на другие университеты, готовящие кадры не для науки, а для других сфер и отраслей производства. НГУ – классический исследовательский, но корпоративный университет. Его модель можно использовать при конструировании моделей университетов, но не буквально, как не буквально можно было использовать систему Физтеха при ее «переносе» на НГУ. Но подобное творчество в условиях бюрократического управления, тщательно охраняемой отраслевыми группами бюрократии ведомственной обособленности своих зон кормления крайне затруднено и может быть преодолено только подвижным движением группы единомышленников при обязательной поддержке центральной власти, что случается редко.

Литература

Выборнова В.А., Федорук М.П. Новосибирский государственный университет. Первое десятилетие (1959–1968). Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2024. 294 с.

Liberation

Vybornova, V.A., Fedoruk, M.P. (2024). *Novosibirskiy gosudarstvennyy universitet. Pervoe desyatiletie (1959–1968)* [Novosibirsk State University. First Decade (1959–1968)]. Novosibirsk, IPTs NGU. 294 p.

С.А. Красильников*

ОТ ОБЩЕЙ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ К СОЦИАЛЬНОЙ
ИСТОРИИ НАУКИ: В.Л. СОСКИН –
ИССЛЕДОВАТЕЛЬ, ОРГАНИЗАТОР, НАСТАВНИК**doi:10.31518/2618-9100-2025-1-20
УДК 930.85+94(47)

Выходные данные для цитирования:
Красильников С.А. От общей истории культуры к социальной истории науки:
В.Л. Соскин – исследователь, организатор, наставник // Исторический курьер.
2025. № 1 (39). С. 302–323. URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-1-20.pdf>

S.A. Krasilnikov*

FROM THE GENERAL HISTORY OF CULTURE
TO THE SOCIAL HISTORY OF SCIENCE: V.L. SOSKIN –
RESEARCHER, ORGANIZER, MENTOR**

doi:10.31518/2618-9100-2025-1-20

How to cite:
Krasilnikov S.A. From the General History of Culture to the Social History of Science:
V.L. Soskin – Researcher, Organizer, Mentor // Historical Courier, 2025, No. 1 (39),
pp. 302–323. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-1-20.pdf>]

Abstract. In the subject field of Russian historical and cultural research in the second half of the twentieth century, two approaches to the consideration of the phenomenon of culture have developed. The first of them (internalist) focused on the study of internal trends for each of its industries. The second focused on the study of the influence of external, externalist factors of a political and ideological nature on cultural dynamics. The search for a balance between them determined the trajectory of the professional activity of one of the country's leading researchers in this field, Varlen Lvovich Soskin. His transition from the general problems of the history of Soviet culture and intelligentsia to the development of an approach and tools for such a subdiscipline as social history took place most actively in the 1980s and was carried out primarily in the field of research on the history of science. The publication analyzes the conditions and factors that shaped V.L. Soskin as the leader of this scientific field in Siberia, who created a dynamically developing team of students who worked since the second half of the 1980s in an interdisciplinary field with the participation of social philosophers, sociologists, and scientists. Along with exploratory research in this area, he initiated a number of applied (chronicle and biographical) projects related to the history of the Siberian Branch of the Academy of Sciences. The accumulated experience allowed him to return to a new monographic level of understanding the social history of Russian culture of the first post-revolutionary decade. Conceptually, he designated the subject of its study as the definition of the place and role of cultural processes in public life in interaction with government institutions.

Keywords: culture, intelligentsia, general theory and history, early Soviet era, V.L. Soskin, social history of science, social institute of Science.

* **Сергей Александрович Красильников**, доктор исторических наук, профессор, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: krass49@gmail.com

Sergey Aleksandrovich Krasilnikov, Doctor of Historical Science, Professor, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, Novosibirsk, Russia, e-mail: krass49@gmail.com

** Статья выполнена по теме госзадания «Социально-экономический потенциал восточных регионов России в XX – начале XXI вв.: стратегии и практики управления, динамика, геополитический контекст» (FWZM-2024-0005).

The article was made on the topic of the state assignment “Socio-Economic Potential of the Eastern Regions of Russia in the 20th – Early 21st Centuries: Management Strategies and Practices, Dynamics, Geopolitical Context” (FWZM-2024-0005).

The article has been received by the editor on 26.10.2024. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В предметном поле отечественных историко-культурных исследований во второй половине XX в. сложились два подхода в рассмотрении феномена культуры: первый из них (интерналистский) акцентировал внимание на изучении внутренних тенденций для каждой из ее отраслей, второй концентрировался на исследовании влияния на культурную динамику внешних, экстерналистских факторов политико-идеологического характера. Поиск баланса между ними определил траекторию профессиональной деятельности одного из ведущих в стране исследователей в данной сфере Варлена Львовича Соскина. Его переход от общих проблем истории советской культуры и интеллигенции к разработке подхода и инструментария такой субдисциплины, как социальная история, наиболее активно происходил в 1980-е гг. и осуществлялся прежде всего в области исследования истории науки. В публикации анализируются условия и факторы, сформировавшие В.Л. Соскина как лидера данного научного направления в Сибири, создавшего динамично развивавшийся коллектив учеников, работавших со второй половины 1980-х гг. в междисциплинарном поле с участием социальных философов, социологов, науковедов. Наряду с поисковыми исследованиями в указанной области он инициировал ряд проектов прикладного (хроникального и биографического) характера, связанных с историей Сибирского отделения Академии наук. Накопленный опыт позволил ему затем вернуться на новый монографический уровень осмысления социальной истории отечественной культуры первого постреволюционного десятилетия. Концептуально предмет ее изучения он обозначил как определение места и роль культурных процессов в общественной жизни при взаимодействии с институтами власти.

Ключевые слова: культура, интеллигенция, общая теория и история, раннесоветская эпоха, В.Л. Соскин, социальная история науки, социальный институт науки.

Статья поступила в редакцию 08.11.2024 г.

Обширная литература, посвященная жизни и творчеству Варлена Львовича, служит очевидным признанием его места и роли в профессиональном сообществе отечественных культурологов¹. Цель настоящей публикации состоит в необходимости отразить динамику его профессиональной деятельности как непрерывной поисковой работы по осмыслению феномена отечественной культуры раннесоветского периода с опорой как на его произведения без малого полувекового периода, так и на его собственные оценки сделанного в ряде воспоминаний.

Траектория профессиональной деятельности историка складывается чаще всего либо как однонаправленная, либо как «веерная», когда и если автор выходит из своей начально

¹ См., напр.: Рыженко В.Г., Назимова В.Ш. Современный историк в состоянии поиска (к творческому портрету В.Л. Соскина) // Гуманитарное знание: Ежегодник ОмГПУ. Сер.: Преемственность. Омск, 1999. Вып. 3. С. 315–325; Рыженко В.Г., Назимова В.Ш., Корзун В.П. К 75-летию В.Л. Соскина // Гуманитарные науки в Сибири. 2000. № 2. С. 93–97; Рыженко В.Г., Назимова В.Ш. Историк советской культуры в современном пространстве интеллектуальных диалогов: выбор и позиция Мастера // Личность. Культура. Общество. К 85-летию профессора В.Л. Соскина. Новосибирск, 2010. С. 12–28; Главацкий М.Е., Кондрашева М.И. К характеристике сибирской научной школы в области истории культуры и интеллигенции // Культура и интеллигенция сибирской провинции в XX веке: теория, история, практика: мат-лы регион. науч. конф. Новосибирск, 2000. С. 214–218; Хлыстов Е.А. Проблемы революции и интеллигенции в научном творчестве проф. В.Л. Соскина // Культура и интеллигенция сибирской провинции в XX веке... С. 218–221; Матвеев Г.А. Памятное (к 85-летию В. Л. Соскина) // Личность. Культура. Общество... С. 3–11; и др.

избранной и разрабатываемой предметной области и расширяет свои интересы на связанные с ней проблемы. У Варлена Львовича задача самоопределения изначально стояла иначе: он видел себя как историк, изучавший сферу культуры и интеллигенции раннесоветской эпохи, наступившей после революционных событий 1917 г., позднее распространив свои интересы на всю советскую эпоху, приняв как неперемный участник всесоюзных обсуждений и дискуссий историков и философов вокруг базового в 1960–1970-е гг. понятия «культурная революция».

При оперировании столь широкими понятиями естественно возникало требование к историку определиться в том, каким образом структурировать предмет историко-культурного исследования. Поэтому если обратиться к первой крупной работе монографического плана 1965 г., посвященной культурным событиям, протекавшим на территории Сибири в годы революции и гражданской войны², В.Л. Соскин должен был решить принципиальный вопрос – как взаимоувязать происходившие в период 1917–1920 гг. разнонаправленные процессы в контексте становления и борьбы большевистской и антибольшевистской типов государственности. Скорее всего, историк пусть и интуитивно, но выбрал разумный путь, хотя и вошел в противоречие с тогда классическим каноном о том, что культура обязательно носит ярко выраженную классовую природу (прогрессивную, революционную и реакционную, регрессивную применительно к антибольшевистским режимам периода гражданской войны). В данной работе В.Л. Соскин показал, что в культурной политике антагонистических режимов шла действительно борьба, однако сами по себе культурные процессы происходили, несмотря на экстремальные условия, в силу их объективной обусловленности, и культура существует при любых режимах. Иначе говоря, культурная жизнь той или иной эпохи, будучи наиболее обобщенным понятием, вбирала в себя все многообразие событий в данной сфере.

В своих позднейших воспоминаниях 2017 г. о реакции партийных инстанций на указанную монографию Варлен Львович отметил: «Я написал эту книгу. Это книга должна была издаваться Сибирским [делением] издательством. И вот здесь я впервые столкнулся с партийным руководством на уровне обкома партии. Дело в том, что цензура в то время существовала. Существовал так называемый ЛИТО – специальная организация при обкомполкомах и горисполкомах, которая проверяет политическую литературу. И вот моя книга, будучи еще неизданной (ну как полуфабрикат), попала в это самое ЛИТО. И ЛИТО доложило обкому партии, что эта книжка является “непартийной”. Автор ее – Соскин. Член партии, участник войны. Тем не менее написал книжку. Такую, которую не стоило писать. И вот тогда меня попросил к себе в обком [секретарь] Алфёров Михаил Семенович. Мы с ним встречались. Он говорит: “Как же вы написали такую книгу?!”. Я говорю: “Что же я такого написал?”. “Вы же написали о том, что при Колчаке (!) была культура. Какая могла быть культура при Колчаке? При Колчаке могла быть антикультура!”. Я говорю: “Все это культура. Только эта культура имеет различные политические стороны”. Во-первых, существовала культура самая обыденная: школы работали, вузы работали, физики учили, математики учили. Колчак же даже не всех профессоров математики призвал в свою армию. Но вместе с тем были, конечно, и писатели, которые писали антисоветские вещи: Вяткин был такой писатель, довольно известный, популярный. Были другие писатели. Я обо всем об этом написал. Написал еще о том, что здесь, в Сибири, действовал так называемый ХСМЛ – Христианский Союз Молодых Людей, американская организация. “Вот видите, – говорит Алфёров. – А чему они учили?”. “Они просвещали людей. Ну и давали понять, что надо, конечно, создавать такую систему, которая близка к Америке. Я об этом написал”. “Так разве можно об этом писать? Это была антикультура!”. Спор наш продолжался довольно большое время. И он никаким образом не хотел понимать то, что я ему толкую. Дело в том, что я к этому времени уже был культуроведом и понимал, о чем я говорю. Когда вернулся в издательство, которое находилось [в Новосибирске] на Совет-

² Соскин В.Л. Очерки истории культуры Сибири в годы революции и гражданской войны (конец 1917 – начало 1921 гг.). Новосибирск, 1965.

ской, 20, был Кузнецов, редактор моей книжки. Он сказал, грубо говоря... Не буду выражаться, как он выражался. Он сказал: “Будем печатать!”. “А что Вам будет за это?”. “А что бы ни было! Я с Вами полностью согласен”. И он издал эту книгу!»³.

Безусловно, что с позиций современного исторического знания практически в любой профессиональной работе историков, посвященной истории советской эпохи, обнаруживается громадное воздействие идеолого-политической фразеологии, штампов и стереотипных оборотов, влиявших на отбор и интерпретацию эмпирики. И это применимо к вышеупомянутой монографии Варлена Львовича. Будет обнаружена и очевидная заданность, следование сложившейся парадигме. В то же время деятельность части историков в шестидесятые годы и объективно, и субъективно направлялась на критику и отход от наиболее одиозных подходов прежней, сталинской эпохи, и даже достаточно «робкие» с современных нам позиций шаги в данном направлении являлись важными и нужными с точки зрения создания «точек роста» для дальнейших движений по отходу от прежних идеологем, пропитывавших исторические знания.

В.Л. Соскин справедливо относил себя к группе тех, кто осуществлял такого рода «расчистку» сферы историко-культурных исследований. Следующая его монография, посвященная культурной жизни Сибири в первые годы нэпа⁴, стала не только хронологическим продолжением ранее проведенного исследования, завершено освещением событий в сфере культуры после второго и окончательного прихода новой большевистской власти в регион в 1921 г., но и осмыслением процессов того, с каким грузом проблем и противоречий сталкивалась власть в своей культурной политике. Придерживаясь определенных канонов, стержнем своего исследования историк отражал прежде всего культурную политику большевиков в Сибири в контексте общей политики власти в стране. При этом именно пойдя по такому, казалось бы, проторенному пути, автору удалось избежать основного стереотипа, унаследованного от сталинского периода, когда действия политического руководства являлись этапами последовательного утверждения «командных высот» в осуществлении строительства культуры нового типа. В.Л. Соскин опирался на ныне уже бесспорное положение о том, что экстремальная обстановка эпохи войн и революций после его завершения породила громадные потери культурного потенциала страны, чем и были вызваны кризисные явления в сфере культуры. За внешней оболочкой «финансового кризиса», обрушившего ранее созданную гигантскую платформу для проводимой политики агитационной и идеолого-просветительной работы, в обслуживание которой были втянуты практически все культурные институты, историк фактически показал глубоко деформирующее воздействие эпохи «военного коммунизма» на культурную жизнь. Кризисные явления носили более глубокий и системный характер, где проблема состояла, как и во всех других областях социальной деятельности, в том, чтобы в ходе восстановления культурного потенциала страны найти баланс между унаследованными от прошлой позднеимперской эпохи культурными традициями и культурными новациями революционной эпохи. За ресурсным кризисом стоял кризис самой идеи выстроить новый тип культуры в качестве антипода прежней. В своей завершающей итоговой работе, написанной три десятилетия спустя⁵, автор упомянул о роли финансового кризиса в сфере культуры первых лет нэпа как о крайне важном факторе, затруднившем восстановительные процессы в данной сфере, однако далее он очень четко акцентировал внимание на том, что сам ход культурной жизни в дальнейшем все более определялся идеей «культурной революции», уничтожавшей альтернативу для развития подлинно демократической культуры⁶.

Опять-таки, не впадая в идеализацию взглядов В.Л. Соскина на протяжении всего творческого пути как опережавшего в этом своих современников коллег-культурологов, отметим,

³ См.: «Я ведь мог быть кем-то другим»: из бесед с почетным профессором НГУ Варленом Львовичем Соскиным (февраль – апрель 2017 г.) // ГУМФАКия 60–70-х годов XX века: воспоминания учителей и выпускников. Новосибирск, 2022. С. 49–50.

⁴ Соскин В.Л. Культурная жизнь Сибири в первые годы НЭПа (1921–1923 гг.). Новосибирск, 1971.

⁵ Соскин В.Л. Российская советская культура (1917–1927 гг.): очерки социальной истории. Новосибирск, 2004.

⁶ Там же. С. 104–105.

что ему было присуще острое ощущение тех ограничений канонов, которые существовали в советской историографии. Он искал сам и солидаризировался с теми из историков, кто находил новые подходы и трактовки, позволявшие расшатывать догматику. Именно так В.Л. Соскин относился к новаторским для своего времени работам С.А. Федюкина в области истории отечественной интеллигенции раннесоветской эпохи, сфокусированной вокруг проблематики «интеллигенция и революция». С.А. Федюкин оказался одним из тех историков-шестидесятников, кто формировал новые подходы в различных предметных областях в противовес застывшим историографическим канонам 1930-х гг. Он предложил новую исследовательскую модель рассмотрения динамики социально-политической дифференциации отечественной интеллигенции во время и после революций 1917 г. и гражданской войны. Она состояла в том, что если ранее историки проводили водоразделы между группами интеллигенции исходя из базового признака в виде наличного социального статуса («верхи» – контрреволюционеры, «низы» – сторонники, опора большевизма, а средние, «мелкобуржуазные» слои – колеблющиеся между двумя указанными полюсами), то С.А. Федюкин усложнил анализ, доказав, что дифференциация проходила не только между группами по социальному статусу, но и в значительной степени внутри каждой из выделенных статусных общностей. Выражаясь в более современной терминологии, исследователь обосновал важнейшую роль и значение такого внутреннего фактора при размежевании специалистов, как профессиональная, корпоративная этика (врач, учитель, инженер, адвокат и другие придерживались выполнения своих профессиональных функций в любых экстремальных условиях)⁷. В последующей своей монографии⁸ он значительно укрепил данный центральный тезис и сделал в ней акцент на обоснование того, что целеполаганием государственной политики большевиков в отношении унаследованной интеллигенции являлось не «использование», а *вовлечение* последней в созидание нового послереволюционного общества.

В.Л. Соскин не только солидаризировался с данным подходом, но и спроецировал его на региональный сибирский материал, выпустив в 1973 г. работу, где, конкретизируя идеи С.А. Федюкина⁹, он развивал тезис о том, что для профессиональных групп интеллигенции оказывалось принципиально важным установление взаимоотношений с новой властью в форме определенного нейтралитета в политической области при сохранении ими своих профессиональных функций в обществе. Безусловно, в своем исследовании автор исходил отчасти еще из привычной парадигмы, следуя которой, в политической борьбе промежуточных позиций быть не должно, закавычивая термины «нейтрализм», «аполитичность»¹⁰. Однако он полагал, что данная позиция значительной части интеллигенции, проявленная последней в годы революции и гражданской войны, являлась важной коммуникацией между нею и большевистской властью и на более длительный период времени. Фактически он одним из первых среди исследователей интеллигенции раннесоветского периода обозначил линию изучения поведенческой практики, известной в социологии как конформизм, не наделяя данный феномен негативной коннотацией. В последующую эпоху дискуссий конца 1990-х гг. вокруг оценок конформизма отечественной интеллигенции как определенной ценности, своего рода самозащитной реакции на внешние радикальные экспансии со стороны власти с целью политизации ее профессиональной деятельности, В.Л. Соскин достаточно последовательно отстаивал данную позицию и для периода времен «Великого Перелома»¹¹.

Следует отметить, что в советской историографии область изучения истории отечественной интеллигенции переживала стадию своего оформления фактически лишь

⁷ Федюкин С.А. Советская власть и буржуазные специалисты. М., 1965.

⁸ Федюкин С.А. Великий Октябрь и интеллигенция. Из истории вовлечения старой интеллигенции в строительство социализма. М., 1972.

⁹ Соскин В.Л. Ленин, революция, интеллигенция. Новосибирск, 1973.

¹⁰ Там же. С. 35.

¹¹ Соскин В.Л. Конформизм интеллигенции: вина, беда или необходимость? // Интеллигенция России в XX веке и проблема выбора: мат-лы круглого стола. Екатеринбург, 1999. С. 28.

с середины 1960-х гг., постепенно выделяясь из общекультурной проблематики. Отмеченные выше работы С.А. Федюкина дали определенный толчок к формированию этого направления, который нуждался в закреплении. Тем более важно, что к осмыслению феномена интеллигенции в советскую эпоху ее функциям, роли в обществе проявлялся интерес и со стороны социальных наук, философии, социологии. И в данной ситуации Варлен Львович решился на достаточно рискованный, но оправдавший себя шаг. Используя свой авторитет историка культуры и интеллигенции в московских кругах обществоведов (поскольку в дискуссиях вокруг феномена советской культуры принимали участие представители разных дисциплин), он выдвинул идею аналогичного междисциплинарного мероприятия по проблематике интеллигенции с проведением его в новосибирском Академгородке, естественно согласовав данную инициативу с директором Института академиком А.П. Окладниковым. Подготовительная организационная работа заняла период около года, потребовав кооперации самых различных организаций и учреждений. Достаточно сказать, что, помимо традиционного для любого научного мероприятия, связанного с оповещением специалистов, формированием программы, выбором основных докладчиков для пленарного заседания, разбивкой участников по секциям и т.д., силами библиографов было осуществлено справочное издание, включившее в себя более двух тысяч работ, опубликованных по проблемам советской интеллигенции за период с 1977 по 1978 г. Кроме того, для более плодотворного обсуждения в ходе самой конференции были созданы, предварительно изданы и разосланы участникам тезисы их выступлений в 12 выпусках (учитывая, что число участников достигло более 300 чел). Естественно, что центральной фигурой организатора выступал Варлен Львович, хотя Оргкомитет по сложившейся традиции возглавлял А.П. Окладников.

Сама конференция под вполне привычным для того времени названием «Советская интеллигенция и ее роль в строительстве коммунизма» проходила в июне 1979 г. в заданном организаторами формате, где ведущим среди историков докладчиком выступил С.А. Федюкин. Он достаточно остро и полемически заостренно поставил проблему преемственности и разрывов в ходе формирования советской интеллигенции, отметив, что уровень профессиональной подготовки корпоративных групп интеллигенции (инженеры, медики и др.) в дореволюционный период превосходил молодую генерацию специалистов, форсированно готовившихся в вузах, особенно в годы первых пятилеток. В то же время в ходе работы конференции возникло и проявилось своего рода концептуальное противостояние двух направлений в понимании перспектив развития социальной структуры общества: философское направление, персонифицированное Ц.А. Степаняном, известным сторонником дисциплины «Научный коммунизм», отстаивало и обосновывало идеологему о том, что общество движется в своем пути к социальной однородности; ему оппонировали социологи в лице В.И. Староверова, доказывавшего, что основным вектором социоструктурной динамики советского общества является его дифференциация и социальное разнообразие.

Для историков, участников конференции, данное концептуальное противостояние стало толчком для переосмысления собственной базовой парадигмы истории формирования интеллигенции, прежде всего применительно к раннесоветской, довоенной эпохе, когда априорным считалось, что в интеллигенции дифференциация и различия внутри нее между поколениями «старой» и «новой» генерациями преодолевались и формировалась единая и в данном смысле однородная по своему характеру и ценностям советская интеллигенция. Для Варлена Львовича состоявшийся опыт междисциплинарного взаимодействия в данной области дал вполне конкретный импульс для нахождения новых коммуникаций, позволявших внести новые пути в изучении историко-культурной тематики. Так возникла идея организации междисциплинарного диалога вокруг феномена культуры на основе системного метода.

Очевидно, что данная идея по месту и времени вызрела неслучайно. Именно в начале 1980-х гг. весь комплекс социально-гуманитарных дисциплин испытывал кризис господствовавшей системы директивности в подходах, методах и инструментарии работы обществоведов. И основными «поисковиками» в поисках выхода из сложившейся ситуации стали

социальные философы и социологи. Для первых из них предметным полем деятельности выступала проблематика адаптации принципов системного подхода, признаваемого к тому времени общенаучным подходом (и потому не вызывавшего у ортодоксов-обществоведов опасений о покушении на основы марксизма). Вторые активно осваивали в рамках теоретической социологии тот же подход, но на основе структурно-функционального метода, позволявшего изучать и анализировать социальные системы различных уровней и степеней сложности (Т. Парсонс, Р.К. Мертон и др.).

В.Л. Соскин, понимавший остро положение вещей, стал фактическим инициатором проведения в Новосибирске в мае 1983 г. первого специализированного семинара под названием «Изучение истории культуры как системы»¹², пригласив к участию в нем ряд социальных философов и теоретиков культуры. Результатом обмена мнений через относительно короткое время появился пионерный в своем роде сборник статей¹³, где впервые на одной площадке выступили с полноценными статьями философы и историки культуры, объединенные замыслом показать приложение теоретических инструментов теории социальных систем к истории советской культуры. Соответственно, в первой части сборника помещались статьи признанных в то время теоретиков культуры (М.С. Кагана, Л.Н. Когана, Л.Е. Кертмана и др.), а вторую часть сборника составили статьи историков культуры, учеников В.Л. Соскина, в основном молодого поколения (Е.Г. Водичева, О.Б. Куприяновой, Н.П. Коробковой и др.).

Особая роль в данном издании принадлежала самому В.Л. Соскину, который в своей статье «Системный подход в изучении советской науки как социального института»¹⁴ фактически нашел ту необходимую историкам «точку роста», могущую позволить соединить высокий теоретический уровень с конкретно-историческими исследованиями, выбрав для этого достаточно разработанную социологами модель изучения науки как социального института. С позиций современного знания речь шла об этом институциональном подходе как о приложении теории среднего уровня. В основу подхода применительно к науке В.Л. Соскин предложил использовать фактически структурно-функциональный инструментарий, в рамках которого наука рассматривается как система учреждений, обладающих «особой организационной структурой, обеспечивающей устойчивость и относительную обособленность научной деятельности; субъектов научного производства (кадров науки); средств научной деятельности – материальной базы, информационного обеспечения, необходимого научного задела». Особое ключевое место в данной модели уделено деятельности по управлению, обеспечению и контролю для достижения целенаправленного развития наукой. В.Л. Соскин справедливо отмечал, что историки науки применяют в работе все перечисленные аспекты, выявляя и формализуя конкретные показатели (сеть учреждений, кадры, ресурсное обеспечение и т.д.), однако не идут дальше констатации количественных показателей, оставляя в стороне качественную их составляющую. Он иллюстрирует это примером, что «расширение сети учреждений, традиционно рассматриваемое как положительное явление, может на деле и не являться таковым». Как установить, все ли элементы социального института науки функционируют эффективно, создавая его устойчивость и целостность, а следовательно, и системный характер? В своей статье ученый скорее размышлял и ставил вопросы, предлагая в качестве одной из гипотез, что главным критерием системности может служить процесс превращения науки в непосредственную производительную силу¹⁵.

В динамике исследований, которая сопровождает все длительно действовавшие коллективы, всегда присутствуют и наступают периоды перехода от одной тематике к другой, хотя прежняя еще завершалась. Выше уже отмечалось, что своего рода кульминационной точкой в разработке проблематики истории интеллигенции сектором под руководством В.Л. Соскина

¹² Изучение истории культуры как системы: сб. науч. тр. Новосибирск, 1983.

¹³ Системный подход в изучении социалистической культуры. Новосибирск, 1985.

¹⁴ Там же. С. 82–88.

¹⁵ Там же. С. 87–88.

стало проведение Всесоюзной конференции в Академгородке летом 1979 г. Несколько ранее, в 1978 г., вышел труд историографической направленности¹⁶, получала свое предметное завершение работа по сбору и публикации воспоминаний участников культурных процессов раннесоветского периода¹⁷.

В то же время вызревала потребность в том, чтобы функционально приступить к освоению нового предметного поля – истории науки. Традиционно сложилось так, что при отраслевом подходе к членению культурной сферы достаточно отделялись как самостоятельные сегменты художественная культура, общее образование и наука и высшая школа. И хотя проблематика научной интеллигенции и кадров высшей школы находилась в поле внимания сектора культуры и до этого времени, но собственно организационному оформлению она подверглась уже во второй половине 1970-х гг. Здесь совпало действие двух факторов: первый состоял в традиционной для исторической науки советской эпохи потребности прагматично отвлекаться на юбилейные даты – в 1974 г. Академия наук отмечала 250-летие своего основания, а в 1977 г. свой 60-летний юбилей отмечала советская государственность. Это послужило возможностью для историков Института подготовить и издать сборник статей, соединив историю академической науки с советским юбилеем¹⁸. В нем, помимо историков Института, включая академика А.П. Окладникова, приняли участие и представители естественных наук, прежде всего геологи. Сборник примечателен тем, что в нем впервые историки Отделения инициировали участие в работе над тематикой истории науки в регионе группы известных ученых, членов Академии (В.А. и Ю.А. Кузнецовы, В.Н. Сакс, А.В. Николаев, Н.А. Чинакал), а также тех, кто осуществлял практическую работу по организации филиалов Академии в восточных регионах страны до создания здесь Сибирского отделения.

Второй фактор вытекал из потребности в научной рефлексии ретроспективного характера самого СО АН, которое в 1982 г. готовилось отметить первую четверть века своего существования. К данному событию историки сектора культуры Института выступили инициаторами создания двухформатного труда в виде хроникального издания, отразив в нем основные события деятельности Отделения, а также краткий справочник персонального состава членов Академии, избранных на вакансии СО АН и работавших в нем¹⁹.

Сам В.Л. Соскин по прошествии нескольких десятков лет так оценивал события, давшие толчок переходу сектора на новую тематику по социальной истории науки после десятилетия достаточно успешной работы по изучению истории советской интеллигенции: «Было ясно, что успехи историков, “окруженных” в Академгородке преобладающей массой специалистов в области естественных наук, во многом зависят от взаимопонимания. Казалось непростительным упустить возможность “внедриться” в сферу науки с помощью своих исторических методов. В беседах с некоторыми руководителями Президиума СО АН, в частности с членом-корреспондентом АН М.Ф. Жуковым, бывшим в то время главным ученым секретарем СО АН СССР, я понял, что такая инициатива будет поддержана. [И в определенный момент] <...> последовал прямой заказ Президиума СО АН: подготовить к 25-летию Отделения специальные труды исторического характера. <...> Крен в сторону науковедения не всем сотрудникам сектора пришелся по душе. И это понятно: обычно историк, вложивший душу в изучение какой-либо проблемы, с трудом перестраивался на другую. Однако сделать это было необходимо исходя из более долгосрочных интересов самих историков. Очень скоро жизнь подтвердила правильность этого прогноза. Проблематика науковедческих исследований сектора определялась нами самостоятельно <...>».

Но как бы вдруг ситуация изменилась: Сибирское отделение должно было отметить свое 25-летие. Тогда-то и обратились к Институту истории, где, естественно, это обращение переадресовали сектору истории культурного строительства. Разработанный нами проект

¹⁶ Историография культуры и интеллигенции советской Сибири. Новосибирск, 1978.

¹⁷ Школа и учительство Сибири. 20-е – начало 30-х годов: сб. мат-лов. Новосибирск, 1978; Высшая школа и научно-педагогические кадры Сибири (1917–1941 гг.). Новосибирск, 1980.

¹⁸ Академия наук и Сибирь. Новосибирск, 1977.

¹⁹ Академия наук СССР. Сибирское отделение. Хроника. Новосибирск, 1982; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Персональный состав. Новосибирск, 1982.

предусматривал вовлечение в работу всех институтов. Предполагалось создать труд в нескольких томах, который содержал бы достаточно крупные очерки о наиболее значимых работах и результатах. Мы сами, конечно, такие очерки написать не могли, это было под силу только специалистам – математикам, физикам, биологам и др. Материалы из институтов мы получили, но не те, на которые рассчитывали. Как видно, занятые своими конкретными исследованиями коллеги из других институтов не хотели тратить время на «историю». Узкая специализация в данном случае оборачивалась ее (истории) недопониманием. Кстати, и сейчас этот недостаток не преодолен, хотя подвижки имеются. Как пример можно назвать создание музеев, персональных выставок, именных кабинетов в ряде институтов»²⁰.

Процитированная выше саморефлексия от первого лица с оценкой задуманного и исполненного историко-научного проекта примечательна тем, что в нем содержится прежде всего неприукрашенная позиция того, что между идеей и конечным результатом оказался определенный разрыв. В действительности же, как показала практика последующих десятилетий, исследования сотрудников сектора в области наметившейся и получившей продолжение в работах следующего, более молодого поколения социальной истории науки не воспринимались представителями других естественнонаучных дисциплин в Академгородке в понимании как имевшие фундаментальную направленность. Понятнее выстраивался тот или иной заказ к историкам на выполнение конкретных исследований своего рода прикладного значения, носивших юбилейный характер. Об этом свидетельствовала практика, уже продолженная через четверть века, к полувековому юбилею Отделения в 2007 г., когда коллективом историков (при определенном участии в их подготовке сотрудников аппарата Президиума Отделения) были подготовлены очередные два труда²¹.

Для В.Л. Соскина и сотрудников его немногочисленного сектора (к которому были подключены несколько человек из другого сектора Института) фактически это был первый инициированный самими историками выход на руководство Сибирского отделения, безусловно заинтересованного в появлении такого рода исторической ретроспективы пройденного Отделением пути. Поиск оптимальной структуры предусматривал не только выстраивание хронологии научно-организационного порядка, связанного с динамикой становления и развития структуры СО АН, с отражением накопления кадрового потенциала, собственно достижений в различных областях науки (то, что именуется научным заделом), развитием ресурсной базы (материально-технической, финансовой и т.д.), коммуникационных каналов, но и раскрытия роли внешних по отношению к научной деятельности факторов прежде всего политического характера (влияния решений партийно-государственных структур на организацию и деятельность Отделения). Помимо этого, требовалось «оконтурить» хотя бы в общих чертах события внеакадемической жизнедеятельности коллективов Отделения.

Историкам предоставлялись необходимые и требуемые для реализации данных задач возможности работы с первоисточниками (фонды научного архива Отделения, текущее делопроизводство Президиума и институтов Отделения, фонды госархива Новосибирской области и др.). Безусловно, что основная проблема заключалась не только в установлении коммуникаций с различными структурами Отделения, но и в необходимости выработки экспертных оценок в выборе тех или иных событий для помещения в «Хронику», где принципиальное значение приобретали оценки научного значения самих работ коллективов и отдельных ученых. Так, выяснялось, что не все значимые факты подлежали установлению точных датировок и не подкреплялись документально, а брались из различного рода докладов и отчетов, т.е. из делопроизводственной документации учреждений, поэтому компромиссом являлось то, что после каждого года с установленными датами событий выделялась рубрика, где отмечались события, не имевшие точной датировки, поскольку имели некоторую протяженность во времени.

²⁰ Соскин В.Л. Новосибирский научный центр: исследования по новейшей отечественной истории. Очерк истории и историографии: учеб. пособие. Новосибирск, 2008. С. 55, 99–100.

²¹ Российская Академия наук. Сибирское отделение: Исторический очерк. Новосибирск, 2007; Российская Академия наук. Сибирское отделение: Персональный состав. Новосибирск, 2007.

С позиций современного знания о процессах становления и последующей трансформации деятельности СО АН в описываемый период (1957–1982) составители «Хроники» по сложившимся условиям отражали безусловные и получившие признание в научной сфере и государственными структурами достижения коллективов и отдельных ученых, не затрагивая «острые углы» и утраты, которыми эти достижения сопровождались. О коллизиях и конфликтах внутри руководства Отделения и в самих научных коллективах, приводивших к отставкам, смене направлений в институтах и т.д., т.е. о непарадных, теневых сторонах событий, естественно, места в издании не нашлось. В то же время необходимо констатировать, что была создана единственно возможная по тем временам скорее официальная, но вполне упорядоченная и получившая подкрепление фактическими материалами «Хроника» Отделения. И в этом, безусловно, важное значение сыграл научно-организационный и исследовательский опыт, которым в полной мере обладал В.Л. Соскин еще со времен создания пятитомной «Истории Сибири», где он выступал в роли ученого секретаря проекта, ответственного за координацию работы и коммуникации внутри большого коллектива историков из разных городов не только Сибири, но и столичных.

Тем самым примерно двухлетний цикл интенсивной деятельности сотрудников сектора культуры над задачей структурирования в изучении новейших процессов в сфере академической науки в регионе создал условия для тематического перехода от проблематики истории культуры и интеллигенции к исследованиям социальной истории науки в ретроспективном формате начиная с раннесоветской эпохи. Приобретая в немалой степени поучительный опыт в ходе работы над «Хроникой», В.Л. Соскин предложил разработку социальной истории науки в двух взаимосвязанных направлениях – теоретико-методологическом и конкретно-историческом. Выше уже отмечалось, что поиски адаптации применения историками системного подхода к проблематике культурных процессов привели к концентрации усилий сотрудников сектора в понимании важности для них разработанной в социологии науки понятия науки как социального института.

Далее в течение пятилетия (1986–1991) сотрудниками сектора с привлечением к участию в разработке историко-научной проблематики ряда философов и социологов (М.П. Чемоданова, Е.В. Семенова, Н.Н. Семенова, Л.Ф. Лисса), а также молодых исследователей из числа аспирантов (Г.В. Шойдина, Н.П. Коробкова, Н.А. Куперштох, М.В. Кликушина и др.), был реализован проект комплексного изучения данной проблематики путем выпуска трех связанных между собой тематических сборников, посвященных развитию науки в Сибири²². Работа над ними проходила в условиях начавшихся в стране динамичных социально-политических изменений, фактически создавших обстановку для критического переосмысления постулатов отечественной исторической науки, и дала импульс более свободного и конструктивного обсуждения теоретико-методологических аспектов отечественной истории. Здесь как нельзя своевременными оказались совместные с обществоведами обсуждения проблем историко-научных исследований, поэтому на протяжении пятилетия между выходом изданий (1986–1991) происходил поиск новых ориентиров в данных тематических областях.

Своего рода поворотом историков сектора в поисках координат соприкосновения с другими дисциплинами стало создание сборника статей, посвященных изучению региональных проблем развития науки в Сибири, со структурированием в нем разделов по методологии, историографии и источниковедению²³. В первом, собственно концептуальном разделе сборника, помимо публикации статей философов и социологов (М.П. Чемоданов, Л.Ф. Лисс, Е.Д. Гражданников), помещена статья историков В.Л. Соскина и Е.Г. Водичева²⁴, ставшая «точкой отсчета» для обоснования перехода сотрудников сектора, изучавших историю науки

²² Развитие науки в Сибири: методология, историография, источниковедение. Новосибирск, 1986; Формы организации науки в Сибири. Исторический аспект. Новосибирск, 1988; Кадры науки советской Сибири. Новосибирск, 1991.

²³ Развитие науки в Сибири... С. 207.

²⁴ Соскин В.Л., Водичев Е.Г. Методологические аспекты изучения науки как предмета гражданской истории // Развитие науки в Сибири: методология, историография, источниковедение. Новосибирск, 1986. С. 8–23.

в ее достаточно традиционном формате, на концептуальную основу социальной истории науки и освоения разработанного социологами таких основополагающих понятий, как «социальный институт науки», «научный потенциал» и др. Авторы учли необходимость перехода в своих исследованиях к учету междисциплинарности в понимании феномена науки в условиях динамичного развития науковедения в качестве междисциплинарной, внутри которой как ее ветвь формировалась история естествознания науки и техники. В публикации констатировалась ситуация, когда науковедение в своих основных проявлениях оказалось сосредоточено на выявлении факторов, обеспечивающих условия развития науки как системы знаний. В то же время очень четко проявила себя необходимость изучения факторов политического, экономического, социального характера, лежащих вне науки, но очевидно влияющих на динамику ее развития. Это послужило толчком для разработки социологами понятия «социальный институт науки» (СИН), позволяя более четко осуществить структурирование самой науки как особого вида деятельности и показать, как в процессе своего функционирования СИН происходит взаимодействие внутренних и внешних факторов в процессе осуществления научной деятельности.

Авторы указали на перспективность в соединении подходов социологии науки и гражданских историков (здесь необходимо дать пояснение употреблявшемуся в заглавии статьи и в самом ее тексте словосочетанию «гражданская история», поскольку таким образом представители последней дистанцировались от существовавшей в советской исторической науке историко-партийной дисциплины), справедливо отмечая, что здесь присутствует принцип их взаимодополнения: социологи нуждаются при изучении тех или иных социальных процессов и явлений в ретроспективных оценках, которые могут представить для них профессиональные историки. В свою очередь, социология науки дает в распоряжение историкам развитый научный инструментарий.

Авторы обозначили в данном случае важнейшую проблему, связанную с тем, что при включении историков в межпредметную (в данном случае социологическую) безусловно потребует своего рода переходного периода в исследованиях, связанного с операционализацией историками ключевых понятий, принятых в социологии науки. Соответственно, предстояло переосмыслить ключевое для историков понятие «научное строительство», употребляемое как составная часть «культурного строительства». В статье предлагался следующий вариант: приблизить содержательно прежнее понятие к общепринятому в социологии и науковедению понятию «организация науки», понимаемое как единство двух процессов – управленческого воздействия «внешних» институтов на СИН и реакции последнего на это воздействие. Результатом следовало считать формирование и динамику научного потенциала, структура которого получила детальную разработку социологами и включала в себя функциональное соединение четырех компонентов – организационно-управленческого, кадрового, материально-технического и информационного²⁵. Важно отметить, что данный посыл оказался подкреплен другой статьей в том же разделе сборника, представленной социологом науки и образования Л.Ф. Лиссом, где подробно проанализировано понятие «научный потенциал» с предложениями того, как адаптировать его для целей исторического изучения²⁶.

Здесь уместно некоторое отступление, связанное с пониманием того, какие стадии своего оформления проходили дисциплины, объектом изучения которых выступала наука в различных ее измерениях. Так происходило конституирование субдисциплин в рамках философии (философия науки), социологии (социология науки), истории (история науки) и т.д. В то же время уже в первой половине XX в. начались поиски соприкосновения и нахождения полей взаимодействия между выделявшимися субдисциплинами внутри социальных и гуманитарных наук в отношении феномена науки, которые привели в первом случае к появлению такой интегрирующей в себе ряд подходов в области исследования

²⁵ Соскин В.Л., Водичев Е.Г. Методологические аспекты изучения науки... С. 20.

²⁶ Лисс Л.Ф. Научный потенциал: проблемы системного историко-социологического анализа // Развитие науки в Сибири... С. 40–52.

науке (науковедение). В другом случае с 30-х гг. XX в. произошло формирование двух конкурирующих подходов к рассмотрению феномена науки: интерналистский, в рамках которого наука рассматривается прежде всего и в основном с точки зрения преобладания в ней источников внутреннего саморазвития, и экстерналистский, делающий основной акцент в исследованиях на влиянии внешних по отношению к самой науке факторов политического, экономического, социального, культурного и других внеучебных условий. Во второй половине XX в. происходило естественное взаимопроникновение указанных подходов, где сторонники примата в науке принципа ее саморазвития признавали определенное, а иногда в определенные периоды времени и значительное влияние на научные процессы экстерналистских факторов, оговариваясь, что они могут способствовать либо замедлению, либо ускорению динамики тех или иных областей науки. В свою очередь, сторонники примата действия последних на сферу науки признавали, что наука имеет значительный потенциал своего внутреннего автономного существования и вырабатывает механизмы и практики обеспечения преемственности для своего развития.

Одновременно с указанными выше тенденциями в применении различными дисциплинами инструментария к изучению феномену науки осуществлялась активная разработка двух фундаментальных универсальных подходов, оказавших влияние для исследования науки и как комплекса научных знаний, и с позиций науки как особого вида духовной деятельности, духовного производства. Прежде всего, со второй половины XX в. началось активное становление системного подхода в исследованиях как базового, общенаучного с возможностью его адаптации к любым сферам науки, в том числе и социально-гуманитарным, где значительную активность в его обосновании проявили философы. При системном подходе центральное значение уделялось рассмотрению любой организованной социальной деятельности как системы с позиций ее целостности, устойчивости, воспроизводства, наличия в ней подсистем различного уровня и т.д.

В свою очередь, разработки социологов были направлены на установление структурно-функциональных характеристик, присущих социальным системам (Т. Парсонс, Р.К. Мертон и др.), с выделением в качестве подхода к структурированию науки модели социального института (институциональный подход), фактически играющей роль теории среднего уровня, соединяя фундаментальный теоретический уровень исследования с конкретными исследованиями эмпирического характера. Преимуществом институционального подхода стало установление четкого структурирования научной деятельности на составляющие ее элементы в их взаимосвязи и взаимовлиянии. Как уже отмечалось выше, для формировавшегося в секторе во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. направления, связанного с социальной историей науки, важное значение сыграли философы и социологи, принявшие участие в указанных тематических сборниках²⁷.

При некоторых оттенках в трактовках характеристик СИН помещенные в сборниках тексты обществоведов содержали важные для историков наблюдения, ориентировавшие их на более строгое операциональное следование в своих ретроспективных работах в изучении проблем организации и развития отечественной и региональной науки. Так, Л.Ф. Лисс выделял в структуре СИН два базовых уровня – индивидуально-групповой и организационно-учрежденческий, последовательно выделяя в каждом из них иерархические уровни (глобальный, страновой и региональный). Применительно к организационному механизму СИН автор выделял также в качестве базовых два механизма – неформальный и формальный, каждый из которых имел три обязательные характеристики (нормативно-ценностные, коммуникативные и организационные)²⁸.

²⁷ Лисс Л.Ф. Становление и структура социального института науки (историко-социологический подход) // *Формы организации науки в Сибири. Исторический аспект.* Новосибирск, 1985. С. 8–41; Семенов Е.В. Структура и социальная организация науки // *Формы организации науки в Сибири...* С. 41–66; Лисс Л.Ф. Кадровая составляющая научного потенциала (методологические проблемы) // *Кадры науки советской Сибири: Проблемы истории.* Новосибирск, 1991. С. 5–18.

²⁸ Лисс Л.Ф. Становление и структура... С. 35–38.

Е.В. Семенов в своей публикации обратил внимание историков на необходимость преодоления достаточно типичной для них практики «идти за источником», т.е. «историк обычно видит организацию науки так, как его “видит” документ», между тем «историк, изучающий формы организации науки, должен отучиться говорить на языке объекта, вырабатывать свою собственную понятийную систему»²⁹. Так, весьма важной следует считать высказанную им рекомендацию о требовании разделять в понятийном аппарате понятия первого слоя, такие как «наука», «структура науки», «научное производство» и др., и понятия второго слоя – «научная политика», «социальное управление наукой», «формы организации науки» и др.³⁰ Сам автор сжато характеризовал СИН через соединение в нем двух сторон – форм организации научного производства и форм управления им³¹.

Необходимо отметить, что переход руководимого В.Л. Соскиным коллектива сектора на тематику социальной истории науки, начавшийся с 1980-х гг., благодаря результативному взаимодействию с представителями социальных наук действительно позволил перевести историко-научные работы из традиционной для этого парадигмы на более высокий в теоретико-методологическом понимании уровень исследования, о чем свидетельствовали работы нового поколения молодых исследователей, аспирантов, подготовивших и защитивших кандидатские диссертации в последующие годы. Так, диссертационное исследование Н.П. Коробковой 1984 г. по проблемам истории высшего образования в Западносибирском регионе в послевоенное десятилетие, работы Е.Т. Артемова и Е.Г. Водичева по организационным аспектам и международным научным связям Сибирского отделения Академии наук, защищенные в 1985 г., уже содержали в себе изучение процессов в научно-образовательной сфере с использованием категориального аппарата и инструментария социально-философских и социологических дисциплин³². Впоследствии данное направление социально-исторических исследований учеников В.Л. Соскина в области науки пополнилось работами Г.В. Шойдиной об организации сельскохозяйственных научных исследований (1986), С.С. Малетина о взаимодействии институтов и СКБ СО АН с промышленным производством (1990), Н.А. Куперштох о динамике кадрового потенциала Сибирского отделения (1995), а также А.П. Воробьева о развитии регионального сибирского сегмента отраслевой науки (1991) и Л.А. Вишняковой о механизмах государственного управления развитием науки в Западной Сибири (1992), хронологически охватили период середины 1950-х – 1960-е гг.³³ Практически в каждой из перечисленных диссертаций научная исследовательская программа, категориальный аппарат и структура работ уже содержали в себе принципы, вытекавшие из ретроспективного подхода к анализу социального института науки. Тем самым вырабатывался и соответствующий новый для историков исследовательский язык.

Возвращаясь к месту и роли Варлена Львовича в данный период становления теоретико-методологического перехода в проблематике социальной истории науки, необходимо подчеркнуть, что нахождение на позиции лидера, безусловно, не сводилось только

²⁹ Семенов Е.В. Структура и социальная организация науки... С. 42–43.

³⁰ Там же. С. 43.

³¹ Там же. С. 62.

³² Коробкова Н.П. Развитие высшего образования в Западной Сибири в период 1945–1958 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1984; Артемов Е.Т. Организация академической науки в Сибири (1957–1980 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1985; Водичев Е.Г. Роль Сибирского отделения Академии наук СССР в развитии научных связей советской науки (1957–1980-е гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1985.

³³ Шойдина Г.В. Организация сельскохозяйственных научных исследований в Западной Сибири в 1965–1975 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1986; Малетин С.С. Деятельность Сибирского отделения АН СССР по организации взаимодействия науки с производством (1971–1980 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1991; Куперштох Н.А. Научные кадры Сибирского отделения РАН: история формирования и развития (1957–1970 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1995; Воробьев А.П. Развитие отраслевой науки в системе научного потенциала Сибири (середина 50-х – 60-е гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1991; Вишнякова Л.А. Государственное управление развитием науки в Западной Сибири (середина 50-х – середина 60-х гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1992.

к организационно-управленческим задачам в рамках исследований коллективом сектора в данной сфере, а также и аспирантов, выполнявших свои диссертационные работы под его научным руководством. В каждом из трех упомянутых выше сборниках трудов по истории региональной науки помещались его собственные публикации, где собственно и происходила апробация новых подходов на значительном эмпирическом материале. Не ставя задачей конкретный анализ его публикаций, отметим прежде всего, что в компетенции ученого центральное место всегда занимала проблематика эпохи войн и революций и последующий период после ее окончания, т.е. первое советское десятилетие (1917–1927).

В отличие от его учеников и последователей, изучавших более «спокойные» для динамики отечественной науки периоды, Варлен Львович исследовал наиболее драматический и экстремальный «узел» в истории страны, когда внутренние процессы научной жизнедеятельности находились в наиболее яркой и прямой зависимости от политических событий радикального характера. Основная задача состояла даже не столько в переходе на новый инструментарий, разработанный в социологии науки, сколько в переосмыслении прежней парадигмы советской историографии с его догматами в рассмотрении всех процессов в истории сквозь координаты классового подхода. В данном контексте примечательными следует считать две статьи В.Л. Соскина, помещенные в сборнике 1991 г. о динамике кадров науки в Сибири³⁴.

Указанные публикации связаны с собой не только в тематико-хронологическом плане, но и характерны переосмыслением взгляда на исторические процессы и научные, в том числе уже не с позиций традиционного марксистского формационного, а исходя из подхода, основанного на приоритете общечеловеческих ценностей над классовыми. Не отрицая влияния на социальный институт науки в изучавшийся период действия классово-политических факторов в прямой и непосредственной форме, автор считал, что наука является неотъемлемой частью цивилизационного развития. Следовательно, по его мнению, «определять участие ученых в том или ином виде в политических событиях периода по формуле “кто не с нами, тот против нас” представляется не только недостаточным, но и ошибочным, поскольку анализ сосредоточивается не на главных функциях интеллигенции <...> Создание позитивных ценностей как смысл основной деятельности научной интеллигенции – вот что прежде всего и главным образом определяет ее положительное место на дореволюционном этапе российской истории»³⁵. Данный вывод он распространил и на следующий период революции и гражданской войны, считая, что коренная ломка политических условий и смена нескольких государственных режимов на территории Сибири безусловно значительно деформировали, но не останавливали формы организации и характер научной деятельности, подтверждая тем самым наличие преемственности в сфере науки в переломные эпохи³⁶.

Безусловно, в данных публикациях В.Л. Соскин в большей степени только наметил контуры для дальнейших разработок базовой проблематики «интеллигенция и власть», поскольку последующие процессы и события во взаимоотношениях данной социально-профессиональной общности с партийно-государственными институтами уже в раннесоветский период приобрели разнонаправленный характер, весьма далекий от концепции цивилизационной преемственности в сфере науки. Начавшийся на рубеже конца 1980-х – начала 1990-х гг. и продолжавшийся в течение первого постсоветского десятилетия процесс демократизации в раскрытии как для профессиональных историков, так и для других категорий общества некогда засекреченных фондов в государственных и ведомственных архивах, получивший наименование «архивной революции» (и это недалеко от истины, если считать, что такого рода процессы после фазы «взрывного» раскрытия переходят в свое затухание и перехода к возврату нынешней более жесткой регламентации государственными структурами в доступности для историков тех или иных комплексов документов исходя

³⁴ Соскин В.Л. Научная интеллигенция Сибири накануне революции // Кадры науки советской Сибири: Проблемы истории. Новосибирск, 1991. С. 19–39; Соскин В.Л. Ученые Сибири в годы революции и гражданской войны // Кадры науки советской Сибири... С. 39–62.

³⁵ Соскин В.Л. Научная интеллигенция Сибири... С. 37–38.

³⁶ Соскин В.Л. Ученые Сибири... С. 53.

из собственных корпоративных интересов), создал условия для изучения ранее находившихся под запретом тем советской истории, в том числе таких, как дискриминации и репрессии в отношении различных слоев и групп общества, включая и ученых, и вузовских преподавателей.

В своей статье, вышедшей в 1994 г. и посвященной проблематике дискриминации ученых Сибири после завершения в регионе гражданской войны, Варлен Львович достаточно критично отозвался о прежней исследовательской традиции рассматривать политику партийного государства в отношении науки и ученых только в позитивной коннотации, признавая, что взаимоотношения власти с учеными, профессурой носили конфликтный характер, разрешавшийся в диапазоне от мягких, компромиссных до весьма жестких, директивных решений не в пользу интересов научной корпорации³⁷. В ней автор действительно пересматривает прежние оценки политики региональной власти в отношении фактического роспуска Института исследования Сибири, ликвидации историко-филологического факультета в Томском университете, мер по пресечению борьбы профессуры в начале 1920-х гг. за сохранение завоеванных в позднеимперский период демократических начал в высшей школе (право на принцип автономии) и т.д.

В данном случае, как представляется, у автора не проявлялся принцип подстраивания под изменившуюся в исторической науке обстановку, когда достаточно было осуществить простую оценочную переполюсовку для тех или иных событий и фактов. От своих прежних работ Варлен Львович не отказывался, признавая факт их написания в рамках существовавших в советской историографии догматов. Необходимость пересмотра собственных некогда данных оценок он справедливо объяснял тем, что у историков ныне появилась возможность освободиться от функции безоговорочной интерпретации директивных решений в сфере науки и подвергнуть анализу последствия принимавшихся институтами власти решений. Скажем, в упомянутой статье отмечается, что реорганизация в начале 1920-х гг. в Томском университете историко-филологического факультета в факультет общественных наук (ФОН), а затем и закрытие последнего в 1922 г. привела к тому, что далее на десятилетия здесь «пресекалась линия гуманитарных исследований»³⁸. В той же публикации Варлен Львович на имевшихся в его распоряжении эмпирических данных (документы и материалы делопроизводства краевых и региональных партийных органов Сибири) фактически наметил новую трактовку природы феномена так называемого спеедства, или антиинтеллигентских настроений, как ускорившуюся под влиянием Шахтинского процесса 1928 г. своего рода смычку/сцепление в данной фобии недоверия и подозрительности к специалистам «сверху» в практике деятельности партийных органов и «снизу» в восприятии народными низами неприязни к образованному слою³⁹.

В нашу нынешнюю задачу не входит оценка того главного наследия, которое Варлен Львович оставил в научно-образовательной сфере на завершающем периоде своей деятельности в виде очерков социальной истории отечественной культуры первого советского десятилетия (1917–1927), над созданием которого он трудился на протяжении всего постсоветского периода⁴⁰, поскольку книга получила исчерпывающую квалифицированную рецензию ряда ведущих историков культуры Сибири⁴¹. Отметим только, что в ней отдельная шестая глава посвящена проблематике истории высшего образования и науки. В итоговой ее части автором отмечалось, что в изучаемый период «было немало сделано и в структурном плане, и в организации исследовательского процесса, и в изменении направлений научного поиска, чтобы придать науке тот облик, который позволял называть ее “советской”. Что при этом

³⁷ Соскин В.Л. Ученые Сибири в фокусе дискриминации (20-е гг.) // Дискриминация интеллигенции в послереволюционной Сибири. Новосибирск, 1994. С. 61–96.

³⁸ Там же. С. 74.

³⁹ Там же. С. 89.

⁴⁰ Соскин В.Л. Российская советская культура (1917–1927 гг.)...

⁴¹ См.: Рыженко В.Г., Назимова В.Ш. Рецензия на книгу: Соскин В.Л. Российская советская культура (1917–1927 гг.): Очерки социальной истории. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2004 // Гуманитарные науки в Сибири. 2006. № 3. С. 119–121.

отбрасывалось или даже уничтожалось, во внимание не принималось. Коммунистическое руководство в своем утилитарном отношении к культуре находилось в заблуждении насчет возможности ее элементарного рассеяния на “хорошие” (нужные) и “плохие” (ненужные) элементы. В то время первые видимые достижения скрывали внутренние пороки создаваемой системы. Это позволяло власти иметь поддержку, в том числе в среде интеллигенции»⁴². Данная автором достаточно определенная результирующая оценка политики партийной государственности в отношении научно-образовательной корпорации в ранне-советское десятилетие скорее всего контрастирует с современными оценками государственной политики того времени, делающими акцент на развитии и успехах в обозначенной сфере. Представляется, что здесь зафиксирована принципиальная авторская позиция включать в оценку итогов и последствий конкретного периода как еще незавершенного процесса не только перечень достижений и успехов, но и цену, куда входят утраты и потери, понесенные научно-образовательной корпорацией, унаследованной большевиками от поздней имперской эпохи.

Почти сорок лет, отделяющие первую монографическую работу Варлена Львовича (1965) от в значительной мере итоговой (2004), явились временем смены творческих состояний автора и его профессионального и организационного роста от начинавшего исследователя истории культуры эпохи войн и революций до научного лидера территориально расположенного в Сибири, но получившего российскую известность и признание направления в сфере историко-культурных исследований. Кратко отметим те условия, которые обусловили не только занятие им лидирующего положения в данной предметной области, но и, что оказывается не менее сложным, укрепление его. Прежде всего, речь идет о постоянном накоплении профессиональных знаний и опыта в целеполагании не на узкую специализацию в каком-либо сегменте культуры, а на изучение базовых оснований и характеристик социального существования и динамики культурных процессов и событий. Отсюда вытекало неизбежное соприкосновение культурной проблематики с другими предметными полями и апробирование новых, в том числе междисциплинарных подходов в ходе взаимодействия с представителями социальных наук (социальная философия, науковедение, социология, прежде всего). Варлен Львович находился в постоянном экспериментальном поиске адаптаций к историко-культурным исследованиям инструментария и понятийного аппарата системного метода, социологических разработок в области социального института науки, структурно-функционального анализа и т.д. Отмеченное выше могло завершиться стадией экспериментов без значимых научных результатов, что не редкость в исследовательской практике.

Однако для него сложились благоприятные возможности подготовки научных кадров и формирования коллектива учеников благодаря преподаванию на историческом отделении гуманитарного факультета Новосибирского университета и открытию аспирантуры в Институте истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук. С 1970 г. под его началом сформировался «молодежный» состав исследователей, с которыми уже должно было ставить и разрабатывать комплексные проблемы в сфере истории культуры и интеллигенции. Здесь проявилась именно та черта Варлена Львовича как наставника, которая позволяла ему, фактически оставаясь лидером, организатором и координатором исследований, осуществлять творческое восхождение к новым проблемным областям совместно с учениками, реализуя важнейшую роль преемственности поколений в науке и образовании.

В свое время сам Варлен Львович оставил как своего рода напутствие другому поколению социальных историков культуры следующую фразу: «Российской культуре, включая ее советскую ипостась, присуща поразительная живучесть»⁴³. В этой кажущейся на первый взгляд парадоксальной мысли, как представляется, присутствует глубокий смысл того, что в феномене культуры, помимо присутствия таких базовых характеристик, как динамика, преемственность и др., заложено еще и неотъемлемое свойство сопротивления культуры

⁴² Соскин В.Л. Российская советская культура... С. 316.

⁴³ Там же. С. 109.

навязанным извне и противоестественным ее природе директивным установкам. Тем более что одной из аксиом, часто повторявшейся Варленом Львовичем в его образовательной и научной деятельности, выступало требование не отождествлять, а разделять хотя и взаимосвязанные, но нетождественные понятия «советская культура» и «культура советского общества».

Литература

Академия наук и Сибирь / отв. ред. А.П. Окладников. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1977. 320 с.

Академия наук СССР. Сибирское отделение. Персональный состав / предисл. В.Л. Макарова. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1982. 120 с.

Академия наук СССР. Сибирское отделение. Хроника / сост. В.Л. Соскин и др. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1982. 336 с.

Артемов Е.Т. Организация академической науки в Сибири (1957–1980 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1985. 19 с.

Вишнякова Л.А. Государственное управление развитием науки в Западной Сибири (середина 50-х – середина 60-х гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1992. 21 с.

Водичев Е.Г. Роль Сибирского отделения Академии наук СССР в развитии научных связей советской науки (1957–1980-е гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1985. 18 с.

Воробьев А.П. Развитие отраслевой науки в системе научного потенциала Сибири (середина 50-х – 60-е гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1991. 19 с.

Высшая школа и научно-педагогические кадры Сибири (1917–1941 гг.) / отв. ред. В.Л. Соскин. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1980. 368 с.

Главацкий М.Е., Кондрашева М.И. К характеристике сибирской научной школы в области истории культуры и интеллигенции // Культура и интеллигенция сибирской провинции в XX веке: теория, история, практика: мат-лы регион. науч. конф. Новосибирск, 2000. С. 214–218.

Дискриминация интеллигенции в послереволюционной Сибири (1920–1930 гг.): сб. науч. тр. / ред. С.А. Красильников, Л.И. Пыстина. Новосибирск: ПТСиС, 1994. 210 с.

Изучение истории культуры как системы: сб. науч. трудов / отв. ред. А.Н. Кочергин. Новосибирск: Институт истории, филологии и философии, 1983. 79 с.

Историография культуры и интеллигенции советской Сибири / ред. В.Л. Соскин. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1978. 352 с.

Кадры науки советской Сибири: Проблемы истории / ред. В.Л. Соскин. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1991. 220 с.

Коробкова Н.П. Развитие высшего образования в Западной Сибири в период 1945–1958 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1984. 18 с.

Культура и интеллигенция сибирской провинции в XX веке: теория, история, практика: мат-лы регион. науч. конф. / отв. ред. С.А. Красильников. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2000. 234 с.

Куперштох Н.А. Научные кадры Сибирского отделения РАН: история формирования и развития (1957–1970 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1995. 24 с.

Лисс Л.Ф. Научный потенциал: проблемы системного историко-социологического анализа // Развитие науки в Сибири: методология, историография, источниковедение. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1986. С. 40–52.

Лисс Л.Ф. Кадровая составляющая научного потенциала (методологические проблемы) // Кадры науки советской Сибири: Проблемы истории. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1991. С. 5–18.

Лисс Л.Ф. Становление и структура социального института науки (историко-социологический подход) // Формы организации науки в Сибири. Исторический аспект. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1985. С. 8–41.

Личность. Культура. Общество. К 85-летию профессора В.Л. Соскина: сб. науч. ст. / отв. ред. Н.Н. Аблажей. Новосибирск: НГУ, 2010. 271 с.

Малетин С.С. Деятельность Сибирского отделения АН СССР по организации взаимодействия науки с производством (1971–1980 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1991. 20 с.

Матвеев Г.А. Памятное (к 85-летию В.Л. Соскина) // Личность. Культура. Общество. К 85-летию профессора В. Л. Соскина. Новосибирск, 2010. С. 3–11.

Развитие науки в Сибири: методология, историография, источниковедение / отв. ред. В.Л. Соскин. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1986. 207 с.

Российская Академия наук. Сибирское отделение: Исторический очерк / сост. Е.Г. Водичев, С.А. Красильников, В.А. Ламин и др. Новосибирск: Наука, 2007. 510 с.

Российская Академия наук. Сибирское отделение: Персональный состав / сост. Е.Г. Водичев, Г.М. Запарожченко, О.Н. Калинина и др. Новосибирск: Наука, 2007. 603 с.

Рыженко В.Г., Назимова В.Ш. Современный историк в состоянии поиска (к творческому портрету В.Л. Соскина) // Гуманитарное знание: Ежегодник ОмГПУ. Сер.: Преемственность. Омск, 1999. Вып. 3. С. 315–325.

Рыженко В.Г., Назимова В.Ш. Рецензия на книгу: Соскин В.Л. Российская советская культура (1917–1927 гг.): Очерки социальной истории. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2004 // Гуманитарные науки в Сибири. 2006. № 3. С. 119–121.

Рыженко В.Г., Назимова В.Ш. Историк советской культуры в современном пространстве интеллектуальных диалогов: выбор и позиция Мастера // Личность. Культура. Общество. К 85-летию профессора В.Л. Соскина. Новосибирск, 2010. С. 12–28.

Рыженко В.Г., Назимова В.Ш., Корзун В.П. К 75-летию В.Л. Соскина // Гуманитарные науки в Сибири. 2000. № 2. С. 93–97.

Семенов Е.В. Структура и социальная организация науки // Формы организации науки в Сибири. Исторический аспект. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1988. С. 41–66.

Системный подход в изучении социалистической культуры: сб. науч. тр. / отв. ред. А.Н. Кочергин. Новосибирск: ИИФИФ, 1985. 151 с.

Соскин В.Л. Очерки истории культуры Сибири в годы революции и гражданской войны (конец 1917 – начало 1921 гг.). Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1965. 281 с.

Соскин В.Л. Культурная жизнь Сибири в первые годы НЭПа (1921–1923 гг.). Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1971. 350 с.

Соскин В.Л. Ленин, революция, интеллигенция. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение. 1973. 108 с.

Соскин В.Л. Научная интеллигенция Сибири накануне революции // Кадры науки советской Сибири: Проблемы истории. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1991. С. 19–39.

Соскин В.Л. Ученые Сибири в годы революции и гражданской войны // Кадры науки советской Сибири: Проблемы истории. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1991. С. 39–62.

Соскин В.Л. Ученые Сибири в фокусе дискриминации (20-е гг.) // Дискриминация интеллигенции в послереволюционной Сибири (1920–1930 гг.). Новосибирск, 1994. С. 61–96.

Соскин В.Л. Конформизм интеллигенции: вина, беда или необходимость? // Интеллигенция России в XX веке и проблема выбора: мат-лы круглого стола. Екатеринбург, 1999. С. 28–30.

Соскин В.Л. Российская советская культура (1917–1927 гг.): Очерки социальной истории. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2004. 455 с.

Соскин В.Л. Новосибирский научный центр: исследования по новейшей отечественной истории. Очерки истории и историографии: учеб. пособие. Новосибирск: НГУ, 2008. 188 с.

Соскин В.Л. «Я ведь мог быть кем-то другим»: из бесед с почетным профессором НГУ Варленом Львовичем Соскиным (февраль – апрель 2017 г.) // ГУМФАКиЯ 60–70-х годов XX века: воспоминания учителей и выпускников. Новосибирск: Манускрипт, 2022. С. 49–50.

Соскин В.Л., Водичев Е.Г. Методологические аспекты изучения науки как предмета гражданской истории // Развитие науки в Сибири: методология, историография, источниковедение. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1986. С. 8–23.

Федюкин С.А. Советская власть и буржуазные специалисты. М.: Мысль, 1965. 255 с.

Федюкин С.А. Великий Октябрь и интеллигенция. Из истории вовлечения старой интеллигенции в строительство социализма. М.: Наука, 1972. 472 с.

Формы организации науки в Сибири. Исторический аспект / ред. В.Л. Соскин. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1988. 223 с.

Хлыстов Е.А. Проблемы революции и интеллигенции в научном творчестве проф. В.Л. Соскина // Личность. Культура. Общество. К 85-летию профессора В.Л. Соскина. Новосибирск: НГУ, 2010. С. 218–221.

Школа и учительство Сибири. 20-е – начало 30-х годов / отв. ред. В.Л. Соскин. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1978. 196 с.

Шойдина Г.В. Организация сельскохозяйственных научных исследований в Западной Сибири в 1965–1975 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1986. 21 с.

References

Ablazhey, N.N. (Ed.). (2010). *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo. K 85-letiyu professora V.L. Soskina. Sbornik nauchnykh statey* [Personality. Culture. Society. On the 85th Anniversary of Professor V.L. Soskin. Collection of Scientific Articles]. Novosibirsk, NGU. 271 p.

Artemov, E.T. (1985). *Organizatsiya akademicheskoy nauki v Sibiri (1957–1980 gg.)* [The Organization of Academic Science in Siberia (1957–1980)], Cand. hist. sci. diss. abstract. Novosibirsk. 19 p.

Fedyukin, S.A. (1965). *Sovetskaya vlast' i burzhuaznye spetsialisty* [The Soviet Government and Bourgeois Specialists]. Moscow, Mysl'. 255 p.

Fedyukin, S.A. (1972). *Velikiy Oktyabr' i intelligentsiya. Iz istorii vovlecheniya staroy intelligentsii v stroitel'stvo sotsializma* [Great October and the Intelligentsia. From the History of the Involvement of the Old Intelligentsia in the Construction of Socialism]. Moscow, Nauka. 472 p.

Glavatskiy, M.E., Kondrasheva, M.I. (2000). K kharakteristike sibirskoy nauchnoy shkoly v oblasti istorii kul'tury i intelligentsii [On the Characteristics of the Siberian Scientific School in the Field of Cultural History and Intelligentsia]. In *Kul'tura i intelligentsiya sibirskoy provintsii v XX veke: teoriya, istoriya, praktika: materialy regional'noy nauchnoy konferentsii*. Novosibirsk, pp. 214–218.

Kalinina, O.N., Vodichev, E.G., Zaparozhchenko, G.M. (Comp.). (2007). *Rossiyskaya Akademiya nauk. Sibirskoe otdelenie: Personal'nyy sostav* [The Russian Academy of Sciences. Siberian Branch: Personal Staff]. Novosibirsk, Nauka. 603 p.

Khlystov, E.A. (2010). Problemy revolyutsii i intelligentsii v nauchnom tvorchestve professora V.L. Soskina [Problems of the Revolution and the Intelligentsia in the Scientific Work of Professor V.L. Soskin]. In *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo. K 85-letiyu professora V.L. Soskina*. Novosibirsk, NGU, pp. 218–221.

Kochergin, A.N. (Ed.). (1983). *Izuchenie istorii kul'tury kak sistemy: sbornik nauchnykh trudov* [The Study of the History of Culture as a System: Collection of Scientific Works]. Novosibirsk, Institut istorii, filologii i filosofii. 79 p.

Kochergin, A.N. (Ed.). (1985). *Sistemnyy podhod v izuchenii sotsialisticheskoy kul'tury: sbornik nauchnykh trudov* [A Systematic Approach in the Study of Socialist Culture: Collection of Scientific Works]. Novosibirsk, IIFIF. 151 p.

Korobkova, N.P. (1984). *Razvitie vysshego obrazovaniya v Zapadnoy Sibiri v period 1945–1958 gg.* [The Development of Higher Education in Western Siberia in the Period 1945–1958], Cand. hist. sci. diss. abstract. Novosibirsk. 18 p.

Krasil'nikov S.A. (Ed.). (2000). *Kul'tura i intelligentsiya sibirskoy provintsii v XX veke: teoriya, istoriya, praktika. Materialy regional'noy nauchnoy konferentsii* [Culture and Intelligentsia

of the Siberian Province in the 20th Century: Theory, History, Practice. Materials of the Regional Scientific Conference]. Novosibirsk, Institut istorii SO RAN. 234 p.

Krasil'nikov, S.A., Lamin, V.A., Vodichev, E.G. (Comp.). (2007). *Rossiyskaya Akademiya nauk. Sibirskoe otdelenie: Istoricheskiy ocherk* [The Russian Academy of Sciences. Siberian Branch: A Historical Essay]. Novosibirsk, Nauka. 510 p.

Krasil'nikov, S.A., Pystina, L.I. (Eds.). (1994). *Diskriminatsiya intelligentsii v poslerevoluytsionnoy Sibiri (1920–1930 gg.): sbornik nauchnykh trudov* [Discrimination of the Intelligentsia in Post-Revolutionary Siberia (1920–1930): Collection of Scientific Works]. Novosibirsk, PTSiS. 210 p.

Kupershtoh, N.A. (1995). *Nauchnye kadry Sibirskogo otdeleniya RAN: istoriya formirovaniya i razvitiya (1957–1970 gg.)* [Scientific Personnel of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences: The History of Formation and Development (1957–1970)], Cand. hist. sci. diss. abstract. Novosibirsk. 24 p.

Liss, L.F. (1985). Stanovlenie i struktura sotsial'nogo instituta nauki (istoriko-sotsiologicheskiy podkhod) [Formation and Structure of the Social Institute of Science (Historical and Sociological Approach)]. In *Formy organizatsii nauki v Sibiri. Istoricheskiy aspekt*. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otdelenie, pp. 8–41.

Liss, L.F. (1986). Nauchnyy potentsial: problemy sistemnogo istoriko-sotsiologicheskogo analiza [Scientific Potential: Problems of Systemic Historical and Sociological Analysis]. In *Razvitie nauki v Sibiri: metodologiya, istoriografiya, istochnikovedenie*. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otdelenie, pp. 40–52.

Liss, L.F. (1991). Kadrovaya sostavlyayushchaya nauchnogo potentsiala (metodologicheskie problemy) [Personnel Component of Scientific Potential (Methodological Problems)]. In *Kadry nauki sovetskoy Sibiri: Problemy istorii*. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otdelenie, pp. 5–18.

Makarov, V.L. (Preface). (1982). *Akademiya nauk SSSR. Sibirskoe otdelenie. Personal'nyy sostav* [Academy of Sciences of the USSR. Siberian Branch. Personal Staff]. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otdelenie. 120 p.

Maletin, S.S. (1991). Deyatel'nost' Sibirskogo otdeleniya AN SSSR po organizatsii vzaimodeystviya nauki s proizvodstvom (1971–1980 gg.) [Activity of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences on the Organization of Interaction between Science and Production (1971–1980)], Cand. hist. sci. diss. abstract. Novosibirsk. 20 p.

Matveev, G.A. (2010). Pamyatnoe (k 85-letiyu V.L. Soskina) [Memorable (To the 85th Anniversary of V.L. Soskin)]. In *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo. K 85-letiyu professora V.L. Soskina*. Novosibirsk, pp. 3–11.

Okladnikov, A.P. (Ed.). (1977). *Akademiya nauk i Sibir'* [Academy of Sciences in Siberia]. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otdelenie. 320 p.

Ryzhenko, V.G., Nazimova, V.Sh. (1999). Sovremennyy istorik v sostoyanii poiska (k tvorcheskomu portretu V.L. Soskina) [A Modern Historian in a State of Search (To the Creative Portrait of V.L. Soskin)]. In *Gumanitarnoe znanie: Ezhegodnik OmGPU. Seriya: Preemstvennost'*. Omsk. Vol. 3, pp. 315–325.

Ryzhenko, V.G., Nazimova, V.Sh. (2006). Retsenzziya na knigu: Soskin V.L. Rossiyskaya sovetskaya kul'tura (1917–1927 gg.): Ocherki sotsial'noy istorii. Novosibirsk, Izdatel'stvo SO RAN, 2004 [Book Review: Soskin V.L. Russian Soviet Culture (1917–1927): Essays on Social History. Novosibirsk: Publishing House of the SB RAS, 2004]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. No. 3, pp. 119–121.

Ryzhenko, V.G., Nazimova, V.Sh. (2010). Istorik sovetskoy kul'tury v sovremennom prostranstve intellektual'nykh dialogov: vybor i pozitsiya Mastera [The Historian of Soviet Culture in the Modern Space of Intellectual Dialogues: The Choice and Position of the Master]. In *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo. K 85-letiyu professora V.L. Soskina*. Novosibirsk, pp. 12–28.

Ryzhenko, V.G., Nazimova, V.Sh., Korzun, V.P. (2000). K 75-letiyu V.L. Soskina [To the 75th Anniversary of V.L. Soskin]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. No. 2, pp. 93–97.

Semenov, E.V. (1988). *Struktura i sotsial'naya organizatsiya nauki* [Structure and Social Organization of Science]. In *Formy organizatsii nauki v Sibiri. Istoricheskiy aspekt*. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otdelenie, pp. 41–66.

Skhoydina, G.V. (1986). *Organizatsiya sel'skokhozyaystvennykh nauchnykh issledovaniy v Zapadnoy Sibiri v 1965–1975 gg.* [Organization of Agricultural Scientific Research in Western Siberia in 1965–1975], Cand. hist. sci. diss. abstract. Novosibirsk. 21 p.

Soskin, V.L. (1965). *Ocherki istorii kul'tury Sibiri v gody revolyutsii i grazhdanskoy voyny (konets 1917 – nachalo 1921 gg.)* [Essays on the Cultural History of Siberia during the Revolution and the Civil War (Late 1917 – Early 1921)]. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otdelenie. 281 p.

Soskin, V.L. (1971). *Kul'turnaya zhizn' Sibiri v pervye gody NEPa (1921–1923 gg.)* [The Cultural Life of Siberia in the Early Years of the NEP (1921–1923)]. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otdelenie. 350 p.

Soskin, V.L. (1973). *Lenin, revolyutsiya, intelligentsiya* [Lenin, the Revolution, the Intelligentsia]. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otdelenie. 108 p.

Soskin, V.L. (1991). *Nauchnaya intelligentsiya Sibiri nakanune revolyutsii* [The Scientific Intelligentsia of Siberia on the Eve of the Revolution]. In *Kadry nauki sovetskoy Sibiri: Problemy istorii*. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otdelenie, pp. 19–39.

Soskin, V.L. (1991). *Uchenye Sibiri v gody revolyutsii i grazhdanskoy voyny* [Scientists of Siberia during the Revolution and the Civil War]. In *Kadry nauki sovetskoy Sibiri: Problemy istorii*. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otdelenie, pp. 39–62.

Soskin, V.L. (1994). *Uchenye Sibiri v fokuse diskriminatsii (20-e gg.)* [Siberian Scientists in the Focus of Discrimination (1920s)]. In *Diskriminatsiya intelligentsii v poslerevolucionnoy Sibiri (1920–1930 gg.)*. Novosibirsk, pp. 61–96.

Soskin, V.L. (1999). *Konformizm intelligentsii: vina, beda ili neobhodimost?* [Conformism of the Intelligentsia: Guilt, Trouble or Necessity?]. In *Intelligentsiya Rossii v XX veke i problema vybora: materialy kruglogo stola*. Yekaterinburg, pp. 28–30.

Soskin, V.L. (2004). *Rossiyskaya sovetskaya kul'tura (1917–1927 gg.): Ocherki sotsial'noy istorii* [Russian Soviet Culture (1917–1927): Essays on Social History]. Novosibirsk, Izdatel'stvo SO RAN. 455 p.

Soskin, V.L. (2008). *Novosibirskiy nauchnyy tsentr: issledovaniya po noveyshey otechestvennoy istorii. Ocherki istorii i istoriografii. Uchebnoe posobie* [Novosibirsk Scientific Center: Research on Modern Russian History. Essays on History and Historiography. Study Guide]. Novosibirsk, NGU. 188 p.

Soskin, V.L. (2022). “Ya ved' mog byt' kem-to drugim”: iz besed s pochetnym professorom NGU Varlenom L'vovichem Soskinym (fevral' – april' 2017 g.) [“I Could Have Been Someone Else”: From Conversations with Honorary Professor of NSU Varlen Lvovich Soskin (February – April 2017)]. In *GUMFAKiYA 60–70-kh godov XX veka: vospominaniya uchiteley i vypusknikov*. Novosibirsk, Manuskript, pp. 49–50.

Soskin, V.L. (Comp.). (1982). *Akademiya nauk SSSR. Sibirskoe otdelenie. Khronika* [Academy of Sciences of the USSR. Siberian Branch. The Chronicle]. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otdelenie. 336 p.

Soskin, V.L. (Ed.). (1978). *Istoriografiya kul'tury i intelligentsii sovetskoy Sibiri* [Historiography of Culture and Intelligentsia of Soviet Siberia]. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otdelenie. 352 p.

Soskin, V.L. (Ed.). (1980). *Vysshaya shkola i nauchno-pedagogicheskie kadry Sibiri (1917–1941 gg.)* [Higher School and Scientific and Pedagogical Personnel of Siberia (1917–1941)]. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otdelenie. 368 p.

Soskin, V.L. (Ed.). (1986). *Razvitie nauki v Sibiri: metodologiya, istoriografiya, istochnikovedenie* [The Development of Science in Siberia: Methodology, Historiography, Source Studies]. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otdelenie. 207 p.

Soskin, V.L. (Ed.). (1991). *Kadry nauki sovetskoy Sibiri: Problemy istorii* [Cadres of Science in Soviet Siberia: Problems of History]. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otdelenie. 220 p.

Soskin, V.L. (Ed). (1978). *Shkola i uchitel'stvo Sibiri. 20-e – nachalo 30-kh godov* [School and Teaching in Siberia. 20s – Early 30s]. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otdelenie. 196 p.

Soskin, V.L. (Ed). (1988). *Formy organizatsii nauki v Sibiri. Istoricheskiy aspekt* [Forms of Organization of Science in Siberia. The Historical Aspect]. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otdelenie. 223 p.

Soskin, V.L., Vodichev, E.G. (1986). Metodologicheskie aspekty izucheniya nauki kak predmeta grazhdanskoy istorii [Methodological Aspects of the Study of Science as a Subject of Civil History]. In *Razvitie nauki v Sibiri: metodologiya, istoriografiya, istochnikovedenie*. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otdelenie, pp. 8–23.

Vishnyakova, L.A. (1992). *Gosudarstvennoe upravlenie razvitiem nauki v Zapadnoy Sibiri (seredina 50-kh – seredina 60-kh gg.)* [State Management of the Development of Science in Western Siberia (Mid. 1950s – Mid. 1960s)], Cand. hist. sci. diss. abstract. Novosibirsk. 21 p.

Vodichev, E.G. (1985). *Rol' Sibirskogo otdeleniya Akademii nauk SSSR v razvitiit nauchnyh svyazey sovetskoy nauki (1957–1980-e gg.)* [The Role of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences in the Development of Scientific Relations of Soviet Science (1957–1980)], Cand. hist. sci. diss. abstract. Novosibirsk. 18 p.

Vorob'ev, A.P. (1991). *Razvitie otraslevoy nauki v sisteme nauchnogo potentsiala Sibiri (seredina 50-kh – 60-e gg.)* [Development of Branch Science in the System of Scientific Potential of Siberia (Mid. 1950s – 1960s)], Cand. hist. sci. diss. abstract. Novosibirsk. 19 p.

Н.А. Куперштох*

ИЗУЧЕНИЕ ПРОБЛЕМ ИСТОРИИ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ
В НАУЧНОЙ ШКОЛЕ ПРОФЕССОРА В.Л. СОСКИНА**doi:10.31518/2618-9100-2025-1-21
УДК 001.54:057.4(571.14)*Выходные данные для цитирования:**Куперштох Н.А. Изучение проблем истории науки и образования в научной школе профессора В.Л. Соскина // Исторический курьер. 2025. № 1 (39). С. 324–340. URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-1-21.pdf>*

N.A. Kupershtokh*

STUDYING THE PROBLEMS OF THE HISTORY OF SCIENCE
AND EDUCATION IN THE SCIENTIFIC SCHOOL
OF PROFESSOR V.L. SOSKIN**

doi:10.31518/2618-9100-2025-1-21

*How to cite:**Kupershtokh N.A. Studying the Problems of the History of Science and Education in the Scientific School of Professor V.L. Soskin // Historical Courier, 2025, No. 1 (39), pp. 324–340. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-1-21.pdf>]*

Abstract. The article analyzes the activities of the outstanding culturologist Professor V.L. Soskin (1925–2021) on the formation of a scientific school since the early 1970s. The rapidly developing Novosibirsk Scientific Center has created favorable conditions for this. Novosibirsk University (NSU) has been preparing young humanities specialists with research skills since 1962. The study revealed that it was NSU graduates who formed the core of the scientific school of Professor V.L. Soskin. Under his leadership, graduates of Siberian universities also prepared their dissertation research. If in the 1970s since the history of culture and the intelligentsia was at the center of research problems, the 1980s saw the emergence of a scientific direction for the study of the history of science and education as an integral part of the history of culture. The methodological justification for the need to study science and education as a social institution made it possible to train personnel in a new paradigm. Through the many years of efforts of Professor V.L. Soskin and his students, the historiographical content was enriched by the works of Siberian scientists. The main components of the scientific and educational complex of the Siberian region have been systematically studied. Topics such as scientific policy and management, a network of institutions, forms of training specialists, interaction between science and production, etc. continue to be replenished with new research topics. Among the directions of the 21st century one can note the study of repressive policies towards scientists during the Soviet period, the adaptation of the scientific community to mobilization practices, etc., which expands the understanding of the interaction between science and society at a certain historical stage. In the modern period, continuity in the development of scientific directions initiated by Professor Soskin is ensured by his numerous students and followers.

Keywords: Professor V.L. Soskin, scientific school, cultural history, history of science and education, Institute of History SB RAS.

* **Наталья Александровна Куперштох**, кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: nataly.kuper@gmail.com

Natalia Alexandrovna Kupershtokh, Candidate of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: nataly.kuper@gmail.com

** Статья выполнена в рамках темы государственного задания Минобрнауки Российской Федерации «Социально-экономический потенциал восточных регионов России в XX – начале XXI вв.: стратегии и практики управления, динамика, геополитический контекст» (FWZM-2024-0005).

The article was completed within the framework of the topic of the state assignment of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation “Socio-Economic Potential of the Eastern Regions of Russia in the 20th – Early 21st Centuries: Management Strategies and Practices, Dynamics, Geopolitical Context” (FWZM-2024-0005).

The article has been received by the editor on 01.11.2024. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье анализируется деятельность выдающегося культуролога профессора В.Л. Соскина (1925–2021) по формированию научной школы с начала 1970-х гг. В бурно развивающемся Новосибирском научном центре для этого сложились благоприятные условия. Новосибирский государственный университет (НГУ) готовил молодых специалистов-гуманитариев с навыками исследовательской работы с 1962 г. В ходе исследования выявлено, что именно выпускники НГУ составили ядро научной школы профессора В.Л. Соскина. Под его руководством готовили диссертационные исследования также выпускники вузов Сибири. Если в 1970-е гг. в центре исследовательских проблем находилась история культуры и интеллигенции, то в 1980-е произошло становление научного направления по изучению истории науки и образования как неотъемлемой части истории культуры. Методологическое обоснование необходимости изучения науки и образования как социального института позволило готовить кадры в новой парадигме. Многолетними усилиями профессора В.Л. Соскина и его учеников историографический контент обогатился работами сибирских ученых. Системно изучены основные составляющие научно-образовательного комплекса Сибирского региона. Такие темы, как научная политика и управление, сеть учреждений, формы подготовки специалистов, взаимодействие науки и производства и др., продолжают пополняться новыми исследовательскими сюжетами. Среди направлений XXI в. можно отметить изучение репрессивной политики в отношении ученых в советский период, адаптации научного сообщества к мобилизационным практикам и др., что расширяет представления о взаимодействии науки и общества на определенном историческом этапе. В современный период преемственность в развитии научных направлений, инициированных профессором Соскиным, обеспечивают его многочисленные ученики и последователи.

Ключевые слова: профессор В.Л. Соскин, научная школа, история культуры, история науки и образования, Институт истории СО РАН.

Статья поступила в редакцию 01.11.2024 г.

Введение. Участник Великой Отечественной войны, доктор исторических наук, профессор Варлен Львович Соскин (1925–2021) прожил долгую жизнь, оставив после себя богатейшее научное наследие. О вкладе профессора В.Л. Соскина в теорию, методологию, историю культуры написаны специальные статьи, авторами которых являются М.Е. Главацкий и М.И. Кондрашева, В.Г. Рыженко и В.Ш. Назимова, Г.А. Матвеев и др. Ученые-коллеги, знавшие Варлена Львовича на протяжении многих лет, всесторонне раскрыли его достижения как выдающегося ученого-культуролога. Однако современники, говоря о творческом пути профессора Соскина, нередко упускали важный момент его биографии: в научной школе Варлена Львовича параллельно с изучением истории культуры и интеллигенции шло исследование таких важных сфер культуры, как образование и наука. В данной статье поставлена цель – выявить основные направления изучения научно-образовательного потенциала, проанализировать полученные результаты в этой сфере руководителем научной школы и его учениками. Источниками для подготовки статьи послужили основные публикации самого В.Л. Соскина, сотрудников и аспирантов сектора, которым В.Л. Соскин руководил на протяжении четверти века в Институте истории, филологии и философии (ИИФФ) – Институте истории СО РАН, опубликованные воспоминания профессора В.Л. Соскина, а также личные воспоминания автора данной статьи.

Мое первое знакомство с Варленом Львовичем произошло во время вступительных экзаменов в Новосибирском государственном университете (НГУ). В.Л. Соскин оказался одним из экзаменаторов по истории СССР. После моего ответа на вопрос о XX съезде КПСС он заинтересовался, кто преподавал историю в старших классах. Узнав, что это выпускница Кишиневского университета, очень удивился, какие кадры преподают в сельской школе, и поставил оценку «отлично». Студенткой гуманитарного факультета НГУ я слушала лекции профессора Соскина по истории СССР и истории советской культуры, а также посещала ряд спецкурсов. К моменту поступления в аспирантуру НГУ изучение истории науки и образования как неотъемлемой части истории советской культуры стало одним из научных направлений сектора истории культурного строительства под руководством В.Л. Соскина в ИИФФ. Тема моего исследования в аспирантуре была определена как изучение научных кадров Сибирского отделения АН СССР/РАН. С тех пор тема персональных историй выдающихся ученых и их научного наследия, а также ряд других актуальных проблем истории науки находятся в сфере моих научных интересов. Этой публикацией я хотела почтить память моего научного руководителя профессора В.Л. Соскина.

Предпосылки формирования научной школы профессора В.Л. Соскина. Ответ, почему история науки и образования стала изучаться в ИИФФ, можно найти в биографии В.Л. Соскина¹. Выпускник Ленинградского университета преподавал в вузах Кемерово и Новосибирска и защитил кандидатскую диссертацию в тот же год, когда было организовано Сибирское отделение АН СССР (1957). Варлен Львович являлся непосредственным участником становления Новосибирского научного центра (ННЦ) и ученым секретарем (с 1959) Постоянной комиссии по общественным наукам (ПКОН) при Президиуме СО АН СССР. Первым опытом изучения академической науки стала подготовка в составе авторов популярной книги о достижениях ННЦ² как сотрудника Отдела гуманитарных исследований Института экономики и организации промышленного производства (ИЭОПП). Через несколько лет на основе потенциала отдела возник самостоятельный гуманитарный институт – ИИФФ.

В.Л. Соскин вместе с супругой Анной Наумовной стоял у истоков гуманитарного факультета НГУ и его исторического отделения. В качестве доцента, а затем профессора Варлен Львович читал часть курса по истории СССР. Его лекции по истории культуры, спецкурсы по истории интеллигенции России пользовались большой популярностью среди студентов. Увлеченность профессора своим предметом передавалась студентам – часть из них шла в спецсеминар профессора Соскина, чтобы подготовить дипломное исследование. Всего под его руководством за десятилетия преподавательской деятельности прошли подготовку свыше 130 студентов НГУ. На этапе поступления в аспирантуру или оформления соискательства выпускник вуза должен был предварительно определиться с темой научного исследования – основы будущей кандидатской диссертации. Под научным руководством В.Л. Соскина защитили кандидатские диссертации около 40 человек. Ю.Г. Марченко, А.Л. Посадков, С.А. Красильников, Е.Т. Артемов, Е.Г. Водичев впоследствии стали докторами наук.

Значимая веха научной деятельности В.Л. Соскина – участие в становлении первого академического института гуманитарного профиля в Новосибирске – ИИФФ (1966.) Историографом эволюции этого НИИ (из которого впоследствии выделились четыре института, включая Институт истории СО РАН) и его научных школ является сам В.Л. Соскин как непосредственный участник процесса. В ряде своих публикаций он раскрыл трудности организационного периода, показал роль ключевых фигур в создании ИИФФ, а также охарактеризовал динамику превращения Новосибирска в один из ведущих центров в изучении культуры³.

¹ Новосибирский национальный исследовательский государственный университет. Гуманитарный факультет. Профессора. Доктора наук – выпускники факультета. Персональный состав (1962–2012). Новосибирск, 2012. С. 139–141.

² Новосибирский научный центр. Новосибирск, 1962.

³ Соскин В.Л. У истоков академической гуманитарной науки в Новосибирске // Гуманитарные науки в Сибири. 1997. № 2. С. 34–38; Соскин В.Л. Новосибирский научный центр: исследования по новейшей отечественной истории. Очерк истории и историографии: учеб. пособие. Новосибирск, 2008.

Необходимо отметить благоприятные условия для формирования научных школ в ННЦ. На базе гуманитарного института сформировалась система воспроизводства научных кадров. Ее отличительной особенностью стало то, что наряду с подготовкой специалистов высшей квалификации через аспирантуру и соискательство она включила в себя сферу высшего образования. Ключевая роль в подготовке новой генерации специалистов принадлежала гуманитарному факультету НГУ, выпустившему первых питомцев в 1967 г. По существу, к концу 1960-х гг. на базе ИИФФ и гуманитарного факультета НГУ сформировался единый научно-учебный комплекс, что обеспечило развитие существующих и новых научных направлений⁴.

Своеобразным вызовом для формирующегося гуманитарного сообщества являлась подготовка многотомной «Истории Сибири». Организованная сотрудниками ПКОН в 1960 г. первая Всесибирская конференция историков приняла решение приступить к подготовке этого издания. Только координация специалистов из НИИ и вузов региона могла осуществить эти замыслы. В.Л. Соскин в этой координации сыграл ключевую роль как ответственный секретарь Главной редколлегии «Истории Сибири». В ходе работы произошла консолидация научных сил региона, в том числе и по проблемам изучения культуры. Своеобразной апробацией текстов многотомника были тематические выпуски серии «Материалы по истории Сибири», в которых Варлен Львович опубликовал ряд статей по истории сибирской науки в первые годы нэпа и развития высшей школы Сибири в 1920-е гг.

Первый этап исследований В.Л. Соскина по проблемам истории культуры, образования и науки, который включал публикацию статей и докладов, монографии⁵, завершился в 1969 г. защитой докторской диссертации «Культурное строительство в Сибири (1917–1923 гг.)». На следующий год 45-летнему В.Л. Соскину было присвоено звание профессора по кафедре истории СССР в НГУ, а в институте было предложено возглавить сектор истории культурного строительства⁶ как одному из лидеров в изучении советской культуры. В обобщении вопросов теории и методологии культуры В.Л. Соскин поднялся до уровня таких ведущих культурологов страны, как М.П. Ким, В.Т. Ермаков, Л.М. Зак, С.А. Федюкин и др. Таким образом, в Новосибирске были созданы предпосылки для активного формирования и развития научной школы по истории культуры.

Тематика исследований научной школы в 1970-е гг. По признанию В.Л. Соскина, в 1970-е гг. «история интеллигенции заняла в работе сектора приоритетное место»⁷. Это видно по тематике работ сотрудников сектора: Юрий Григорьевич Марченко изучал культурный уровень сибирских рабочих; Альбина Павловна Мелентьева – культурное строительство в деревне; Татьяна Николаевна Осташко выбрала объектом исследования сельскую интеллигенцию; Сергей Александрович Красильников сосредоточился на изучении роли интеллигенции в установлении советской власти. В отдельные годы в секторе работали также Ирина Александровна Горюшкина, которая изучала театральную жизнь Сибири, Марина Григорьевна Шуряк, специалист по истории музыкальной культуры региона. Проведение в Новосибирске первой Всесоюзной научной конференции «Советская интеллигенция и ее роль в строительстве коммунизма» с участием академика М.П. Кима (1979) стало признанием ИИФФ как одного из центров изучения интеллигенции и культуры в стране. Сектор В.Л. Соскина выступил главным организатором этой конференции, сотрудники были задействованы в подготовке издания ее материалов и библиографического указателя.

Уже в первые годы работы сектора наметилось развитие науковедческой тематики: канд. ист. наук Нинель Антоновна Дедюшина продолжила тему истории академических

⁴ Куперштох Н.А. Становление и развитие исторических исследований в Сибири: к 40-летию основания Института истории, филологии и философии СО АН СССР // Гуманитарные науки в Сибири. Сер.: Отечественная история. 2006. № 2. С. 56.

⁵ Соскин В.Л. Очерки истории культуры Сибири в годы революции и Гражданской войны (конец 1917 – начало 1921 гг.). Новосибирск, 1965.

⁶ В дальнейшем сектор менял названия и назывался «сектор истории советской культуры», «сектор истории социально-культурного развития» Института истории СО РАН.

⁷ Соскин В.Л. Новосибирский научный центр... С. 96.

учреждений в Сибири и Западно-Сибирского филиала АН СССР, Людмила Игоревна Пыстина приступила к изучению научно-технической интеллигенции (рис. 1). Тема истории науки и образования пока сводилась к отдельным публикациям. В издании, посвященном 250-летию Академии наук СССР⁸, В.Л. Соскин опубликовал статью «Академия наук и Сибирь в первое десятилетие советской власти», Н.А. Дедюшина – статью «Академия наук и проблемы Урало-Кузбасса».

Рис. 1. Сотрудники сектора, ИИФФ. Слева направо: Н.А. Дедюшина, И.А. Горюшкина, Т.Н. Осташко, В.Л. Соскин, Ю.Г. Марченко, А.П. Мелентьева, Л.И. Пыстина, начало 1970-х гг.

Позже к проблеме изучения научно-образовательного потенциала подключились новые сотрудники сектора: Евгений Тимофеевич Артемов выбрал тему истории академической науки Сибири⁹; Евгений Григорьевич Водичев проявил интерес к проблеме международных связей Сибирского отделения; Наталья Александровна Куперштох приступила к изучению проблемы кадров академической науки (рис. 2). Большую часть сотрудников сектора составили выпускники НГУ, подготовленные к исследовательской работе в процессе обучения в вузе. Обязанности старших лаборантов выполняли Ольга Ильинична Зубарева, затем Ольга Алексеевна Орлова.

Развитие различных аспектов проблемы образования и науки можно проследить в первых кандидатских диссертациях, выполненных под научным руководством В.Л. Соскина. Е.Ф. Курочкина изучала становление науки в Сибири в 1920-е годы, Л.Г. Баландина показала проблемы перестройки технической школы Западной Сибири в довоенный период, В.А. Миндолин¹⁰ проанализировал подготовку кадров в вузах, техникумах и на рабфаках в первое десятилетие советской власти, И.Н. Бернштейн выявил тенденции развития общеобразовательной школы Красноярского края в конце 1950-х – первой половине 1960-х гг.

Подготовка кадров в научной школе профессора В.Л. Соскина осуществлялась следующим образом. В его спецсеминаре студенты получали навыки исследовательской работы при подготовке дипломной работы. Большинство молодых специалистов после окончания вуза поступали в аспирантуру (или оформляли соискательство) и определялись с темой кандидатской диссертации. Формой презентации промежуточных результатов являлись доклады на конференциях, статьи в периодических изданиях и научных сборниках. Обяза-

⁸ Академия наук и Сибирь. 1917–1977. Новосибирск, 1977.

⁹ Д-р ист. наук Е.Т. Артемов работает в Институте истории и археологии (ИИиА) Уральского отделения АН СССР/РАН (с 1988). Директор ИИиА в 2013–2018 гг., ныне главный научный сотрудник этого института.

¹⁰ В.Л. Соскин сожалел, что В.А. Миндолин с его задатками ученого-исследователя выбрал деятельность в партийных структурах.

тельным условием перед очередной аттестацией (в зависимости от места подготовки) были доклады аспирантов и соискателей на заседаниях кафедры истории СССР / отечественной истории в НГУ или на заседаниях сектора в ИИФФ (позднее – в Институте истории СО РАН). В ходе обсуждения определялись «болевые» точки работы над темой, высказывались определенные рекомендации. Рукопись диссертации также подвергалась неоднократному рецензированию – как научным руководителем, так и сотрудниками сектора/кафедры.

Рис. 2. Сотрудники сектора, ИИФФ. Слева направо: Т.Н. Осташко, С.А. Красильников, Е.Г. Водичев, О.И. Зубарева, В.Л. Соскин, Е.Т. Артемов, 1980-е гг.

Необходимо отметить, что в изучении советской науки уже с конца 1960-х гг. наметились динамичные перемены. Развитие науковедения осуществлялось на междисциплинарной основе и сопровождалось появлением нового понятийного аппарата. Наука стала рассматриваться как социальный институт, научный потенциал – как система материально-технических, финансовых, информационных, кадровых составляющих. Вместо «научной интеллигенции» стали говорить «научные кадры» (один из примеров их изучения методами статистики – издание 1979 г.¹¹). Первым новосибирским социологом, осознавшим перспективность новых подходов в изучении науки как социального института, оказался доцент НГУ Л.Ф. Лисс. Однако историкам еще предстояло адаптировать эти дефиниции, чтобы изучать науку как социальный институт в его взаимодействии с обществом.

Науковедческие исследования в 1980-е – начале 1990-х гг. С начала 1980-х гг. фиксируется интерес самого Варлена Львовича и его учеников к проблеме изучения образования и науки как социального института. В.Л. Соскин спустя десятилетия вспоминал: «<...> стыдно было бы в Городке не заниматься историей науки, понимаемой не как свод научных данных, а как социальное оформление науки. То есть условий, в которых работает ученый. И так появилась тема “научной интеллигенции”, которая завоевывала более высокие позиции»¹². Базовым фундаментом для такого вывода, конечно же, послужили размышления В.Л. Соскина на тему новых подходов к изучению культуры, включая системный подход. По мнению В.Г. Рыженко и В.Ш. Назимовой, это «позволило определить методологические основания истории культуры XX века как части исторического процесса освоения Сибири и обозначить в качестве объекта изучения духовный потенциал региона, состоящий из самостоятельных блоков (наука, образование, художественное творчество, нравственно-эстетические ценности)»¹³.

¹¹ Романов А.К., Андросова Л.А., Фелингер А.Ф. Научные кадры Сибирского отделения АН СССР: методы и результаты статистического исследования. Новосибирск, 1979.

¹² ГУМФАКиЯ 60–70-х годов XX века: воспоминания наших учителей и выпускников. Новосибирск, 2022. С. 57.

¹³ Рыженко В.Г., Назимова В.Ш. Историк советской культуры в современном пространстве интеллектуальных диалогов: выбор и позиция Мастера // Личность. Культура. Общество: сб. науч. ст. к 85-летию проф. В.Л. Соскина. Новосибирск, 2010. С. 21.

Своеобразным импульсом к развитию науковедческого направления в исторических исследованиях стало 25-летие Сибирского отделения АН СССР. Совместные усилия сотрудников сектора В.Л. Соскина, других подразделений института, Президиума СО АН СССР обеспечили выход «Хроники»¹⁴ и «Персонального состава»¹⁵ в 1982 г. Издания стали настольными книгами для ученых-организаторов, специалистов в сфере управления наукой. Опыт участия в справочных изданиях оказался полезен для исследователей при подготовке документальных сборников, энциклопедических изданий и т.п. Если попытки переиздания «Хроники» более не предпринимались, то «Персональный состав» Сибирского отделения был издан с учетом актуальных изменений в 2007 и 2022 гг.

Одно дело – создать необходимый документальный и справочный задел, и совсем другое – определиться с методологической основой изучаемого явления, освоить понятийный аппарат смежных наук, адаптировать его к историческим исследованиям. В середине 1980-х гг. в научной школе В.Л. Соскина начинается движение в этом направлении, о чем можно судить по тематике статей в сборнике с участием историков и социологов¹⁶. Л.Ф. Лисс раскрыл суть базовых понятий – социального института науки и научного потенциала, обозначил основные возможности историко-социологического анализа. В.Л. Соскин и Е.Г. Водичев в рамках исторического подхода предложили рассматривать организацию науки как единство двух процессов – управленческого воздействия общества на социальный институт науки и реакции последнего на это воздействие. Такая постановка задачи позволила изучать управленческое воздействие общества на социальный институт науки, проявляющееся в научной политике, и исследовать результат этого воздействия, т.е. состояние научного потенциала в определенный исторический период. Данная концепция позволила реализовать основное требование исторического исследования – показать процесс от замысла до реализации. В этой парадигме были подготовлены диссертационные работы и монографии Е.Т. Артемова, Е.Г. Водичева, Н.А. Куперштох, других представителей научной школы профессора Соскина.

В 1980-е – начале 1990-х гг. в Новосибирске сформировался сильный коллектив историков-науковедов. Опубликованы монографии: В.Л. Соскина – о кардинальных переменах в науке, вызванных революцией 1917 года¹⁷; С.А. Красильникова и В.Л. Соскина – об интеллигенции Сибири в период социальных катаклизмов¹⁸; Л.И. Пыстиной – о деятельности научно-технической интеллигенции¹⁹; Е.Т. Артемова – о формировании сети академических учреждений в Сибири²⁰; Е.Г. Водичева – о международном сотрудничестве сибирских ученых²¹. В центральных журналах вышли статьи Е.Т. Артемова и В.Л. Соскина о развитии Сибирского отделения АН СССР, С.А. Красильникова – о результатах исследования академической когорты Сибири.

Под редакцией профессора Соскина опубликована серия сборников с подведением историографических итогов, раскрытием сущностных характеристик культурного и научно-образовательного сегментов²². Как правило, авторами статей в сборниках являлись сотрудники сектора и института, аспиранты, специалисты по истории образования и науки из других регионов. В то же время тематика не замыкалась на исторических исследованиях, а уже по традиции включала статьи социологов и философов. Так, в сборнике «Формы орга-

¹⁴ Академия наук СССР. Сибирское отделение. Хроника: 1957–1982 гг. Новосибирск, 1982.

¹⁵ Академия наук СССР. Сибирское отделение. Персональный состав: 1957–1982 гг. Новосибирск, 1982.

¹⁶ Развитие науки в Сибири: методология, историография, источниковедение. Новосибирск, 1986.

¹⁷ Соскин В.Л. Сибирь, революция, наука. Новосибирск, 1989.

¹⁸ Красильников С.А., Соскин В.Л. Интеллигенция Сибири в период борьбы за победу и утверждение советской власти (1917 – лето 1918 гг.). Новосибирск, 1985.

¹⁹ Пыстина Л.И. Общественные организации научно-технической интеллигенции Сибири (20–30-е гг.). Новосибирск, 1987.

²⁰ Артемов Е.Т. Формирование сети научных учреждений АН СССР в Сибири 1944–1980 гг. Новосибирск, 1990.

²¹ Водичев Е.Г. Формирование и развитие международных связей академической науки в Сибири. Новосибирск, 1990.

²² Высшая школа и научно-педагогические кадры Сибири (1917–1941 гг.). Новосибирск, 1980; Формы организации науки в Сибири. Исторический аспект. Новосибирск, 1988; Социально-исторические аспекты организации науки в Сибири. Новосибирск, 1989; Кадры науки советской Сибири: проблемы истории. Новосибирск, 1991.

низации науки...» опубликованы статьи Л.Ф. Лисса о структуре социального института науки, Е.В. Семенова – о социальной организации науки. Такое междисциплинарное взаимодействие помогало историкам овладеть методологией исторического исследования применительно к своей теме, особенно это было важным для аспирантов.

В этот период под руководством В.Л. Соскина защитили кандидатские диссертации несколько выпускников аспирантуры. Е.И. Киселева изучила развитие общеобразовательной школы Западной Сибири в условиях перехода к всеобщему среднему образованию, Н.Г. Якушина рассмотрела подготовку педагогических кадров применительно к этому процессу, Н.П. Коробкова проследила развитие высшего образования в Западной Сибири в послевоенное десятилетие, Л.А. Вишнякова изучила государственное управление наукой Западной Сибири, Г.В. Шойдина обратилась к проблеме организации сельскохозяйственных исследований региона, А.П. Воробьев выявил общие особенности развития всей отраслевой науки Сибири в середине 1950-х–1960-е гг., С.С. Малетин рассмотрел проблемы взаимодействия академической науки с производством. В дальнейшем «остепененные» специалисты в большинстве своем пополнили профессорско-преподавательский состав вузов Сибири.

В целом можно отметить, что в советский период профессор Соскин и его ученики осуществили самый настоящий прорыв в изучении истории научно-образовательного потенциала региона. Наука и образование, рассматриваемые не сами по себе, а как социальные институты, позволили системно изучать этот феномен, в том числе в междисциплинарном аспекте. Представителями научной школы В.Л. Соскина были опубликованы монографии и статьи, защищены кандидатские и докторские диссертации. Изучение проблем образования и науки с начала 1970-х и до начала 1990-х гг. расширило тематический спектр исследований, хотя и выполненных в рамках советской парадигмы. Достижения историографии заключались в разработке новых подходов, направлений и тем. Однако в силу ограниченного доступа ко многим источникам исследователи не могли раскрыть причины обострившихся противоречий в культурной сфере, включая науку и образование.

В период перестройки ученые-гуманитарии получили возможность открыто высказаться о тех проблемах советского общества, которые их волновали. Новосибирских историков В.Л. Соскина и С.А. Красильникова пригласили опубликоваться в сборнике «Историки спорят. 13 бесед» (М., 1988). В своей статье (в соавторстве с Б.С. Илизаровым) они подвергли критическому осмыслению суть культурной революции в СССР. Определенный общественный резонанс вызвал круглый стол о последствиях сталинизма в культуре, организованный историками ИИФФ, а также концептуальная статья В.Л. Соскина о проблемах взаимодействия науки и общества и изучении социальной истории науки («Известия СО АН СССР», 1990, вып. 1; 1991, вып. 1).

Новые тенденции в изучении науки и образования в 1990-е гг. С распадом СССР в исторических исследованиях наступил кардинальный перелом. В первой половине 1990-х гг. можно было наблюдать несколько поведенческих стратегий ученых-гуманитариев. В отличие от тех, кто с небывалой активностью кинулся обличать пороки советской системы, большинство все же полагали, что наработанный потенциал советского периода нельзя отрицать полностью. Можно было критиковать систему управления наукой, но нельзя было отказаться от признания мировым сообществом результатов советских ученых в области физики, математики, химии, других научных дисциплин. Становилось все более очевидным, что в рамках прежней советской парадигмы работать уже невозможно, следует попытаться осмыслить свои наработки в свете новых документов, а также достижений современной историографии.

Для сотрудников сектора истории советской культуры своеобразным рубежом в исследованиях стала подготовка и участие в работе Всероссийской научной конференции «Роль науки в освоении восточных районов страны» (Новосибирск, 1992), которая наметила примерные ориентиры в изучении проблемы. До этого дискуссионными площадками служили конференции, проводимые в Свердловске, Омске, Кемерово.

Попытки переосмысления советского опыта содержатся в статьях, опубликованных в сборнике 1992 г.²³ В.Л. Соскин проанализировал причины деформаций в истории культуры после революции 1917 г., Е.Г. Водичев подверг критике основные советские постулаты в отношении науки, С.А. Красильников (в соавторстве) раскрыл механизм идеологических кампаний в Сибири на примере «лузинщины». В 1990-е гг. опубликованы монографии: Л.И. Пыстиной – с анализом социально-правового положения так называемых буржуазных специалистов²⁴; Е.Г. Водичева – с обобщением тенденций развития академической, вузовской, отраслевой науки в Сибирском регионе²⁵; Н.А. Куперштох – с результатами изучения научных кадров СО АН СССР²⁶.

Основные методологические подходы научной школы профессора Соскина в изучении культуры, науки и образования разделяли омские ученые-культурологи В.Г. Рыженко, В.Ш. Назимова, В.П. Корзун и др. Так, Омский государственный университет выступил организатором ряда конференций по проблемам изучения социально-культурных процессов в Сибири²⁷ с активным участием новосибирских ученых. В свою очередь, на проводимых конференциях в Новосибирске всегда можно было услышать доклады омских коллег. Они являлись также авторами статей во многих сборниках, выходящих в Институте истории СО РАН. Отметим, что со временем д-р ист. наук В.П. Корзун в изучении науки вышла за рамки региона и ныне является одним из ведущих исследователей истории Российской академии наук, а также истории отечественной исторической науки²⁸.

Рис. 3. Сотрудники сектора, ИИ СО РАН. Первый ряд, слева направо: Т.Н. Осташко, Н.А. Куперштох, Л.И. Пыстина. Второй ряд, слева направо: С.А. Красильников, Е.Г. Водичев, В.Л. Соскин, 1995 г.

Рубежным в истории сектора В.Л. Соскина является 1995 год, когда сразу несколько сотрудников повысили свой квалификационный уровень. Докторские диссертации в форме научных докладов защитили С.А. Красильников и Е.Г. Водичев, кандидатскую – Н.А. Куперштох (рис. 3). В этом же году произошло еще одно знаменательное событие: в возрасте 70 лет В.Л. Соскин сложил с себя полномочия заведующего сектором, которые он выполнял

²³ Советская история: проблемы и уроки. Новосибирск, 1992.

²⁴ Пыстина Л.И. «Буржуазные специалисты» в Сибири в 1920-х – начале 1930-х годов (социально-правовое положение и условия труда). Новосибирск, 1999.

²⁵ Водичев Е.Г. Путь на восток. Формирование и развитие научного потенциала Сибири. Новосибирск, 1994.

²⁶ Куперштох Н.А. Кадры академической науки Сибири (середина 1950-х – 1960-е гг.). Новосибирск, 1999.

²⁷ Рыженко В.Г. Омские историко-культурные исследования 1980–1990-х гг.: тенденции и характерные черты // Вестник Омского университета. 1997. Вып. 3. С. 5–10.

²⁸ Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: вторая половина 1940-х – середина 1950-х гг. М., 2011.

в течение четверти века, и рекомендовал на эту должность д-ра ист. наук С.А. Красильникова. В должности главного научного сотрудника В.Л. Соскин работал в институте до 2012 г., при этом не прекращал преподавательскую деятельность в НГУ, осуществлял подготовку специалистов по истории культуры, науки и образования.

Изучение научно-образовательного потенциала в XXI в. В первое десятилетие нового века профессор Соскин сосредоточился на подготовке монографий по истории культуры, образования и науки²⁹, которые обогатили историографию новыми теоретическими выкладками о роли этих социальных институтов в истории страны. Подводя некоторые итоги научных исследований коллектива ИИФФ – Института истории СО РАН³⁰, Варлен Львович не пытался перечеркнуть достижения историографии предшествующих лет, а объяснял, что в советский период выводы советских историков были обусловлены теми социально-политическими реалиями, в которые они жили. Профессор Соскин также выступил ответственным редактором сборника статей по истории интеллигенции³¹, а в опубликованной в этом сборнике статье впервые рассмотрел вопрос об антисемитизме в СССР в преломлении к своей биографии. К 85-летию В.Л. Соскина его ученики и коллеги подготовили сборник статей³², в котором представлено тематическое многообразие направлений по изучению культуры, образования и науки, к развитию которых был причастен Варлен Львович.

В монографиях анализировались проблемы научной политики СССР в условиях индустриальной парадигмы (Е.Т. Артемов³³, Е.Г. Водичев³⁴). Освоены новые сюжеты дискриминации так называемых буржуазных специалистов (В.Л. Соскин, Л.И. Пыстина), репрессий среди ученых (С.А. Красильников), последствий внутринаучных коллизий для научного сообщества (Н.А. Куперштох). Важной страницей является деятельность ученых в годы Великой Отечественной войны и история формирования Западно-Сибирского филиала АН (Т.Н. Осташко³⁵, Л.И. Пыстина, Н.А. Куперштох). В целом в историографии сделан важный вывод о формировании базовой модели советской науки как результата адаптации социального института науки к мобилизационной парадигме (рис. 4).

Особое место в научной школе профессора Соскина занимает изучение истории Сибирского отделения как крупнейшего научного комплекса Академии наук на востоке страны. Исследовательский контент включает определение новаторских принципов его создания, характеристику организаторов-лидеров – академиков М.А. Лаврентьева, С.Л. Соболева, С.А. Христиановича, формирование уникального этоса научного сообщества в новосибирском Академгородке, восприятие новаций советской системы зарубежной историографией. Проблема изучения научных кадров трансформировалась в историю персональных историй ученых – организаторов науки, а также их научного наследия через систему «именных» институтов³⁶.

Наиболее полным сводом достижений регионального отделения является «Исторический очерк», подготовленный к 50-летию СО РАН³⁷ авторским коллективом с участием С.А. Красильникова и Е.Г. Водичева. Монография Н.А. Куперштох о становлении научных

²⁹ Соскин В.Л. Формирование советской системы высшего образования: Очерк социальной истории. Первый этап (1917–1927 гг.) Новосибирск, 2000; Соскин В.Л. Высшее образование и наука в Советской России: первое десятилетие. 1917–1927 гг. Новосибирск, 2000; Соскин В.Л. Российская советская культура. Очерки социальной истории. Новосибирск, 2004.

³⁰ Соскин В.Л. Новосибирский научный центр...

³¹ Интеллигенция восточных регионов России в первой половине XX века: сб. науч. трудов. Новосибирск, 2011.

³² Личность. Культура. Общество: сб. науч. ст. к 85-летию профессора В.Л. Соскина. Новосибирск, 2010.

³³ Артемов Е.Т. Научно-техническая политика в советской модели позднеиндустриальной модернизации. М., 2006.

³⁴ Водичев Е.Г. Наука на востоке СССР в условиях индустриальной парадигмы. Новосибирск, 2012.

³⁵ Осташко Т.Н. Наука и ученые Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 2002.

³⁶ Куперштох Н.А. Очерки о лидерах академической науки Сибири. Новосибирск, 2011; Куперштох Н., Крайнева И. Их именами названы институты Новосибирского научного центра. Новосибирск, 2022.

³⁷ Российская академия наук. Сибирское отделение. Исторический очерк. Новосибирск, 2007.

центров СО РАН³⁸, сборник документов по истории организационного периода³⁹, «Персональный состав» 2007 года⁴⁰ дополнили цикл работ, опубликованных к юбилею Отделения в 2007 г.

Рис. 4. В день 80-летнего юбилея профессора В.Л. Соскина.
Слева направо: Н.П. Коробкова, Е.Т. Артемов, Н.А. Куперштох, В.Л. Соскин, 2005 г.

К 65-летию Сибирского отделения издан новый «Персональный состав», который включает статьи об ученых СО РАН, СО РАМН и СО РАСХН. После реформы РАН 2013 г. отраслевые академии медицинского и сельскохозяйственного профилей были присоединены к Российской академии наук, что повлекло существенный прирост численности ученых в академическом статусе. Поэтому издание 2022 г. вышло в двух томах: первый том посвящен действительным членам РАН, второй – членам-корреспондентам РАН⁴¹. В подготовке издания, как и в 2007 г., приняли участие ученики В.Л. Соскина – сотрудники ИИ СО РАН. В Предисловии к изданию 2022 г. С.А. Красильников проанализировал изменения академического корпуса сибирской науки на протяжении 65 лет.

Одной из центральных проблем историографии является изучение научно-образовательного потенциала как социального феномена. Эту важную для общества тему развивают в своих работах не только непосредственные ученики В.Л. Соскина – С.А. Красильников, Е.Г. Водичев, Н.П. Коробкова, Н.А. Куперштох, но также молодое поколение историков – Ю.И. Узбекова, С.Н. Ушакова, В.А. Выборнова, Д.И. Муренко и др. Рассмотрены факторы, повлиявшие на формирование НГУ как исследовательского вуза⁴², деятельность высшей школы в условиях системных трансформаций⁴³ и др. Эти исследования были бы неполными без выпуска тематических сборников статей по отдельным проблемам развития науки и образования⁴⁴, а также сборников документов⁴⁵ и научно-справочных изданий. К числу последних относится многотомное издание о профессорах НГУ, опубликованное

³⁸ Куперштох Н.А. Научные центры Сибирского отделения РАН. Новосибирск, 2006.

³⁹ Сибирское отделение Российской академии наук: создание (1957–1961 годы): сб. док-тов. Новосибирск, 2007.

⁴⁰ Российская академия наук. Сибирское отделение: Персональный состав. Новосибирск, 2007.

⁴¹ Российская академия наук. Сибирское отделение: Персональный состав: в 2 т. 2-е изд., перераб. и доп. Новосибирск, 2022. Т. 1. Действительные члены; Т. 2. Члены-корреспонденты.

⁴² Аблажей Н.Н., Красильников С.А., Водичев Е.Г. Новосибирский государственный университет: создание, становление, развитие (1959–2019). Новосибирск, 2019.

⁴³ Водичев Е.Г., Лисс Л.Ф., Узбекова Ю.И. Высшая школа в условиях системных трансформаций: сравнительно-исторический аспект. Новосибирск, 2013.

⁴⁴ Научно-образовательный потенциал Сибири в первой половине XX в.: динамика и механизмы развития. Новосибирск, 2009.

⁴⁵ Наука и ученые в восточных районах России в условиях мобилизационной парадигмы (1930-е – начало 1950-х годов): сб. док-тов. Новосибирск, 2021.

в 2012–2022 гг., составителями которого являются Н.Н. Аблажей, С.А. Красильников, С.Н. Ушакова.

Заключение. Выводы нашего исследования сводятся к следующему. Становление научной школы профессора В.Л. Соскина происходило в тот период, когда для ее формирования в ННЦ сложились благоприятные условия. Институциональной привязкой школы В.Л. Соскина являлись сектор в академическом институте (ИИФФ) и профильная кафедра в вузе (НГУ). В спецсеминаре профессора Соскина студенты получали возможность определиться с темой дипломного исследования в соответствии со своими интересами. Существовала вариативность подготовки молодых ученых – очная и заочная аспирантура, соискательство. На этом этапе намечалась тема будущей диссертационной работы. И хотя не все защищали диссертацию в отведенные сроки, в целом результативность научной школы профессора Соскина была высокой: большинство молодых специалистов, прошедших подготовку, представляли кандидатскую диссертацию к защите.

В научной школе профессора Соскина по истории культуры были достигнуты существенные результаты в виде монографий, диссертаций, актуальных статей. Одновременно наметились «ростки» нового направления по истории науки и образования, которое неизбежно должно было возникнуть в таком крупном научном центре, как ННЦ. Если в 1970-е гг. магистральным направлением сектора являлась история культуры и интеллигенции, то в следующем десятилетии вполне отчетливо обозначился вектор на изучение науки и образования как социального института во взаимодействии с обществом. Выработать методологию и новые подходы в его изучении помогла междисциплинарная кооперация историков, социологов, философов. Именно в этой парадигме формировались исследовательские практики учеников В.Л. Соскина, ставших признанными специалистами в научном сообществе: С.А. Красильникова, Е.Т. Артемова, Е.Г. Водичева и др.

В постсоветский период осмысление прежнего опыта развития науки и образования пошло по пути обращения к новым источникам, освоения контента современной отечественной и зарубежной историографии, выработки современной теоретико-методологической основы исследований. Это позволило изучать составляющие научно-образовательного потенциала Сибирского региона под новым углом зрения. Такие темы, как научная политика и управление, сеть учреждений, формы подготовки специалистов, взаимодействие науки и производства и др., продолжают пополняться новыми исследовательскими сюжетами. Среди направлений XXI в. можно отметить изучение репрессивной политики в отношении ученых и профессорско-преподавательских кадров в советский период, адаптации научного сообщества к мобилизационным практикам и др., что расширяет представления о взаимодействии науки и общества на определенном историческом этапе.

Важным свидетельством признания результатов научной школы профессора Соскина является то обстоятельство, что ее представители становятся участниками крупных проектов: «Исторической энциклопедии Сибири», изданий к юбилейным датам Сибирского отделения РАН, изданий к юбилейным датам Новосибирского университета, являются авторами разделов по истории культуры, науки и образования в готовящемся к изданию 4-м томе «Истории Сибири».

Автор выражает благодарность Татьяне Николаевне Осташко за предоставленные фотоиллюстрации и ценные замечания, высказанные в ходе подготовки статьи.

Литература

Аблажей Н.Н., Красильников С.А., Водичев Е.Г. Новосибирский государственный университет: создание, становление, развитие (1959–2019). Новосибирск: НГУ, 2019. 404 с.

Академия наук и Сибирь. 1917–1977 / отв. ред. А.П. Окладников. Новосибирск: Наука, 1977. 320 с.

Академия наук СССР. Сибирское отделение. Персональный состав: 1957–1982 гг. / отв. ред. В.Л. Макаров. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1982. 122 с.

Академия наук СССР. Сибирское отделение. Хроника: 1957–1982 гг. / отв. ред. В.Л. Макаров. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1982. 337 с.

Артемов Е.Т. Формирование сети научных учреждений АН СССР в Сибири 1944–1980 гг. Новосибирск: Наука, 1990. 185 с.

Артемов Е.Т. Научно-техническая политика в советской модели позднеиндустриальной модернизации. М.: РОССПЭН, 2006. 256 с.

Водичев Е.Г. Формирование и развитие международных связей академической науки в Сибири. Новосибирск: Наука, 1990. 224 с.

Водичев Е.Г. Путь на восток. Формирование и развитие научного потенциала Сибири. Новосибирск: Экор, 1994. 203 с.

Водичев Е.Г. Наука на востоке СССР в условиях индустриальной парадигмы. Новосибирск: Гео: ИНГГ СО РАН, 2012. 346 с.

Водичев Е.Г., Лисс Л.Ф., Узбекова Ю.И. Высшая школа в условиях системных трансформаций: сравнительно-исторический аспект. Новосибирск: Гео, 2013. 392 с.

Высшая школа и научно-педагогические кадры Сибири (1917–1941 гг.) / отв. ред. В.Л. Соскин. Новосибирск: Наука, 1980. 368 с.

ГУМФАКиЯ 60–70-х годов XX века: воспоминания наших учителей и выпускников / сост.: С.А. Красильников, И.С. Кузнецов, Г.Г. Пиков. Новосибирск: Манускрипт, 2022. 426 с.

Интеллигенция восточных регионов России в первой половине XX века. Сборник научных трудов / отв. ред. В.Л. Соскин. Новосибирск, 2011. 224 с.

Кадры науки советской Сибири: проблемы истории / отв. ред. В.Л. Соскин. Новосибирск: Наука, 1991. 220 с.

Красильников С.А., Соскин В.Л. Интеллигенция Сибири в период борьбы за победу и утверждение советской власти (1917 – лето 1918 гг.). Новосибирск: Наука, 1985. 255 с.

Куперштох Н.А. Кадры академической науки Сибири (середина 1950-х – 1960-е гг.). Новосибирск: СО РАН, 1999. 151 с.

Куперштох Н.А. Научные центры Сибирского отделения РАН. Новосибирск: Гео, 2006. 441 с.

Куперштох Н.А. Становление и развитие исторических исследований в Сибири: к 40-летию основания Института истории, филологии и философии СО АН СССР // Гуманитарные науки в Сибири. Сер.: Отечественная история. 2006. № 2. С. 55–59.

Куперштох Н.А. Очерки о лидерах академической науки Сибири. Новосибирск: Гео, 2011. 155 с.

Куперштох Н., Крайнева И. Их именами названы институты Новосибирского научного центра. Новосибирск: СО РАН, 2022. 320 с.

Личность. Культура. Общество. Сборник научных статей к 85-летию профессора В.Л. Соскина / отв. ред. Н.Н. Аблажей. Новосибирск: НГУ, 2010. 271 с.

Наука и ученые в восточных районах России в условиях мобилизационной парадигмы (1930-е – начало 1950-х годов): сб. док-тов / отв. ред. С.А. Красильников, Д.Г. Симонов. Новосибирск: Омега Принт, 2021. 516 с.

Научно-образовательный потенциал Сибири в первой половине XX в.: динамика и механизмы развития / отв. ред. С.А. Красильников. Новосибирск: НГУ, 2009. 250 с.

Новосибирский научный центр / под ред. Г.С. Мигиренко. Новосибирск: Изд-во СО АН СССР, 1962. 207 с.

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет. Гуманитарный факультет. Профессора. Доктора наук – выпускники факультета. Персональный состав (1962–2012) / отв. ред. Л.Г. Панин; сост. Н.Н. Аблажей, С.А. Красильников, С.Н. Ушакова. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2012. 346 с.

Осташко Т.Н. Наука и ученые Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск: НГУ, 2002. 153 с.

Пыстина Л.И. Общественные организации научно-технической интеллигенции Сибири (20–30-е гг.). Новосибирск: Наука, 1987. 221 с.

Пыстина Л.И. «Буржуазные специалисты» в Сибири в 1920-х – начале 1930-х годов (социально-правовое положение и условия труда). Новосибирск: СО РАН, 1999. 160 с.

Развитие науки в Сибири: методология, историография, источниковедение / отв. ред. В.Л. Соскин. Новосибирск: Наука, 1986. 203 с.

Романов А.К., Андросова Л.А., Фелингер А.Ф. Научные кадры Сибирского отделения АН СССР: методы и результаты статистического исследования. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние. 1979. 173 с.

Российская академия наук. Сибирское отделение. Исторический очерк / Е.Г. Водичев, С.А. Красильников, В.А. Ламин и др.; отв. ред. Н.Л. Добрецов, В.А. Ламин. Новосибирск: Наука, 2007. 510 с.

Российская академия наук. Сибирское отделение: Персональный состав / сост. Е.Г. Водичев, Г.М. Запорожченко, О.Н. Калинина и др.; отв. ред. В.М. Фомин. Новосибирск: Наука, 2007. 599 с.

Российская академия наук. Сибирское отделение: Персональный состав: в 2 т. / сост. Н.Н. Аблажей, С.А. Красильников, Н.А. Куперштох и др.; отв. ред. В.Н. Пармон. 2-е изд., перераб. и доп. Новосибирск: СО РАН, 2022. Т. 1. Действительные члены. 568 с.

Российская академия наук. Сибирское отделение: Персональный состав: в 2 т. / сост. Н.Н. Аблажей, С.А. Красильников, Н.А. Куперштох и др.; отв. ред. В.Н. Пармон. 2-е изд., перераб. и доп. Новосибирск: СО РАН, 2022. Т. 2. Члены-корреспонденты. 603 с.

Рыженко В.Г. Омские историко-культурные исследования 1980–1990-х гг.: тенденции и характерные черты // Вестник Омского университета. 1997. Вып. 3. С. 5–10.

Рыженко В.Г., Назимова В.Ш. Историк советской культуры в современном пространстве интеллектуальных диалогов: выбор и позиция Мастера // Личность. Культура. Общество: сб. науч. ст. к 85-летию профессора В.Л. Соскина / отв. ред. Н.Н. Аблажей. Новосибирск: НГУ, 2010. С. 12–28.

Сибирское отделение Российской академии наук: создание (1957–1961 годы): сб. док-тов / отв. ред. Е.Г. Водичев. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2007. 374 с.

Советская история: проблемы и уроки / отв. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск: Наука, 1992. 255 с.

Соскин В.Л. Очерки истории культуры Сибири в годы революции и Гражданской войны (конец 1917 – начало 1921 гг.). Новосибирск, 1965. 281 с.

Соскин В.Л. Сибирь, революция, наука. Новосибирск, 1989. 174 с.

Соскин В.Л. У истоков академической гуманитарной науки в Новосибирске // Гуманитарные науки в Сибири. 1997. № 2. С. 34–38.

Соскин В.Л. Формирование советской системы высшего образования: Очерк социальной истории. Первый этап (1917–1927 гг.) Новосибирск, 2000. 204 с.

Соскин В.Л. Высшее образование и наука в Советской России: первое десятилетие. 1917–1927 гг. Новосибирск, 2000. 120 с.

Соскин В.Л. Российская советская культура. Очерки социальной истории. Новосибирск, 2004. 452 с.

Соскин В.Л. Новосибирский научный центр: исследования по новейшей отечественной истории. Очерк истории и историографии: учеб. пособие. Новосибирск, 2008. 188 с.

Социально-исторические аспекты организации науки в Сибири. Сборник научных трудов / отв. ред. В.Л. Соскин. Новосибирск, 1989. 131 с.

Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: вторая половина 1940-х – середина 1950-х гг. / под ред. В.П. Корзун. М.: РОССПЭН, 2011. 471 с.

Формы организации науки в Сибири. Исторический аспект / отв. ред. В.Л. Соскин. Новосибирск: Наука, 1988. 223 с.

References

Ablazhey, N.N. (Ed.). (2010). *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo. Sbornik nauchnykh statey k 85-letiyu professora V.L. Soskina* [Personality. Culture, Society. Collection of Scientific Articles Dedicated to the 85th Anniversary of Professor V.L. Soskin]. Novosibirsk, NGU. 271 p.

Ablazhey, N.N., Krasilnikov, S.A., Vodichev, E.G. (2019). *Novosibirskiy gosudarstvennyy universitet: sozдание, stanovlenie, razvitie (1959–2019)* [Novosibirsk State University: Creation, Formation, Development (1959–2019)]. Novosibirsk, NGU. 404 p.

Artemov, E.T. (1990). *Formirovanie seti nauchnykh uchrezhdeniy AN SSSR v Sibiri 1944–1980 gg.* [Formation of a Network of Scientific Institutions of the USSR Academy of Sciences in Siberia 1944–1980]. Novosibirsk, Nauka. 185 p.

Artemov, E.T. (2006). *Nauchno-tekhnicheskaya politika v sovetskoy modeli pozdneindustrial'noy modernizatsii* [Scientific and Technological Policy in the Soviet Model of Late Industrial Modernization]. Moscow, ROSSPEN. 256 p.

Dobretsov, N.L., Lamin, V.A. (Ed.). (2007). *Rossiyskaya akademiya nauk. Sibirskoe otdelenie. Istoricheskiy ocherk* [Russian Academy of Sciences. Siberian Branch. Historical Essay]. Novosibirsk, Nauka. 510 p.

Fomin, V.M. (Ed.). Vodichev, E.G., Zaporozhchenko, G.M., Kalinina, O.N. (Comp.). (2007). *Rossiyskaya akademiya nauk. Sibirskoe otdelenie: Personal'nyy sostav* [Russian Academy of Sciences. Siberian Branch: Personnel]. Novosibirsk, Nauka. 599 p.

Korzun, V.P. (Ed.). (2011). *Transformatsiya obraza sovetskoy istoricheskoy nauki v pervoe poslevoyennoe desyatiletie: vtoraya polovina 1940-kh – seredina 1950-kh gg.* [Transformation of the Image of Soviet Historical Science in the First Post-War Decade: Second Half of the 1940s – Mid-1950s]. Moscow, ROSSPEN. 471 p.

Krasil'nikov, S.A., Kuznetsov, I.S., Piko, G.G. (Comp.). (2022). *GUMFAKiYa 60–70-kh godov XX veka: vospominaniya nashikh uchiteley i vypusknikov* [GUMFAKiYa 60s–70s of the 20th Century: Memoirs of Our Teachers and Graduates]. Novosibirsk, Manuscript. 426 p.

Krasil'nikov, S.A., Simonov, D.G. (Eds.). (2021). *Nauka i uchenye v vostochnykh rayonakh Rossii v usloviyakh mobilizatsionnoy paradigmy (1930-e – nachalo 1950-g godov): sbornik dokumentov* [Science and Scientists in the Eastern Regions of Russia in the Conditions of the Mobilization Paradigm (1930s – Early 1950s): A Collection of Documents]. Novosibirsk, Omega Print. 516 p.

Krasilnikov, S.A. (Ed.). (2009). *Nauchno-obrazovatel'nyy potentsial Sibiri v pervoy polovine XX v.: dinamika i mekhanizmy razvitiya* [Scientific and Educational Potential of Siberia in the First Half of the 20th Century: Dynamics and Mechanisms of Development]. Novosibirsk, NGU. 250 p.

Krasilnikov, S.A., Soskin, V.L. (1985). *Intelligentsiya Sibiri v period bor'by za pobedu i utverzhdenie sovetskoy vlasti (1917 – leto 1918 gg.)* [The Intelligentsia of Siberia during the Period of the Struggle for Victory and the Establishment of Soviet Power (1917 – Summer 1918)]. Novosibirsk, Nauka. 255 p.

Kupershtokh, N., Krayneva, I. (2022). *Ikh imenami nazvany instituty Novosibirskogo nauchnogo tsentra* [The Institutes of the Novosibirsk Scientific Center are Named after Them]. Novosibirsk, SO RAN. 320 p.

Kupershtokh, N.A. (1999). *Kadry akademicheskoy nauki Sibiri (seredina 1950-kh – 1960-e gg.)* [Personnel of Academic Science in Siberia (Mid-1950s – 1960s)]. Novosibirsk, SO RAN. 151 p.

Kupershtokh, N.A. (2006). *Nauchnye tsentry Sibirskogo otdeleniya RAN* [Scientific Centers of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences]. Novosibirsk, Geo. 441 p.

Kupershtokh, N.A. (2006). *Stanovlenie i razvitie istoricheskikh issledovaniy v Sibiri: k 40-letiyu osnovaniya Instituta istorii, filologii i filosofii SO AN SSSR* [Formation and Development of Historical Research in Siberia: To the 40th Anniversary of the Founding of the Institute of History, Philology and Philosophy of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri. Seriya: Otechestvennaya istoriya*. No. 2, pp. 55–59.

Kupershtokh, N.A. (2011). *Ocherki o liderakh akademicheskoy nauki Sibiri* [Essays on the Leaders of Academic Science in Siberia]. Novosibirsk, Geo. 155 p.

Makarov, V.L. (Ed.). (1982). *Akademiya nauk SSSR. Sibirskoe otdelenie. Khronika: 1957–1982 gg.* [USSR Academy of Sciences. Siberian Branch. Chronicle: 1957–1982]. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otdelenie. 337 p.

Makarov, V.L. (Ed.). (1982). *Akademiya nauk SSSR. Sibirskoe otdelenie. Personal'nyy sostav: 1957–1982 gg.* [USSR Academy of Sciences. Siberian Branch. Personnel: 1957–1982]. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otdelenie. 122 p.

Migirenko, G.S. (Ed.). (1962). *Novosibirskiy nauchnyy tsentr* [Novosibirsk Scientific Center]. Novosibirsk, Izdatel'stvo SO AN SSSR. 207 p.

Okladnikov, A.P. (Ed.). (1977). *Akademiya nauk i Sibir'. 1917–1977* [Academy of Sciences in Siberia. 1917–1977]. Novosibirsk, Nauka. 320 p.

Ostashko, T.N. (2002). *Nauka i uchenye Sibiri v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Science and Scientists of Siberia during the Great Patriotic War]. Novosibirsk, NGU. 153 p.

Panin, L.G. (Ed.), Ablazhey, N.N., Krasil'nikov, S.A., Ushakova, S.N. (Comp.). (2012). *Novosibirskiy natsional'nyy issledovatel'skiy gosudarstvennyy universitet. Gumanitarnyy fakul'tet. Professora. Doktora nauk – vypuskniki fakul'teta. Personal'nyy sostav (1962–2012)* [Novosibirsk National Research State University. Faculty of Humanities. Professors. Doctors of Sciences – Graduates of the Faculty. Personnel (1962–2012)]. Novosibirsk, Izdatel'stvo NGU. 346 p.

Parmon, V.N. (Ed.), Ablazhey, N.N., Krasil'nikov, S.A., Kupershtokh, N.A. (Comp.). (2022). *Rossiyskaya akademiya nauk. Sibirskoe otdelenie: Personal'nyy sostav* [Russian Academy of Sciences. Siberian Branch: Personal Composition]. Novosibirsk, SO RAN. Vol. 2: Chleny-korrespondenty. 603 p.

Parmon, V.N. (Ed.), Ablazhey, N.N., Krasil'nikov, S.A., Kupershtokh, N.A. (Comp.). (2022). *Rossiyskaya akademiya nauk. Sibirskoe otdelenie: Personal'nyy sostav: v 2 t.* [Russian Academy of Sciences. Siberian Branch: Personal Composition]. Novosibirsk, SO RAN. Vol. 1: Deystvitel'nye chleny. 568 p.

Pystina, L.I. (1987). *Obshchestvennye organizatsii nauchno-tekhnicheskoy intelligentsii Sibiri (20–30-ye gg.)* [Public Organizations of the Scientific and Technical Intelligentsia of Siberia (20–30s)]. Novosibirsk, Nauka. 221 p.

Pystina, L.I. (1999). “*Burzhuaznye spetsialisty*” v Sibiri v 1920-kh – nachale 1930-kh godov (sotsial'no-pravovoe polozhenie i usloviya truda) [“Bourgeois Specialists” in Siberia in the 1920s – Early 1930s (Social and Legal Status and Working Conditions)]. Novosibirsk, SO RAN. 160 p.

Romanov, A.K., Androsova, L.A., Felinger, A.F. (1979). *Nauchnye kadry Sibirskogo otdeleniya AN SSSR: metody i rezul'taty statisticheskogo issledovaniya* [Scientific Personnel of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences: Methods and Results of Statistical Research]. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otdelenie. 173 p.

Ryzenko, V.G. (1997). Omskie istoriko-kul'turnye issledovaniya 1980–1990-kh gg.: tendentsii i kharakternye cherty [Omsk Historical and Cultural Studies of the 1980–1990s: Trends and Characteristic Features]. In *Vestnik Omskogo universiteta*. Vol. 3, pp. 5–10.

Ryzenko, V.G., Nazimova, V.Sh. (2010). Istorik sovetskoy kul'tury v sovremennom prostranstve intellektual'nykh dialogov: vybor i pozitsiya Mastera [Historian of Soviet Culture in the Modern Space of Intellectual Dialogues: The Choice and Position of the Master]. In *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo. Sbornik nauchnykh statey k 85-letiyu professora V.L. Soskina*. Novosibirsk, NGU, pp. 12–28.

Shishkin, V.I. (Ed.). (1992). *Sovetskaya istoriya: problemy i uroki* [Soviet History: Problems and Lessons]. Novosibirsk, Nauka. 255 p.

Soskin, V.L. (1965). *Ocherki istorii kul'tury Sibiri v gody revolyutsii i Grazhdanskoy voyny (konets 1917 – nachalo 1921 gg.)* [Essays on the Cultural History of Siberia during the Years of the Revolution and the Civil War (Late 1917 – Early 1921)]. Novosibirsk. 281 p.

Soskin, V.L. (1989). *Sibir', revolyutsiya, nauka* [Siberia, Revolution, Science]. Novosibirsk. 174 p.

Soskin, V.L. (1997). U istokov akademicheskoy gumanitarnoy nauki v Novosibirsk [At the Origins of Academic Humanities in Novosibirsk]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. No. 2, pp. 34–38.

Soskin, V.L. (2000). *Formirovanie sovetskoj sistemy vysshego obrazovaniya: Ocherk sotsial'noj istorii. Pervyy etap (1917–1927 gg.)* [Formation of the Soviet System of Higher Education: Essay on Social History. First Stage (1917–1927)]. Novosibirsk. 204 p.

Soskin, V.L. (2000). *Vysshee obrazovanie i nauka v Sovetskoj Rossii: pervoe desyatiletie. 1917–1927 gg.* [Higher Education and Science in Soviet Russia: The First Decade. 1917–1927]. Novosibirsk. 120 p.

Soskin, V.L. (2004). *Rossiyskaya sovetskaya Kul'tura. Ocherki sotsial'noj istorii* [Russian Soviet Culture. Essays on Social History]. Novosibirsk. 452 p.

Soskin, V.L. (2008). *Novosibirskiy nauchnyy tsentr: issledovaniya po noveyshey otechestvennoj istorii. Ocherk istorii i istoriografii. Uchebnoe posobie* [Novosibirsk Scientific Center: Research on Modern Russian History. Essay on History and Historiography. Study Guide]. Novosibirsk. 188 p.

Soskin, V.L. (Ed). (1980). *Vysshaya shkola i nauchno-pedagogicheskiye kadry Sibiri (1917–1941 gg.)* [Higher School and Scientific and Pedagogical Personnel of Siberia (1917–1941)]. Novosibirsk, Nauka. 368 p.

Soskin, V.L. (Ed). (1986). *Razvitie nauki v Sibiri: metodologiya, istoriografiya, istochnikovedenie* [Development of Science in Siberia: Methodology, Historiography, Source Study]. Novosibirsk, Nauka. 203 p.

Soskin, V.L. (Ed). (1988). *Formy organizatsii nauki v Sibiri. Istoricheskiy aspekt* [Forms of Organization of Science in Siberia. Historical Aspect]. Novosibirsk, Nauka. 223 p.

Soskin, V.L. (Ed). (1989). *Sotsial'no-istoricheskie aspekty organizatsii nauki v Sibiri. Sbornik nauchnykh trudov* [Socio-Historical Aspects of the Organization of Science in Siberia. Collection of Scientific works]. Novosibirsk. 131 p.

Soskin, V.L. (Ed). (1991). *Kadry nauki sovetskoj Sibiri: problemy istorii* [Science Personnel of Soviet Siberia: Problems of History]. Novosibirsk, Nauka. 220 p.

Soskin, V.L. (Ed). (2011). *Intelligentsiya vostochnykh regionov Rossii v pervoy polovine XX veka. Sbornik nauchnykh trudov* [The Intelligentsia of the Eastern Regions of Russia in the First Half of the 20th Century. Collection of Scientific Papers]. Novosibirsk. 224 p.

Vodichev, E.G. (1990). *Formirovanie i razvitie mezhdunarodnykh svyazey akademicheskoy nauki v Sibiri* [Formation and Development of International Relations of Academic Science in Siberia]. Novosibirsk, Nauka. 224 p.

Vodichev, E.G. (1994). *Put' na vostok. Formirovanie i razvitie nauchnogo potentsiala Sibiri* [The Path to the East. Formation and Development of the Scientific Potential of Siberia]. Novosibirsk, Ekor. 203 p.

Vodichev, E.G. (2012). *Nauka na vostoke SSSR v usloviyakh industrial'noj paradigmy* [Science in the East of the USSR in the Conditions of the Industrial Paradigm]. Novosibirsk, Geo, INGG SO RAN. 346 p.

Vodichev, E.G., Liss, L.F., Uzbekova, Yu.I. (2013). *Vysshaya shkola v usloviyakh sistemnykh transformatsiy: sravnitel'no-istoricheskiy aspekt* [Higher School in Conditions of Systemic Transformations: A Comparative Historical Aspect]. Novosibirsk, Geo. 392 p.

В.Г. Рыженко
О.В. Петренко*

**В.Л. СОСКИН И ОМСКИЕ ИСТОРИКИ:
К ПРОБЛЕМЕ РАСШИРЕНИЯ ВЛИЯНИЯ НОВОСИБИРСКОЙ
НАУЧНОЙ ШКОЛЫ СОЦИАЛЬНЫХ КУЛЬТУРОЛОГОВ
В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РЕГИОНА**

doi:10.31518/2618-9100-2025-1-22
УДК 930.85+94(57)

*Выходные данные для цитирования:
Рыженко В.Г., Петренко О.В. В.Л. Соскин и омские историки: к проблеме расширения влияния новосибирской научной школы социальных культурологов в интеллектуальном пространстве региона // Исторический курьер. 2025. № 1 (39). С. 341–355. URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-1-22.pdf>*

V.G. Ryzhenko
O.V. Petrenko*

**V.L. SOSKIN AND OMSK HISTORIANS: ON THE PROBLEM
OF EXPANDING THE INFLUENCE OF THE NOVOSIBIRSK
SCIENTIFIC SCHOOL OF SOCIAL AND CULTURAL STUDIES
IN THE INTELLECTUAL SPACE OF THE REGION**

doi:10.31518/2618-9100-2025-1-22

*How to cite:
Ryzhenko V.G., Petrenko O.V. V.L. Soskin and Omsk Historians: On the Problem of Expanding the Influence of the Novosibirsk Scientific School of Social and Cultural Studies in the Intellectual Space of the Region // Historical Courier, 2025, No. 1 (39), pp. 341–355. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-1-22.pdf>]*

Abstract. This article draws attention to the little-studied problem of interaction between regional researchers of the history of culture and the intelligentsia of Siberia. The task is to identify the forms and directions of influence on strengthening the regional research potential of the authoritative Novosibirsk school of social cultural studies, created by V.L. Soskin within the framework of the activities of the history of cultural construction sector of the Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. The implementation of coordination functions by the sector in accordance with the program for the study and development of Siberia is being studied. A hypothesis is put forward about the effectiveness of a possible model for strengthening the communicative space of the region through horizontal scientific connections. The solution of the indicated problem and the verification of the hypothesis are proposed using the example of analyzing the specifics of the content of V.L. Soskin's scientific contacts with Omsk historians, starting from the late 1970s and up to the early 2000s. From a methodological point of view, intellectual history, the institutional approach and the paradigm of memory are the mainstays for us. Of the methods used, priority is given to the included observation, so naturally memoir shades appear in our article. Monographs, texts of reports at scientific conferences and articles from scientific collections and journals are used as historiographical sources. As a result, the three main forms of interaction between the Novosibirsk scientific school and Omsk historians was revealed: (1) individual contacts; (2) participation in scientific conferences and editorial boards of the journal Cultural Studies in Siberia; (3) the influence of the scientific legacy of V.L. Soskin into the training of PhD candidates and into the curricula of master's and bachelor's programs at the Historical Faculty of Omsk State University.

Keywords: scientific school, social history of culture, Siberia, the legacy of the scientist, V.L. Soskin, Omsk historians.

* **Валентина Георгиевна Рыженко**, доктор исторических наук, профессор, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск, Россия, e-mail: valentina948@mail.ru

Valentina Georgievna Ryzhenko, Doctor of Historical Sciences, Professor, Omsk State University named after F.M. Dostoevsky, Omsk, Russia, e-mail: valentina948@mail.ru

Ольга Владимировна Петренко, кандидат исторических наук, Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, Омск, Россия, e-mail: olgap26g12@mail.ru

Olga Vladimirovna Petrenko, Candidate of Historical Sciences, Siberian Branch of the Russian Scientific Research Institute of Cultural and Natural Heritage named after D.S. Likhachev, Omsk, Russia, e-mail: olgap26g12@mail.ru

The article has been received by the editor on 10.12.2024. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В данной статье обращается внимание на малоизученную проблему взаимодействия региональных исследователей истории культуры и интеллигенции Сибири. Ставится задача обозначить формы и направления воздействия на укрепление регионального исследовательского потенциала авторитетной новосибирской школы социальных культурологов, созданной В.Л. Соскиным в рамках деятельности сектора истории культурного строительства Института истории СО РАН и выполнения сектором координационных функций в соответствии с программой изучения и освоения Сибири. Выдвигается гипотеза об эффективности возможной модели для укрепления коммуникативного пространства региона за счет горизонтальных научных связей. Предлагается решение обозначенной задачи и проверка гипотезы на примере анализа специфики содержания научных контактов В.Л. Соскина с омскими историками начиная с конца 1970-х гг. и вплоть до начала 2000-х гг. В методологическом плане опорой для нас являются интеллектуальная история, институциональный подход и парадигма памяти. Из применяемых методик приоритет отдается включенному наблюдению, поэтому естественно появляются мемуарные оттенки в нашей статье. В качестве историографических источников используются монографии, тексты докладов на научных конференциях и статей из научных сборников и журналов. В результате выявлено движение трех основных форм взаимодействия новосибирской научной школы и омских историков: 1) индивидуальные контакты; 2) участие в научных конференциях и редколлегиях журнала «Культурологические исследования в Сибири»; 3) внедрение научного наследия В.Л. Соскина в подготовку кандидатов наук и в учебные программы для магистров и бакалавров исторического факультета ОмГУ.

Ключевые слова: научная школа, социальная история культуры, Сибирь, наследие ученого, В.Л. Соскин, омские историки.

Статья поступила в редакцию 10.12.2024 г.

Постановка проблемы. В начале 1970-х гг. в интеллектуальном пространстве Сибири существовало несколько научно-исследовательских центров, занимавшихся изучением истории края. К этому времени в масштабах СССР в изучении истории культуры доминировала московская школа академика М.П. Кима. Для Сибири лидером стал Институт истории СО АН СССР, чему в немалой степени способствовала реализация масштабного проекта «История Сибири» в пяти томах и привлечение к этому проекту столичных и сибирских историков. Подробно об этом написал в своей книге В.Л. Соскин¹. Следует учесть, что в те же годы для повышения теоретико-методологического содержания гуманитарных исследований в советскую историческую науку проникают идеи системного подхода. Применительно к историографии отечественной культуры это проявилось в дискуссиях о предмете и методе изучения истории культуры. В 1979 г. первая из таких дискуссий прошла в редакции журнала «История СССР». В ходе дискуссии выдвигались предложения об учете преемственности между культурой дореволюционной России и советской культуры. Параллельно на страницах журналов «История СССР» и «Вопросы истории» были опубликованы статьи, продолжившие эту тему. В сибирской историографии активным проводником упомянутых выше идей стал профессор В.Л. Соскин. Совместно с ленинградским ученым М.С. Каганом и философами Свердловского государственного университета в 1983 и 1985 гг. были органи-

¹ Новосибирский научный центр: исследования по новейшей отечественной истории. Очерк истории и историографии: учеб. пособие. Новосибирск, 2008.

зованы два специальных теоретических семинара о системном подходе к изучению советской культуры.

В Омске сибиреведческой проблематикой на тот момент занимались преимущественно историки педагогического института (М.Е. Бударин, В.М. Самосудов и др.), а с 1974 г. (год открытия Омского университета) к ним присоединились преподаватели исторического факультета ОмГУ, главным образом выходцы из томских научных школ. Их интересы были связаны с археологией (В.И. Матющенко), этнографией (Н.А. Томилов), политической и экономической историей Сибири (А.В. Минжуренко, А.П. Толочко).

Динамика форм взаимодействия новосибирской научной школы и омских историков. Личные контакты историков Омска с новосибирским сектором истории культурного строительства в Сибири СО АН СССР во главе с В.Л. Соскиным начались в 1970 – начале 1980-х гг. Среди первых историков Омска, выбравших историко-культурную проблематику, была В.Ш. Назимова, работавшая над темой «История культуры Сибири в годы Великой Отечественной войны». Именно она вошла в число авторов первого научного труда по историографии культуры и интеллигенции советской Сибири, подготовленного к изданию под редакцией В.Л. Соскина в 1978 г.² Добавим, что В.Ш. Назимова была и в числе слушателей вышеназванных семинаров, организованных М.С. Каганом и В.Л. Соскиным, а в 1984 г. ее статья «Театральная жизнь Сибири в период Великой Отечественной войны» вошла в сборник под редакцией В.Л. Соскина³.

Однако более интенсивные взаимосвязи омских и новосибирских коллег складывались в виде новой формы – их общего участия в научных конференциях, проводимых в регионе в 1980-е и последующие годы. Особо следует выделить Всесоюзную научную конференцию 1985 г. «Социально-культурные процессы в советской Сибири», организованную совместно Институтом истории СО АН СССР (при личной поддержке и участии директора института академика А.П. Окладникова) и Омским государственным университетом, проходившую на базе последнего⁴. На ней с пленарным докладом «Методологические и организационные аспекты изучения советской культуры Сибири» выступил В.Л. Соскин (рис. 1).

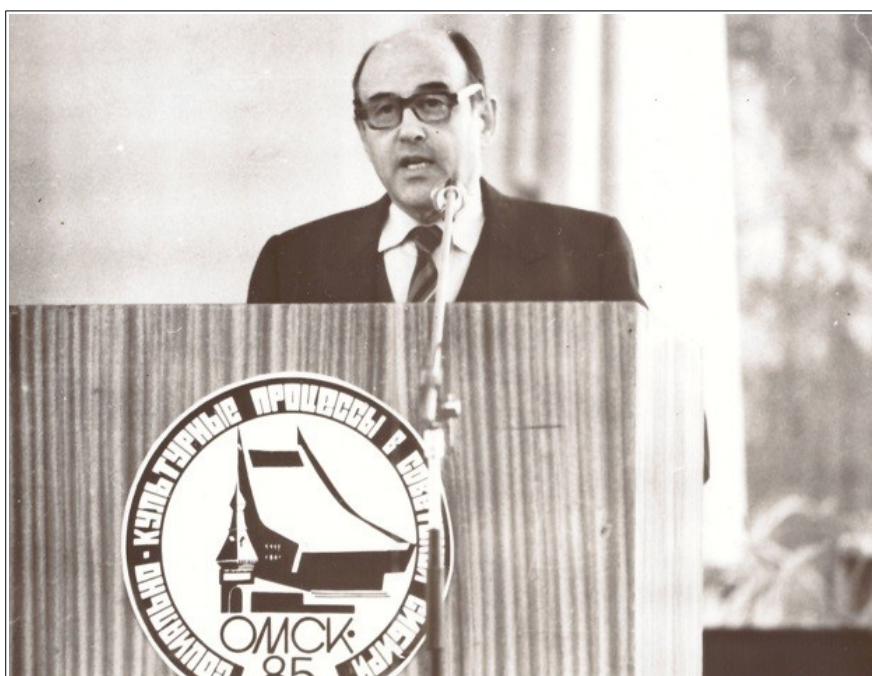

Рис. 1. В.Л. Соскин, 1985 г. Фото из архива В.Г. Рыженко

² Назимова В.Ш., Щербинин М.Ф. Историография истории культуры Сибири в период Великой Отечественной войны // Историография истории культуры и интеллигенции советской Сибири. Новосибирск, 1978. С. 227–246.

³ Художественная культура и интеллигенция в Сибири 1917–1945 гг.: сб. ст. Новосибирск, 1984.

⁴ Социально-культурные процессы в советской Сибири: тез. докл. науч. конф. по истории советской культуры Сибири. Омск, 1985.

В докладе впервые для омских историков была сформулирована новационная для советской исторической науки идея о внедрении системного подхода в изучение советской культуры. Докладчик подчеркнул, что историки региона накопили большой опыт, который следует обогатить за счет применения новых методологических подходов и форм организации. Он отметил, что такое видение социально-культурных процессов органично соединяется с программно-целевым подходом, сформулированным в программе «Исторический опыт изучения и освоение Сибири». В то же время он не исключал использования традиционных методов исторического исследования советского культурного строительства в Сибири.

Рис. 2. Участники конференции 1985 г. в зале заседания. Фото из архива В.Г. Рыженко

Успех отмеченной конференции способствовал продолжению научных диалогов в Омске на Всесоюзной научной конференции «Национальные и социально-культурные процессы в СССР»⁵. О масштабах названных омских научных конференций можно судить по сохранившимся общим фотографиям участников (рис. 2, 3).

Рис. 3. Участники на крыльце первого тогда главного корпуса ОмГУ. 1990 г. Фото из архива В.Г. Рыженко

На конференции 1990 г. В.Л. Соскин выступил на пленарном заседании с докладом «Культурная революция в СССР: новый взгляд на старую проблему». Он предложил пересмотреть дискуссии 1950–1960 гг., посвященные культурной революции, поскольку

⁵ Национальные и социально-культурные процессы в СССР: тез. докл. Всесоюзн. науч. конф.: в 2 кн. Омск, 1990. Кн. 1.

их выводы он считал ошибочными, утверждая, что в основу нужно положить анализ итогов, к которым сегодня пришло советское общество. На конференции под руководством Варлена Львовича и Валентины Георгиевны Рыженко работала отдельная секция по истории культуры советского общества, на которой было заслушано 28 докладов с особым вниманием к краеведческим и этнографическим музеям и деятельности их научных сотрудников (рис. 4).

Рис. 4. Заседание секции «История советской культуры», 1990 г. Фото из архива В.Г. Рыженко

Для одного из соавторов данной статьи (В.Г. Рыженко) конференция 1990 г. стала знаковой в установлении непосредственных научных контактов с сектором и лично с В.Л. Соскиным. В домашнем архиве семьи Рыженко хранится подаренный Варленом Львовичем отдельный оттиск статьи из рубрики «научные дискуссии» Известий СО АН СССР «Культурная революция и сталинизм (к постановке проблемы)» с дарственной надписью автора: «Валентине Георгиевне с дружескими пожеланиями всего наилучшего. За содружество (в духе времени!) 20.11.90, подпись, автограф». Именно акцент на дух времени отражал боевой настрой ведущего социального культуролога региона на новое теоретико-методологическое видение историко-культурной проблематики и на его стремление как можно масштабнее распространить это в умах и исследовательских практиках единомышленников.

Со второй половины 1980-х гг. конференционные научные коммуникации между омскими и новосибирскими исследователями культуры и интеллигенции перемещаются в Новосибирск в соответствии с выполнением упомянутой выше «Программой истории изучения и освоения Сибири», отдельный блок которой реализовывался на базе представлений о духовной культуре как системы из трех элементов: истории науки и образования, истории художественной и политической культуры⁶. Во Всесоюзной научной конференции «Историография и источники изучения исторического опыта освоения Сибири»⁷ с докладами поучаствовали омичи В.Ш. Назимова, В.Г. Рыженко, А.В. Рычков, Н.А. Томилов, В.Б. Шепелева.

⁶ Исторический опыт освоения Сибири: тез. докл. Всесоюз. науч. конф. (Новосибирск, 14–16 октября, 1986 г.): в 2 вып. Новосибирск, 1986. Вып. 2: Освоение Сибири в советский период.

⁷ Историография и источники изучения исторического опыта освоения Сибири: тез. докл. и сообщ. Всесоюз. науч. конф. (Новосибирск, 15–17 ноября 1988 г.). Новосибирск, 1988. Вып. II: Советский период.

В числе конференционных форм взаимодействия историков региона и сектора истории культурного строительства СО РАН следует упомянуть о роли В.Л. Соскина и сектора в установлении научных связей историков Омска с другими центрами изучения культуры и интеллигенции Сибири. Это наглядно продемонстрировала Всесоюзная научная конференция в Кемерово 19–21 марта 1991 г. «Интеллигенция в системе социально-классовой структуры и отношений советского общества»⁸. С пленарным докладом «Оценка исторического пути советской интеллигенции в свете современного кризиса социализма» выступил В.Л. Соскин. Делегация омских историков была представлена Д.А. Алисовым, Д.М. Колеватовым, В.В. Комаровым, В.П. Корзун, В.Ш. Назимовой, А.В. Ремезовым, В.Г. Рыженко, А.Ю. Ступиным. Впоследствии связи омских и кемеровских исследователей продолжились, а материалы научной конференции были изданы отдельным сборником. Также В.Л. Соскин способствовал установлению сотрудничества омичей с исследовательским центром «XX век в судьбах интеллигенции», созданным при Уральском университете по инициативе и под руководством профессора М.Е. Главацкого (рис. 5).

Рис. 5. Историки-интелигентоведы – участники конференции «Российская интеллигенция: критика исторического опыта». (Екатеринбург, июнь 2001 г.). Фото из архива В.Г. Рыженко

Именно в Екатеринбурге была заложена традиция проведения научных встреч памяти известных исследователей истории отечественной культуры и интеллигенции В.Г. Чуфарова в 1998 г., Л.М. Зак в 2003 г. (рис. 6).

Интеллектуальное пространство региона изменилось с появлением в Омске в 1993 г. новой исследовательской площадки – Сибирского филиала Российского института культурологии. Подробнее об этом можно прочитать в разделе коллективной монографии «Культурологические исследования в Сибири» (Омск, 2023)⁹. Здесь же рассказано об активной роли Варлена Львовича в становлении и развитии научного потенциала молодого научного коллектива в качестве научного консультанта, оппонента и партнера¹⁰. Создание Сибирского филиала способствовало взаимодействию с историками других регионов и выходу исторических исследований в Омске на новый уровень, сохраняя прежнюю конференционную форму, но получив четкую направленность: культура и интеллигенция России в XX в. Первая конференция из этого цикла «Культура и интеллигенция России в переломные эпохи (XX век)» состоялась в ноябре 1993 г. На ней с докладом «Интеллигенция и власть: в поисках новых подходов» выступил В.Л. Соскин¹¹. Докладчик предложил отказаться от прежней жесткой схемы изучения проблемы.

⁸ Интеллигенция в системе социально-классовой структуры и отношений советского общества: тез. докл. и сообщ. Всесоюзн. конф. Кемерово, 1991. Вып. II.

⁹ Культура и интеллигенция Западной Сибири: научная проблема и научно-коммуникативный проект // Культурологические исследования в Сибири: к 30-летию Сибирского филиала Института Наследия: коллективная монография. М.; Омск, 2023. С. 202–232.

¹⁰ Культура и интеллигенция Западной Сибири... С. 202.

Рис. 6. Встреча интеллигентоведов в Екатеринбурге в 2003 г. Фото из архива В.Г. Рыженко

С 1995 г. определилась специфическая черта организации омских конференций: они сопровождались художественными и документальными выставками как источником для научной рефлексии и востребования забытого культурного наследия России и Сибири. Равноправными научными партнерами стали музеи и архивы. Разработчиками концепций омских конференций как коммуникативного проекта стали В.П. Корзун, В.Г. Рыженко, О.В. Петренко. Методологическими основаниями для разработчиков оказались идеи интеллектуальной истории, междисциплинарного синтеза изучения культуры и интеллигенции, новой локальной истории, парадигмы памяти. Часть указанных конференций получала поддержку РФФИ, РГНФ и Минкультуры РФ.

Всего состоялось восемь проблемно-тематических встреч историков, философов, культурологов, музейных работников и искусствоведов из европейской России, Сибири, ближнего и дальнего зарубежья. Активное участие в этих конференциях принимал Варлен Львович и представители новосибирской школы социальных культурологов (Е.Г. Водичев, С.А. Красильников, Н.А. Куперштох, Л.И. Пыстина и др.). Последняя конференция этого цикла состоялась в 2012 г.¹² В ней приняли участие коллеги из Карагандинского государственного университета им. Е.А. Букетова, а также представители российских центров по изучению истории интеллигенции (Новосибирска, Екатеринбурга, Челябинска, Иваново), с которыми у омских коллег уже имелись прочные научные связи. От Новосибирска участвовала ученица В.Л. Соскина Л.И. Пыстина.

Отдельного внимания заслуживает участие В.Л. Соскина в издании журнала «Культурологические исследования в Сибири». В 1999 г. В.Л. Соскин вошел в редколлегию этого знакового для Сибири, региональных историков культуры и культурологов научного издания, посвященного актуальным вопросам культурологии и охватывающего проблемы теории и методологии, конкретных исследований и источниковедения, организации тематических научных мероприятий. В качестве автора он публиковал в журнале теоретико-методологические статьи. В тексте, опубликованном в первом номере журнала за 1999 г., Варлен Львович поднял актуальные в конце 1990-х гг. проблемы переосмысления советской

¹¹ Культура и интеллигенция России в переломные эпохи (XX век): тез. докл. и сообщ. Всерос. науч.-практ. конф. Омск, 1993. С 3–5.

¹² Культура и интеллигенция России: Личности. Творчество. Интеллектуальные диалоги в эпохи политических модернизаций: мат-лы VIII Всерос. науч. конф. с междунар. участием в рамках подготовки к 300-летию Омска и празднования юбилейных событий российской истории (Омск, 16–18 октября 2012 г.). Омск, 2012.

истории и роли политико-идеологического фактора в историческом познании¹³. В статье 2000 г. раскрыл эти же проблемы на примере современной историографии советской культуры¹⁴. Анализируя сложившуюся историографическую ситуацию и текущие познавательные тенденции (развенчание советских мифов, противостояние подходов «политизации» и «деполитизации»/«деидеологизации», популярность антропологического подхода и т.д.), он призывал не ломать исторические «часы», раскачивая маятник в противоположные стороны, а учитывать особенности устройства сложного «механизма», реагировать на них¹⁵, также при этом помнить об «относительности гуманитарного знания вообще и специфике исторического подхода в частности»¹⁶. Будучи сторонником «концептуальной истории», В.Л. Соскин настаивал на рассмотрении объекта исследования – государство, социальная группа или человеческая личность, материальное производство или культура – комплексно, в широком историческом, политико-идеологическом и социокультурном контекстах. При этом, являясь приверженцем социального подхода, ключевой синтезирующей характеристикой он считал «социальную атрибуцию». Важнейшей спецификой советской истории, по его мнению, было господство политического и идеологического факторов во всех сферах жизни, а доктрина большевизма «предопределила реализацию такого господства в тоталитарной форме»¹⁷. В отношении роли политико-идеологического фактора в историческом познании В.Л. Соскин был солидарен с Г.А. Алексеевой, указавшей в статье об отечественной историографии 1960–1980-х гг. на абсурдность обвинений советских ученых в идеологизации и политизации: «словно есть такие страны, в которых наука развивается независимо от государства, официальной идеологии»¹⁸.

«Высший пилотаж» саморефлексии, историографического анализа проблем и потенциала отечественного исторического познания и образования конца 1980-х – конца 1990-х гг. представляет третья опубликованная в «Культурологических исследованиях в Сибири» статья В.Л. Соскина – «О преподавании истории советской культуры в школах и вузах Российской Федерации»¹⁹. Историк представляет авторскую концепцию трактовки и изучения советской культуры в историческом развитии, апробированную в его многочисленных монографиях и учебных пособиях цикла 1990-х гг.: «Революция и культура. Историко-теоретический аспект (1917–1920)» (1994), «Переход к нэпу и культура» (1997), «История общего образования» (в 2 кн.), «Высшее образование и наука в Советской России: первое десятилетие» (2000), «Советская массовая культура: у истоков (1917–1927)» (2001), «Советская художественная культура (1917–1927): социально-политический аспект» (2002) и др. Культура трактуется В.Л. Соскиным «прежде всего как культура основной массы населения <...>, которая усилиями правящей партии и государства была навязана всему народу и вошла в его жизнь»²⁰. Исходным пунктом подхода является признание неоднородности советской культуры, находящейся во власти противоречий, отражавших, с точки зрения социальной истории, воздействие политики и идеологии. На практике эти противоречия проявлялись в борьбе и сложном переплетении демократической и антидемократической тенденций, в конечном итоге определявших двойственность культуры. Вводится понятие «тип культуры», формируемый культурно-политической и идеологической доминантой. Советская культура рассматривается как определенный исторический тип мировой культуры. «Тип культуры, если попытаться определить его через выделение главного элемента, характеризуется типом личности. Каким был человек – представитель массы,

¹³ Соскин В.Л. Еще раз о роли политико-идеологического фактора в историческом познании (современный аспект) // Культурологические исследования в Сибири. 1999. № 1 (1). С. 41–51.

¹⁴ Соскин В.Л. Методологические аспекты изучения советской культуры // Культурологические исследования в Сибири. 2000. № 1 (3). С. 26–34.

¹⁵ Соскин В.Л. Еще раз о роли политико-идеологического фактора... С. 45

¹⁶ Там же. С. 51.

¹⁷ Там же. С. 47.

¹⁸ Соскин В.Л. Еще раз о роли политико-идеологического фактора... С. 51.

¹⁹ Соскин В.Л. О преподавании истории советской культуры в школах и вузах Российской Федерации // Культурологические исследования в Сибири. 2002. № 2 (8). С. 19–28.

²⁰ Соскин В.Л. О преподавании истории советской культуры... С. 26.

народа – вот фокус, куда сходятся все линии исследования культуры. Была ли сформирована так называемая социалистическая личность, перерастающая в коммунистическую, как об этом говорила официальная пропаганда, или все это было словесной шелухой, прикрывавшей создание армии «винтиков»?»²¹. На эти вопросы историк культуры (культуролог), подчеркивает автор, сможет ответить лишь в комплексном системном исследовании, объединяющем усилия, в том числе, психологов, социологов и других специалистов.

Еще одним аспектом историографической рефлексии ученого, обозначившимся в его выступлениях на омских конференциях конца 1990-х гг. и в журнальных статьях, стала обеспокоенность разрывом между интеллигентоведением и изучением истории культуры: первое демонстрировало бурный рост и раздвоение интеллигенции как предмета изучения отдельно от культуры; второму явно не хватало общероссийского объединения исследователей с обсуждением принципиальных методологических вопросов²². В.П. Соскин продолжил и расширил размышления над сложившейся ситуацией в феврале 2000 г. на новосибирской научной конференции «Культура и интеллигенция сибирской провинции в XX веке» в своем докладе «История советской культуры историографические и методологические аспекты». Он обратил внимание на организационные трансформации коммуникативного поля, выделил в качестве характерных черт локализацию исторических исследований, смену поколений историков, появление новых перспективных центров, в числе таковых был назван и Омск²³.

К рубежу 1990/2000 гг. в интеллектуальном пространстве региона наметились изменения. Историки Омска под влиянием идей В.Л. Соскина и собственных интересов отдали приоритеты историографическим сюжетам. Инициатором и вдохновителем этого направления становится В.П. Корзун, защитившая в 2000 г. докторскую диссертацию об образе российской исторической науки. Она инициировала проект историографического ежегодника «Мир историка», а также исследовательский проект «Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: вторая половина 1940-х – середина 1950-х годов». Историки Омского педагогического института примерно в то же время стали издавать ежегодник «Гуманитарное знание. Серия “Преемственность”». Вокруг этих изданий сформировался коллектив историков разных поколений (учителя и ученики). К историографической линии добавилось конкретно-историческое изучение истории культуры и интеллигенции России и Сибири, спецификой которого стало использование историко-культурологической и городоведческой модели Д.А. Алисов, В.Г. Рыженко. Одна из статей из серии «преемственность» была приурочена к 75-летию юбилею В.Л. Соскина и перепечатана в Санкт-Петербургском журнале «КЛИО»²⁴ (рис. 7).

Отдельная статья, посвященная этому же событию, появилась в журнале «Культурологические исследования Сибири»²⁵. Другой не менее значимой формой рефлексии над наследием В.Л. Соскина стала рецензия В.Г. Рыженко и В.Ш. Назимовой на его монографию, обобщившую работы из цикла 1990-х гг.²⁶ Этот труд Варлена Львовича был обозначен авторами как стимул для исследователей региона в поисках своей территории и продолжает

²¹ Соскин В.Л. О преподавании истории советской культуры... С. 28.

²² Соскин В.Л. Интеллигенция вне культуры? Незакономерное раздвоение // Культура и интеллигенция России: Социальная динамика, образы, мир научных сообществ (XVIII–XX вв.): мат-лы Третьей Всерос. науч. конф. Омск, 1998. Т. II. С. 1–3.

²³ Соскин В.Л. История советской культуры: некоторые историографические и методологические аспекты // Культура и интеллигенция сибирской провинции в XX веке: теория, история, практика: мат-лы регион. науч. конф. (Новосибирск, 24–25 февраля 2000 г.). Новосибирск, 2000. С. 8–17.

²⁴ Корзун В.П., Назимова В.Ш., Рыженко В.Г. Слово о Мастере... (К 75-летию В.Л. Соскина) // Клио. 2000. № 2 (11). С. 310–315.

²⁵ Корзун В.П., Назимова В.Ш., Рыженко В.Г. Знаменательное событие в сибирской культурологии. К 75-летию видного российского историка и культуролога Варлена Львовича Соскина // Культурологические исследования Сибири. 2000. № 1. С. 7–10.

²⁶ Рыженко В.Г., Назимова В.Ш. Соскин В.Л. Российская советская культура (1917–1927). Очерки социальной истории. Новосибирск: Изд-во СО РАН. 2004. 455 с. (рецензия на книгу) // Гуманитарные науки в Сибири. 2006. № 3. С. 119–121.

оставаться настольной книгой для подготовки молодых исследователей советской культуры и интеллигенции в образовательной практике студентов ОмГПУ и ОмГУ.

Рис. 7. Омские историки с В.Л. Соскиным на научной конференции «Культура и интеллигенция сибирской провинции в XX веке» (Новосибирск, февраль 2000 г.). Фото из архива В.Г. Рыженко

Спустя десять лет В.Ш. Назимова и В.Г. Рыженко, учитывая малый тираж серии «Преемственность», сочли возможным повторить с некоторыми дополнениями свои оценки творчества В.Л. Соскина в новом сборнике статей, приуроченном к его 85-летию юбилею²⁷.

В контексте юбилейных дат и памяти о них отметим еще один вариант сотрудничества В.Л. Соскина с журналом «Культурологические исследования в Сибири». В 2010 г. в тематическом номере, посвященном 65-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., был опубликован очерк В.Л. Соскина «И забыть по-прежнему нельзя...». Варлен Львович представил сотканное из кусочков воспоминаний события своей «небольшой военной биографии»²⁸. Отметим важный посыл, который историк формулирует в комментариях к своим воспоминаниям, отвечая на вопрос, почему принял предложение омских коллег написать что-то о войне. «Дело не только в том, что фронтовиков осталось совсем немного и недалеко дни, когда наше поколение уйдет в небытие. Процесс естественный. Тогда что ему противопоставить? Ответу: память. Очевидно, что со временем повысится цена памятных статей, воспоминаний. Ибо более значимых событий, чем Великая Отечественная война, в XX в. не было. И День Победы – праздник не придуманный, а поистине всем народом выстраданный. Таким, надеюсь, и останется»²⁹. В сегодняшних реалиях состояния гуманитарных наук и жизненных проблем такой посыл звучит еще более актуально и не только в отношении памяти о войне...

Обратимся к третьей форме распространения влияния новосибирской школы социальных культурологов на внедрение идей и наследия В.Л. Соскина в подготовку кандидатов наук и в учебные программы для магистров и бакалавров исторического факультета ОмГУ. Напомним, что первым блоком Программы изучения и освоения Сибири был анализ научных кадров, методологии изучения истории развития науки и образования в регионе.

²⁷ Рыженко В.Г., Назимова В.Ш. Историк советской культуры в современном пространстве интеллектуальных диалогов: выбор и позиция мастера // Личность. Культура. Общество: сб. науч. ст. 85-летию профессора В.Л. Соскина. Новосибирск, 2010. С. 12–28.

²⁸ Соскин В.Л. «И забыть по-прежнему нельзя...» // Культурологические исследования в Сибири. 2010. № 1 (31). С. 123–128.

²⁹ Соскин В.Л. «И забыть по-прежнему нельзя...» ... С. 123.

Омские историографы В.П. Корзун и ее ученицы Н.В. Кефнер и Н.А. Кныш расширили социальную модель, соединив ее с социокультурной, обратились к повседневности мира историков первого послевоенного десятилетия и к трансформации образа исторической науки. В.Л. Соскин откликнулся на эту инициативу и ответил на предложенную анкету «Историки о времени и о себе»³⁰.

Общение и беседы с В.Л. Соскиным повлияли на концепцию учебного пособия В.Г. Рыженко и А.Г. Быковой «Культура Западной Сибири: история и современность»³¹. Опорой для авторов стали идея преемственности как в конкретно-историческом процессе, так и в движении научно-исследовательской мысли. Раздел III назывался «Культура региона в лицах, делах и судьбах сибиряков». Личностный стержень был заложен В.Г. Рыженко и в преподавание курса истории отечественной культуры и искусства для бакалавров исторического факультета ОмГУ. Это касалось не только лекций, но преимущественно практических занятий, привлекая таким образом будущих историков к общему творчеству. Отдельно следует остановиться на программе для магистрантов по историографии отечественной культуры³². Курс был предназначен студентам магистратуры, обучающимся по специальности «история» (направления «История исторической науки (историография)», «История и культура регионов России»). Он был ориентирован на нахождение путей блокирования, а в возможной перспективе и преодоления происходившей формализации образовательного процесса. В программе учебного курса учитывались состояние и тенденции развития исторической науки (преимущественно ее российской ветви), ее познавательный потенциал к тому времени, а также то, что становление магистерской подготовки студентов университетов в начале 2000-х гг. было временем экспериментальных поисков, позволяющих разрабатывать авторские программы. Главная трудность разработки состояла в отсутствии обобщающих научных трудов по историографии отечественной культуры в целом. Поэтому теоретико-методологической базой для автора стало антропологически ориентированное поле интеллектуальной истории и исследовательские практики внедрения в историческую науку идей междисциплинарности. Стратегическим стержнем курса, как и в вышеупомянутых случаях, стали идеи преемственности научной мысли и внимание к личностям ведущих ученых. Поэтому исходный раздел программы – изучение наследия П.Н. Милюкова. Отметим, что для практических занятий по этому разделу магистрантам в списке литературы рекомендовалась публикация В.Л. Соскина о Милюкове как историке культуры советского общества. Это было новшеством и для историографии советской культуры и для творческих поисков самого сибирского социального культуролога³³.

Раздел 4 программы и практическое занятие № 4 отведены изучению истории отечественной культуры в советской историографии в личностном измерении. Особое внимание уделялось сибирской школе социальных культурологов В.Л. Соскина и деятельности созданного им сектора истории культурного строительства СО АН СССР. В методическом плане приоритет отдавался интерактивным формам обсуждения историографических источников. К сожалению, усилившаяся к концу первого десятилетия 2000-х гг. «оптимизация» гуманитарного университетского образования привела к сворачиванию авторских магистерских и бакалаврских программ. Этот процесс был дополнен «оптимизацией» коммуникативного и интеллектуального ландшафта российской исторической науки (имеется в виду ликвидация и перепрофилирование исследовательских подразделений и университетских кафедр).

³⁰ Мир историка: историографический сборник. Омск, 2006. Вып. 2. С. 377–429.

³¹ Рыженко В.Г., Быкова А.Г. Культура Западной Сибири: история и современность: учеб. пособие к курсу «Культура региона: история и современность. Омск, 2001.

³² Рыженко В.Г. Историография отечественной культуры. Вариант построения университетского учебного курса для магистрантов в современной познавательной ситуации // Диалог со временем. Альманах. Вып. 44. М., 2013. С. 379–390.

³³ Соскин В.Л. П.Н. Милюков как историк культуры советского общества: фрагменты анализа // Культура и интеллигенция России: социальная динамика, об разы, мир научных сообществ: мат-лы Третьей Всерос. науч. конф. (Омск, 25–27 ноября 1998 г.). Омск, 1998. Т. 1. С. 21–23.

Для продолжения внедрения идей и наследия новосибирской школы социальных культурологов оставался лишь путь подготовки молодых кадров историков-исследователей в рамках аспирантуры и написания кандидатских диссертаций по истории исторической науки (В.П. Корзун), истории культуры и интеллигенции Сибири (Д.А. Алисов, В.Г. Рыженко).

Полагаем, что молодые омские историки, ученики В.Г. Рыженко, используя опыт новосибирской школы социальных культурологов и труды В.Л. Соскина, за период с 1998 по 2023 г. сумели внести свой вклад в историографию культуры и интеллигенции Сибири. Историю художественной жизни белой столицы в период Гражданской войны существенно дополнила своими исследованиями И.Г. Девятьярова. Судьбу и творческий вклад театральных режиссеров-новаторов в советскую культуру 1930-х гг. – О.В. Петренко. Новые тенденции в художественной культуре сибирского региона раскрыла А.А. Урванцева, изучая институции трансляции изобразительного искусства в современной культуре. Краеведению как социокультурному феномену, а также его подвижникам посвятили свои работы А.В. Ремезов и Н.А. Седельникова. Они продолжили начатое В.Л. Соскиным в середине 1960-х гг. исследование и основательно расширили информационную базу за счет источников личного происхождения. Выяснению специфики социокультурных процессов в городском пространстве в контексте парадигмы памяти и роли интеллигенции посвятили свои исследования Н.И. Лебедева, Е.В. Соколова, А.В. Жидченко, В.С. Кузеванов, С.С. Наумов. Проблематику городской повседневности в культуре советской Сибири, включая гендерные аспекты, изучали Е.А. Шабатура, И.В. Виниченко.

Таким образом, проверка гипотезы о формах взаимодействия омских историков и новосибирской школой социальных историков культуры, распространения идей и востребования наследия ее создателя и лидера В.Л. Соскин, показала, что эффективный результат в виде создания прочных горизонтальных связей в научных коммуникациях может возникать при наличии всех трех форм связей (личные контакты, конференции, подготовка кадров науки и высшего образования) и корректироваться под воздействием вненаучных факторов (управленческих решений).

Литература

Интеллигенция в системе социально-классовой структуры и отношений советского общества: тез. докл. и сообщ. Всесоюзн. науч. конф. / отв. ред. В.Л. Соскин, Г.Г. Халилулин. Кемерово: Обл. изд-во «ПРИТОМСКОЕ», 1991. Вып. II. 108 с.

Историография и источники изучения исторического опыта освоения Сибири: тез. докл. и сообщ. Всесоюзн. науч. конф. (Новосибирск, 15–17 ноября 1988 г.) / отв. ред. Р.С. Василевский, Л.М. Горюшкин. Новосибирск, 1988. Вып. II. Советский период. 186 с.

Исторический опыт освоения Сибири: тез. докл. Всесоюзн. науч. конф. (Новосибирск, 14–16 октября 1986 г.): в 2 вып. Новосибирск: ГПНТБ СО АН СССР, 1986. Вып. 2: Освоение Сибири в советский период / отв. ред. В.В. Алексеев. 172 с.

Корзун В.П., Назимова В.Ш., Рыженко В.Г. Знаменательное событие в сибирской культурологии. К 75-летию видного российского историка и культуролога Варлена Львовича Соскина // Культурологические исследования Сибири. 2000. № 1. С. 7–10.

Корзун В.П., Назимова В.Ш., Рыженко В.Г. Слово о Мастере... (К 75-летию В.Л. Соскина) // Клио. 2000. № 2 (11). С. 310–315.

Культура и интеллигенция Западной Сибири: научная проблема и научно-коммуникативный проект // Культурологические исследования в Сибири: к 30-летию Сибирского филиала Института Наследия: коллективная монография / отв. ред. И.А. Селезнева. М.; Омск: Институт Наследия, 2023. С. 202–232.

Культура и интеллигенция России в переломные эпохи (XX век): тез. докл. и сообщ. Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. В.Г. Рыженко. Омск: Изд-во ОмГУ, 1993. 232 с.

Культура и интеллигенция России: Личности. Творчество. Интеллектуальные диалоги в эпохи политических модернизаций: мат-лы VIII Всерос. науч. конф. с междунар. участием в рамках подготовки к 300-летию Омска и празднования юбилейных событий российской

истории (Омск, 16–18 октября 2012 г.) / отв. ред. В.Г. Рыженко. Омск: Изд-во Омск. ун-та, 2012. 488 с.

Мир историка: историографический сборник / под ред. Г.К. Садретдинова, В.П. Корзун. Омск: Изд-во ОмГУ, 2006. Вып. 2. С. 377–429.

Назимова В.Ш., Щербинин М.Ф. Историография истории культуры Сибири в период Великой Отечественной войны // Историография истории культуры и интеллигенции советской Сибири / отв. ред. В.Л. Соскин. Новосибирск: Наука, 1978. С. 227–246.

Национальные и социально-культурные процессы в СССР: тез. докл. Всесоюзн. науч. конф.: в 2 кн. / отв. ред. М.А. Плахотнюк, Н.А. Томилов. Омск: ОмГУ, 1990. Кн. 1. 138 с.

Соскин В.Л. Новосибирский научный центр: исследования по новейшей отечественной истории. Очерк истории и историографии: учеб. пособие. Новосибирск: НГУ, 2008. 186 с.

Рыженко В.Г., Назимова В.Ш., Соскин В.Л. Российская советская культура (1917–1927). Очерки социальной истории. Новосибирск: Изд-во СОРАН. 2004. 455 с. (рецензия на книгу) // Гуманитарные науки в Сибири. 2006. № 3. С. 119–121.

Рыженко В.Г. Историография отечественной культуры. Вариант построения университетского учебного курса для магистрантов в современной познавательной ситуации // Диалог со временем. Альманах. Вып. 44. М.: ИВИ РАН, 2013. С. 379–390.

Рыженко В.Г., Быкова А.Г. Культура Западной Сибири: история и современность: учебное пособие к курсу «Культура региона: история и современность / отв. ред. А.К. Соколов. Омск: Омский гос. ун-т, 2001. 172 с.

Рыженко В.Г., Назимова В.Ш. Историк советской культуры в современном пространстве интеллектуальных диалогов: выбор и позиция мастера // Личность. Культура. Общество: сб. науч. ст. к 85-летию профессора В.Л. Соскина. Новосибирск: НГУ, 2010. С. 12–28.

Соскин В.Л. «И забыть по-прежнему нельзя...» // Культурологические исследования в Сибири. 2010. № 1 (31). С. 123–128.

Соскин В.Л. Интеллигенция вне культуры? Незакономерное раздвоение // Культура и интеллигенция России: Социальная динамика, образы, мир научных сообществ (XVIII–XX вв.): мат-лы Третьей Всерос. науч. конф. Омск: ОмГУ, 1998. Т. II. С. 1–3.

Соскин В.Л. П.Н. Милюков как историк культуры советского общества: фрагменты анализа // Культура и интеллигенция России: социальная динамика, образы, мир научных сообществ: мат-лы третьей Всерос. науч. конф. (Омск, 25–27 ноября 1998 г.). Омск, 1998. Т. 1. С. 21–23.

Соскин В.Л. Еще раз о роли политико-идеологического фактора в историческом познании (современный аспект) // Культурологические исследования в Сибири. 1999. № 1 (1). С. 41–51.

Соскин В.Л. История советской культуры: некоторые историографические и методологические аспекты // Культура и интеллигенция сибирской провинции в XX веке: теория, история, практика: мат-лы регион. науч. конф. (Новосибирск, 24–25 февраля 2000 г.). Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2000. С. 8–17.

Соскин В.Л. Методологические аспекты изучения советской культуры // Культурологические исследования в Сибири. 2000. № 1 (3). С. 26–34.

Соскин В.Л. О преподавании истории советской культуры в школах и вузах Российской Федерации // Культурологические исследования в Сибири. 2002. № 2 (8). С. 19–28.

Социально-культурные процессы в советской Сибири: тез. докл. науч. конф. по истории советской культуры Сибири / отв. ред. Н.А. Томилов. Омск: ОмГУ, 1985. 175 с.

Художественная культура и интеллигенция в Сибири 1917–1945 гг.: сб. ст. / отв. ред. В.Л. Соскин. Новосибирск: Наука, 1984. 209 с.

References

Alekseev, V.V. (Ed.). (1986). *Istoricheskiy opyt osvoeniya Sibiri* [The Historical Experience of the Development of Siberia]. In *Tezisy dokladov Vsesouznoy nauchnoy konferentsii (Novosibirsk, 14–16 oktyabrya 1986 g.): v 2 vyp.* Novosibirsk, GPNTB SO AN SSSR. Vol. 2. 172 p.

Korzun, V.P., Nazimova, V.Sh., Ryzhenko, V.G. (2000). Slovo o Mastere... (K 75-letiyu V.L. Soskina) [The Word about the Master... (To the 75th Anniversary of V.L. Soskin)]. In *Klio*. 2000. No. 2 (11), pp. 310–315.

Korzun, V.P., Nazimova, V.Sh., Ryzhenko, V.G. (2000). Znamenatel'noe sobytie v sibirskoy kul'turologii. K 75-letiyu vidnogo rossiyskogo istorika i kul'turologa Varlena L'vovicha Soskina [A Significant Event in Siberian Cultural Studies. To the 75th Anniversary of the Prominent Russian Historian and Culturologist Varlen Lvovich Soskin]. In *Kul'turologicheskie issledovaniya Sibiri*. Omsk, Izdatel'stvo pedagogicheskogo instituta. No. 1, pp. 7–10.

Nazimova, V.Sh., Shcherbinin, M.F. (1978). Istoriografiya istorii kul'tury Sibiri v period Velikoy Otechestvennoy voyny [Historiography of the History of Culture of Siberia during the Great Patriotic War]. In *Istoriografiya istorii kul'tury i intelligentsii Sovetskoy Sibiri*. Novosibirsk, Nauka, pp. 227–246.

Plahotniuk, M.A., Tomilov, N.A. (Eds.). (1990). Natsional'nye i sotsial'no-kul'turnye protsessy v SSSR [National and Socio-Cultural Processes in the USSR]. In *Tezisy dokladov Vsesoiuznoy nauchnoy konferentsii. V 2 knigakh*. Omsk, OmGU. Book 1. 138 p.

Ryzhenko, V.G. (2013). Istoriografiya otechestvennoy kul'tury. Variant postroeniya universitetskogo uchebnogo kursa dlya magistrantov v sovremennoy poznavatel'noy situatsii [Historiography of Russian Culture. A Variant of Building a University Training Course for Undergraduates in a Modern Cognitive Situation]. In *Dialog so vremenem. Al'manakh*. Vol. 44. Moscow, IVI RAN, pp. 379–390.

Ryzhenko, V.G. (Ed.). (1993). Kul'tura i intelligentsiya Rossii v perelomnye epokhi (XX vek) [Culture and Intelligentsia of Russia in Critical Epochs (20th Century)]. In *Tezisy' dokladov i soobshcheniy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Omsk, Izdatel'stvo OmGU, pp. 3–5.

Ryzhenko, V.G. (Ed.). (2012). Kul'tura i intelligentsiya Rossii: Lichnosti. Tvorchestvo. Intellekual'nye dialogi v epokhi politicheskikh modernizatsiy [Culture and Intelligentsia of Russia: Personalities. Creation. Intellectual Dialogues in the era of Political Modernization]. In *Materialy VIII Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem v ramkakh podgotovki k 300-letiyu Omska i prazdnovaniya yubileynykh sobytii rossiyskoy istorii (Omsk, 16–18 oktyabrya 2012 g.)*. Omsk, Izdatel'stvo Omskogo universiteta. 488 p.

Ryzhenko, V.G., Bykova, A.G. (2001). *Kul'tura Zapadnoy Sibiri: istoriya i sovremennost': uchebnoe posobie k kursu "Kul'tura regiona: istoriya i sovremennost'"* [Culture of Western Siberia: History and Modernity: A Textbook for the Course "Culture of the Region: History and Modernity"]. Omsk, Omskiy gosudarstvennyy universitet. 172 p.

Ryzhenko, V.G., Nazimova, V.Sh. (2006). Soskin V.L. Rossiyskaya sovetskaya kul'tura (1917–1927). Ocherki sotsial'noy istorii. Novosibirsk: Izdatel'stvo SO RAN, 2004. 455 s. (retsenziya na knigu) [Russian Soviet Culture (1917–1927). Essays on Social History. Novosibirsk: Publishing House SB RAS, 2024. 455 p. (Book Review)]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. No. 3, pp. 119–121.

Ryzhenko, V.G., Nazimova, V.Sh. (2010). Istorik sovetskoy kul'tury v sovremennom prostranstve intellektual'nykh dialogov: vybor i pozitsiya mastera [The Historian of Soviet Culture in the Modern Space of Intellectual Dialogues: The Choice and Position of the Master]. In *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo: sbornik nauchnykh statey k 85-letiyu professora V.L. Soskina*. Novosibirsk, NGU, pp. 12–28.

Sadretidinov, G.K., Korzun, V.P. (Eds.). (2006). *Mir istorika: istoriograficheskiy sbornik* [The World of the Historian: A Historiographical Collection]. Omsk, Izdatel'stvo OmGU. Vol. 2, pp. 377–429.

Selezneva, I.A. (Ed.). (2023). Kul'tura i intelligentsiya Zapadnoy Sibiri: nauchnaya problema i nauchno-kommunikativnyy proekt [Culture and Intelligentsia of Western Siberia: A Scientific

Problem and a Scientific and Communicative Project]. In *Kul'turologicheskie issledovaniya v Sibiri: k 30-letiyu Sibirskogo filiala Instituta Naslediya: kollektivnaya monografiya*. Moscow, Omsk, Institut Naslediya, pp. 202–232.

Soskin, V.L. (1998). *Intelligentsiya vne kul'tury? Nezakonomernoe razdvoenie* [Intelligentsia Outside Culture? Irregular Bifurcation]. In *Kul'tura i intelligentsiya Rossii: Sotsial'naya dinamika, obrazy, mir nauchnykh soobshchestv (XVIII–XX vv.)*. *Materialy Tret'ey Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii*. Omsk, OmGU. Vol. II, pp. 1–3.

Soskin, V.L. (1998). P.N. Milyukov kak istorik kul'tury sovetskogo obshchestva: fragmenty analiza [P.N. Milyukov as a Cultural Historian of Soviet Society: Fragments of Analysis]. In *Kul'tura i intelligentsiya Rossii: sotsial'naya dinamika, obrazy, mir nauchnykh soobshchestv: materialy Tret'ey Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (Omsk, 25–27 noyabrya 1998 g.)*. Omsk. Vol. 1, pp. 21–23.

Soskin, V.L. (1999). *Eshche raz o roli politiko-ideologicheskogo faktora v istoricheskom poznanii (sovremennyy aspekt)* [Once Again on the Role of the Political and Ideological Factor in Historical Cognition (Modern Aspect)]. In *Kul'turologicheskie issledovaniya v Sibiri*. No. 1 (1), pp. 41–51.

Soskin, V.L. (2000). *Istoriya sovetskoy kul'tury: nekotorye istoriograficheskie i metodologicheskie aspekty* [The History of Soviet Culture: Some Historiographical and Methodological Aspects]. In *Kul'tura i intelligentsiya sibirskoy provintsii v XX veke: teoriya, istoriya, praktika. Materialy regional'noy nauchnoy konferentsii (Novosibirsk, 24–25 fevralya 2000 g.)*. Novosibirsk, Institut istorii SO RAN, pp. 8–17.

Soskin, V.L. (2000). *Metodologicheskie aspekty izucheniya sovetskoy kul'tury* [Methodological Aspects of the Study of Soviet Culture]. In *Kul'turologicheskie issledovaniya v Sibiri*. No. 1 (3), pp. 26–34.

Soskin, V.L. (2002). *O prepodavanii istorii sovetskoy kul'tury v shkolakh i vuzakh Rossiyskoy Federatsii* [On Teaching the History of Soviet Culture in Schools and Universities of the Russian Federation]. In *Kul'turologicheskie issledovaniya v Sibiri*. No. 2 (8), pp. 19–28.

Soskin, V.L. (2008). *Novosibirskiy nauchnyy tsentr: issledovaniya po noveyshey otechestvennoy istorii. Ocherk istorii i istoriografii* [Novosibirsk Scientific Center: Research on Modern Russian History. An Essay on History and Historiography]. Novosibirsk, NGU. 186 p.

Soskin, V.L. (2010). *“I zabyt' po-prezhnemu nel'zya...”* [“And it is Still Impossible to Forget...”]. In *Kul'turologicheskie issledovaniya v Sibiri*. No. 1 (31), pp. 123–128.

Soskin, V.L., Khaliulin, G.G. (Eds.). (1991). *Intelligentsiya v sisteme sotsial'no-klassovoy struktury i otnoshenii sovetskogo obshchestva* [The Intelligentsia in the System of Socio-Class Structure and Relations of Soviet Society]. In *Tezisy dokladov i soobshcheniy Vsesouznoy nauchnoy konferentsii*. Kemerovo, Oblastnoe izdatel'stvo “PRITOMSKOE”. Vol. II. 108 p.

Soskon, V.L. (Ed.). (1984). *Khudozhestvennaya kul'tura i intelligenttsiya v Sibiri 1917–1945 gg.* [Artistic Culture and Intelligentsia in Siberia 1917–1945]. Novosibirsk, Nauka. 209 p.

Tomilov, N.A. (Ed.). (1985). *Sotsial'no-kul'turnye protsesy v sovetskoy Sibiri* [Socio-Cultural Processes in Soviet Siberia]. In *Tezisy dokladov nauchnoy konferentsii*. Omsk, OmGU. 175 p.

Vasilevskiy, R.S., Goryushkin, L.M. (Eds.). (1988). *Istoriografiya i istochniki izucheniya istoricheskogo opyta osvoeniya Sibiri* [Historiography and Sources of Studying the Historical Experience of the Development of Siberia]. In *Tezisy dokladov i soobshcheniy Vsesouznoy nauchnoy konferentsii (Novosibirsk, 15–17 noyabrya 1988 g.)*. Novosibirsk. Vol. II. 186 p.

А.С. Метельков
И.В. Лизунова*

АЛЕКСАНДР ЛЕОНИДОВИЧ ПОСАДСКОВ И СИБИРСКАЯ ШКОЛА КНИГОВЕДЕНИЯ

doi:10.31518/2618-9100-2025-1-23
УДК 002.2(470)(092)

Выходные данные для цитирования:
Метельков А.С., Лизунова И.В. Александр Леонидович Посадсков и сибирская школа книговедения // Исторический курьер. 2025. № 1 (39). С. 356–364.
URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-1-23.pdf>

A.S. Metelkov
I.V. Lizunova*

ALEXANDER LEONIDOVICH POSADSKOV AND THE SIBERIAN SCHOOL OF BOOK STUDIES

doi:10.31518/2618-9100-2025-1-23

How to cite:
Metelkov A.S., Lizunova I.V. Alexander Leonidovich Posadskov and the Siberian School of Book Studies // Historical Courier, 2025, No. 1 (39), pp. 356–364.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-1-23.pdf>]

Abstract. The article traces the life of the outstanding book scholar A.L. Posadskov (1950–2024) in the context of the development of the Siberian school of book studies created by him, highlights little-known facts of the scientist’s biography. A.L. Posadskov was one of the first to begin a frontal study of the problems of the history of Siberian book culture, while simultaneously studying the key issues of the general history of Russian book culture, which did not receive due attention in all-Russian works. He has a priority in developing a scientifically based integrated approach to the study of the problems of the history of the book culture of Siberia in the 20th – early 21st century. As part of the all-Russian historical process, he developed a modern concept of the development of the Russian book industry in the 20th century, which is recognized in Russian science. The scientific results obtained by A.L. Posadskov establish the priorities of Russian science in the objective study of complex processes of history and modernity, and have a practical focus on improving the management of the socio-cultural sphere. Under the guidance of A.L. Posadskov and with his direct participation, the first fundamental generalizing work on the history of bookmaking in Siberia and the Far East was prepared and published – a multi-volume collective monograph “Essays on the History of book Culture in Siberia and the Far East”. He became the organizer of the publishing series “The History of Siberia in Memoirs and Diaries”, which introduces unknown documents on the history of Siberian culture into scientific circulation. From 1972 to 2024, the scientists published more than 500 scientific articles.

Keywords: A.L. Posadskov, history, book study, book culture, book business, book publishing, printing, Siberia, Far East, SPSTL SB RAS.

The article has been received by the editor on 11.02.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Антон Сергеевич Метельков**, кандидат исторических наук, Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: metelkov.gpntb@gmail.com

Anton Sergeevich Metelkov, Candidate of Historical Sciences, State Public Scientific Technological Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: metelkov.gpntb@gmail.com

Ирина Владимировна Лизунова, доктор исторических наук, доцент, Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: lizunova@spsl.nsc.ru

Irina Vladimirovna Lizunova, Doctor of Historical Sciences, Director, State Public Scientific Technological Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: lizunova@spsl.nsc.ru

Аннотация. В статье прослеживается жизненный путь выдающегося книговеда А.Л. Посадскова (1950–2024) в контексте развития созданной им сибирской школы книговедения, освещаются малоизвестные факты биографии ученого. А.Л. Посадсков одним из первых начал фронтальное исследование проблем истории книжной культуры Сибири, одновременно изучая узловые вопросы общей истории книжной культуры России, не получавшие должного внимания в общероссийских трудах. Ему принадлежит приоритет в разработке научно обоснованного комплексного подхода к исследованию проблем истории книжной культуры Сибири в XX – начале XXI в. как части общероссийского исторического процесса, им разработана признанная в отечественной науке современная концепция развития книжного дела России в XX в. Полученные А.Л. Посадсковым научные результаты устанавливают приоритеты российской науки в объективном изучении сложных процессов истории и современности, имеют практическую направленность на совершенствование управления социально-культурной сферы. Под руководством А.Л. Посадскова и при его непосредственном участии подготовлен и издан первый фундаментальный обобщающий труд по истории книжного дела Сибири и Дальнего Востока – многотомная коллективная монография «Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока». Он стал организатором издательской серии «История Сибири в воспоминаниях и дневниках», вводящей в научный оборот неизвестные документы по истории культуры Сибири. С 1972 по 2024 г. ученым опубликовано более 500 научных статей.

Ключевые слова: А.Л. Посадсков, история, книговедение, книжная культура, книжное дело, книгоиздание, печать, Сибирь, Дальний Восток, ГПНТБ СО РАН.

Статья поступила в редакцию 11.02.2025 г.

Александр Леонидович Посадсков родился 15 октября 1950 г. в рабочем поселке Кокуй Сретенского района Читинской области. В 1958 г. семья переехала в Новосибирск, где будущий ученый окончил школу № 156 и с отличием гуманитарный факультет Новосибирского государственного университета по специальности «История» в 1972 г. Научным руководителем его дипломной работы «Начало сибирского советского книгоиздания (1917–1921 гг.)» стал известный историк культуры и интеллигенции раннесоветского периода, профессор Варлен Львович Соскин.

После окончания университета А.Л. Посадсков поступил по распределению в ГПНТБ СО АН СССР на должность редактора в секторе научно-исследовательской работы научно-методического отдела. В конце 1960-х гг. начало книговедческим исследованиям на базе ГПНТБ СО АН СССР было положено Я.Г. Ханинсоном, автором координационных планов изучения истории книги, библиотечного дела и библиографии в Сибири и на Дальнем Востоке. А.Л. Посадсков самостоятельно продолжил исследования по истории сибирской советской книги, со временем расширив тематику до истории книги, библиотечного дела и библиографии в Сибири и на Дальнем Востоке, готовил статьи и доклады, участвовал

А.Л. Посадсков самостоятельно продолжил исследования по истории сибирской советской книги, со временем расширив тематику до истории книги, библиотечного дела и библиографии в Сибири и на Дальнем Востоке, готовил статьи и доклады, участвовал

в редактировании и рецензировании научных статей по вопросам библиотековедения и библиографии. На протяжении 1970-х гг. А.Л. Посадсков являлся ответственным редактором сборников «Научные библиотеки Сибири и Дальнего Востока» (1973), «Библиотечное дело, библиография и история книги в Сибири и на Дальнем Востоке» (1975), «Вопросы библиотечного дела, библиографии и истории книги в Сибири и на Дальнем Востоке» (1975), «Становление системы библиотечного обслуживания и книжного дела в Сибири и на Дальнем Востоке» (1977), «Революционные и прогрессивные традиции книжного дела в Сибири и на Дальнем Востоке» (1979). Он был также автором, редактором, рецензентом, членом редакционных коллегий многих других научных сборников ГПНТБ СО АН СССР.

Сразу же после трудоустройства А.Л. Посадсков начал вести активную общественную деятельность: стал политинформатором и общественным инспектором по охране труда и технике безопасности отдела, председателем комиссии по проверке лифтов и грузоподъемных механизмов при месткоме. В 1974–1981 гг. он руководил комсомольско-молодежным семинаром «Международное молодежное движение» сети партийно-политического просвещения ГПНТБ СО АН СССР. В качестве агитатора и члена участковых комиссий принимал участие в кампаниях по выборам в Советы научных депутатов – в Верховные Советы СССР и РСФСР, местные Советы. На выборах 1979 г. являлся заместителем председателя участковой избирательной комиссии. По поручению комсомольской организации ГПНТБ СО АН СССР неоднократно был ведущим докладчиком на общебиблиотечных комсомольских собраниях, являлся членом контрпропагандистской группы.

В 1975 г. А.Л. Посадсков защитил диссертацию «Становление советской системы книгоиздания и книгораспространения в Сибири (конец 1919 г. – 1923 г.)» и получил степень кандидата исторических наук. Научным руководителем вновь выступил В.Л. Соскин. В том же году А.Л. Посадсков стал первым председателем совета молодых специалистов ГПНТБ СО АН СССР и являлся им до 1979 г., руководил семинаром для молодежи «В помощь начинающим научную работу». По итогам социалистического соревнования 1975 г. был награжден почетной грамотой – впоследствии его активная общественная работа и победы в соцсоревнованиях неоднократно поощрялись почетными грамотами Президиума СО АН СССР, Советского РК КПСС и ГПНТБ СО АН СССР.

В 1976 г. А.Л. Посадсков перешел на должность редактора в сектор редких книг и рукописей, вскоре был повышен до младшего научного сотрудника. В 1976–1978 гг. он был членом редколлегии, одним из авторов и корреспондентов, а в 1978–1979 гг. – заместитель и фактически исполняющий обязанности главного редактора общебиблиотечной стенгазеты.

В 1977 г. А.Л. Посадсков стал инициатором нового направления работы библиотеки – сбора в фонд сектора редких книг и рукописей рукописных материалов из личных хранилищ участников революционного движения, старых коммунистов Сибири и Дальнего Востока, а также сибирских ученых, писателей, деятелей культуры. В результате фонды библиотеки пополнились редкими и даже уникальными документами истории, науки и культуры Сибири, которые впоследствии использовались в научных публикациях, дипломных и диссертационных работах исследователей из разных городов. На эту тему совместно с В.Н. Алексеевым им была опубликована программная статья «Пусть будет общим достоянием»¹ в «Литературной газете».

В 1977 г. вышла первая монография А.Л. Посадскова «Сибирская книга и революция. 1917–1918 гг.»², в 1978 г. представленная на соискание премии Ленинского комсомола в области науки и техники.

В конце 1978 г. на сектор истории культурного строительства Института истории, филологии и философии СО АН СССР была возложена задача в сжатые сроки подготовить сводный труд под условным названием «Сибирскому отделению – четверть века». К участию в данной работе были привлечены отдельные сотрудники других секторов Инсти-

¹ Алексеев В.Н., Посадсков А.Л. Пусть будет общим достоянием // Литературная газета. 1977. 20 апр.

² Посадсков А.Л. Сибирская книга и революция. 1917–1918 гг. Новосибирск, 1977.

туда, а также ГПНТБ СО АН СССР. В связи с этим директор Института академик А.П. Окладников обратился к директору ГПНТБ СО АН СССР Н.С. Карташову с просьбой передать в распоряжение Института истории А.Л. Посадскова для выполнения обязанностей заместителя руководителя этой работы – В.Л. Соскина. По предложению А.П. Окладникова А.Л. Посадсков, оставаясь в штате ГПНТБ СО АН СССР, в связи с расширившимся объемом работ, связанным, в частности, с выявлением материалов на периферии, в 1979 г. был поощрен переводом на ставку старшего научного сотрудника сектора редких книг и рукописей.

Вторая монография А.Л. Посадскова «Книжное дело в Сибири. 1919–1923 гг.»³, посвященная малоисследованным вопросам истории книжного дела в Сибири в период «военного коммунизма» и перехода к нэпу, была опубликована в 1979 г. Однако в связи с тем, что в Приложении III (Биографические справки) к книге содержались сведения об участниках Белого движения, а также косвенные упоминания о репрессиях сталинской эпохи, ее тираж на долгие годы оказался недоступен читателям. Грозивших автору возможных административных «мер» удалось избежать усилиями его научного учителя и ответственного редактора издания профессора В.Л. Соскина.

По итогам 1980 г. Ученый совет и Совет молодых специалистов ГПНТБ СО АН СССР выдвинули цикл статей А.Л. Посадскова на участие в конкурсе научной молодежи СО АН СССР на лучшую работу истекшего года. Три статьи цикла были связаны между собой общей проблематикой исследования опыта формирования и развития советской системы книжного дела в Сибири в годы строительства социализма (1917–1941 гг.) и апеллировали непосредственно к ленинскому наследию.

К концу 1970-х гг. А.Л. Посадсковым, помимо двух монографий, опубликовано около 30 научных и публицистических статей, посвященных книжному делу в Сибири с акцентом на период между Октябрьской революцией 1917 г. и началом Великой Отечественной войны. В конце 1970-х гг. появляются его статьи о взглядах и роли художественной интеллигенции. Тогда же начали публиковаться первые работы по истории библиотек и, в частности, ГПНТБ СО АН СССР. В дальнейшем тема истории ГПНТБ СО АН СССР будет для автора одной из важнейших, а сам он станет штатным историографом библиотеки.

В 1982 г. издательством «Наука» было выпущено научно-справочное издание «Академия наук СССР. Сибирское отделение. Хроника. 1957–1982 гг.», в рамках работы над которой А.Л. Посадсков вместе с коллегами (Н.А. Дедюшиной, С.А. Красильниковым, Е.Т. Артемовым, Т.Н. Осташко, Л.И. Пыстиной и др.) под руководством В.Л. Соскина занимался периодом 1957–1970-х гг. В том же году из-за серьезных проблем со здоровьем работа А.Л. Посадскова в библиотеке на некоторое время прервалась – он вернулся к ней в 1983 г.

В 1983–1986 гг. в издательстве «Книга» был издан трехтомник «Книжное дело в СССР». А.Л. Посадсков вошел в состав редколлегии и стал автором главы «Книжное дело в Сибири и на Дальнем Востоке», открывающей третий том. В 1980-е гг. он выступил ответственным редактором сборников научных трудов «Развитие книжной культуры Сибири XIX – начала XX в.» (1982), «Книжное дело Сибири и Дальнего Востока в годы строительства социализма» (1984), «Региональные проблемы истории книги в Сибири и на Дальнем Востоке» (1985), «Книжное дело Сибири и Дальнего Востока в XIX–XX вв.» (1986), «Развитие библиотечного дела в Сибири и на Дальнем Востоке в советский период» (1988), «200 лет книгопечатания в Сибири: Очерки истории книжного дела» (1989).

С середины 1980-х гг. А.Л. Посадсков являлся председателем государственной экзаменационной комиссии в Хабаровском и Восточно-Сибирском институтах культуры, в Омском филиале Алтайского института культуры, читал курсы по истории книги и библиотечного дела Сибири в Восточно-Сибирском, Алтайском, Кемеровском институтах культуры, в Омском филиале Алтайского института культуры, выступал с лекциями по истории книги на Высших библиотечных курсах ГПНТБ СО АН СССР и на собраниях первичных органи-

³ Посадсков А.Л. Книжное дело в Сибири. 1919–1923 гг. Новосибирск, 1979.

заций общества книголюбов в Новосибирске и Омске. В рамках общественной работы он являлся также заседателем Новосибирского областного суда и членом научно-исследовательской и архивной секций Сибирского областного отделения Советского фонда культуры.

В начале 1987 г. в ГПНТБ СО АН СССР создан научно-исследовательский отдел книговедения, который возглавила Л.Ф. Казаринова. В этом же году вышла в свет монография А.Л. Посадкова в соавторстве с Л.А. Гильди «Печать и книжное дело Сибири в условиях «военного коммунизма». Конец 1919 – 1921 г.»⁴.

На фоне энтузиазма по поводу создания нового отдела и активной подготовки всероссийской конференции «Книга и книжное дело Сибири. История, современность, перспективы развития» к 200-летию сибирского книгопечатания А.Л. Посадковым и его коллегами была выдвинута идея проведения периодической региональной книговедческой конференции. Первые Макушинские чтения прошли в Новосибирске в конце 1988 г. При подведении их итогов был обсужден и одобрен план коллективной многотомной монографии «Книжное дело Сибири и Дальнего Востока». Конференция стала проводиться каждые три года и является самым значимым и масштабным из региональных научных мероприятий, посвященных проблемам книговедения и проводимых в формате регулярной конференции. В 1990 г. был издан план-проспект монографии «Книжное дело Сибири и Дальнего Востока. Советский период», подготовленный А.Л. Посадковым совместно с Л.Ф. Казариновой и С.А. Пайчадзе.

В 1990 г. А.Л. Посадков получил ставку ведущего научного сотрудника отдела книговедения, имея в своем багаже около 50 научных статей и три монографии. В работах 1980-х гг. он продолжал заниматься периодом 1917–1941 гг. в Сибири, концентрируясь на более частных вопросах (партийное руководство развитием художественной культуры, кадры печати и книжного дела, книжная торговля и книжный репертуар и т.д.). На рубеже 1980–1990-х гг. в публикациях автора возникла и новая актуальная тематика: он пишет о разгосударствлении книжного дела в СССР, об альтернативной печати, об уничтожении книг по политическим мотивам. В статьях 1990-х гг. появилась тема сталинизма и репрессий, была в полной мере реализована возможность более откровенно писать о Белом движении. Вместе с тем он все чаще обращался к вопросам современности.

В 1991 г. на конкурсе прикладных научных работ СО АН СССР Л.Ф. Казариновой, В.Н. Волковой, Т.Н. Соболевской, А.Л. Посадкову и С.А. Пайчадзе была присуждена премия за работу «Издательская сеть Сибири и Дальнего Востока: профиль и территориальное размещение». В конце года началось снятие грифа «Для служебного пользования» с литературы, изданной ГПНТБ СО АН СССР в предыдущие десятилетия.

В 1992–1993 гг. под редакцией А.Л. Посадкова и С.А. Красильникова вышли сборники научных трудов «Развитие библиотечного дела в Сибири. Советский период» и «Развитие книжного дела в Сибири на Дальнем Востоке. Советский период». В 1992 г. в составе Ученого совета ГПНТБ СО РАН была создана секция книговедения, а год спустя отдел книговедения был преобразован в сектор в составе отдела научно-исследовательской и методической работы (ОНИМР). Отдел возглавила Е.Б. Артемьева, а зав. сектором был назначен С.А. Пайчадзе. В 1993 г. А.Л. Посадков защитил докторскую диссертацию в форме научного доклада на тему «Книжное дело в Сибири в условиях формирования советского общественного строя (1917 – июнь 1941 гг.)». В 1994 г. он получил почетное звание «Засуженный ветеран СО РАН».

В 1997–1999 гг. под руководством А.Л. Посадкова шла работа по грантовому проекту Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) «Печать “белой” Сибири (1918–1920 гг.)», была опубликована серия его статей на эту тему. В 1999 г. ряд статей ученого, посвященных сибирскому книгоизданию 1910–1930-х гг., вошел в фундаментальную энциклопедию «Книга».

⁴ Посадков А.Л., Гильди Л.А. Печать и книжное дело Сибири в условиях «военного коммунизма». Конец 1919 – 1921 г. Новосибирск, 1987.

В 2000 г. А.Л. Посадсков стал редактором сборника Пятых Макушинских чтений. В этом же году опубликован первый том многотомного издания «Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока». Пять томов, охватывающие период 1789–1991 гг., вышли в 2000–2006 гг. При подготовке издания А.Л. Посадсков выступил не только в качестве автора многих глав и разделов, но и в качестве ответственного редактора третьего и пятого томов. В 2001 г. первые два тома коллективной монографии получили 1-е место на конкурсе научно-исследовательских работ ГПНТБ СО РАН.

В 2001–2002 гг. А.Л. Посадсков возглавлял коллектив ученых и архивистов, выполнявших работы по гранту РГНФ «Возрожденное издание: реконструкция невышедших томов Сибирской советской энциклопедии (1930-е гг.)». По итогам работы воссоздан и подготовлен к печати пятый том энциклопедии: около 2 000 статей в соответствии с разработанным и утвержденным в 1930-е гг. словником, а также более 200 статей, исключенных из томов по цензурным соображениям. Была создана электронная версия пятого (основного) и дополнительного томов Сибирской советской энциклопедии.

В 2002 г. сектор книговедения, входящий в ОНИМР, преобразован в самостоятельное структурное подразделение – лабораторию книговедения. Вскоре А.Л. Посадсков был избран заведующим лабораторией. В этой должности он проработал до 2012 г.

В 2003 г. под редакцией А.Л. Посадскова выпущен сборник «Сибирская советская энциклопедия: проблемы реконструкции издания». Тогда же А.Л. Посадсков стал членом редколлегии и редактором разделов «Культура», «СМИ и книжное дело» в «Энциклопедии Новосибирска», написав для нее около 100 статей.

В 2005 г. по инициативе А.Л. Посадскова на базе ГПНТБ СО РАН была основана книжная серия «История Сибири в воспоминаниях и дневниках», вводящая в научный оборот неизвестные ранее документы по истории культуры Сибири. Он же возглавил редакционный совет серии. Первой книгой, выпущенной в ее рамках, стали воспоминания генерал-лейтенанта Сибирского казачьего войска Г.Е. Катанаева «На заре сибирского самосознания»⁵. В предисловии к ней редактор сформулировал основные принципы публикации: ориентация не только на профессиональных историков, но и на любителей старины; обеспечение научной стороны издания подробными вводными статьями, исчерпывающими комментариями и, по возможности, документальными приложениями, расширяющими источниковую базу. Указанных принципов издатели придерживались и в дальнейшем.

В 2005–2007 гг. под руководством А.Л. Посадскова велись работы по гранту РГНФ «“Революция в головах”: книга и ее читатель в Сибири от “застоя” к реформам (1964–2004 гг.)». По итогам проекта были выпущены сборники научных трудов «Книга в российской провинции: Парадигмы и альтернативы книжной культуры Сибири в 60-х годах XX – начале XXI века» (2005) и «Книжная культура на Востоке России: от традиций к модернизации (60-е годы XX – начало XXI века)» (2006).

В 2007 г. А.Л. Посадсков стал одним из авторов справочника «Средства массовой информации Новониколаевска – Новосибирска. 1906–2006»⁶. Вышла его совместная с С.П. Менщиковой статья о ГПНТБ СО РАН в «Библиотечной энциклопедии»⁷. В 2007–2009 гг. А.Л. Посадсков руководил проектом по гранту РГНФ «Книжная культура Сибири и Дальнего Востока: исторический путь и векторы модернизации (конец 1980-х гг. – начало XXI в.)», в 2008–2010 гг. – проектом по гранту РГНФ «20 лет без цензуры: печать и электронные СМИ Сибирско-Дальневосточного региона в условиях формирования гражданского общества (1988–2008 гг.)». Результатом последнего стал сборник научных трудов «Книга, печать, электронные СМИ в информационном пространстве Сибирско-Дальневосточного региона (90-е гг. XX – начало XXI века)» (2010).

⁵ Катанаев Г.Е. На заре сибирского самосознания: воспоминания генерал-лейтенанта Сиб. казачьего войска. Новосибирск, 2005.

⁶ Средства массовой информации Новониколаевска – Новосибирска. 1906–2006. Новосибирск, 2007.

⁷ Менщикова С.П., Посадсков А.Л. Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской академии наук // Библиотечная энциклопедия. М., 2007. С. 319–321.

В 2008 г. А.Л. Посадсков награжден почетной грамотой Российской академии наук и Профсоюза работников РАН. В 2009 г. по интеграционному проекту СО РАН была издана трехтомная «Историческая энциклопедия Сибири», А.Л. Посадсков руководил группой авторов ГПНТБ СО РАН и стал редактором раздела «Печать. Книга. Библиотека».

С 2012 г. А.Л. Посадсков являлся главным научным сотрудником лаборатории книговедения. В 2012 г. вышла еще одна книга, подготовленная им в серии «История Сибири в воспоминаниях и дневниках», – воспоминания начальника Осведомительного управления при штабе Колчака Г.И. Клерже «Революция и Гражданская война»⁸. Год спустя в издательстве Новосибирского государственного технического университета при участии ГПНТБ СО РАН и Комиссии по истории книжной культуры и комплексному изучению книги Сибирского и Дальневосточного регионов Научного совета РАН «История мировой культуры», должность председателя которой А.Л. Посадсков занимал с 2004 г., была выпущена книга «Издательство “Факел” и его сотрудники: страница из истории российской печати XX века»⁹ – о В.П. Микулине и М.Б. Бараховиче, создавших в Томске второй половины 1910-х гг. антибольшевистское издательство. Этим изданием была запущена еще одна книжная серия – «Люди книжной культуры».

В 2013 г. А.Л. Посадскову присвоено ученое звание профессора, в 2014 г. он стал дипломантом конкурса на соискание премии им. Д.С. Лихачева за изучение истории книжного дела Сибири и Дальнего Востока, в 2018 г. награжден почетной грамотой Российской академии наук.

В 2010-е гг. в качестве исполнителя он участвовал в проектах: «Традиции и инновации в развитии книжной культуры в условиях современной модернизации (на примере Сибири и Дальнего Востока)» (2012–2014), «Традиции и современные тенденции в развитии книжной культуры Сибири и Дальнего Востока» (2013–2016), «Эволюция книжной культуры Сибири в контексте исторических, социальных и информационно-коммуникационных трансформаций» (2016), «Региональная книжная культура Сибири и Дальнего Востока в информационном обществе» (2017–2021); в работе по грантам: «Традиции и инновации в развитии книжной культуры в условиях современной модернизации (на примере Сибири и Дальнего Востока)» (2012–2016), «Издательский проект 6-го тома коллективной монографии “Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока”» (2012–2018), «Наука и ученые в восточных регионах России в мобилизационной парадигме (1930 – нач. 1950-х гг.)» (2018–2020). В конце 2010-х – начале 2020-х гг. историк сосредоточил свое внимание на развитии книжной культуры в переломные моменты российской истории: революции 1917 г., Гражданская война 1918–1922 гг., нэп, предвоенное десятилетие 1931–1941 гг., системная трансформация общества 1990-х гг. – начала XXI в. В 2021 г. была издана первая часть шестого тома коллективной монографии «Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока», посвященная первым 25 годам функционирования региональной книги в условиях постсоветской эпохи (1992–2017 гг.).

С 2022 г. А.Л. Посадсков руководил научно-исследовательским проектом «Эго-документы по истории Великой Отечественной войны и других военных конфликтов XX века из архивохранилищ востока России: проблемы выявления, атрибуции и публикации», целью которого является выявление, систематизация, атрибутирование, описание, историко-текстологический анализ, оценка информационного и общественного потенциала и подготовка к использованию в виде издательского продукта неопубликованных эго-документов, охватывающих события вооруженных конфликтов XX в. В рамках проекта было издано несколько монографий, последней из которых на конец 2024 г. стал двухтомник воспоминаний и военно-научных разработок генерал-майора русской императорской армии П.Ф. Рябикова «Довелось мне пережить...»¹⁰. В этом же году ученый награжден грамотой Российского книжного союза и Почетным знаком СО РАН «Серебряная сигма» за большой вклад

⁸ Клерже Г.И. Революция и гражданская война: личные воспоминания. Новосибирск, 2012.

⁹ Посадсков А.Л. Издательство «Факел» и его сотрудники: страница из истории российской печати XX века. Новосибирск, 2013.

в развитие информационно-библиографического обеспечения ученых и специалистов СО РАН, многолетний добросовестный труд, плодотворную научную деятельность.

Более 30 лет А.Л. Посадсков преподавал в системе повышения квалификации и переподготовки библиотечных кадров в рамках Сибирского регионального центра непрерывного образования при ГПНТБ СО РАН, где вел курс «История библиотечного дела России». Слушатели курса знакомились с теоретическими и методологическими предпосылками изучения истории библиотечного дела и изучали историю отечественных библиотек от эпохи Раннего Средневековья до начала XXI в. Под научным руководством А.Л. Посадскова подготовлены и защищены одна докторская и семь кандидатских диссертаций.

А.Л. Посадсков являлся членом редколлегий журналов «Гуманитарные науки в Сибири», «Библиография», «Библиосфера», всероссийского сборника «Книга. Исследования и материалы», был награжден Почетной грамотой губернатора Новосибирской области, Почетным званием «Почетный работник науки и техники Российской Федерации», Почетным званием «Ветеран труда Российской Федерации». В конце 2024 г. он удостоен медали «300 лет Российской академии наук» за большой вклад в развитие научных исследований в области изучения общероссийской и региональной книжной культуры, введение в научный оборот уникальных документов по истории культуры Сибири и Дальнего Востока, подготовку научных кадров высшей квалификации, большую научно-организационную и просветительскую деятельность. Им опубликовано более 500 научных статей.

Скончался 26 декабря 2024 г.

Литература

Катанаев Г.Е. На заре сибирского самосознания: воспоминания генерал-лейтенанта Сибирского казачьего войска / отв. ред. А.Л. Посадсков. Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2005. 368 с.

Клерже Г.И. Революция и гражданская война: личные воспоминания / отв. ред. А.Л. Посадсков. Новосибирск: ГПНТБ, 2012. 542 с.

Менщикова С.П., Посадсков А.Л. Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской академии наук // Библиотечная энциклопедия. М.: Пашков дом, 2007. С. 319–321.

Посадсков А.Л. Сибирская книга и революция. 1917–1918 гг. Новосибирск: Наука, Сиб. отделение, 1977. 288 с.

Посадсков А.Л. Книжное дело в Сибири. 1919–1923 гг. Новосибирск: Наука, Сиб. отделение, 1979. 352 с.

Посадсков А.Л. Издательство «Факел» и его сотрудники: страница из истории российской печати XX века. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2013. 191 с.

Посадсков А.Л., Гильди Л.А. Печать и книжное дело Сибири в условиях «военного коммунизма». Конец 1919 – 1921 г. Новосибирск: Наука, Сиб. отделение, 1987. 194 с.

Рябиков П.Ф. «Довелось мне пережить...»: записки генерала русской разведки 1904–1924 гг. Т. 1 / отв. ред. А.Л. Посадсков. Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2023. 517 с.

Средства массовой информации Новониколаевска – Новосибирска. 1906–2006 / авт.-сост. А.Л. Посадсков, И.В. Лизунова; отв. ред. Е.Н. Савенко. Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2007. 500 с.

References

Menshchikova, S.P., Posadskov, A.L. (2007). Gosudarstvennaya publichnaya nauchno-tekhnicheskaya biblioteka Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk [State Public Scientific Technological Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences]. In *Bibliotekhnaya ehntsiklopediya*. Moscow, Pashkov dom, pp. 319–321.

¹⁰ *Рябиков П.Ф.* «Довелось мне пережить...»: записки генерала русской разведки 1904–1924 гг. Т. 1. Новосибирск, 2023.

Posadskov, A.L. (1977). *Sibirskaya kniga i revolyutsiya. 1917–1918 gg.* [The Siberian Book and the Revolution. 1917–1918]. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otdelenie. 288 p.

Posadskov, A.L. (1979). *Knizhnoe delo v Sibiri. 1919–1923 gg.* [Book Business in Siberia. 1919–1923]. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otdelenie. 352 p.

Posadskov, A.L. (2013). *Izdatel'stvo "Fakel" i ego sotrudniki: stranitsa iz istorii rossiyskoy pechati XX veka* ["Fakel" Publishing House and Its Staff: A Page from the History of the 20th Century Russian Press]. Novosibirsk, Izdatel'stvo NGTU. 191 p.

Posadskov, A.L. (Ed.), Katanaev, G.E. (2005). *Na zare sibirskogo samosoznaniya: vospominaniya general-leytenanta Sib. kazach'ego voyska* [At the Dawn of Siberian Self-Awareness: Memoirs of a Lieutenant General of the Siberian Cossack Army]. Novosibirsk, GPNTB SO RAN. 368 p.

Posadskov, A.L. (Ed.), Klerzhe, G.I. (2012). *Revolyutsiya i grazhdanskaya voyna: lichnye vospominaniya* [Revolution and Civil War: Personal Memories]. Novosibirsk, GPNTB. 542 p.

Posadskov, A.L. (Ed.), Ryabikov P.F. (2023). *"Dovelos' mne perezhit'...": zapiski generala russkoy razvedki 1904–1924 gg.* ["I Had a Chance to Experience...": Notes of a General of Russian Intelligence 1904–1924]. Novosibirsk, GPNTB SO RAN. Vol. 1. 517 p.

Posadskov, A.L., Gil'di, L.A. (1987). *Pечат' i knizhnoe delo Sibiri v usloviyakh "voennogo kommunizma". Konets 1919 – 1921 g.* [Printing and Bookmaking in Siberia under the Conditions of "War Communism". The End of 1919 – 1921]. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otdelenie. 194 p.

Savenko, E.N. (Ed.). (2007). *Sredstva massovoy informatsii Novonikolaevska – Novosibirska. 1906–2006* [The Mass Media of Novonikolaevsk – Novosibirsk. 1906–2006]. Novosibirsk, GPNTB SO RAN. 500 p.

ВАРЛЕН ЛЬВОВИЧ СОСКИН: ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

24 февраля 2025 г. памятная юбилейная дата – 100-летие со дня рождения видного ученого, одного из ведущих историков страны своего поколения и родоначальника современных исследований в области социальной истории отечественной культуры и интеллигенции советской эпохи. Сибиряк (уроженец г. Томска), вырос в семье советских интеллигентов первой генерации, перешедших из номенклатурной партийной среды в сферу профессиональных специалистов (отец – известный инженер-химик, мать – медик-педиатр). Его отец Лев Пейсахович, будучи мобилизован в действующую армию как военный химик, летом 1941 г. погиб в страшном Вяземском котле. Сам Варлен, успев поработать учеником слесаря на заводе им. Чкалова, также в 1943 г. был мобилизован, пройдя курс обучения в артиллерийском училище, участвовал с осени 1944 г. в боях в Польше и Восточной Пруссии, где получил ранение, удостоен боевых наград. После демобилизации учился на историческом факультете Ленинградского государственного университета, закончив который, вернулся в Сибирь и стал профессиональным историком, защитив кандидатскую диссертацию. В.Л. Соскин стоял у истоков формирования первых гуманитарных структур в Сибирском отделении Будучи одним из ближайших соратников А.П. Окладникова, он являлся ответственным секретарем пятитомного издания «Истории Сибири». Тогда же В.Л. Соскин определил предметным полем своих исследований историко-культурную сферу, работая в которой сформировал новое не только в масштабах региона, но и получившее признание в стране направление социальной истории культуры, науки и интеллигенции советской эпохи. Совмещение научной деятельности с преподаванием в Новосибирском государственном университете позволило ему создать коллектив молодых исследователей, развивавших при его научном лидерстве указанное направление. Он руководил защитой более 130 дипломников Новосибирского государственного университета, 37 его аспирантов и соискателей стали кандидатами наук, а впоследствии четверо учеников защитили докторские диссертации.

В память о Варлене Львовиче как талантливом исследователе, организаторе науки и наставнике молодежи нами сформирован для размещения в настоящем выпуске «Исторического курьера» мемориальный раздел, состоящий из следующих частей: документы о его научной, служебной и преподавательской деятельности, извлеченные из личных дел, хранящихся в Институте истории СО РАН и Новосибирском государственном университете, воспоминания о нем ряда его учеников, сканы рецензий на его основные монографические издания, подборка фотографий, хранящихся в семейном архиве Соскиных–Гусевых. Составители стремились хотя бы в такой пусть и небольшой степени отразить его непростую, но яркую жизнь и судьбу.

Наградной лист

19

Фамилия, имя и отчество СОСКИН-ФАЙНГЕРМАН Барлен Львович

Военное звание Мл. лейтенант.

Должность, часть (без сокращения) Командир взвода разведки штабной батареи 96 Артиллерийского Черновского Краснознаменного Ордена Суворова Полка 90 Стрелковой Ропшинской Краснознаменной Ордена Суворова Дивизии.

Представляется к ордену "КРАСНАЯ ЗВЕЗДА"

1. Год рождения 1925 2. Национальность еврей

3. С какого времени состоит в Красной Армии с 1943 г. 4. Партийность и стаж кандидат ВКП/б / с 1944 г. к/н. 7534980

5. Участие в боях (где и когда) в ОТВЕТСТВЕННОЙ ВОЙНЕ с 1943 г.

6. Имеет ли ранения и контузии (степень ранения, дата и фронт) Легко ранен З.И. 1945 г на 2 Б.Ф.

7. Чем ранее награжден (чей приказ, его № и дата) Не награждался.

8. Каким РВК и какой обл. призван ЗАБИЦЕВСКИМ РВК, гор. НОВОСИБИРСКА.

9. Постоянный домашний адрес представляемого к награждению (или его семьи, степень родства, фамилия, имя и отчество родственника) _____

И
В
К
И
Ш
Д
П
О
Д
Л
Я

1. Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг

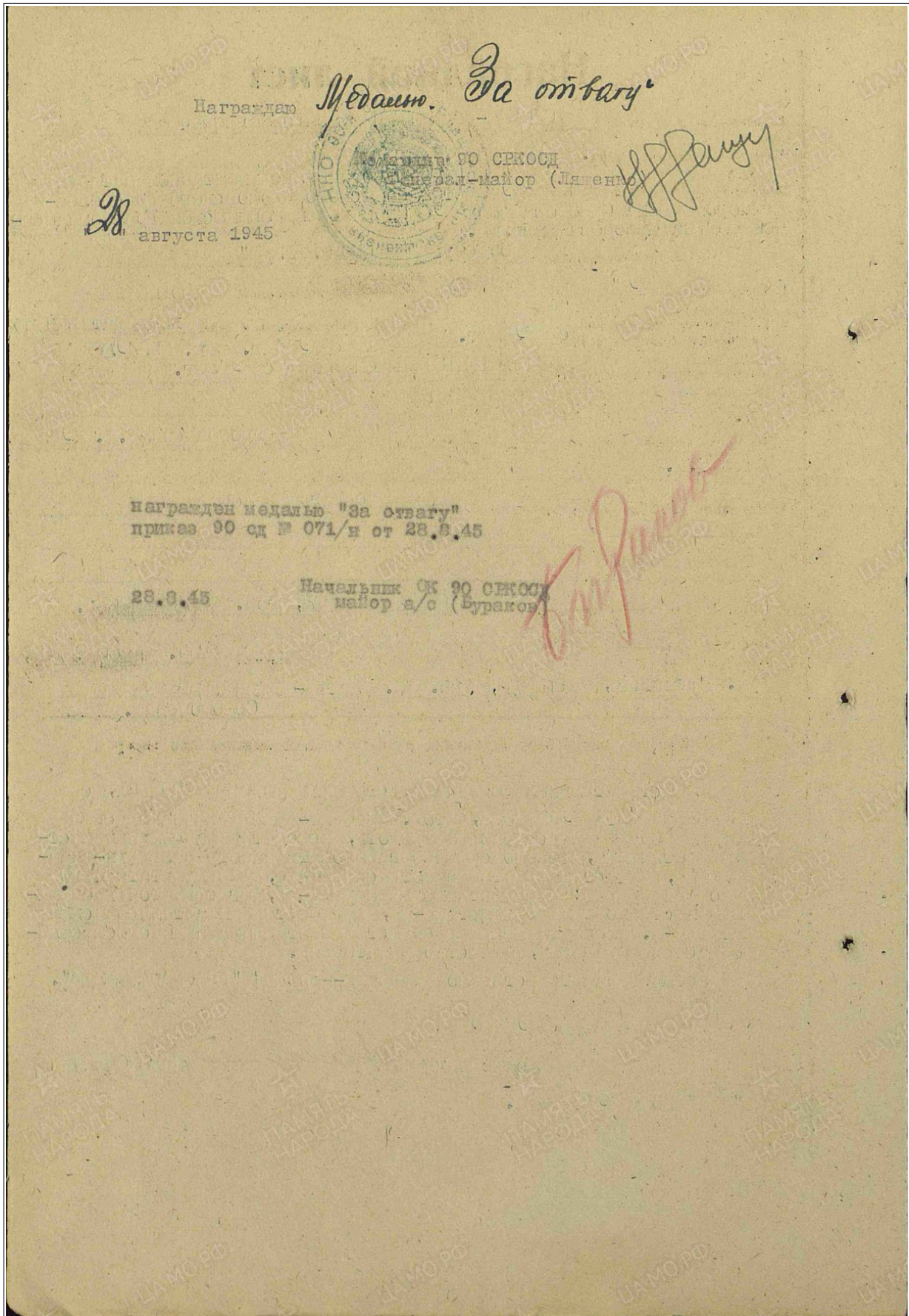
В наступательных боях на подступах к городу ГДАНЬСК с 18 по 22 марта 1945 года, тов. СОСКИН-ФАЙНГЕРМАН находясь в боевых порядках наступающей пехоты, не смотря на сильные обстрелы противника, хорошо сумел организовать работу разведки-наблюдения, участвуя в этой работе сам лично, в результате чего было обнаружено: противотанковых орудий - 6, огневых точек с ручными и станковыми пулеметами - 11, минометных и артиллерийских батарей - 3. Все эти огневые средства противника были своевременно частью подавлены, а частью уничтожены.

Достоин Правительственной награды - ордена "КРАСНАЯ ЗВЕЗДА".

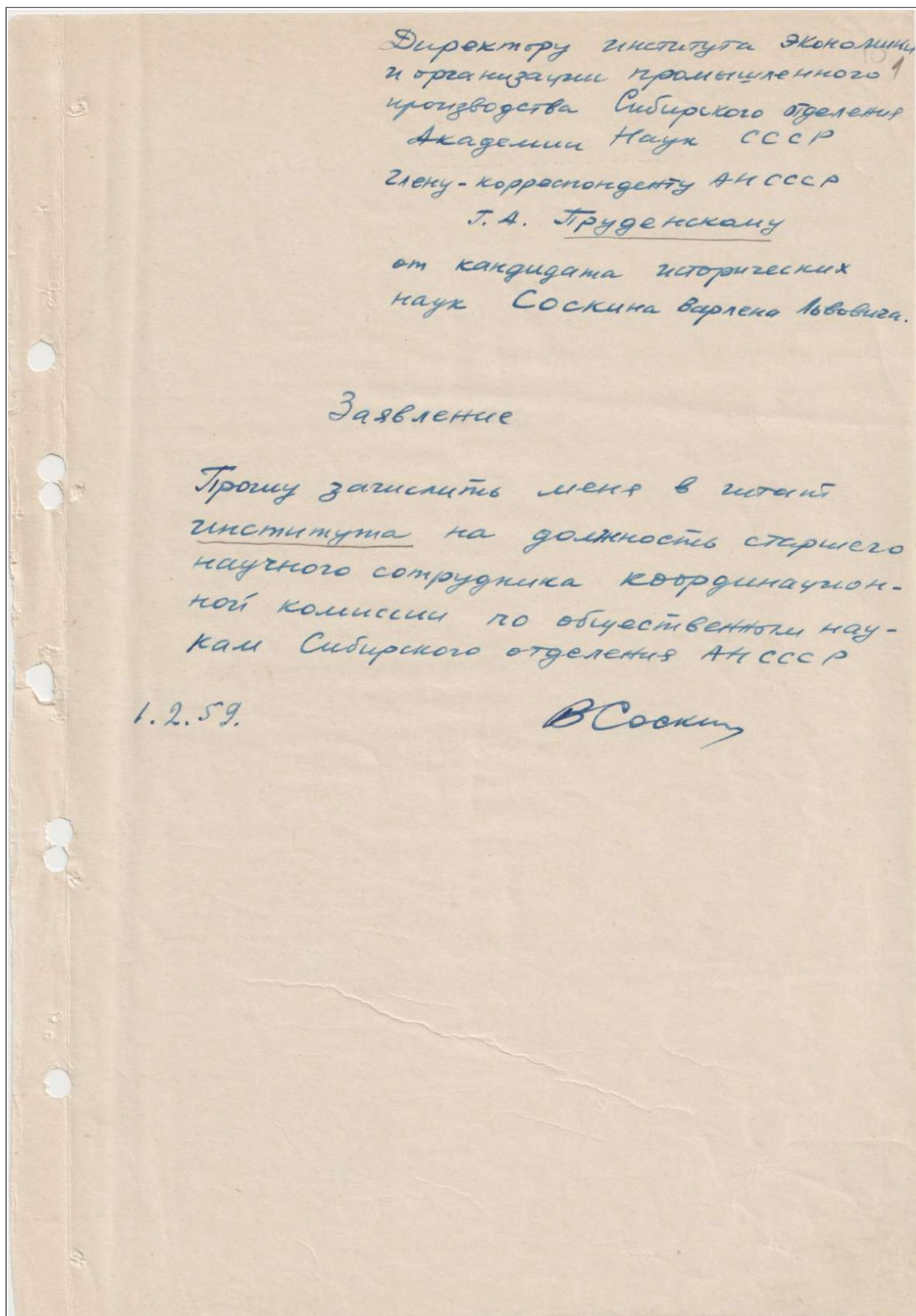

КОМАНДИР 96 АП / ПОДПОЛКОВНИК / *Андрей МАГОРСКИЙ*

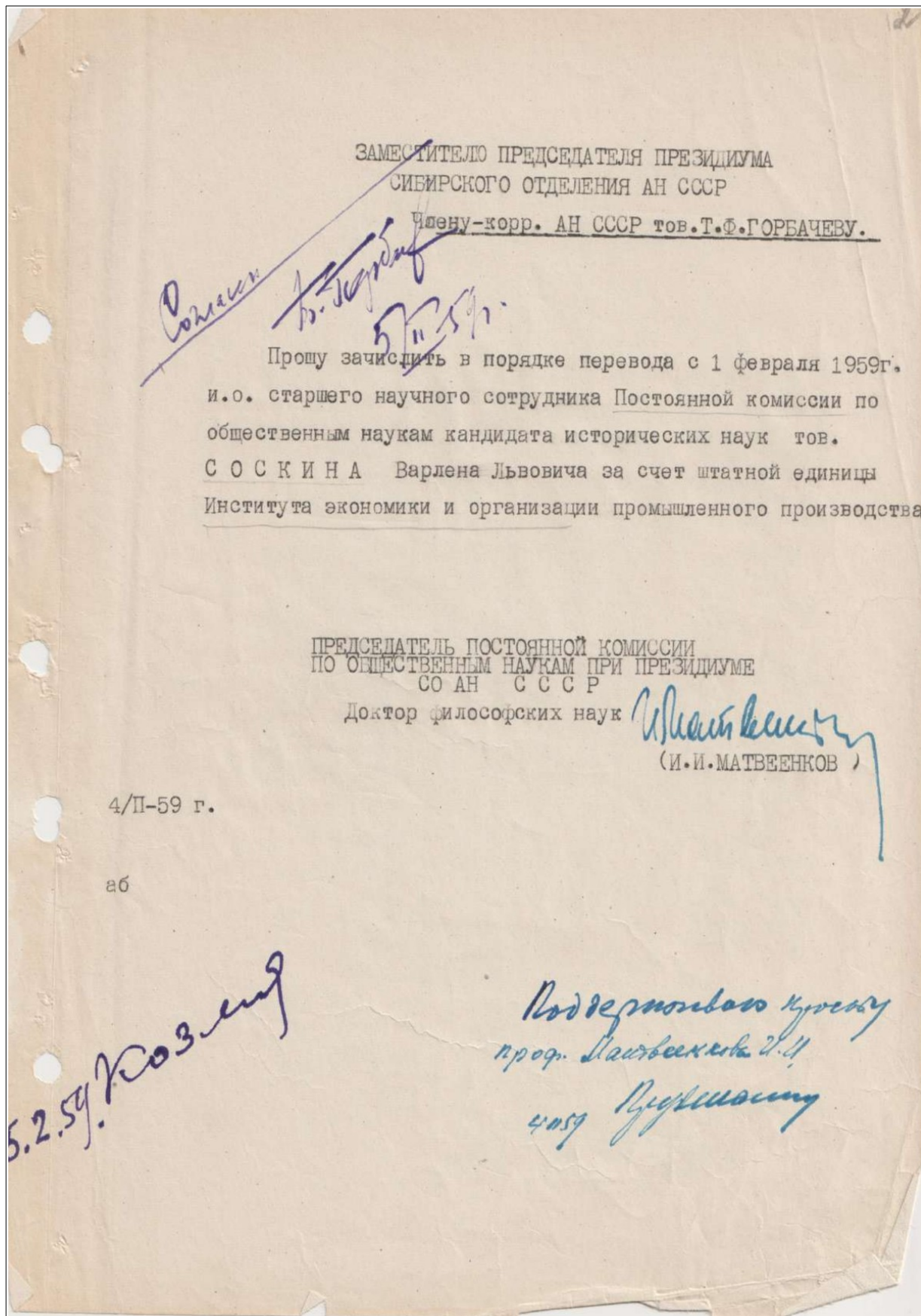
"28" июля 1945 года.

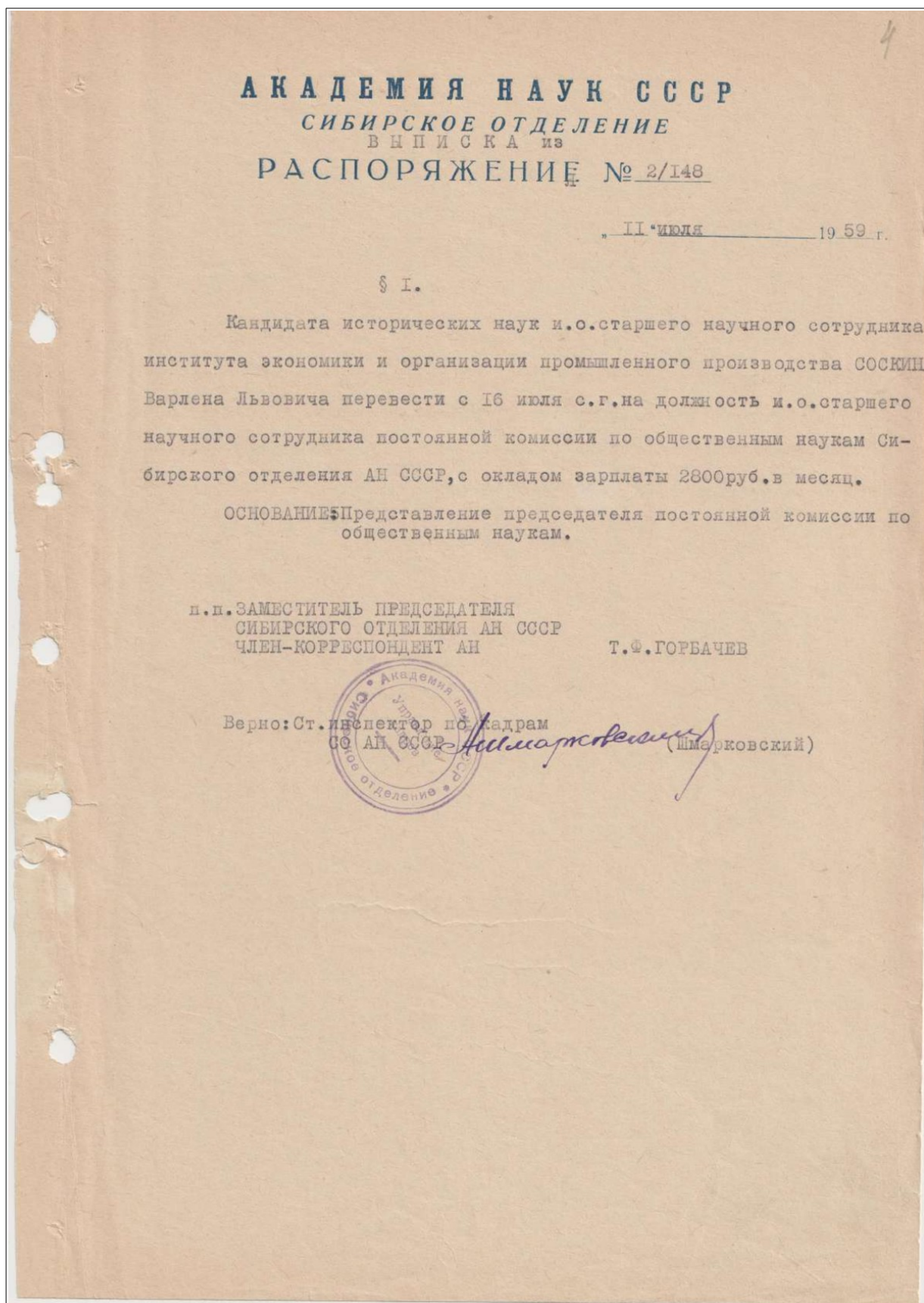
ДОКУМЕНТАМ ИЗ ЛИЧНОГО ДЕЛА В.Л. СОСКИНА В ИНСТИТУТЕ ИСТОРИИ СО РАН

Заявление В.Л. Соскина с ходатайством о зачислении в штат
Института экономики и организации промышленного производства СО АН СССР
от 1 февраля 1959 г.

Согласование с руководством СО АН о зачислении В.Л. Соскина в штат Постоянной комиссии по общественным наукам (ПКОН) от 4 февраля 1959 г.

Выписка из распоряжения СО АН о зачислении В.Л. Соскина в штат ПКОН от 11 июля 1959 г.

5

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
С И Б И Р С К О Е О Т Д Е Л Е Н И Е
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ И ОРГАНИЗАЦИИ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

6 марта 1961 года
РАСПОРЯЖЕНИЕ № 405-104-33

В соответствии с решением Бюро Президиума СО АН СССР от 11 января 1961 года № 14 и от 3 марта 1961 года

2. Перевести в штат сектора "Истории промышленности" работников Постоянной комиссии по общественным наукам СО АН СССР:
-ст. научного сотрудника к.и.н. ГРОМКО Марину Михайловну	
и.е. ст. научного сотрудника к.и.н. <u>СОСКИНА Варлена Львовича</u>	
мл.н.с.	КОЗЛОВА Алексея Николаевича
старшего лаборанта	ПРОНИНУ Галину Ивановну
младшего научного сотрудника	ИУЖЛИНУ Елену Александровну

П.П. Директор Института
Член-корреспондент АН СССР - Г.А. ПРУДЕНСКИЙ

верно:

ст. инспектор по кадрам

Н.М. Козлова /КОЗЛОВА Н.М./

Распоряжение о переводе В. Л. Соскина в штат сектора по истории промышленности Института экономики от 11 января 1961 г.

Личный листок по учету кадров

1. Фамилия Соскина
 имя Варвара отчество Львовна
 2. Пол ж 3. Год, число и м-ц рождения 24/10-1925
 4. Место рождения г. Томск
(село, деревня, город, район, область)

5. Национальность еврей 6. Соц. происхождение из служащих
 7. Партийность чл. КПСС партстаж октябрь 1946 партбилет № 00811414
(месяц и год вступления) к/карточка
 8. Состоите ли членом ВЛКСМ, с какого времени и № билета не состою
 9. Образование высшее

Название учебного заведения и его местонахождение	Факультет или отделение	Год поступления	Год окончания или ухода	Если не окончил, то с какого курса ушел	Какую специальность получил в результате окончания учебного заведения, указать № диплома или удостоверения
<u>Ср. шк. №4. Новосибирск</u>		<u>1934</u>	<u>1942</u>		<u>Ср. образование</u>
<u>1^я Ростовское арт. училище</u>		<u>1943</u>	<u>1944</u>		<u>воинск-артиллерийск</u>
<u>Ленингр. ис. университет</u>		<u>1948</u>	<u>1952</u>		<u>историк. Диплом № -1503659</u>
<u>Аспирантура по истории КПСС при Новосибирском педагог. институте</u>					

10. Какими иностранными языками и языками народов СССР владеете немецким, итальян и переводчик со словарем
читаете и переводите со словарем, читаете и можете объясняться, владеете свободно
 11. Ученая степень, ученое звание кандидат исторических наук
 12. Какие имеет научные труды и изобретения много научных трудов См. список. (60 работ, 2 моногр.)

Статиздат 2 а4 16/2080/12—60 г., т. 100000

Личный листок по учету кадров В.Л. Соскина от 30 ноября 1961 г.

13. Выполняемая работа с начала трудовой деятельности (включая учебу в высших и средних специальных учебных заведениях, военную службу, участие в партизанских отрядах и работу по совместительству)

При заполнении данного пункта учреждения, организации и предприятия необходимо именовать так, как они назывались в свое время, военную службу записывать с указанием должности.

Месяц и год вступления	Месяц и год	Должность с указанием учреждения, организации, предприятия, а также министерства (ведомства)	Местонахождение учреждения, организации, предприятия
11.1941	3.1942	Слесарь 3-го ил. Чкалова	Новосибирск
9.1942	1.1943	Студент ин-та жем. дор. транспорта	Новосибирск
1.1943	3.1943	Солдат 35 зап. арт. полка	Новосибирск
3.1943	10.1943	2 ^е Томское арт. училище. Курсы	Томск
11.1943	10.1944	1 ^е Ростовское арт. училище. Курсы	г. Тамбов, Ростов. Ч/А
10.1944	2.1945	Ком. взвода артиллерии 1064 СТ, 281 СТ, 2 ударная армия, 2 Белор. фронт	Действующая армия
2.1945	5.1945	На исл. лемини, госпиталь	г. Белосток
5.1945	6.1946	Командир взвода разведки 96 арт. полка, 108 корпус, 2 Уд. армия	Германия
6.1946	11.1946	Ком. взвода разведки 44 арт. Бри- гады. 2 ударная армия	Германия
11.1946	2.1947	Учитель советской средней школы	г. Шверин, Германия.
3.1947	7.1948	Студент историка педагогики	г. Новосибирск
9.1948	7.1952	Студент историка Университета	г. Ленинград
8.1952	11.1954	Преподаватель истории КТЭС педагогического института	г. Кемерово
11.1954	9.1956	Аспирант кафедры истории КТЭС педагогического	г. Новосибирск
10.1956	1.1959	ассистент, затем старший препода- ватель истории КТЭС инжинерно- строит. ин-та им. В.В. Куйбышева	г. Новосибирск
2.1959	5.1961	чл. о. ст. научного сотрудника Го- сударственной комиссии по обще- ственым наукам СО АН СССР	г. Новосибирск
5.1961	по наст. время	чл. о. ст. научного сотрудника сектора истории ин-та эконо- мики и организации про- мышленного производства СО АН СССР	г. Новосибирск

Личный листок по учету кадров В.Л. Соскина от 30 ноября 1961 г.

16. Какие имеете правительственные награды _____ (когда и чем награждены)

19.7.1946. мед. "За отвагу"

9.5.1945. мед. "За победу над Германией"

9.6.1945. мед. "За взятие Кенигсберга"

17. Имеете ли партвзыскания нет (да, нет) Когда, кем, за что и какое наложено взыскание _____

18. Отношение к воинской обязанности и воинское звание лейтенант запаса,
военнообязанный

Состав командный Род войск артиллерия
командный, политический, административный, технический и т. д.

19. Семейное положение в момент заполнения личного листка перечислить членов семьи с указанием возр

жена - Соскина Анна Носовна - 35 лет

дочь - Соскина Мария - 11.8 мес.

мать жена - Горюкшина Мария Александровна - 59 лет

20. Домашний адрес: Новосибирск, 38, Народная 1, кв. 23

30. ноября 1961 г. Личная подпись _____
(дата заполнения)

(Работник, заполняющий личный листок, обязан о всех последующих изменениях (образовании, партийности, присвоении ученой степени, ученого звания, наложении и снятии партийного взыскания и т. п.) сообщать по месту работы для внесения этих изменений в его личное дело).

г. Новосибирск. Тип. № 1 Полиграфиздата.

Личный листок по учету кадров В.Л. Соскина от 30 ноября 1961 г.

АВТОБИОГРАФИЯ

Соскин Варлен Львович

Фамилия, имя и отчество

Я родился 24 февраля 1925 г. в г. Томске. Отец в то время был партийным работником, мать - студенткой. Впоследствии отец окончил институт, работал инженером-химиком, в 1941 г. погиб на фронте. Мать работает в раскопках по настоящее время. Она - членка КПСС с 1930 г. 1934 г.

В 1934 г. семья переехала в Новосибирск, где я поступил в школу №4. В 1941 г. начал трудовую деятельность, поступив на завод им. Чапаева слесарем. В 1942 г. завершил среднее образование и поступил в Новосибирский институт инженеров железнодорожного транспорта, откуда был призван в ряды Советской Армии. Служил старшим садовником, затем курсантом артиллерийского училища. Закончил училище в 1944 году и выехал в действующую армию. Принимал участие в боях на советско-германском фронте в качестве командира взвода противотанковой артиллерии. Во время боёв в Восточной Пруссии был ранен. Находился на излечении в госпиталях, после чего вернулся в строй. После победы служил в должности командира взвода разведки в различных частях Группы советских оккупационных

Автобиография В.Л. Соскина от 30 ноября 1961 г.

- 2 -

войск в Германии. В последние время пребывания в Германии работал учителем начальных классов советской школы. В 1947г. демобилизовался по собственному желанию и вернулся на Родину. В том же году поступил на исторический факультет Новосибирского педагогического института. В 1948г. перевелся для продолжения учёбы в Ленинградский университет, который окончил с отличием в 1952г. По направлению учёбы в г. Кемерово, где работал в местной педагогической институте преподавателем истории КПСС. В 1954г. поступил в аспирантуру при кафедре истории КПСС Новосибирского педагогического института. В 1956г. окончил аспирантуру и начал работу в Новосибирском инженерно-строительном институте в качестве ассистента, а затем старшего преподавателя кафедры истории КПСС. В 1957г. защитил диссертацию и получил учёную степень кандидата исторических наук. С 1959г. ^{Коллеги} работал в Сибирском отделении АН СССР. Сначала исполнял обязанности старшего научного сотрудника Постоянной комиссии по общественным наукам, а с лета 1961г. работал в этой же должности в секторе истории Института экономики и организации промышленного производства, по настоящее время.

Автобиография В.Л. Соскина от 30 ноября 1961 г.

— 3 —

Являюсь членом КПСС с 1946 г.

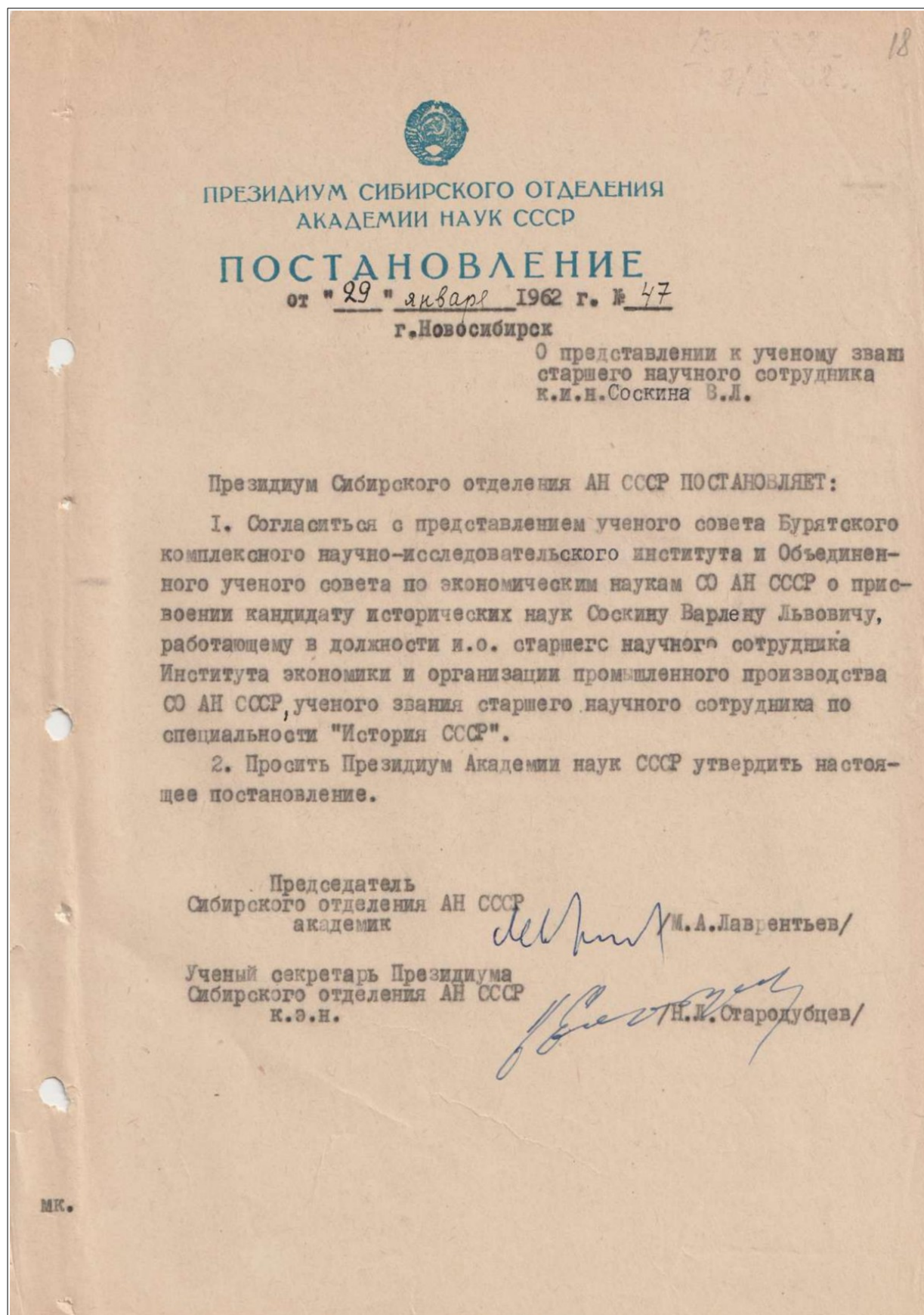
Семейное положение: жена, Соскина Анна
Ульяновна, член КПСС, заведует вечерним отде-
лом Новосибирского электромеханического тех-
никума. Преподаватель политехнической экономики.
Дочь — Марина, г. Омск.

Мать жены, Горюшкина Мария Александровна,
домохозяйка, 59 лет.

30 ноября 1961 г.

Подпись:

Автобиография В.Л. Соскина от 30 ноября 1961 г.

Постановление Президиума СО АН о представлении В.Л. Соскина к званию старшего научного сотрудника от 29 января 1962 г.

70
Директору Института
истории, филологии и архео-
логии СО АН СССР,
академику А. П. Окладникову
от и.о. заведующего сектор.
истории культурного строи-
тельства, г. и.н. Соскина В.Л.

Заявление

Прошу допустить меня к участию в
конкурсе на замещение должности заве-
дующего сектором истории культурного
строительства.

В.Л. Соскин

Заявление В.Л. Соскина о допуске к конкурсу на должность
заведующего сектором истории культурного строительства
ИИФФ СО АН СССР от 28 августа 1970 г.

Х А Р А К Т Е Р И С Т И К А

доктора исторических наук, профессора, старшего научного сотрудника, заведующего сектором истории культурного строительства Института истории, филологии и философии СО АН СССР СОСКИНА ВАРЛЕНА ЛЬВОВИЧА

1925 г. рождения, еврея, члена КПСС с 1946 г., участника Великой Отечественной войны, образование высшее, с 1957 г. - кандидат исторических наук, с 1968 г. - доктор исторических наук.

В.Л.Соскин в 1952 г. окончил с отличием исторический факультет Ленинградского государственного университета. В Сибирском отделении АН СССР работает с 1959 г., сначала старшим научным сотрудником, затем руководителем тематической группы по истории советской культуры, с 1970 г. - заведующим сектором истории культурного строительства Института истории, филологии и философии СО АН СССР. Ученое звание старшего научного сотрудника получил в 1962 г., ученое звание профессора - в 1970 г. В 60-е годы являлся ответственным секретарем главной редакции пятитомной "Истории Сибири", отмеченной в 1973 г. в лице ее главного редактора Государственной премией СССР.

Тов. Соскин В.Л. - известный специалист по истории СССР советского периода. Его труды, опубликованные в 50-е годы, посвящены истории рабочего класса и крестьянства в восстановительный период. С конца 50-х гг. и по настоящее время В.Л.Соскин разрабатывает, главным образом, проблемы теории, методологии и истории советской культуры и интеллигенции, истории организации науки. Кроме того, им опубликованы работы по истории Октябрьской революции и гражданской войны в Сибири, труды обобщающего характера

Характеристика научной, педагогической и общественной деятельности В.Л. Соскина заведующего сектором истории культурного строительства ИИФФ СО АН СССР от 10 октября 1986 г.

42

- 2 -

по истории Сибири.

В списке печатных трудов В.Л.Соскина насчитывается 166 работ, в том числе 4 монографии, разделы по истории культуры в 4 томе "Истории Сибири", в коллективной монографии "Крестьянство Сибири в период строительства социализма (1917-1937 гг.)", и др. За период 1981-1986 гг. В.Л.Соскиным опубликовано 38 работ общим объемом 43,6 п.л., в том числе монография (в соавторстве с С.А. Красильниковым) "Интеллигенция Сибири в период борьбы за победу и утверждение Советской власти. 1917 - лето 1918 гг." (Новосибирск:Наука, 1985, 16,3 п.л.). При руководящем участии В.Л.Соскина подготовлена "Хроника СО АН СССР" (Новосибирск, 1982). За указанное время подготовлено (или сдано) к печати 15 работ (более 11 а.л.). Коллективом сектора, руководимого В.Л.Соскиным, опубликовано за этот же период более 120 работ (150 п.л.) и подготовлено к печати 30 работ (около 35 а.л.).

В.Л.Соскин является членом многих научных советов, в том числе советов АН СССР по проблемам: "История социалистического и коммунистического строительства в СССР" и "История мировой культуры". Он ведет работу по подготовке кадров, руководит аспирантурой, 28 его учеников защитили кандидатские диссертации. В вузах В.Л.Соскин преподает с 1952 г., ведет занятия в Новосибирском государственном университете в качестве профессора кафедры "История СССР".

В.Л.Соскин постоянно участвует в общественной жизни. В течение многих лет руководит библиотечным советом Института. Избран в состав партийного бюро Института, объединенного профкома СО АН, правления Дома культуры и президиума Дома Ученых, руководил работой первичной организации общества "Знание", был секретарем партбюро отдела истории советского общества. Участвует в

Характеристика научной, педагогической и общественной деятельности В.Л. Соскина
заведующего сектором истории культурного строительства
ИИФФ СО АН СССР от 10 октября 1986 г.

43

- 3 -

работе сети партийного просвещения, выступая с лекциями перед различной аудиторией. Ряд лет вел работу методологического семинара в театре "Красный факел". Неоднократно получал благодарности и грамоты, в 1982 г. удостоен звания "Заслуженный ветеран СО АН СССР".

Характеристика дана для представления в Аттестационную комиссию Института.

Директор Института
чл.-к. АН СССР

А.П.Дервянко

Секретарь партбюро
Института, к.и.н.

Г.А.Бочанова

Председатель ПК
Института, к.ф.н.

Б.В.Болдырев

10.10.86

Характеристика научной, педагогической и общественной деятельности В.Л. Соскина заведующего сектором истории культурного строительства ИИФФ СО АН СССР от 10 октября 1986 г.

156

Унифицированная форма № Т-8
Утверждена Постановлением Госкомстата
России от 05.01.2004 № 1

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук
наименование организации

Код	0301006
Форма по ОКУД	
по ОКПО	

Номер документа	Дата составления
118	27.12.2012

**ПРИКАЗ
(распоряжение)**

прекращении (расторжении) трудового договора с работником (увольнении)

**Прекратить действие трудового договора от "6" июня 2008 г. № 94
уволить "29" декабря 2012 г.**

(ненужное зачеркнуть)

Табельный номер	00000001
-----------------	----------

Соскина Варлена Львовича
фамилия, имя, отчество

научно-исследовательская группа истории
структурное подразделение

главный научный сотрудник
должность (специальность, профессия), разряд, класс (категория) квалификации

п. 2 ст. 77 ТК. Истечение срока трудового договора
основание прекращения (расторжения) трудового договора (увольнения), статья ТК РФ

Компенсации за неиспользованный отпуск нет.

Основание (документ, номер, дата): _____
истечение срока трудового договора
заявление работника, служебная записка, медицинское заключение и т.д.

Руководитель организации _____
Директор чл.-к. РАН
должность

личная подпись

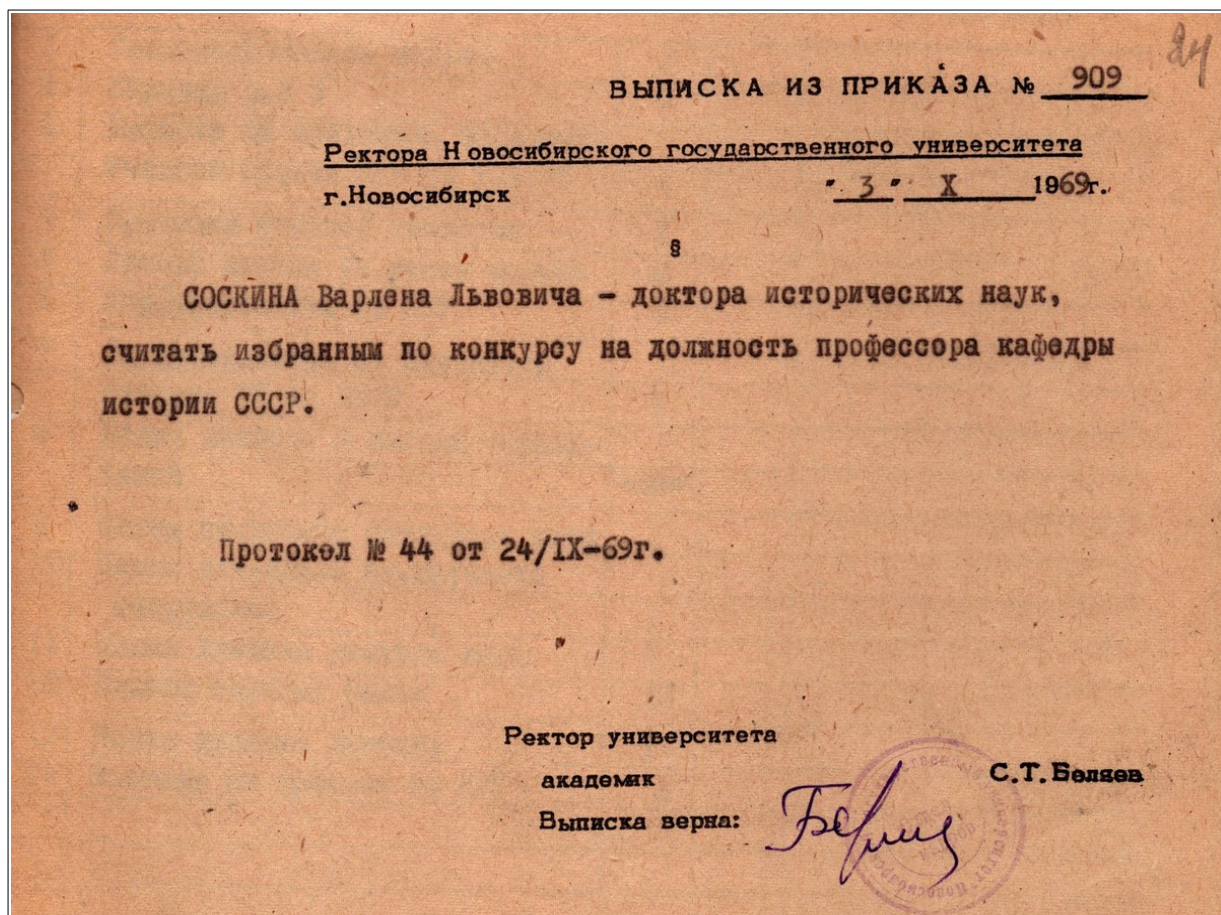
В. А. Ламин
расшифровка подписи

С приказом (распоряжением) _____
работник ознакомлен
личная подпись

Мотивированное мнение выборного профсоюзного органа в письменной форме
(от " " _____ 20 _____ года № _____) рассмотрено

Приказ об увольнении В. Л. Соскина из Института истории СО РАН от 27 декабря 2012 г.

ДОКУМЕНТЫ ИЗ ЛИЧНОГО ДЕЛА В.Л. СОСКИНА
В НОВОСИБИРСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Выписка из приказа ректора НГУ об избрании на должность профессора от 3 октября 1969 г.

5

ЛИЧНЫЙ ЛИСТОК

по учету кадров

Фамилия Соскин

Имя Варлен отчество Львович

Пол муж 3. Год, число и м-ц рождения 24 февр. 1925.

Место рождения г. Тюльск
(село, деревня, город, район, область)

Национальность еврей 6. Соц. происхождение из служащих

Партийность член КПСС партстаж октябрь 1946 партбилет № 00811414
(месяц и год вступления) к/карточка

Состоите ли членом ВЛКСМ, с какого времени и № билета не состою

Образование высшее

Наименование учебного заведения и его местонахождение	Факультет или отделение	Год поступления	Год окончания или ухода	Если не окончил, то с какого курса ушел	Какую специальность получил в результате окончания учебного заведения, указать № диплома или удостоверения
<u>школа №4. Новосибирск</u>		<u>1934</u>	<u>1942</u>		<u>Среднее образование</u>
<u>школа №1. ул. Гоголя. Ростов №10</u>		<u>1943</u>	<u>1944</u>		<u>офицер-артиллерист</u>
<u>Киевград. университет</u>	<u>истории</u>	<u>1948</u>	<u>1952</u>		<u>истории. Диплом № 503659</u>
<u>Ленинград. ин-т Новостройки</u>					
<u>Москва. гос. пед. ин-т</u>		<u>1954</u>	<u>1956</u>		

1. Какими иностранными языками и языками народов СССР владеете немецким, китай и могу объясняться
(читаете и переводите свободно, читаете и можете объясняться, владеете свободно)

2. Ученая степень, ученое звание доктор исторических наук, доцент

3. Какие имеете научные труды и изобретения Всего имею около 60 научных работ (более 50 - основные), в том числе 2 монографии в 17,5 и 22 п.л. (см. список трудов)

Личный листок по учету кадров от 3 сентября 1970 г.

13. Выполняемая работа с начала трудовой деятельности (включая учебу в высших и средних специальных учебных заведениях, военную службу, участие в партизанских отрядах и работу по совместительству)

При заполнении данного пункта учреждения, организации и предприятия необходимо именовать так, как они назывались в свое время, военную службу записывать с указанием должности.

Месяц и год		Должность с указанием учреждения, организации, предприятия, а также министерства (ведомства)	Местонахождение учреждения, организации, предприятия
вступления	ухода		
11.1941	3.1942	слесарь на 3-де ил. Зкалова	Новосибирск
9.1942	1.1943	студент ин-та шёл. дор. транспорта	— " —
1.1943	3.1943	солдат 35 зап. арт. полка	— " —
3.1943	10.1943	курсант 2 ^{го} Томского арт. училища	Томск
10.1943	10.1944	курсант 1 ^{го} Ростовского арт. училища	г. Сельбино, Ростов
10.1944	2.1945	ком. взвод артиллерии 1064 стр. полка	
		281 стр. див., 2 ^я удар. армии	2 ^я Белор. фронт
2.1945	5.1945	в госпитале на излечении	г. Белосток, Польша
5.1945	6.1946	ком. взвод разведки 96 арт. полка	
		90 стр. див., 2 ^я удар. армии	Группа советских войск в Германии
6.1946	11.1946	ком. взвод разведки 44 армейского арт. бригады, 2 ^я удар. армии	— " —
11.1946	2.1947	учитель советской средн. школы	г. Шверин, Германия
3.1947	7.1948	студент истор. фак-та Инд. ин-та	Новосибирск
9.1948	7.1952	студент истор. фак-та Университета	Ленинград
8.1952	11.1954	преподаватель истории КПСР пед. института	г. Кемерово
11.1954	9.1956	аспирант кафедры истории КПСР пед. ин-та	Новосибирск
10.1956	1.1959	препод. истор. КПСР инженерно-строительного института	Новосибирск
2.1959	2.1961	старший научный сотрудник Комиссии по обществ. наукам СОАИ СССР	Новосибирск
3.1961	4.1967	старший научный сотрудник Экономии СОАИ СССР	— " —
5.1967	по наст. время	старший научный сотрудник Института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР	— " —
9.1964	по наст. время	доцент (с 1969 — ч.о. профессора) кафедры истории СССР Новосибирского университета (по совместительству)	— " —

Личный листок по учету кадров от 3 сентября 1970 г.

16. Какие имеете правительственные награды _____
(когда и чем награждены)

19. 7. 1946 мед. "За отвагу"

9. 5. 1945. мед. "За победу над Германией"

9. 6. 1945 мед. "За взятие Кенигсберга"

7. 5. 1965 мед. "двадцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг."

26. 12. 1967 мед. "50 лет Вооруженных сил СССР"

19. 3. 1970 мед. "За доблестный труд. В ознаменовании 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина"

17. Имеете ли партвзыскания нет Когда, кем, за что и какое наложено взыскание
(да, нет)

18. Отношение к воинской обязанности и воинское звание военнообязанный, лейтенант, запас 2 разряда

Состав капитанский Род войск артиллерия
(командный, политический, административный, технический и т. д.)

19. Семейное положение в момент заполнения личного листка _____
(перечислить членов семьи с указанием возраста)

жена - Соскина Анна Ковенка - 44 года

дочь - Марика Соскина - 10 лет

мать жены - Брискина Мария Абрамовна - 68

20. Домашний адрес: Новосибирск, 90, ул. академика Мальца дом 1, кв. 12.

3 " сентября 1970 г. Личная подпись В Соколов

(Работник, заполняющий личный листок, обязан о всех последующих изменениях (образовании, партийности, присвоении ученой степени, ученого звания, наложении и снятии партийного взыскания и т. п.) сообщать по месту работы для внесения этих изменений в его личное дело).

Типография № 2, г. Новосибирск, з. 630-Д, т. 10000. 1965

Личный листок по учету кадров от 3 сентября 1970 г.

Х А Р А К Т Е Р И С Т И К А

ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, СТАРШЕГО НАУЧНОГО СОТРУДНИКА,
И.О.ПРОФЕССОРА КАФЕДРЫ ИСТОРИИ СССР НОВОСИБИРСКОГО ГОСУ-
ДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА СОСКИНА ВАРЛЕНА ЛЬВОВИЧА.

Соскин Варлен Львович, 1925 г. рождения, еврей, член КПСС с 1946 г., участник Великой Отечественной войны. В 1952 г. окончил исторический факультет Ленинградского государственного университета, в 1957 г. защитил кандидатскую, а в 1968 г. докторскую диссертации. Преподает в вузах с 1952 года, в Новосибирском университете – с 1963 года. Одновременно работает в должности старшего научного сотрудника в Институте истории, филологии и философии СО АН СССР, руководит исследовательской группой по истории культуры и интеллигенции.

Тов. Соскин В.Л. является специалистом по истории СССР советского периода. Его труды, опубликованные в 50-е годы, посвящены истории развития союза рабочего класса и крестьянства в восстановительный период. С конца 50-х годов и по настоящее время Соскин В.Л. разрабатывает, главным образом, проблемы истории культурной революции в СССР. Он выступал с докладами на научных конференциях, в том числе ряде всесоюзных и одной зарубежной. Им опубликовано и сдано в печать более 50 работ общим объемом около 100 печатных листов. Наиболее значительными являются монографии: "Очерки истории культуры Сибири в годы революции и гражданской войны" (17,5 п.л.) и "Культура Сибири в первые годы НЭПа" (22 п.л.), а также разделы по истории культуры в 4-ом томе "Истории Сибири". Как научный работник, В.Л.Соскин отличается трудолюбием и чувством долга, принципиальностью и идейной выдержанностью. Его работы актуальны по содержанию и выполнены на высоком научном уровне. Они неоднократно получали положительные оценки в прессе /журналы "Коммунист", "История СССР" и др./

На историческом факультете НГУ В.Л.Соскин постоянно читает общий курс истории СССР советского периода и спецкурсы по истории культурной революции в СССР. Его лекции характеризуются высоким научным уровнем, четкой методикой и яркостью изложения. Руководимый В.Л.Соскиным специальный семинар по проблемам

истории культуры и интеллигенции СССР пользуется большой популярностью, подготовленные в нем курсовые и дипломные работы, как правило, отличаются большими исследовательскими достоинствами. В.Л.Соскин руководит аспирантами, трое окончивших аспирантур защитили в срок кандидатские диссертации. В.Л.Соскин постоянно участвует в общественной жизни. Он избирался в состав партийного бюро Института, объединенного профкома СО АН СССР, правления Дома Культуры и президиума Дома Ученых. В НГУ В.Л.Соскин руководил теоретическим семинаром преподавателей факультета, участвует в проведении студенческих научных конференций, читает лекции в гуманитарном клубе университета. В.Л.Соскин также активно помогает работе районной сети партийного просвещения, регулярно выступает с лекциями перед трудящимися города и области.

Характеристика дана для представления на конкурс по изобретению на звание профессора по кафедре истории СССР.

Ректор Новосибирского государственного университета,
академик

[Handwritten signature]

/С.Т.Беляев/

Секретарь партбюро НГУ,
к.ф.н., доцент

[Handwritten signature]

/А.Н.Кочергин/

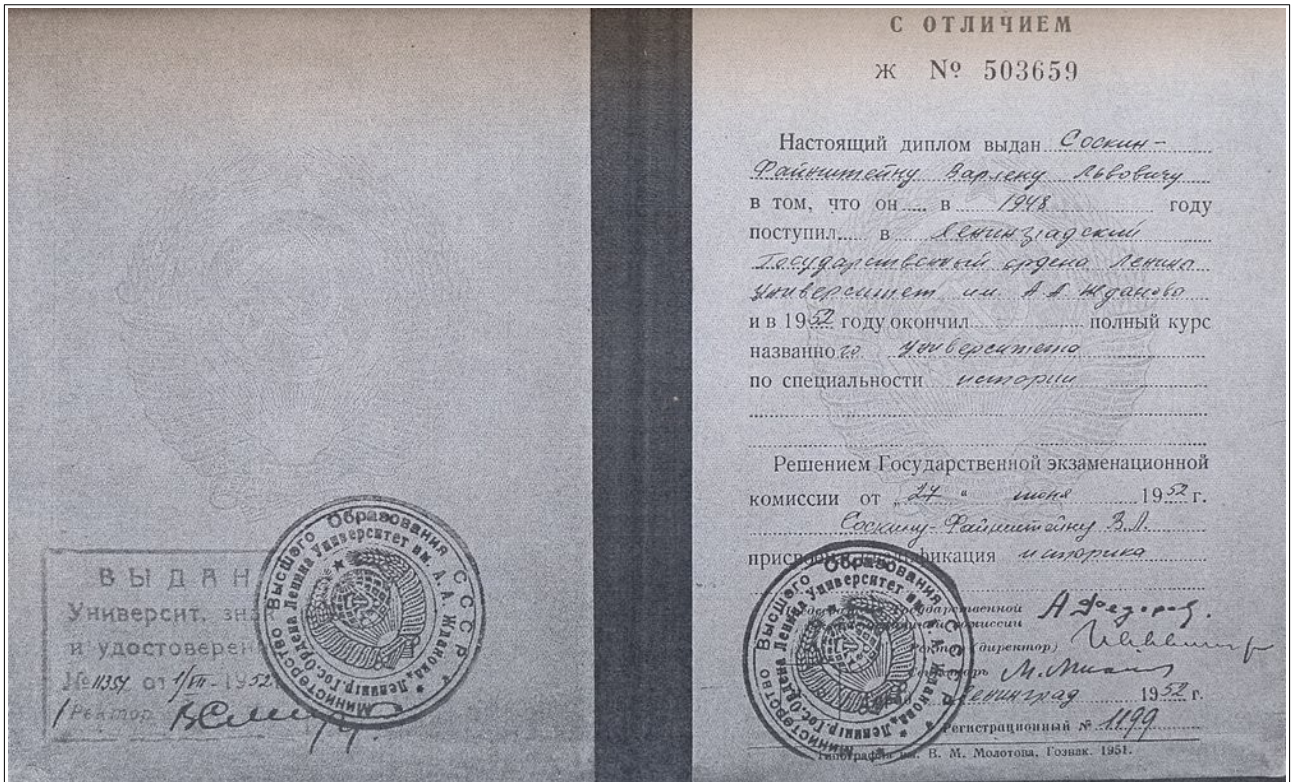
Председатель МК НГУ,
профессор

[Handwritten signature]

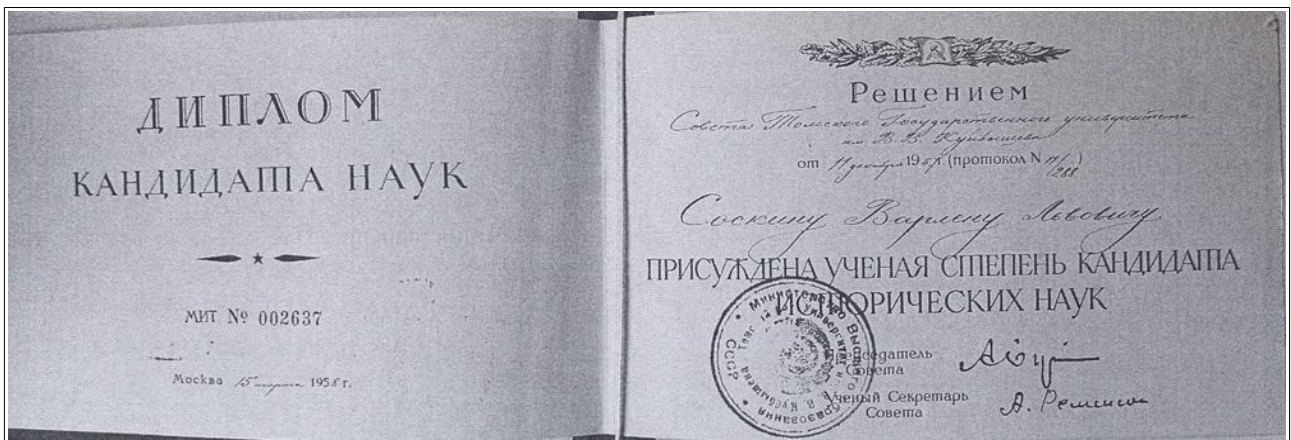
/М.Д.Шмерлинг/

[Handwritten signature]
14.09.70

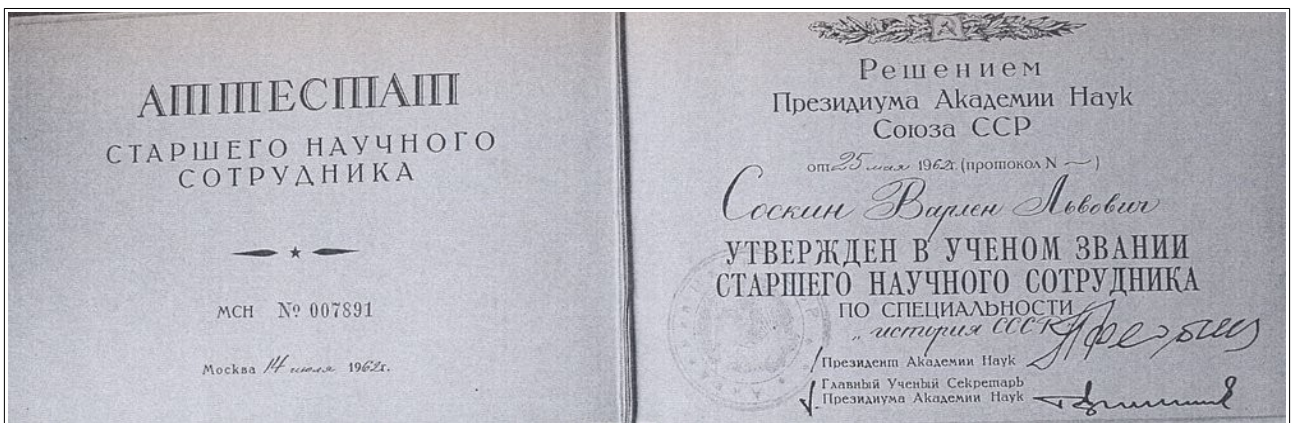
Характеристика – представление на звание профессора от 14 сентября 1970 г.

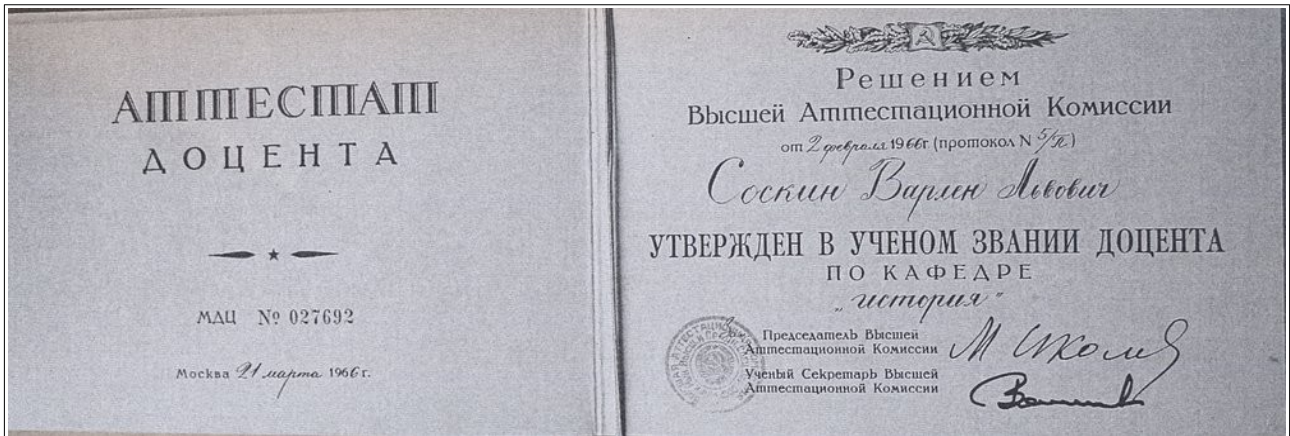
Диплом В.Л. Соскина об окончании исторического факультета Ленинградского университета в 1952 г.

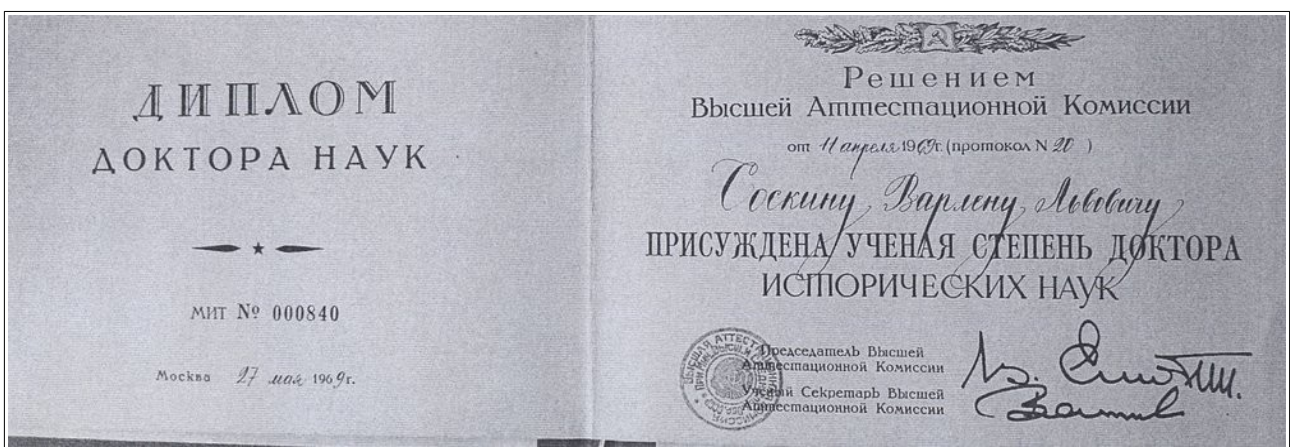
Диплом кандидата наук от 15 марта 1958 г.

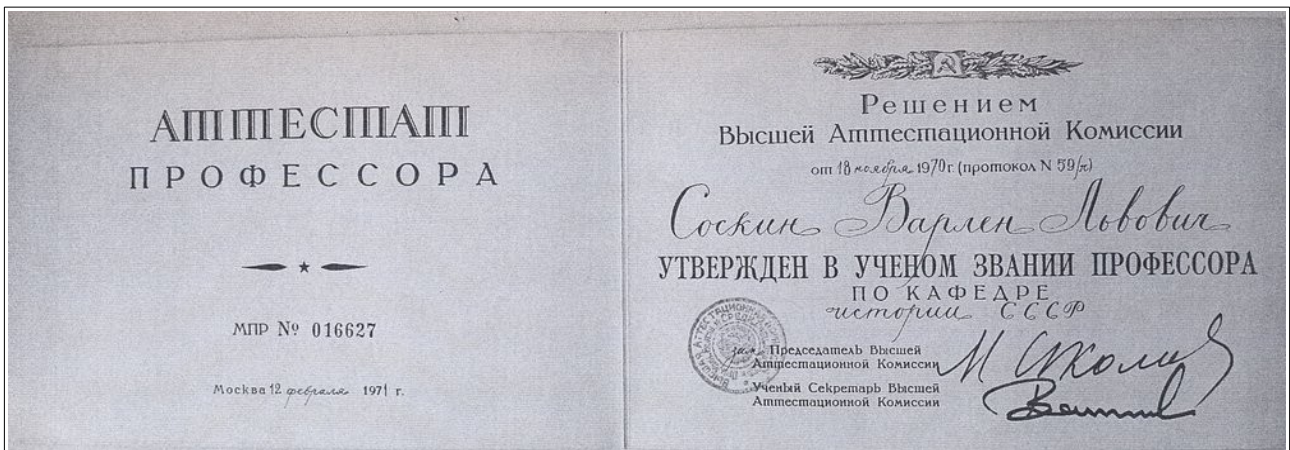
Аттестат старшего научного сотрудника от 14 июля 1962 г.

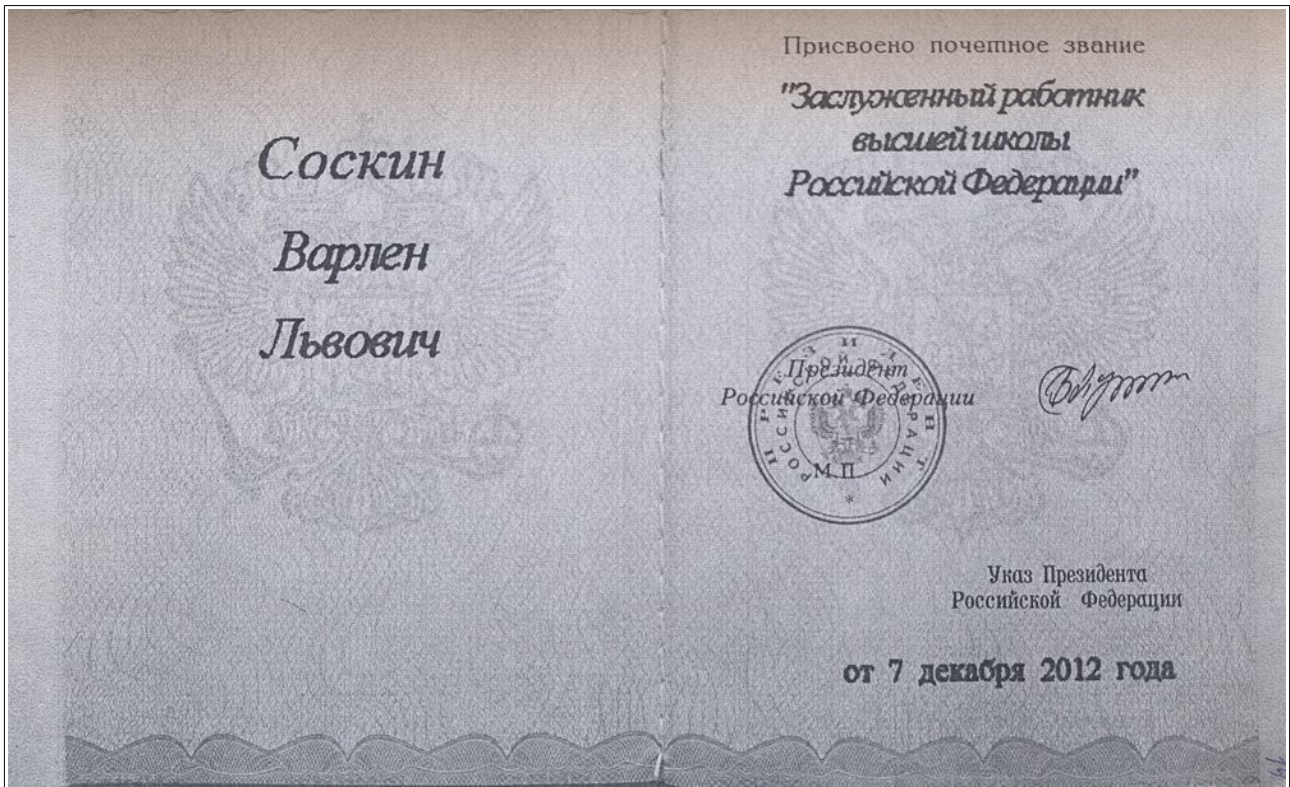
Аттестат доцента от 21 марта 1964 г.

Диплом доктора наук от 27 мая 1969 г.

Аттестат профессора от 12 февраля 1971 г.

Удостоверение Заслуженный работник высшей школы РФ от 7 декабря 2012 г.

⊕

89

ВЫПИСКА
из протокола № 46 заседания Ученого совета
гуманитарного факультета НГУ
от 2 марта 2012 г.

СЛУШАЛИ: О представлении к званию «Почетного профессора НГУ»
д.и.н., проф. **Соскина Варлена Львовича.**

Результаты голосования:

«за» - 22

«против» - нет

«недейств. бюл.» - нет

ПОСТАНОВИЛИ: По результатам голосования ходатайствуем перед
Ученым советом НГУ о представлении к званию «Почетного профессора
НГУ» д.и.н., проф. **Соскина Варлена Львовича.**

Председатель Ученого совета
гуманитарного факультета НГУ
д-р филол. наук, проф.

Л. Г. Панин

Секретарь Ученого совета
гуманитарного факультета НГУ
канд. филол. наук

Е.А. Иванова

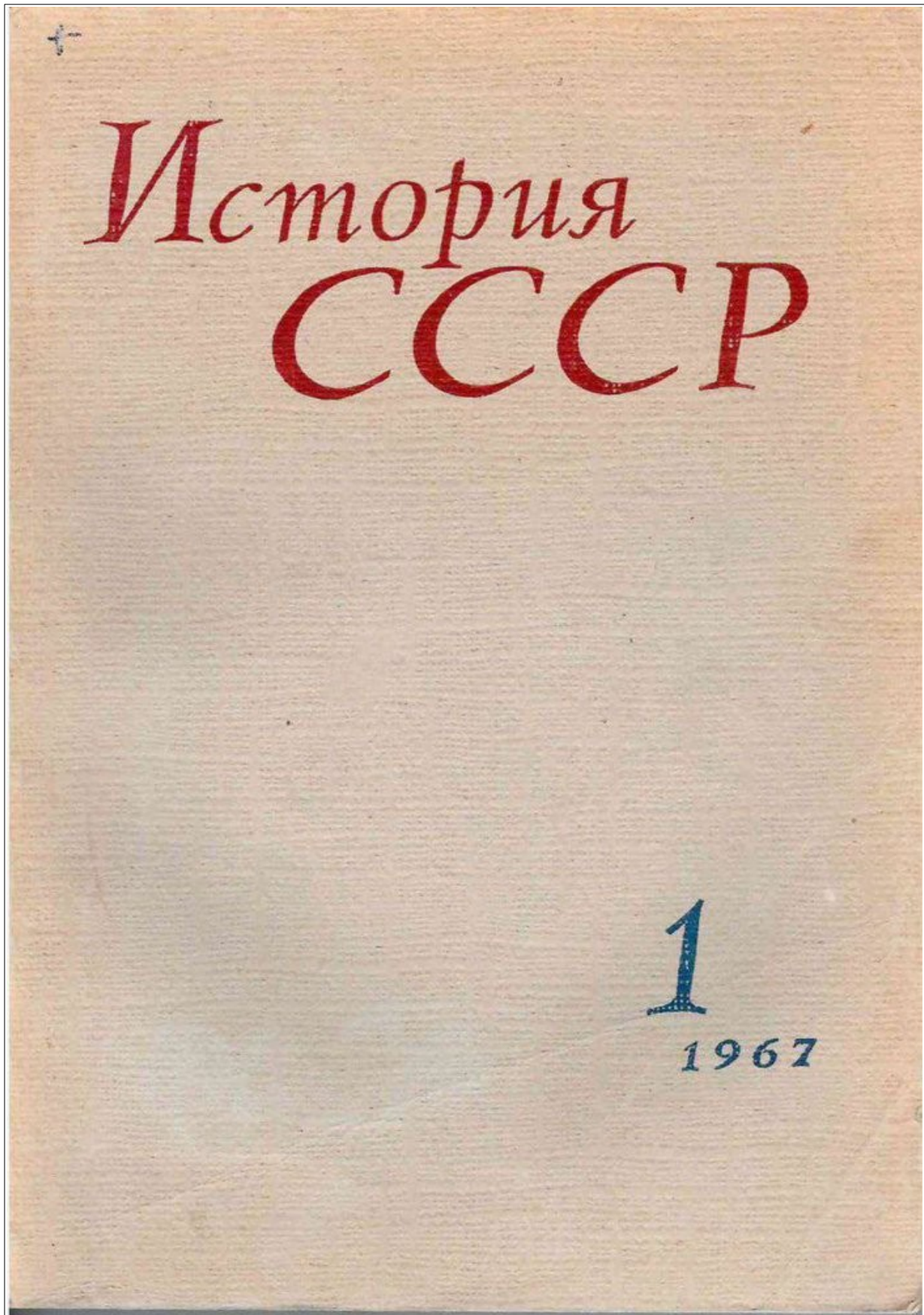
*ате & должности
профессора на 01.04.12
составлен 18 лет*

*фед. статус & уч. составляет
на 01.04.2012 42 года 9 мес
научно-тед. статус на 01.04.12
42 года 9 мес*

РЕЦЕНЗИИ НА ОСНОВНЫЕ МОНОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ В.Л. СОСКИНА

НОВАЯ МОНОГРАФИЯ ПО ИСТОРИИ КУЛЬТУРНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В СИБИРИ¹

Состояние разработки истории культурного строительства в Сибири довольно точно отражает общую картину историографии истории культурного строительства по стране. Здесь также преобладают статьи по отдельным вопросам и сборники статей. Это свидетельствует о том, что выросли новые и довольно многочисленные кадры историков культуры, успешно разрабатывающие отдельные локальные темы.

В связи с подготовкой большого коллективного труда по истории Сибири сибирские историки выпустили серию сборников, три из которых посвящены культурному строительству². В них представлены изыскания более тридцати авторов по многим вопросам культурного строительства Сибири в различных хронологических и географических рамках. Статьи построены, как правило, на неопубликованных и мало изученных источниках. Они свидетельствуют о широких возможностях научной разработки культурной истории Сибири. Однако нам представляется, что этот своеобразный «сборниковый» этап, по существу означающий заявки на определенные темы, должен уступить место глубоким монографическим исследованиям. Историческая наука нуждается в полнокровной монографии в том числе и по истории советской культуры. Хочется от души поддержать своевременную и крайне полезную статью акад. М. В. Нечкиной в журнале «Коммунист», поставившую важный вопрос о необходимости издания монографии — подлинного двигателя науки³.

Монография крайне медленно, но все же пробивает дорогу и в истории культурного строительства. Пример этому — книга В. Л. Соскина, посвященная истории культуры Сибири в 1917—1921 гг. Не совсем удачно название книги. Здесь — не отдельные очерки, а единое, хорошо сцементированное исследование определенного этапа культурного строительства в Сибири. В книге не только обобщен большой и разносто-

ронный архивный и печатный материал, но (и это особенно ценно) мы видим оригинальный подход к анализу этого материала, новую методологию изучения проблемы, свежие обобщения и выводы.

Критически анализируя историографию истории революции и гражданской войны в Сибири, В. Л. Соскин совершенно правильно замечает, что культурное строительство в Сибири в этот период, как неотъемлемая часть народной жизни, либо вовсе не исследуется, либо освещена в узких локальных рамках и самой общей форме (например, по истории партизанских соединений или по такой отрасли культуры, как печать). Автор поставил своей задачей дать полную картину культурной жизни Сибири за период революции и гражданской войны.

Работа делится на три основные части согласно периодизации истории Сибири. Первая часть охватывает начальный этап культурной революции в Сибири от установления Советской власти до апреля 1918 г. Здесь подробно исследуется многообразное творчество народных масс, разбуженных Великим Октябрем. Автор решительно отверг так называемый «декретный» метод изложения. Он показывает культурное строительство как живое революционное дело народа, не боясь освещать трудности, ошибки, поражения на этом пути.

Чрезвычайно интересны материалы крестьянских сходок, профсоюзов, письма крестьян, стремившихся к свету и знанию. Эти бесценные документы раскрывают глубинные корни культурных преобразований Советской власти. Правдиво показана автором дифференциация среди профессорско-преподавательских кадров и учащихся высшей школы и, особенно, школьное строительство, роль первых сибирских ячеек учителей-интернационалистов в борьбе против реакционных сил. Как говорил писатель-коммунист, первый руководитель губернского отдела народного образования В. М. Бахметьев, — тех немногих месяцев, которые оказались в распоряжении Советской власти, было, однако, достаточно, чтобы «провести решительную борозду по чертополоху школьной нивы» (стр. 73).

Много внимания уделяется вопросу отделения школы от церкви. Автор показывает, в какой острой борьбе претворялся в жизнь этот ленинский декрет в Сибири.

История первых шагов культурной революции в Сибири, воссозданная В. Л. Соскиным, показывает, что часть культурных преобразований в тот период была только провозглашена, часть начала осуществляться, а многие относятся к более позднему времени. В первые месяцы Советской власти проявилось активное культурное творчество широких народных масс, началась революционная дифференциация интеллигенции. Все это говорит о глубоких народных корнях культурной революции. Ни реакция, ни террор колчаковщины не смогли уничтожить этих завоеваний.

¹ В. Л. Соскин. Очерки истории культуры Сибири в годы революции и гражданской войны, Новосибирск, 1965.

² «Сибирь в период строительства социализма и перехода к коммунизму», вып. I, «Культурное строительство в Сибири в 1917—1960 гг.» Редколлегия: И. М. Разгон (отв. ред.), Е. А. Куклина, В. Л. Соскин, В. С. Флеров, Новосибирск, 1962, 238 стр.; вып. 2, «Культурное строительство в Сибири». Редколлегия: В. Л. Соскин (отв. ред.), Ф. А. Лукинский, Ю. С. Постнов, Новосибирск, 1965, 143 стр.; вып. 4. «Культура Сибири в период социализма и развернутого строительства коммунизма (1937—1963 гг.)». Редколлегия: Ф. А. Лукинский (отв. ред.), Ю. С. Постнов, Э. П. Зорина, Новосибирск, 1965, 142 стр.

³ См. Акад. М. В. Нечкина. Монография: ее место в науке и в издательских планах. «Коммунист», 1965, № 9.

Наиболее интересна вторая часть книги, где В. Л. Соскин подверг анализу контрреволюционную политику колчаковщины в области культуры, а также идеологическую экспансию иностранных держав в Сибири. До сих пор историки не брались за анализ таких сюжетов, а историки культуры ограничивались обычно общими словами об упадке, регрессе и гниении культуры под эгидой контрреволюции, не анализируя ее конкретных проявлений.

Во второй главе книги на свежем документальном материале дается анализ деятельности так называемого «Министерства народного просвещения» Колчака, как типично бюрократического учреждения, прогнившего «злостным игнорированием нужд народа в области культуры. Даже бульварная печать не могла не отметить, что «кабаки вновь нарождаются на Руси правительством Колчака, школы же отсутствуют в деревнях по-прежнему» (стр. 112). Здесь показана направленность «барабанной литературы», прославляющей Колчака, разгул низкопробного искусства и полное игнорирование нужд народа в области культуры. Даже бульварная печать не могла не отметить, что «кабаки вновь нарождаются на Руси правительством Колчака, школы же отсутствуют в деревнях по-прежнему» (стр. 117). Автор вскрывает взаимодействие интервентов и белогвардейцев в организации и распространении антисоветской пропаганды. Буржуазные кооперативы Сибири обращались за «культурной помощью» к США, а через американских и английских агентов на территории, захваченную Колчаком, активно засылалась литература контрреволюционного содержания, религиозные книги. Только Нокс выписал 100 тыс. экземпляров «Евангелия» и «Библии» на русском языке. Наиболее активно действовали христианские союзы молодых людей, применявшие в качестве средств воздействия кино, лекции, литературу, создание бойскаутских организаций молодежи, акции «благотворительности», сочетавшиеся с широким развертыванием разведывательной работы. Заметим, однако, что эта неотъемлемая часть деятельности буржуазных культуртрегеров раскрыта недостаточно: важно было бы привлечь к исследованию материалы о подготовке экономической экспансии иностранных хищников в Сибирь, о планах изучения и использования богатств ее недр и вод. Конкретно-исторический анализ этих действий был бы еще полнее, если бы автор раскрыл суть противоречий между Колчаком и его иностранными покровителями, о которых только упоминается (стр. 153).

Исследование В. Л. Соскина показывает, что враги Советской власти уделяли большое внимание идеологической «обработке» населения. Небезызвестный Н. В. Устрялов был одним из организаторов акционерного «Русского общества печатного дела», которое только за два месяца 1919 г. отпечатало и распространило 11 млн. экземпляров брошюр и листовок антисоветского содержания (стр. 131). Колчаковское правительство организовало курсы агитаторов по программе, объединившей всех противников большевиков на принципах: религия, нация, собственность, «правовое» государство и Учредительное собрание. «Таким образом, — пишет В. Л. Соскин, — шла откры-

тая схватка не только на поле боя, но и на идеологическом фронте» (стр. 134).

Автор убедительно показывает столкновение двух идеологий в этой борьбе. Весь мощный, хорошо организованный и усердно субсидируемый аппарат контрреволюционной пропаганды, обрушившись на завоевания Советской власти, не мог достичь главного — уничтожить социалистическую идеологию рабочего класса, отнять веру у трудящихся в Советскую власть. В специальном разделе автор показывает, как использовали большевики культурные средства, учреждения и организации для политического просвещения масс и их мобилизации на борьбу с колчаковщиной. Этот материал яркое и разнообразное. Мы узнаем о различных видах культурной работы в массах, которую осуществляли большевики под пятой колчаковцев, как прикрытие большевистского подполья, об использовании в этих же целях уцелевших от карателей таких очагов культуры, как местные театры, редакции газет, о «культурной» работе в тюрьмах и лагерях военнопленных и т. д. Многообразна была эта деятельность в тяжелых условиях подполья: от коробейников-книгонош, которые формировали подпольные большевистские группы, до забастовок учителей в г. Камне против колчаковского режима. Интересно, хотя и несколько пунктирно, дана автором история развития подпольной большевистской печати того времени. Однако это может явиться темой для самостоятельного исследования. Ярко противопоставляя два аппарата агитации и пропаганды, автору все же, на наш взгляд, следовало сделать более четкий вывод о том, что большевистская агитация, лишенная тех материальных и организационных возможностей, которыми располагали в то время в Сибири контрреволюционные силы, побеждала своей правдивостью, глубиной и органической связью с трудящимися, их нуждами, запросами и надеждами.

В последнем разделе второй главы показано культурное строительство в партизанских районах, а также в освобожденных от колчаковцев районах Сибири. Автор убедительно говорит о том, что советские партизаны под руководством партии были подлинными носителями коммунистической морали и культуры. Хорошо показано, что в числе первых постановлений Советской власти в освобожденных районах всегда были указания о работе школ, организации народного образования (стр. 202). Пытаясь осветить во всей сложности процесс дифференциации сибирской интеллигенции, автор стремится уловить оттенки различных настроений тех или иных групп интеллигенции и вскрыть их причины.

Непосредственно к этому разделу примыкает третья глава, освещающая культурное строительство в Сибири в период военного коммунизма (с конца 1919 г. до начала 1921 г.). Здесь автор правдиво говорит о трудностях строительства советской культуры, связанных не только с материальным ущербом, причиненным ей врагом, но и с необходимостью преодолеть духовное расстройство населения колчаковцами и интервен-

тами. Поэтому нельзя не согласиться с В. Л. Соскиным, что в это время на первом месте в культурной работе стояла устная и печатная политическая пропаганда (стр. 227).

Организатором культурного строительства в освобожденных районах зачастую выступала Красная Армия. Ярким подтверждением этому служит отзыв газеты «Красный стрелок», которая писала в день вручения почетного Красного знамени героической 5-й армии, что эта армия «не только освободила Сибирь от нагайки, дикого пьяного разгула генеральско-буржуазной своры, не только отдала земли, леса, копи рабочим и крестьянам. Она принесла с собой свет знания, начало новой, пролетарской культуры. Она принесла яркий факел коммунизма, 5-я армия — не только боец за коммунистическую революцию, но и великий учитель» (стр. 228).

В. Л. Соскин стремится показать инициативу в культурном строительстве партийных, советских организаций, самих трудящихся на местах. Ем. Ярославский в мае 1920 г. призывал не дожидаться указаний сверху, памятуя, что и в Москве первые советские декреты разрабатывают не боги, а люди (стр. 232). Поиск и творчество не всегда были плодотворны, на этом пути были и большие успехи, и ошибки, и заблуждения. Хотелось бы видеть более глубокий и всесторонний анализ деятельности пролеткультов в Сибири, более полную характеристику вопросов организации учреждений искусства и его развития. В целом же в этой главе хорошо показана перестройка культурного фронта в обстановке перехода от войны к миру и его основные задачи.

Во введении автор предупреждает читателя, что территориальные рамки его работы — это Сибирь без национальных областей. Исключение проблем национально-культурного строительства мотивировано в работе наличием в автономных республиках и областях специальных НИИ, ведущих

научные исследования по истории Бурятии, Якутии, Хакассии и др. Нет сомнения, что историки этих республик и областей плодотворно исследуют историю культуры. Достаточно назвать содержательную работу Б. Митупова и Г. Санжиева по Бурятии⁴. Однако нам представляется методологически неверным исключать по этой причине из объектов обобщенных исторических исследований те или иные народы. Ведь в живой жизни вопросы культуры этих народов решались не отъединенно, а вместе с вопросами развития культуры русского народа и требовали особой заботы и внимания партийных и советских организаций. Значит, и в исследовании эту работу следовало показать в органическом единстве.

В целом монография В. Л. Соскина — серьезный вклад в историю культуры Сибири. Написанная на местном материале, она содержит обобщения и наблюдения, важные для историка культуры любого района и всей страны. Более того, думается, что автор книги показал в определенной мере и правильный подход к исследованию истории культуры не только периода интервенции и гражданской войны, но и периода Великой Отечественной войны. Введение в научный оборот историка культуры материалов партизанского движения, исследование идеологической экспансии врага на временно оккупированной территории необходимо для будущих исследований по истории культуры в период войны.

Хочется пожелать историкам культуры Сибири от многочисленных сборников, уже сыгравших свою роль, вслед за рецензируемой монографией перейти к созданию новых крупных исторических исследований.

Л. М. Зак

⁴ Б. М. Митупов и Г. Л. Санжиев. Руководство Бурятской партийной организации культурной революции в республике, Улан-Уде, 1962.

ЦЕННОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПО ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА УКРАИНЕ

Вышедшая недавно в издательстве «Наука» книга Н. И. Супруненко посвящена героической борьбе украинского народа за свою свободу и независимость в незабываемые годы гражданской войны¹.

Автор, известный украинский историк, неоднократно выступал с работами по истории революции и гражданской войны на Украине. Ценность нового его труда заключается, прежде всего, в том, что в нем на основании глубокого и всестороннего анализа источников научно аргументировано,

исторически правдиво воссоздается картина гражданской войны и иностранной военной интервенции на Украине.

Гражданская война на Украине в основных закономерностях проходила так же, как и во всей стране, имея вместе с тем свои особенности. Н. И. Супруненко убедительно показал, что силам революции на Украине противостоял контрреволюционный блок общероссийской и украинской буржуазно-помещичьей и мелкобуржуазной контрреволюции, выступавшей единым фронтом с международным империализмом. Автор расчищает многолетние напластования субъективистского характера в освещении многих событий гражданской войны на Украине.

¹ Н. И. Супруненко. Очерки истории гражданской войны и иностранной военной интервенции на Украине (1918—1920 гг.), М., 1966, 455 стр. тир. 5 700 экз.

+

3

1973

МАЙ
ИЮНЬ

ИСТОРИЯ
СССР

В монографии рассматривается состояние совхозного животноводства, приводятся обобщенные цифровые показатели, относящиеся к исследуемому периоду. Автор прослеживает количественные сдвиги в развитии животноводства, отмечает и анализирует серьезные недочеты в росте поголовья скота и его продуктивности. В монографии отмечается, что при наличии высоких производственных показателей в животноводстве в передовых совхозах уровень его развития в целом по всем совхозам оставался весьма невысоким. Относительно низка была воспроизводительность стада; снизилась его продуктивность по сравнению с 1953 г. и т. п. (стр. 342—346). Огромные возможности совхозной системы в развитии животноводства использовались недостаточно. Была слабо развита кормовая база, особенно производство зернового фуража. И только в результате принятых мер по расширению производства кормов, развитию сети мясных совхозов и животноводческих ферм удалось добиться повышения темпов развития совхозного животноводства.

Конечно, в 50-х годах, как отмечает автор, хозяйственный расчет в совхозах был далеко недостаточным. И все же уже наметились определенные сдвиги в улучшении их финансового положения: увеличилось число прибыльных совхозов; стали рентабельными отдельные отрасли производства; значительно улучшилась хозяйственная деятельность многих совхозов. Опыт их работы показывал ведущую роль совхозного производства в подъеме сельского хозяйства, ясную перспективу его развития, социально-экономическое значение государственного сектора на селе в условиях завершающегося строительства развитого социалистического общества в нашей стране.

Подводя итоги исследования, М. Л. Богденко приходит к правильному выводу, что «50-е годы занимают в развитии сельского хозяйства особое место. Коммунистическая партия разработала развернутую программу ускоренного подъема сельского хозяйства..., мобилизовала трудящиеся массы не только деревни, но и города на осуществление новых задач в развитии социалистического сельского хозяйства. Подъем сельского хозяйства, как никогда, стал делом всего народа нашей страны» (стр. 365).

Ф. К. Михайлов

В. Л. СОСКИН. КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ СИБИРИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ (1921—1923 гг.). Изд-во «Наука», Сибирск-ское отделение, Новосибирск, 1971, 349 стр., тир. 2100 экз.

Монография В. Л. Соскина является как бы логическим продолжением его «Очерков истории культуры Сибири в годы революции и гражданской войны (конец 1917 г.— начало 1921 г.)», вышедших в 1965 г., а также других трудов. Уже сам по себе этот факт примечателен как свидетельство устойчивых научных интересов автора, его целеустремленности в исследовании важной проблемы истории советского общества.

Структура рецензируемой работы в значительной мере определяется ее содержанием. Вводная часть включает постановку проблемы, обоснование хронологических и территориальных рамок исследования. Для читателя представит интерес историографический очерк, выполненный автором с высоким профессиональным умением.

В первой главе книги анализируются вопросы, связанные с организационной перестройкой и материальным положением культурного фронта в первые годы нэпа. Они, пожалуй, впервые в нашей литературе раскрыты так содержательно. Правда, включенный в главу раздел об организации культурного шефства города над деревней по своей фактуре как-то не совсем вписывается в замысел главы.

Прежде чем коснуться краткого содержания следующей главы монографии В. Л. Соскина, сделаем одно предварительное замечание. В настоящее время многими исследователями признано, что «отраслевой» подход к изучению общей истории нашей культуры в целом себя исчерпал. Перед историками встала задача определить свое место в разработке ее проблематики, выявить в ней те вопросы, которые могут и должны стать предметом исследования именно историков. Речь идет о переходе от «отраслевого» принципа освещения истории советской культуры к проблемному. Достоинство рецензируемой работы состоит в том, что автор предпринял одну из первых попыток раскрыть тему исследования в проблемном плане. Об этом свидетельствует отчасти содержание первой главы монографии и в еще большей степени второй — «Идейно-политическое просвещение». Ее содержание определяется кругом следующих вопросов: борьба против буржуазной идеологии, развертывание агитации и пропаганды, совершенствование системы партийного просвещения, подготовка пропагандистских кадров, становление печати и книгоиздательства, развитие политико-просветительской работы.

Третья глава монографии «Народное образование и наука», хотя и подкупает своей содержательностью, но написана в традиционной «отраслевой» форме. В ней автор показывает развитие общеобразовательной школы и высшего образования, первые шаги научно-исследовательской работы.

Заключение книги интересно постановкой ряда общих проблем истории советской культуры, о чем речь пойдет ниже.

Рамки рецензии не позволяют сколько-нибудь подробно остановиться на освещении В. Л. Соскиным конкретных вопросов истории культурного строительства в Сибири начала 20-х годов. По некоторым из них могут возникнуть отдельные возражения. Так, например, стоит ли оправдывать закрытие ФОНа при Томском университете в 1922 г. лишь слабостью партийных органов Сибири (стр. 307)? Далее, вряд ли причина устойчивого в прошлом распространения абстрактно-социологического схематизма в преподавании обществоведения в советской школе вытекала только из несовершенства школьных программ (стр. 269). Вызывает сожаление отсутствие в монографии материалов по истории культурного строительства у малых народов Сибири.

В целом же рецензируемый труд представляет серьезное исследование. Для раскрытия темы автор привлекает богатый фактический материал, в значительной мере ранее не известный, систематизирует и обобщает его. Важно подчеркнуть и то, что В. Л. Соскин стремится прежде всего осмыслить выявленный материал, дать правильное объяснение подчас сложным явлениям и фактам культурной жизни Сибири первых лет нэпа. При освещении всех узловых вопросов темы автор последовательно проводит принцип историзма. Монография плотно «заселена» людьми — активными участниками культурного строительства того времени. Одним словом, у нас создалось твердое убеждение, что с выходом книги «Культурная жизнь Сибири в первые годы нэпа» эта тема, в определенных территориальных и хронологических рамках, в основном исчерпана.

Но по своему содержанию монография В. Л. Соскина выходит за пределы «местной» тематики. Автор высказывает свое мнение о содержании и хронологических рамках культурной революции в СССР, о периодизации истории советской культуры (см. стр. 5—10), т. е. по таким общим вопросам, которые до сих пор в нашей литературе являются спорными. Здесь нет возможности вторгаться в существо ведущихся споров. Отметим лишь, что точка зрения В. Л. Соскина по этим вопросам заслуживает внимания. Если в чем-то и не хочется соглашаться с автором, то все равно его постановка тех или иных вопросов заставляет читателя размышлять. А это важно.

В. Л. Соскин неоднократно касается проблематики, суть которой можно сформулировать так: «военный коммунизм» — нэп — культура» (см. стр. 9, 49, 51, 73, 330—332 и др.). Много в ее освещении отмечено серьезностью авторской мысли, однако в постановке отдельных вопросов и в их аргументации имеется и такое, что является, на наш взгляд, спорным и даже может вызвать возражение.

В. Л. Соскин считает, что культурное строительство периода гражданской войны и иностранной интервенции всецело проходило в рамках политики «военного коммунизма», «военно-коммунистической идеологии» и «военно-коммунистических методов» и что переход к нэпу сопровождался коренным изменением положения в сфере культурной жизни страны (см. стр. 9, 49, 51 и др.). Мы же полагаем, что культурное строительство 1918—1920 гг. не подвергалось значительному воздействию «военно-коммунистической идеологии» и практики и что переход к нэпу не сопровождался коренной перестройкой всей области культурного строительства, как это, скажем, имело место в экономике и политике¹. Аргументация В. Л. Соскина в пользу своей точки зрения пока представляется не вполне убедительной. Вопрос остается открытым.

Многое в постановке и раскрытии вопроса о роли нэпа для культурного строительства начала 20-х годов подкупает авторской убежденностью. Но вместе с тем высказанные В. Л. Соскиным отдельные характеристики процесса развития советской культуры предшествующего периода мы не можем назвать точными. Споры нет, в первые после-революционные годы и для культурного строительства были характерны «энергичный революционный романтизм», грандиозность замыслов при ограниченности средств их осуществления и т. д. Однако все это не дает оснований считать, что в 1918—1920 гг. созданию материальной базы культуры, структурному соотношению ее различных отраслей, обеспечению культурного фронта кадрами как бы не было придано здоровое направление, что в культурном строительстве того времени доминировали гигантомания и прожектерство, а то, что «было нужно массам, доступно им или реально выполнимо», не стояло на первом месте (см. стр. 330—331). Заметим, что такие утверждения противоречат содержанию ранее вышедшей книги автора «Очерки истории культуры Сибири в годы революции и гражданской войны (конец 1917 г.— начало 1921 г.)», основные положения и выводы которой, он, кстати, не пересматривает.

¹ См. об этом подробнее: В. Т. Ермаков. Культурное строительство и политика «военного коммунизма». В кн. «50 лет разгрома интервентов и окончания гражданской войны в СССР». (Научная сессия, июнь 1972 г.). Секция «Советский тыл». М., 1972, стр. 131—137.

По мысли В. Л. Соскина, только нэп с его реалистическими началами придал развитию культуры здоровое направление (стр. 330). В поразившем в начале нэпа культурный фронт жестоком материально-финансовом кризисе автор склонен усматривать очистительную роль и большое благо, способствовавшее якобы излечению культурного фронта от недугов прошлого, улучшению его качественного состояния (стр. 331—332). Подход к объяснению сложных явлений культурного строительства по принципу «нет худа без добра» вряд ли можно назвать строго научным, тем более в строго научной работе, каковой, бесспорно, является монография В. Л. Соскина. Видимо, автор, сильно увлекшись утверждением своей точки зрения, несколько преувеличил роль материального фактора в общем процессе строительства советской культуры на ее начальном этапе.

Как уже отмечалось выше, в самой структуре рецензируемой книги выявился проблемный подход автора к изучению истории советской культуры. С позиций именно такого подхода В. Л. Соскин сформулировал ряд общих положений.

Исследовательскую задачу историка советской культуры он видит «не в выяснении внутренних закономерностей и особенностей развития той или иной отрасли духовной культуры, а в определении политической направленности, организационной структуры, основных количественных и качественных характеристик, места каждой отрасли в общем процессе культурной революции» (стр. 16). И далее: «Чтобы развитие культуры предстало в виде единого процесса, нужно найти те исторические факты, которые цементируют все составные элементы культуры, связывая их в единую цепь, определяя ее общее состояние и этапы развития. Такие факторы мы видим в материальных и идеологических условиях и общественной жизни в целом» (стр. 17). Не будем высказывать в этих формулах погрешности. Тем более, что сам автор рассматривает их как пробные поиски. Коснемся в связи с ними лишь двух вопросов.

Задача историка советской культуры, по мнению автора, состоит в том, «чтобы установить роль писателей, художников и других деятелей искусства в превращении высоких культурных ценностей в доступное для народа благо» (стр. 16). Но только ли это? А разве процесс идейно-политического становления и развития советской литературы и искусства не должен быть предметом исследования историка? Заметим, что утвердительный ответ на вопрос дает сам автор при освещении отдельных аспектов литературной и художественной жизни Сибири начала 20-х годов.

В тесной связи с проблемой «советская культура как предмет исторического исследования» находится постановка В. Л. Соскиным вопроса об освещении агитационно-пропагандистской деятельности партийных и государственных органов в работах по истории советской культуры. Автор стоит на точке зрения необходимости раскрытия в полном объеме указанных участков общественно-политической жизни в исследованиях по истории культурного строительства (см. стр. 13, 29, 124—128, 140).

Если можно говорить о политической культуре народа, то она, бесспорно, есть часть общей культуры. Очевидно и то, что в содержание агитации, пропаганды, партийного просвещения входит немало «чисто» культурных элементов. Но уже в 30-х годах агитация, пропаганда, вся система политического просвещения конституировались в самостоятельный участок партийно-политической работы. Это нашло свое отражение в партийных и государственных документах, в системе и структуре партийных и государственных органов, в повседневной практике. Естественно возникает вопрос: насколько правомерна в научном плане указанная выше точка зрения В. Л. Соскина, памятуя, что предметом исследования историков культуры является все-таки сфера духовной культуры и что круг вопросов, составляющих содержание агитации и пропаганды, нередко выходит за рамки этой сферы. У нас нет четкого ответа на поставленный вопрос. Мы лишь склонны предположить, что объектом исследовательской работы историков советской культуры может являться лишь тот круг вопросов агитации, пропаганды, политического просвещения, который относится к сфере духовной культуры.

В. Л. Соскин убедительно обосновал хронологические рамки своего исследования. Их известная «узость» позволила автору глубоко раскрыть избранную тему. Но для формулировки обобщающих выводов эта «узость» создает некоторые трудности, потому что главные процессы и тенденции культурного строительства тогда только намечались. Тем не менее В. Л. Соскин с этими трудностями, как правило, успешно справился. Сделанные им выводы и обобщения в подавляющем большинстве случаев не вступают в противоречие с историческими фактами. Лишь иногда в своих оценках автор, по нашему мнению, несколько забегает вперед. Наиболее заметно это, пожалуй, сказалось на характеристике сдвигов, происшедших в высшей школе Сибири в 1921—1923 гг. (стр. 307). Вряд ли имеются веские основания безоговорочно утверждать, что уже в эти годы «произошло становление сибирских вузов и твердо определилась их сеть на весь период восстановления и начала реконструкции народного хозяйства», «был осуществлен перевод старой буржуазной высшей школы на новые социалистические рельсы». Если с этим согласиться, то тогда станет не все понятным в последующей истории советской высшей школы, в том числе и сибирской.

Итак, монография В. Л. Соскина вносит весомый вклад в историографию советской культуры, она отвечает высоким научным и методологическим требованиям. Ее достоинство состоит и в том, что автор ставит новые вопросы, пусть иногда и спорные. Без этого нет движения науки.

В. Т. Ермаков

ISSN 0869-8651

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ

3
2006

Царь Ивана Казла. Приѣхша наѣ соборѣ к папѣ римскѣ
 соединившаго. вскоре умерша, приде земли изверж.
 и папѣ Юсѣ умере. Папа присла Грека папѣ архіеріа
 постриженъ владѣ іузеѣ и мѣра. Грецы его протѣша

Рис. 3.

ля» и др.), так что несмотря на определенную близость общего характера этих почерков, для окончательного вывода материала недостаточно. Необходимо сплошное сопоставление всех форзацных записей библиотеки книг Нифантовых с таковыми же Т.

Судя по каталогу, книги библиотеки Нифантовых изобилуют форзацными записями читателей, как это часто бывает у старообрядческих, да и не только у старообрядческих, книголюбов. Изображения этих записей приводятся лишь для «Добротолубия», между тем тема заслуживает гораздо более исчерпывающего, свободного от грубых палеографических ошибок изучения источников, чем это сделано тремя томскими авторами. Конечно, даже обнаружение близости почерков на книгах, точно принадлежавших Нифантовым, с записями Т, отнюдь не равнозначно сделанному в каталоге утверждению о совпадении записи в Т с автографом А.Н. Нифантова. Но оно хотя бы свидетельствовало о том, что Степенная книга царского родословия (причем именно Томский манускрипт – в Сибири были и другие древние рукописи этого сочинения), и какая-то из книг Нифантовых когда-то находились в руках одного и того же читателя.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Тобольский архиерейский дом в XVII веке / Изд. подгот. Н. Н. Покровский, Е. К. Ромодановская. – Новосибирск, 1994. – С. 245–246.

² Ромодановская Е.К. Славяно-русские рукописи научной библиотеки Томского университета // ТОДРЛ. – Л., 1967. – Т. 26. – С. 345.

³ Богоявленский С. К. Приказные суды XVII века. – М.; Л., 1946. – С. 289; Crummeу R. O. Aristocrats and Servitors. The boyar elite in Russia, 1613–1689. – Princeton, 1983. – P. 211; ПСРЛ. – Т. 36. – С. 176, 222, 280, 336. Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество. – Новосибирск, 1991. – С. 135.

⁴ Богословский М.М. Петр Великий: Материалы для биографии. – М., 2005. – Т. I. – С. 362.

⁵ Старообрядческая «библиотека Нифантовых» (Из фондов Томского областного краеведческого музея): Каталог / Сост. О.Н. Бахтина, Е.Е. Дутчак и Е.Г. Захарова. – Томск, 2005.

⁶ Покровский Н.Н. Томский список Степенной книги царского родословия и некоторые проблемы ранней истории памятника // Общественное сознание и литература XVI – XX вв. – Новосибирск, 2001. – С. 19.

⁷ Старообрядческая «библиотека Нифантовых»... – С. 25; в воспроизведении этой записи в каталоге допущена ошибка: напечатано «Нифантов», см. также с. 14.

⁸ Старообрядческая «библиотека Нифантовых»... – С. 10.

Институт истории СО РАН,
Новосибирск

СОСКИН В.Л.

РОССИЙСКАЯ СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА (1917–1927 гг.). ОЧЕРКИ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ.

Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2004. 455 с. (рецензия на книгу)

Современное интеллектуальное пространство и ситуация в отечественной исторической науке можно представить, используя два показательных признака. Первый можно обозначить как «историк в состоянии свободного поиска». Причем «всер возможностей» для поиска определяет сам исследователь. Это может быть выбор метода, конструирование экспериментальной модели и исследовательских методик, определение границ и структуры проблемного поля. В то же

время саморефлексия исследователя как форма получения профессионального знания становится ключевой для научной культуры информационного открытого общества XXI в.

Второй признак назовем «коммуникативной реакцией историка». Его содержание включает варианты отклика ученого на «чужой выбор». Отсюда главным становится участие историков в профессиональных «сетях общения». Мы учитываем, что в последние десятилетия утвердились ос-

новы культуры с принципом диалога культур, в том числе понимание культур прошлого как диалога по-разному актуализированных в современности их смыслов¹, изменился социокультурный контекст.

Рассмотрим выделенные признаки применительно к современной историографии культуры, сосредоточив внимание на действиях авторитетного историка культуры, главы новосибирской школы социальных культурологов Варлена Львовича Соскина, вновь, как и в трудах 1990-х гг., обращающегося к объекту с недавних пор мало популярному – к советской культуре.

В.Л. Соскин убежден, что и в настоящее время «социальная история советской культуры находится в забвении»². Он предлагает в условиях расширившейся познавательной сферы занять позицию «уравновешенного академического анализа советского прошлого» и рассмотреть профессиональную, институционализированную культуру, обобщенно называемую советской. Результатами своих поисков «убеждающих доказательств для оценки формирования советской культуры как целостного социального феномена» ученый спешит поделиться в своей новой книге. По мнению автора, задача социальных историков – «не познание механизма, устройства, форм и специфики выражения той или иной отрасли духовной культуры, а изучение способа их социального существования, места и роли в общественной жизни»³.

Появление новой книги В.Л. Соскина можно расценить как знаковое событие для исследователей, занимающихся историей культуры России в советский период и культуры XX в. в целом. Ученый предлагает обсудить возможные варианты перехода на новый теоретико-методологический уровень и углубления социальной модели изучения культуры. Примечательно, что текст книги эмоционально окрашен и воспринимается как живая беседа. Неслучайно автор в предисловии формулирует желание «объясниться с читателем».

Для В.Л. Соскина конец 1980-х гг. и 1990-е гг. стали полосой раздумий и переосмысления подходов к истории советской культуры. В 1994 г. появляется его первая книга из нового цикла, замысел которого вызревал в обстановке общего кризиса советской историографии и методологической растерянности⁴. Автор указал на общественную потребность в концептуальном пересмотре истории советской культуры. Он дал жесткую оценку прежней научной парадигме как следовавшей идеологическим установкам власти, а к числу историков, испытавших в полной мере воздействие унификационной научной политики тоталитарного государства, отнес и себя. В этом проявилась его принципиальная позиция как ученого и как гражданина. Относительную легкость сделанного тогда научного выбора В.Л. Соскин спустя десять лет объясняет методологической ясностью для него сути социального подхода: «Развитие духовной культуры социальный историк всегда рассматривает во взаимосвязи с политикой, экономикой, общественной жизнью. Специфика советского строя сделала эту связь особенно жесткой»⁵.

Вторая половина 1990-х гг. для В.Л. Соскина – не только время критического анализа собственной деятельности (как элемента прежней историографии советской культуры), но и написания трудов, подтверждающих право ученого на новый поворот в творчестве. Его работы «цикла 90-х» содержат историографические и методологические фрагменты, в которых он вновь, как бы полемизируя и с самим собой, обращается к «болевым точкам» современной историографии

советской культуры и культуры советского общества. На наш взгляд, это похоже на «диалога», о котором пишет В.С. Библер в своем труде «От наукоучения – к логике культуры. Два философских введения в XXI век» (М., 1991).

В рецензируемой книге ученый представляет скорректированную исследовательскую модель социальной истории советской культуры как «метод анализа в виде учета двух тенденций» (демократической и антидемократической) или в кратком варианте – модель «двух тенденций»⁶. Структура книги внешне довольно проста. В первой части под названием «Культурная политика» выделены три главы, во второй («Культурная жизнь») их четыре. Все это подчинено сущности и логике социального подхода, основанного на тесной увязке анализа политических условий с развитием культурных форм. Причем В.Л. Соскин указывает на условность такого структурирования, подчеркивая, что речь будет идти о двух сторонах единого целого. Социальный историк культуры, по убеждению В.Л. Соскина, исходит из того, что «политика определяла во многом и главное характер и развитие видов и отраслей культуры»⁷. Прием повтора «объяснения» воплощает принцип диалога.

Содержание книги проникнуто размышлениями автора. В этом состоит главное «убеждающее доказательство» сохраняющейся необходимости использования социального подхода к изучению истории культуры и в условиях возникшего многообразия исследовательских моделей. Историк четко обозначает отстаиваемую им специфику социального подхода: «...основное внимание в исследованиях социальных историков должно направляться на изучение государственной культурной политики, организации культурной жизни, деятельности общественных организаций культуры, положения и политических позиций интеллигенции. Духовная культура как общественный феномен – так в самой краткой форме можно охарактеризовать предмет исследования социального историка культуры»⁸.

Первая глава первой части содержит принципиальную для ученого мысль о тесной взаимосвязи двух, ранее противопоставлявшихся друг другу периодов в истории культуры России (дореволюционный и послереволюционный). Здесь же историк напоминает, что уже Февраль 1917 г. утвердил приоритет демократической тенденции. Однако она расходилась с представлениями большевистских революционеров о сочетании старого и нового в ленинском учении о социалистической революции, в котором культура рассматривалась как «средство». Эту часть книги завершает фрагмент «Культура в тисках идеологии», который начинается непривычной фразой: «Российской культуре, включая ее советскую ипостась, присуща поразительная живучесть»⁹. Ее смысл можно истолковать, как нам кажется, по меньшей мере, двояко. Во-первых, социальный историк учитывает, что имеются скрытые внутренние пружины саморазвития культуры. Во-вторых, это замечание воспринимается как предупреждение авторам, склонным к одномерным или «мятниковым» оценкам.

В преамбуле ко второй части В.Л. Соскин еще раз разъясняет цель своей книги – «раскрыть природу советской культуры, как она сформировалась в процессе своего первого десятилетия». Он выделяет для этого четыре ведущих направления так называемой институционализированной культуры: общее образование, внешкольное просвещение, высшее образование и наука, художественная культура. Причем ученый предлагает сосредоточиться на «глав-

ных концептуальных составляющих» культурного развития, не теряя при этом разнообразия реального духовного контекста. В центр исследования он помещает идеологию в соответствии с историческими реалиями и с пониманием ее в качестве мировоззренческого среза общественного сознания (включая и его иллюзорные формы), охватывающего наряду с общественной психологией основные формы духовной жизни общества. Новизна связана «с переносом центра тяжести с индивидуального культурного творчества на массовое бытие культуры»¹⁰. При этом В.Л. Соскин допускает наличие методического приема, который он именует культурной «мозаикой». Такой прием позволяет сделать выводы относительно общего культурного состояния России накануне революции 1917 г. «в плоскости социального выражения культуры», учитывая многослойную структуру культуры и социальное отражение культурных различий¹¹.

Среди понятий, к которым ученый возвращается вновь и вновь, выделим «тип культуры» и критерии определения его содержания. Главным для В.Л. Соскина является «тип личности», причем эту мысль он углубляет, трактуя тип культуры как «специфическое состояние культурной жизни, определяемое его социальным обликом. Верхушкой понятийной пирамиды, своего рода венцом культуры является личность, типичный представитель той или иной культуры»¹². Слово «венец» употребляется в смысле итога деятельности. Ученый предлагает воспринимать советскую культуру, сложившуюся, по его мнению, в своих основах к 1927 г., через «социальную личность». Речь идет не о «социализированной», а именно «социальной» (типичной для данной эпохи) личности.

За последние годы в изучении феномена советской культуры укрепилась тенденция рассматривать советскую культуру внутри общих историко-культурных процессов начиная от XIX–XX вв. Это характерно, например, для совместных проектов 1990-х гг. зарубежных (немецких) и российских исследователей. Полученные результаты отражены, например в сборниках «Соцреалистический канон»¹³, «Советское богатство: Статьи о культуре, литературе, кино»¹⁴, в материалах Форума немецких и российских исследователей¹⁵. Авторы легитимизируют советскую культуру, предлагая видеть в ней и в социалистическом реализме уникальный историко-культурный феномен. Однако оформление советской культуры они увязывают с 1930-ми гг. В книге В.Л. Соскина обоснован иной взгляд на истоки и создание «несущих опор» советской культуры, сдвигающий сам процесс оформления данного типа культуры на предшествующее десятилетие. В то же время ученый обозначает этот первый период как переходный, а 1930-е гг. называет решающими. Возникает потребность в дискуссии об этапах становления и трансформаций советской культуры.

Книга В.Л. Соскина доказывает особую значимость для современного научного сообщества глубоко личностной авторской позиции. Так определяет известный историк главный мотив своих действий на выбранной им новой «старой» территории «социальной истории советской культуры». Намечено и продолжение «беседы с читателем». Мы готовы разделить убеждение автора в том, что «попытка в одной книге охватить культурную жизнь во всем ее разнообразии была бы иллюзорной»¹⁶. Столь же справедливо его мнение относительно оставшегося «за кадром» целого пласта (традиционной) культуры, оказывавшей большое влия-

ние на повседневный быт населения. Заметим, что изучение изменений этого пласта внутри советской культуры уже началось в контексте культуры повседневности¹⁷.

Содержание новой книги В.Л. Соскина отражает высокий творческий настрой ученого, его готовность усовершенствовать исследовательскую лабораторию и инструментарий историка культуры советской эпохи, открывает широкие возможности для обмена мнениями. Предметом обсуждения может стать и периодизация социальной истории культуры России XX в. Пока ученый остается в рамках первого послереволюционного десятилетия, достаточно жестко завершая начальный этап социальной истории отечественной культуры 1927 г. Это не означает, что реальная ситуация не могла иметь несколько переломных вех, которые в совокупности обеспечили постепенный переход от «горячей» (бурлящей) культуры советской России «20-х гг.», к «застывающей» соцреалистической культуре сталинской эпохи (1930-е – 1950-е гг.). (Чередование «горячих» и «холодных» полос в истории отечественной культуры считает методологически принципиальным культуролог Владимир Паперный¹⁸).

Рецензируемый труд В.Л. Соскина показывает реальное движение по пути диалога социальных историков культуры с представителями других гуманитарных сегментов современного интеллектуального пространства. Процесс познания сложных объектов немалым без общения и консолидации сил. Новая книга В.Л. Соскина станет хорошим стимулом для других исследователей, желающих найти свою «территорию» в проблемном поле историографии российской советской культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Библер В.С. Культура XX века и диалог культур // Библер В.С. На гранях логики культуры: Книга избранных очерков. – М., 1997. – С. 233–243.

² Соскин В.Л. Российская советская культура (1917–1927 гг.): Очерки социальной истории. – Новосибирск, 2004. – С. 6.

³ Там же. – С. 9–10.

⁴ Соскин В.Л. Революция и культура: 1917–1920 гг. – Новосибирск, 1994.

⁵ Соскин В.Л. Российская советская культура... – С. 15.

⁶ Там же. – С. 19–20.

⁷ Там же. – С. 155.

⁸ Там же. – С. 12.

⁹ Там же. – С. 109.

¹⁰ Там же. – С. 22.

¹¹ Там же. – С. 32–34.

¹² Там же. – С. 100.

¹³ Соцреалистический канон: Сб. статей / Под ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. – СПб., 2000. – 1040 с.

¹⁴ Советское богатство: Статьи о культуре, литературе, кино. К 60-летию Ханса Гюнтера. – СПб., 2002. – 448 с.

¹⁵ Культура и власть в условиях коммуникационной революции XX века. – М., 2002. – 480 с.

¹⁶ Соскин В.Л. Российская советская культура... – С. 8.

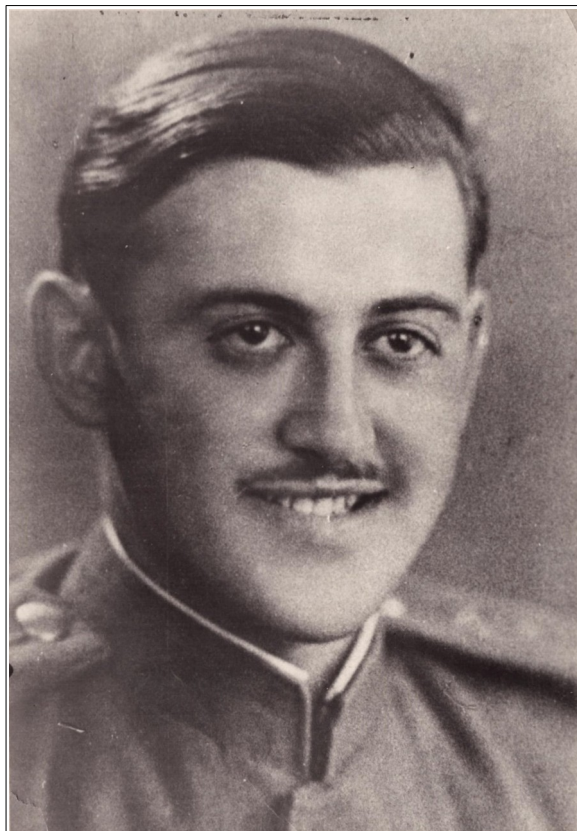
¹⁷ См., например: Малышева С.Ю. Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917–1927). – Казань: Рутен, 2005. – 400 с.

¹⁸ Паперный В. Культура «Два». – М.: Новое литературное обозрение, 1996. – 384 с.

ФОТОГРАФИИ

В.Л. Соскин – курсант Ростовского артиллерийского училища, 1944 г.

Лейтенант В.Л. Соскин.
Послевоенная Германия, май-июнь 1945 г.

Лейтенант В.Л. Соскин.
Послевоенная Германия, 1946 г.

Лейтенант В.Л. Соскин перед демобилизацией. Германия, 1947 г.

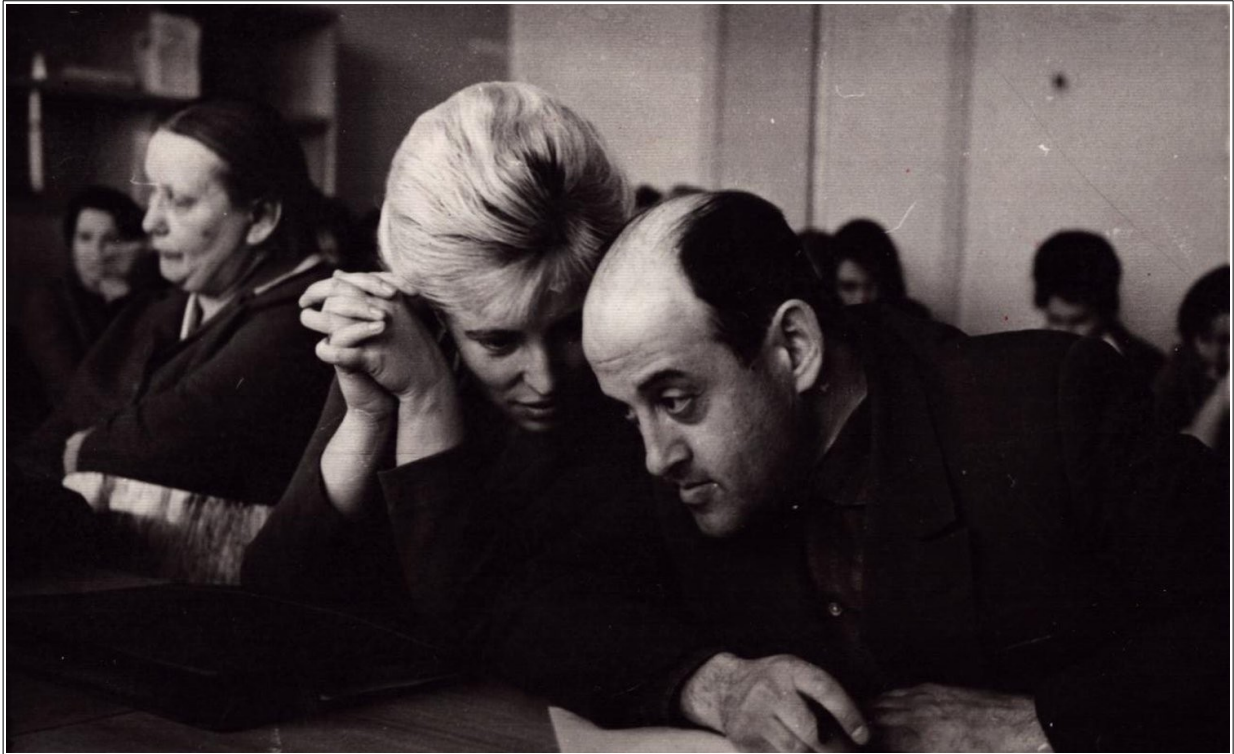
Лейтенант В.Л. Соскин перед демобилизацией.
Германия, 1947 г.

В.Л. Соскин – студент Ленинградского
университета, конец 1940-х гг.

Студенты Ленинградского государственного университета. В.Л. Соскин в центре

Заседание Отдела гуманитарных исследований Института экономики и организации промышленного производства СО АН СССР.
Слева направо: Е.И. Убрятова, М.М. Громько, В.Л. Соскин, 1965 г.

Встреча историков в Академгородке.
Слева направо: Н.Я. Эйдельман с супругой, В.Л. Соскин

Встреча с томскими историками.
Слева направо сидят: Н.Я. Гуцин, М.Е. Плотникова, Е.И. Соловьева;
стоят: В.Л. Соскин, Г.А. Бочанова, Н.Н. Покровский, 1978 г.

В.Л. Соскин, конец 1960-х гг.

Сектор истории культуры Института истории, филологии и философии СО АН СССР.
Слева направо: Т.Н. Осташко, С.А. Красильников, Е.Г. Водичев, О.И. Зубарева,
В.Л. Соскин, Е.Т. Артемов, середина 1980-х гг.

Сектор истории культуры.
Слева направо: Т.Н. Осташко, С.А. Красильников, Н.А. Куперштох,
Е.Г. Водичев, В.Л. Соскин, Л.И. Пыстина, середина 1990-х гг.

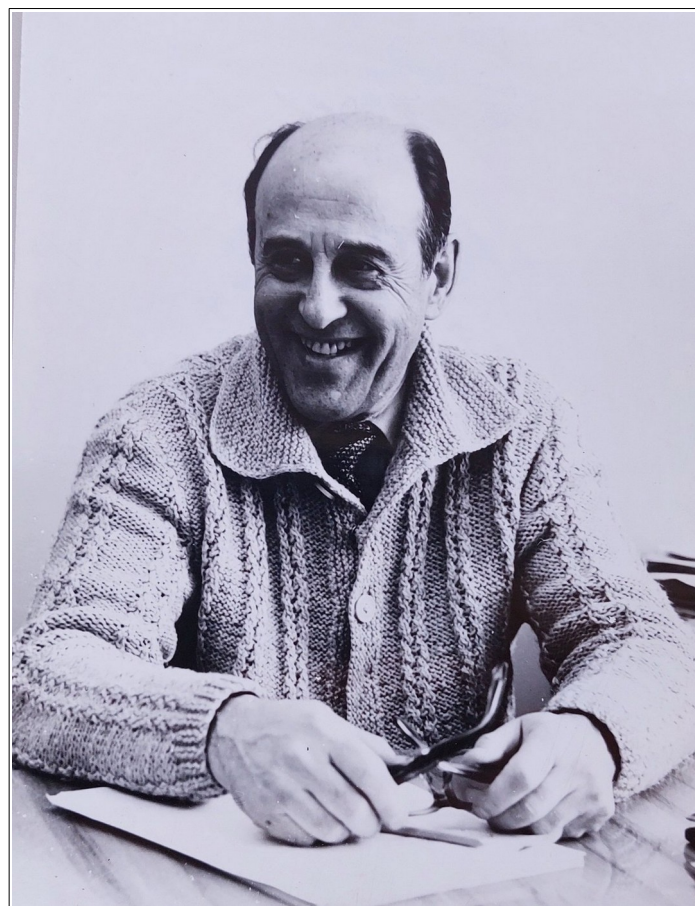
На заседании секции истории Международной научной студенческой конференции Новосибирского государственного университета (МНСК НГУ). Слева направо: В.Л. Соскин, Л.М. Горюшкин, Н.В. Куксанова, И.С. Кузнецов, С.А. Красильников, конец 1980-х гг.

На заседании кафедры в Новосибирском государственном университете. В.Л. Соскин, в глубине С.С. Букин, начало 1990-х гг.

Встреча сотрудников кафедры отечественной истории
Новосибирского государственного университета с выпускниками прошлых лет.
Стоят слева направо: В.Л. Соскин, И.С. Кузнецов, Ю.Л. Троицкий, В.И. Шишкин, Н.В. Куксанова,
С.С. Букин, Л.М. Горюшкин, С.А. Красильников, А.С. Зув, середина 1990-х гг.

В.Л. Соскин, середина 1990-х гг.

Встреча с омскими культурологами.
Слева направо: Л.И. Пыстина, В.Г. Рыженко, Н.А. Куперштох, В.А. Назимова,
В.П. Корзун, В.Л. Соскин, конец 1990-х гг.

В.Л. Соскин. Выступление на конференции,
начало 2000-х гг.

На конференции с учениками.
Слева направо: А.Л. Посадсков, В.Л. Соскин, С.А. Красильников, начало 2000-х гг.

В.Л. Соскин при посещении
бывшего лагеря Пермь-36, 2002 г.

Встреча преподавателей с историками-выпускниками 1971 года, 1996 г.

Встреча с аспирантами сектора истории культуры Института истории СО РАН.
Слева направо: Н.Д. Троценко, Л.И. Пыстниа, Н.Б. Арнаутов,
В.Л. Соскин, С.А. Красильников, О.А. Орлова, 2009 г.

Встреча с ректором Новосибирского государственного университета М.П. Федоруком, 2015 г.

В.Л. Соскин, 2010 г.

В.Л. Соскин и А.Н. Соскина, 2005 г.

Соскины на даче, 2000-е гг.

В.Л. Соскин на дачном участке.
Нижняя Ельцовка, 2000-е гг.

В.Л. Соскин на даче, 2000-е гг.

ВОСПОМИНАНИЯ О В.Л. СОСКИНЕ

Людмила Игоревна Пыстина

После окончания Гуманитарного факультета НГУ (1970) поступила на работу в Институт истории филологии и философии СО АН СССР (с 1991 г. – Институт истории СО РАН). В университете занималась в спецсеминаре д-ра ист. наук, профессора В.Л. Соскина, затем под его руководством многие годы работала в секторе истории культурного строительства (истории советской культуры, истории социально-культурного развития) – сначала в должности старшего лаборанта, затем младшего научного сотрудника (1974), научного сотрудника (1986), старшего научного сотрудника (1991). Кандидат исторических наук (1983). В январе 2013 г. вышла на пенсию.

* * *

Сбор воспоминаний по истории интеллигенции Сибири периода 1920–1930-х гг. начался по инициативе Варлена Львовича Соскина в 1969 г., когда была создана тематическая группа (позже сектор) по истории культурного строительства. Ставилась задача сформировать фонд воспоминаний первых советских учителей, врачей, инженеров, партийных и советских работников, чтобы использовать полученные материалы как исторический источник при создании научных трудов по истории советской интеллигенции региона. При помощи профессионального социолога Владимира Зиновьевича Когана (в то время сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО АН СССР, позже д-р филос. наук, профессор) была разработана анкета-вопросник, дабы помочь потенциальным авторам сориентироваться и выделить основные вопросы при написании воспоминаний.

Эта работа продолжалась в течение десяти лет начиная с осени 1969 г. Особенно активно – в первой половине 1970-х гг. В это же время получено наибольшее число рукописей. В 1977–1978 гг. поступили практически последние тексты, хотя вплоть до начала 1980-х гг. некоторые авторы присылали дополнения к ранее написанным воспоминаниям. Вначале выявлением круга потенциальных авторов и установлением связи с ними занималась Татьяна Николаевна Осташко (выпускница гумфака НГУ 1967 г., тогда младший научный сотрудник, позже канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института истории СО РАН). Я подключилась к этой работе в сентябре 1970 г. В середине 1970-х гг. в сборе воспоминаний представителей художественной интеллигенции также участвовали младшие научные сотрудники Ирина Александровна Горюшкина и канд. ист. наук Юрий Григорьевич Марченко.

Выявление круга авторов происходило по разным каналам. Обращение в официальные структуры (облоно, облздравы) не дало желаемых результатов. Там почти не оказалось данных о старейших учителях и врачах. Но такими сведениями, как правило, располагали отдельные работники, руководители советов ветеранов при Домах учителя, институтах усовершенствования врачей и т.п. Некоторую информацию удалось получить в краеведческих музеях (картотеки старейших партработников, учителей, медиков, инженеров), музеях промышленных предприятий (КМК в Новокузнецке, завод им. Чкалова в Новосибирске), местных организациях творческих союзов и художественных музеях. Также просмотрены материалы личных фондов госархивов в областных центрах. На кафедрах сибирских вузов, возникших в 1920–1930-е гг., еще работали преподаватели, которые могли рассказать о становлении высшего образования в Сибири.

В областных газетах Омской, Томской, Иркутской, Кемеровской областей, Алтайского и Красноярского краев было опубликовано обращение к представителям старшего поколения сибирской интеллигенции с просьбой написать воспоминания. Откликнулось свыше 100 человек. Многие имена узнавались из бесед и переписки с конкретными людьми. О своих учителях и коллегах говорили и писали, как правило, охотнее и подробнее, чем о себе.

Анкеты распространялись разными способами: по почте (при наличии конкретных фамилий и адресов), через аспирантов и коллег из других городов (Омск, Томск, Тобольск, Барнаул, Красноярск, Иркутск, Кемерово), а также в ходе командировок (в основном для работы в архивах) сотрудников сектора. В нескольких городах появились «активисты», помогавшие распространять анкеты. Так, председатель совета ветеранов при Доме учителя в Тобольске Екатерина Степановна Ключкова помогла распространить 50 анкет (сама воспоминаний не написала). В Кемерово в 1970 г. по инициативе Германа Григорьевича Халиулина (тогда канд. ист. наук, позже д-р ист. наук, профессор Кемеровского госуниверситета) была организована группа из сотрудников и аспирантов кафедры научного коммунизма Кемеровского пединститута (получено семь текстов). В Новокузнецке большую работу провела редактор многотиражки Сибирского металлургического института Людмила Федоровна Ментова (позже канд. ист. наук, доцент Владимирского университета).

В основном мы общались с нашими авторами по переписке. Но были и личные встречи, главным образом с людьми, проживавшими в Новосибирске. Как правило, это было интересное общение. Мне запомнились встречи с врачами Самуилом Израилевичем Шапкайцем и Петром Трофимовичем Приходько, учителями Федором Дмитриевичем Останиным, Никитой Степановичем Хильченко, Николаем Никифоровичем Лазаревым, инженером и ученым Петром Модестовичем Масловским (была в командировке в Новокузнецке), бывшей балериной Клавдией Тимофеевной Соколовской (воспоминания ее мужа – певца, солиста Сибгосоперы – опубликованы в сборнике «Художественная культура...»).

К январю 1973 г. было распространено более 1 000 анкет. В картотеке сектора имелось 800 карточек с именами и адресами людей, которым вручены анкеты. К началу 1975 г. было получено около 170 разных текстов. В круг лиц, привлеченных к работе над воспоминаниями, вошли те, кто учился в эти годы либо вел трудовую деятельность. В начале 1970-х гг. это были люди в основном преклонного возраста, в большинстве пенсионеры. Для многих предложение поделиться воспоминаниями сыграло роль своеобразного жизненного стимула. Оказавшись «не у дел», они ощутили потребность в общественном труде, почувствовали, что могут принести пользу, выступая в необычной для себя роли.

Наибольшее число текстов, написанных по нашей просьбе, принадлежит бывшим учителям. Среди них выделяются воспоминания Ф.Д. Останина, В.Д. Чистозвоновой, З.В. Калиш, Н.З. Васильевой, А.Е. Рожкова и др. Есть полноценные тексты воспоминаний, написанные преподавателями вузов, учеными (профессор Омского сельскохозяйственного института почвовед К.П. Горшенин, профессор Иркутского педагогического института филолог В.Д. Кудрявцев), инженерами, чья трудовая деятельность была связана с Кузнецким металлургическим комбинатом – П.М. Масловским и В.Н. Широковым (профессора Сибирского металлургического института в Новокузнецке), Н.М. Куницыным, А.Н. Маньковым.

Часть авторов присылала давно написанные или начатые ранее (до нашего обращения) по собственной инициативе рукописи, порой очень солидные по объему (иногда второй-третий экземпляр машинописной закладки). В качестве примеров можно назвать рукопись Э.Е. Итыгина «Жизнь Егора Итыгина. Достоверный роман» (о жизни отца, учителя и общественного деятеля); воспоминания известного педагога, просветителя, публициста А.М. Топорова «Я из Стойла» (два солидных тома); воспоминания врачей С.И. Шапкайца «Жизнь мечты и труд», П.Т. Приходько «Сибирские тетради» (два тома); д-ров сель.-хоз. наук, профессоров Н.В. Орловского и В.Д. Черноголовина (автобиографическая повесть «Рожденный у Иртыша»); материалы, присланные одним из организаторов народного образования в Сибири в 1920-е гг. (позже преподавателя новосибирских вузов) М.Е. Золотаревым и др.

Воспоминания, составившие нашу коллекцию, написаны людьми разных профессий, уровней образования, разнообразны по форме и содержанию, по объему и глубине характеристики событий. Они неизбежно субъективны, обусловлены особенностями памяти, возможны ошибки в датах, местах событий, но в то же время по-своему уникальны, ибо нередко содержат тот конкретный материал о фактах и событиях, который не встретишь в других источниках. Некоторые воспоминания частично опубликованы в трех тематических

сборниках, вышедших в 1978–1984 гг.¹ Коллекция (около 200 текстов и фотографии) хранится в Государственном архиве Новосибирской области.

В конце 1970-х гг. существенно изменилась (расширилась) тематика НИР сектора, в частности, значительное место стали занимать **исследования по истории организации науки** в Сибири. После успешного опыта работы над книгой «Академия наук и Сибирь» (1977 г.) было решено подготовить юбилейное издание к 25-летию Сибирского отделения АН СССР. Думаю, это была совместная идея Варлена Львовича Соскина и Нинель Антоновны Дедюшиной (канд. ист. наук, пришла в сектор на должность младшего научного сотрудника в 1974 г. из Научного архива СО АН, в 1969 г. защитила кандидатскую диссертацию по теме «Организация и деятельность учреждений Академии наук СССР на востоке страны (1932–1967 гг.)»). Фактически осенью 1978 г. мы определились с этой новой темой.

Как водится, с инициативой обратились в Президиум СО АН. Президиум «одобрил» и поручил ИИФиФ реализацию идеи. С 1979 г. в наши планы НИР официально была включена работа по теме «Летопись Сибирского отделения АН СССР». Вплоть до весны 1982 г. она стала для нас главной. По решению директора института акад. А.П. Окладникова, кроме нашего сектора, к работе над «Летописью» был подключен сектор истории рабочего класса периода развитого социализма (заведующий д-р ист. наук И.И. Комогорцев). Формально «разделились» хронологически (1957–1970 гг. – мы, с 1971 г. – они) и тематически. Сотрудники нашего сектора работали с институтами Новосибирского научного центра (ННЦ), сотрудники сектора И.И. Комогорцева – с филиалами (Восточно-Сибирский, Бурятский, Якутский).

Концепция издания, схема и структура, принципы и методика отбора материалов разрабатывались в нашем секторе (В.Л. Соскин, Н.А. Дедюшина). Естественно, эти вопросы неоднократно обсуждались, уточнялись на заседаниях сектора и в процессе конкретной работы. Большую помощь в отработке методики оказала ученый секретарь Президиума СО АН по редакционно-издательской работе Наталья Алексеевна Притвиц. С ней мы плотно работали и над текстом «Хроники» на заключительном этапе подготовки ее к изданию.

Первоначально замыслился большой объем «Летописи» (40 листов) с подробным описанием событий по годам и краткой хроникой, отражавшей разные стороны социальной и культурной жизни. Предполагались также обзорно-аналитические статьи, характеризующие отдельные этапы 25-летней истории СО АН. В апреле 1981 г. такой «расширенный» вариант «Летописи» по периоду 1957–1970 гг. был подготовлен. Однако он не устроил ни заказчика (Президиум), ни составителей. Было принято решение готовить «Хронику СО АН» в сокращенном виде как научно-справочное издание.

Касательно собственно организации работы над «Хроникой» в нашем секторе. За каждым сотрудником закреплялось определенное направление (институты ННЦ): Н.А. Дедюшина – физико-математические, Т.Н. Осташко – науки о земле, Л.И. Пыстина – химические. Выявление материалов по «теме» (работа в Научном архиве СО АН и с материалами, представленными институтами) велась по всему периоду (25 лет). Плюс каждый из нас готовил тексты по конкретному хронологическому отрезку (у меня период с 1964 по 1967 г.).

Мы работали с текстами («событиями»), которые подготовили институты, а также с отчетами институтов, уже сданными в НАСО, с общей документацией Президиума (также в архиве – постановления, решения и т.п.). Лично я, кроме НАСО, летом 1979 г. работала в Архиве АН СССР вместе с Н.А. Дедюшиной. Мы смотрели также научные журналы («Вестник АН СССР», «Известия СО АН») и периодику (газета «За науку в Сибири»). Кроме того, в НАСО было собрано большое количество «вырезок» из различных газет (публикации о СО АН и его ученых, о конференциях и других событиях научной и культурной жизни

¹ Школа и учительство Сибири. [19]20-е – начало [19]30-х годов (Материалы по истории культуры и интеллигенции советской Сибири). Новосибирск: Наука, 1978. 189 с.; Высшая школа и научно-педагогические кадры Сибири (1917–1941 гг.). Новосибирск: Наука, 1980. 368 с.; Художественная культура и интеллигенция Сибири. 1917–1945 гг. Новосибирск: Наука, 1984. 208 с.

Академгородка) – были в 1960–1980-е гг. такие тематические рассылки по специальным заявкам различных организаций.

Работа велась в непосредственном контакте с институтами (у меня – пять химических) – с учеными секретарями или специально назначенными сотрудниками, которым было поручено готовить материалы к «Хронике». С ними мы консультировались по поводу уже отработанных нами текстов, дабы не было каких-то неточностей и «ляпов». Конечно, было непросто осваивать совершенно незнакомый материал. Работа весьма напряженная, сроки жестко очерчены. Но в целом это очень полезный и значимый опыт, в том числе общения с новыми интересными людьми. В первом квартале 1982 г. мы вышли на финишную прямую (работа с редактором издательства, верстка и пр.). В мае «Хронику СО АН» опубликовали. Помимо основной части, в нее вошли 19 приложений (члены и члены-корреспонденты АН СССР, руководящие органы и научные советы СО АН, филиалы СО АН, объединенные ученые советы, основные научные учреждения и организации, динамика кадрового состава и т.д.)².

Владимир Александрович Миндолин

Выпускник исторического отделения гуманитарного факультета НГУ 1969 г., аспирант с защитой под научным руководством В.Л. Соскина кандидатской диссертации (1972), историк, публицист, общественный деятель, преподаватель СУНЦ НГУ (ФМШ).

* * *

Либерал

Он сам себя так идентифицировал. Он сам выбрал меня и долгое время считал своим учеником. Я же по жизни был больше учеником Анны Наумовны, которая с 16 мальчишеских лет опекала меня в деканате и до последних своих дней относилась ко мне с поразительным пониманием и сочувствием. В исследовательской школе я благодарен ему за скрупулезность и толерантность – качества, которых мне недоставало (сказывалась богемная среда, непохожая на среду научную – я поступил в НГУ «театральным мальчиком»). На первых курсах сильное впечатление произвели на меня двое наших преподавателей: Марина Михайловна Громько – изысканный ее профессионализм, и Лев Фадеевич Лисс – он замечательно точно показывал в своем курсе захватывающую логику Английской и Французской революций, в общении меня привлекала его саркастичность. Громько, для меня тогда (впрочем, и сейчас) огромный авторитет в науке, относилась к Варлену Львовичу с подчеркнутым уважением, и это было не «по умолчанию», а по убеждению (далеко не ко всем она так относилась), и на меня это производило впечатление.

Спецсеминар по лучшим обычаям Академгородка тех времен проходил у Соскиных на дому, атмосфера в их семье была теплой, дружной, откровенной, доверительной, в чем-то «клубной», с ними было легко. «Шефа» я в полной мере оценил довольно поздно, уже в конце аспирантуры, работая над его репликами на полях моей 500-страничной (первоначально многословной) кандидатской диссертации. Замечания и рассуждения были уместными, подробными, въедливыми, исключительно толковыми и приводили в восторг знанием деталей. Он был снайперски точен в этих своих репликах, и это побудило меня удвоить усилия, чтобы работа вышла приличной. К этому времени я уже научился понимать его натуру и его мировоззрение. По натуре он виделся мне человеком бесхитростным и непрактичным. Иногда он, очевидно переоценивая мое знание жизни, обращался ко мне за советами, и, стыдно сказать, я давал их с определенной безапелляционностью, как бы желая опекать его. Мировоззрение его было либеральным – в классическом, т.е. в лучшем карлейлевском смысле слова. Однажды, поднимаясь на его этаж, я столкнулся в подъезде

² Академия наук СССР. Сибирское отделение. Хроника. 1957–1982 гг. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1982. 336 с.

с Алексеем Павловичем Окладниковым, выходящим из знакомых дверей. Хозяин дома был возбужден, взволнован, немного растерян – директор-визитер предложил ему серьезный пост в институте. Административный опыт Соскина был большим, проще сказать, он был превосходным организатором. Но времена уже стояли печальные, тень «дела 46-ти» становилась все гуще, и я сказал: «Либерал во власти – да это же самая грустная сказка на свете». Сказал молодецки, еще не подозревая, что проблема в последующие годы обнаружит себя довольно жестко. Соскин ситуацию – и в стране, и в институте – понимал, конечно, лучше меня: он отказался от предложения, и, по-моему, об этом потом не жалел.

Второе в подобной связи воспоминание связано с компанией, в которую я попал случайно и пребывание в которой оказалось для меня поучительным. В гостях у него был Сергей Павлович Залыгин, «новомировец» и тогда новоявленный москвич, повесть которого «На Иртыше» и роман «Соленая падь» Соскин оценивал высоко. Залыгин рассказывал о том, что новые вещи московские авторы пишут теперь в стол, «для вечности», не рассчитывая на скорую публикацию. Я реагировал азартно: «Но ведь до прорыва плотины осталось недолго. А когда плотину прорвет, вся эта неудовлетворенность, все накопленное годами и десятилетиями хлынет наружу и наступит такое половодье!». Варлену Львовичу моя реплика не понравилась, он сказал: «Недолго – это сколько? Вполне возможно, что безвременье съест целое поколение». Скептически реагировал и Залыгин: «Мне кажется, было бы лучше, чтобы общественное сознание развивалось эволюционно». В перестройку, став редактором «Нового мира», именно он открыл плотину. Я потом не раз вспоминал об этой беседе.

В постперестройку довелось мне «оттянуться» – пополнить свое образование, беспрепятственно читая и перечитывая русскую и зарубежную классику. Именно тогда с опозданием пришел к Достоевскому. «Бесы» натолкнули меня на мысль написать статью под названием «Последнее странствование русского либерализма» – о драме Степана Трофимовича Верховенского. Великий автор Степану Трофимовичу симпатизирует, и персонаж, вероятно, заслуживает симпатии. А из сынка вышел бес. Я написал черновик статьи и положил его в стол – не до «лучших времен»: что-то не сходилось в понимании.

Наталья Петровна Коробкова

Студентка гумфака (исторического отделения) Новосибирского государственного университета в 1972–1977 гг., аспирантка Института истории, филологии и философии СО АН (научный руководитель В.Л. Соскин) в 1981–1983 гг., защитила кандидатскую диссертацию в 1984 г., преподаватель Алтайского государственного университета в 1977–1980 гг., 1984–2017 гг.

* * *

Мой дорогой Учитель

Одной из главных жизненных удач в моей судьбе была встреча с таким человеком, как Варлен Львович Соскин, возможность обучения под его руководством в университете и в аспирантуре. Его лекции, форма подача исторического материала, глубокий анализ пробуждали неизменный интерес в студенческой аудитории. Но в полной мере я смогла оценить Варлена Львовича как блестящего лектора только когда сама стала преподавать.

Прослушав спецкурс по культурному строительству в Советской России в годы революции и гражданской войны и в послевоенный период, я без колебаний записалась на его спецсеминар по культурной проблематике. Эти семинары оставили самые теплые воспоминания. Они проходили по обыкновению в домашней обстановке. Мы сидели в кабинете профессора, сплошь заставленного стеллажами с книгами, а замечательная спутница Варлена Львовича – Анна Наумовна неизменно угощала нас своими вкусными пирожками и чаем. Наверное, у нас был вид голодающих студентов. За кафедрой во время лекций Варлен Львович был всегда по-академически строг, сдержан, но на нашем «домашнем» семинаре

мы видели уже не строгого преподавателя, которого немного побаивались, а наставника, по-отечески внимательно относившегося к нам и к нашим проблемам.

После окончания университета я получила добрые пожелания Варлена Львовича не теряться из виду и, если возникнет желание, попробовать поступить к нему в аспирантуру. Для меня было большой честью продолжить наше сотрудничество и дальше, и, конечно, подогревала мечту возможность вернуться в любимый Академгородок.

Спустя три года мечта осуществилась – я поступила в аспирантуру в Институт истории, филологии и философии СО АН СССР. Так начался новый этап в моей жизни. Я вошла в новый коллектив – Сектор культурного строительства, которым руководил В.А. Соскин. С этим сектором мы немного были знакомы еще в студенческие годы, поскольку его сотрудники являлись оппонентами наших дипломных работ. Это был замечательный коллектив единомышленников, спаянный общими интересами, целями и ценностями, который жил как единая дружная семья. Главная заслуга в этом была самого Варлена Львовича.

Аспирантура фактически стала для меня еще одним университетом. Общаясь со своими университетскими друзьями, я поняла, как по-настоящему повезло мне с научным руководителем. Он не набирал много аспирантов, как другие руководители, которые подчас формально относились к своим обязанностям, а их бедные аспиранты, как слепые щенки, тыкались в разные стороны и не знали, как продуктивно выстроить свою исследовательскую работу. Варлен Львович с самого начала задал программный подход, он требовал, чтобы его аспиранты выстраивали стратегию исследования. Поэтому я уже знала, какие задачи в какой последовательности и в каком объеме должна решить к концу каждого года аспирантуры. Этот план строго выдерживался. Еще одно неуклонное требование научного руководителя – непременно выступления аспирантов на различных конференциях с последующей публикацией. Таким образом, проходила апробация собранного и проанализированного материала, а главное, приобретался опыт выступления перед профессиональной аудиторией, участия в научных диспутах.

Необычайный интерес представляли импровизированные семинары в секторе по присутственным дням в институте. Как правило, поводом для них оказывался проезд крупного ученого в институт, который заглядывал на «огонек» в наш сектор, где его принимали как дорогого гостя. Благодаря Варлену Львовичу мы получили возможность услышать и пообщаться со многими известными учеными-культурологами того времени. Не менее интересными и полезными были обсуждения докладов сотрудников сектора.

В этом секторе всегда царила творческая и доброжелательная атмосфера. Я не припомню, чтобы здесь занимались «обмыванием косточек» коллег из других секторов. А вот шутили часто.

Никогда не забуду ту помощь, которую оказывали мне, помимо самого научного руководителя, другие сотрудники. А обсуждение моей диссертации на заседании сектора проходило в такой доброжелательной обстановке, что страх быстро рассеялся. Я ощущала искреннее желание своих новых товарищей помочь сделать мою работу лучше. Под влиянием этого важного опыта я сама в дальнейшем старалась поддерживать аспирантов на кафедре. Еще большую поддержку всего сектора и Варлена Львовича с Анной Наумовой я ощутила перед подготовкой к защите и в день защиты диссертации. Это был незабываемый день в моей жизни. В последующие годы я старалась по возможности поддерживать отношения с Варленом Львовичем и его сотрудниками.

Что еще поражало меня в моем Учителе, так это его гордость за успехи своих любимых учеников. Мне казалось, что эти достижения для него значили больше, чем его собственные успехи. Со временем для меня главными чертами его личности становились не только его образованность, пылкий ум, высокий профессионализм, но честность, порядочность и та отвага, с которой он защищал своих учеников. Сожалею о том, что не успела ему сказать слова глубокой признательности еще при его жизни за ту школу науки и жизни, которую под его руководством прошла.